

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

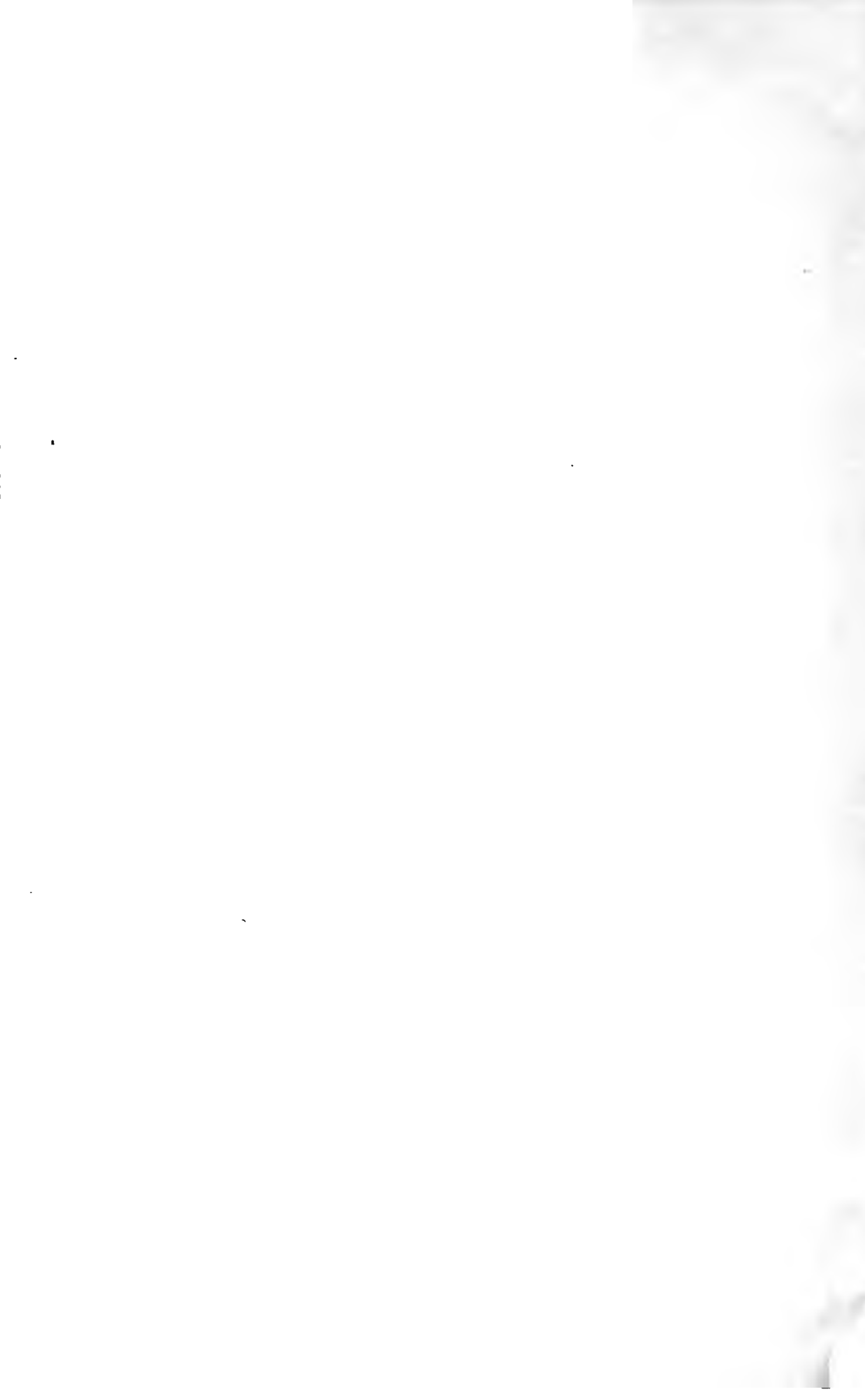
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlaw 620.5 ($\frac{1896}{6}$)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

І Ю Н Ъ.

1896.

РУССКОЕ ПОГЯТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

О.Р.Б.

1896. VI.

6

БИБЛИОТЕКА
№ 6.

изв. 1899

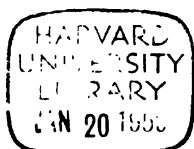
БИБЛИОТЕКА
СН. ГОРОДСК. БОЛ. ИНЫ
СВ. ПАВ. ЧЕЛ. ИМОНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1896.

¹
PSC. 5 C2C. 5 ($\frac{1896}{6}$)
✓

Мода 4

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Юня 1896 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
1. Бразиліане. Очеркъ изъ жизни Привислянскаго края. <i>Д. Марковича</i>	5— 29
2. Нѣтъ движенія въ горахъ. Стихотвореніе. <i>Allegro</i>	30
3. Конецъ старины. Романъ <i>Поля Бурда</i> . Переводъ съ французскаго. VII—XI.	31— 65
4. Профессоръ 40-хъ годовъ. (Т. Н. Грановскій). <i>В. Мякотина</i>	66— 94
5. На стоянкѣ. Очеркъ. Евг. Чирикова.	95—115
6. За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ. I. Отъ Якутска до Колымска. <i>А. Геденова</i>	116—152
7. Маленькіе разсказы про шаленныхъ людей. II. Удача. <i>II. Хотымская</i>	153—168
8. О, скажи мнѣ, мой милый, мой любящій другъ... Стихотвореніе <i>Ф.</i>	169
9. Когда шутительно и больно. Стихотвореніе <i>М.</i>	170
10. На зарѣ русской поэзіи. <i>М. А. Протопопова</i>	1— 19
11. Дневникъ журналиста. <i>С. Н. Южакова</i>	19— 42
12. Литература и жизнь. <i>Н. К. Михайловскаго</i>	42— 61
13. Обезземеленіе хизановъ. <i>Ивановича</i>	61—, 84
14. Новыя книги: Н. М. Минскій. Стихотворенія. — Млада Гомера. Переводъ Н. М. Минскаго. — Разсказы Е. В. Львовой. — Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность — Адольфъ Гельдъ. Фабрика и ремесло. — А. Ф. Кистяковский. Исследование о смертной казни. — К. А. Винаверъ. Къ вопросу объ источникахъ X тома свода законовъ. — С. Шумановъ. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. — Психологія характера. Фр. Полана. — Внушеніе и воспитаніе. Ф. Тома. — Г. Компэре. Умственное и нравственное развитіе ребенка. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	85—120

	СТРАН.
15. Изъ Франціи. <i>Н. К.</i>	121—142
16. Изъ Германіи. <i>А. Косрова.</i>	142—158
17. Съ береговъ Лемана. (Швейцарская національная выставка). <i>Н. Сперова.</i>	158—165
18. Хроника внутренней жизни.	
I. Судебная реформа въ Сибирѣ. — Пересрочка выкупныхъ платежей. <i>Н. О. Амурская</i>	165—191
II. Толки печати о мултановомъ дѣлѣ и о приговорѣ по дѣлу г. Жеденова. <i>О. Б. А.</i>	191—199
19. Семейные раздѣлы у престыжнъ Воронежской губерніи. <i>Ф. А. Щербина</i>	199—210

ОПЕЧАТКА

въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства»:

Напечатано:

Надо:

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНИЕ. (По поводу проекта Редакціонной Коммисіи). *Н. А. Соколовскаго.*

Н. М. Соколовскаго.

„БРАЗИЛЯНЕ“ *).

(Очеркъ изъ жизни Привислинскаго края въ 1890—1891 гг.).

На высокомъ крыльцѣ богатаго, разукрашеннаго гербами и портиками дома, хозяинъ, низко кланяясь, улыбаясь, пожималъ руки гостю въ шапкѣ съ кокардой. Это былъ панъ «Коморникъ» **) Гофманъ. Онъ довольно ловко сѣлъ въ бричку, стоявшую у подъѣзда. Войти гмины съ писаремъ тоже въ послѣдній разъ раскланялись съ хозяиномъ паномъ Выржиковскимъ, вскарабкались въ свою фурманку, и всѣ, еще разъ раскланявшись, поѣхали со двора. На крыльцѣ стоялъ, какъ статуя, панъ Выржиковскій, безъ шапки и блѣдный. Когда бричка и фурманка выѣхали за ворота, улыбка съ его лица исчезла, брови сдвинулись, онъ порывисто поднять вверхъ руки и, какъ бы грозя кому то сжатыми кулаками, закричалъ:

— Пся-кровь! Все пропало!

Судебный приставъ съ войтомъ описали все имущество Выржиковскаго за давній долгъ Юджъ Казискому, описали и рожь, и пшеницу, и хлѣбъ въ стодолахъ, и хлѣбъ посѣянный, картофель выкопанный и невыкопанный изъ земли, описали и «повузь» (экипажъ) и четверку коней,—все описалъ коморникъ и назначилъ день продажи. Панъ Выржиковскій ушелъ съ крыльца убитый...

А жизнь деревенская шла своимъ чередомъ; зазвонилъ колоколь и съ поля пришли работники, пріѣхали «фурналы» ***) , четверками съ бича (въ простяхъ), пришли «влударжи» ****) и «ржонца» *****) пріѣхалъ верхомъ. Женатые разошлись по своимъ квартирамъ въ длинныхъ кирпичныхъ домахъ, а холостые, задавъ конямъ и скоту корму изъ моркови и соломенной сѣчки, вошли въ общую столовую.

*) Такъ народъ называлъ эмигрантовъ въ Бразилію.

**) «Коморникъ» —судебный приставъ.

***) Кучеръ рабочихъ повозокъ.

****) Приказчикъ,

*****) Управляющій.

Здѣсь кухарка Маріанна Козабура уже сварила картофель и кислую капусту и въ громадныхъ чашкахъ поставила на маленькіе столы.

— Ышьте, паны, на здорově, ѣшьте картофель, это уже въ послѣдній разъ,—загадочно сказала она.

— Какъ въ послѣдній разъ? съ испугомъ спрашивали ее.

— А такъ... развѣ не видали, что прїѣзжалъ панъ «Коморникъ» съ паномъ вуйтомъ?

— Такъ что же что прїѣзжалъ?—говорилъ фурналь Янекъ, быстро набирая ложкою капусту, а затѣмъ вмѣсто хлѣба картофель.

— А то... описали пана, все описали, и картофель описали, теперь и ординарію не будутъ давать... и можетъ морковь давать вмѣсто картофеля...

— Морковь?!—переспросили люди съ испугомъ...

— А развѣ я знаю? (аль-бо я вѣмъ?!) — отвѣтила уклончиво Маріанна.

Всѣ смолкли: привыкли молчать и скрывать свои чувства.

Черезъ часъ колоколъ вновь заболтался въ воздухѣ однообразно и ровно, разнося по домамъ призывъ къ новой работѣ.

Всѣ встали молча и пошли.

— Пся-кревь! въ Бразеліи найдемъ картофель,—сорвалось у одного фурналя Янека; другіе посмотрѣли на него испуганно, а одинъ, старѣйшій, руками зажалъ уши.

Больше разговоровъ не было, но, по замѣчанію мѣстнаго ржонцы, «хлопы» были все время пасмурны и лѣнны,—такъ что онъ вернулся вечеромъ совершенно охрипшимъ; а двое, болѣе лѣнныхъ чувствовали сильную боль въ спинахъ отъ его плети. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ не было ничего необычайнаго.

Поздно ночью въ имѣніи все смолкло; огни вездѣ потушены, собаки выпущены изъ будокъ. Стояла мертвая тишина, только въ скотномъ сараѣ позвякивали цѣпи, которыми были привязаны въ стойлахъ волю, слышно было жеванье скота, да изрѣдка тишину нарушало фырканье лошади или мѣрные шаги ночного сторожа.

Но тишина бываетъ часто обманчива...

Въ домѣ, накрытая периной, пани Выржиковская горько плакала. Всѣ надежды ея погибли: и поѣздка въ Варшаву, и новая шляпка, и предполагаемая посылка подарковъ Стасику, и новое платье Аделькѣ—любимицѣ дочуркѣ—все это разлетѣлось, какъ дымъ. И надежды на лучшее нѣтъ...

Не спитъ и панъ Выржиковскій. Стиснувъ зубы, озлобленный, онъ всматривается въ темноту и не видитъ въ ней просвѣта. Все плохо! Границу закрыли нѣмцы, скотъ ничего

не стоить, вывоза нѣтъ, хлѣбъ въ Пруссіи не покупають— всего 20 верстъ отъ границы и никакой пользы; «хлопы» лѣнятся, а тутъ еще Юдка все описалъ; картофель въ землѣ сгнилъ, людямъ платить не чѣмъ, все продадутъ съ молотка, ложись и умирай!.. Одно только спасеніе въ крайности: быстро выкопать свекловицу, на своихъ и на нанятыхъ фурманкахъ свезти на сахарный заводъ нѣмца Менхѣна, уплатить проценты Юдкѣ и... отсрочить только на полъ-года окончательную погибель. Да, не спится пану Выржиковскому!..

Въ скотномъ сараѣ въ углу на соломѣ, замѣняющей постель круглый годъ, лежать двое рабочихъ. Имъ тоже не спится—морковь вмѣсто картофеля, морковь, которой кормятъ только коровъ и лошадей, имъ не даетъ покоя.

— Войцѣхъ!—тихо шепчетъ одинъ,—ты спишь?

— Нѣтъ не сплю...

— Какъ же будетъ безъ картофеля?

— Альбо я вѣмъ!.. Здохнемъ... всѣ здохнемъ...

— Въ другихъ странахъ всегда хлѣбъ ѣдятъ...

— Слушай людскихъ вракъ! паны ѣдятъ, да и то не всѣ,—глубокомысленно закончилъ Войцѣхъ.

— Я слышалъ, что Москали ѣдятъ... Видѣлъ, какъ жолнежи (солдаты) ѣли и хлѣбъ, и мясо...

— Глупецъ! на то они и солдаты, а не рабочіе... Ужасный ты дуракъ, какъ я вижу. Сравнилъ! то люди царскіе, а мы «хлопы»,—намъ далъ бы Богъ картофелю, а не будетъ картофелю—подохнемъ... мрачно прорипцалъ Войцѣхъ.

— А какъ онъ меня хватилъ «батоми» (плетью), пся-кревъ, и до сихъ поръ спина болить... Ну, попомнишь онъ меня когда нибудь...

— Это глупости! А вотъ отъ моркови подохнемъ, какъ псы...

— А слыхалъ ты?.. изъ Лодзи и Здунской-Воли тысячи людей ушли въ «Бразелію»...

— А что-жь? Можно и намъ «подзинковать» (отблагодарить за жизнь у хозяина, разсчитаться), только молчи пока...

И тутъ все стихло, только изрѣдка слышна была жвачка скота, пережевывавшаго морковь.

Не спали и въ квартирахъ семейныхъ рабочихъ.

— Станиславъ! что же мы будемъ дѣлать? Іезусъ Маріа! Долго ли будемъ здѣсь жить?—шопотомъ говорила Агнешка мужу, но отвѣта не было.

— Станиславъ! спишь какъ дубина! слышишь? я говорю: что мы будемъ дѣлать? Дѣти растутъ: Янеку 7 лѣтъ, Юзефъ тринадцать... большіе уже... работаемъ, работаемъ, а не хватаетъ даже на платье...

— Живутъ люди, и мы живы будемъ, — философски ото-

звался Станиславъ. Онъ былъ человѣкъ спокойный, работающій и терпѣливый, трудно поддававшійся мечтамъ и несбыточнымъ надеждамъ.

— Это не жизнь... Вотъ въ другихъ странахъ лучше...

— Пустое говорить... Другимъ еще хуже; у насъ и порога, и двѣ свиньи уже заработаны...

— И корову, и свинью нечѣмъ кормить, ordinarily уже съѣли и всѣ 24 р. годового жалованья взяли... Да тебѣ, дитяю, все хорошо, тебѣ и быть будутъ, а ты становишь молчать.

— Были и молчать, будутъ быть и буду молчать; потому—панѣ бѣдѣ. За дѣло побьютъ, такъ и надо молчать...

— Тебя, дурака, обсчитаютъ и денегъ не отдадутъ.

— Не обсчитаютъ, а обсчитаютъ—въ Гиминный судъ подамъ.

— Тебя, дурака, кормить не будутъ; ordinary не дадутъ, а ты все будешь молчать; вотъ, говорятъ, морковь вмѣсто картофеля, а тебѣ и это все равно...

— Ну, нѣтъ! ѣсть надо! Не ѣсть нельзя... А морковь... Пся-крей! это шалишь! Если картофелю не дадутъ—уйдемъ, всѣ идутъ...

— И я про то же говорю, мой кожаный Стасю,—болѣе спокойнымъ шопотомъ говорила Агнешка.

Она хорошо сознавала, что живетъ въ «картофельномъ царствѣ», царствѣ женской силы...

И здѣсь все замолкло до 4 часовъ утра, когда всѣхъ подымаетъ на ноги назойливый экономическій волчокъ.

На пригоркѣ высился темный, деревянный костелъ, весь освѣщенный яркимъ осеннимъ солнцемъ. Стройныя елки на паперти, рядомъ бѣлый домикъ ксендза, весь обвитый дикимъ виноградомъ, около него садъ—все это царило надъ окружающей бѣдною мѣстностью: грядами воздѣланные, пустыя поля бѣлѣютъ пескомъ, далеко раскинулись деревни,—по нѣскольку темныхъ, закопѣлыхъ, небеленыхъ хатъ вытянутыхъ въ рядъ, а дальше лощины болотистыя, канавы, полныя коричневой, торфяной воды и опять бѣдныя деревеньки безъ дворовъ, безъ садовъ и оживляющей зелени. Только вдали верстъ за пять виденъ большой садъ; ограда его мѣстами развалилась, огромныя ворота со львами (или правильнѣе съ однимъ львомъ, такъ какъ другой давно упалъ и разбился въ куски) открываютъ видъ на старинный домъ во вкусѣ ренессансъ. Часть его видимо обитаема, другая половина полуразвалилась: крыши нѣтъ, держится еще только вѣящій издали портикъ; около двора и сада виднѣтъ длинный рядъ какихъ то карточныхъ домиковъ въ одинъ этажъ—это квартиры помѣщичьихъ рабо-

чихъ. Не општукатуренныя, съ обвалившимсяъ фундаментомъ, выбитыми окнами, заткнутыми подушками или кусками досокъ и бумаги, со стѣнами въ сырыхъ пятнахъ, подернутыхъ бархатомъ плѣсени, безъ дворовъ, — они представляютъ тоскливое зрѣлище. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этихъ домовъ идетъ рядъ могилкозъ — это «концы» съ картофелемъ, а между концами ямы гумовыя, гдѣ собираютъ жидкое удобрѣнiе. Еще далѣе въ большомъ порядкѣ содержимыя кирпичные сараи для скота и стодола весело и изящно красуются на чистомъ дворѣ. Все это усадьба когда то богатаго Выркиновскаго.

По дорогѣ отъ этой усадьбы и по всѣмъ дорожкамъ отъ деревенекъ потянулись группы селянъ и рабочихъ по двое и по трое, своими ярко красными, розовыми и синими костюмами оживляя бѣдную, печальную картину. Изъ воротъ со льномъ съ лихимъ подкапываемъ бича выѣхала коляска четверкей въ проставъ, съ панями Выркиновскими. Коляска катилась тихо, крестьяне безъ шума низко кланялись, но нѣтъ воляски отвѣта не было: пани задумчиво смотрѣла вдаль, а панъ только строго ожидая възоромъ проходящихъ. Рабочіе и селяне, и пани направлялись въ костель.

Послѣ обѣдни ниродъ сталъ собираться кучами и направился къ большому шину на шоссе, и изъ костела послѣднимъ вышелъ панъ Выркиновскій съ ксендзомъ.

— Что новенькаго, панъ Выркиновскій?

— И не говорите! Слыхали, какое меня несчастье постигло?

— Слыхалъ. Печально, но на то воля Божія. Надо терпѣть, авось исправитесь: главное скорѣе продайте свекловицу да заплатите проценты.

— Такъ и я думаю... Ну, да Богъ съ нами съ этими дѣлами! А у васъ, уважаемый ксендзъ пробощъ, что новенькаго?

— Новаго? Ахъ да! заходилъ вчера панъ вахмистръ земской стражи, вернулся изъ города, куда возилъ старика Шкудлярка. Да вы и не знаете? Шкудляркъ, старикъ 75 лѣтъ, покуда перерывалъ себѣ горло. Отвезли въ больницу. Вотъ, вахмистръ и рассказывалъ, что горло зашили, и слѣдователь разспрашивалъ, не заставилъ ли его кто покуситься на свою жизнь. Шкудляркъ хотя и съ трудомъ, но повторилъ нѣсколько разъ, что никто его не принуждалъ, а зарѣзался единственно потому, что его картофель сгнилъ... Жаль старика, дѣйствительно картофель его сгнилъ, — нижнее мѣсто и сгнило то всего двѣ-три четверти... Да... А впрочемъ, прошу ко мнѣ на чашку чаю...

— Нѣтъ, благодарю васъ... Я такъ разстроенъ, что мнѣ не до чаю, — раскланиваясь, сказалъ Выркиновскій и сѣлъ въ коляску.

Жена и дѣти уѣхали раньше.

— Зарѣзаясь,—думалось пану дорогою,—зарѣзаясь только потому, что картофель сгнилъ... Тутъ все состояніе сгнило, а не рѣшаешься пустить себѣ пулю въ лобъ. Хлопъ, животное не понимаетъ даже, что это грѣхъ... Быдло!—вслухъ уже съ презрѣніемъ проговорилъ онъ.

Между тѣмъ около шинка собралась толпа: здѣсь были и постоянные рабочіе помѣщиковъ, было много и изъ сосѣднихъ деревень крестьянъ-собственниковъ. На завалинкѣ и прямо на камняхъ у шоссе сидѣли группы женщинъ и мужчинъ постарше, нѣкоторые уже выпили по чаркѣ-другой и закусывали хлѣбомъ, а другіе курили изъ нѣмецкихъ трубокъ-носогрѣекъ. Въ шинкѣ въ большой, низкой, закопѣлой комнатѣ дымъ стоялъ коромысломъ! Скрипка, гармоника и бубенъ играли «оберка», и пары за парами танцевали мѣрно, ровно съ серьезными лицами, то ускоряя темпъ до одурѣнія, то замедляя его. Однѣ и тѣ же пары танцевали, не переставая, часъ и полтора, пока не уставали музыканты,—и это съ перерывами длится обыкновенно до 12 часовъ ночи и позже. Съ танцами все забыто: и работа, и злополучная ординарія, и голодовки, и сырость дома, и случайный или умысленный ударъ плети по плечамъ за работой... Съ музыкой, танцами или процессіей, эту добродушную, довѣрчивую и легкомысленную толпу можно вести куда угодно.

По шоссе протянулись громадныя фуры, грема цѣпами, звеня колокольчиками, ярко сверкая бляхами сбруи и широкими цвѣтными полотенцами у хомутовъ.

— Изъ пруссъ возять, вишь потащилось сколько съ углемъ, а мы и свинью прогнать черезъ границу не можемъ, — замѣтили изъ одной группы.

— Что свинья! А вотъ бѣда: хлѣба никто не покупаетъ.

— Нѣмцы границу заперли, — вставилъ хорошій хозяинъ.

Съ противоположной стороны, никѣмъ незамѣченный, по шоссе подошелъ прохожій.

Сапоги у него были стоптанные, лицо обрюзгшее, костюмъ неряшливъ, но глаза ярко свѣтились и бѣгали, а открытый лобъ говорилъ въ его пользу. Онъ подошелъ къ одной кучѣ людей, побѣднѣе одѣтыхъ, и привѣтствовалъ ихъ:

— Да хвалится панъ Іисусъ Христосъ!

— Во вѣки вѣковъ аминь!—отвѣчали ему.

Онъ присѣлъ и закурилъ папиросу.

— Прохожій будете?

— Да, иду изъ Лодзи...

— А что слышно у васъ въ Лодзи?

— Плохо. Много фабрикъ стало, нѣтъ работы. Совсѣмъ худо... Ну, да свѣтъ не клиномъ сошелся; слава Богу, есть куда уйти,—загадочно сказалъ онъ.

— Куда тамъ идти? Отъ себя, говорятъ, не уйдешь. Здѣсь и земля есть... Хоть, положимъ, и мало, и земля скупая—надо очень удобрять, а все же *своя*.

— И *тамъ* земля; *тамъ* много земли—бери сколько хочешь,—живо возразилъ прохожій. Затѣмъ онъ досталъ изъ кармана что то завернутое въ бумагу и, вынувъ одинъ финикъ, показалъ его Агнешкѣ—женѣ Станислава, рабочаго пана Выржиковскаго.

— Попробуйте-ка это. Вотъ *тамъ* какой картофель...

— Что же онъ печонный уже?

— Нѣтъ такой прямо и родится въ землѣ...

— О, для Бога!—воскликнула Агнешка, откусивъ кусочекъ и передавъ финикъ сосѣдкѣ.—Попробуйте, пани Янова, сладость какая! Станиславъ, Станиславъ, попробуй и ты! Что это за картофель!

— Такого картофеля не можетъ быть, здѣсь косточка, — утверждалъ Станиславъ.

— Ты былъ тамъ? ты все знаешь! — не безъ злобы замѣтила Агнешка.—Онъ у меня, добрые люди, больше любятъ морковь.

— Лошадиной породы видно,—съострилъ кто-то.

— Чортъ съ нею, морковью,—сказалъ Станиславъ и озлобленно плюнулъ на сторону.

По шоссе подъѣхало опять нѣсколько фурманокъ; въ нихъ сидѣли по 15—20 мужчинъ и женщинъ; среди массы узловъ выглядывали дѣти, закутанныя старымъ тряпьемъ.

Фурманки остановились на минуту, но, узнавъ, что въ шинкѣ есть стражникъ, немедленно поѣхали далѣе.

— Видѣли?—говорилъ тихо прохожій.—Это все наши.

— Господи! и съ дѣтьми грудными! Куда же дѣтей то возмуть?

— Всѣмъ *тамъ* мѣсто будетъ...

На порогѣ шинка показался стражникъ, и прохожій торопливо скрылся за шинкомъ.

Вечеромъ съ рабочими Выржиковскаго шелъ къ имѣнью и прохожій, его пригласила Агнешка ужинать и ночевать.

Въ тотъ же вечеръ прохожій важно воссѣдалъ на скамьѣ и бесѣдовалъ съ Станиславомъ, пока Агнешка готовила ужинъ около небольшой переносной плиты. Янекъ ломалъ прутья, собранные послѣ бури подъ деревьями на шоссе и, улыбаясь, что то шепталъ безхвостой небольшой собачкѣ «Шареку». Шарекъ, песъ серьезный и дисциплинированный, съ каждымъ обращеніемъ къ нему любезно пощелкивалъ объ полъ своимъ куцымъ хвостикомъ и привѣтливо прижималъ уши.

— Много уже ушло людей, а пойдет еще больше,—говорил прохожий.

— Много, говорите?—удивлялся Станиславъ.

— Много. Потому что невозможно жить. Сколько у васъ поденный получаетъ?

— Поденный? На своихъ харчахъ, теперь вотъ картофеля конать, взрослый получаетъ 22 гроша (11 копѣекъ), а помоложе и дѣвки 15 грошей.

— Ну, вотъ видите? Подумайте только! Можно ли жить на 11 копѣекъ? а?

— А можно,—сказалъ Станиславъ.

— Ему все можно,—рѣзко выѣхалась Агнешка,—когда и ѣсть не дадутъ, то и это можно...

— Выдумала! не ѣсть нельзя,—отвѣтилъ мужъ съ убѣжденіемъ.

По случаю праздника ужинъ готовился особенно роскошно. Очищенный картофель былъ откинутъ и горячій въ кастрюлѣ размятъ скалкой; кислая, сѣрая рубленая капуста отцѣжена и вывалена изъ казанка въ большую миску; отъ нея валилъ ѣдкій паръ и пріятно щекоталъ обоняніе присутствующихъ; на краю наклоненной сковородки поджаривался маленькій кусочекъ свиного сала. Сало затѣмъ было нарезано и сложено въ капусту. Запахъ его прервалъ разговоръ и вывелъ даже Шарка изъ его сосредотельнаго настроенія; собака завизжала отъ восторга.

— До буди!—крикнулъ на него Янежъ, и весь моментально исчезъ подъ кроватью.

Юзефа поставила низенькій круглый столикъ, а Агнешка сбила въ горшокъ кислое молоко. Мужчины усѣлись на маленькихъ скамейкахъ, и, взявъ ложкою немного капусты, каждый вмѣсто хлѣба заѣдалъ ее картофелемъ, подкрѣпляя все это большими ложками кислаго молока. Ъли всѣ аппетитно и замѣчательно быстро.

— Люблю горячій картофель,—замѣтилъ прохожій,—только у васъ онъ не сладокъ, водянистъ. Тамъ картофель, такъ вотъ ужъ картофель...

— У насъ плохъ былъ картофель, съ пятнами... Только что копать стали, а уже и гнилого много.

— У насъ въ землѣ все гниетъ, дожди шли цѣлое лѣто, води много,—добавила Агнешка.

Мужчины пересѣли на лавки, прохожій сталъ свертывать папироску, а Агнешка съ Юзефой заняли ихъ мѣсто у стола и дѣлили остатки картофеля, капусты и кислаго молока. Янежъ считался уже мужчиной и ѣлъ съ отцомъ. Не успѣла Агнешка бросить крохи картофеля Шарку, а шелуху и капустную жижу съ остатками молока подать полугодовой свинкѣ,

аппетитно жевавшей у дверей, — какъ въ комнату собрались сосѣди «Чворака» *); молва разнеслась уже, что у Станислава-фурнала сидятъ гости. За сосѣдами пришли и другіе местоянные рабочіе Выржиковскаго. Разговоръ шелъ о злобахъ дѣл. Рассказывали, какъ сварецъ Шкудларекъ въ среду перерѣзалъ себѣ горло.

— Все это отъ дождей... Вотъ на Другой-Вси, у почтѣнника трубы въ землю вкопаны, такъ картофель не вымокъ, а у Шкудларека и у всѣхъ у насъ гниетъ... Все дожди!.. отъ нихъ и Шкудларекъ зарѣзался.

— Ну, тамъ не одинъ картофель и доски виновазы, есть тамъ вина и друтикъ, — загадочно замѣтилъ сидѣй старикъ Майхржакъ, сидѣвшій въ углу.

— А кто, кто? Кто же виноваты, по вашему? — спрашивали его.

Но Майхржакъ, скорбившись у порога, молчалъ. Брѣвое его лицо съ опавшею, выдавшеюся нижнею челюстью, потухшими глазами и воспаленными вѣками, живо напомнило обезьяну и не выражало никакихъ оцѣнокъ.

— Шкудларекъ ничего не оставалось какъ зарѣзаться, хотя это и глупо... Дуракъ только, что не съумѣлъ... Онъ уже и во снѣнкахъ даго и много жралъ на этомъ свѣтѣ, — замѣтила Агнешка.

— Конечно, даже умирать надо... Кто же его будетъ кормить, если онъ не работаетъ? — говорила фурналъ Войдѣхъ.

— А дѣти, — испуганно воскликнула старшая Майхржакъ.

Но на это всѣ махнули рукой.

— Дѣти! Выдумали! Вы если сидите тутъ, то ужъ жѣмъ молчали бы лучше! Хватить, — дѣти! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Дѣти! Да развѣ онъ же выдѣлаетъ, чтобы дѣти его кормили? Онъ 20 лѣтъ тому назадъ у ногариуса передалъ сину Юзефу свой домъ и 6 морговъ ***) земли за алиментъ ***). Юзефъ ему аккуратно выдавалъ и картофель, и топленое, и горохъ. Да развѣ Юзефъ думалъ, что онъ проживетъ еще столько лѣтъ?

— Дѣти! А гдѣ дѣтямъ взять? — грозно замѣтила Агнешка.

— Работать не могутъ, а по двадцати лѣтъ корми ихъ за

*) «Чворака» домъ изъ 4-хъ квартиръ; вои казармы такъ строятся, но въ деревняхъ Калининской губерніи часто строятся такіе дома у крестьянъ-собственниковъ и принадлежать 4-мъ владѣльцамъ.

**) Около 3-хъ десятинъ.

***) Алиментъ—обязательство пожизненно платить условную ренту; она у крестьянъ Калининской губерніи состоитъ преимущественно въ выдачѣ натурою картофеля, отопления, части избы и обязанности возить въ костелъ определенное число разъ въ году.

6 морговъ! За шесть морговъ, которые безъ обработки 6 грошей не стоятъ!—замѣтилъ Станиславъ.

Старый Майхржакъ еще ниже опустилъ голову и только вздыхалъ...

— При такой землѣ, гдѣ только песокъ, торфъ и вода,— всегда такъ будетъ... Будете рѣзаться,дохнуть, голодать и работать на пановъ... Да и паны сами тутъ передохнуть,—говорилъ прохожій озлобленно, сивывая и затупивъ папирску пальцами.

— Ахъ, горе намъ! Да гдѣ же лучше?

— Я вамъ говорилъ *идъ* лучше...

— Подати и тамъ надо платить; работать и тамъ надо; если ѣшь, то и работай,—это такъ на всемъ свѣтѣ,—глубокомысленно сказалъ опять скентикъ Станиславъ.

— Подати? Не правда, податей тамъ не платятъ, туда даромъ везутъ и земли даютъ сколько угодно. Иди—и бери...

— Какъ? Сколько угодно? Вотъ такъ сторона!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Вѣрно говорю! Сколько угодно—иди и бери...

— Да вы расскажите намъ все подробно.

— Что рассказывать! Вотъ у меня тутъ... Онъ полѣзъ въ узелъ и досталъ оттуда нѣсколько засаленныхъ печатныхъ листовъ съ цѣлой пачкой яркихъ разноцвѣтныхъ карточекъ.

— Кто грамотный? Читайте, не я выдумалъ!

Но грамотныхъ не оказалось ни одного.

— Ну, такъ я расскажу. Бразилія, такъ называется эта страна, она за моремъ; далеко, очень далеко. Почти столько, какъ отсюда до Варшавы и даже немного дальше. Тамъ правительство даетъ земли сколько кому угодно, по 50, по 100 и по 500 морговъ; строй себѣ домъ и живи! А лѣсу! Лѣсу тоже много и все строевой, руби сколько хочешь и стройся...

— А прїѣдетъ лѣсникъ панскій и потащить въ Гминный судъ, судись, плати и въ тюрьмѣ посиди,—дополнилъ насмѣшливо Станиславъ.

— Если этотъ дуракъ не перестанетъ перебивать, то надо уйти къ вамъ, пани Вольчакова,—закричала Агнешка.

Майхржакъ вытянулся, весь подался впередъ и глазки его мигали чаще.

— А вы, дядя Майхржакъ, какъ думаете? — обратился Станиславъ къ защитѣ опытнаго, долго жившаго человѣка.

— На вѣку... всегда и изстари было: никогда еще «хлопъ» лѣсу не имѣлъ, не рубилъ, а срубить—или платить не мало, или сидеть въ «козѣ» *), или бьютъ его... — прошамкалъ старикъ.

*) «Коза»—арестное помѣщеніе.

— Не слушайте их! рассказывайте! — заговорили остальные слушатели.

— Тамъ все хорошо! Вотъ у насъ осень, — дожди льютъ, холодно, мокро, зима холодная, долгая. А тамъ осенью и зимою, какъ у насъ лѣтомъ: тепло, солнышко грѣетъ...

— Ахъ! вырвался изъ груди Майхржака сильный вздохъ. Тепло, — топить не надо, — шепталъ онъ.

— Только прѣдете, — сейчасъ вамъ рисовая каша, сладкій картофель, яблоки, груши. Да что! Главное, земли бери сколько хочешь! На горахъ прямо кучами разноцвѣтные дорогіе камни, картофель на деревьяхъ... Я вамъ, пани, давалъ пробовать... Видѣли, что за сладость!... И помолчавъ, оглянувшись на дверь и окна, прохожій шопотомъ добавилъ: — На землѣ попадается... часто попадается з-о-л-о-т-о-о...

Въ избѣ пробѣжалъ шопотъ удивленія.

Таинственность этого сообщенія повліяла на всѣхъ, всѣ замолкли, а Майхржакъ даже закрылъ руками лицо. Тупыя, покорныя лица ожили, глаза разгорѣлись и всякій думалъ о раѣ земномъ.

Прохожій молча крутилъ папиросу.

«Динь-день» загудѣлъ экономическій колоколь. Всѣ вздрогнули...

— Эхъ!.. — выругался Войцѣхъ. Гости вставали и медленно уходили.

— Надо скотъ кормить, — сказалъ Станиславъ и тоже ушелъ.

Прохожій завязалъ узелокъ и собирался въ путь.

— Куда вы, пане? Ночь на дворѣ; а вы уходите! Переночуйте у насъ, — просила его Агнешка.

— Нѣтъ, нельзя. Мнѣ надо на шоссе, сегодня ночью поѣдутъ наши, и я съ ними.

— Да пожалуйста, расскажите еще: какъ же тамъ безъ костела и ксендза, какъ собаки помираютъ?

— Что вы, пани! Какъ можно! Тамъ для насъ католиковъ два бискупа, а ксендзовъ сколько угодно. Какъ же! Одинъ бискупъ въ Гамбургѣ на пристани благословляетъ въ путь, а другой бискупъ въ Бразиліи на берегу. Какъ только сойдете — сейчасъ исповѣдь и благословеніе, процессіи сейчасъ! А господня *) бискупа смотреть, чтобы ѣсть давали...

— Боже мой! и бискупы!

— А вы какъ думали? и бискупы!.. Вотъ надо васъ записать и все будетъ хорошо. Записываетъ въ посадѣ Вильчинъ трубочистъ, и въ посадѣ Загуровъ — еврей Мошекъ. Идите къ нимъ. А пока прощайте.

---

*) Экономка.

— Прощайте панъ, дай Богъ вамъ добраго пути,—проводжала Агнешка гостя.

На улицѣ кучка женщинъ обсуждала именитомъ все слышанное.

Ночь надвигалась, заморосилъ дождикъ и угнать ихъ по домамъ; женатые фуражики работѣ или въ сараевъ и конюшенъ въ казармы.

Потухли огни въ домахъ. Около «палаца» *) застучалъ ночной сторожъ. Деревня замолкла.

Только въ палатѣ, въ одномъ окнѣ былъ виднѣть свѣтъ. Это являть Выржиковский сидѣлъ въ кабинетѣ за счетами и бумагами.

Давно минула полночь, а онъ все не ложился. Цѣлая вереница цифръ приводить къ одному: невозможно вести хозяйство. Удобреніе, компастъ дорожъ, его надо везти изъ Пруссіи и везти же на ближайшій переходный пунктъ, а черезъ таможеню за 50 верстъ, такъ какъ на переходномъ пунктѣ нѣтъ эксперта-техника, молущаго «досмотрѣть» этотъ заграничный товаръ; до желѣзной дороги 80 верстъ, на мѣстѣ хлѣбъ продается низко, за границу везти еще хуже—пошлинна, наложенная прусскимъ правительствомъ, велика, сформить хлѣбъ и въ скотъ его сбыть—нельзя: живой скотъ совершенно не пропускають пруссаки, налоги велики; покушка земли, содержаніе громаднаго количества скота для навоза и другой инвентаръ—важны всѣ сбереженія; сдѣланы долги; проценты велики, срочные платежи въ земельный банкъ громадны! Ужасно! ничего, ровно ничего не остается, а долги растутъ. Продать землю? Нѣтъ возможности, никто и думать не хочетъ о покупке. Да кому и разсказать: подъ ипотеку, обеспечивая землею, капиталы даются по 8 и 12 проц. въ годъ, а земля при наличныхъ деньгахъ и громадномъ трудѣ даетъ 5—6 проц., да и то рѣдко. Имѣнія продаются за банковскій долгъ, да и тѣмъ не покупають: земля обезцѣнена совершенно. Нѣтъ выхода... Выконать по ссудѣ свекловичу, объѣхать на сахарный заводъ и ухватить проценты, но это только отсрочка. А дальше? Чѣмъ платитъ рабочимъ? У папа Выржиковского голова шла кругомъ...

Панъ Яцковский, ржонца, просто выводитъ эти дни изъ себя; цѣлые потоки ругательства явились изъ подъ сурово торчавшихъ усовъ; ругательства, въ которыхъ «песъ» игралъ главную роль въ приложеніи ко всѣмъ роднымъ по восходящей и нисходящей родственной линіи. Верхомъ на кургузой, хотя англазированной и замундштученной, но все же клѣтъ, съ

*) Всякій помѣщичій домъ — «палацъ», дворецъ.

трензелями и подтяжными ремнями, со шпорами на ботфор-тахъ и длиннымъ хлыстомъ въ рукахъ, панъ Яцковскій перебѣ-жалъ отъ одной группы рабочихъ къ другой и кричалъ, и кри-чалъ. Рабочіе работаютъ изъ рукъ вонъ плохо, лѣнны они, по мнѣнію пана Яцковского, безконечно и медленны, какъ во-лы.

— Вамъ бы только жрать, псы пролѣты! Вотъ я тебя, Яцекъ, огрѣю! Вотъ, Марыська, плети отвѣдаешь!.. Антекъ, Антекъ! Ты чего ротъ разинулъ? копай! Ахъ вы «быдло»! деньги брать умѣете, а работать не хотите? Какъ чистишь? развѣ можно такъ? Свекловицу не бросай, а клади. Тебѣ, ка-нальѣ, все равно, а побитую не примуть. Куда листья паш-ряешь, Войцѣхъ? Клади ровно въ кучу. Ахъ вы, лѣнтя! — свирѣпствовалъ Яцковскій.

А лѣнтя съ 5-ти часовъ утра не разгибаютъ спины.

Дождь сѣтъ холодный, пронизывающій. Поле свекловицы уже частью посвѣрѣло, его украшаетъ не яркая зелень ботвы, а горы бѣлой, очищенной свекловицы; рядомъ кучи листьевъ. Человѣкъ 30—40 въ одномъ концѣ, пополамъ согнувшись, въ рядъ, быстро выкапываютъ свекловицу, сзади цѣлый рядъ людей сноситъ ее въ одно мѣсто, гдѣ группы женщинъ и дѣвушекъ быстро срѣзаютъ верхушки и корни и отбрасываютъ въ новыя кучи. И по всему свекловичному полю молча работаютъ три, четыре группы такихъ лѣнцевъ.

Вдали показался панъ Выржиковскій верхомъ, и Яцковскій сталъ еще сильнѣе ругаться и кричать до хрипоты; работа за-кипѣла усиленнѣе; копающіе уже не разгибались и на минуту, чтобы размять кости; свекла мелькала въ воздухѣ, а листья, какъ птицы, изъ за горъ свеклы вылетали пучекъ за пучкомъ и падали на зеленныя кучи изумруднаго ботвинника, блещу-щаго дождинками.

Къ Выржиковскому подѣхалъ рысцою Яцковскій и, снявъ шапку, почтительно слушалъ приказанія... Дождикъ сѣялъ и обмывалъ его лысину... Выржиковскій молча, величественно проѣхалъ по полю, объѣхалъ кучи и, ни слова не сказавъ, уѣхалъ дальше. А дальше подымали на озимь, сѣяли; еще дальше разбрасывали поземъ, собирали съ полей камни и скла-дывали ихъ въ кучи.

Появились фурманки, длинныя телѣги въ четверку лоша-дей въ стяжъ. Пахать перестали, и черезъ полчаса всѣ кучи свеклы увезены. Но работа идетъ быстро, народу болѣе ста человѣкъ, и скоро вновь появились горы бѣлой, чистой свеклы.

Въ 12 часовъ послышался колоколь — на обѣдъ, отдыхъ на часъ, а ужъ до вечера почему-то отдыха не было. Люди стали роптать. Но Яцковскій такъ кричалъ и бѣсновался, что ропотъ замолкъ. Къ ночи послѣднія кучи свеклы были увезены.

Въ 6 часовъ вечера опять раздался колоколъ, и всѣ перестали работать. Старики и копаншіе расправляли спины, а сидѣвшіе и обрѣзавшіе свеклу едва поднялись, — отсиѣли ноги.

Яцковскій объявилъ, чтобы всѣ шли «во дворъ», — поденные сегодня получать расчетъ. Рабочіе были удивлены, — расплата бывала обыкновенно по субботамъ, — но шли всетаки съ удовольствіемъ: пріятно получать почаще, да и вычеты и штрафы въ такихъ случаяхъ меньше.

Совершенно стемнѣло; у освѣщеннаго окна барскаго дома стояла толпа рабочихъ. Дѣти ежились и вдрагивали, дожидясь не переставалъ сѣять мелко, но часто; бритые старики жались у стѣны и окна, бабы и дѣвки почтительно стояли позади. Черезъ открытую форточку Выржиковскій по книгѣ называлъ фамилію, а изъ толпы отвѣчали одинъ, два или трое рабочихъ изъ этой семьи. Выржиковскій отвѣчалъ въ книгѣ и изъ протянутой въ форточку руки брались мѣдными деньгами: платилось по 15 коп. взрослому и по 7½, копѣекъ подросткамъ.

Расчетъ конченъ, раздался голосъ Выржиковскаго.

— Завтра половина поденныхъ нужна — копать картофель по 22 гроша... Ступайте. А наши, «дворскіе» *) обождите.

Молча стали уходить люди, только за дворомъ послышался говоръ, только тамъ осмѣлились заговорить.

Выржиковскій вышелъ на крыльцо; свои рабочіе сняли шапки и рукою касались земли, замѣняя этимъ земной поклонъ.

— Картофель почти весь сгнилъ, — заговорилъ Выржиковскій довольно храбро и громко, но голосъ его дрогнулъ. — Съ завтрашняго дня ординарія выдаваться не будетъ... Кто не хочетъ служить — уходите, но взявшіе деньги впередъ — должны возвратить ихъ... Да вы всѣ взяли...

— Какъ же такъ, — просимъ пана, — какъ же безъ ординарія?.. Что же мы будемъ ѣсть?.. Ъсть вѣдь надо?! — раздались голоса.

— Молчать, ступайте! — крикнулъ Выржиковскій и быстро ушелъ въ комнаты.

Онъ былъ блѣденъ... Въ сѣняхъ стояла пани Выржиковская, тревожно поглядывая на мужа.

— Ахъ, какъ тяжело! — сорвалось у него.

— Бѣдный, бѣдный Ясь! — прошептала пани, взяла его за руку и увела съ собою.

Толпа людей ошеломленная тихо выходила со двора.

— Теперь ложись и дыхай!

---

*) Дворскіе люди — это или батраки холостые, живущіе въ сараяхъ и конюшняхъ, или семейные, живущіе въ казармахъ.

— Гдѣ же правда, послѣ этого?
 — Хоть бы морковь дали, все бы легче...
 — Судь есть, на то и суды, чтобы защищать!
 — Да что тамъ суды? Прямо всѣ къ комиссару идемъ, завтра рано идемъ, всѣ до одного.

— Это разбой! Ёсть надо! Какъ же не ѣвши? Работали, работали цѣлое лѣто, а на зиму безъ ординаріи? Помирать надо! Вотъ горе!—раздавались недовольные голоса.

— Бывало... все бывало... и ёсть не давали, и не умирали...—шепталъ старый Майхржакъ, но его никто не слушалъ.

Только Станиславъ шелъ молча, задумавшись и у дверей своей квартиры спросилъ у старика:

— Бывало, говорите?

— Бывало и это...

— И не умерли?

— Нѣтъ... не умерли... правда... болѣли тогда крѣпко... Давно это было...—какъ бы перебирая въ памяти, шамкалъ Майхржакъ.

— Гм... болѣли только,—повторилъ Станиславъ и вошелъ въ домъ. Повидимому онъ раздумывалъ, что если такъ, если только болѣли, то еще, пожалуй, выдержать можно...

Ночью дождикъ не пересталъ, а поливалъ покойно и поля, и лѣса, и людей. Небо сѣрое съ нависшими тучами непривѣтливо глядѣло съ своей высоты; оно было сѣрѣе обыкновеннаго. Луна своимъ мягкимъ, нѣжно-зеленоватымъ свѣтомъ хотѣла было пробиться сквозь тучи, тускло освѣтила ихъ, побѣлила немного, но не прорвалась, не порадовала людей.

По обмежкѣ полей, гусемъ шло челоуѣкъ десять. Шли быстро, какъ вообще ходятъ крестьяне въ Царствѣ Польскомъ. Босые ноги звонко плепали по землѣ и лужицамъ; за плечами у мужчинъ были сапоги, у женщинъ на рукахъ корзинки съ хлѣбомъ и башмаками. Впереди угрюмо шелъ Станиславъ, здѣсь же былъ и фурналь Войцѣхъ, и Ядвига—жена Станислава. Все односельчане.

На шоссе у шинка они присѣли отдохнуть.

Тишина стояла поразительная, на шоссе не было движенія; было слышно только жеваніе лошадей, впряженныхъ въ фурманки, стоявшія у шинка, да изрѣдка вдали лай собаки.

Раздался плачь ребенка и послышалось убаюкиваніе матери; присмотрѣвшись, можно было разглядѣть въ фурманкѣ среди узловъ много людей; они всѣ прикрылись полотнами и зонтами.

— Кто это ѣдетъ?—спросила Агнешка одного изъ извозчиковъ, разбуженного плачемъ ребенка и направлявшагося къ корыту съ свѣчкою и овсомъ.

— А все «бразиліане»...

Агнешка толкнула Станислава и прошептала:

— Видишь! Ёдутъ съ дѣтьми... *туда* ёдутъ...

Поотдохнувъ, Станиславъ поднялся и вся группа людей — односельчанъ снова пустилась полубѣгомъ по направленію къ посадѣ Вильчину.

Лунѣ въ эту ночь такъ и не удалось глянуть на божій міръ. Нашихъ путешественниковъ подъ самымъ посадомъ Вильчиномъ освѣтилъ другой свѣтъ, такой же сѣрый, — это проснулся день...

Усталые, измученные, измокшіе они вошли въ первый шинокъ и рады были теплу и отдыху.

Въ шинкѣ, несмотря на раннюю пору, много было людей, которые видно здѣсь и ночевали.

— Вы затѣмъ пришли? — спрашивали они пришельцевъ, — записаться тоже хотите?

— Записаться... да не знаемъ какъ и у кого.

— Идите къ трубочисту; мы уже записались.

— По 20 коп. съ души заплатите, а черезъ недѣлю и «картка» будетъ. А вотъ они раньше записались и вчера карточки получили.

Говорившій указалъ на группу, помѣщавшуюся въ другомъ углу шинка. Тупое равнодушіе и усталость видны были на лицахъ «бразиліанъ»; никакого впечатлѣнія не произвело ни на кого даже появленіе стражника.

Онъ вошелъ, окинулъ всѣхъ взоромъ и, не обращая ни къ кому въ частности, спросилъ на ломаномъ польскомъ языкѣ:

— Кто такіе? Въ Пруссѣ (Пруссію) на работы идете?

— Такъ, пане вахмистръ, до Пруссѣ, до Пруссѣ на работы, — отвѣчали всѣ, и стражникъ ушелъ, успокоенный, не соображая, что осенью и въ Пруссіи полевныя работы прекратились.

Станиславъ, Агнешка, Вознякъ и Янекъ съ сосѣдями пошли къ трубочисту Харыху. На дворѣ у него и въ избѣ собралось уже человекъ до 100 изъ разныхъ деревень и уѣздовъ. Всѣ молчали. Пришелъ войти гмины, посмотрѣлъ на нихъ и ничего не сказалъ, не обративъ вниманія. Рѣдко кто перекидывался полушопотомъ нѣсколькими словами съ сосѣдомъ; словъ этихъ не слышно, но ихъ легко угадать, это — «гнилой картофель», «нѣтъ заработковъ», «жизнь тяжка» и, наконецъ, «Бразелія».

Въ избѣ вошли и наши знакомые. За столомъ сидѣлъ нѣмецъ-трубочистъ Харыхъ, предъ нимъ была цѣлая горка разноцвѣтныхъ карточекъ на право полученія билета на одномъ изъ гамбургскихъ или бременскихъ пароходовъ для переезда въ Бразилію и прокламаціи отъ имени Бразильскаго правительства съ призывомъ эмигрантовъ. Харыхъ былъ серьезенъ.

— Ну, паны, кто хочет—можетъ записаться, съ души по 20 копѣекъ! Это не мнѣ, а надо на расходы: бумага, почтовые марки туда и на отвѣтныя нисыма... Я ничего не хочу себѣ, я бѣднымъ людямъ помогаю и самъ съ ними уйду. Вотъ, кто хочетъ переселиться въ Бразилію, долженъ прежде всего молчать объ этомъ и ничего не говорить дома, а то паны съ начальствомъ не пустятъ. Имъ вѣдь безъ хлопа не прожить и одного дня. Потомъ, я запишу васъ и напишу письма въ Лиссабонъ, это городъ такой; черезъ двѣ недѣли получите отвѣтъ и карточки; вы должны ѣхать въ Пруссію и до Гамбурга или до Бремена на свои деньги; въ Гамбургъ или Бременъ каждый изъ васъ карточки эти—шифъ-карты—надѣнете на шляпы, агенты васъ сведутъ на пароходъ и ужъ болѣе вы ничего не должны платить: ни за пищу, ни за проѣздъ; за все платитъ правительство Бразиліи. Кто хочетъ, можете спрашивать.

— Мы, вотъ, на счетъ земли... правда ли, что земли сколько угодно даютъ?—спросилъ робко Станиславъ.

— Правда...—лаконически отвѣчалъ Харыхъ.

— А картофель на деревьяхъ?—подлюбопытствовалъ Янекъ.

— На деревьяхъ...

— Лѣсъ можно гдѣ угодно рубить?..

— Гдѣ угодно... можно...

— А есть тамъ золо...—спросилъ было робко Вознякъ, но сильный толчокъ въ бокъ его сосѣдки Агнешки не далъ ему договорить; она перебила его.

— Прошу пана, а ксендзы есть ли тамъ?

— Сколько угодно... Ксендзовъ даже очень много... Да что я вамъ буду отвѣчать? Кто грамотный?

Но ихъ здѣсь не оказалось.

— Ну, я вамъ прочту. Вотъ это извѣщеніе отъ Бразильскаго правительства. Видите? напечатано,—значитъ не самъ я выдумалъ и написалъ. Слушайте.

И Харыхъ сталъ отчетливо медленно читать. Воззвание *) было отъ имени Іозе-досъ-Сантосъ изъ Лиссабона, по уполномочію генеральнаго консула Бразильскихъ соединенныхъ штатовъ Паоло-Порто-Алегре; земли, говорилось тамъ, въ Бразиліи 8.337,218 квадратныхъ километровъ, т. е. болѣе Европейской Россіи, жителей 13 миллионовъ, средняя температура лѣтомъ $+16^{\circ}$ Ц., зимою $+12^{\circ}$; дождей достаточно, климатъ вполне здоровый; смертность на тысячу, 2,19% въ годъ, тогда какъ во Франціи—2,39%, Голландіи—3,55%, Италиі—3,06% и Пруссіи—2,69%; урожайность маиса самъ 300, бобовъ самъ 50 и

---

*) Содержаніе этого воззванія взято изъ подлинныхъ воззваній, обращавшихся въ народъ въ 1890, 1891 году.

100 и проч.; произростает кофе, сахаръ, табакъ, виноградъ и проч.; а главное указано, что водки много и она дешева; штатъ Рио-де-Жанейро въ 1886 году произвѣлъ 12 миллионѣвъ литръ спирту; фрукты и деревья не требуютъ посадки и культуры; скота масса, лѣсу сколько угодно; переселенецъ получаетъ земли сколько надо, но *лучше всего поселиться у крупнаго землевладѣльца, который дастъ и пищу, и землю, и домъ*. Переселенецъ пользуется бесплатнымъ проѣздомъ отъ Бремена или Гамбурга до Рио-де-Жанейро, или до Сантосъ на пароходѣ, по желѣзной дорогѣ въ странѣ до мѣста, которое переселенецъ избираетъ для поселенія своего, и содержаніе, квартира и все другое въ гостинницахъ впредь до пріисканія и выбора мѣста поселенія. При этомъ добавляется, что переселенецъ рабочій ровно ни *предъ кѣмъ* и ни *чѣмъ* не *обязывается*.

Каждый пунктъ прокламаціи Харыхъ толковалъ живо, по мѣстному, краснорѣчиво, разъясняя по своему, съ своими добавленіями, очевидно, глубоко вѣруя въ правду описываемаго, да еще и напечатаннаго. Толпа внимательно слухала, изрѣдка перебивая вопросами.

— Ну, теперь записывайтесь... Кто изъ васъ хочетъ?

— Я, Агнешка Плуценникъ.

— Сколько душъ и сколько каждому лѣтъ?

— Муяъ Станиславъ—35 лѣтъ, сынъ Янекъ—7 лѣтъ, дочь Юзефа—13 лѣтъ,—диктовала рѣшительно и твердо Агнешка, не давая опомниться Станиславу.

Панъ Харыхъ записывалъ остальныхъ.

Агнешка отошла въ уголъ и изъ кармана нижней, третьей юбки вынула платокъ, развернула его, оглянулась, не смотря ли кто за ней, развязала нѣсколько узловъ и, помусливъ пальцы, вынула рублевую бумажку и подала ее Харыху; онъ далъ сдачи 20 коп.

— Янякъ Янъ,—20 лѣтъ, жена Антонина—35 лѣтъ,—диктовалъ Янякъ и запнулся.

— Ну еще кто? скорѣе.

— Да вотъ я, да жена... дѣтей нѣтъ... да еще... еще пишите... Войцѣха...

Агнешка внимательно прислушивалась и вся подалась впередъ. Янякъ упорно смотрѣлъ на полъ, не оглядываясь.

— Фамилія, какъ и сколько лѣтъ?—переспросилъ Харыхъ.

— Войцѣхъ... Майхржакъ... тихо сказалъ онъ.

— Что вы? Бойтесь Бога!—заговорила горячо Агнешка,—куда мы его потащимъ? На что онъ вамъ нуженъ?

— Какъ же я? мнѣ нельзя... онъ мой воспитатель... онъ мнѣ помогать коровъ пастъ...

— Эка важность! Да онъ умереть скоро. Еще, Боже упаси,

въ дорогѣ умереть! Куда вамъ возиться съ нимъ?.. пусть остается...

— Ему не съ кѣмъ оставаться...—я одинъ его правнукъ... Его никто кормить не будетъ... говорилъ Янякъ неувереннымъ голосомъ, опустивъ глаза, запинаясь.

— Бойтесь Бога! что вы! Да вамъ жена не позволить его брать,—накинулись на Яняка всѣ его товарищи.

— Сколько лѣтъ ему?—спросилъ Харыхъ.

— Ему? Войцѣху Майхржаку? Да онъ... старый... ему, ему много лѣтъ...

— Ну, примѣрно, сколько лѣтъ?

— Да ему... ему много... не знаю навѣрно... може и сто лѣтъ...

Взрывъ смѣха сконфузилъ Яняка.

— Ну, хорошъ «бразиліанъ»! Нечего сказать!

— Стариковъ не принимаютъ,—замѣтилъ Харыхъ.

— Старикамъ и дома хорошо умирать,—прибавилъ Станиславъ.

Янякъ былъ опечаленъ; онъ шелъ послѣднимъ и всю дорогу молчалъ, только часто и долго вздыхалъ. Подходя къ своей деревнѣ, онъ нагналъ Агнешку и тихо сказалъ:

— Пани Станиславова! Вы моей Антонинѣ не говорите про то...

— Про что?

— Да про стараго... про Майхржака...

— Господи! Да что я съ ума сошла, что-ли? Зачѣмъ мнѣ говорить? Я вѣдь знаю вашу Антонину, она строгая...

Прошло нѣсколько времени по старому: также упорно, раздражающе-однообразно болтали языкомъ колоколь, всѣхъ будили, всѣхъ сзывали, и не одно сердце уныло и также раздраженно билось и болталось въ усталой груди. Шли, работали, упорно молчали и смотрѣли еще мрачнѣе. Панъ Яцковскій такъ же изрыгалъ каскады брани и кричалъ до хрипоты. Жизнь вошла въ свою обычную колею, и снаружи, по виду, все было покойно. Только бабы чаще исчезали до свѣта, втихомолку, на сосѣдніе базары и продавали все, что имѣли: продавали перины, подушки. Цѣны на эти вещи въ рукахъ жидковъ-покупщиковъ пали низко. Станиславъ продалъ ржонцѣ пару свиней, а подъ залогъ коровы взялъ впередъ жалованья за полъ-года. Прекратились работы въ поляхъ. Дожди смѣнялись заморозками, но они, молодые еще, робко бѣлили по утрамъ травку и озими, исчезали отъ солнца, а на другой день смѣняли ихъ старожилъ—холодный дождикъ.

Прошло еще нѣсколько дней, и ночь настала очень рано.

Ни въ хатахъ, ни у дворскихъ въ казармахъ нигдѣ не видно было огонька. Тучи окутали небо, вѣтеръ крѣпчалъ. Этимъ днемъ пришли карточки для всѣхъ записавшихся.

Около полуночи скрипнула дверь и выглянула голова; сейчасъ же показался изъ другихъ дверей, черезъ улицу, еще человекъ.

— А что? Пора?—спросилъ онъ.

— Пора. Тихо. На гору выходите,—прошепталъ первый.

И молча, безъ звука выходили эти обиженные, забытые, обманутые люди; молча бросали свои пепелища и шли... шли не зная куда, шли толпою, какъ стадо...

На горкѣ собралось человекъ 40; дѣти были только у Агнешки—Янекъ и Юзефа. Считали, осматривали, всѣ ли собрались.

— А Яняка нѣтъ, гдѣ вашъ Янякъ, пани Антонина?

— Ахъ Боже! Іезусъ-Марія! Гдѣ же онъ? Навѣрное прощается со старымъ Майхржакомъ! Идемъ, бѣжимъ скорѣе, онъ насъ нагонитъ, а то уцѣпится старый, тогда все пропало... Бѣжимъ!

И вся толпа побѣжала съ горы... На бѣгу. Агнешка вела за руки Янека и Юзефу; а Станиславъ, отставая, слѣпно завязывалъ въ узелокъ платка комочекъ родной земли; но онъ распался: то былъ песокъ; Станиславъ на бѣгу схватилъ другой комокъ и, завязавъ въ платокъ, засунулъ за пазуху... Бѣжали съ версту, пока темень ночи опять не окутала всѣхъ.

На горкѣ показалась фигура—это бѣжалъ Янякъ; сбѣжавъ съ горы, и онъ утонуть въ темнотѣ...

Изъ-за хаты тихо вышелъ еще человекъ, оглянулся по сторонамъ и быстро пошелъ на гору... Вѣтеръ усиливался, тучи неслись низко и быстро... Человекъ шелъ и видимо задыхался, онъ останавливался подолгу и опять шелъ. Это былъ 100-лѣтній старикъ Войцѣхъ Майхржакъ...

Онъ взойшелъ на гору, присѣлъ и ждалъ, ждалъ долго. Но никого не было... Онъ всталъ и пошелъ къ домамъ, но тамъ всѣ двери были настежъ и нигдѣ—никого!..

— А! обманули!—хрипло закричалъ старикъ и пустился бѣжать на горку. Шапка съ него упала, сѣдые длинные волосы развѣвалъ вѣтеръ. Онъ бѣжалъ, задыхался, падалъ, вставалъ и опять бѣжалъ...

— Обманули! бросили, какъ собаку! Янякъ, Янякъ, дитя мое!—кричалъ онъ, глухо рыдая и колотя себя въ грудь...

Но злой вѣтеръ относилъ его слова въ темную пустоту.

Майхржакъ стоялъ на горкѣ и, протянувъ руки впередъ, кричалъ, плакалъ, рвалъ клочками свои сѣдые волосы...

— Обманули, ушли, бросили! а! если такъ, если такъ, то будьте вы всѣ, всѣ прокляты, слышите вы, всѣ, поганые,—прооо-кляты будете!—кричалъ онъ до истомы и замолкъ.

Постоявъ минуту, онъ опять бросился внизъ, выкрикивая

что-то осяпшимъ, обезумѣвшимъ голосомъ... «Отомщу проклятымъ, верну жъ я васъ всѣхъ, всѣхъ верну»...

Фигура его мелькаетъ въ темнотѣ, какъ привидѣніе; вотъ оно исчезло и опять появилось у скирдъ соломы, около сто-
долы...

Блеснуло что-то разъ, два, еще блескъ, свѣтъ все шире, шире, и вся скирда освѣтилась огнемъ. Какъ бѣсъ, старикъ растрепанный, обезумѣвшій отъ горя и злобы, мелькалъ въ темнотѣ съ пучкомъ огня отъ скирды къ скирдѣ, и новыя скирды загорались вслѣдъ за прежними.

Вѣтеръ далеко донесъ звуки набата; бѣглецы стали въ полѣ, оглянулись и увидали зарево пожара...

— О Боже! панскій дворъ горитъ! Пропали мы! На насъ скажутъ!—заговорили въ отчаяніи бѣглецы и всѣ стали молча, точно онѣмѣли отъ неожиданности и испуга.

— Бѣжать! — крикнула Агнешка, — и всѣ, вздрогнувъ, бросились опять впередъ...

На утро отъ стодолы, сарая и скирдъ хлѣба осталась только груда пепла, покрытая горькимъ удушливымъ паромъ...

Среди пепелища найденъ трупъ Майхржакъ съ крѣпко сжатымъ въ рукѣ пучкомъ обгорѣлой соломы. Майхржакъ обезумѣвшій, съ выкаченными полными ужаса глазами задохся въ дыму...

Поль-деревни и всѣ дворскіе люди бѣжали...

Чистенькая, мощеная площадь маленькаго пограничнаго уѣзднаго городка вся уставлена повозками; болѣе 1000 чело-
вѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей стоятъ у крыльца мѣстнаго управленія. Толпа стоитъ безъ шапокъ молча, покорно, уныло...

Вокругъ толпы чело-вѣкъ 20 пѣшихъ и конныхъ ~~Польскихъ~~ стражниковъ. На крыльцѣ видный мужчина въ адъютантскомъ мундирѣ. Онъ покойно, но убѣдительно уговариваетъ эмигрирующихъ вернуться назадъ добровольно.

— Куда вы идете? на погибель! опомнитесь! идите назадъ, идите домой, туда, гдѣ дѣды и отцы ваши покойно лежатъ въ могилахъ.

— Куда мы пойдемъ? Развѣ что къ дѣдамъ въ могилу! Мы все продали, намъ ѣсть нечего теперь...

— Нѣтъ, васъ примутъ обратно на работы: поживете и вновь все наживете; вещи проданныя вамъ возвратятъ, а вы деньги отдадите... Подумайте! Ну, какъ вы полагаете, кто умнѣе и кто лучше знаетъ, гдѣ легко жить, — вы или жи-ды*)?

*) Авторъ употребляетъ названіе «жиды» потому, что въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ другого названія.

Въ первомъ изданіи: жиды, а во второмъ: жи-ды. Къ этому слову авторъ прибавилъ примечаніе, что въ Поль-скомъ Царствѣ нѣтъ другого названія. Но въ русскомъ языкѣ слово «жиды» не употребляется, а употребляется слово «евреи».

— Э, жида лучше знают, — раздалось нѣсколько голосовъ.

— Вотъ видите! И ни одинъ жидъ не пошелъ, — они знаютъ, что тамъ обманъ, тамъ васъ еще пожалуй и въ крѣпостные обратятъ!

Этотъ аргументъ производитъ впечатлѣніе. «Правда! — заговорили въ толпѣ, — жида не идутъ; можетъ и то правда, что въ крѣпостныхъ обратятъ».

— Неправда! — раздался рѣзкій голосъ женщины. — Жида не идутъ потому, что эта земля для насъ, для поляковъ, для *католиковъ*, жидовъ туда и не пускаютъ!...

— Правда! Правда! это католическая земля.

Вышелъ ксендзъ и, благословивъ толпу, началъ убѣждать вернуться къ своимъ костеламъ, къ своимъ панамъ. Долго убѣждалъ онъ, а затѣмъ добавилъ:

— Вспомните, люди добрые, кто вамъ даетъ пищу, работу — панъ; кто за васъ подати платитъ — панъ; кто васъ защищаетъ — панъ! А что же вы безъ пана будете дѣлать? Что онъ безъ васъ будетъ? Не будетъ васъ бискупъ встрѣчать въ Гамбургѣ, не будетъ бискупа въ Бразиліи, все это вамъ злые люди сказали неправду!

— Пруссъ купленный одъ панувъ и жонда*), — раздался голосъ изъ толпы. Толпа зашевелилась, заговорила. Ксендзъ махнулъ рукой и умолкъ.

Старшій офицеръ, прежде убѣждавшій толпу, теперь грозно объявилъ ей, что всѣхъ отправятъ по домамъ за карауломъ, а если кто бѣжитъ, то на границѣ приказано не пускать, а при сопротивленіи стрѣлять... Толпа молча выслушала это и отошла къ возамъ. На угрюмыхъ, усталыхъ отъ пути и безсонницы лицахъ трудно было что-либо прочесть — ничего не было, кромѣ упорной рѣшимости. Черезъ полчаса партіи по уздамъ двинулись подъ конвоемъ земскихъ стражниковъ и солтысовъ. Потянулась обратно толпа пѣшкомъ и на возахъ.

— Куда мы пойдемъ? Намъ некуда идти! Что у насъ дома? — ничего: ни дома, ни работъ, ни постели, ни скота — все продали за безцѣнокъ. Лучше камень на шею и въ воду.

Такъ разсуждала часть толпы. Другая успѣла бѣжать ранѣе.

— Куда же мы пойдемъ? — говорилъ Станиславъ. — Панъ начальникъ правду говорить: жида не идутъ въ Бразилію. И тамъ «хлопъ» будетъ работать... хлопъ всегда будетъ работать...

— Эхъ, панъ Станиславъ! Не то, — вернуться некуда: всѣ мы, дворскіе, безземельные, и дѣды, и отцы нищими въ пан-

*) Подкупленъ панами и правителями.

ских казармах умирали, а мы — землю будемъ имѣть, свою землю,—опровергалъ Янякъ.

— Землю! А можетъ и не будетъ ее... Я не вѣрю...

— Ну, вотъ! чего же вы идете въ Бразилію, если не вѣрите,—сказалъ молодой человѣкъ изъ другой группы.

— Я чего иду? — отвѣтилъ вопросомъ Станиславъ и замаялся. — Я иду, да, отъ того... да вѣдь *есть* идуť... А какъ же? *есть* идуť!... люди идуť и я за ними, ну, какъ люди... и я иду...

Ночь покрыла все. Стражники довели до границы уѣзда и вернулись. Эмигранты поѣхали далѣе, но, отѣхавъ верстъ 5, свернули съ шоссе и небольшими партіями пошли къ границѣ. Наши эмигранты попали подъ конвой ближайшаго солтыса, который, за позднимъ временемъ повелъ ихъ къ себѣ въ деревню, верстахъ въ 5 отъ границы.

Во всѣхъ столахъ, во всѣхъ домахъ деревни Петровицы оказались люди; это все эмигранты, они тихо сидѣли цѣлый день и тодько ожидали ночи.

По одному рублю съ человѣка и по шести руб. съ семейства сложились бѣглецы, и прусскій контрабандистъ взялся ночью перевести ихъ черезъ границу.

Настала опять эта желанная ночь. Темная отъ тучъ, холодная, сырая, туманная, мрачная ночь, удобная для контрабандистовъ.

Пограничный постъ не спитъ: готовится смѣна. Вахмистръ самъ развелъ людей по постамамъ.

— Смотри же хорошо. Если увидишь съ нашей стороны людей—не пускай!—говорилъ онъ молодому солдату.

— Какъ же я ихъ не пущу, если ихъ пойдеть много?

— Кричи, уговаривай; если не послушаютъ — давай два выстрѣла на тревогу, а имъ скажи, что въ нихъ стрѣляешь...

— А ежели, дяденька, они пойдутъ, не послушаютъ.

— Какой дуракъ! Не велѣно пущать, ну, и не пускай!

— А ежели они меня бить зачнутъ или камнями забросаютъ.

— Тебѣ, голова, говорить: не пускай! и все тутъ. Ротмистръ здѣсь говорилъ, что ежели уже они тово, не дай Богъ, съ оружіемъ нападутъ и ежели, значить, ужъ самая то ись крайность, пали поверхъ головы, или внизъ, и ежели то ись, самая, разсамая крайность,—въ ихъ пали... Понялъ?

— Такъ точно...

Ходить солдатикъ, присматривается, а на душѣ у него скверно. «Эхъ, жизнь!» думается ему, ходи здѣсь! «Разсамая крайность?» Не отъ радости и они-то бѣгутъ должно. Хоша они и поляки, а все же наши, царскіе люди — за что я его убивать буду? Господи! помилуй, чтобы не шли на меня!..

Эхъ, горемычные! съ дѣтьми, слышь, идутъ, дома побросали! Эхъ и жисть,—горе одно...

И жалость охватила душу простого человѣка. Зналъ онъ: «хрестіанское» житіе—не медъ; только что самъ отъ сохи... И онъ перенесся въ *себя*, туда, на деревню, вспомнились ему неудачи, безработица, неурожай, отхожіе промыслы и проводы своихъ, рекрутчина, и жалость, безконечная жалость охватила сердце солдата...

Между тѣмъ толпа въ 500—600 человѣкъ тихо двигалась полями, впереди шель контрабандистъ, за нимъ длинной вереницей шли люди, на плечахъ несли узлы и дѣтей... Въ тишинѣ слышно было только шлепанье по лужамъ, да подчасъ пискъ или плачъ ребенка.

Вдругъ залаяла собачка.

— А Боже мой! Да это Шарекъ! лови, держи его! Убить его! — раздались голоса.

Но Шарекъ, шедшій за малымъ Янекомъ, не давался въ руки. Янекъ плакалъ, ему жаль было друга дѣтства...

— Лови, лови его, а то залааетъ на солдата и всѣхъ задержатъ,—говорили люди.

— Стась, лови его проклятаго,—говорила злобно Агнешка. Станиславъ схватилъ собачку, и она прилегла, замахала хвостомъ и ласково смотрѣла въ глаза хозяину.

— Бей его!

Станиславъ схватилъ Шарека за горло одною рукою, а другою камнемъ билъ его въ голову. При каждомъ ударѣ собачка взвизгивала, стонала...

— Бей, бей его! — поощряли Станислава другіе, и сами били каблуками въ бокъ, въ голову...

— Шарекъ!—плакалъ горько Янекъ,—бѣдный Шарекъ!

— Молчи, «быдло!»—зашипѣла Агнешка и ударила сына. Шарека съ разбитой въ кровь головою, съ вытѣзаннымъ глазомъ отбросили въ сторону... Черезъ минуту, однако, собака приподнялась и издали заковыляла за своими друзьями-хозяевами...

Вотъ... вотъ уже и граница... вонъ тамъ привѣтливо мелькаютъ огоньки—это въ Пруссіи въ шинкахъ, бразиліанъ тамъ ждутъ. Толпа идетъ, сжимается, все гуще и плотнѣе...

— Прусака-проводника нѣтъ! Прусака събѣжалъ,—пронеслось въ толпѣ и ужасъ охватилъ всѣхъ.

— Стой! назадъ!—закричалъ вдругъ изъ темноты часовой солдатикъ...

Толпа идетъ, молча, густо, шумить, какъ волна на приливѣ...

— Стой, стой говорятъ! — дрожащимъ голосомъ кричить опять часовой.—Стой! назадъ! палить буду!

Но толпа идетъ, все ближе, все яснѣе...

— Господи! что же мнѣ дѣлать?—мелькнуло у солдата, и онъ выстрѣлилъ на воздухъ...

Толпа дрогнула и побѣжала, но не назадъ... Она все ближе и ближе... Солдаты выстрѣлили еще разъ, все еще вверхъ на тревогу...

— Въ васъ стрѣляю!—берегись!—крикнулъ онъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ...

Издали мелькнули огоньки, все ближе. Это факелы въ рукахъ отряда конныхъ стражниковъ кровавымъ свѣтомъ оза-раютъ бѣгущую толпу. Конный отрядъ быстро обскакалъ бѣглецовъ и остановилъ ихъ.

Впрочемъ, черезъ границу удалось уйти многимъ... Дѣти Агнешки пробѣжали туда одни, безъ матери и исчезли...

Блѣдный, весь дрожащій стоялъ солдатикъ съ ружьемъ въ рукахъ и жалостно смотрѣлъ на стонущую дѣвушку... Остальныхъ конные стражники гнали назадъ отъ границы...

А тамъ, за кордономъ, безъ остановки бѣжали «бразиліане», бѣжали за другими въ невѣдомое, на обманъ, на обирательство, какъ жертвы невѣжества, бѣдности и темноты...

Что ждетъ ихъ тамъ, за далекими морями?..

Димитрій Марковичъ.

---

* * *

Нѣтъ движенія въ горахъ, все замолкло и спитъ
Подъ сверкающимъ снѣжнымъ ковромъ,
Только горный потокъ не смолкая шумитъ
И рыдаетъ и ночью, и днемъ.

Всюду стелеть зима ледяной свой покровъ
И съ потокомъ вступаетъ въ борьбу,
Но онъ рвется мятежный изъ тяжелыхъ оковъ,
Громко рошцетъ на жизнь и судьбу.

И несется средь скалъ и угрюмыхъ камней,
Нарушая ихъ мертвый покой,
И поетъ имъ, что нѣтъ ни преградъ, ни цѣпей
Всѣмъ безстрашнымъ съ могучей душой.

И разносится пѣсня во мракѣ долинъ,
Пробуждая отъ мертваго сна,
А на встрѣчу потоку съ лазурныхъ вершинъ
Улыбаясь нисходитъ весна.

Allegro.

КОНЕЦЪ СТАРИНЫ.

Поля Бурда.

Переводъ съ французскаго.

VII.

Молодые люди стали приходить къ Терметтъ по вечерамъ аккуратно черезъ день.

Во второй разъ Балтазаръ бесѣдовалъ такъ же увлекательно, какъ и въ первый, а послѣдующіе разы ничѣмъ не отличались отъ второго. Его имѣнія, земли, виноградники, счастье женщины, съ которою онъ ихъ раздѣлитъ, составляли единственный предметъ его разговоровъ; въ этомъ заключались всѣ его средства обольщенія, и ни о чемъ другомъ онъ не упоминалъ. Вѣроятно, какъ говорила Франсуаза, это удовлетворяло дѣвушекъ въ былыя времена; но, конечно, уже не нравилось теперешнимъ дѣвицамъ.

Между тѣмъ, бравый парень, видя хорошій пріемъ со стороны Терметты, которая привѣтливо обращалась съ нимъ ради товарища, ходившаго съ нимъ вмѣстѣ, понималъ ея любезность совершенно иначе.

До сихъ поръ ни одна еще дѣвушка не позволяла ему такъ долго ухаживать за собой. Онъ съ торжествующимъ видомъ указывалъ на это матери, которая недовѣрчиво качала головой. Старуха была умна; хотя она гордилась сыномъ до такой степени, что на селѣ ее называли курицей, которая еще не замѣтила, что высидѣла утенка, однако эта материнская гордость не мѣшала ей помнить о прежнихъ безуспѣшныхъ попыткахъ сына.

— Неизвѣстно, чего нужно нынѣшнимъ дѣвушкамъ, — говорила она съ досадою.

— Не говори этого, мать, не говори этого, — возражалъ Балтазаръ. — На этотъ разъ, клянусь тебѣ, все будетъ. Можешь готовить себѣ платье къ свадьбѣ: скоро у тебя будетъ невѣстка. Она мнѣ ничего не говоритъ, но, когда я на нее смотрю, надо видѣть, какъ она отворачивается и стыдится! А когда я съ

ней говорю, она всегда находить для меня пріятныя отвѣты! Говорить: «какой вы смѣшной!» или: «мой бѣдный Балтазаръ, что это вы рассказываете?» или еще чтонибудь въ этомъ родѣ. Да, да, матушка, я теперь—я бѣдный Балтазаръ, а когда я беру ее за руку, развѣ я не вижу, какъ это ее волнуетъ? За цѣлое царство,—слышишь ты,—она не оставила бы ее въ моей рукѣ! Она попалась, говорю тебѣ, попалась. Готовъ держать пари на сто эку противъ одного ліара. Дома Кенсоновъ и Мюзелей породнятся. А скажи, когда вы меня выдѣлите и участокъ Мюзелей станетъ моимъ, не буду ли я богаче всѣхъ на двадцать лье въ окрестности?

— Терпѣніе,—отвѣчала крестьянка,—слишкомъ рано заплѣть плѣтушекъ.

— Клянусь, что она только о томъ и думаетъ. Бывало ли когданибудь, чтобы я ошибался? Безъ похвалы скажу, развѣ не всегда случается такъ, какъ я говорю?

— Она еще не сказала: «да».

— Она скажетъ. Если бы я не былъ такъ увѣренъ, я бы не стоялъ на своемъ.

Терметта восхищалась въ Маркѣ контрастомъ исключительно одаренной природы: воспримчиваго ума и добрейшаго сердца съ тою ровностью нрава и постоянной веселостью, которыя являлись послѣдствіемъ его несокрушимаго здоровья. Чѣмъ больше она его видѣла, тѣмъ больше убѣждалась, что никто не можетъ быть ему равенъ, и вмѣстѣ съ этимъ убѣжденіемъ все глубже вни́дрялось въ ея сердце то чувство, которое зародилось во время ихъ ночной встрѣчи и которое теперь уже сама она начинала называть настоящимъ именемъ. Въ глубинѣ ея сознанія, въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ мысли, онъ былъ уже ея Маркомъ; она, такъ сказать, втайнѣ вступила во владѣніе имъ, и всякая его черта любезности или превосходства наполняла ее радостною гордостью, какъ будто она уже имѣла право гордиться имъ. Она была счастлива, что любить его. Но главнымъ недостаткомъ его сильной натуры было, очевидно, отсутствіе проникательности: онъ былъ немного тяжеловѣсенъ во всемъ. Повидимому, онъ не понималъ—да и въ самомъ дѣлѣ не понималъ—намековъ, которыми эта любовь стремилась высказаться передъ нимъ. Нѣкоторое фатовство помогло бы ему въ этомъ, но оно было ему совершенно чуждо. Всюду внося веселье, онъ вездѣ чувствовалъ себя прекрасно; разумѣется, въ домѣ Мюзелей ему было пріятнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что онъ цѣнилъ неурядныя качества Терметты. Вотъ и все. Онъ относился къ ней съ искренней дружбой, и только.

Когда молодая дѣвушка принуждена была сознаться, что

эти посидки, поддерживающія ея страсть, ничуть не измѣняли чувствъ Марка, она попробовала стать посмѣлѣе.

— Что вы все ходите къ Франселинѣ, хотя ничего не можете добиться?—сказала она ему.

— Я, какъ игрокъ, гонюсь за моими деньгами. Я уже такъ давно ухаживаю за ней, что все надѣюсь на скорый успѣхъ. Я говорю себѣ: «Ну, схожу еще сегодня вечеромъ, и если она наконецъ рѣшится, по крайней мѣрѣ, мои старанія не будутъ потеряны».

Разъ вечеромъ, когда онъ хвалилъ ей своего пріятеля Балтазара, она вздохнула:

— Отчего вы такъ не говорите за себя?

— За себя?—повторилъ онъ съ удивленіемъ.

Она испугалась, что зашла слишкомъ далеко, и храбрость покинула ее.

— Да, отчего вы такъ не говорите за себя при Франселинѣ? Конечно, вамъ тогда не пришлось бы такъ долго ждать ея согласія,—поправила она.

Въ другой разъ онъ разсказалъ ей, что поспорилъ съ ея дѣдомъ въ муниципальномъ совѣтѣ.

— Но вы можете съ нимъ поссориться!—замѣтила она съ упрекомъ.

— О, мы съ нимъ никогда не были друзьями.

— Прошу васъ, — сказала она умоляющимъ тономъ, — старайтесь съ нимъ не вздорить!

— Богу извѣстно, что я этого и не желаю, барышня; но отчего вы этого такъ боитесь?

— А если вамъ когда нибудь придется обратиться къ нему съ просьбой?

— Мнѣ? Да какая же у меня можетъ быть къ нему просьба?

Онъ сталъ думать о томъ, что онъ могъ бы попросить у стараго Мюзеля, — и не придумалъ.

— Онъ не понимаетъ, — подумала Терметта. — Не хочетъ понимать.

Фанія передавала ей бесѣды Марка со своимъ возлюбленнымъ, школьнымъ учителемъ Метралемъ; она узнавала объ ихъ содержаніи, выспрашивая какъ будто ненамѣренно то то, то другое. Бесѣды эти слишкомъ хорошо подтверждали, что вся пріятельность молодой дѣвушки была совершенно напрасна, и что Маркъ думаетъ объ одной лишь Франселинѣ.

Школьный учитель былъ сторонникомъ тѣхъ нововведеній, которыя Маркъ желалъ привить къ деревенской жизни. Это и послужило основаніемъ ихъ дружбы. А съ тѣхъ поръ, какъ Маркъ ухаживалъ за дочерью Риболье, они видались чуть не каждый день. Въ самомъ дѣлѣ, не довольствуясь посидками, — единственнымъ временемъ, когда обычай разрѣшаетъ ухаживать

ваніе, — влюбленный приходилъ въ школу и днемъ, разсчитывая встрѣтить молодую дѣвушку. Зимой у него было свободное время, и, если Франселина не являлась, онъ хотя съ пріятелемъ бесѣдовалъ о своей любви послѣ ухода школьниковъ.

Метраль былъ бѣденъ, какъ школьный учитель старыхъ временъ; отъ общины онъ получалъ двѣсти франковъ, немного болѣе сотни платили ему ученики, а еще сотню онъ зарабатывалъ игрою на скрипкѣ на праздникахъ и свадьбахъ, службою и пѣніемъ въ церкви и плетеніемъ сѣтей для ронскихъ рыбаковъ. Сверхъ того, ему давали продовольствіе, которое при наступленіи зимы онъ ходилъ собирать изъ дома въ домъ, получая здѣсь хлѣбъ, тамъ вино. Но всѣ эти доходы, сложенные вмѣстѣ, далеко не составляли богатства, и сознаніе нищеты въ соединеніи съ высокимъ мнѣніемъ о своей профессіи порождало въ немъ болѣзненную гордость, приводившую къ припадкамъ мрачнаго унынія.

Съ нѣкотораго времени онъ сталъ мрачнѣе обыкновеннаго: онъ узналъ, что Кенсонъ-Кенсоны собираются дѣлить свое имущество, до тѣхъ поръ нераздѣленное по причинѣ несовершеннолѣтія младшаго изъ братьевъ, и что возникъ вопросъ о выдѣленіи части для Фаніи, хотя, въ качествѣ незаконнорожденной, она не имѣла права требовать чего либо. Онъ полюбилъ Фанію, считая ее безприданницей; но теперь, когда ей предстояло получить четыре или пять тысячъ франковъ чистогонаго при выходѣ замужъ, онъ не хотѣлъ подвергать себя риску получить отказъ.

— Она ужъ не невѣста для такого нищаго, какъ я, — говорилъ онъ, — и ни за что на свѣтѣ я не буду настолько смѣшонъ, чтобы искать жену богаче себя.

Онъ собирался покинуть Каландръ и уйти куда нибудь подальше. Онъ не любилъ никого, его не любилъ никто, и все ему было безразлично!

Къ этой темѣ молодые люди возвращались безпрестанно. Маркъ освѣдомлялся, спрашивалъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе заинтересованную сторону, прежде чѣмъ придти къ такому отчаянному рѣшенію. Метраль отвѣчалъ, что онъ ясно видитъ, насколько это бесполезно. Дѣло въ томъ, что, задѣтая недостаткомъ довѣрія къ ней, Фанія имѣла коварство давать ему мучиться сколько угодно. Маркъ совѣтовалъ ему хотя попытаться, но онъ упрямился и отвѣчалъ, что не желаетъ рисковать получить отказъ отъ женщины. Для такого человѣка, какъ онъ, какое униженіе! Ужъ лучше было уѣхать тотчасъ же. Добродушный богатырь смѣялся надъ его гордостью и ставилъ себя въ примѣръ. Кто униженъ больше него? Развѣ Франселина не оскорбляетъ его каждый день? А между тѣмъ

онъ не унываетъ. И именно потому, что она женщина, онъ переноситъ отъ нея все.

— До вѣнца, — говорилъ онъ смѣясь, — женщины нами командуютъ, потому что требуется ихъ согласіе. Но развѣ она въ церкви скажетъ «да», развѣ я потомъ не наверстаю своего?

— Онъ ее любитъ, — печально говорила Терметта въ заключеніе. — А мнѣ, между тѣмъ, кажется, что мы созданы другъ для друга.

— Невозможно, чтобъ ему не надоѣла такая гордочка! Хотите, я съ нимъ поговорю? — спрашивала Фанія.

Но молодая дѣвушка просила этого не дѣлать. Ее оскорбляла мысль о посредничествѣ, хотя бы самой близкой подруги, между Маркомъ и ею. Она боялась вызвать его неудовольствіе и лишиться его посѣщеній.

Та самая любовь, которая утѣшала ее, зарождааясь, теперь стала усиливать каждое ея огорченіе. Существованіе, на которое она была обречена, сдѣлалось для нея несноснымъ. Ей скоро пришлось отказаться отъ всякой надежды вліять на домашнюю жизнь, быть чѣмъ нибудь инымъ, кромѣ какъ предметомъ издѣвательствъ дѣда. Въ первый же разъ, какъ она осмѣлилась пожаловаться на хлѣбъ, отъ котораго хворала, онъ отвѣтилъ:

— Вотъ именно! Я только о томъ и думаю! Съ завтрашняго же дня начнемъ кормить тебя пирогами.

И голосъ его былъ такъ жестоко насмѣшливъ, что она съ этихъ поръ замолчала совсѣмъ.

Ей, по крайней мѣрѣ, казалось, что она можетъ привести въ порядокъ хозяйство и содержать его въ той чистотѣ, которая превратилась для нея въ потребность. Она была добра и трудолюбива, и подобный пе реворотъ могъ бы совершиться весьма быстро; но всѣ ея попытки разбились объ упорное противоудѣйствіе Мюзеля. Возвращаясь съ поля, онъ всегда приносилъ на подошвахъ глыбы земли, которыя нарочно отряхалъ на плиты пола, только что подметеннаго Терметтой. Принесенныя съ собою орудія онъ бросалъ, куда попало, въ уголъ, и ворчалъ, если не находилъ ихъ на томъ же мѣстѣ.

Она добилаь только того, чтобы въ окно вставили новыя стекла, а входную дверь загородили рѣшеткою отъ куръ и коровъ, входившихъ въ домъ, когда дверь бывала открыта, то есть цѣлый день. Когда Мюзель увидѣлъ счетъ стекольщика, то морщины подъ его подбородкомъ заволновались, какъ бы собираясь залить ему все лицо, и онъ проворчалъ, не обращаясь ни къ кому въ частности:

— Значитъ, теперь тутъ такъ богаты, что можно дѣлать глупости?!

Онъ возставаъ противъ всякаго улучшенія, чтобы доса-

дять внука, но еще болѣе по инстинкту крестьянина, сроспавшись со своими привычками. Онъ зналъ, какъ образовался участокъ Мюзелей, по собственнымъ трудамъ, какіе вложилъ въ него; онъ зналъ, сколько разъ въ деревенской жизни, гдѣ неожиданныя прибыли такъ рѣдки, а доходы такъ скудны, надо подумать надъ копѣйкой, если хочешь собрать что нибудь. Въ его глазахъ человекъ, ничего не скопившій и не прибавившій къ полученному наслѣдству, не исполнялъ своей обязанности, не заслуживалъ ни малѣйшаго уваженія и стоялъ почти на одномъ уровнѣ съ мошенникомъ. Стараться о собственныхъ удобствахъ, позволять себѣ кое-что лишнее было для него вступленіемъ на путь разврата, отреченіемъ отъ суровой и трудной жизни, которая выпала ему на долю, изнѣженностью, началомъ безчестности. Все это коробило его глубины души. Слѣдовательно, въ его упорномъ отстаиваніи своей неотесанности была извѣстная система.

Онъ даже не выносилъ, когда Терметта убирала и вытирала пыль.

— Развѣ тебѣ нѣтъ другого дѣла,—спрашивалъ онъ,—какъ только «ветошничать» тутъ по дому?

— Неужели вы не позволите мнѣ побаловаться четверть часика въ день?—возражала она.

Окрики въ этомъ родѣ, постоянныя столкновенія съ мужицкою жестокостью, напоминаніе о деревенской грубости причиняли ей больше боли, чѣмъ побои. Ни малѣйшей передышки! Никакого утѣшенія! Уныніе ея было тѣмъ болѣе глубоко, тѣмъ болѣе мрачно, что исчезала блеснувшая было надежда избавиться отъ всѣхъ этихъ бѣдъ.

Слѣпой Фошуреръ однако замѣтилъ ея страдающій видъ и съ участіемъ нѣсколько разъ спрашивалъ о причинѣ.

— Ничего, ничего нѣтъ, — отвѣчала она рѣзко, невольно раздражаясь на его недогадливость.

Въ долгіе часы грусти она часто думала о смерти, вѣчномъ предметѣ мечтаній безнадежно влюбленныхъ. Ей казалось, что она долго не проживетъ, и это доставляло ей мрачную радость. Что такое ея жизнь? Жалкій отбросъ, если Маркъ ея не хочетъ!

VIII.

Однажды Фанія пригласила ее придти посидѣть вечеркомъ. У нихъ предполагалось очень важное собраніе, на которомъ ей хотѣлось, чтобы присутствовала подруга. Терметта застала троихъ братьевъ Баски—старшаго, Бодиля, средняго, Клавдія, и младшаго, Франсуа, за столомъ съ Маркомъ Фошуреромъ и

сосѣдомъ Лашеналемъ, бывшимъ лекуномъ Франсуа. Метраль поправлялъ ученическія тетрадки при свѣтѣ очага.

Большой кувшинъ, покрашенный съ боковъ отъ потоковъ вина, стоялъ на столѣ рядомъ съ хлѣбомъ для тѣхъ, кто не умѣлъ пить безъ закуски. Маленькая лампочка, привѣшенная на бичевкѣ къ балкѣ, освѣщала пьющихъ; передъ каждымъ стоялъ стаканъ, на который каждый глядѣлъ пристально, какъ будто ожидая, чтобы кто нибудь заговорилъ. Кенсоны, привыкшіе, чтобы за нихъ говорила сестра, сидѣли, точно на острыхъ гвоздяхъ: такъ лихорадочно они ерзали по скамьѣ при мысли, что имъ придется поддерживать разговоръ. Судя по всклокоченнымъ копнамъ ихъ волосъ, они уже не разъ почесали себѣ головы.

— Такъ вы говорите, — сказалъ, наконецъ, Лашеналь, — что хотите заранѣе обсудить раздѣлъ, прежде чѣмъ идти къ нота-рису?

— Оно самое! — вскричалъ Бодиль съ такимъ восторгомъ, какъ будто съ его груди сняли громадную тяжесть.

Онъ громко вздохнулъ отъ облегченія.

— Франсуа теперь совершеннолѣтній. Вы хотите каждый получить свою долю на руки?

— Оно самое! Вотъ оно самое! — подтвердилъ просіявшій Бодиль.

Братя его сидѣли неподвижно, разинувъ рты, какъ будто боясь вспугнуть мысли сосѣда, и вытаращивъ глаза отъ чрезвычайнаго напряженія ума. Ихъ, очевидно, восхищало краснорѣчіе старшаго брата.

— Такъ прежде всего надо рѣшить вотъ что: сколько у васъ будетъ частей?

— Гм, гм! — сказалъ Бодиль и посмотрѣлъ на братьевъ съ яснымъ выраженіемъ того, что и имъ пора бы заговорить. Молодые люди тотчасъ сосредоточили вниманіе исключительно на своихъ стаканахъ. Тогда Бодиль бросилъ отчаянный и призывный взглядъ на Фанію, но та поспѣшила повернуться къ Терметтѣ, съ которою вмѣстѣ вязала, сидя у огня противъ Метраля.

Бодиль въ припадкѣ глубокаго отчаянія, запустилъ свои толстые черные и узловатые пальцы въ свои жесткіе волосы и потянулъ ихъ изо всѣхъ силъ, какъ будто желая стащить ихъ — точно парикъ, и бросить въ уголь. Но видя, что они не отдѣляются отъ его черепа, онъ воскликнулъ:

— Двадцать пять тысячъ громовъ!

И думая, что достаточно просвѣтилъ присутствующихъ относительно намѣреній семьи, онъ принялся, подобно своимъ братьямъ, съ величайшимъ вниманіемъ разсматривать свой стаканъ. Онъ поглядѣлъ даже на свѣтъ лампочки, какого

цвѣта въ немъ вино. Видно было, что онъ твердо рѣшился не произносить болѣе ни слова.

— Все это очень хорошо,—замѣтилъ Маркъ, помолчавши,—но что касается меня, то я хотѣлъ бы узнать побольше.

Бодиль поглядѣлъ на него съ упрекомъ и нѣсколько разъ приподнялъ плечи, какъ бы желая сказать, что онъ, Маркъ, знаетъ больше кого бы то ни было.

— На сколько частей хотите вы дѣлить? на двѣ, на четыре, на шесть, на десять? Говорите! — повторилъ Лашеналь.

Бодиль опять посмотрѣлъ на Марка съ видомъ упрека, къ которому на этотъ разъ примѣшивалось грустное безпокойство, опять пожалъ плечами и наконецъ сказалъ Фошуреру:

— Говорите же, сударь, говорите же!

— Вы хотите, чтобы я сказалъ свое мнѣніе?

— Оно самое, оно самое! — воскликнулъ Бодиль, снова просіявъ и отдуваясь еще громче, чѣмъ въ первый разъ, вѣроятно потому, что передъ тѣмъ былъ и болѣе удрученъ; онъ даже вытеръ оборотомъ руки свой лобъ, на которомъ выступили капли пота. Его братья также отдышались и утерлись: усиліе, которое они дѣлали, напрягая свое вниманіе, очевидно, ихъ утомило.

— Послѣ этого можно выпить по стаканчику,—прибавилъ краснорѣчивый глава семейства Кенсоновъ: въ такомъ онъ былъ восторгѣ. Чокнулись.

— Надо выпить еще по стакану, двадцать пять тысячъ громовъ!—продолжалъ онъ, воодушевившись своимъ первымъ успѣхомъ.

Онъ съ удивленіемъ сталъ наливать и наполнилъ до краевъ стаканы, которые тотчасъ были опорожнены вторично и со звономъ поставлены на столъ.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь давъ себѣ отчетъ въ той разницѣ, какая существовала между Кенсонъ-Кенсонами и болтунами, можно было понять, почему маленькая Баска, воспитанная вмѣстѣ съ ними, находила восхитительными рѣчи ихъ нахлѣбника Метраля.

— Мое мнѣніе будетъ для васъ не ново,—сказалъ Маркъ. Фанія—Баска; она не существуетъ для закона, слѣдовательно, по закону не имѣетъ права ни на что.

Но Фанія, хоть и была Баска, однако не способна была молчать даже передъ закономъ.

— Какъ не имѣю права ни на что?—воскликнула она, вскакивая такъ быстро, что подъ ней опрокинулся стулъ. — Интересно узнать, какъ это будетъ!

Маркъ предложилъ ей узнать, не закипаетъ ли ея похлебка, а самъ посовѣтовалъ братьямъ раздѣлить свое добро сначала пополамъ.

— Пополамъ?!—вырвалось у Клавдія.

Бодиль, изумленный такимъ чрезвычайнымъ событіемъ, схватилъ его за руку, какъ бы заклиная не измѣнять своимъ привычкамъ и боясь, что Маркъ перестанетъ говорить, если его перебивать.

Молодой человѣкъ продолжалъ:

— Въ одной долѣ «будетъ» наслѣдство отца, изъ котораго Фанія не можетъ ничего требовать, такъ какъ она ему не дочь, и эту долю братья подѣляютъ между собой; въ другой долѣ будетъ материнское наслѣдство, гораздо болѣе значительное. Ее,—сказалъ онъ,—вы можете подѣлить, какъ и первую: таково ваше право. Но спрашиваю васъ, всегда ли вы считали Фانیю за сестру?

Отъ этого вопроса оба младшихъ Кенсона совершенно ошѣпили. Они обмѣнялись взглядами, какъ бы спрашивая: «что это значить»? Старшій братъ, съ своей стороны, вновь подвергся приступу отчаянія. Онъ опять попытался сдернуть свои волосы, торчавшіе прямѣе барабанныхъ палокъ, и произнесъ восклицаніе, которымъ ограничивалась большая часть его рѣчей:

— Ахъ, двадцать пять тысячъ громовъ!

— Ну, сестра она вамъ?

Бодиль быстро пожалъ плечами и съ гнѣвомъ произнесъ:

— Ровнехонько ничего не понимаю!

— Ладно, — продолжалъ Маркъ, улыбаясь.—Ну, такъ ее надо и наградить, какъ сестру. Съ тѣхъ поръ, какъ она выросла, она работаетъ не хуже васъ, хозяйничаетъ, помогаетъ въ полѣ. Она васъ любитъ, вы ее тоже любите; а если такъ, то зачѣмъ ссориться? Раздѣлите вторую долю на четыре равныя части и одну часть отдайте Фаніи. На вашемъ мѣстѣ я сдѣлалъ бы такъ.

— Оно самое, оно самое!—радостно воскликнулъ старшій Кенсонъ, вздыхая такъ громогласно, какъ будто съ него на- всегда свалились всевозможныя заботы.

Братья утерли лбы съ нескрываемымъ удовольствіемъ, а Бодиль, торжествуя, взялся за кувшинъ.

— Теперь хорошенько выпьемъ, двадцать пять тысячъ громовъ!

Онъ былъ такъ доволенъ удачнымъ окончаніемъ этого дѣла, что предложилъ выпить по три стакана, и собрался наливать по четвертому, когда Маркъ и Лашеналь закрыли свои стаканы руками, чтобы помѣшать ему. Фанія, сіяя отъ удовольствія и красная, какъ брюква, тискала руки Терметты, точно благодаря ее за доброту Марка.

— Онъ судить, какъ Соломонъ,—сказала она ей.—У меня слезы выступаютъ на глазахъ, когда я его слушаю.

Бѣдной Терметтѣ совсѣмъ не нужно было хвалить ея Марка: она и такъ не пропускала ни одного его движенія, ни одного его слова. Сердце ея было такъ взволновано, что она вся поблѣднѣла; но этого никто не замѣтилъ въ семейномъ кругу, гдѣ всѣ казались довольными.

Вдругъ, какъ будто вознамѣрившись, въ свою очередь, удивить публику, заговорилъ Франсуа:

— Скажите, пожалуйста, мнѣ кажется, что законъ...

Фанія быстро обернулась къ этому нарушителю всеобщей радости и тотчасъ же вспылила. Скрестивъ руки и вставши передъ нимъ, она прервала его потокомъ словъ, которые посыпались на несчастнаго, точно удары.

— Ну, конечно, да, совѣтую тебѣ говорить; только будешь дѣло имѣть со мною. Чего ты разсуждаешь? Чтожъ ты хочешь отъ меня отказаться? Молчи себѣ со своимъ закономъ. Съ тобою мнѣ больше всего хлопотъ и ты же отъ меня отрекаешься! Ну-ка, отрекись, посмотримъ! Прощу тебя, попробуй-ка, хоть для виду!

Франсуа, задыхаясь подъ этимъ дождемъ угрозъ, дѣлалъ только отрицательные знаки, нисколько не унимавшіе сестру; наконецъ, утомившись, онъ вновь устался на свой стаканъ съ видомъ человѣка, котораго ничто уже не заставитъ опять вмѣшаться въ разговоръ. Метраль, присутствовавшій при крушеніи своихъ плановъ на будущее, — такъ какъ его болѣзненная гордость крѣпко вбила ему въ голову убѣжденіе, что молодая дѣвушка, получивъ приданое, уже не захочетъ стать его женою, — подумалъ, что молодой Кенсонъ хочетъ возразить противъ раздѣла, предложеннаго Маркомъ, и попытался поддержать его.

— Но, — сказалъ онъ, — Франсуа долженъ же высказать свое мнѣніе. Законъ, дѣйствительно... — Ему не удалось кончить.

Фанія обрушилась на него, какъ ураганъ:

— Молчите, школьный учитель; вы не знаете, что говорите! Не выводите меня изъ себя (ей, очевидно, казалось, что этого еще не случилось). Если я за васъ примусь, то вамъ не поздоровится, хоть вы и школьный учитель. Я хочу имѣть приданое, слышите? Кажется, я его заработала. Я не хочу, чтобы про мою свадьбу сказали, будто Голодъ женится на Жаждѣ. Проглотите-ка это!

— Да пригляди же за своей похлебкой, ради Бога! — вскричалъ Маркъ, — А вы, продавецъ премудрости, поправляйте ваши тетрадки; не то мы никогда не кончимъ. Ну, что скажете, куманекъ? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Лашеналю.

— По моему, разсудили вѣрно, — добродушно заявилъ старый крестьянинъ.

Похлебка, которою занялась Фанія, была праздничная, съ творогомъ. Когда она поставила котелъ на столъ и начала разливать по чашкамъ, то строго взглянула на Франсуа и сказала:

— Ужъ не знаю, подавать ли тебѣ! Не знаю, сестра ли я тебѣ!

— Да, если подашь ему, — сказалъ Маркъ, смѣясь.

— Послушай, — пролепеталъ Франсуа, краснѣя, — ты не поняла. Я хотѣлъ сказать, что законъ очень смѣшной; толкуетъ, будто тебя нѣтъ, а мы хорошо знаемъ, что ты есть!

И онъ разсмѣялся громкимъ ребяческимъ смѣхомъ. Фанія со слезами бросилась къ нему на шею и поцѣловала его, говоря:

— Ахъ, милый Франсуа, ахъ, милый Франсуа!

Остальные братья, въ восторгѣ отъ мысли младшаго и отъ способа ея выраженія, также захотѣли сбнять его. Фанія перепцѣловала ихъ въ свою очередь. Словомъ, началось всеобщее цѣлованіе. Всѣ были растроганы, довольны, въ восторгѣ другъ отъ друга и внѣ себя отъ радости, что раздѣлъ не привелъ ни къ малѣйшему охлажденію. Маркъ, увлеченный всеобщимъ весельемъ, спросилъ, неужели онъ останется безъ награды. Фанія тотчасъ объявила, что онъ слишкомъ хорошо говорилъ, чтобы остаться безъ награды, и поцѣловала его также, съ коварнымъ удовольствіемъ поглядывая издали на Метраля, который, хмурясь болѣе обыкновеннаго, со злостью продолжалъ свою работу.

— Если бы это была моя семья! — подумала Терметта съ завистью.

Спросивши себѣ третью чашку похлебки, Маркъ объявилъ, что осталось сдѣлать еще кое что. Это извѣстіе сразу уничтожило веселость Кенсоновъ.

— Какъ, еще не кончено?

Но добрый богатырь не смутился ихъ тревожными и умоляющими взорами. Онъ объяснилъ имъ, что теперь, послѣ раздѣла и ухода Франсуа на семь лѣтъ, Бодиль и Клодъ, вѣроятно, женятся. Но если ввести въ домъ другую женщину, то Фаніи нельзя будетъ въ немъ остаться, потому что сестры и невѣстки рѣдко ладятъ между собой. Поэтому ее слѣдуетъ выдать замужъ, — сказалъ онъ въ заключеніе.

Кенсоны, не донеся ложекъ до рта, такъ и остались съ поднятыми руками и разинутыми ртами, окаменѣвъ отъ изумленія.

— Съ нею разстаться? — воскликнулъ Бодиль.

— Ахъ, двадцать пять тысячъ громовъ!

— Э, — замѣтила Фанія, — почему вы знаете, хочу ли еще я замужъ?

— Ужъ знаю. Если я посватаюсь, развѣ ты за меня не пойдешь?

— Охъ, для васъ, сударь, на моей мельницѣ слишкомъ мало воды.

— Значить, ты хочешь за другого? Бодиль! вы глава семьи, спросите же ее, за кого она хочетъ замужъ?

Глава семьи запустилъ руки въ волосы и дернулъ ихъ съ такою силою, какъ будто на этотъ разъ окончательно рѣшился оторвать голову, если они не захотятъ отдѣлаться. Какимъ образомъ волосы и голова уцѣлѣли послѣ этого послѣдняго усилія? Очевидно, они были прочно придрѣланы. Послѣ тщетныхъ стараній Бодиль утеръ лобъ рукавомъ блузы, и это такъ поглотило его вниманіе, что онъ не задалъ никакого вопроса сестрѣ.

— О!—сказала послѣдняя, обращиваясь къ Метралу съ такою улыбкою, что она показалась ему адскою: — Теперь у меня есть приданое, и я могу выбирать.

Школьный учитель увидѣлъ направленное противъ него издѣвательство и объявилъ, что не принадлежитъ къ числу соискателей. Фанія, смѣясь, стала увѣрять, что онъ ухаживаетъ за нею. Онъ защищался съ величайшимъ смущеніемъ. Неспособный преодолѣть смущенія, онъ боялся какой нибудь мистификаціи. Онъ сидѣлъ у очага, не зная, куда смотрѣть, чувствуя, что на него устремлены всѣ взоры, что нервы у него натянуты, что онъ готовъ на всевозможныя глупыя и злыя выходки, только бы отклонить малѣйшую тѣнь униженія, причемъ злился на самого себя за недостатокъ чистосердечія, злился на эту дѣвчонку, забавлявшуюся его смущеніемъ и сознавая, что онъ тѣмъ болѣе смѣшонъ, чѣмъ менѣе желаетъ такимъ казаться.

Глава семьи на вопросъ Марка толкнулъ локтемъ Лашеналю и многозначительно пожалъ плечами, давая понять послѣднему, что высказаться долженъ теперь онъ.

— Ремесло школьнаго учителя не очень выгодно, — сказалъ старый крестьянинъ. — Въ состояніи ли будетъ Метраль управиться хоть съ землею Фаніи? Умѣетъ ли онъ пахать?

— Разумѣется, — сказалъ Маркъ. — Развѣ вы думаете, что у него на родинѣ не работаютъ также, какъ здѣсь? У него есть четыреста франковъ въ годъ, да хлѣбъ и вино на зиму. Онъ не лѣнивъ и трудится, какъ можетъ. Право, кумъ, онъ ужъ не такой плохой женихъ!

— Слава Богу, онъ не дурной парень и, если нравится Фаніи, такъ что-жъ...

— Тѣмъ болѣе, что съ такимъ мужемъ ей можно будетъ остаться дома, пока не женятся ея братья.

— Оно самое, оно самое! — воскликнулъ Бодиль, какъ будто вдругъ просвѣтлѣвъ, — да, мы не даромъ провели этотъ вечеръ. Двадцать пять тысячъ громовъ! Выпьете-ка еще по стаканчику!

— Ну,—весело сказалъ богатырь своему пріятелю, который все еще не двигался съ мѣста,—теперь вы просватаны! Припечатайте же ей это на щекахъ, продавецъ премудрости.

Наконецъ, гордость уступила мѣсто дѣйствительности. Метраль, вдругъ вскочивъ, какъ сумасшедшій, сжалъ дѣвушку въ своихъ объятіяхъ и, въ свою очередь, молча подѣловалъ ее, продолжительно и совсѣмъ не такъ, какъ остальные. Всѣ были тронуты. У Терметты сердце сжалось, и слезы защипали глаза.

Маркъ, выправившись во весь свой высокій ростъ, поднялъ стаканъ.

— Да, мы не даромъ провели вечеръ, какъ говоритъ Бодиль,—воскликнулъ онъ,—и сдѣлали таки дѣло. Выпьемте же по послѣднему стакану! Терметта, чокнитесь съ нами. Фанія, желаю тебѣ безчисленное множество маленькихъ школьныхъ учителей. Право они намъ нужны!

IX.

Ночь была очень темна. Небольшая кучка звѣздъ, стиснутыхъ въ маленькомъ уголочкѣ надъ самымъ горизонтомъ, казалась послѣднимъ остаткомъ неба, потонувшаго во мракѣ. Зимній вѣтеръ, не находя себѣ преграды въ чистомъ полѣ, свистѣлъ между вѣтвями обнаженныхъ деревьевъ такъ печально, что надрывалъ сердце.

Терметта боялась идти домой одна.

— Я провожу васъ, барышня, если хотите,—предложилъ Маркъ.

И такъ, они снова очутились вдвоемъ среди мрака; но какъ она измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Маркъ вытащилъ ее изъ болота! Молодой человѣкъ предложилъ ей руку. Отъ ночного ли холода, или по другой причинѣ она дрожала такъ, что у нея стучали зубы, и не могла этого скрыть. Ея спутникъ дружелюбно спросилъ, не боится ли она, какъ тогда. Она не посмѣла отвѣтить, такъ какъ чувствовала, что ея голосъ выдастъ ея волненіе.

Что съ нею было? Да то, что несчастье ея стало невыносимо и превысило ея силы. Весь вечеръ она любовалась тѣмъ, кого любила. Какъ онъ былъ добръ, прямодушенъ, веселъ, какъ онъ одинъ изъ всѣхъ могъ понимать ее! Съ нимъ крестьянская жизнь утратила бы свою суровость, а деревня—свою грубость. Онъ былъ воплощеніемъ человѣческаго совершенства. Это былъ Соломонъ, какъ сказала маленькая Баска, и если бы бѣдной Терметтѣ пришлось изобразить знаменитаго израильскаго царя, то весьма вѣроятно, что послѣдній оказался бы удивительно похожимъ на втораго сына Фошуреровъ.

О! съ тѣхъ поръ, какъ онъ при ней такъ умно и великодушно уладилъ дѣла Кенсоновъ, она не полюбила его сильнѣе, потому что и раньше любила, какъ только могла, но она чувствовала яснѣе—и острота этого чувства подавляла ее—что не въ состояніи будетъ жить, если эта пламенная любовь останется нераздѣленной.

Счастье Фаніи, которой предстояло выйти за любимого человѣка, напомнило ей объ ея собственномъ положеніи, и несходство ихъ судьбы глубоко огорчило ее. Наступитъ ли когда нибудь для нея подобный же день, когда всѣ цвѣты ея сердца распустятся одновременно? Она не въ силахъ была дольше сносить неизвѣстность. Если ей слѣдуетъ отказаться отъ счастья, которое для нея было равнозначуще съ жизнью, то она хотѣла быть убитой тотчасъ же. Она хотѣла узнать, чего ей ждать отъ Марка, узнать свою участь безъ проволочекъ.

Весь вечеръ она спрашивала себя, что сдѣлала бы Фанія на ея мѣстѣ, и хотѣла вдохновиться примѣромъ подруги. Она завидовала той рѣшимости и ловкости, съ которыми маленькая Баска вертѣла четырьмя мужчинами и управляла домомъ. Конечно, эта храбрая дѣвица высказалась бы не хуже, чѣмъ нынче вечеромъ, чтобы сбить съ Метраля его упрямство и гордость. Терметта рѣшилась, что выскажется тоже. Она даже стала придумывать, что именно сказать, и составила маленькую, очень скромную рѣчь, въ которой хотѣла, не особенно насилуя свою стыдливость, выдать свою тайну настолько, чтобы Маркъ не могъ ошибиться. Да, она твердо рѣшилась! Но, увы! теперь оказывалось, что подобная смѣлость безконечно труднѣе, чѣмъ она предполагала. Теперь, оставшись съ нимъ одна и сознавая, что наступила удобная минута, она не могла припомнить той маленькой рѣчи, которую намѣревалась произнести; голова ея была пуста, горло сжималось, и она дрожала съ головы до ногъ.

— Какая трусиха!—думалъ ея спутникъ.

Между тѣмъ, во мракѣ показался домъ Мюзелей въ видѣ массы, еще болѣе черной, нежели небо, и залаяла бдительная Москва. Еще нѣсколько минутъ и имъ придется разстаться; удобный случай будетъ упущенъ. Молодая дѣвушка, возмущившись противъ собственной робости, сдѣлала надъ бою большое усиліе и сказала:

— Маркъ, мнѣ надо съ вами поговорить!

— Что такое?—спросилъ онъ, пораженный переменною въ ея голосѣ.

Она опустилась на кучу связокъ хвороста, сложенныхъ на краю дороги. Было холодно, но она этого не замѣчала; ея голова горѣла. Она хотѣла заговорить, но не знала съ чего начать, что сказать, о чемъ умолчать, и не смогла ничего вы-

молвить. Минутная вспышка энергіи вдругъ погасла; она почувствовала, что умираетъ со стыда; закрывъ лицо обѣими руками, она легла на кучу хвороста и стала порывисто рыдать.

Молодой человѣкъ, тронутый и заинтересованный, сталъ умолять ее довѣриться ему и высказать ему свою печаль. Онъ сѣлъ подлѣ нея и, чтобы не дать ей наткнуться на сучки, тихонько прислонилъ ее къ своей широкой груди. Она прижалась къ нему, нѣжная и дрожащая, взволнованная до глубины души, подобная каплѣ росы, которая дрожитъ на концѣ былинки и можетъ быть уничтожена однимъ дуновеніемъ вѣтерка. Добрый богатырь чувствовалъ, что она такъ изящна, такъ мала, такъ хрупка въ его могучихъ рукахъ, и былъ проникнутъ невыразимымъ умиленіемъ.

Она не переставала плакать молча и задыхаясь, упорно прятая лицо въ руки, которыя онъ ласково старался отвести: среди той душевной бури, которая бушевала въ ней и отнимала у нея самообладаніе, она ни за что не хотѣла показывать ни своего лица, ни своихъ смущенныхъ глазъ даже ночи, покрывавшей свою тѣнью эту сцену и дѣлавшей ее менѣе тяжелою. Маркъ, сочувствуя по своей добротѣ этому чрезвычайному горю, которое ему открывалось, начиналъ понимать, и мало-по-малу, въ его размягченное жалостью сердце вселялось пламенное желаніе возратить молодой дѣвушкѣ спокойствіе и радость; поэтому онъ все болѣе старался унять ее слезы.

— Терметта, Терметточка! Я вашъ лучшій другъ, — говорилъ онъ. — Вы не похожи на другихъ дѣвушекъ; моя дружба къ вамъ также непохожа ни на какую другую дружбу. Скажите мнѣ, чѣмъ могу я вамъ служить? Вы хорошо знаете, что мы съ вами всегда понимаемъ другъ друга, точно будто думаемъ заодно. Имѣйте ко мнѣ довѣріе: я вашъ другъ на сколько это только возможно... Не плачьте, это надрываетъ мнѣ сердце!

Эти утѣшенія совсѣмъ не соотвѣтствовали истинѣ: дружба Марка къ молодой дѣвушкѣ до тѣхъ поръ ничего не имѣла въ себѣ чрезвычайнаго; а между тѣмъ, они были искренни. Онъ никогда не задумывался надъ своими чувствами къ Терметтѣ; теперь же, подвергнувъ ихъ разбору, онъ нашелъ ихъ совершенно особенными. Это сродство ихъ умовъ, на которое онъ раньше не обращалъ вниманія, будучи занятъ совсѣмъ другимъ, теперь поразило его своей очевидностью. Нѣтъ никогда, даже во время самаго сильнаго увлеченія Франселиною, та не проникала до такой степени въ самую глубь его души: онъ ее любилъ и желалъ, но никогда не цѣнилъ такъ, какъ то маленькое сокровище, которое теперь отдавалось ему во власть.

— О, Маркъ!.. О, Маркъ!.. Я несчастлива,—пробормотала она прерывающимся голосомъ.

— Но, почему? Скажите мнѣ, почему?—спросилъ онъ, не смѣя еще дать понять, что догадался.—Клянусь душою моею, барышня, и этой ночью, я не знаю, чего бы я не сдѣлалъ, чтобы не видѣть вашихъ слезъ.

Признаніе вырвалось у нея изъ души безсвязной рѣчью, вмѣстѣ съ прерваннымъ нѣсколькими рыданіями рассказомъ о ея жизни со времени возвращенія въ деревню. Она описала ему свои первыя впечатлѣнія, ужасъ, внушенный ей мужицкою грубостью и злобой дѣда; свои тщетныя усилія перенести хоть отчасти въ домъ Мюзелей тотъ образъ жизни, къ которому приучила ее любовь тетки; свое мрачное отчаяніе, вызванное собственнымъ безсиліемъ—всѣ душевныя страданія, которыя она пережила. Потомъ она напомнила ему ту ночь, когда заблудилась на шамбской дорогѣ: съ этихъ поръ она полюбила его; ей стало казаться, что одинъ онъ можетъ понимать ее; жизнь безъ него стала представляться ей невозможной; она помнила малѣйшія подробности вечеровъ, проведенныхъ съ нимъ и Балтазаромъ: то были праздники въ ея одинокомъ существованіи, и она удлинняла ихъ, насколько могла, живя воспоминаніями.

— О, Маркъ!—говорила бѣдная Терметта.—Я знаю, что сейчасъ дѣлаю дурно. Дѣвушка не должна первая объяснять своихъ чувствъ мужчинамъ. Я хорошо знаю, какъ надо вести себя; но я такъ несчастна, такъ одинока, что не въ силахъ дольше выносить свое горе. Чѣмъ чаще я васъ видала, тѣмъ больше увѣрялась, что жизнь моя ничего не будетъ стоить, если вы не станете моимъ другомъ. Я могу работать не хуже другихъ; я не городская барышня, какъ говорить дѣдушка, чтобы мучить меня, и не боюсь деревни; но для меня невыносима жизнь безъ всякой привязанности. А кто могъ бы меня полюбить? Одинъ только вы. Всѣ прочіе такъ грубы и жестоки.—Если онъ узнаетъ, что я его люблю, то, можетъ быть, и не разсердится!—вотъ такая мысль поддерживала меня. Мнѣ теперь стыдно того, до чего она меня довела; забудьте все это, Маркъ. Я стану еще несчастнѣй, если вы будете дурно думать обо мнѣ за то, что я не сумѣла молчать.

Теперь, опомнившись, она больше всего боялась дурного мнѣнія и презрѣнія Марка. По тому, какъ разстроило ее собственное признаніе, она сама совершенно искренно считала себя достойной презрѣнія.

Маркъ, со своей стороны, подвергалъ себя самокритикѣ и далеко не былъ доволенъ собою. Ему припоминались тысячи подробностей изъ разговоровъ съ Терметтою и онъ называлъ себя дуракомъ за свою непонятливость. Какъ онъ былъ тупъ

и тугъ на соображеніе! Припомнивъ, сколько разъ молодая дѣвушка дѣлала надъ собой усилія, чтобы высказаться, и какъ часто онъ ее огорчалъ очевиднымъ равнодушіемъ, онъ почувствовалъ себя какъ бы въ долгу передъ нею; онъ обязанъ былъ вознаградить ее и, будучи великодушнымъ и добрымъ, испытывалъ страшную потребность выразить свою преданность этой бѣдняжкѣ, которую такъ долго, хотя и невольно, терзалъ.

— Правду говорятъ, — сказалъ онъ, — что часто ищешь вдали счастье, которое подъ рукой. На кого я зарился? На дуру, которая въ цѣлый годъ не сумѣла мнѣ сказать, хочешь она меня или нѣтъ! Какъ человѣкъ бываетъ глупъ! А въ это самое время такая прелесть, самая красивая и лучшая въ деревнѣ обращала на меня вниманіе, и я ничего не видѣлъ. Ахъ, барышня, барышня, простите-ли вы меня за мою глупость?

— О, Маркъ! Я всегда думала о васъ только хорошее.

— Какъ я былъ глупъ, какъ я былъ глупъ! Я не понялъ, почему вамъ не хотѣлось, чтобы я ссорился съ вашимъ дѣдомъ. Вы сказали, что какъ бы мнѣ не пришлось обратиться къ нему съ просьбой! Мнѣ предлагалось сокровище, а я ничего не видѣлъ. Не знаю, что сдѣлалось съ моими глазами!

— Вашихъ словъ вернуть уже нельзя, но вы все таки не совсѣмъ еще въ ссорѣ.

— Гм! Если не совсѣмъ, то почти совсѣмъ. Что дѣлать! Но погоревать еще успѣемъ, а теперь будемте счастливы. Честное слово, Франселина больше меня не увидитъ! Клянусь, я теперь достаточно знаю ее. Я свободенъ, и, если позволите, буду ухаживать за вами и говорить не за другихъ, а за себя. Хотите?

— Маркъ, Маркъ! Это вы все изъ жалости.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ теперь все ясно! — воскликнулъ онъ съ жаромъ. — Клянусь вамъ всѣмъ, что для меня свято, у меня никогда не будетъ другой жены, кромѣ васъ, если я только вамъ люблю.

Богатырь вернулся домой веселѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и радость его была такъ велика, что имѣла характеръ довольно эгоистичный, какъ всякое сильное чувство, всецѣло овладѣвающее человѣкомъ. Онъ вспоминалъ о Франселинѣ съ удовольствіемъ, такъ какъ теперь былъ съ нею квитъ, и надѣялся, что его измѣна огорчитъ ее хоть сколько нибудь. Онъ вспомнилъ и о пріятелѣ своемъ Балтазарѣ, на мѣсто котораго становился, и почувствовалъ угрызенія совѣсти, которыя, однако, скоро успокоилъ.

— Что-же? — подумалъ онъ. — Тѣмъ хуже для него! Онъ ужъ черезчуръ глупъ.

X.

Теперь пора представить читателю въ полномъ составѣ семью Гурро, наиболѣе дѣятельный членъ которой, Гурродиха, иначе говоря, Біана — такъ занята была Терметтой въ день пріѣзда молодой дѣвушки въ Каландръ.

Быль вечеръ. Солнце только что сѣло. Пекли хлѣбъ, что всегда считается очень важнымъ въ деревнѣ.

— Пойдемте, — сказала Гурродиха. — Всѣ хлѣба подгорять. Пора вынимать ихъ изъ печи.

Гурро молча всталъ; онъ всегда молчалъ. Онъ спалъ, ѣлъ, работалъ — охъ! работалъ больше любого негра, трудящагося изъ-подъ кнута — все надъ этою землею, такую тяжелою, что мужикъ пригибается къ ней раньше времени; но все это онъ дѣлалъ машинально: имъ руководила воля Біаны, а отъ собственной онъ отрекся уже давно. Упоминая о женѣ, онъ говорилъ: наша хозяйка. Къ печи за нимъ пошла вся семья: жена, Діозонъ, его другой сынъ Жанъ-Мари, и отецъ, старый Гурро. Этотъ послѣдній, въ силу обычая давать прозвища, распространеннаго въ деревнѣ отчасти потому, что любятъ посмѣяться надъ сосѣдомъ, отчасти же для того, чтобы различать однофамильцевъ, — былъ прозванъ Бородачемъ за густую сѣдую бороду.

Біана и Гурро взяли каждый по три хлѣба, нашъ пріятель Діозонъ — два, а маленькій Жанъ-Мари, которому было всего пять лѣтъ — доску изъ-подъ пироговъ. Два хлѣба остались на долю Бородача, котораго оставили одного у печи.

Старикъ напрасно старался забрать эти хлѣбы. Когда, захвативши одинъ подъ лѣвую руку, онъ протягивалъ правую, чтобы взять другой, первый падалъ на пыльную дорогу. Если же онъ бралъ хлѣбъ подъ правую руку, а за другимъ протягивалъ лѣвую, то правая рука выпускала хлѣбъ. Старикъ былъ изуродованъ ревматизмами и приходилъ въ отчаяніе отъ своего безсилія.

— Какъ я слабъ! — бормоталъ онъ. — Силы прибываютъ съ годами, а потомъ убываютъ. Что значить старость!

Слезинка выкатилась изъ глазъ и упала на сѣдую бороду Бородача.

Подумавъ съ минуту, онъ какъ будто принялъ рѣшеніе чрезвычайной важности.

— Какъ ни какъ, не съѣсть же она меня! — сказалъ онъ себѣ.

И ушелъ съ однимъ хлѣбомъ. Дорогою онъ замѣтилъ, что корка разбилась отъ паденія.

Это открытіе его ужаснуло. Онъ остановился, точно оглу-

шенный, пристально поглядѣлъ на разбитое мѣсто, попробовалъ его исправить, а затѣмъ, когда уже не осталось сомнѣнiя въ непоправимости бѣды, поднялъ къ небу взоръ съ такою мольбою, точно серьезно надѣялся, что оттуда слетитъ ангелъ и вернетъ хлѣбу его первоначальный видъ.

— Боже мой, Боже мой! Что она скажетъ?

— Наконецъ, — начала своимъ мягкимъ и медленнымъ тономъ Бiана, когда онъ вошелъ въ домъ, и этотъ способъ выраженiя несомнѣнно указывалъ на долгiй рядъ предварительныхъ размышленiй, — наконецъ! Вы, право, никуда не годитесь! Неужели ужъ такъ трудно было принести оба хлѣба?

— Вы хорошо знаете, что я боленъ, — отвѣтилъ Бородачъ, не рѣшаясь взглянуть на нее.

— Странная у васъ болѣзнь, — возразила Бiана еще мягче. — Такой ни одинъ лекарь не знаетъ. Она не даетъ вамъ работать, но, къ счастью, не мѣшаетъ ни спать, ни ѣсть. Ъдите вы преисправно, слава Богу!

— Эта тварь говорить съ твоимъ отцомъ, — покраснѣвъ и съ глухой злобой сказалъ старикъ сыну.

— Неужели вы въ такомъ возрастѣ, что не можете отвѣтить бабѣ, — съ досадой проворчалъ Гурро. — Управляйтесь съ ней сами.

— Вы — два сапога пара! — сказалъ старикъ презрительно и вмѣстѣ съ тѣмъ покорно, — не берусь рѣшить, кто изъ васъ двоихъ лучше.

Онъ ушелъ къ очагу, сѣлъ и поставилъ маленькаго Жана-Мари между ногъ, чтобы играть съ нимъ.

— Дюзонъ! — крикнула Гурродиха. — Бѣги къ печи, дитя мое! Хлѣбъ можетъ быть уже сѣбли собаки. Дѣдушка могъ бы хоть постоять около, если ужъ не хотѣлъ нести. Но не все-ли ему равно? Вѣдь не онъ выращиваетъ рожь.

Старый Бородачъ опустилъ голову. Онъ сдѣлалъ видъ, будто вполне поглощенъ бесѣдою съ Жаномъ-Мари. На ребенкѣ блуза была слишкомъ длинна, потому что ее сшили на ростъ, штаны слишкомъ широки, такъ какъ онъ донашивалъ ихъ послѣ Дюзона, а шляпа слишкомъ велика по сходной причинѣ: она была выкроена изъ старой материнской шляпы. Въ этой одеждѣ, которая вся на немъ плясала, онъ напоминалъ старообразную и восхитительно серьезную обезьянку. Онъ ужасно любилъ слушать сказки и неутомимо выпрашивалъ ихъ у стараго Бородача, который отыскивалъ въ своей памяти всѣ росказни, забавлявшiя въ дѣтствѣ его самого.

— Дѣдушка! Расскажи, что говорить звѣри на похоронахъ у мельника?

— Перенелка кричитъ: «Плати долги, плати долги!» Утка

спрашиваетъ: «Когда? Когда? Когда?» А коза отвѣчаетъ. «Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!»

Старикъ пытался подражать крику животныхъ, а ребенокъ съ восторгомъ повторялъ за нимъ: «Когда, когда, когда? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ»!

— Дѣдушка! Загадай мнѣ загадку!

— Я больше не знаю.

— Охъ, знаешь, знаешь, когда захочешь!

— Что величиною съ гору, а пролѣзаетъ въ замочную скважину?

— Не знаю.

— Солнце, дурачокъ.

— Развѣ солнце такое же большое, какъ гора? Скажи, дѣдушка!

— Говорятъ, что такъ. Я не мѣрилъ.

Восклицаніе Біаны заставило ихъ вздрогнуть. Она замѣтила пробоину на хлѣбѣ.

— Это еще что такое? Ну, на что это похоже!

Ея глаза, желтые, какъ и лицо, перестали глядѣть искоса и бросали ужасные взгляды на обоихъ Гурро. Бравый Бородачъ съ удовольствіемъ пошелъ бы теперь загадывать загадки на край свѣта. Жанъ-Мари, предчувствуя бурю, уткнулся лицомъ въ куртку дѣда. Гурро, безсловесный отъ природы, былъ погруженъ въ такое оцѣпененіе, изъ котораго его врядъ-ли вывели-бы всѣ трубы страшнаго суда.

— Кому скажешь, такъ не повѣрятъ!—говорила маленькая женщина, какъ будто призывая все мірозданіе въ свидѣтели низости старика.—Только этого еще не хватало! Вотъ хлѣбъ и испорченъ. Вы сдѣлали это нарочно, да? Не лгите: конечно, нарочно! Иначе не можетъ быть. Вы швыряли его о камни, да?

— О, какое несчастіе быть старымъ! — пробормоталъ старикъ съ глубокимъ вздохомъ.

Діовонъ вернулся съ другимъ хлѣбомъ. Съ перваго же взгляда Бородачъ съ ужасомъ замѣтилъ, что онъ тоже попорченъ; Біана также увидѣла это, и къ неизмѣнной мягкости ея голоса примѣшалась укусная струйка, способная разѣдать камень.

— Какъ? И этотъ тоже?! (Она была полна добродѣтельнаго негодованія и продолжала призывать всѣ силы неба и земли въ судьи такой ужасной развращенности). Теперь ужъ онъ не скажетъ, что сдѣлалъ это ненарочно. Принесъ только одинъ, а испортилъ оба. Теперь ужъ мало того, что мы его кормимъ даромъ, а онъ еще будетъ истреблять наши запасы! Что намъ дѣлать, Господи Боже? (Она была въ такомъ глубокомъ отчаяніи, точно видѣла передъ собой воочию призракъ

раззоренія). Каждый день умираютъ молодые люди во цвѣтъ силъ, не докончивъ своей работы, а другіе только спать, да ѣдать и никогда не умрутъ, коли ихъ не убить. Господи Іисусе! Когда же наступитъ для насъ избавленіе? Я добра и кротка, какъ овечка, да и то начинаю терять терпѣніе.

— Не бойтесь,—сказалъ Бородачъ съ горечью,—вы скоро отъ меня избавитесь.

— О! этого не случится, — хихикнула она съ невыразимымъ состраданіемъ,—вы уже слишкомъ давно отвыкли поступать, какъ слѣдуетъ.

Наступала ночь. Въ углахъ сгущались таинственные тѣни. Очагъ былъ полонъ угольевъ, бросавшихъ красные отблески на стѣны. Кошка, сидя въ позѣ сфинкса между двумя изъ горшковъ молока, поставленныхъ вокругъ огня, глядѣла на эту сцену съ глубокомысленнымъ видомъ: она какъ будто понимала ея значеніе и, время отъ времени, закрывала глаза, чтобы лучше ею насладиться, какъ животное, давно составившее себѣ опредѣленное мнѣніе о людяхъ. Ее можно было принять за какого нибудь дьявольскаго писаря, которому адскія силы поручили записывать совершающіеся передъ нимъ грѣхи. И какъ торжественно она глядѣла на Біану, когда открывала глаза! Да, эта женщина не боялась нарушать христіанскую заповѣдь любви! Приготовляя вмѣстѣ съ Діозономъ котель рѣпы и капусты для скота, она продолжала точить старика, не торопясь, не повышая голоса, съ тою холодною злобою, по которой можно было узнать кровь Мюзелей.

На Гурро очень кстати напалъ сонъ.

Вдругъ Бізна умолкла. Не потому, чтобы истощился запасъ ея рѣчей, чего никогда не бывало, а потому, что Бородачъ возвысилъ голосъ и, слушая, что онъ говорилъ Жану-Мари, маленькая женщина не вѣрила собственнымъ ушамъ.

— Гляди, малышъ; слушай, малышъ, и запомни, что видишь и слышишь. Вотъ какъ обращаются со стариками, у которыхъ нѣтъ уже силъ. У дѣдушки были земли, но онъ былъ такъ глупъ, что ихъ отдалъ; у дѣдушки были дѣти и онъ трудился до кроваваго пота, чтобы выкормить ихъ; но теперь онъ больше не можетъ работать. Онъ годится только на то, чтобы его схоронить, и ему безъ стѣсненія показываютъ, какъ пріятно было бы, еслибы онъ околѣлъ. Запомни это, дружокъ: такъ надо обращаться со стариками. Когда нибудь и твоя станетъ негодной старушонкой, бесполезно занимающей мѣсто у твоего очага и, если у нея лицо будетъ такое, какъ сердце, то боюсь, что она будетъ очень безобразна. Ты будешь взрослымъ мужчиной. Ты будешь обязанъ ей спитаніемъ, но хорошо сдѣлаешь, если объ этомъ забудешь. орай ее каждый день въ томъ, что она тебя стѣсняетъ,

заставляй ее выклянчивать насущный хлѣбъ, дай ей почувствовать, что она обкрадываетъ своихъ дѣтей, продолжая жить, мучай ее всячески, чтобы поскорѣй умирали. Въ яму стари-ковъ, въ яму! Если твоя мать будетъ имѣть нахальство гово-рить тебѣ, что надо заботиться о старикахъ-родителяхъ, по-смѣйся надъ ней, вспоминая, что говорилъ тебѣ дѣдъ у очага, и если мертвые могутъ возвращаться къ живымъ, то общаю, что приду посмѣяться вмѣстѣ съ тобою. Не бойся быть же-стокимъ. Въ яму! Если старики не умираютъ во-время, то сами виноваты.

Ребенокъ съ удивленіемъ слушалъ, ничего не понимая, а только чуя въ воздухѣ что то особенное и предчувствуя, что его высѣкутъ, какъ бывало обыкновенно послѣ всякихъ объяс-неній.

— Жанъ-Мари!—позвала Біана самымъ сладкимъ голоскомъ.

— Не ходи!—шепнулъ ему Бородачъ.—Спрячься у меня между ногъ, а то она опять побьетъ тебя.

— Жанъ-Мари, дитя мое! Совѣтую тебѣ послушаться дѣ-душки и не идти.

Злополучный Жанъ-Мари никакъ не могъ противиться бо-лѣе. Онъ приблизился, какъ идти на казнь, когда совершенно не обладаютъ силой воли: спрятавъ лицо въ рукахъ, чтобы не видѣть того, что его ожидало.

— Иди, дитя мое, иди!—матерински произнесла Біана. Она захватила его подъ лѣвую руку и пригнула къ себѣ на ко-лѣни, затѣмъ правою рукою спустила ему штаны и медленно, методически начала экзекуцію, точно прачка, бьющая бѣлье валькомъ.

— Не забудь, что тебѣ говорилъ дѣдушка, мой мальчикъ. Но тоже не забудь и вотъ этого.

И на ребенка падалъ звонкій ударъ.

— И вотъ этого!

Другой ударъ.

— И этого, и этого, и этого!

Удары сыпались безостановочно черезъ правильные проме-жутки.

Растерявшійся Жанъ-Мари ревѣлъ, призывая дѣдушку на помощь. Старый Бородачъ помѣшивалъ огонь и старался не слушать, въ тысячу разъ сильнѣе страдая отъ этихъ ударовъ, чѣмъ тотъ, кто получалъ ихъ.

Кто то показался въ дверяхъ. Біана прервала свое занятіе. Это была Терметта, которая въ смущеніи пріостановилась.

— Входи же,—любовно сказала ей тетка.—Я сѣку моего мальчишку. Иногда это дѣтамъ бываетъ полезно.

— Да,—прибавилъ Бородачъ,—смотрите, барышня. Когда недовольны дѣдушкой, то колотятъ внука.

Жанъ-Мари вдругъ умолкъ при видѣ незнакомки и скрылся въ свое обычное убѣжище между колѣнъ дѣда. Голосъ старика вновь пробудилъ его горе, и онъ опять зарыдалъ.

— Она меня больно побила, дѣдушка, она меня больно побила!

— Да, — отвѣтилъ старикъ съ гнѣвомъ, отъ котораго затряслась его сѣдая голова, — за то, что я не имѣю силъ молча переносить обиды.

Взглядъ, брошенный на него Біаной сквозь сумракъ, оставилъ его рѣчь.

Маленькая женщина содрогнулась: Бородачъ, возмущившійся, Бородачъ, высказывающійся передъ чужими, переставалъ быть самимъ собою.

Дѣйствительно, по свойственной крестьянамъ семейной гордости, старикъ никому не давалъ угадывать, какъ прекрасно обращается съ нимъ невѣстка. Она это знала и полагала, что рассчитала съ точностью, до какихъ предѣловъ можетъ дойти въ своемъ дурномъ обращеніи, которымъ она выражала свою ненависть, можетъ быть, съ тайной надеждой ускорить конецъ несчастнаго. Ея жертва упорствовала въ своемъ молчаніи, смутно чувствуя въ немъ какое то геройство, которымъ утѣшалась. Старикъ презиралъ своего сына, который прикидывался дурачкомъ, чтобы не противорѣчить Біанѣ; ему стоило бы только рассказать, что Гурро допускаетъ у себя въ домѣ, чтобы осрамить его на все село и тѣмъ отомстить ему и женѣ его. Но это даже никогда не приходило ему въ голову.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ на свѣтѣ, домъ Гурро былъ для него кумиромъ, которому онъ всегда жертвовалъ всѣмъ и готовъ былъ пожертвовать единственной остававшейся ему радостью — отомщеніемъ. Онъ поссорился бы съ тѣми, кто, выражая ему состраданіе, далъ бы понять, что подозреваютъ его жалкую участь; онъ во сто разъ скорѣе согласился бы умереть, чѣмъ показать, что ему плохо живется у сына; если онъ бывалъ голоденъ, онъ покрѣпче стягивалъ себѣ животъ и завтракалъ «опояской», какъ говорятъ въ деревнѣ. Если ему не чинили одежду, онъ зашивалъ ее самъ, а теперь, когда его глаза окончательно отказались, ему очень помогали Жанъ-Мари, вдѣвая ему иголку; если Біана мучила его по всякому поводу, онъ скрывалъ свое огорченіе. Онъ постоянно старался показаться сосѣдямъ въ видѣ старика, за которымъ ухаживаютъ, какъ слѣдуетъ, и считалъ себя вознагражденнымъ за свои усилія тѣмъ удовольствіемъ, какое испытываетъ при мысли, что никогда ничѣмъ не подорвалъ увѣренности людей, продолжавшихъ говорить, какъ во времена его силы: «Домъ Гурро? О, это хорошій домъ!»

— Но, батюшка, — сказала ему Біана дружескимъ тономъ,

не вполне подходившимъ къ выраженію ея лица,—наши домашнія дѣлишки не могутъ забавлять Терметту.

— Я ихъ расскажу когда нибудь на церковной палерти, если меня выведутъ изъ терпѣнія, и увѣрять, что они позабавятъ весь свѣтъ,—возразилъ старикъ, котораго вывели изъ себя наказаніе, выпавшее на долю его любимца.

— Молчи, малышъ, молчи,—прибавилъ онъ, лаская Жана-Мари, который продолжалъ рыдать.—Нечего плакать! Мужчины не плачутъ.

Но Жанъ-Мари затянулъ надолго. Чѣмъ болѣе онъ усиливался послушаться дѣда, тѣмъ отрывистѣй становились его всхлипыванія. Нервы Біаны не выдержали.

— Пойдемъ, мой мальчикъ,—сказала она ему потихоньку и съ силою сжавъ его руку, въ видѣ предупрежденія, чтобы онъ повиновался.— Пойдемъ, ты нынче ляжешь безъ ужина.

Терметта изъ состраданія попробовала заступиться, но мать стояла на своемъ, «для пользы ребенка», какъ она пояснила.

— Послѣ порки спишь лучше; правда, бутузъ?

— Да и ужинъ останется въ барышахъ,—замѣтилъ Бородачъ.

— Ничего! Завтра лучше позавтракаетъ. Извини, Терметта,—сказала она съ улыбкой,—я тотчасъ вернусь.

Мальчикъ подтянулъ свои слишкомъ обширные панталоны и поправилъ свою слишкомъ большую шляпу. Онъ позволилъ себя увести безпрепятственно, но бросилъ на пирогъ, полуосвѣщенный отблесками очага на столѣ, болѣе отчаянный взглядъ, чѣмъ Моисей, когда глядѣлъ на обѣтованную землю, куда ему не суждено было войти.

Терметта пришла за чаномъ для бука. Тетка, сойдя сверху, любезно стала ее спрашивать объ ея поклонникахъ. Она никогда не пропускала случая похвалить передъ ней Марка Фошурера. У него городскія понятія, какъ и у нея; онъ тоже хочетъ переимѣнить деревенскую жизнь; ей именно такого мужа и надо. Она не умолкала. Молодая дѣвушка, по чувству какой то особой стыдливости, всегда скрывала отъ нея свою склонность; теперь, добившись взаимности, она продолжала отмалчиваться. Тетка своимъ острымъ взглядомъ пыталась проникнуть въ самую глубь ея души; но дѣвушка упорно хранила свою тайну. Ея счастье было уже слишкомъ ново, слишкомъ непрочное, и она съ тревожной радостью прятала его какъ можно глубже въ сердцѣ. Когда обѣ женщины вышли, переговариваясь, а Гурро заснулъ у очага, Бородачъ подкрался къ столу, схватилъ остатокъ пирога и отрѣзалъ отъ него толстый ломоть, который быстро сунулъ въ карманъ.

Минуту спустя, онъ уже былъ у злополучнаго Жана-Мари,

который протянулъ ему руки изъ постели и захлопалъ въ ладоши, какъ только его завидѣлъ.

— Ты еще не спишь, малышь?

— Нѣтъ, дѣдушка, я тебя ждалъ.

— Ты меня ждалъ? Зачѣмъ это?

— Чтобы съѣсть пирогъ, который ты мнѣ принесъ.

— Каналья! Кто же тебѣ сказалъ, что я принесу?—спросилъ бѣдный дѣдъ, ослѣпленный такимъ полнымъ пониманіемъ.

— О, когда меня прибьютъ, я всегда знаю, что ты придешь!

— Такъ ты меня любишь, дитятко?

— Люблю, дѣдушка.

— Да, одинъ ты; но за то и я тебя люблю. Если бы у меня было еще что нибудь, я бы все оставилъ тебѣ въ наслѣдство.

Онъ вынулъ кусокъ пирога изъ кармана и повертѣлъ имъ надъ лицомъ любимца.

— Лови, обжора!

Ребенокъ быстро протянулъ руку, но въ ту минуту, какъ хотѣлъ схватить лакомый кусокъ, старикъ вдругъ поднялъ его вверхъ.

— Ты слишкомъ малъ, бутузъ: вытягивайся, лови!

Ребенокъ опять протянулъ руку, и дѣдъ опять обманулъ его.

— А ты такъ!—вскричалъ въ негодованіе любимецъ съ рѣшимостью человѣка, котораго больше не проведешь. — Ну такъ я и не хочу, можешь оставить себѣ.

И онъ заползъ въ простыню до самыхъ ушей.

— Превосходно, я его съѣмъ,—отвѣтилъ Бородачъ, щелкая челюстями, какъ будто жуетъ пирогъ.

Испуганный Жанъ-Мари припрыгнулъ въ постели, какъ рыба на песокъ.

— Охъ, нѣтъ, дѣдушка, не ѣшь. Дай мнѣ, я буду умникъ.

Онъ взялъ кусокъ съ удовольствіемъ, при видѣ котораго старикъ забылъ всѣ свои горести. Они молчали. Ребенокъ ѣлъ, старикъ задумался. Въ домѣ господствовала такая глубокая тишина, что изъ стойла доносилось громкое дыханіе скота. Оба были счастливы въ эту минуту. Лунный свѣтъ, проникая сквозь окно, привѣтливо освѣщалъ ихъ дружбу. При этомъ бѣломъ освѣщеніи полуобнаженный ребенокъ въ постели казался совершенно розовымъ, а у стараго Бородача борода стала совсѣмъ серебряная.

— Какъ тебѣ будетъ скучно, когда меня не станетъ,—пробормоталъ старикъ, вслухъ продолжая свои думы. — Въ этомъ все мое горе. Но теперь необходимо рѣшиться: дольше терпѣть невозможно.

Ребенокъ ѣлъ, не слушая его.

— Посмотри, дѣдушка,—сказалъ онъ, — я не роняю крошекъ въ простыни, потому что онѣ колются. Я умникъ, правда?

Но мысли старика приняли совсѣмъ другое направленіе.

— Помнишь,—спросилъ онъ,—что я сейчасъ внизу совѣтовалъ тебѣ дѣлать, когда твоя мать состарится? Ты помнишь?

— Да, дѣдушка,—наудачу сказалъ Жанъ-Мари, который ничего не помнилъ.

— Ну, такъ забудь. Никогда не будь неблагодарнымъ ни къ матери, ни къ кому изъ родныхъ: это бываетъ слишкомъ больно. Когда твои отецъ и мать станутъ старыми, такими какъ я, слышишь, совсѣмъ сѣдыми и совсѣмъ больными, то люби ихъ хорошенько, люби ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ нужныѣ ты имъ будешь. Избавляй ихъ отъ всего тяжелаго въ жизни, отъ всего, что опечалило бы ихъ послѣдніе дни. Люби ихъ, ты будешь вспоминать меня, дѣдушку, который очень любилъ тебя, мой бѣдный мальчикъ, и котораго никто не любилъ, кромѣ тебя. Обѣщай это мнѣ; ты мнѣ обѣщаешь, Жанъ-Мари?

— Да, дѣдушка,—пролепеталъ ребенокъ, уже погружаясь въ сонъ.

Бородачъ долго просидѣлъ у его изголовья, глядя, какъ онъ спитъ. Онъ все продолжалъ думать и вдругъ со вздохомъ сказалъ:

— А хорошо бы еще пожить, если бы меня любили.

VI.

Крѣпкая была голова у дочери стараго Мюзеля, крѣпкая крестьянская голова, совмѣщавшая въ себѣ хитрость дипломата и коварство дикаря съ проникательностью, рѣшимостью и гибкостью ума. Біана была чрезвычайно любезна съ племянницею съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя вернулась въ Каландръ. Она явно за ней ухаживала, и Терметта, хотя никогда не могла вполне привыкнуть къ неискреннему выраженію ея лица, однако поддавалась—таки ея уловкамъ и охотно обращалась къ ней за совѣтами, не доходя, впрочемъ, до той откровенности, которой добивалась тетка.

Молодая дѣвушка была еще слишкомъ неопытна, чтобы заподозрить дурное въ такой любезности, и недостаточно посвящена въ дѣла своей семьи, чтобы угадать причину.

Послѣ смерти брата Терметты, своего любимаго наслѣдника, старый Мюзель привязался къ Дювону, мальчику Гурро. Это обстоятельство породило въ умѣ Біаны стремленіе, къ осуществленію котораго она стала прилагать всѣ свои силы.

Мювель еще не раздѣлилъ своего имущества окончательно: онъ наградилъ сына и дочь при вступленіи ихъ въ бракъ, причѣмъ сыну отдалъ усадьбу и прилегавшій къ ней участокъ, въ силу обычая всегда принадлежавшій старшему въ родѣ, дочери—нѣкоторыя изъ отдаленныхъ земель, а остальные оставилъ себѣ. Эти послѣднія приносили гораздо болѣе, чѣмъ онъ тратилъ на личныя свои нужды; излишекъ шелъ въ пользу Антона, у котораго онъ жилъ. Этотъ излишекъ, достававшійся брату, отравлялъ существованіе Біаны. Она умирала отъ зависти, считая себя незаслуженно ограбленной, и во время своего замужества, то есть втеченіе пятнадцати лѣтъ, съ упорствомъ чловѣка, ведущаго однообразную жизнь и ничѣмъ не отвлекаемаго отъ главной своей страсти, она не переставала мечтать о томъ, какъ бы вознаградить себя за эту несправедливость.

Когда захворалъ племянникъ, ея страданія какъ будто поутихли. Чѣмъ хуже становилось больному, тѣмъ болѣе прояснялось настроеніе его тетки. Она бродила вокругъ него съ тревожнымъ видомъ, что злыми языками истолковывалось различно: дѣло въ томъ, что неизвѣстно почему—злые языки не оставляли въ покоѣ Біану. Когда онъ умеръ, она такъ взволновалась, что рассказывали даже, будто вся позеленѣла; но никто въ деревнѣ не взялся бы утверждать, что это не отъ радости, а съ горя.

Съ этихъ поръ стало ясно, куда она гнетъ. Она привлекала старика къ себѣ, лестила ему, угождала, постоянно посылала къ нему Діозона, говорила о сходствѣ своего мальчика съ Мювелями: «О, этотъ ребенокъ! Живой портретъ своего дѣда!» И въ то же время терпѣливо, точно крыса, перегрызающая канатъ по волокну, старалась отдалить его отъ Антона и усадьбы.

Какое счастье, если старикъ когда нибудь рѣшится переселиться въ домъ Гурро! Тогда имъ, въ свою очередь, достанется излишекъ его дохода! И кто знаетъ, не завѣщаетъ ли онъ своихъ земель своему любимцу Діозону? Вѣдь у него теперь нѣтъ другого наслѣдника! При этой мысли Гурродиха бывала внѣ себя отъ радости. Она старалась для своего ребенка! Что могло быть законнѣе и соотвѣтственнѣе тѣмъ принципамъ строгой честности, откровенной добросовѣстности и неуклонной прямоты, которыми она хвалилась при всякомъ случаѣ?!

Планъ удавался. Старикъ, растерянный, внезапно вытолкнутый изъ привычной колеи, лишенный тѣхъ условій, среди которыхъ надѣялся умереть, мало по малу шелъ въ ловушку. Біана, которой извѣстны были чувства старика къ его внуку, ждала возвращеніе послѣдней за одинъ изъ сильнѣйшихъ козы-

рей въ своей игрѣ. Терметта, ненавистная одному, любимая другимъ, должна была поссорить отца съ сыномъ и нарушить миръ въ усадьбѣ Мюзелей. Тогда старику станетъ ненавистнымъ собственный домъ; онъ раздражится и покончитъ сразу.

Чтобы довести до такой развязки, Гурродиха пожелала завладѣть своею племянницею и руководить ея поступками сообразно своимъ планамъ; поэтому она всячески ее ласкала. Въ самомъ дѣлѣ, говоря откровенно (откровенность была преобладающимъ качествомъ Гурродихи), возвращеніе молодой дѣвушки никого такъ не ошастливило, какъ ее.

Однако, до того дня, когда Терметта застала у Гурро семейную сцену, она совсѣмъ не исполняла той роли, какая была предназначена ей теткою. Она должна была сдѣлать домъ Мюзелей несноснымъ для старика, а между тѣмъ выходило совсѣмъ иное. Она была кротка и вынослива, всегда покорна, всегда довольна, по крайней мѣрѣ, повидимому, такъ какъ скрывала отъ всѣхъ уныніе своей души. Она старалась не давать дѣду никакого повода выражать ей свое отвращеніе. Всякое дѣло она дѣлала хорошо; и если бы старикъ не имѣлъ противъ нея предубѣжденія, если бы онъ не былъ увѣренъ, что она—какой то демонъ, въ которомъ злая, тунелая и развратная природа горожанки рано или поздно возьметъ верхъ, то онъ, вѣроятно, замѣтилъ бы это и измѣнилъ бы свое отношеніе къ ней.

Кромѣ того, Гурродиха надѣялась, что Терметта полюбитъ Марка, котораго, какъ она знала, не любилъ старый Мюзель, и попыталась повліять на нее въ этомъ смыслѣ. Когда же она услышала, что искателемъ руки ея племянницы явился Балтазаръ, то даже не захотѣла повѣрить такому крушенію своихъ плановъ. Она забросала дѣвушку вопросами, но не вырвала у нея никакого признанія и, пришла къ заключенію, что та, дѣйствительно, поощряетъ Балтазара. Мюзель одобрялъ это сватовство; значить, и съ этой стороны нечего было надѣяться на столкновеніе.

Ахъ, если бы купцы на ярмаркахъ продавали ссоры и раздоры дюжинами, какъ платки, то Гурродиха не побоялась бы никакого расхода, чтобы наполнить ими усадьбу Мюзелей! Она пускала бы ихъ туда роями, пока не полопались бы стекла,—и не по злобѣ, а напротивъ, по чувству справедливости: чтобы заставить отца уйти оттуда и переселиться къ ней, вмѣстѣ съ тѣми доходами, которые Антонъ крадетъ у нея столько дѣтъ. Но такъ какъ у Мюзелей все было мирно, какъ и прежде, то старику незачѣмъ было и покидать свой домъ. Онъ аккуратно проводилъ вечера у Гурро и проводилъ ихъ, повидимому, пріятно; но отсюда до переселенія было еще очень

далеко. Дозонъ, настроенный матерью, спросилъ у него виновнымъ тономъ:

— Отчего вы не останетесь у насъ совсѣмъ? Вотъ все бы и сидѣли съ нами!

— Ты бредишь, — отвѣтилъ старикъ. — Развѣ улитки мѣняютъ раковины въ мои лѣта?

Маленькая женщина безпрестанно зеленѣла отъ скрытаго бѣшенства, видя бесплодность своихъ хитростей и расчетовъ. На нее находили вспышки злобы, отъ которыхъ она захворала бы, если бы не на комъ было срывать досаду. Въ такихъ случаяхъ она нападала на маленькаго Жана-Мари, который, прислонившись къ колѣнямъ стараго Бородача, слушалъ сказки у очага.

— Дѣдушка, расскажи мнѣ о лягушкахъ.

— Я ужъ рассказывалъ сегодня утромъ.

— Ничего, это такъ весело, расскажи еще.

— Ну, ну, — сказала старая, — ну, ну. — Что ты? — Я видѣла рыбака — Онъ поймалъ тебя? — Нѣтъ! — Ни меня! Ни тебя. — Ни тебя. — Ни меня. — Ну, ну! — Бородачъ подражалъ кваканію маленькихъ лягушекъ послѣ дождя. Жанъ-Мари вторилъ ему со смѣхомъ.

Видъ этихъ двухъ существъ, которымъ для счастья довольно было быть вмѣстѣ, выводилъ Біану изъ себя. Она была очень терпѣлива, но чтобы забавлялись такими пустяками, — нѣтъ, этого она не могла выносить! Она такъ начинала швырять на столъ все, что попадалось подъ руку, что виновные тотчасъ убѣждались въ приближеніи бури. Оба дрожали и старались ускользнуть безъ шума, чтобы, зарывшись въ солому, начать повѣствованіе о Никедулѣ, который удушилъ свою корову, желая скормить ей кустикъ травы, выросшій на колокольнѣ, или о кузнecѣ, который запуталъ дьявола въ вѣтвяхъ своей груши.

Послѣ продолжительнаго призванія всего творенія во свидѣтели того, какъ ожесточенно преслѣдуетъ ее злая судьба, послѣ многихъ сомнѣній въ небесномъ правосудіи, Гурродиха наконецъ предалась надеждѣ. Разъ вечеромъ, когда въ сопровожденіи всѣхъ Гурро, дѣда, отца и дѣтей, она возвращалась отъ маслянаго пресса, гдѣ выжимала свои орѣхи, она встрѣтила Балтазара и остановилась, чтобы разспросить о сватовствѣ, которое такъ ее интересовало.

— Не знаю, почему, — отвѣтилъ онъ, — но мнѣ что-то кажется, что мои дѣла пошли хуже у Мюзелей.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы увѣрены?

— Увѣренъ-то не увѣренъ, но кажется. И, знаете, когда мнѣ ужъ что нибудь кажется, то я рѣдко ошибаюсь.

— Ахъ, значитъ, еще есть Богъ на небѣ! — воскликнула

маленькая женщина, — это очень хорошо, Балтазаръ, очень хорошо, — прибавила она, уводя за собой всю свою свиту, нагруженную кувшинами съ масломъ.

— Что вы, съума сошли? — вскричалъ бѣдный женихъ. — Кажется, въ томъ, что я сказалъ, нѣтъ ничего веселаго!

Какъ скоро Маркъ помолвился съ Терметтою, онъ пересталъ навѣщать ее вмѣстѣ съ пріятелемъ: ему противно было обманывать послѣдняго въ глаза. Онъ объяснилъ ему, что Франселина своими капризами утомила его, что всѣ дѣвушки ему надоѣли и что онъ втеченіе нѣкотораго времени не желаетъ видаться съ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ попросилъ Терметту отвадить своего ухаживателя, чтобы тому не тратить времени даромъ.

Балтазаръ былъ твердо увѣренъ, что ни въ комъ не нуждается для поддержанія разговора; между тѣмъ, въ отсутствіи пріятеля у него стало не хватать словъ. Все, что онъ придумывалъ, было такъ коротко; а такъ какъ отвѣты Терметты были еще короче, то вечернія бесѣды прерывались безконечными паузами, всю неловкость которыхъ онъ чувствовалъ, несмотря на высокое мнѣніе о себѣ. Выходило сухо, очень сухо, нечего сказать! Тогда, для оживленія разговора, онъ призывалъ на помощь всю свою гениальность. Онъ глядѣлъ на каминъ снизу вверхъ, потомъ сверху внизъ, справа налѣво, потомъ слѣва направо, какъ будто твердо зналъ, что предметъ бесѣды скрытъ въ какой нибудь черной трещинѣ, между двумя закопченными камнями и что, поискавши хорошенько, его невозможно не найти.

Наконецъ, если огонь горѣлъ ярко, онъ произносилъ:

— Хорошія дрова, хорошія дрова у васъ, барышня!

— Да, — отвѣчала Терметта.

— Это вязъ, ей-ей, вязъ! Славно горить, не правда-ли?

— Да, — отвѣчала Терметта.

— Дерево — первый сортъ. У насъ такое растетъ въ Котъ-а-Жананѣ. Велика-ли тамъ роща, не знаю! я никогда не могъ дойти до конца.

Терметта совсѣмъ не отвѣчала, а Балтазаръ вновь принимался искать въ каминѣ предметъ для разговора, который такъ хорошо былъ тамъ скрытъ.

— Вы тутъ сидите, совершенно какъ Малотрю, — сказала ему однажды вечеромъ Франсуаза.

— Малотрю Дюзе? — спросилъ онъ.

— Онъ самый. Онъ ухаживалъ за своей первой женой; вы ее не знали: вы слишкомъ молоды. Онъ на нее не смотрѣлъ, а глядѣлъ только на стѣнку и такъ пристально, что она сказала: «Ну сколько ихъ тамъ?» А онъ, по простотѣ своей, и спросилъ: «чего?» — «Камней въ стѣнѣ!» Она сказала:

«Вѣдь вы приходите затѣмъ, чтобы ихъ считать!» Такъ онъ и попалъ въ просакъ.

— Не знаю, что вы хотите сказать, — отвѣтилъ Балтазаръ. — Вы слишкомъ болтливы для батрачки.

Работница насмѣшливо улыбнулась и продолжала съ коварно-наивнымъ видомъ:

— Вотъ видите, сударь: вамъ слѣдовало бы сходить въ Лонназъ; говорятъ, тамъ даютъ по шести бабъ на эку.

Напрасно подождая, чтобы онъ самъ понялъ, насколько тщетны его надежды, Терметта рѣшила предупредить его.

— Это очень мило, что вы приходите сидѣть со мною вечерами, — сказала она ему, — но мнѣ не хочется васъ обманывать. Если вы ищете себѣ жену, то со мною только теряете время. Я еще не собираюсь замужъ и хочу побыть на свободѣ.

Бравый паренъ, который все еще почиталъ себя счастливейшимъ изъ влюбленныхъ, просіялъ отъ радости, услышавъ эти слова. Онъ высунулъ изъ кармана блузы кончикъ краснаго платка, который было запрятался туда, убѣдился, что чубукъ его трубки красиво выглядываетъ изъ другого кармана и поднялъ концы своихъ бѣлокурыхъ усовъ.

— О, какая хитрочка! — сказалъ онъ. — Но мнѣ не вотрепе очковъ. Вы хотите меня испытать, но меня не обманешь. Я знаю, что вы обо мнѣ думаете. Я вижу это каждый день. Я только не подаю вида (онъ потряхивалъ головой, какъ человѣкъ, увѣренный въ противоположномъ), но скажу не хвастаясь, а сущую правду, что у меня въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у многихъ во всей головѣ. Я знаю, что вижу и понимаю, что мнѣ говорить.

Терметта почувствовала злобу отъ такой непостижимой глупости.

— Я говорю очень серьезно, — отвѣтила она сухо. — Вы доставите мнѣ удовольствіе, если перестанете приходите, потому что для васъ же будетъ непріятно беспокоиться даромъ.

Балтазаръ съ видомъ проницательности покивалъ головой и улыбнулся еще шире.

— Ну, да молодецъ же и вы! — сказалъ онъ тономъ сообщника. — Какъ вы это хорошо сказали, съ какимъ серьезнымъ видомъ. Другой, пожалуй бы, и повѣрилъ!

И онъ ушелъ увѣренный, что молодая дѣвушка захотѣла подшутить надъ нимъ. При отношеніяхъ, какія между ними существовали или, по крайней мѣрѣ, какія онъ воображалъ, будто существовали, подобное испытаніе являлось совершенно бесполезнымъ. Онъ ее выбралъ; онъ былъ человѣкъ честный; всѣ земли, которыя ему достанутся изъ владѣнія Кенсонъ-Балтазаровъ, предназначались ей; она могла быть въ томъ

увѣрена. Зачѣмъ же ставить ему такія грубыя ловушки, чтобы узнать, не измѣнилъ-ли онъ намѣренія? Но дѣвицы — такія странныя, мать правду говорить, что онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ.

Терметта рѣшилась ходить по вечерамъ къ Фаніи, свадьба которой была назначена на Срѣтеніе. Она приводила въ порядокъ свое давно заготовленное приданое, а Терметта помогала ей, нѣжно умиляясь при мысли, что, пожалуй, скоро и Фанія придется оказывать ей такую же помощь.

Въ слѣдующее же свое посѣщеніе Балтазаръ засталъ одну Франсуазу, которая увѣрила его, что молодая дѣвушка не вернется во весь вечеръ. Онъ не захотѣлъ повѣрить по той уважительной причинѣ, что этого, по его мнѣнію, не могло быть, и занялъ, однако, не безъ тревоги свое обычное мѣсто у очага.

— Ей, можетъ быть, кажется, что я слишкомъ долго не сватаюсь. Такъ что ли?—спросилъ онъ работницу.

— Мой бѣдный другъ,—отвѣтила ему Франсуаза,—вы совершенно напоминаете мнѣ Маршю-Весельчака.

— Вы нестерпимы съ вашими рассказами!—сказалъ Балтазаръ.—Никогда не умѣете отвѣтить: да или нѣтъ. Что это еще за Маршю?

Веснушки, покрывавшія темнымъ узоромъ загрубѣлое лицо старой Франсуазы, ярко окрашивались въ подобныхъ случаяхъ. Она прервала чистку овощей, которою была занята, чтобы не пропустить ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ ухаживателя во время ея разсказа. Ея носъ имѣлъ стремленіе поцѣловаться съ подбородкомъ, а когда ея маленькіе черные глаза свѣтились лукавствомъ, то ее легко было принять за старую вѣдьму.

— Маршю ухаживалъ за Терезой, которая теперь за кузнецомъ,—сказала она, — но Тереза въ то время больше любила маленькаго Сюика. Разъ ночью она была съ нимъ вмѣстѣ, безъ огня. Приходитъ Маршю. Она, разумѣется, не хочетъ отпирать и говорить, что уже собралась ложиться.—Барышня,—онъ говоритъ,—выставьте хоть вашу щечку въ продушину, чтобы я васъ могъ поцѣловать.—Тереза выставила большую деревянную ложку. Маршю расцѣловалъ ее, какъ слѣдуетъ, и сказалъ:—Ахъ, барышня, какая у васъ славная твердая щечка! Только вы сегодня ужинали кукурузной кашей, да? Она и сейчасъ отдаетъ кукурузой!

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ Балтазаръ,— не знаю, зачѣмъ вы мнѣ рассказываете эти побасенки! Не вижу ничего похожаго...

— Пятисотъ тысячъ холеръ! и я тоже не вижу. А такъ, для проложенія времени.

Время проходило такъ пріятно, что Балтазару надѣло ждалъ. Онъ ушелъ задумавшись, и на пути встрѣтилъ Курродуху, съ которою подѣлился своими опасеніями. Когда послѣдняя узнала, что Маркъ уже не ходитъ къ Риболье, то ей стало ясно, что исполнилось самое пламенное ея желаніе. Терметта любила Марка, и въ усадьбѣ Мюзелей неизбѣжно должны были начаться раздоры. Хотя Терметта ни въ чемъ не сознавалась, но маленькая женщина, понимавшая вещи, восхищаясь этою сдержанностью, какъ образцовою хитростью, стала упоминать о Фошурерѣ, какъ о признанномъ женихѣ племянницы.

— Ты хорошо дѣлаешь, да!—говорила она ей.—Я ужъ давно тебѣ твержу, что тебѣ нужно именно такого мужа.

Любовь молодыхъ людей была окружена строжайшей тайной: они видались по ночамъ. Ночной мракъ, такъ пугавшій молодую дѣвушку, теперь сталъ ея сообщникомъ. Какъ нетерпѣливо ждала она его наступленія. Чѣмъ чаще онъ бывалъ, тѣмъ больше она радовалась. Луны она не любила, потому что та могла ихъ выдать. Когда же бывало очень темно, то приходилось только поближе всматриваться въ друга.

Ея комната выходила въ садъ. Вдоль стѣны лежали бревна подъ защитою выступа крыши. Маркъ влѣзалъ на нихъ, перескочивши черезъ заборъ, и стучалъ въ окошко, которое тихонько отворялось. Онъ стоялъ на бревнахъ, она—у себя въ комнатѣ, и они бесѣдовали среди молчанія ночи. Часто они замѣчали, что оба совершенно промерзли, и Терметта съ безпокойствомъ восклицала:

— Я съума сошла! заставляю васъ простуживаться!

Они расставались послѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ.

Въ первыя ночи «Москва» пыталась прерывать эти свиданія лаемъ, которымъ пугала влюбленныхъ. Маркъ схватилъ ее за кожу шеи и такъ отколотилъ кулакомъ по мордѣ, что внушилъ собакѣ непреодолимый ужасъ. Съ тѣхъ поръ, зачуявъ его издали, она выражала тревогу и, ущемивъ хвостъ между лапами, бѣжала прятаться съ угрюмымъ ворчаніемъ. Съ того времени, находясь по одну сторону дома, влюбленный могъ быть увѣренъ, что Москва находится на противоположной и не шелочнется, пока чуетъ близость своего врага. Въ счастья Терметта разцвѣла; душевная радость освѣтила лицо ея сіяніемъ юности, придававшимъ ей неотразимую прелесть. Ласковая дѣвочка, воспитанная доброю тетуской въ Лионѣ, возродилась въ полюбившей дѣвушкѣ. Добрый богатырь, очень чувствительный къ кротости, расставался съ ней каждый разъ все болѣе и болѣе влюбленнымъ. Онъ наивно удивлялся чувству, которое внушилъ ей.

— Только одна и есть такая женщина на свѣтѣ, и полю-

была она именно меня,—говорилъ онъ себѣ, возвращаясь съ этихъ свиданій, съ сердцемъ переполненнымъ радостью.

Разъ утромъ блѣдноватый свѣтъ, проникавшій сквозь стекла, на минуту заставилъ жителей деревни подумать, что заря встала раньше обыкновеннаго: ночью выпалъ толстый слой снѣга. Онъ какъ будто придушилъ собой землю,—на столько полна была тишина во всей окрестности. Всякое живое существо, вступая на эту бѣлую поверхность, оставляло на ней слѣды своего прохода. По кругамъ четвероногихъ слѣдовъ можно было сосчитать, сколько разъ Москва успѣла уже обѣжать вокругъ дома.

Какъ ни легки рѣшловы, но и они оставляли за собою, бѣгая вдоль изгородей, двойные ряды звѣздчатыхъ слѣдовъ.

Этотъ снѣгъ пролежалъ долго. Чтобы не обнаружить тайны своихъ свиданій въ саду, влюбленные не видались, пока онъ не сошелъ. Эта насильственная разлука сдѣлала ихъ такими несчастными, что оба одновременно стали думать о свадьбѣ.

Они сговорились при первомъ же свиданіи и, признавшись другъ другу, что боятся противодѣйствія стараго Мюзеля, рѣшили, что Маркъ обратится къ отцу Терметты.

Въ былые времена Ширень причислялся къ Каландрскому приходу, и церковь стояла между двумя селеніями. Подлѣ нея впослѣдствіи была выстроена мѣрія. Оба эти зданія, вмѣстѣ съ нѣсколькими домами, которые сгруппировались вокругъ нихъ, составили собственно городъ, называемый такъ въ отличіе отъ села Каландра, расположеннаго въ четверти часа ходьбы, на другомъ берегу ручейка Иванетта. Разъ, въ воскресенье, возвращаясь отъ обѣдни, Маркъ отвелъ Антона въ сторону и на ходу сообщилъ ему о своихъ намѣреніяхъ.

— Вы знаете мою землю, Антонъ. Мои родители умерли, и она у меня въ полномъ распоряженіи. Хотя ее нельзя сравнить съ тою, которая современемъ достанется Терметтѣ, однако полагаю, что я не такъ ужъ бѣденъ и могу просить ея руки. Моему старшему брату досталась усадьба, какъ и слѣдуетъ; значить, мнѣ приходится заводить свое хозяйство или войти въ семью тестя. Если хотите, можете взять меня къ себѣ. Батюшка, Мюзель ужъ не долго походить за сохою, да и ваше дѣло, Антонъ, не молодое. Хорошій работникъ вамъ не лишній.

Бѣдный Антонъ, принужденный дать столь важный отвѣтъ и мучимый обычно робостью, покраснѣлъ и отвелъ глаза въ сторону, избѣгая взглядовъ молодого человѣка. Горло у него сжималось, какъ никогда.

— Съ твоего позволенія,—пролепеталъ онъ, заикаясь,—я давно угадалъ твое желаніе. Когда ты приходилъ съ Балтазаромъ, я поглядывалъ молча на васъ обоихъ; тутъ нѣтъ ничего дурнаго, такъ? Ты понимаешь, что я хочу для своей Термет-

точки счастья. Она не такая, какъ другія, и если не выйдетъ замужъ удачно, то что будетъ? То что будетъ?.. Я хорошо видѣлъ, что, когда ты говоришь за Балтазара, то прокъ-то выходитъ для тебя. Я этому былъ радъ, признаюсь, потому что Балтазаръ... Словомъ, не хочу его обидѣть, только... вотъ...

— Да что-же? Вѣдь вы не думаете-же отказать мнѣ?

— Вотъ... ты хорошо знаешь, каковы у насъ дѣла. Старикъ у насъ хозяинъ. Я, съ твоего позволенія, очень люблю тебя; но нужно сначала, чтобъ согласился старикъ.

— Вы попросите его согласія.

— О, бѣдный другъ! Не въ обиду тебѣ будь сказано, но это невозможно. Я выписалъ Терметту изъ Ліона безъ его позволенія и, скажу ему не въ осужденіе, онъ этого не простилъ. Если я теперь предложу для нея жениха, онъ подумаетъ, понимаешь, что я опять хочу сдѣлать по своему, и выйдетъ нехорошо, совсѣмъ нехорошо... Сватайся самъ, будетъ гораздо лучше.

— Да мы съ нимъ другъ друга не очень то жалуемъ.

— Такъ, если не хочешь говорить самъ, поручи кому-нибудь. Не хочу тебѣ отказывать, но кого бы ты ни попросилъ, все ужъ лучше, чѣмъ меня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Профессоръ сороковыхъ годовъ (Т. Н. ГРАНОВСКІЙ).

---

4 октября 1895 года исполнилось сорокъ лѣтъ со дня смерти Т. Н. Грановскаго. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ представителей русской университетской науки и одинъ изъ наиболее видныхъ вождей русскаго общественнаго движенія той поры, когда послѣднее стало принимать особенно широкій и сознательный характеръ. Ознакомиться съ духовной фязіономіей покойнаго историка, опредѣлить, какъ складывались и какъ окончательно выразились его основныя воззрѣнія, значило бы повтому не только оглянуться на путь, пройденный русской исторической наукой за послѣднія сорокъ лѣтъ, но и раскрыть передъ собою исторію умственнаго развитія русскаго общества на одной изъ наиболее любопытныхъ и содержательныхъ ея страницъ. Правда, осуществленіе такой задачи, представляющей высокій интересъ, встрѣчаетъ и серьезныя затрудненія. Грановскій гораздо болѣе далъ своимъ современникамъ, нежели оставилъ потомству. Прежде всего и болѣе всего профессоръ, дѣятель устнаго слова, онъ писалъ мало и неохотно; были на то и другія причины. Какъ бы то ни было, но благодаря этому обстоятельству, настоящее его значеніе далеко не полно вскрывается въ тѣхъ его трудахъ, которые попали въ печать и дошли до насъ. Произведенія, напечатанныя имъ самимъ и потомъ вошедшія въ собраніе его сочиненій, отдѣльныя лекціи, записанныя и позднѣе напечатанныя его учениками и слушателями, сами по себѣ, при всемъ высокомъ значеніи, какое они могутъ имѣть, еще не способны воспроизвести передъ читателями фигуру Грановскаго во весь ея ростъ. Въ концѣ концовъ все это не болѣе, какъ отрывки, хотя и весьма значительные, обломки, въ которыхъ легко чувствуется обаятельная красота того цѣлага, къ какому они принадлежали, но по которымъ еще нельзя составить себѣ вполнѣ отчетливаго понятія объ этомъ цѣломъ. Чтобы получить такое понятіе, чтобы ясно представить себѣ мѣсто и роль Грановскаго въ общественной жизни его эпохи, вліяніе его идей, а иногда и самый характеръ послѣднихъ, нельзя ограничиться однимъ анализомъ его сочиненій: необходимо еще снабдить ихъ своего рода историческимъ

комментаріемъ, почерпая матеріалъ для него изъ частной переписки самого Грановскаго, изъ показаній современниковъ, наконецъ, изъ фактовъ окружавшей его общественной жизни, запросамъ которой отвѣчалъ онъ всею своею дѣятельностью, въ томъ числѣ и своими научными трудами.

И это тѣмъ болѣе необходимо, что самая дѣятельность его далеко не всегда находила себѣ однообразную оцѣнку. Нерѣдко приходится встрѣчать мнѣніе, будто дѣятельность Грановскаго не вызывала или почти не вызывала противоположныхъ сужденій. Въ сущности это не совсѣмъ вѣрно. Не говоря ужъ объ озлобленныхъ врагахъ, въ увлеченіи борьбы съ Грановскимъ или его идеями забывавшихъ всякое чувство справедливости,—а ихъ было не мало, и въ ихъ число всталъ даже Достоевскій,—можно назвать въ нашей литературѣ рядъ отзыовъ, неблагоприятныхъ Грановскому, пытавшихся отнять у него ту или иную долю его славы. Мы напомнимъ только болѣе яркіе изъ такихъ отзыовъ. Когда по смерти Грановскаго въ одномъ изъ посвященныхъ его памяти некрологовъ его назвали «общественнымъ русскимъ человѣкомъ», одинъ изъ самыхъ умныхъ, если не самый умный, изъ его литературныхъ противниковъ, А. С. Хомяковъ находилъ, что «похвала эта была совсѣмъ несправедлива въ отношеніи къ нему» и что «конечно, въ общественномъ значеніи Погодинъ Грановскому не чета» *). Эта оцѣнка была сдѣлана въ частномъ письмѣ. Но вскорѣ, въ виду свѣжей еще могилы Грановскаго, надъ его дѣятельностью былъ произнесенъ еще болѣе суровый и притомъ ужъ публичный приговоръ. Бывшій другъ юности покойнаго, г. Григорьевъ, напечаталъ въ 1856 г. свои воспоминанія о немъ, въ которыхъ отрицалъ за нимъ всякія заслуги, кромѣ ораторскаго таланта. По мнѣнію автора воспоминаній, Грановскій, какъ профессоръ, былъ лишь «вдохновенный актеръ исторіи»; какъ общественный дѣятель—эпикурецъ, умышленно возводившій всѣ убѣжденія на такую идеальную высоту, на которой всякія различія между ними исчезали, и тѣмъ достигавшій мира со всѣми; какъ ученый—не отличался ни самостоятельностью, ни оригинальностью, являясь «почти совершенно пассивнымъ передатчикомъ усвоеннаго имъ матеріала, не судьей дѣла, а докладчикомъ фактовъ и выработанныхъ другими воззрѣній на нихъ» **). Нѣсколько болѣе серьезнаго, хотя не менѣе, пожалуй, строгаго суда дождался московскій профессоръ черезъ пятнадцать лѣтъ совсѣмъ съ другой стороны, въ статьѣ г. Скабичевскаго. По словамъ послѣдняго, Грановскій былъ «вполнѣ человѣкомъ сороковыхъ годовъ, живымъ, воплощеннымъ типомъ тѣхъ промежуточныхъ людей, въ которыхъ старыя идеи упорно боролись съ новыми и которые въ изне-

*) Р. Архивъ, 1879 III, 343; письмо Хомякова къ Ю. Самарину отъ 17 окт. 1855 г.

**) Григорьевъ. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Русскія Бесѣды, 1856, кн. III—IV; см. IV, смѣсь, 54—7.

моженіи останавливались на этой борьбѣ, не въ силахъ найти никакого исхода изъ нея и не смѣя рѣшиться смѣло пойти въ одну какую-нибудь сторону». Возможное еще недоумѣніе насчетъ того, что именно подразумевается здѣсь подъ «старыми» идеями, критикъ окончательно разсѣиваетъ, сравнивая Грановскаго то съ Фонъ-Визинскимъ Митрофанушкой, то съ г-жею Простаковой и говоря въ другомъ мѣстѣ статьи, что «въ Грановскомъ сидѣли двѣ противоположныя системы мировоззрѣній: одна—допетровская, архангелская, вся основанная на средне-вѣковыхъ преданіяхъ, другая,—новая, система XIX столѣтія». Стоя на распутьи двухъ мировоззрѣній и въ каждомъ изъ нихъ находя симпатичныя для себя стороны, Грановскій старался всячески примирять ихъ противорѣчія, но это же самое стояніе на распутьи «располагало его враждебно ко всемъ направленіямъ, существовавшимъ въ его время». Отсюда г. Скабичевскій вполне логично заключилъ, что такой человекъ могъ вести впередъ только толпу, «все умственные интересы которой сосредоточивались въ узкой сферѣ эстетическихъ вопросовъ и двухъ-трехъ романтическихъ идеальчиковъ». Грановскій ввелъ ее въ область вопросовъ общественныхъ и политическихъ, но и здѣсь онъ явился «не столько проповѣдникомъ глубокихъ истинъ или новыхъ идей, сколько художникомъ-созерцателемъ» *). Въ статьѣ г. Скабичевского Грановскому послышался между прочимъ упрекъ за то, что онъ отстаивалъ систему классическаго образованія. Немного спустя г. Иловайскій тотъ же фактъ обратилъ въ похвалу покойному историку, утверждая, что послѣдній «ратовалъ за истинно-охранительныя начала» **). Наконецъ, не такъ давно проф. А. Н. Веселовскій въ своей автобіографіи сообщилъ, что, будучи въ пятидесятыхъ годахъ студентомъ московскаго университета, онъ не могъ пристать къ поклонникамъ Грановскаго, отъ лекцій котораго ему «отдавало фразой», и въ этомъ сообщеніи проф. В. И. Ламанскій увидалъ «большой успѣхъ нашего европеизма» ***).

Мы привели этотъ, немного пестрый букетъ характеристикъ и отзывовъ не для того, чтобы разбирать или опровергать ихъ. Своего рода отвѣтъ на нихъ будетъ данъ дальнѣйшимъ изложеніемъ нашего собственнаго пониманія личности Грановскаго и значенія въ русской общественной жизни. Приводя только что процитированные отзывы, мы хотѣли лишь пока наглядно иллюстрировать ими то обстоятельство, что его имя сохранило еще и по-сейчасъ способность возбуждать иногда живые споры, и что разногласія въ оцѣнкѣ его дѣятельности, время отъ времени проявлявшіяся, не всегда даже могутъ быть сведены къ различію литературныхъ лагерей. Объяс-

*) Скабичевскій. Очерки умственнаго развитія нашего общества, Отеч. Записки, 1871, № 3, стр. 85, 88, 92, 96, 102, 105—6.

**) Р. Архивъ, 1874, 807.

***) Живая Старина, 1890, вып. 2, 232.

неніе послѣдняго факта едва-ли не лежить однако въ недостаточности матеріала, которымъ пользовались при такихъ изображеніяхъ, и въ самомъ ихъ способѣ, при которомъ человека и его взгляды иной разъ произвольно отрывали отъ среды, въ какой онъ жилъ и дѣйствовалъ, или этой средѣ придавали непринадлежащія ей черты. Но историческій портретъ можетъ быть вѣренъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ нарисованъ на вѣрномъ фонѣ. Съ своей стороны, не разсчитывая добавить какія-либо важныя черты къ характеристикѣ научныхъ взглядовъ Грановскаго, сдѣланной уже другими, болѣе компетентными въ данномъ случаѣ лицами *), мы хотѣли бы, поскольку позволяютъ это существующіе матеріалы, дать общую характеристику его не только какъ ученаго, но и какъ общественнаго дѣятеля, и, быть можетъ, нѣсколько точнѣе опредѣлить его мѣсто въ ряду людей, подготовившихъ то возрожденіе русскаго общества, свидѣтелями котораго были шестидесятые года нашего столѣтія.

I.

Дѣтство и ранняя юность Грановскаго не представляли собою ничего выдающагося, ничего особенно замѣтнаго. Родился онъ 9 марта 1813 г. въ Орлѣ и первые восемнадцать лѣтъ своей жизни провелъ, съ небольшими перерывами, частью въ этомъ губернскомъ городѣ, частью въ недалеко отъ него лежавшемъ имѣніи своихъ родителей, с. Погорѣльцѣ, тамъ и здѣсь не выходя изъ сѣрой, обыденной обстановки тогдашняго средняго помѣщичьяго быта. Отецъ его былъ чиновникъ; занималъ онъ должность совѣтника солянаго управленія; мать—происходила изъ богатой малороссійской фамиліи, члены которой въ 18-мъ вѣкѣ, въ періодъ самостоятельнаго существованія Малороссіи, славились своимъ умѣніемъ собирать немалыя богатства на счетъ подвластныхъ имъ крестьянъ и козаковъ. Но общественная обстановка, окружавшая Грановскаго въ эти ранніе его годы, какъ-то лишь скользнула по немъ, не оставивъ замѣтныхъ слѣдовъ въ его душевномъ складѣ. За то вліяніе расы и природы сказалось на немъ рѣзкими чертами. Малороссъ по происхожденію, сынъ свѣтлаго и вмѣстѣ задумчиваго русскаго юга, онъ какъ будто заимствовалъ отъ тамошней природы богатство поэтическихъ тоновъ своего душевнаго настроенія, мягкую ровность характера и ту прозрачную дымку легкой грусти, которая окутывала его даже въ лучшія минуты его жизни. Немало, повидимому,

---

*) См. П. Г. Виноградовъ, Т. Н. Грановскій (Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ, М. 1894) и Н. И. Карѣевъ, Историческое мірозерцаніе Грановскаго, Спб. 1896. Біографія Грановскаго, написанная А. Станкевичемъ (Т. Н. Грановскій, М. 1869), до сихъ поръ не потеряла своего значенія.

дѣйствовала на созданіе его характера и мать его, любящая и обладавшая нѣкоторымъ образованіемъ женщина, которую онъ страстно любилъ и вліянію которой приписывалъ впоследствии всѣ лучшія свои свойства. Но и мать не могла или не хотѣла пересилить безпечность отца и сколько-нибудь правильно поставить ученіе сына. Грановскій въ свои ранніе годы учился въ полномъ смыслѣ слова «по-немногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Къ нему примѣнялась обыкновенная въ тогдашней помѣщичьей средѣ система воспитанія съ помощью гувернеровъ-иностранцевъ и пансіоновъ, но и та въ конецъ разстраивалась безалаберностью отца. Сперва у Грановскаго были гувернеры-иностранцы, благодаря которымъ онъ познакомился съ французскимъ и англійскимъ языками, затѣмъ его, тринадцати лѣтъ отъ роду, отвезли было въ Москву, въ нѣмецкій пансіонъ Кистера, но, продержавъ тамъ неполные два года, втеченіе которыхъ онъ не успѣлъ даже научиться нѣмецкому языку, взяли домой на каникулы и въ пансіонъ не вернули. Предоставленный себѣ, томясь скукою, онъ сталъ наполнять праздное время охотою и чтеніемъ, доставая книги изъ библиотекъ сосѣднихъ богатыхъ помѣщиковъ и читая безъ разбора все, что попадалось подъ руку. Особенно увлекался онъ въ то время Вальтеръ-Скоттомъ, впервые и съ самой свѣтлой стороны открывшимъ передъ нимъ міръ средневѣковой рыцарской Европы; любовь къ этому писателю надолго сохранилась у него и впоследствии.

Такъ проходили годы, и юношѣ грозила опасность остаться безъ всякаго систематическаго образованія. Надо было однако подумать о томъ или иномъ устройствѣ дальнѣйшей его судьбы. Отецъ позаботился толкнуть его на готовую, проторенную дорожку—опредѣлить на службу. Самъ Грановскій подумывалъ даже вступить въ военную службу, но убѣжденія матери заставили его выбрать гражданское поприще. Въ 1831 г. онъ отправился въ Петербургъ и здѣсь поступилъ на службу въ департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Внѣшняго толчка, заключавагоса въ перемѣнѣ обстановки, оказалось достаточно, чтобы разбудить дремавшія въ душѣ юноши силы. На новомъ мѣстѣ, среди иного общества, не жели какое окружало его домъ, Грановскій почувствовалъ себя «невѣждой и глупцомъ», и рѣшеніе его было быстро составлено. Не прошло и полугода съ зачисленія его въ ряды чиновниковъ, какъ онъ вышелъ въ отставку и сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Вскорѣ послѣ того умерла его мать, и Грановскій, потрясенный горемъ, остался въ чужомъ городѣ одинъ, почти безъ всякой поддержки, такъ какъ отецъ теперь крайне неаккуратно доставлялъ ему средства. Тѣмъ не менѣе, терпя сильную матеріальную нужду, доходившую до того, что онъ питался одно время только картофелемъ и чаемъ, онъ продолжалъ занятія, выхлопоталъ себѣ съ января 1832 года разрѣшеніе посѣщать университетскія лекціи, готовясь въ то же время къ экзамену, а осенью того

же года сдалъ экзаменъ и вступилъ въ число студентовъ юридическаго факультета. Самый выборъ факультета былъ обусловленъ не столько опредѣленнымъ призваніемъ, сколько случайностями предыдущаго образованія юноши: къ математическимъ наукамъ онъ не чувствовалъ влеченія, греческаго языка, необходимаго для вступленія на словесный факультетъ, не зналъ, оставалось сдѣлаться юристомъ. Къ тому же Грановскій искалъ въ университетѣ не спеціальныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для какого-нибудь житейскаго поприща, а общаго образованія.

Но въ этомъ смыслѣ тогдашній университетъ и не могъ дать ему особенно многого. Петербургскій университетъ той поры, начала тридцатыхъ годовъ, представлялъ изъ себя скорѣе школу, съ нѣсколько болѣе высокимъ противъ средней школы уровнемъ знаній, нежели университетъ въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Каѳедры были заняты учеными посредственностями и бездарностями, въ лучшемъ случаѣ добросовѣстными, но узкими и ограниченными специалистами. Работа профессоровъ сводилась къ чтенію изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же курсовъ, разъ составленныхъ и потомъ оставившихся безъ перемѣны; работа студентовъ—къ заучиванію этихъ курсовъ наизусть и отвѣту ихъ на экзаменахъ. Такой университетъ могъ пополнить нѣкоторые частные недостатки въ знаніяхъ Грановскаго, даже приучить его къ попыткамъ самостоятельной работы, но не могъ дать и не далъ удовлетворенія его стремленію къ систематическому научному образованію. Съ наибольшей охотой слушалъ еще Грановскій лекціи профессора философіи Фишера и, когда въ 1834 г. объявленный послѣднимъ курсъ исторіи философскихъ системъ былъ отмѣненъ по распоряженію университетскаго совѣта, Грановскій убѣдилъ товарищей просить совѣтъ о разрѣшеніи этого курса. Но немного позднѣе о томъ же Фишерѣ Грановскій писалъ, что вмѣсто философіи онъ читалъ студентамъ какую-то другую науку, «значенія которой, прибавлялъ онъ, я теперь не понимаю». То, чего не доставало въ университетѣ, Грановскій старался найти въ самостоятельномъ чтеніи. Отъ историческихъ романовъ, отъ поэтовъ онъ перешелъ къ научнымъ сочиненіямъ по исторіи. Знакомство съ корифеями исторической литературы Франціи и Англіи, съ трудами Мишле, Гизо, Тьерри, Робертсона, Юма и Гиббона, пріобрѣтенное за годы университетской жизни, прочно привязало его симпатіи къ исторической наукѣ и если не дало ему вполне цѣльнаго мировоззрѣнія, то все же обогатило его умъ рядомъ опредѣленныхъ идей. Особенно высоко цѣнилъ онъ въ это время Ог. Тьерри и даже перевелъ было на русскій языкъ двѣ части его «Завоеванія Англіи Норманнами». Между тѣмъ продолжавшаяся матеріальная необезпеченность положенія Грановскаго вынуждала его искать себѣ того или иного заработка, и онъ уже очень рано выступилъ на литературное поприще, въ качествѣ сотрудника «Библіотеки для Чтенія» Сенковского. Въ 1835 г. въ этомъ журналѣ была

напечатана первая историческая статья Грановскаго, составленная по Капфигу и Деппингу, подъ названіемъ «Судьбы еврейскаго народа». Статья эта, не дающая предвидѣть блестящей славы, какая окружила впоследствии ея автора, замѣчательна только своимъ яснымъ изложеніемъ и проникающимъ ее гуманнымъ настроеніемъ. Грановскій и послѣ того работалъ еще нѣсколько времени въ журналѣ Сенковскаго, но сношенія съ послѣднимъ не оказали на него никакого замѣтнаго вліянія. Блестящее, порою злое, порою площадное, но всегда почти безпредметное остроуміе «барона Брамбеуса», не согрѣтое никакимъ искреннимъ и страстнымъ убѣжденіемъ, было очень далеко отъ вдумчивой серьезности его юнаго сотрудника, и для Грановскаго сотрудничество въ «Библіотекѣ для Чтенія» осталось лишь средствомъ литературнаго заработка, но не сдѣлалось этапомъ его умственнаго развитія. Равнымъ образомъ и среди кружка товарищей-студентовъ, въ которомъ онъ вращался, онъ не встрѣчалъ сильныхъ толчковъ къ дальнѣйшему движенію впередъ. Стоя въ сущности на одной съ ними ступени развитія, онъ въ то же время многихъ изъ нихъ превосходилъ своей нравственной чистотой и едва ли не всѣхъ—своими богатыми способностями. Эти способности обратили на него вниманіе университетскаго начальства и ему сдѣлано было предложеніе отправиться на казенный счетъ за границу для приготовленія къ профессурѣ. Но онъ считалъ себя въ это время связаннымъ романическими отношеніями, существовавшими между нимъ и одною дѣвушкой изъ помѣщичьей семьи, жившей по сосѣдству съ имѣніемъ его отца, и отклонилъ это предложеніе. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ поселился въ Петербургѣ и вновь поступилъ на службу, на этотъ разъ въ морское министерство, секретаремъ перваго отдѣленія гидрографическаго департамента; въ то же время онъ продолжалъ работать въ литературѣ, помѣщая свои статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара.

Но ни чиновникомъ, ни журналистомъ ему не суждено было сдѣлаться. Ранній романъ его скоро сталъ терять свою прелесть. Родственники дѣвушки старались сдѣлать Грановскаго формальнымъ женихомъ раньше, нежели онъ сдѣлался таковымъ по собственному побужденію, и это волновало и оскорбляло его. Отношенія запутывались, не приходя ни къ какой опредѣленной развязкѣ. Тѣмъ временемъ ему вновь было сдѣлано, уже съ другой стороны, именно московскимъ попечителемъ гр. С. Г. Строгановымъ, искавшимъ въ это время свѣжихъ силъ для обновленія московскаго университета, предложеніе отправиться за границу для приготовленія къ ученой дѣятельности. Теперь онъ отнесся къ этому иначе и принялъ предложеніе, испросивъ, правда, на это раньше разрѣшеніе отъ дѣвушки, которую все еще продолжалъ считать связанной съ собой на всю жизнь. Впоследствии разлука и посредничество третьяго лица разорвали эту связь, и они больше не встрѣчались другъ съ

другомъ. Но раньше, чѣмъ Грановскій успѣлъ выѣхать за границу, въ его жизни завязалась много рода связь, гораздо болѣе важная по своимъ послѣдствіямъ. Въ Москвѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ началѣ 1836 года для окончательныхъ переговоровъ съ Строгановымъ насчетъ своей заграничной поѣздки, онъ познакомился съ Н. В. Станкевичемъ, и это знакомство быстро перешло въ горячую дружбу. «Мы подружились съ Грановскимъ, писалъ Станкевичъ годъ спустя объ этомъ эпизодѣ, какъ люди не дружатся иногда за цѣлую жизнь» *).

Глубокой бороздой легло влияніе Станкевича въ жизнь Грановскаго и навсегда оставило въ ней свои яркіе слѣды. Послѣ міра ученыхъ ремесленниковъ и болѣе или менѣе прилежныхъ и умныхъ юношей онъ впервые столкнулся теперь съ убѣжденнымъ и пылкимъ идеалистомъ, всѣ свои силы посвятившимъ на уясненіе смысла и законовъ мірозданія, понимавшимъ науку, какъ одно великое цѣлое, и настойчиво и страстно допрашивавшимъ жизнь объ ея тайныхъ цѣляхъ, хотя надъ нимъ самимъ смерть уже распускала свои черныя крылья. Соединяя въ себѣ серьезныя философскія познанія и необыкновенныя диалектическія способности съ глубокимъ эстетическимъ чувствомъ и рѣдкимъ даромъ проникать въ души людей, быстро угадывать ихъ основныя свойства и нѣжной, но умѣлой рукой затрогивать ихъ лучшія струны, этотъ юноша, съ пламеннымъ энтузіазмомъ отдававшій свою жизнь почти исключительно умственнымъ интересамъ и обреченный ранней смерти, представлялъ изъ себя такую крупную духовную силу, мимо которой не могъ пройти безнаказанно мыслящій человѣкъ. Всѣхъ своихъ друзей Станкевичъ опутывалъ чарами своего умственного и нравственного влиянія, вводилъ въ кругъ своихъ интересовъ и надолго, если не навсегда, оставлялъ на нихъ свой отпечатокъ. Грановскій менѣе, чѣмъ кто-либо, могъ избѣжать этой судьбы. Въ его мягкой, поэтической и гуманной натурѣ было много родственнаго Станкевичу. Но послѣдній, раскрывъ новые горизонты его мысли, подсказавъ ему иное, болѣе широкое пониманіе науки и жизни, заставилъ звучать въ этой богатой, но не вполне еще развернувшейся натурѣ молчавшія ранѣе струны и сдѣлался руководителемъ молодого историка на новомъ поприщѣ знаній, установивъ между нимъ и собою тѣсное духовное общеніе **). Обогащенный первыми результатами этого общенія, Грановскій выѣхалъ за границу, въ Берлинъ, питая новыя стремленія, гордась полнѣе воспринять впечатлѣнія и уроки европейской науки. Нѣсколько выдержекъ изъ переписки друзей лучше всего помогутъ намъ выяснить содержаніе этихъ

*) Переписка Н. В. Станкевича, изд. Анненковымъ, 208.

**) Въ юнѣ 1836 г. онъ писалъ Грановскому: «ты самъ одобрилъ мои занятія, ты самъ подаль намъ руку и мы прочли въ душѣ твоей, что ты нашъ». Тамъ же, с. 186.

стремлений и тотъ страстно-сосредоточенный характеръ, какой принимали они, по крайней мѣрѣ, у Станкевича и какой неизбежно долженъ былъ заразительно дѣйствовать и на Грановскаго. Для Станкевича Берлинъ, этотъ центръ гегеліанской философіи, являлся не обыкновеннымъ университетскимъ городомъ, въ которомъ удобно довершить свое образованіе, а своего рода обѣтованной землей, въ которой онъ надѣялся найти высшую истину, которая освѣтила бы ему всю жизнь. «Ты въ Берлинъ! Ты достигъ цѣли твоего странствія!—писалъ онъ Грановскому 14 іюня 1836 г.—Я воображаю, какъ сжалось твое сердце, когда ты увидѣлъ этотъ нѣмецкій городъ, на который каждый изъ насъ возложилъ свою надежду... Надѣюсь, ты сдержишь свое обѣщаніе и напишешь мнѣ о тѣхъ чудесахъ, отъ которыхъ мы ждемъ себѣ душевнаго возрожденія. Признаюсь тебѣ, мнѣ давно стало душно отъ этой проклятой неизвѣстности, отъ этого откладыванья. Когда же нибудь надобно отбросить эту робкую уступчивость, эту ученическую скромность, стать лицомъ къ лицу съ тѣми обстоятелями души, которые тайною, отрадною надеждою поддерживаютъ жизнь ея, и потребовать отъ нихъ вразумительнаго отвѣта. Воля твоя, я не понимаю натуралиста, который считаетъ ноги у козавокъ, и историка, который, начавъ съ Ромула, въ цѣлую жизнь не дойдетъ до Нумы Помпилія,—не понимаю человѣка, который знаетъ о существованіи и спорахъ мыслителей и бѣжить ихъ, и отдается въ волю своего земного поэтическаго чувства. Если нельзя ничего знать, стоитъ работать до кроваваго пота, чтобы узнать хоть это. Тогда въ моемъ отчаяніи, въ моемъ ропотѣ будетъ больше счастья, больше поэзіи, по крайней мѣрѣ, нежели въ этомъ робкомъ отказѣ отъ своего достоинства, отъ своихъ потребностей, силъ. Тогда, можетъ быть, я лучше пойму смиреніе вѣры; тогда я, можетъ быть, безъ удержанія отдамся душѣ своей, въ которой есть же капля любви, и стану жить въ одномъ чувствѣ, ничѣмъ не раздробляемомъ». Нужно было имѣть слишкомъ мало увѣренности въ себѣ или слишкомъ много сухости и черствости ума, чтобы устоять противъ этихъ страстныхъ призывовъ въ область широкихъ философскихъ вопросовъ и остаться за тѣсною оградой своей спеціальности. Последнимъ качествомъ Грановскій не отличался, но Станкевичъ какъ будто предвидѣлъ, что онъ можетъ слишкомъ мало довѣрять своимъ силамъ, и заранѣе предостерегалъ его на этотъ случай. «Прочь интересы бѣдныхъ головъ!—писалъ онъ.—Что за нужда, въ какомъ-то году умеръ Александръ Македонскій, довольно, что онъ жилъ и переродилъ вселенную, а если это знать, такъ знать для того, чтобы понять, что такое вселенная. Интересъ всѣхъ наукъ одинъ; посторонніе интересы могутъ быть искренни и безкорыстны, но они суть слѣдствіе привычки, а не жажда души, которая во всемъ хочетъ поэзіи, упоенія, которая во всемъ ищетъ себя и своего единства съ жизнью природы и Бога, безъ котораго нѣтъ жизни и существенности, безъ

котораго вселенная скелетъ или призракъ. Мужество, твердость, Грановскій! Не бойся этихъ формулъ, этихъ костей, которыя облекутся плотію и возродятся духомъ по глаголу Вожію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—жизнь человѣчества: ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Вожія; но прежде приготовься трудными испытаніями—займись философіею. Занимайся тѣмъ и другимъ, эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе! Тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь и иди путемъ своимъ» *). Сомнѣнія и даже отчаяніе, которыхъ опасался Станкевичъ, дѣйствительно охватили его друга въ Берлинѣ. Послѣ той, весьма скромной духовной пищи, какую предлагалъ своимъ питомцамъ петербургскій университетъ, переходъ къ ознакомленію съ европейской исторической наукой на ея родинѣ не могъ не показаться рѣзкимъ, какъ ни былъ подготовленъ къ нему Грановскій предшествовавшимъ самостоятельнымъ чтеніемъ. Зрѣлище тщательно воздѣлываемой въ Германіи науки пробуждало въ немъ и недовольство своимъ прошлымъ, и опасеніе за будущее: «я только теперь—писалъ онъ въ іюлѣ 1836 г.—началъ заниматься наукою, какъ должно, и не могу безъ грусти подумать о времени, которое такъ безплодно тратилъ въ Петербургѣ» **). Вскорѣ у него явилось сомнѣніе, сможетъ ли онъ охватить все, сдѣланное до него; къ сомнѣнію въ своихъ силахъ присоединилось и чувство болѣе глубокое, поколебавшее основы того непосредственнаго религіознаго міросозерцанія, какое до этой поры оставалось, повидимому, непоколебленнымъ у Грановскаго, и породившее недовѣріе къ самой наукѣ; все это привело его къ тяжелой и глухой тоскѣ. Обеспокоенный ею, Станкевичъ поспѣшилъ придти ему на помощь, тѣмъ болѣе дѣйствительную, что въ жалобахъ Грановскаго онъ слышалъ отголоски настроенія, недавно и не вполне еще пережитаго имъ самимъ. Онъ старался убѣдить Грановскаго, что сомнѣніе—необходимый и законный періодъ въ жизни человѣка; вопросъ только въ томъ, какъ перейти отъ него къ примиренію съ жизнью и къ дѣятельности. «Всякій другой рѣшилъ бы это дѣло просто: стремись къ тому, чего желаешь; ищи отвѣты на тѣ вопросы, которые съ большею силою гнетутъ тебя; ступай въ тотъ міръ, котораго гражданиномъ ты себя чувствуешь. Но я не скажу тебѣ этого—не только потому, что желѣзная необходимость заставить тебя заниматься многимъ, о чемъ душа не спрашивала, но и потому, что ясно сознать свои потребности не есть дѣло одной минуты». Привода въ примѣръ собственные занятія, онъ говорилъ, что онъ началъ было заниматься исторіей едва ли не болѣе всего по «привычкѣ къ недѣятельности ума, которая дѣлала страшнымъ занятіе философіей и изрѣдка обдавала

*) Переписка Н. В. Станкевича, 183—6.

**) Въ воспоминаніяхъ Я. М. Невѣрова, Р. Старина, 1880, № 4, 744.

какимъ-то холодомъ невѣрія къ достоинству ума». Изъ этого состоянія его вывело знакомство съ ученіемъ Шеллинга. «Оковы спали съ души, когда я увидѣлъ, что въ одной всеобъемлющей идеи нѣтъ знанія, что жизнь есть самонаслажденіе любви и что все другое—призракъ. Теперь есть цѣль передо мною. Я хочу полного единства въ мірѣ моего знанія, хочу дать себѣ отчетъ въ каждомъ явленіи, хочу видѣть связь его съ жизнію цѣлаго міра, его необходимость, его роль въ развитіи этой идеи». Тѣмъ настойчивѣе указывалъ Станкевичъ своему другу на необходимость выработки философскаго міросозерцанія, что не находилъ въ немъ задатковъ узкаго спеціалиста. «Другое дѣло—прагматическій интересъ въ наукѣ; тогда она средство, и это занятіе имѣетъ свою прелесть; но для этого надобно имѣть страсть; преодолевающую всѣ труды, а къ такой страсти способны люди односторонніе. Ты не изъ этого рода людей: это можно узнать, взглянувши на тебя. Больше простора душѣ, мой милый Грановскій! Теперь ты занимаешься исторіей: люби же ее, какъ поэзію,—прежде, нежели ты свяжешь ее съ идеею,—какъ картину разнообразной и причудливой жизни человѣчества, какъ задачу, которой рѣшеніе не въ ней, а въ тебѣ, и которое вызовется строгимъ мышленіемъ, приведеннымъ въ науку. Поэзія и философія—вотъ душа сущаго. Это жизнь, любовь: въ ихъ все мертво. Ты скорбишь о томъ, что едва знаешь имена тѣхъ людей, которыхъ Миллеръ называлъ великими. Не говоря о томъ, что на счетъ величія людей можно имѣть разныя понятія съ Миллеромъ, я скажу: что за потребность узнать и того, и другого, и третьяго? Ты узнаешь ихъ тогда, когда въ тебѣ будетъ вопросъ, котораго рѣшенію они могутъ способствовать» *).

Совѣты Станкевича не устранили, конечно, переживавшагося Грановскимъ кризиса, но помогли ему легче выйти изъ послѣдняго. Руководясь ими, онъ параллельно съ занятіями исторіей принялся за ученіе Гегеля, но къ систематическому изученію философіи пока не приступалъ **). Оно началось для него съ пріѣздомъ въ Берлинъ осенью 1837 года Станкевича, когда они вмѣстѣ начали заниматься исторіей и философій, послѣдней подъ руководствомъ гегеліанца Вердера. Около двухъ лѣтъ продолжалась эта совместная жизнь ихъ въ Берлинѣ, на время прервавшаяся только въ 1838 г., когда они отдѣльно другъ отъ друга путешествовали

*) Переписка Н. В. Станкевича, 194—8; ср. отзывы Станкевича о состояніи Грановскаго въ письмахъ къ Я. М. Невѣрову, тамъ же. 193 и 207, и позднѣйшій отзывъ самого Грановскаго въ письмѣ къ Григорьеву—«Т. Н. Грановскій», А. Станкевича, 63—6.

**) См. въ письмѣ Станкевича къ Невѣрову 20 сент. 1837 г. шутилиую благодарность Грановскому «за то, что онъ занимается дѣломъ и начинаетъ признавать достоинство Егора Федоровича Гегелева». Переписка, 230. Ср. о занятіяхъ философій до пріѣзда Станкевича приведенное въ воспоминаніяхъ Невѣрова письмо Грановскаго. Р. Старива, 1880 г. № 4, стр. 745—6.

по Германіи. Въ половинѣ 1839 года они окончательно разстались: Грановскій отправился въ Россію—занять кафедру въ московскомъ университетѣ, Станкевичъ въ Италію—умирать отъ чахотки. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на вѣщныхъ подробностяхъ этого періода жизни Грановскаго или слѣдить за порядкомъ его занятій. Мы можемъ, минуя то и другое, прямо обратиться къ тѣмъ результатамъ, какіе были вынесены имъ изъ этой жизни за границей въ продолженіе трехъ почти лѣтъ. За данное время сложились дѣйствительно его основныя научныя воззрѣнія въ прямой зависимости отъ тѣхъ направленій научной мысли, съ которыми онъ встрѣтился и познакомился въ Берлинѣ.

Политическіе перевороты, происшедшіе въ Западной Европѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX-го столѣтій, какъ извѣстно, повели къ немалымъ переворотамъ и въ области теоретической мысли, особенно сильно сказавшимся въ сферѣ воззрѣній на природу и характеръ развитія человѣческихъ обществъ. Крушеніе многихъ надеждъ и ожиданій, связанныхъ съ великой французской революціей, и для многихъ неожиданный отпоръ, встрѣченный этою революціей, а затѣмъ и грандіозною попыткой Наполеоновской монархіи со стороны отдѣльныхъ національностей, нанесли въ сознаніи эпохи тяжелые удары отвлеченной философіи XVIII вѣка и проповѣдывавшейся ею вѣрѣ въ безусловное могущество разумной и свободной человѣческой личности. Гордая попытка перестроить жизнь человѣчества, руководствуясь одними лишь указаціями чистаго разума, независимаго отъ условій времени и мѣста,—какъ понято было многими энтузіастами дѣло французской революціи,—окончилась горькимъ разочарованіемъ и чѣмъ глубже было это разочарованіе, тѣмъ настоятельнѣе сказывалась необходимость провѣрить основныя положенія старой системы пониманія общественныхъ отношеній, въ рамки которой рѣшительно не укладывались факты, слишкомъ громко говорившіе за себя, слишкомъ свѣжіе въ общей памяти, чтобы ихъ можно было обойти или забыть. Эти факты сами по себѣ способны были подорвать въ общественномъ сознаніи вѣру въ старую систему, не говоря уже о томъ, что на послѣднюю, какъ идейную виновницу недавнихъ потрясеній, было воздвигнуто и прямое гоненіе со стороны побѣдившихъ въ борьбѣ представителей старыхъ порядковъ. Научной мысли предстояло теперь создать иную теорію, которая могла бы исправить увлеченія и крайности прежде господствовавшихъ воззрѣній. Работа въ этомъ смыслѣ и была начата, когда выдвинута была идея народности. Абстрактный человѣкъ теоретиковъ XVIII столѣтія и мыслителей XIX-го уступилъ свое мѣсто понятію о національности, какъ своеобразномъ организмѣ, имѣющемъ особыя свойства, присущія всѣмъ его членамъ и опредѣляющія его исторію; мѣсто разсудочной философіи заняло историческое изученіе. Последнее пошло при этомъ въ двухъ направленіяхъ. Одно изъ

нихъ проявилось по преимуществу во французской исторіографіи и заключалось въ изученіи генезиса новыхъ политическихъ идей и формъ, утвержденныхъ на материкѣ Европы революціею; такое изученіе должно было повести и къ косвенному оправданію этихъ идей, осуществленіе которыхъ оказывалось не дѣломъ личнаго произвола, но плодомъ историческаго процесса. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія писателей этой школы, существенною частью историческаго прогресса является развитіе личности; такимъ образомъ подъ ихъ перомъ исторія выступила своего рода защитницею гонимаго либерализма. Болѣе глубоко и послѣдовательно, но вмѣстѣ и болѣе односторонне новое воззрѣніе развито было другимъ направлениемъ, самые яркіе и талантливые представители котораго дѣйствовали въ Германіи. Здѣсь именно создались, въ трудахъ Нибура, Савиньи, Эйхгорна, Як. Гримма и ихъ послѣдователей, цѣлая школа, выставившая своеобразное ученіе о пути историческаго развитія человѣчества. Въ прямую противоположность фалософамъ прошлаго столѣтія, склоннымъ едва-ли не всѣ формы человѣческой жизни выводить изъ сознательной воли единичной личности и всѣ соединенія людей разсматривать, какъ нѣчто механическое, данная школа выдвинула мысль о бессознательномъ процессѣ органическаго развитія, являющемся истиннымъ двигателемъ и вмѣстѣ единственнымъ содержаніемъ исторіи. Языкъ, право, государственныя учрежденія народа не созданы тою или другою личностью, не возникли въ силу договора, а органически и строго послѣдовательно развились изъ основныхъ особенностей народнаго характера, представляя изъ себя продуктъ творчества всей народной массы. Эта въ высшей степени плодотворная для науки мысль объ органическомъ развитіи, выражающемся въ бессознательномъ творчествѣ массы, уже первыми ея авторами высказывалась однако съ рѣзкою односторонностію, скоро породившею крайности, въ нѣкоторой мѣрѣ аналогичныя тѣмъ, противъ которыхъ сама эта теорія направлялась. Выдвигая на первый планъ закономерность историческаго процесса, она тѣмъ самымъ дѣлала значительный шагъ впередъ въ научныхъ построеніяхъ. Но, отстаивая исключительно стихійный характеръ этого процесса, не поддающагося, по ея ученію, сознательному воздѣйствію на него, доказывая бесполезность и даже вредъ всякихъ искусственныхъ переворотовъ, она совершенно игнорировала значеніе идей въ исторіи и, покорно склоняясь передъ фактами, принимала на себя, порою не вполне сознательно, роль апологета существующихъ порядковъ; понимаемые, какъ произведеніе народнаго характера, эти порядки тѣмъ самымъ уже освобождались отъ критики, по необходимости носившей всегда индивидуальный характеръ, и еще болѣе отъ насильственнаго разрушенія и требовали только уясненія истиннаго своего смысла, которое достигалось историческимъ изслѣдованіемъ.

Съ произведеніями либеральной школы французскихъ истори-

ковъ Грановскій былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, но со взглядами и трудами нѣмецкихъ историковъ и юристовъ онъ познакомился только въ Берлинѣ, частью изъ университетскихъ лекцій, частью изъ книгъ, и они сразу глубоко захватили его своею серьезностью и тѣмъ строго научнымъ построениемъ, какое придавалось въ нихъ исторіи. Наименьшее, быть можетъ, влияние оказалъ на Грановскаго Ранке, несмотря на то, что отъ лекцій послѣдняго молодой ученый былъ въ «восторгѣ», то называя Ранке «самымъ гениальнымъ изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ», то ставя его «выше большей части современныхъ историковъ». На лекціяхъ наиболѣе виднаго изъ тогдашнихъ представителей критическаго направленія вниманіе русскаго его слушателя обратилось однако не на приемы критической оцѣнки показаній источниковъ, составляющіе главную силу Ранке, а на его общіе взгляды. «Не говорю объ его учености,—писалъ Грановскій одному изъ своихъ друзей,—это вещь неудивительная въ Германіи, но его свѣтлые, живые, поэтическіе взгляды на науку очаруютъ тебя. Онъ понимаетъ исторію». «У него—отзывался онъ другой разъ—такой простой, нѣ натянутый, практическій взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову» *). Любопытно сопоставить съ этими отзывами то обстоятельство, что много лѣтъ позже, начавъ трудъ о Нибургѣ, настоящимъ главѣ критической школы, Грановскій главной своей задачей ставилъ «показать, сколько было положительнаго въ его выводахъ и сколько повзѣи въ его воззрѣніи на исторію»; лучшими качествами Нибура, какъ историка, онъ готовъ былъ считать его творческую фантазію и то пылкое участіе, съ которымъ онъ относился къ излагаемымъ имъ событіямъ и благодаря которому даже «становился самъ въ ряды горячихъ приверженцевъ или враговъ описываемыхъ лицъ» **). Грановскій, съ его художественной натурой, въ которой Станкевичъ такъ рано и мѣтко опредѣлилъ отсутствіе склонности къ ученой специализаціи, не въ приемахъ, а въ результатахъ ученой работы видѣлъ главное ея достоинство и хотя понималъ всю важность правильныхъ приемовъ, но неспособенъ былъ восхищаться ими самими по себѣ. Неудивительно, что при такомъ пониманіи науки онъ вынесъ особенно глубокія и поучительныя впечатлѣнія главнымъ образомъ изъ лекцій Савиньи и Риттера, о которыхъ онъ не могъ въ это время писать иначе, какъ въ восторженныхъ выраженіяхъ. Черезъ посредство Савиньи познакомился онъ съ теоріею органическаго развитія народовъ, и она легла въ основу его научныхъ воззрѣній. Новую поддержку для положеній этой теоріи и болѣе широкую ихъ постановку нашелъ онъ внѣ своихъ спеціальныхъ историческихъ занятій, въ философіи Гегеля, къ тщательному изуче-

*) «Русск. Старина», 1880, № 4, с. 745; «Т. Н. Грановскій» 72.

**) Сочиненія Грановскаго, 3 изд., ч. II, 8, 118, 49.

нію которой онъ приступилъ съ прїѣздомъ въ Берлинъ Станкевича и въ значительной мѣрѣ подъ руководствомъ послѣдняго *).

Ученіе Гегеля слишкомъ извѣстно, чтобы излагать его здѣсь, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ. Эта единственная по своей грандіозности философская система, однимъ необычайно широкимъ размахомъ охватившая весь міръ, представившая всю жизнь природы и всю исторію человѣчества, какъ непрерывное развитіе одного и того же вѣчнаго діалектическаго процесса, въ себѣ самомъ находящаго высшую истину и полное оправданіе, глубоко потрясла и увлекла Грановскаго, избавивъ его отъ тяжелыхъ сомнѣній и обезпечивъ ему возможность цѣльнаго міросозерцанія. Въ гегеліанской философїи онъ нашелъ и примиреніе съ жизнью на почвѣ признанія ея разумности, и смыслъ научной работы, направленной къ раскрытію этой разумности. «Міръ Божій—читаемъ мы въ одномъ берлинскомъ письмѣ Грановскаго—хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами. А у насъ часто преглупныя очі. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ, а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только. Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an, говоритъ Гегель. И эта едва ли не величайшая истина, сказанная имъ» **). Идеалистическое пониманіе исторіи, какъ процесса развитія всемірнаго духа, совершающагося исключительно по законамъ, вытекающимъ изъ сущности послѣдняго, и представленіе этого процесса въ видѣ смѣны противорѣчивыхъ и затѣмъ примиряющихся въ высшемъ синтезѣ идей, воплощающихся въ отдѣльныхъ народахъ съ ихъ національнымъ духомъ, глубоко вошли въ сознаніе Грановскаго и составили основной фонъ его историческихъ воззрѣній. Если онъ на первыхъ же порахъ и могъ предъявить нѣкоторые возраженія противъ историко-философской схемы Гегеля, то эти возраженія касались лишь отдѣльныхъ частныхъ схемъ, явная несообразность которыхъ бросалась въ глаза,—вродѣ такого распредѣленія ролей между народами, при которомъ на долю славянскихъ національностей доставалась лишь судьба пассивнаго матеріала,—но ни мало не колебали главныхъ ея положеній. Разсматриваемая съ высоты послѣднихъ, исторія не заключала въ себѣ ничего случайнаго: событія развивались въ строго-логическомъ порядкѣ, законмѣрность котораго, исключая возможность произвола, не подлежала никакому сомнѣнію. Но значеніе гегеліанской философїи не ограничивалось одною сферою теоретическаго мыш-

*) Любопытно отмѣтить, какъ даже въ нѣкоторыхъ частностяхъ Грановскій слѣдовалъ толкованіямъ своего друга; ср. хотя бы объясненіе мнѣнія Гегеля о бесполезности исторіи въ письмѣ Станкевича 25 іюня 1838 г. и въ рѣчи, произнесенной Грановскимъ въ 1852 г. (Переписка, 204 и Сочиненія Грановскаго, ч. I, 23—4).

**) «Т. Н. Грановскій», 65.

ленія: подчиняя себѣ послѣднее, она властно выходила и въ міръ практической дѣйствительности, предъявляя къ нему такія требованія, которыя, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, близко роднили ее съ воззрѣніями представителей органической школы въ исторіи. Философія, направленная къ уясненію дѣйствительности, въ рукахъ самого Гегеля и ближайшихъ его учениковъ нерѣдко обращалась въ преклоненіе передъ нею, въ орудіе прославленія и охраны господствовавшихъ въ жизни порядковъ. Такъ, государство было признано высшимъ воплощеніемъ разума въ жизни человѣчества, своего рода земнымъ богомъ, и идеалъ государства—абсолютная философія нашла въ бюргерско-бюрократической Пруссіи Фридриха-Вильгельма III. Сводя содержаніе исторіи къ прогрессу въ сознаніи свободы, Гегель вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдывалъ однако, что цѣль философіи заключается не въ томъ, чтобы построить государство, какимъ оно должно быть, но въ томъ, чтобы понять государство, какъ оно есть. Благодаря этому ранѣе, чѣмъ гегеліанская философія была освобождена отъ этого конкретнаго содержанія, мало соответствовавшаго истинной ея сущности, она шла въ уровень съ общимъ реакціоннымъ духомъ эпохи, представляясь однимъ изъ средствъ для насажденія въ обществѣ консерватизма, опирающагося на якобы научную основу.

При всемъ своемъ увлеченіи Гегелемъ Грановскій не могъ однако всецѣло ни уйти въ абстрактныя схемы его философіи, ни принять вполне представленныя ею односторонніе уроки консерватизма, начавшіе къ тому же вызывать отпоръ и среди самихъ нѣмецкихъ гегеліанцевъ. Этому мѣшали и сильно развитое въ немъ художественное чувство, и его сознательно-направленный интересъ къ современности. Онъ слишкомъ сильно чувствовалъ красоту прошлой жизни человѣчества, чтобы быть въ состояніи пожертвовать ей красками и цвѣтами голымъ научнымъ построеніемъ, и нерѣдко, начавъ работу, какъ строгій мыслитель, онъ оканчивалъ ее, какъ истинный художникъ: «Я—писалъ онъ Невѣрову изъ Берлина—прочелъ и понялъ въ подлинникѣ Тацита. Какая душа была у этого человѣка! Послѣ Шекспира мнѣ никто не далъ такого наслажденія. Я хотѣлъ было дѣлать изъ него выписки, читать, какъ историка, и не сдѣлалъ ничего, потому что читалъ его, какъ поэта. У него болѣе истинно-человѣческой грустной поэзіи, нежели у всѣхъ римскихъ поэтовъ вмѣстѣ. У него мало любви, но за то какая благородная ненависть, какое прекрасное презрѣніе» *). Въ Берлинѣ Грановскій встрѣтился, между прочимъ, съ супружеской четой Фроловыхъ, скоро и близко сдружился съ ними и впоследствии заявлялъ, что ничье вліяніе не было для него такъ благотворно, какъ ихъ. По словамъ же пріятели Грановскаго, вмѣстѣ съ нимъ жившаго въ Берлинѣ, Я. М. Невѣрова, вліяніе Е. П. Фроловой, высоко образованной и развитой

*) «Русская Старина», 1880, № 4, 746.

№ 6. Отдѣлъ I.

женщины, казалось въ томъ, что «она заставила Грановскаго взглядываться въ современное общество, сочувствовать его интересамъ и оживила его взглядъ какъ на минувшую жизнь человѣчества, такъ и на настоящее его стремленіе» *). Болѣе близкое знакомство съ тогдашней европейской жизнью не могло не подорвать вѣры въ полное совершенство существующихъ отношеній, и этотъ практическій комментарий къ отвлеченной теоріи долженъ былъ благотворно подѣйствовать на Грановскаго. Наконецъ, вліяніе нѣмецкихъ историковъ и философовъ только заслонило собою, но не заглушило окончательно болѣе раннихъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ изученія французскихъ историческихъ писателей. Темой своей магистерской диссертациі онъ выбиралъ въ это время вопросъ объ образованіи и упадкѣ народныхъ общинъ въ средніе вѣка, бывшій предметомъ изученія Гизо и Тьерри. Слѣдовъ того же вліянія нельзя не видѣть и въ общемъ опредѣленіи, какое придавалъ Грановскій исторіи. «Меня—писалъ онъ—почти исключительно занимаетъ развитіе политической формы и учреждений. Это одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться». Съ этой точки зрѣнія онъ не придавалъ большого значенія средне-вѣковой исторіи славянства, хотя тепло относился къ вождямъ пробуждавшагося славянскаго движенія и умѣлъ за его крайностями отличать и законныя его стремленія. Въ прошлой жизни славянскихъ народовъ онъ не находилъ главнаго, что его привлекало,—политическаго интереса. «Литературы—писалъ онъ—нѣтъ ни у чеховъ, ни у сербовъ; историческихъ источниковъ также. Все это истреблено, а новое только *im Werden*». «Я не могу—говорилъ онъ другой разъ—согласиться, что славяне не менѣе нѣмцевъ участвовали въ всемірной исторіи. Мнѣ кажется, что намъ принадлежитъ будущее, а отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу другихъ. Мы не въ убыткѣ при этомъ раздѣлѣ». Живую симпатію вызывала за то въ немъ испанская исторія, рассматриваемая съ той же самой точки зрѣнія. «Чудный народъ!—восклидалъ онъ.—Они понимали конституціонныя формы тогда, когда объ этомъ нигдѣ не имѣли понятія. Въ 1305 г. испанскіе кортесы опредѣлили, чтобы во время ихъ засѣданій королевское войско оставляло городъ, иначе голоса не свободны. Такихъ законовъ у нихъ было много. Теперешняя Европа еще борется за то, что у нихъ тогда уже было» **). Закрѣпившись на почвѣ научныхъ занятій, общественное настроеніе Грановскаго одинаково распространялось на явленія прошлаго и факты современности. Жизнь и наука вообще не раздѣлялись у него какой-либо трудно переходимой чертой: исторія прошедшаго времени должна была въ его пониманіи служить цѣлямъ объясненія настоящаго и, встрѣчая въ современной дѣйстви-

*) «Т. Н. Грановскій», с. 76, «Русск. Старина» 1880, № 4, с. 754.

**) «Русск. Старина», 1880, № 4, с. 761, «Т. Н. Грановскій», 81.

тельности то или иное поражавшее его явленіе, онъ отъ души восклицалъ: «только дай Богъ до каведры добраться!» Естественно, это же настроеніе охватывало и сферы русской общественной жизни. Человѣкъ исключительно духовнаго убѣжденія, сознательный и послѣдовательный прогрессистъ—такъ опредѣлился Грановскій въ своихъ отношеніяхъ къ ней уже въ эту пору. Встрѣтивъ въ одномъ изъ вѣнскихъ салоновъ какую-то русскую аристократку, увѣрявшую собравшееся общество, что русскіе крѣпостные крестьяне очень счастливы и не чувствуютъ никакого желанія измѣнить свою участь, онъ не могъ удержаться отъ горячихъ возраженій. И протестъ противъ крѣпостнаго права не ограничивался у него одними словами. Ожидая продажи отцовскаго имѣнія за долги, онъ просилъ сестеръ, чтобы онѣ во всякомъ случаѣ спасли отъ продажи его няню и слугъ, хотя бы за это пришлось расплатиться всѣмъ оставшимся имуществомъ. Для обрисовки терпимости Грановскаго къ чужимъ убѣжденіямъ характеренъ передаваемый въ воспоминаніяхъ Невѣрова эпизодъ столкновенія проживавшихъ въ Берлинѣ русскихъ съ поляками, разрѣшившійся примиреніемъ, благодаря благородной гуманности Грановскаго, съумѣвшаго проявить уваженіе къ чужимъ національнымъ правамъ, не отказываясь отъ своихъ*). По мѣрѣ того, какъ выяснялись окончательно взгляды Грановскаго и накопились у него знанія, его начинало все сильнѣе тянуть на родину, къ живому общественному дѣлу, какое онъ усматривалъ для себя въ профессорствѣ. Сухая и одинокая кабинетная работа была не по немъ. Ему нужно было дѣлиться съ другими результатами своихъ трудовъ, переводить мысль немедленно въ живое слово и видѣть вызванное имъ впечатлѣніе. «Мнѣ надобно бездѣйствіе, писалъ онъ въ концѣ своего пребыванія въ Берлинѣ. Положимъ, что я не теряю времени здѣсь, что свѣдѣнія мои увеличиваются съ каждымъ днемъ, но работать только для себя скучно, мнѣ нужна живая дѣятельность». Планъ и значеніе этой дѣятельности уже вырисовывались передъ нимъ, увѣренность въ своихъ силахъ явилась вмѣстѣ съ опредѣленностью взглядовъ. «Мнѣ кажется, что я могу дѣйствовать при настоящихъ моихъ силахъ и дѣйствовать именно словомъ,—писалъ онъ друзьямъ.—Что такое даръ слова? краснорѣчіе? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убѣжденія. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты. У меня еще нѣтъ свѣдѣній, нужныхъ для историка въ настоящемъ смыслѣ; я еще не знаю исторіи, но мнѣ кажется, что понимаю и чувствую ее» **). Такимъ образомъ онъ нашелъ, наконецъ, свое истинное призваніе, настоящую свою дорогу въ жизни: избранная наука явилась для него не средствомъ личнаго существованія, не интереснымъ занятіемъ, удовлетворявшимъ

*) «Т. Н. Грановскій», 87, 94, «Рус. Старина», 1889, № 4, 749—50.

**) «Т. Н. Грановскій», 92, 86.

личные вкусы, а поприщемъ для служенія важнѣйшимъ интересамъ роднаго общества и народа.

Пребываніе въ Берлинѣ закончилось собою для Грановскаго подготовительный періодъ его жизни и оно же наиболѣе содѣйствовало выясненію и упроченію главныхъ особенностей его духовной личности, вполне опредѣленно сложившейся ко времени его пріѣзда въ Москву. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы его взгляды въ данную пору вылились въ настолько прочную и окаменѣлую систему, что не были способны къ дальнѣйшему развитію и не допускали возможности какихъ-либо измѣненій. Основныя его воззрѣнія дѣйствительно остались неизмѣнными, но отдѣльные и очень существенныя взгляды подвергались весьма сильнымъ подчасъ видоизмѣненіямъ, о которыхъ намъ придется еще говорить. И эти видоизмѣненія являлись результатомъ не только работы отвлеченной мысли, но и окружающей ученаго обстановки, вызывались попытками отвѣта на запросы, предъявлявшіеся къ нему общественной жизнью, съ которой онъ вошелъ теперь въ постоянное и тѣсное сопрیکосновеніе. Насколько тихо и спокойно было теченіе предыдущей жизни Грановскаго, сперва въ Петербургѣ, потомъ за границей, настолько же его московская жизнь, оставаясь по внѣшности довольно однообразной, была богата постояннымъ внутреннимъ движеніемъ. Благодаря своему положенію профессора и знакомству со Станкевичемъ, онъ и въ Москвѣ сразу очутился въ центрѣ тогдашняго общественнаго движенія, среди начинавшей уже разгораться борьбы литературныхъ партій, по оригинальнымъ условіямъ русской жизни разыгрывавшейся едва ли не болѣе и во всякомъ случаѣ откровеннѣе въ частныхъ домахъ, нежели въ литературныхъ органахъ, но не терявшей отъ этого своего серьезнаго значенія. Крупный талантъ Грановскаго, его серьезное знакомство съ приемами и результатами новѣйшей европейской науки, широта его воззрѣній, свободныхъ отъ рабскаго преклоненія передъ узко понятой системой и подкрѣплявшихся опредѣленнымъ политическимъ настроеніемъ, обеспечивали ему почетное мѣсто въ этой борьбѣ. Въ свою очередь она яснѣе выставила передъ нимъ противорѣчія, заключавшіяся въ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ слагалось его міросозерцаніе, и побудила подвергнуть пересмотру многое изъ того, что было уже имъ признано за несомнѣнно вѣрное. Лишь путемъ дѣятельнаго и безостановочнаго участія въ общественномъ движеніи, совершавшемся вокругъ него, путемъ столкновений то съ принципиальными противниками, то съ близкими по убѣжденіямъ друзьями, окончательно опредѣлились взгляды Грановскаго.

Это общественное движеніе обнаруживало уже естественное тяготѣніе къ университету, хотя совершалось не въ его стѣнахъ. Московскій университетъ къ этой порѣ только что начиналъ еще выходить изъ «архаическаго періода» своего существованія, какъ

выразился о предъидущей его эпохѣ А. Н. Пыпинъ *). Въ немъ еще не перевелись профессора, видѣвшіе свою обязанность въ томъ, чтобы «только исправно ходить въ аудиторію и читать какія-нибудь лекціи», наивно добродушно сознававшіе свое невѣжество и какъ нельзя болѣе серьезно удивлявшіеся, когда студенты начинали ихъ слушать, или же пытавшіеся прикрыть отсутствіе знаній пустымъ самохвалствомъ, никого не обманывавшимъ. Еще свѣжи были въ университетскихъ стѣнахъ преданія, какъ на лекціяхъ одного такого профессора студенты забавлялись насвистываніемъ танцевъ, какъ другого на вечерней лекціи встрѣчали хоромъ: «се женихъ грядетъ во полночи», какъ въ аудиторіи третьего выпускали воробья. Почти въ серединѣ тридцатыхъ годовъ разыгралась пресловутая исторія профессора Малова, выгнаннаго студентами изъ аудиторіи. При открытомъ выраженіи со стороны высшаго начальства университета мнѣнія, что профессоръ прежде всего долженъ быть «хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства» *), даже болѣе умные и серьезные изъ профессоровъ стараго поколѣнія, особенно такіе, которымъ приходилось читать болѣе ответственные съ этой точки зрѣнія предметы, нерѣдко сводили свои лекціи на остроты и балагурство. Такъ Василевскій вмѣсто лекцій по международному праву рассказывалъ анекдоты изъ древней исторіи, или Сандуновъ замѣнялъ критическій разборъ русскихъ законовъ устраиваемыми въ аудиторіи примѣрными образцами суда, подбирая засѣдателей изъ студентовъ-зайкъ. Въ самыхъ отношеніяхъ между профессорами и студентами еще не исчезла грубоватая патріархальность нравовъ, позволявшая профессору видѣть въ своемъ слушателѣ не то ученика, не то подчиненнаго: въ устахъ многихъ профессоровъ угрозы не только исключеніемъ изъ университета, но и отдачей въ солдаты были довольно обыкновеннымъ средствомъ для восстановленія нарушенной въ чемъ-либо дисциплины **). Съ университетской кафедрой, правда, поставленной въ тяжелыя условія, вслѣдствіе павшаго на нее подозрѣнія въ неблагонадежности, рѣдко раздавалось живое слово, еще рѣже высказывались взгляды, которые дѣйствительно стояли бы на высотѣ современной науки, и лишь временами и по-одиночкѣ на ней появлялись люди, способные зажечь «священный огонь» въ душѣ молодежи, дать толчокъ къ сознательной критической работѣ мысли. Одно время такую роль игралъ М. Т. Каченовскій, извѣстный

*) Вѣлинскій, его жизнь и переписка, ч. 1, 61.

**) Слова товарища министра нар. просв., С. С. Уварова, въ 1832 г. въ его отзывѣ о московскомъ университетѣ. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, IV, стр. 79.

**) См. въ упомянутомъ трудѣ г. Пыпина пересказъ нѣкоторыхъ подобныхъ эпизодовъ, I, 46, 61—5; ср. также любопытныя воспоминанія Костенецкаго о московскомъ университетѣ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ. Р. Архивъ, 1887 г.

какъ основатель скептической школы въ русской историографіи. Его возраженія противъ Карамзинскаго изображенія русской исторіи, ставшаго или, вѣрнѣе, бывшаго и въ самый моментъ своего появленія вмѣстѣ и изображеніемъ казеннымъ, нашли себѣ живой отголосокъ въ умахъ молодыхъ слушателей; мысли его о недостоверности древней русской исторіи, основанной на сомнительныхъ источникахъ, совпали съ нарождавшимися образованіями болѣе научнаго построенія исторіи и на первыхъ порахъ вызвали значительный энтузіазмъ. Но Каченовскій, не обладавшій серьезнымъ общимъ образованіемъ, бывшій лишь дѣльнымъ специалистомъ-самоучкой, усвоилъ себѣ въ сущности лишь одни внѣшніе приемы новой исторической науки, оставшись чуждымъ ея духу. Онъ основался на формальной критикѣ источниковъ, самыя основанія которой были къ тому же выбраны имъ неудачно, и не пошелъ далѣе. Молодое поколѣніе скоро обогнало его и, продолжая относиться къ нему съ почтительнымъ уваженіемъ, усиливавшимся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что отрицательные взгляды Каченовскаго навлекли на него своего рода опалу, выразившуюся въ перемѣщеніи его на кафедрѣ славянскихъ нарѣчій, не видѣло въ немъ болѣе своего учителя. Къ концу же тридцатыхъ годовъ онъ уже такъ одряхлѣлъ, что, по разсказу Ю. Ѳ. Самарина, «не былъ въ состояніи прочесть о чемъ бы то ни было лекціи для слушателей своихъ; онъ читалъ про себя, надъ развернутою книгою, горячо спорилъ съ авторомъ ея, бранилъ его, одобрялъ, улыбался ему; но о чемъ трактовала книга, что нравилось или не нравилось профессору, все это для насъ оставалось тайною. Подъ конецъ дѣло дошло до того, что вмѣсто пятидесяти человекъ, у него обыкновенно бывало на лекціи отъ десяти до пятнадцати, и тѣ занимались своимъ дѣломъ» *). Болѣе прочною была популярность двухъ другихъ профессоровъ, принадлежавшихъ къ двумъ различнымъ факультетамъ, но строившихъ свое преподаваніе на основѣ одной общей системы. Археологъ и словесникъ Надеждинъ и физикъ Павловъ равно являлись проводниками въ среду университетской молодежи философскаго ученія Шеллинга. Изъ нихъ Надеждинъ, человекъ весьма начитанный и блестящій лекторъ, не обладалъ въ сущности строгимъ философскимъ образованіемъ и не вполне даже усвоилъ то ученіе, адептомъ котораго являлся, но во всякомъ случаѣ онъ своими лекціями, въ которыхъ прилагалъ нѣкоторыя идеи шеллингианства къ теоріи искусства, сообщалъ сильный толчокъ умамъ слушателей, знакомя ихъ хотя отчасти съ нѣмецкою идеалистической философіей, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ едва-ли не самымъ виднымъ преподавателемъ своего факультета. Не менѣе, если еще не болѣе сильное впечатлѣніе вызывали въ университетѣ лекціи Павлова, который своимъ яснымъ изло-

*) Русь, 1880, № 1, 19.

женіемъ натурфилософскихъ воззрѣній Шеллинговой школы останавливалъ вниманіе студентовъ на общихъ вопросахъ науки и вводилъ ихъ въ кругъ философскихъ понятій. Не совсѣмъ чужды были увлеченія шеллингианствомъ и позже вступившіе въ университетъ въ качествѣ преподавателей Погодинъ и Шевыревъ, на первыхъ порахъ тоже вызвавшіе было къ себѣ сочувствіе студентовъ *). Это сочувствіе, впрочемъ, скоро охладѣло, и не по винѣ студенческой аудиторіи. Оба названные ученые не отличались большою самостоятельностью въ сферѣ общихъ идей науки: примыкая къ русскимъ послѣдователямъ ученія Шеллинга, они и его поняли лишь довольно поверхностнымъ образомъ, удовольствовавшись заимствованіемъ его терминологіи да нѣкоторыхъ наскоро схваченныхъ и мало продуманныхъ выводовъ. Въ особенности приходится сказать это о Погодинѣ, бывшемъ непосредственнымъ предшественникомъ Грановскаго въ университетѣ, такъ какъ онъ не только получилъ кафедру русской исторіи послѣ удаленія съ нея Каченовскаго, но и читалъ нѣсколько лѣтъ курсъ всеобщей исторіи. Сознавая уже необходимость строго-научнаго построенія исторіи, но не располагая ни серьезной обще-образовательной подготовкой, ни широкимъ и свѣтлымъ умомъ теоретика, ни пламеннымъ энтузіазмомъ къ наукѣ, который позволилъ бы ему всецѣло отдаться ей, онъ почерпалъ свои воззрѣнія наполовину изъ старыхъ взглядовъ карамзинскаго пошиба, несостоятельность которыхъ онъ самъ уже чувствовалъ, наполовину изъ ходячихъ идей шеллингианства, знакомаго ему больше по наслышкѣ, и въ результатѣ получалось нѣчто весьма топорное и неудобоваримое. Его довольно богатые фактическія свѣдѣнія, давшія ему возможность, особенно въ области древней русской исторіи, придти къ нѣкоторымъ вѣрнымъ частнымъ выводамъ, въ цѣломъ слагались въ крайне уродливую систему, послѣдній выводъ которой, добывавшійся путемъ самыхъ произвольныхъ пріемовъ и самыхъ грубыхъ аналогій, сводился къ тому, что въ основѣ исторіи лежитъ чудесный и ничѣмъ съ научной точки зрѣнія необъяснимый произволъ **). Безплодность научнаго изслѣдованія, обращающагося въ восторженный или, вѣрнѣе, напыщенный хвалебный гимнъ невѣдомой силѣ, скоро

*) См. о первыхъ курсахъ Погодина отзывъ Костенецкаго, который даже дивился ихъ смѣлости, Р. Архивъ, 1887, I, 242. Станкевичъ послѣ первой лекціи Шевырева писалъ: «онъ общается много для нашего университета съ своею добросовѣстностью, своими свѣдѣніями, умомъ и любовью къ наукѣ», но уже черезъ полгода онъ сознавался, что эти ожиданія обманули. Переписка Станкевича, 81 и 133, 135.

**) Мѣткая и яркая, хотя сжатая, характеристика Погодина, какъ историка, дана недавно П. Н. Миллюковымъ въ его статьяхъ: «Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій», Мысль, 1895. Общую характеристику русскаго шеллингианства тридцатыхъ годовъ представилъ М. М. Филипповъ, «Судьбы русской философіи», Р. Богатство, 1894.

оцѣнили студенты, да временами, кажется, понималъ ее и самъ профессоръ. Начиная въ 1832 г. курсъ по русской исторіи, Погодинъ писалъ: «хочется пройти русскую исторію въ родѣ Гизо». Когда же ему поручено было читать и всеобщую исторію, онъ пришелъ въ полный восторгъ. «Я подамъ руку—записывать онъ въ своемъ дневникѣ—Шлецеру, Гердеру, Вико. Читалъ Шлегеля. Мысли высѣкаются у меня о всякую страницу и если я не произведу реформаціи въ исторіи, то открою многіе виды». Но прошло около четырехъ лѣтъ и это наивно-самодовольное увлеченіе уступило мѣсто сознанію горькой истины. «Нѣтъ,—пишетъ теперь Погодинъ—лекціи не мое дѣло, какъ мало я приготовленъ къ профессорству исторіи... Но когда мнѣ! Я все печаталъ... Нѣтъ, на лекціяхъ моихъ есть польза, кто хочетъ слушать, но скука слушать» *). «Польза» дѣйствительно была для немногихъ специалистовъ, которымъ Погодинъ могъ сообщить цѣнные частіи свѣдѣнія по русской исторіи, хотя и это онъ дѣлалъ не особенно часто, за то «скука» была общею для специалистовъ и не-специалистовъ, рѣшительно господствуя на лекціяхъ. Даже русскую исторію Погодинъ читалъ, придерживаясь Карамзина, что же касается курса всеобщей исторіи, то въ немъ онъ прямо ставилъ своей цѣлью «представлять на лекціяхъ полныя извлеченія изъ классическихъ сочиненій» **) и дѣйствительно читалъ древнюю исторію прямо по Герену; когда же онъ отступалъ отъ этого источника, студентамъ приходилось жалѣть объ этихъ отступленіяхъ. Работа самихъ студентовъ по всеобщей исторіи подъ его руководствомъ сводилась къ переводамъ иностранныхъ сочиненій и, еще чаще, рецензій на нихъ. Иногда эти переводы принимали комичный характеръ. Когда посѣтившій Москву министръ Уваровъ на лекціи Погодина похвалилъ «Исторію среднихъ вѣковъ» Демишеля, Погодинъ, чтобы почтить министра, устроилъ «обыденный», т. е. однодневный, переводъ этой книги, какъ нѣкогда на Руси строили «обыденныя» церкви ради спасенія отъ мора: онъ раздалъ книгу Демишеля переводить по частямъ тридцати пяти студентамъ и на другой день поднесъ Уварову готовый переводъ. Уваровъ вообще благоволилъ къ Погодину, не только въ силу подобныхъ подношеній, къ которымъ онъ былъ, впрочемъ, очень чувствителенъ, но и потому еще главнымъ образомъ, что въ лицѣ Погодина онъ нашелъ добровольнаго и вѣрнаго защитника своихъ правительственныхъ взглядовъ, въ которыхъ самъ онъ являлся лишь истолкователемъ пресловутой системы «официальной народности». Начавъ съ «филантропическихъ и космополитическихъ мечтаній», къ кото-

*) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, IV, с. 60, 172, 348. О характерѣ Погодинскихъ лекцій см. рассказъ С. М. Соловьева въ его воспоминаніяхъ, Р. Вѣстникъ, 1896, № 2.

**) Барсуковъ, жизнь и труды М. П. Погодина, IV, 138.

рымъ, впрочемъ, всегда примѣшивалось немалая доля наивнаго кваснаго патріотизма, Погодинъ очень скоро однако разстался съ либеральнымъ настроеніемъ и отъ утвержденій, что русскій народъ «удивителенъ только еще въ возможности, въ дѣйствительности же низокъ, ужасенъ и скотенъ», перешелъ къ необузданнымъ панегирикамъ національнымъ особенностямъ русскаго народа и русскимъ порядкамъ. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ Шевыревымъ, прошедшимъ чрезъ подобную же эволюцію, онъ взялъ на себя при помощи того немногаго, что было имъ усвоено изъ нѣмецкой философіи, защиту основъ русскаго быта, какъ онѣ были провозглашены Уваровымъ. Известно, что консерватизмъ его формулы на практикѣ распространялся гораздо дальше поддержанія лишь включенныхъ въ нее общихъ понятій. Въ частности самъ Уваровъ въ отдѣльных своихъ распоряженіяхъ вводилъ въ нее, въ качествѣ равноправнаго съ другими догмата, и крѣпостное право. «Политическая религія—говорилъ онъ въ Москвѣ издатель «Земледѣльческаго Журнала», Двигубскому, —имѣетъ свои догматы неприкосновенные подобно христіанской религіи; у насъ они—самодержавіе и крѣпостное право;—зачѣмъ ихъ касаться, когда они къ счастью Россіи утверждены сильною рукою» *). Основанный Погодинымъ въ 1841 г. журналъ «Москвитининъ», не нося на себѣ прямого клейма официальности, сдѣлался тѣмъ не менѣе литературнымъ органомъ московскаго консерватизма, отличавшагося отъ петербургскаго консерватизма Булгарина и Греча своею меньшею гибкостью и большею убѣжденностью, выражавшеюся въ неопредѣленныхъ мессіаннистическихъ идеяхъ его главныхъ сотрудниковъ. Развивая свою программу, Погодинъ и Шевыревъ пользовались при этомъ приемами нѣмецкой учености. Само собою разумѣется, что послѣдняя вообще, и въ частности шеллингянство, съ которыми редакторы «Москвитинина» старались сохранить связи, играли уже здѣсь чисто пассивную роль и порою даже должны были выносить довольно насильственные операціи.

Но и вообще университетское шеллингянство не представляло собою особенно прогрессивнаго факта. Конечно, можно сказать, что послѣ наивнаго мистицизма, господствовавшаго въ широкихъ слояхъ русскаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтій, и послѣ непродолжительнаго, впрочемъ, увлеченія французскимъ эклектизмомъ, даже переходъ къ философскому мистицизму Шеллинга, къ его непосредственному созерцанію абсолюта, раскрывавшагося посредствомъ философіи тсжества, которая, по ѣдкому выраженію Гегеля, «выдавала абсолютное за ночную темноту, въ которой всѣ кошки сѣры», являлся шагомъ впередъ въ области теоретической мысли. Но наиболѣе крупные послѣдователи ученія Шеллинга, счумѣвшіе болѣе самостоятельно отнестись къ его системѣ и вмѣстѣ

*) Тамъ-же, 98.

нашедшіе для его идей нѣкоторое практическое приложеніе въ русской общественной жизни, во всякомъ случаѣ болѣе достойное самого ученія, чѣмъ то, какое сдѣлали изъ нихъ Погодинъ и его ближайшіе друзья, эти послѣдователи стояли внѣ стѣнъ университета. Таковъ былъ прежде всего И. В. Кирѣевскій, первый теоретикъ и вождь славянофильства, воспитавшій свои взгляды на изученіи европейской романтической литературы и Шеллинговой философіи; хотя повиднѣ онъ и познакомился съ Гегелемъ и даже слушалъ въ 1830 г. его лекціи въ берлинскомъ университетѣ, но онъ не оказали на него глубокаго вліянія, и онъ воспринялъ изъ нихъ лишь нѣкоторые внѣшніе приемы гегелевской діалектики. Рядомъ съ Кирѣевскимъ, примыкая ко всѣмъ его основнымъ идеямъ, стоялъ А. С. Хомяковъ, помогая ему строить самостоятельную систему воззрѣній въ духѣ романтической народности на почвѣ философіи, противопоставившей, въ качествѣ истинныхъ источниковъ познанія, фантазію и непосредственное чувство разсудку. Корни славянофильства, этой особой формы русскаго романтизма, лишь наполовину лежали, однако, въ европейской философіи, наполовину же они принадлежали реальнымъ условіямъ русской жизни. Въ началѣ XIX столѣтія русское общество пережило быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ періоды либерализма и консервативной реакціи. Та часть передовыхъ людей общества, которая, будучи достигнута пятнымъ движеніемъ, не захотѣла принять въ немъ участія и попыталась ему противоудѣствовать, была имъ раздавлена, и тяжелый ударъ 1825 года, казалось, положилъ конецъ общественному движенію въ Россіи. Въ обществѣ, въ которомъ элементы самостоятельной критической мысли были вообще развиты еще очень слабо, это крушеніе либерализма повлекло за собою быстрое разочарованіе въ самыхъ его основахъ. Теоріи, провозглашавшія главенство разума и одинаковость человѣческой природы, съ необыкновенною быстротою были вытѣснены изъ обращенія возродившимся національнымъ и религіознымъ чувствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленія къ политическимъ преобразованіямъ уступили мѣсто философскимъ увлеченіямъ, основаннымъ на примиреніи съ условіями дѣйствительности, смягчавшемся лишь надеждой внести въ нихъ нѣкоторыя измѣненія при помощи личнаго усовершенствованія. Встрѣча этого русскаго теченія съ европейскимъ романтизмомъ и нѣмецкою метафизикой и породила московское славянофильство. Двадцати одного года отъ роду, Кирѣевскій уже обзывалъ либерализмъ «глупымъ», разсчитывая замѣнить его «уваженіемъ законовъ», и собирался «возвратить права истинной религіи». Нѣсколько лѣтъ спустя онъ выступилъ съ пропагандою идей, составившихъ остоу славянофильства. Провозглашая коренную противоположность въ ходѣ развитія Западной Европы и Россіи, онъ видѣлъ сущность ея въ томъ, что на Западѣ развитіе совершалось одностороннее, силами одного лишь разума, въ концѣ концовъ пришедшаго къ со-

знанію своего безсилія, тогда какъ въ Россіи развитіе народа никогда не отрывалось отъ почвы религіознаго чувства и поэтому было вполнѣ цѣльно. Возможность частныхъ заимствованій съ Запада не отрицалась при этомъ возвращеніи, но западная цивилизація въ ея цѣломъ объявлялась непригодною для Россіи; послѣдней предстояло на почвѣ древняго православія выработать свою цивилизацію, которая должна была обновить и самый Западъ. Провозглашая такую программу, Кирѣевскій далеко не становился однако въ ряды безусловныхъ сторонниковъ господствовавшихъ порядковъ, и представители послѣднихъ не совсѣмъ ошибались, увидѣвъ въ немъ, при самомъ началѣ его литературнаго поприща, своего врага, хотя съ свойственною имъ боязливостью и преувеличили степень его опасности *). Археологическая одежда, въ какую наряжалось славянофильство, подобно тѣмъ мурмокамъ, въ которыхъ щеголяли позднѣе нѣкоторые славянофилы, лишь по покрою своему принадлежала русской старинѣ, матеріалъ же ея былъ новѣйшаго происхожденія. Понятія, вносившіяся славянофильствомъ въ свою программу, не были простою идеализаціей существовавшихъ въ жизни фактовъ: взятые изъ жизни лишь въ наиболѣе общей своей формѣ и переработанные при помощи нѣмецкой философіи, они возвращались обратно въ жизнь настолько видоизмѣненными, настолько отличающимися отъ нея, что самое появленіе ихъ неизбѣжно возбуждало работу критической мысли и яснѣе вскрывало неудовлетворенность нравственнаго чувства въ дѣйствительности. Печать квіетизма не лежала поэтому необходимо на данной программѣ и въ рукахъ другихъ, болѣе энергичныхъ и страстныхъ по натурѣ людей, чѣмъ Кирѣевскій и Хомяковъ, она могла даже принять характеръ боевой. Не менѣе серьезную сторону славянофильства составляла и та особенность этого направленія, что оно впервые у насъ отдѣлило начало народности отъ облекавшихъ его рамокъ государственности и стало придавать ему самостоятельное значеніе. Но эти частныя заслуги славянофильства, при всей ихъ важности, не могли возмѣстить основной ошибки его вождей, поставившихъ исходной точкой своей дѣятельности указанія чувства въ противоположность требованіямъ разсудка.

Философскія вѣянія, проникавшія въ русское общество, скоро вызвали однако и иное направленіе, болѣе свѣжее, хотя на первыхъ порахъ и болѣе абстрактное, а одно время даже и болѣе кон-

---

*) Начатый Кирѣевскимъ въ 1832 г. журналъ «Европеецъ» былъ, какъ извѣстно, запрещенъ послѣ второй же книжки за статью самого издателя: «XIX вѣкъ», причемъ въ сообщавшемъ это запрещеніе документѣ говорилось, «что сочинитель, рассуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ просвѣщеніе онъ понимаетъ свободу, что дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а искусно отысканная середина не что иное, какъ конституція». Вареуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, IV, 8.

сервативное. Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ на скамьяхъ московскаго университета около Станкевича составилъ кружокъ студентовъ, подъ вліяніемъ лекцій профессоръ-шеллингистовъ приступившій къ самостоятельному изученію Шеллинга и быстро перегнавшій своихъ учителей. Еще до отъѣзда Станкевича за границу кружокъ перешелъ отъ Шеллинга къ Гегелю, и эти занятія не только не прекращались съ отъѣздомъ первоначальнаго главы кружка, но приобрѣли еще, особенно благодаря незадолго до того вступившему въ него Бакунину, крайне напряженный характеръ, такъ неподражаемо-ярко изображенный авторомъ «Былого и Думъ». «Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики Гегеля, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности и ея по-себѣ бытіи». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней. Въ этой замѣнѣ одной метафизической системы другою скрывался серьезный смыслъ, такъ какъ она знаменовала возстановленіе правъ разума, но на первыхъ порахъ оно происходило съ такимъ наивнымъ увлеченіемъ, что принимало подчасъ прямо комичныя формы. Жизнь какъ бы утрачивала свое самостоятельное значеніе и обращалась исключительно въ предметъ для философіи. «Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное,—говорить Герценъ,—всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категории и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебранческой тѣни». Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантестическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой нибудь солдатъ или баба, вступавшая въ разговоръ, то философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, наворачивавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ трагическому въ сердцѣ». Когда въ область этихъ метафизическихъ абстракцій, влѣвъ за явленіями личной жизни и искусства, были включены и вопросы жизни общественной, кружокъ, при Станкевичѣ державшійся на почвѣ умѣренного либерализма, быстро перешелъ къ резко-противоположному настроенію. Бакунинъ вполне усвоилъ себѣ то консервативное толкованіе ученія Гегеля, какое было придано ему самимъ его авторомъ, и настойчиво проповѣдывалъ его другимъ. «Счастіе не въ призракъ,—писалъ онъ въ предисловіи къ печатавшимся въ «Московскомъ Наблюдателѣ» въ 1838 г. «Гим-

назическимъ рѣчамъ» Гегеля—не въ отвлеченномъ снѣ, а въ живой дѣйствительности; возставать противъ дѣйствительности и убивать въ себѣ всякій источникъ жизни—одно и то же; примиреніе съ дѣйствительностью, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія отъ смерти къ жизни... Будемъ надеяться, что новое поколѣніе сроднится наконецъ съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью и что, оставивъ всѣ пустыя претензіи на геніальность, оно ощутитъ наконецъ въ себѣ законную потребность быть дѣйствительными русскими людьми». Изъ бывшаго круга Станкевича еще Бѣлинскій пытался временами сбросить съ себя это навязываемое ему воззрѣніе о полной разумности не всей дѣйствительности (ибо въ такомъ истолкованіи Гегелевская фраза становилась тавтологіей), а господствовавшихъ въ ней порядковъ, но, не успѣвая вырваться изъ желѣзныхъ тисковъ Бакунинской диалектики, тѣмъ страстнѣе и безпошадиѣе доводилъ данное воззрѣніе до послѣднихъ логическихъ выводовъ изъ него и дописывался, въ письмахъ и въ печати, до такихъ положеній, которыя заставляли блѣднѣть даже нѣкоторыхъ изъ его друзей. «Слово дѣйствительность,—писалъ онъ,—сдѣлалось для меня равнозначительно слову Богъ». «Я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея нельзя ничего выкинуть и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть». Проповѣдь знанія и личнаго совершенствованія—вотъ что единственно занимало теперь Бѣлинскаго. «Къ чорту политика, да здравствуетъ наука!»—восклидалъ онъ и сообщалъ друзьямъ такіе рецепты: «политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Еслибы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства,—тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страной въ мірѣ» *). Итакъ, воздѣйствіе на жизнь чрезъ посредство и въ духѣ религіознаго чувства и примиреніе съ дѣйствительностью при помощи науки—таковы были полюсы, между которыми колебалась мысль московскихъ философскихъ кружковъ данной поры.

Параллельно съ этими философскими увлеченіями, приводившими къ большому или меньшему общественному консерватизму,

*) Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, I, 226, 227, 182, 179. Бѣлинскій восхищался въ эту пору и тѣмъ, что «власть даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и выѣживаться въ ея дѣла», и видѣлъ въ стѣсненіи «политическаго направленія» «самое благонамѣренное средство» къ распространенію мысли, такъ какъ «политика есть вино, которое въ Россіи можетъ превратиться даже въ опіумъ», тамъ же, 181—2.

въ жизни московской университетской молодежи за 30-е годы шло, впрочемъ, и другое, не столь замѣтное, но не менѣе серьезное по своему смыслу теченіе, имѣвшее болѣе практическій характеръ. Время отъ времени въ ея средѣ дѣлались попытки возстановить порванную въ 1825 г. нить либеральнаго общественнаго движенія. Такой попыткой явился въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ т. н. Сунгуровскій кружокъ, быстро погибшій *), такою же попыткой былъ и сложившійся немного позже кружокъ Герцена и Огарева, съ его неясной въ деталяхъ, но яркой въ общей своей постановкѣ программой общественной дѣятельности, съ его пропагандой сенъ-симонизма и политическихъ идей, воспитанныхъ по преимуществу на французской литературѣ. Разсѣянные изъ Москвы въ 1834 г., члены этого послѣдняго кружка вновь начали собираться сюда къ концу 30-хъ годовъ и, враждебно столкнувшись съ Бѣлинскимъ, въ свою очередь взялись за изученіе Гегеля. Но для нихъ результатъ этого изученія сложился какъ разъ въ обратную сторону: откинувъ консерватизмъ, навязанный Гегелемъ своей философіи, они нашли въ его діалектикѣ новое и могучее орудіе для поддержанія и развитія своихъ общественныхъ взглядовъ, применивъ такимъ образомъ къ слагавшемуся въ Германіи тѣвому гегеліанству. Вражда кружковъ перешла было даже, подъ впечатлѣніемъ гнѣвныхъ статей раздраженнаго первыми возраженіями Бѣлинскаго, въ прямой разрывъ, но затѣмъ скоро недоразумѣнія были устранены, и борющіяся партіи перемѣнили фронтъ. Это послѣднее произошло однако уже послѣ пріѣзда Грановскаго и при его дѣятельномъ участіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Мясотинъ.

**) Его любопытная исторія разсказана однимъ изъ его участниковъ въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ Костенецкаго.

НА СТОЯНКѢ.

Очеркъ.

— Эка благодать Божья! — прошепталъ стоявшій на баржѣ вахтенный, Кирюха, снялъ картузъ, восторженно посмотрѣлъ въ бездонную глубь усыпанныхъ звѣздами синихъ небесъ, медленно провелъ ладонью руки по своей курчавой головѣ и полной грудью вдохнулъ влажный весенній воздухъ... Пріятная лѣнь, особая весенняя лѣнь здороваго человѣка, когда избытокъ силы просится наружу и сладостная нѣга разливается по тѣлу, — заставила Кирюху потянуться, расправить крѣпкіе мускулы и тряхнуть русыми кудрями... На толстыхъ губахъ парня скользнула улыбка пріятнаго самочувствія и довольства... Набросивъ небрежнымъ движеніемъ руки картузъ на затылокъ, парень жѣвнулъ и, присѣвъ на тяжелый навѣсъ баржевого руля, замурылкалъ протяжную задухновенную пѣсенку. Сердечнымъ теноркомъ, словно подъ сурдинку, тянулъ Кирюха свою пѣсню и смотрѣлъ въ закутанную серебристою пылью лунныхъ лучей даль Волги, на зубчатый контуръ убѣгавшихъ невѣдомо куда горъ, на повисшую надъ ними гряды бѣлоснѣжныхъ клубившихся облаковъ, на водяной просторъ и ширь...

Да, кругомъ была дѣйствительно благодать!

Волга, облитая голубоватымъ блескомъ луннаго свѣта, словно задремала, околдованная чарами неясныхъ весеннихъ грезъ, и тихо, ласково и любовно гладила своими струями и крутой берегъ, и высокіе борта стоявшей на якорѣ баржи. Луна блистала ярко въ вышинѣ надъ лѣсомъ Жегулевскихъ горъ, серебрила листву молодой зелени на вершинахъ, но словно боялась заглянуть внизъ подъ кручу громоздившихся горъ, туда, гдѣ висѣли густыя сумерки, гдѣ длинныя несуразныя тѣни легли въ воду и спрятали прижавшуюся къ берегамъ баржу... Тамъ, выше, серебрилась переброшенная луною чрезъ рѣку искристая дорожка, а здѣсь было темно-темно, и лишь яркія звѣзды, еланхолически смотрѣвшія съ голубыхъ небесъ на землю, еще рче отражались въ затѣненной горами рѣчной поверхности и рожали вокругъ баржи синими огнями, гасли и вспыхивали,

какъ электрическія искры, ослѣпительно яркія, большія, синія... Изрѣдка, когда, Богъ вѣсть откуда, прилеталъ на своихъ крыльяхъ безпечный весенній вѣтерокъ,—лѣсъ вздрагивалъ серебрявшейся на лунѣ листвою, и легкіе невнятные вздохи весны перебѣгали съ утеса на утесъ, скатывались въ темную бездну и здѣсь не то прятались въ прибрежныхъ кустахъ орѣшника, не то тонули въ слегка зарябившейся рѣчной заводи, не то убѣгали дальше, на противоположный берегъ, вмѣстѣ съ серебрястою дорожкой луннаго свѣта... Съ напоенной ароматомъ цвѣта черемухи и пахучей березы прохладною вѣтерокъ приносилъ откуда-то отрывки несмѣлой соловьиной пѣсни, журчаніе сбѣгавшаго съ горъ по овражку ручья и еще какіе-то странные таинственные шумы и шорохи... Въ лугахъ по лощинамъ и долинамъ горъ переключались коростели, на озерахъ и болотинахъ дребезжали лягушки...

Весенняя ночь была полна луннаго свѣта, тѣней и звуковъ,—и пѣсня Кирюха, грустная, задумчивая, одинокая, такъ гармонировала съ этими голосами ночи, съ этимъ меланхолическимъ блескомъ яркихъ звѣздъ и луннымъ свѣтомъ, съ широкой равниною дремлющей рѣки и съ тѣмъ общимъ флеромъ грусти, которымъ окутала звѣздная весенняя ночь уснувшую землю...

...Чужа даль-дальняя-а-а—вотъ старо-о-нушка-а-а...—

вытягивалъ Кирюха, подперевъ рукою голову, и ему было грустно и жалко себя, одинокаго, затеряннаго среди ночи, задумчиво смотрѣвшей и на воду, и на горы, и на Кирюху...

— Эхъ! Маринушка!—выкрикнулъ парень, неожиданно обрывая пѣсню, и смолкъ... Прислушиваясь къ голосамъ ночи, Кирюха уловилъ привычнымъ ухомъ характерный шумъ плывущей лодки. Пристально вглядываясь въ серебрястую дымку далекаго горизонта, онъ скоро различилъ скрипъ веселъ объ укрючины, а затѣмъ увидѣлъ и сверкавшія на лунныхъ лучахъ весла, блиставшія и исчезающія въ легкомъ голубоватомъ туманѣ надъ поверхностью широкой водяной равнины.

— Видно, наши ѣдутъ, — бросилъ вахтенный и тихо побрелъ съ кормы на носъ баржи.

Тонкая мачта тянулась высоко и, казалось, упиралась въ самое небо. Висѣвшій на ней фонарь мигалъ въ подгорнихъ сумеркахъ красноватымъ огонькомъ и дрожалъ на водѣ узкой полоской.

Кирюха посмотрѣлъ на мачту, на фонарь, на брошенную имъ узкую ленточку отблеска на темной водѣ... Чтобы засвидѣтельствовать о своемъ бодрствованіи, онъ взялъ въ руки колотушку и со всего размаха стукнулъ ею въ чугунную доску. Стукнулъ разъ, другой, третій... а потомъ началъ выбивать не то какой-то сигналъ, не то тактъ пѣсни, съ правильными интервалами, дробью, съ *moderato* и *pianissimo*...

Мелодичный звонъ металла, казалось, отскакивалъ отъ прибрежныхъ горъ и, сливаясь съ собственнымъ эхо, несся далеко-далеко по поверхности рѣки и заполнялъ окрестность своей гармоничной музыкою.

Когда Кирюхина музыка замерла въ горахъ и ущельяхъ, рѣзко выдѣлился ритмическій стукъ колесъ приближавшагося парохода, глухой, торопливый... Въ рѣчной излучинѣ показывались и исчезали за темнымъ профилемъ горы красный и зеленый огни кожуховыхъ фонариковъ... Стукъ колесъ слышался все отчетливѣй и отчетливѣй, а потомъ вдругъ выдвинулся изъ-за рѣки и словно застылъ на мѣстѣ и самый пароходъ. Корпусъ его гордо поднимался надъ водою и, бѣлый, блистающій огнями, разрѣзалъ своимъ носомъ и будоражилъ колесами волжскую гладь...

Кирюха всталъ къ борту, широко разставилъ ноги и устремился взоромъ на быстро скользящій по поверхности и выросавшій пароходъ, который, казалось, надвигался съ какой-то суровой рѣшимостью прямо на баржу и грозилъ уничтожить ее вмѣстѣ съ Кирюхой... Кирюха не могъ пропустить пароходъ безъ замѣчанія; продолжительное одиночество породило въ немъ желаніе съ кѣмъ-нибудь перекинуться словомъ:

— Эй!.. Пра-хо-о-оды!—пустилъ Кирюха высокимъ теноромъ.—Пра-х-о-о-ды!.. Ось-то въ колесъ-ѣ!..

При этомъ Кирюха замахалъ картузомъ и подмигнулъ пароходу.

Но пароходъ совершенно игнорировалъ Кирюхины остро-ты. Онъ прошелъ почти вполнѣ дѣловымъ серьезнымъ образомъ, съ шумомъ, стукомъ и пыхтѣніемъ, мимолетно и презрительно взглянулъ на парня своими яркими электрическими огнями, пахнулъ ему въ лицо дымомъ, перегрѣтымъ паромъ и нефтью и удалился, оставляя за собою длинную ленту дыма изъ трубы и серебрившійся хвостъ взбудораженной воды, расходившійся изъ подъ кормы на двѣ стороны... Прошелъ и закачалъ на волнахъ и баржу, и Кирюху съ все возроставшею силою...

Навѣсь баржеваго руля заскрипѣлъ жалобнымъ стономъ, протанутая съ кормы на берегъ «чалка» закачалась и стала хлопать о воду, а волны сердито захлестали въ бортъ и окатили Кирюху мелкой водяной пылью...

Пароходъ убѣжалъ, а рѣка стала глухо шумѣть, сердито отскакивая на береговую отмель и хмурые утесы... На волнахъ историческимъ блескомъ заиграли лучи луннаго свѣта, и ночь словно испугалась и притихла, выжидая, когда Волга снова покоится и задремлетъ...

Но вотъ и опять все стихло... Опять несмѣло свиснулъ въ рахъ замолкнувшій было соловушекъ, опять въ лугахъ «загнали» коростели, на болотахъ—задребезжали лягушки, а

Кирюха снова ударилъ въ чугунную доску,—и мелодичная музыка его снова полетѣла и въ высь, и въ даль...

— Налягъ! налягъ!..

Сидѣвшіе на веслахъ баба съ сбившимся съ головы платкомъ и мальчуганъ безъ шапки изо всѣхъ силъ заработали веслами... Лодка круто свернула, юркнула подъ корму баржи и прижалась къ борту. Быстрое теченіе рѣки звенѣло подъ ея носомъ водяными струями и рвало изъ рукъ Кирюхи принятую имъ «чалку».

— Зачаль! Зачаль проворнѣй!—кричалъ стоявшій на рулѣ водоливъ, и голосъ его, грубый, зычный, гулко прокатился въ прибрежныхъ горахъ.

Съ шумомъ грохнулась по борту баржи висячая лѣстница, и изъ лодки полѣзли пассажиры.

Первымъ выскочилъ на палубу подростокъ лѣтъ 14, извѣстный на баржѣ подъ именемъ Жучка. Безъ шапки, босой, суетливый, онъ хлопнулъ дружески Кирюху по спинѣ и звонко закричалъ.

— Рыбы привезли! Гдѣ у насъ котелъ-отъ?...

За Жучкомъ поднялась здоровая молодая баба, «водоливиha». Оправляя сбившійся платокъ, она привѣтливо улыбнулась Кирюхѣ и украдкою обожгла его своимъ мимолетнымъ взглядомъ... Самъ водоливъ, Семенычъ, не торопился: онъ снялъ навѣсный руль со шпиль, весла—съ укрючинъ и бросилъ ихъ на дно лодки, подаль Кирюхѣ кулекъ съ рыбой, потомъ, припавъ къ борту, умылся, перекрестился и тогда уже съ достоинствомъ поднялся на палубу баржи.

— Благополучно?—спросилъ онъ, разглаживая широкую бороду.

— Слава Богу!..—отвѣтилъ Кирюха.

— «Рыцарь» съ Черновскими баржами не проходилъ?

— Невидать было что-то...

— Въ понедѣльникъ насъ «Храбрый» возьметъ... Буксиръ припасайте...

Въ окнѣ миниатюрной будки водолива вспыхнулъ огонекъ; полоса упавшаго изъ окна свѣта легла на черныя просмоленные доски палубы, на свернутый «косякъ» толстаго каната и на край зиявшаго чернымъ отверстіемъ открытаго люка. Изъ растворенной двери каюты водолива вылеталъ звучный молодой голосъ Марины и звонкій отрывочный альти мальчугана... Баржа ожила: ея населеніе закопошилось, и даже куры въ деревянномъ рѣшетчатомъ ящикѣ на кормѣ проснулись и, соединившись къ общему оживленію, безпокойно закудахтали на своихъ насѣстахъ...

А соловьиная пѣснь не смолкала, и весенняя ночь продолжала говорить на своемъ поэтическомъ языкѣ свѣта, тѣней и звуковъ... Луна поднялась выше и то кокетливо пряталась въ бѣлыхъ облакахъ, золотя ихъ по закраинамъ, то снова, выглядывая и появлялась торжественно надъ горами, — и рѣка отвѣчала ей веселой улыбкою... Порой далекій протяжный свистокъ проносился по рѣкѣ, и тяжелое пыхтѣніе буксирнаго парохода висѣло въ ночномъ воздухѣ, длинный хвостъ баржей тянулся за нимъ и огоньки мачтъ на фонѣ небесной синевы мѣшались со звѣздами...

Марина стояла у пылавшаго очага и варила уху въ большомъ чугунномъ котлѣ. Красноватый отблескъ пламени игралъ на ея молодомъ веселомъ лицѣ, дрожалъ тѣнями на полныхъ засученныхъ по локоть рукахъ, на высокой груди, — и Кирюха, стоя въ тѣни, у наружной стѣнки каюты, искоса поглядывалъ чрезъ окно на красивую женщину... Марина временами вскидывала глаза на окно, оправляя безпорядочно падашіе съ головы на щеку волосы; отъ игравшихъ на лицѣ ея свѣта и тѣней глаза Марины казались большими и острыми и такъ лукаво шурились на окно, что сердце Кирюхи вздрагивало и билось сильнѣе...

Водоливъ, мужъ Марины, лежалъ тутъ же на лавкѣ; онъ лежалъ въ жилеткѣ съ растегнутымъ воротомъ рубахи, упершись длинными ногами въ стѣну, и дремалъ подъ шипѣніе котла съ ухой и подъ трескъ горящихъ дровъ и сырой бересты. Загорѣлыя мускулистыя руки Семеныча лежали на животѣ, а широкая борода съ легкой сѣдиною покоилась на богатырской груди: Семенычъ дремалъ и грезилъ: ему чудилось, что не вода бурлитъ въ котлѣ, а то пароходъ «Храбрый» выпускаетъ пары, принимая на буксиръ баржу его... Капитанъ «Храбраго», когда-то такой же, какъ онъ, водоливъ, кричитъ и ругается въ рупоръ, стоя на мосткахъ трапа:

— Отпусти-и! Отпусти, лѣша-а-ай! Водоливъ, горе! — несется по Волгѣ.

— Отвертывай! Отвертывай! — кричитъ Семенычъ Кирюхѣ. А Кирюха зря мечется по борту...

Семенычъ грубо ругается въ просонкахъ... Марина пытливо смотреть то на окно, то на мужа, лукаво ухмыляется и вдругъ исчезаетъ... Чуткая ночь вздрагиваетъ: теплая женская грудь мимолетно прижимается къ груди парня, чей-то голосъ шепчетъ любовно «приду!», жгучій поцѣлуй остается на толстыхъ губахъ Кирюхи, — и снова все исчезаетъ... Опять ночь грустно смотреть своими задумчивыми звѣздами, по прежнему надрывается въ чащѣ нагорныхъ зарослей соловушекъ, поскрипываютъ въ лощинахъ коростели... А Кирюха стоитъ ошеломленный на палубѣ безъ картуза, съ широко раскрытыми глазами, и не

можетъ понять: сердце-ли его такъ громко стучить въ груди, или то пароходъ хлопаетъ о воду своими плечами...

— Кирилл!—несется изъ каюты звонный окрикъ водолива.

— Есть!—едва переводя духъ, отъывается Кирюха, пятаясь дальше отъ водоливной каютки, и тяжело отдувается.

— Погляди лодку! Пассажирскій бѣжить... Не Александра-ли Мелькурьевскій... Не оторвало бы!..

— Будь спокоенъ!—стараясь быть хладнокровнымъ, выговариваетъ Кирюха и, садясь на бортъ, безсильно опускаетъ трясущаяся отъ волненія и страха предъ водоливомъ руки и безсмысленно смотритъ на искрающую подъ высокимъ бортомъ воду...

«Чортъ, а не баба», — шепчатъ толстыя губы Кирюхи, а Марина уже давно стоитъ въ дверяхъ каюты и, облокотясь обнаженной рукою на смолистый косякъ, смотритъ въ небо...

Слишкомъ ярко блеститъ сегодня луна подъ горами и не видно на небѣ темныхъ тучекъ... Ночь коротка... Скоро смолкнуть соловушки и хотя спрячется луна и померкнутъ звѣзды на небѣ, но золотая зорька заблеститъ на востокѣ и стыдливомъ румянцемъ окраситъ горизонтъ, и облака, и воду...

— Марина! Что заѣвлась? Убѣжить уха-то!—брюзжитъ Семенычъ.

— Погодь! Пароходъ бѣжить...—не оборачиваясь, досадливо отвѣчаетъ Марина, а сама смотритъ въ ту сторону, гдѣ на фонѣ небесной синевы рѣзко рисуется фигура сидящаго на борту Кирюхи съ низко опущенной на грудь головою...

Въ чугунномъ котлѣ клопочетъ кипящая уха; рыба съ поблѣвшими глазами прыгаетъ, какъ живая, и, кажется, все еще наровитъ ускользнуть отъ своихъ мучителей. Семенычъ съ кряхтѣніемъ поднимается на лавкѣ и, спуская на полъ свои тяжелые сапожища, сладко потягивается.

— Что-то сонъ клонитъ, Марина!.. Скоро у тебя уха-то?

— Поспѣла!.. Выспишься.. твоя ночка-то!—бросаетъ Марина.

Худой и блѣдный Жучекъ, съ тонкой шеей и длинными руками, лежитъ, прикурнувъ на рогожахъ около мачты. Въ ожиданіи уха, онъ прилежъ здѣсь, долго смотрѣлъ на небо и звѣзды, разрѣшая самостоятельно тайны мірозданія, и заснулъ безпечнымъ мирнымъ сномъ усталого ребенка... Луна скользить лучами по его худому личику, придавая ему зеленоватый оттѣнокъ, вѣтерокъ треплетъ жиденькіе бѣлые волосы на головѣ, ноги бѣлѣютъ, какъ новые деревянные кругляши...

— Жукъ! Кирилл! Гдѣ вы, дьяволы?.. Идите уху хлебать!—звонко кричитъ Марина.

— Ко-ко-ко!..—тревожно отвѣчаетъ на кормѣ пѣтухъ, заботливо охраняющій свое семейство...

Жучекъ вскакиваетъ на ноги, на мгновеніе останавливается на мѣстѣ, чешется и собирается съ мыслями,—потомъ въ прыжку несется по палубѣ. Кирюха идетъ медленно, нехота, словно уха для него—плевое дѣло...

Вынесли «на волю» столъ. Жучекъ принесъ фонарь и повѣсилъ его на стѣнку будки. Ночные мотыльки замелькали вокругъ огня крылышками и стали биться о стекло. Майскій жукъ прогудѣлъ громкимъ басомъ, хлопнулся гдѣ то близко и смолкъ...

Марина принесла котелъ съ ухомъ и бросила на столъ партію желтыхъ деревянныхъ ложекъ... Котелъ задымился вкуснымъ ароматнымъ паромъ... Помолились на востокъ и усьлись за столъ. Семенычъ стукнулъ ложкой по котлу и самъ первый отвѣдалъ ухи:

— Сладка живеть... удалась!—одобрилъ онъ, разглаживая бороду.

— А ты думалъ, плоху сварю?!—хвастливо замѣтила Марина и тоже потянулась съ ложкой. За ней—Кирюха и, наконецъ, томившійся долгимъ ожиданіемъ Жучекъ.

Бли молча, торжественно, словно совершали какое то священнодѣйствіе, и строго соблюдали очередь... Ожидая своего чередѣ, Жукъ думалъ, что лучше всѣхъ теперь Семенычу, который первый опускаетъ въ котелъ свою ложку: но потомъ сообразилъ и успокоился: можно начать счетъ съ него, Жучка, и тогда онъ на вскъ уху будетъ первымъ... «Это—какъ считать!»

Семенычъ вытащилъ изъ-за голенища бутылъ съ водкой, вышибъ объ руку пробку и поставилъ на столъ.

Марина украдкой подарила Кирюху ласковымъ взглядомъ, и ложка въ рукахъ того задрожала отъ смущенія...

Луна давно уже спряталась за лѣсомъ, въ горахъ. Ночь потемнѣла. Съ юго-запада торопливо побѣжали тучки... Предразсвѣтный вѣтерокъ зарыбилъ рѣчную поверхность... Соловухи допѣли свои пѣсни, только неугомонные коростели продолжали поскрипывать съ еще большимъ одушевленіемъ.

Высокія Жегулевскія горы громоздились чудовищными великанами надъ баржею. Вотъ въ свѣжемъ насыщенномъ испареніями воздухѣ пролетѣла съ ночлега стая галокъ въ глубокомъ молчаніи, да дикая утка просвистѣла крыльями высоко надъ головою...

На баржѣ спали.

«Вахтилъ» Жукъ. Онъ жался отъ сырости и, чтобы согрѣться, непрерывно барабанилъ въ чугунную доску. Это былъ самый бдительный «вахтальный» на всей Волгѣ, очень

подозрительный ко всякимъ непонятнымъ ему звукамъ и шорохамъ и воображающій, что безъ «вахтельнаго» могутъ утащить чуть ли даже не самую баржу...

Побрякавъ въ доску, Жукъ протяжно выкрикивалъ перенятое имъ на большихъ судовыхъ караванахъ «слушай!» и мужественно шагаль на корму, огибаль по борту всю баржу и снова стучаль въ чугунную доску... Усердіе Жука удивляло даже самого Семеныча.

— Колоти поменьше! Воровъ-мартышекъ не испугаешь, а только доску расколотишь!—шутилъ надъ Жукомъ Семенычъ, но въ душѣ, какъ старый любящій дисциплину волжанинъ, преклонялся предъ его добросовѣстностью. Другой, какъ услышитъ, водоливъ храпитъ, такъ и самъ, приткнувшись гдѣ нибудь подъ бортомъ, дремать станетъ... Жукъ не такой: онъ знаетъ, зачѣмъ на вахту поставлень... Чуть слышно свиснетъ начальство, а Жукъ ужъ отвѣчаетъ:

— Есть!..—и бѣжитъ къ Семенычу.

Можетъ быть, причиной такой добросовѣстности со стороны молодого матроса была отчасти также и строгость, крутой нравъ Семеныча. Отъ него Жучекъ всетаки теребачки и волоснянки видываль и былъ свидѣтелемъ, какъ однажды Семенычъ ругаль свою молодую жену и грозилъ убить: «къ дереву *) привяжу и изобью, какъ собаку»,—кричалъ тогда Семенычъ, и глаза его горѣли подъ насупившимися бровями звѣрской яростью, губы тряслись, а на лбу налились кровью синія жилы...

— Слуш-а-ай!—слабо звучаль подъ горами дѣтскій голосъ, и чугунная доска жалобно плакала подъ ожесточенными ударами «вахтельнаго»...

А слушала одна только ночь, да горы, да еще Марина, тревожно настораживавшая уши и сверкавшая въ темнотѣ ночи своими большими глазами...

Было яркое весеннее утро, и Волга лѣниво катила свои глубокія воды, равномлѣвъ подъ горячими лучами солнышка. Чистое небо смотрѣлось въ рѣчную зеркальную гладь и сообщало ей нѣжно-голубоватый оттѣнокъ. Жегули блистали яркой зеленью, красиво оттѣнявшей желтые и бурные выступы откосовъ... Вѣлыя чайки рѣяли въ прозрачномъ воздухѣ и трепетали надъ водой крыльями. Даль задернулась голубоватой дымкою и вся природа улыбалась яркому горячему солнышку...

День былъ воскресный и населеніе баржи принаряди-

*) Къ мачтѣ.

лось въ лучшія одежды. Семенычъ надѣлъ новые смазные сапоги, выпустилъ изъ-подъ жилетки шерстяную рубашу малиноваго цвѣта съ горошкомъ, намазаль голову скоромнымъ масломъ и устроилъ на ней правильный проборъ на двѣ стороны; надѣпилъ цѣпочку съ брелоками и держаль обѣ руки по преимуществу въ карманахъ своихъ плисовыхъ штановъ. Марина щеголяла въ синемъ шерстяномъ платьѣ и въ накинутой на плечи шелковой желтой шали съ зелеными цвѣтами по угламъ; въ ея рукѣ былъ неразлучный носовый платочекъ съ подсолнухами, которыя она, обыкновенно, грызла по праздникамъ съ утра до вечера, скаля свои бѣлые зубы. Она поджимала сегодня какъ то неестественно свои алые губы и манерничала, говорила со всѣми на «вы» и старалась походить на тѣхъ щеголихъ-мѣщанокъ, которыхъ часто видѣла на пристаняхъ у большихъ городовъ.

Кирюха, при всей своей бѣдности, не желаль отставать отъ людей: онъ надѣлъ кумачевую рубашу, подпоясался подъ животомъ «аеонскимъ поясомъ» съ молитвою «На Тя, Господи, уповахомъ» и спряталь свои босыя ноги въ, Богъ вѣсть, какъ попавшія къ нему, глубокія барскія кожаныя калоши. Только Жучку не было чѣмъ ознаменовать праздникъ...

Кирюха сидѣль на носу баржи, на бревенчатомъ обрубѣ якорнаго ворота, и наигрываль на вятской гармоникѣ «Матаню», тихонько подпѣвая:

У Матани—черный глазъ,
Онъ горить, что твой алмазъ...

и при этомъ разумѣль расфранченную и малодоступную теперь «водоливиху»...

Семенычъ съ женой молча и торжественно возсѣдали рядышкомъ на лавочкѣ, около дверей своей каюты: онъ, сѣпивъ на животѣ руки, крутилъ свободными большими пальцами въ разныя стороны и тупо смотрѣль на свои новые сапоги; она—устремилась свои сѣрые глаза въ синеватую дымку далекаго горизонта и грызла проворно и настойчиво сѣмячки, искусно вылуцая ихъ зубами и откидывая языкомъ шелуху. Марина выглядѣла величавой и добродѣтельной, хотя розовое ушко ея и лукавое сердце прислушивались къ Кирюхиной музыкѣ и понимали, про чей это глазъ, не уступающій по игрѣ алмазу, распѣваетъ на носу паренъ...

Синѣвшій далеко на горахъ лѣсъ дремалъ въ сладкой истомѣ и грезилъ о чемъ-то несбыточномъ... Бѣлое облачко повисло въ глубокой бездонной синевѣ и замерло, любуясь съ безпредѣльной высоты на ликующее утро. Черная лодочка, поставленная поперекъ рѣки, плыла по самой ея срединѣ, предоставленная волѣ теченія... Въ лодочкѣ краснѣла яркимъ пятномъ фигурка рыбака, собиравшаго сѣти... Время отъ времени

серебрилась игравшая на солнышкѣ рыба... Въ прибрежныхъ кустахъ радостно щебетали птицы... Длинноногій куликъ-чернышъ грустно свистѣлъ, пролетая чрезъ рѣку къ далекой песчаной отмели... Бѣлый дымокъ парохода курился въ затуманенной дали...

Никому не хотѣлось говорить; всѣмъ хотѣлось нѣжиться на горячихъ лучахъ весенняго солнца и млѣть отъ вѣявшей въ душу свободы, приволья... Семенычъ посматривалъ то на свой сапогъ, то, щурясь, останавливалъ глаза на водѣ. Марина затуманеннымъ взоромъ смотрѣла въ синѣющую даль. Кирюха лѣниво наигрывалъ «Матаню», пѣлъ «подъ сурдинку» и тоже смотрѣлъ куда-то въ пространство...

Одинъ Жучекъ не поддавался чарамъ и грезамъ весны: онъ сидѣлъ подѣ баржей въ лодкѣ и ждалъ, когда на его булавочную удочку съ бичевкой вмѣсто лесы, и хворостиной— вмѣсто удилица, клюнетъ, наконецъ, глухой язъ или по крайней мѣрѣ сумасшедшая чехоня...

Вотъ откуда-то вѣтерокъ донесъ хоровую пѣсню... Голоса сливались въ довольно стройный аккордъ и только высокій дребезжащій теноръ обособлялся и одиноко замиралъ и таялъ въ воздухѣ...

Семенычъ подошелъ къ борту и сталъ вглядываться въ ту сторону, откуда прилетала пѣсня.

— Дай-косъ беноклю, Мариша!..

Марина осторожно, подобравъ платье, просунулась въ узкую дверь какоты, перегнулась и достала съ косяка бинокль въ шагреновомъ футлярѣ.

— Получите!— сказала она, невозмутимо поплеывая шелухою подсолнуховъ и, ткнувъ бинокль въ руку мужа, пошла «разгуляться» по баржѣ.

Сперва она пошла на корму, потомъ вернулась, прошлась мимо мужа и снова повернула къ кормѣ; отсюда она перешла къ другому борту и двинулась по направленію къ носу. Проходя мимо Кирюхи, она повела бровью, свернула бѣлками глазъ и, замедляя шагъ, спросила:

— Что-же вы перестали въ гармонью играть?

— Прискучило, Марина Петровна... Въ лѣсокъ-бы разгуляться, на травушкѣ-муравушкѣ поваляться... — вполголоса отвѣтилъ парень, восхищенный красотой своей «зазнобушки».

— Чиста краля!— прибавилъ онъ.

— А сегодня ночька темная будетъ,—подумала вслухъ Марина, пропуская мимо ушей комплиментъ Кирюхи, и пошла дальше, не оборачиваясь.

Кирюха понялъ. Онъ заигралъ на гармоникѣ веселый мотивъ и съ удалью, но негромко, запѣлъ:

Ночька темная на землю упадетъ,
Ярки звѣздочки погаснутъ въ небесахъ,
Ясны оченки засвѣтятъ впотьмахъ...
Ахъ, да сударушка, сударушка моя,
Чернобровая, похожа на меня!..

И при этомъ потряхивалъ русыми кудрями и въ тактъ музыки притопывалъ тяжелой калошею...

А по рѣкѣ уже отчетливо и громко неслась хоровая пѣсня.

Большая лодка, съ крашенными бортами, перерѣзала наискось широкую гладь Волги, и три пары веселъ дружно вздымались и опускались, блистая на солнышкѣ.

— А вѣдь это—гости къ намъ!—произнесъ Семенычъ, не отрывая глазъ отъ бинокля.

— Чьи?—дай поглядѣть.

— Съ Карповской баржи... Филиппъ съ женой...

— Отколь это взялись?...Протри беню-то!..—недовѣрчиво произнесла Марина.

— Да они подъ Ставрополемъ стоятъ,—парохода ждутъ тоже...

Лодка приближалась, пѣсня звучала громче, долетали уже отдѣльные голоса, смѣхъ... Вотъ съ лодки замахали платочкомъ...

— Они!—выкрикнулъ Семенычъ, помахалъ руками и пронзительно свиснулъ.

— Есть!—глухо отвѣтилъ голосъ Жучка изъ-подъ баржи, а потомъ и самъ Жучекъ вскарабкался на палубу, худой и поджарый.

— Грѣй самоваръ! Проворнѣй! Гости...

— Духомъ!..

По баржевой мачтѣ поползъ комомъ свернутый флагъ, потомъ вдругъ развернулся и въюномъ заигралъ въ воздухѣ,—то Кирюха привѣтствовалъ гостей.

Марина уже была въ каюткѣ и вертѣлась передъ зеркаломъ и лукаво ухмылялась, довольная собой и своимъ платьемъ.

— Кирилла! Знаешь, братецъ, что?—спросилъ Семенычъ, уперевъ въ бока руки и смотря въ землю.

— Что скажешь?

— Сладка наливочка у насъ есть, а вотъ водченки надо бы раздобыть...

— Что-же, можно,—отвѣтилъ Кирюха, лѣниво почесывая за ухомъ.—На лодкѣ—далеко, долго прокаталажишься. Горами—надо... Жучекъ смахаетъ...

Обсудивъ дѣло, порѣшили отправить въ деревню, что затерялась въ лощинѣ между горъ, верстахъ въ двухъ отъ мѣста стоянки, Жучка, котораго и снабдили пустымъ штофомъ. Ки-

рюха перевезъ мальчугана съ баржи на берегъ и подробно рассказавъ, какъ идти и гдѣ искать броду чрезъ бурлившую въ глубокомъ оврагѣ, за первой горой, рѣчку.

Жукъ вскарабкался на самую кручу, чтобы обозрѣть окрестность и опредѣлить направленіе своихъ изысканій... Съ баржи онъ казался пигмеемъ: что-то маленькое, жалкое и ничтожное шевелилось въ зелени и ползало по желтымъ откосамъ, осыпая по пути гальки и песокъ... Напуганный ястребъ сорвался изъ подъ Жука и, распластавъ свои крылья, повисъ надъ водою... Жукъ лুকнулъ въ него камнемъ, но хищникъ только слегка дрогнулъ крыльями и началъ плавно кружить въ воздухѣ...

Жукъ смотрѣлъ на открывшуюся предъ его глазами величественную панораму, на необъятную водную равнину, на окутанный сизымъ туманомъ горныя вершины и на голубой океанъ развернувшихся небесъ... Смотрѣлъ и думалъ: «Гдѣ то тамъ, далеко-далеко, за рѣкою, за лѣсомъ, за синими горами есть конецъ земли и тамъ по отлогому небу сходятъ на землю святые ангелы и уводятъ съ собою души умершихъ праведниковъ къ Господу...» И бѣлоснѣжное облачко, что пряталось за синимъ гребнемъ далекихъ горъ, казалось этому маленькому человѣчку свѣтлой одеждою ангеловъ, забытой ими на томъ мѣстѣ, гдѣ кончается земля...

Предназначенная для водки бутылъ вдругъ выскользнула изъ рукъ Жука и со звономъ покатила внизъ, подпрыгивая на буграхъ и ямахъ, а за ней покатился комомъ и самъ очнувшійся отъ чаръ фантазіи босой мечтатель...

Прежде чѣмъ сдѣлаться водоливомъ, Семенычъ прошелъ суровую школу волжской рабочей карьеры.

Началъ онъ свою службу въ крючникахъ и лѣтъ пять, какъ вычное животное, гнулся съ утра до ночи, — а иногда и до свѣту — подъ тяжелыми кулями, мѣшками, тюками, бочками и ящиками... Подрядчики — хитрый народъ: они знаютъ, какъ и чѣмъ кого работать больше заставить: на однихъ покрикиваютъ, другихъ штрафами донимаютъ, а третьихъ «лаской» берутъ.

На «ласку» и Семенычъ падохъ былъ.

Бывало, страшно посмотреть на тюкъ. Крючники почесываются, не зная, съ которой стороны подойти къ нему. А время не терпитъ: пароходъ дрожить подъ парами, два свистка подалъ; капитанъ то и дѣло кричить съ трапа прикащику: «Готово?»

— Ну! мелюзга! Никто, поди, не возьметъ одинъ? — выкрикиваетъ хитрый подрядчикъ. А у падкихъ до похвалы да ласки сейчасъ и гордость поднимется... Какъ это — мелюзга? по какому случаю мелюзга?!

— Вали, робя! — храбро заявляетъ, выходя впередъ, Семенычъ.

— Гдѣ тебѣ!.. Нѣтъ ли кого посильнѣе?.. — посмѣивается подрядчикъ.

— Клади, робя! Не такую тягу нашивали...—бахвалится Семенычъ, которому хочется своей богатырской силою похвастаться...

Нѣсколько человѣкъ хватается за кладъ, съ дружной пѣсней поднимають ее на воздухъ, а Семенычъ смѣло идетъ подъ грузъ, низко нагибаетъ свою широкую спину съ «сѣдломъ», широко разставляетъ ноги и ждетъ... Вотъ насѣла тяга на спину — хрустнули косточки, придавила — вздохнуть нельзя... Лицо Семеныча кровью налилось, на толстой шеѣ жилы вздулись, какъ веревки, на раскрытой волосатой груди—потъ выступилъ, ноженьки трясутся...

— Съ Богомъ! — напутствуютъ товарищи.

Семенычъ тихо шагаетъ по скрипящимъ мосткамъ; ноги у него словно деревянные, въ колѣняхъ не гнутся и, какъ жерди, подпирають громадину...

— Сторонись! Груша!.. — сипло кричить; не глядя на людей, крючникъ.

А подрядчикъ вслухъ удивляется:

— Ну и силища проклятая! быкъ, а не человѣкъ!..

А тому и любо: радъ стараться изъ-за чести...

Съ ранней весны до глубокой осени ходилъ Семенычъ въ крючникахъ, работалъ изъ-за куска хлѣба и старался «изъ чести», а на зиму отправлялся въ затоны «на зимовки» — чернорабочимъ... Нѣсколько лѣтъ плоты по Камѣ гонялъ, на желѣзныхъ караванахъ сторожемъ плавалъ, потомъ въ матросы попалъ сперва на баржу, а послѣ — на буксирный. Матросъ изъ него вышелъ отмѣнный, хозяева дорожили имъ. Другихъ на зиму рассчитывали, а его на зимовки брали, — надежный человѣкъ...

Хлебнулъ-таки Семенычъ горя около Волги-матушки, но за то она и въ люди его вывела: Семеныча водоливомъ назначили... А водоливъ — какое ни на есть начальство. Конечно, лестнѣе было бы въ лопмана попасть, потому что плохъ тотъ лопманъ, который не надѣется въ капитаны на буксирный попасть. Однако, Семенычъ и тѣмъ доволенъ, что Богъ далъ: оно хоть и не видно, да сытно... Изъ Нижняго съ ярмарки онъ панскаго товарцу забиралъ, въ Казани — татарскаго мыла прихватывалъ, въ Самарѣ — пуховыхъ платковъ оренбургскихъ, — и все это везъ въ низовья и на стоянкахъ по селамъ и слободамъ съ большимъ барышемъ продавалъ, а изъ Астрани везъ въ верха — арбузы, дыни, виноградъ, айву, помидоры, красную рыбку, тайкомъ, за безцѣнокъ отъ «воль-

ныхъ ловцовъ» перекупленную, — и тоже копѣчку зашибалъ. За навигацію сотню жалованіемъ получалъ, да столько же торговлей своей промышлялъ. Зимой тоже зря не болтался: на зимовки брали и двѣнадцать рублей на хозяйскихъ харчахъ отваливали...

За семь лѣтъ своей службы водоливомъ Семенычъ успѣлъ сотни три скопить, кромѣ добра всякаго изъ одежды, и на сорокъ шестомъ году жизни жениться надумалъ: высмотрѣлъ себѣ «кралечку» въ Покровской слободѣ, подъ Саратовымъ, Марину, мѣщанскую дочь, молодую дѣвку, бойкую... Говорили тогда Семенычу сродственники:

— Опасайся: не по лѣтамъ берешь! Въ слободѣ баба балуется, дѣвка вольничаетъ...

Не послушался совѣтовъ: крѣпко притянулась дѣвка веселая.

— Пятнадцать годовъ по Камѣ и Волгѣ плаваю, всякой бабы и дѣвки достаточно видѣлъ... Ну, а такой не подвертывалось, не случалось...

— Ой, опасайся, борода!..

На себя Семенычъ крѣпко надѣялся: какъ, молъ, такого молодца не полюбить? И ростомъ вышелъ, и съ лица — ничего, и копѣчка на черный день припасена... Воля у мужика была желѣзная, нравъ крутой, гордый, повелительный.

— Со мной вѣдьма поживетъ, — шелковая станетъ! — хвастался Семенычъ передъ сродственниками, за бутылкой вина.

Вѣдьма, можетъ быть, и дѣйствительно притихла бы, поживъ съ своенравнымъ волжскимъ богатыремъ... да вышло, что Покровской слободы баба похитрѣй другой старой вѣдьмы будетъ... Конечно, слобода подгородная, богатая, народъ гладкій, смѣлый и вольный... даже дѣвка и та всякое смиреніе и кротость давно растеряла...

И дѣйствительно. Только одну навигацію Семенычъ съ молодой женой проплавалъ, а опасаться ужъ сталъ. Такъ баба дѣльная, работающая, другого мужика за поясъ заткнетъ, веселая, проворная, ласковая, а что касается скромности, — оказалась недохватка. Любить съ молодыми матросами языкъ почесать, зубы поскалить, и смѣлость для мужней жены — неподходящая...

Вздумалъ ее Семенычъ уму-разуму поучить, да не таковская была: кричалъ, какъ хотѣлъ, ругалъ, какъ только могъ хуже, даже руку заносилъ...

Но ударить не пришлось. Сразу и осѣчка вышла.

«Поиграла» молодуха на стоянкѣ съ чужимъ матросомъ: онъ ей бровью моргнулъ, она его ладонью по спинѣ вытянула, — вотъ и вся игра. Однако Семенычъ полагалъ, что

мужней женѣ это — дѣло неподходящее и, когда свечерѣло, а народъ притихать сталъ, водоливъ ругать жену началъ. Другая баба смолчала бы, а эта: онъ ей — слово, она ему — два... Взабленился Семенычъ, глаза кровью налились, губы затряслись. Занесъ руку и хотѣлъ Марину на отмашь хватить. А та, какъ кошка, изъ-подъ руки юркнула да къ борту, ногу за бортъ перекинула и кричить:

— Ударь! Попробуй!..

Трудно было Семенычу съ собой совладать, однако взялъ себя въ руки. Съ такой бабой кулакомъ, видно, не приходится... Плюнулъ Семенычъ и въ каюту ушелъ. Отъ злости и досады самоваръ на палубу выпхвyrнулъ и легъ... Все ждалъ, когда пальная баба спать на положенное ей мѣсто придетъ.

Такъ до свѣту у борта и просидѣла...

— Марина! Подъ сюда! Я тѣ ничего не сдѣлаю,—нѣсколько разъ говорилъ Семенычъ, подходя къ двери.—Смотри! зорька играетъ, свѣтло будетъ скоро. Люди увидятъ, нѣшто хорошо?

— Сыми образъ, вынесъ къ дверямъ да поклянись, что бить не будешь!..

Долго Семенычъ отъ клятвы воздерживался: все рука чесалась, все надѣялся «поучить»... Но не дождался, строптивый...

Когда солнышко яркимъ свѣтомъ изъ-за горъ брызнуло и птички въ кусточкахъ запѣли, Семенычъ вынесъ изъ двери Матерь Божью, сказалъ «пальцемъ не трону!» — перекрестился, приложился и ласково произнесъ:

— Богъ тебя простить! Иди, шельма, спать!..

Сейчасъ же пришла, метнулась на постель и своей мягкой рукой грубую шею Семеныча обвила...

— У-у! дьяволъ! — буркнулъ тотъ...

Долго пировали на баржѣ... Четыре самовара выпили, уху стерляжью варили, мужики водочки, а бабы красной сладкой вишнепочки выпили; пѣли пѣсни, смѣялись. Кирюха неустанно пищалъ на гармоникѣ, а подвыпившій Филиппъ все покушался «барыню» плясать, да плохо слушались ноги: помнется на мѣстѣ, постукаетъ тяжелымъ сапогомъ, и вдругъ хмѣль отшибетъ въ сторону и спутается...

— Нѣтъ... Старъ становлюсь... Ухъ! душа заплась... — юрить Филиппъ, отдуваясь, садится на лавку и вытягиваетъ и.

Кирюха смотрѣлъ-смотрѣлъ, да какъ сорвется съ мѣста... осилъ съ ногъ тяжелыя господскія калоши, пустился въ

присядку, затрясъ русыми кудрями... Самъ на гармоникѣ играетъ, удалецки гикаетъ и подпѣваетъ:

Ахъ, барыня ты моя,
Сударыня ты моя,
Сдѣлай милость—не сердись—
Лицомъ бѣлымъ повернись...

У Марины щеки загорѣлись, глаза заискрились, ножка въ ковловомъ башмачкѣ притопывать каблуккомъ съ подковкою стала... Не стерпѣла Марина: поднялась и пошла павой выхаживать, плечомъ поводить и платочкомъ помахивать.

Гости похваляютъ. Семенычъ, глядя на свою молодую жену, удовольствіе чувствуетъ... Даже Жучекъ, лежавшій поодаль на животѣ, ослабился и босой ногой началъ по палубѣ пристукивать...

Только рябая широколицая и курносая Оекла, жена Филиппа, не смѣялась,—Оеклу зависть брала: перешеголяла ее водоливиха и платьемъ, и серьгами, и обращеніемъ...

— А вы, Оекла Егорьевна, что не пройдется за канпацію?—спрашиваетъ, подсаживаясь къ гостѣ, Семенычъ.

— Гдѣ ужъ намъ супротивъ вашей супружницы?!—обидчиво отвѣчаетъ Оекла, складывая руки крестикомъ,

Время шло къ вечеру. Солнце пряталось за горами и золотило прощальными лучами гребень Жегулей. Отъ горъ упали на воду длинные тѣни. На горизонтѣ стала сгущаться голубая дымка вечерняго тумана. Изъ лощинъ и овраговъ полилась волнами прохлада. Сильнѣе запахло березой, черемухой и громче отликалось въ горахъ эхо пароходныхъ свистковъ... Золотомъ, пурпуромъ подернулась уже кое-гдѣ гладкая поверхность рѣки, и облака на западѣ стали все сильнѣй розовѣть и золотиться...

Гости собирались домой.

Подгулявшіе матросы поскакали въ лодку, чтобы оправить ее, черпакомъ воу отлилъ, сердитой Оеклѣ на лавочку сѣнца положить...

Хозяева кланялись и просили посидѣть. Захмѣлѣвшій Филиппъ, пожалуй, не прочь былъ бы и еще выпить, но Оекла твердила «много довольны, благодарствуемъ» и такъ сердито взглядывала на мужа, что тотъ волей неволей поддерживалъ:

— Нѣтъ... Много довольны на угощеньи.. Къ намъ милости просимъ!.. И кланялся.

— А ты собирайся, будетъ кланяться-то!.. Видишь, подувать стало...

— Эге-ге-ге! Смотри, ночью дождь хватить...

— Далеко,—успокоительно отвѣтилъ Кирюха, посмотрѣвъ въ небо.

— Да намъ что? Мы вотъ выйдемъ на стрежень, вздернемъ парусъ и засмаливай!

Спусти нѣсколько минутъ лодка съ гостями отдѣлилась отъ баржи; шесть весель дружно ударили по водѣ, закригѣли укрючины, и зазвенѣла подъ острымъ носомъ лодки вода золотая...

— Счастливо оставаться!

— Будьте благополучны!

Проводили гостей. На баржѣ сразу стихло и всѣмъ немного скучно стало...

— О, Господи!—прошепталъ Семенычъ, позѣвывая, перекрестилъ ротъ и пошелъ въ каюту отдохнуть.

Марина долго сидѣла на лавочкѣ и смотрѣла на тускнѣющій вечеръ, на синѣющія вдаль сказочными замками горы, на багровый отблескъ спрятавшагося солнца, на мерпающій на плотахъ огонекъ, на алую, какъ кровь, воду... И Маринѣ казалось, что гладкая поверхность рѣки уносить ее съ собою далеко-далеко, на любимую родину, туда, гдѣ прошли золотые дни дѣвическихъ грезъ, первой сердечной тревоги, первыхъ стыдливыхъ поцѣлуевъ.

Весело теперь въ Слободѣ! Каждый день, какъ только садеть солнце и въ воздухѣ разольется весенняя прохлада, а на огородахъ «задержатъ» коростель; какъ только на темно-голубыхъ небесахъ зарумянятся причудливыя облака, а надъ ухомъ затрубитъ комаръ,—со всей слободы собираются на лужокъ къ церкви дѣвки да молодыя бабы, парни да малые ребята, и хороводная пѣсня несмолкаемо стоитъ надъ селомъ. То протяжная и грустная, то веселая, удалая, она далеко разносится звонкими дѣвическими голосами среди стихающей природы... Долго, почитай до свѣта не смолкаютъ пѣсни, долго на лужкѣ не кончаются игры и пляски, долго надъ Слободой носится веселый говоръ и беззаботный смѣхъ...

Но вотъ хороводъ смолкъ. Говоръ и смѣхъ — все рѣже и тише, и громче разносится лай собаки... Гдѣ-то одиноко попискиваетъ еще гармоника, но и та скоро обрывается... Слободка спитъ глубокимъ сномъ...

Только не спитъ Марина: черезъ плетень сада смотреть на нее ненаглядныя очи молодца, цѣлуютъ уста горячія...

Заныло сердечко водоливихи отъ дорогихъ воспоминаній, всплакнуть захотѣлось... Подперши рукой подбородокъ, она тихонько запѣла:

Гдѣ ты, милый, скрылся, гдѣ тебя иска-а-ть,
Заставилъ крушиться, плакать, горева-а-ать...

А съ рѣки подувалъ вѣтерокъ.

Вотъ солнце потухло, и облака померкли. Тучки ползли, ювно изъ-подъ земли, толпились на горизонтѣ... Луна туск-

лымъ пятномъ смотрѣла черезъ облачную грядку. Волга потемнѣла. Мелкой рябью побѣждалъ по водѣ вѣтеръ. Забытый на мачтѣ флагъ затрепеталъ и забился. Скрипнулъ навѣсъ тяжелаго руля... Сорвался съ высоты прибрежныхъ горъ рыхлый камень и булькнулъ подъ обрывомъ... Съ шумнымъ говоромъ пролетѣли грачи на ночевку... Тамъ и сямъ по Волгѣ загорѣлись огоньки судовъ. На плотяхъ запылалъ костеръ — сплавщики ужинъ начали готовить... По берегу, подъ горами, разползалась темень и надвигалась на баржу... Отдаленный громъ прокатился глухимъ раскатомъ въ Жегуляхъ, и шорохъ дождя побѣждалъ по горамъ, а густой туманъ сталъ заволакивать перспективу... Съ плота доносилась переключка рулевыхъ рабочихъ, протяжная, тяжелая, уносимая вѣтромъ навстрѣчу опускавшейся ночи, похожая на стонъ больного челоука...

Къ ночи разгулялась непогода. Вѣтеръ крѣпчалъ и гналъ темныя волны на берегъ, трепалъ мачтовые снасти и шумѣлъ въ горахъ лѣсомъ. Темныя тучи двигались по небу уродливыми массами и, всползая все выше, заволакивали остатокъ синѣющаго просвѣта... Волны все сильнѣй насакивали на бортъ баржи и, разбиваясь, съ шумомъ рушились, уступая мѣсто новымъ натискамъ... Чугунная доска покачивалась и, стучаясь краемъ о мачту, гудѣла, какъ отдаленный набатный колоколь. Прятавшаяся за баржей лодка качалась, жалась къ борту и все тревожнѣе постукивала въ него носомъ. Руль и каютка водолива скрипѣли досками... Разрѣзаемый мачтовыми снастями, уныло свистѣлъ вѣтеръ... Изрѣдка горизонтъ вспыхивалъ заревомъ молніи и на мгновеніе освѣщалъ черную водяную равнину съ бѣлѣвшими на ней гребнями волнъ, угрюмыя горы и прижавшуюся у берега барженку, послушно покачивавшуюся изъ стороны въ сторону, одинокую, заброшенную...

На вахтѣ стоялъ Кирюха.

Когда вспыхивало зарево молніи, фигура вахтельнаго, въ куцомъ тудупчикѣ, съ треплющимися подъ картузомъ волосами, казалась безпомощной и миниатюрной.

Жукъ давно уже забрался въ трюмъ. Маленькое кругленькое окошко «подводной каюты» онъ закрылъ щиткомъ, и бѣшеная волна не могла уже сюда забрасывать воду. Въ самомъ углу здѣсь были устроены нары. Жучекъ разостлалъ на нихъ рогожку, легъ и прикрылся кафтаномъ Кирюхи. Въ бортѣ, надъ самой головой Жучка, хлестали волны. Временами казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ бортъ проломится, и сердитыя волны съ неудержимою силою хлынуть въ трюмъ... Иногда

удары ихъ были настолько сильны, что вся баржа вздрагивала, а Жучекъ испуганно приподнималъ голову, смотрѣлъ въ темноту и прислушивался: не лѣтъ-ли гдѣ вода?..

Здѣсь было совершенно темно и лишь полужакрытый люкъ блѣсоватымъ пятномъ дрожалъ въ темнотѣ надъ головою Жука, да порой одинокая звѣздочка заглядывала на Жучка и быстро исчезала.

Надо бы уснуть: послѣ полуночи Жучку придется Кирюху смѣнить, на вахту становиться, а сонъ не идетъ... При каждой вспышкѣ молніи Жукъ открываетъ глаза: поперечныя скрѣпы баржи, какъ ребра гигантскаго скелета, рисуются передъ нимъ, синій отблескъ молніи дрожитъ, ослѣпляя зрѣніе, а потомъ вдругъ покатится громъ и начнетъ грохотать въ Жегуляхъ такъ, что сердце упадетъ...

— Боже милостивый! Спаси и помилуй! — набожно крестясь, шепчетъ Жукъ. — Что это? Неужто — вода ворвалась?!

Жучекъ вскакиваетъ, спускаетъ съ наръ ноги и вслушивается... — Нѣтъ... Слава Богу!.. Это — дождь, дружный, проливной, зашумѣлъ по водѣ и запрыгаль по палубѣ...

То сильнѣй онъ шумитъ, то ослабѣваетъ, — словно подумаетъ немного да опять порѣшится ударить... Гдѣ-то протекаетъ палуба... «Такъ-такъ-такъ-тукъ» прыгаютъ въ трюмъ капли воды, все чаще, чаще, чаще и, наконецъ, сливаются въ непрерывную струйку...

«Вотъ также протекала крыша у нихъ съ тятенькой въ хибаркѣ, когда они жили подъ Царицыномъ... И ночь такая же страшная была... Также молнія дрожала»...

И память рисуетъ предъ Жучкомъ прошлое; образъ погибшаго на Волгѣ отца встаетъ передъ нимъ въ темнотѣ ночи...

Они съ тятенькой «мартышками» были; жили вдвоемъ на берегу Волги подъ Царицыномъ въ убогой хибаркѣ; стѣны и полъ жилища ихъ были земляные, а крыши совсѣмъ не было и вмѣсто нея былъ одинъ потолокъ, крытый старыми досками, ставнями, палками, всякой дрянью и мусоромъ. У нихъ была лодка-душегубка, шесть сосновые, бичева съ грузомъ и крюкомъ, багоръ, топоръ и ружье съ некрашеннымъ березовымъ прикладомъ, т. е. полное обзаведеніе «промысла вольнаго»... Жили они вольно и весело, какъ вообще живутъ всѣ «мартышки»...

Царицынъ — городъ живой, бойкій, торговый; здѣсь много пристаней: пароходная, лѣсная, нефтяная, соляная; Волга кишитъ пароходами, плотами, баржами, лодками, и по всему берегу гулъ и стонъ идетъ: стучать колесами, свистать и пыhtать пароходы; вдыхаютъ локомотивы и гремятъ буферами длинныя поѣзда съ нефтью, солью, лѣсомъ; ухаютъ «поповки», перекачивающія изъ баржей въ баки нефть; рабочіе

безостановочно въ разныхъ концахъ поютъ свой «ой разокъ, да вотъ разокъ, еще махонькій разокъ!» Бабы-грузчицы у соляныхъ амбаровъ визжать, поютъ и ссорятся... Стукъ, громъ, бряканье, крики, говоръ, смѣхъ... Жизнь кипитъ пестрая, шумная у великой рѣки, тысячи народа около нея въ потѣ лица кормятся, богатѣютъ проныры и степенные купцы... Не плохо живется здѣсь и «мартышкѣ» исправному, съ обзаведеніемъ да со смѣткою...

Коротка зима здѣсь и трудно «мартышкѣ» всего какихъ нибудь три-четыре мѣсяца. Вскроется рѣка, заблеститъ на солнышкѣ обломками оковъ ледяныхъ,—и «мартышка» просыпается отъ зимней спячки и крестится, оправляетъ свою лодочку, чинить свои доспѣхи и съ трубочкой на берегу посиживаетъ, шурясь отъ яркаго весенняго солнышка. Со льдомъ не мало всякаго до... а къ морю Каспійскому плыветъ: дрова, поднятыя внешней водой, корчи, вырванные льдомъ, лодки, поломанныя, бревна, а порой и цѣлый дощаникъ или затопленная барженка тихо движется. Тутъ только посматривай!..

Скользить, нырять между льдинами душегубка-лодочка съ отчаяннымъ мартышкою, и все, что годится, онъ либо къ себѣ беретъ, либо за корму причаливаетъ. Проворнымъ, смѣлымъ надо быть, умѣть по льдинамъ прыгать и холодной воды не бояться; глазъ тоже зоркій требуется... Иной разъ одно бревнышко уловится и то—спасибо: три-четыре цѣлковыхъ еврей-маклерь дастъ, а попадется лодка—всю пятишну выручить...

Весной въ половодье и осенью бури выручаютъ, хорошій заработокъ «мартышкѣ» даютъ. Разумѣется, запуститъ рѣка ч вездѣ бѣдъ натворить: разорветъ, разобьетъ плоты; оторветъ лодку, снесетъ мостки, будку баржевую, иной разъ заборъ цѣлый, — и все это несетъ съ собой и по берегамъ раскидываетъ...

Затишье только кореннымъ лѣтомъ бываетъ, и если «мартышка» не оставилъ добра про запасъ,—то ловить рыбку, дикихъ утокъ за Волгой пострѣливаетъ, а то шнырять на своей лодочкѣ ночью между судами по караванамъ и пристанямъ и гдѣ что плохо лежитъ присматриваетъ...

Вольный человекъ — мартышка, гордый, заносчивый, отчаянный, любить водочки выпить; кланяться ни купцу, ни прикащику не станетъ и на черную работу не пойдетъ; никакого начальства знать не хочетъ: «Одно, говорить, у меня начальство—Волга-матушка; она меня и накормитъ, и водочки поднесетъ, и, замѣсто матери, убаюкаетъ!»

Вотъ такой-же отчаянный человекъ былъ и тятенька у Жука. Выпьетъ, такъ ему море по колѣна; никакая буря его не испугаетъ, если зоркій глазъ добычу услѣдитъ хорошую...

Однажды весной, въ половодье, ночью, вотъ такъ-же, какъ

теперь, непогода бушевала на Волгѣ, вѣтеръ свистѣлъ и волны хлестали. Ночь темная была, молнія синимъ огнемъ блистала и громъ грохоталъ въ тучахъ, нависшихъ надъ рѣкою и городомъ...

Сидѣли они съ отцомъ въ своей хибаркѣ. Отецъ выпивши былъ... Хотѣли поужинать да спать ложиться—варили на очагѣ раковъ... Дождь лилъ, какъ изъ ведра, словно небеса прорвало, и съ потолка такъ-же вотъ, какъ теперь, водица струилась...

Вышелъ отецъ посмотрѣть, что на Волгѣ дѣлается, и при яркомъ блескѣ молніи заимѣтилъ, что дощеникъ несетъ опрокинутый. Жадность человѣкомъ обуяла, — поймать захотѣлось.

— Тятенька! сѣдни и такъ много наудили... Брось!—говорилъ сынишка, когда отецъ, вернувшись въ хибарку, за весла схватился.

— Ты доваривай раковъ-то, а я сейчасъ ворочусь!.. Этакое осетра нельзя безъ вниманія оставить... Господи, благослови!..

Вышелъ, сѣлъ въ свою душегубку и пропалъ въ темнотѣ ночной... Не вернулся тятенька раковъ ѣсть... Унесъ вѣтеръ удалую головушку на стержень, захлестнула волна лодочку, и погибъ человѣкъ безъ покаянія...

Бушуетъ непогода. Покачивается и скрипитъ рулемъ баржа. Волны бьютъ въ борта, и шумять, и хлещутъ...

И чудится Жуку, что въ ночной темнотѣ слабо, чуть слышно, носится уносимый вѣтромъ жалобный крикъ человѣка о помощи...

— Господи! Спаси и помилуй!

Неотпѣтая душа долго по землѣ скитается, скорбитъ и тоскуетъ по земной юдоли своей...

Кто знаетъ, быть можетъ, то грѣшная душа потонувшаго тятеньки носится надъ своей могилою-Волгою и стонетъ, скорбитъ предъ вѣковѣчною разлукою съ людьми и землею?... Можетъ быть, она ищетъ сына родного, проститься съ нимъ хочетъ и зоветъ его?!

— Господи! Спаси и помилуй! Помяни его во царствіи Своемъ!..

Дождь пролилъ, притихъ. Усталъ, ослабѣлъ вѣтеръ.

Ураганомъ пронеслась непогода надъ Жегулями, и на востокъ робко выглянула небесная синева, а на ней мигнула одинокая звѣздочка. Но по небу еще беспорядочно ползали тучи, громоздились въ горныя цѣпи, разрывались и плыли за Волгу, гдѣ перекачивались глухіе раскаты грома и гдѣ вспыхивало и дрожало зарево молніи...

Евгеній Чириковъ.

За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ.

Отъ Якутска до Колымска.

I.

Взгляните, читатель, на карту. На крайнемъ сѣверо-востоки Сибири вы найдете вытекающую съ вершины Яблоноваго хребта и впадающую въ Сѣверный Ледовитый океанъ рѣку Колыму. Въ срединномъ теченіи ея подь 67° с. ш. пріютилось ничтожное селеніице, носящее названіе города,—Средне-Колымскъ. Туда-то и лежалъ мой путь.

Послѣ долговременнаго и крайне утомительнаго, полнаго приключеній пути, я прибылъ, наконецъ, въ Якутскъ съ тѣмъ, чтобы, отдохнувши, слѣдовать дальше къ мѣсту моего назначенія, отстоящаго отъ Якутска по официальному разсчету въ разстояніи 2,300 в., а въ дѣйствительности гораздо болѣе, такъ какъ характеръ и географическое положеніе мѣстности не допускають возможности даже приблизительно опредѣлить точное разстояніе. Здѣсь версты «баба мѣряла клюкой и махнула рукой».

Якутскъ—послѣдній къ сѣверу пунктъ, носящій кое-какіе признаки, не скажу—цивилизованнаго, но мало-мальски культурнаго центра.

Къ сожалѣнію, разсчеты мои не оправдались, и, вмѣсто отдыха, я вынужденъ былъ съ мѣсяцъ мыкаться по Якутску, собирая справки о Колымскѣ и запасаясь теплою одеждой, обувью и провизіей. Разнорѣчіе мѣстныхъ обывателей о дорогѣ и самомъ Колымскѣ, непримѣримое разногласіе ихъ въ томъ, что необходимо имѣть въ виду, отправляясь въ мѣстность, граница которой, фигурально выражаясь, тытъ, а за нимъ провалъ—конецъ міра,—ставили втупикъ и приводили въ смущеніе. Одни говорили: «Теперь *отсюда туда* тепло пойдетъ, шибко не *теплитесь* одеждой». Другіе, напротивъ, пугали холодными мартовскими утренниками и пургами въ камняхъ, т. е. въ скалахъ. Въ одномъ мѣстѣ совѣтовали запасать въ Колымскѣ, для обмѣна на провизію, товаръ (чай, ситецъ, листовой табакъ и проч.), предсказывая, что за деньги тамъ ничего не найдешь и съ голоду околѣешь, что и деньги-то тамъ

не всякому извѣстны, а въ другомъ смѣялись надъ этими совѣтами и говорили: «Сей годъ и безъ того Колымскъ товаромъ набили; заплачутся съ нимъ. Денегъ припасите: деньги все найдутъ». Я совсѣмъ былъ сбить съ толку и, благодаря разнорѣчивымъ свѣдѣніямъ и совѣтамъ, уѣхалъ въ плохой одеждѣ, безъ возка, съ мало-значительнымъ запасомъ сѣстныхъ припасовъ и еще меньшимъ количествомъ необходимѣйшихъ предметовъ для жизни въ самомъ Колымскѣ.

Какъ это ни странно, но даже въ Якутскѣ—административномъ центрѣ, къ которому непосредственно принадлежитъ Колымскъ, свѣдѣнія о немъ сбивчивы, туманны, часто не соответствуютъ дѣйствительности и во всякомъ случаѣ еще болѣе дикы, нежели дикіе на самомъ дѣлѣ условія края, въ который я держалъ путь.

«Пройхать лѣтнимъ путемъ изъ Якутска въ Колымскъ составляетъ подвигъ со стороны лицъ, отваживающихся на это». Такъ гласитъ одинъ изъ официальныхъ отчетовъ Якутской области.

Безчисленное множество большихъ и малыхъ горныхъ рѣкъ и рѣчекъ разливаются, затопляя высокіе берега. Стремительное теченіе и глубина ихъ часто не даютъ возможности перебираться черезъ нихъ ни въ бродъ, ни даже на мѣстныхъ, ко всему выносливыхъ и привыкшихъ, лошадяхъ, задерживая путника нерѣдко на многія недѣли. Его преслѣдуютъ тучи комаровъ. Мучительно отзываются непроходимыя топи и болота и дремучіе, первобытные лѣса, проѣздъ по которымъ труденъ и небезопасенъ. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ приходится удовлетворяться сухой пищей: чаемъ съ сухарями и растопленнымъ масломъ, которое возятъ въ боченкахъ, а когда все это кончится, выжидать дичи, или заниматься промысломъ рыбы въ озерахъ и рѣкахъ. Чего стоитъ одинъ перевалъ черезъ цѣпь Верхоянскихъ горъ, продолжающийся иногда, по причинѣ дождей, вѣтровъ и высокаго поема поперечныхъ рѣкъ, до 30 дней! Горы, скалы, обширныя озера, которыя нужно объѣзжать, ущелья, провалы, безлюдье, безпомощность... Сидѣть, при такихъ условіяхъ, верхомъ на конѣ въ продолженіе 3—4 мѣсяцевъ, шагъ за шагомъ отзезывая каждую пядь пространства, подвергаться сырмѣ, холоднымъ дождямъ въ перемежку со снѣгомъ, ночевать на мокрой землѣ въ тонкой холщевой палаткѣ и въ довершеніе всего на всемъ почти пути не встрѣчать людей, такъ какъ жители въ лѣтнюю пору скочевываютъ съ придорожныхъ мѣстъ въ глубь лѣсовъ за промысломъ рыбы и птицы, или въ тундры за поисками мамонтовой кости—рѣшиться на все это—дѣйствительно подвигъ!

Не говоря о казакахъ, сопровождающихъ почту, и объ отправляемыхъ во всякое время года осмыльныхъ, лѣтомъ по этому пути ѣздить только купцы, дѣлающіе пространство въ 3 т. верстъ въ теченіе времени съ мая по сентябрь или октябрь, а въ особенно дождливыя годы прибывающіе съ своими караванами въ Якутскъ и въ декабрѣ.

Изъ Якутска въ Колымскъ можно пробѣхать тремя путями.

На урочище Ай-Мекель до Верхне-Колымска, а оттуда по полымъ водамъ Колымы до Средняго. Это самый кратчайшій, исключительно конно-верховой и неудобный путь. По причинѣ глубокихъ снѣговъ (до 2 ар.), скудныхъ пастбищъ, рѣдкому населенію (на 500—600 в. одно жилье, да и то не всегда его найдешь на прошлагоднему мѣстѣ), недостатку въ лошадяхъ и отсутствію дорогъ, этимъ трактомъ ѣздить только подрядчики-поставщики муки, соли, пороку и свинцу для казенныхъ надобностей Колымска. Выѣзжая въ ноябрѣ-декабрѣ изъ Якутска, подрядчики плетутся версты по 15—20 въ день отъ кормовища къ кормовищу, пока не достигнутъ Верхне-Колымска. Здѣсь они частью сами строятъ, частью заказываютъ мѣстнымъ инородцамъ плоскодонныя лодки, на которыхъ въ августѣ или началѣ сентября переплавляютъ грузъ до Средняго, гдѣ и сдаютъ его въ казну. Этимъ путемъ, между прочимъ, въ 1893 году пробѣжалъ въ Колымскъ, съ научной цѣлью, членъ Импер. Геогр. Общества И. Д. Черскій съ женой и 12-лѣтнимъ сыномъ.

Слѣдующій трактъ, такъ называемый, старо-купеческій, идетъ черезъ Булуны, Усть-Яну и Русское Устьѣ. Чтобы выѣхать на эту дорогу, купцы изъ Якутска въ лодкахъ добираются по Ленѣ до Булуна. Далѣе на оленяхъ до Русскаго Устьѣ, гдѣ издавно поселилась небольшая горсть промышленниковъ, и здѣсь нанимаютъ собакъ до Средне-Колымска. Отъ Русскаго Устьѣ до Колымска болѣе 700 в.—пустыня. На этомъ разстояніи нѣтъ ни одного жилья. Страшная даль и не менѣе страшной глубины снѣга. Дорога тянется 5—6 мѣсяцевъ. Купцы иногда предпочитаютъ ее вслѣдствіе дешевизны доставки товаровъ.

Наконецъ, трактъ казенный черезъ Верхоянскъ. Въ разстояніи отъ Якутска до Верхоянска его прорѣзываютъ двѣ пустыни: Тукуланъ съ необычно быстрой рѣчкой того же имени и переходъ черезъ цѣпь Верхоянскихъ горъ. Эти мѣста столько же необъятны, сколько и необитаемы. Громадное пространство сплошь усыяно скалами и гольцами. Послѣдніе бываютъ величиною отъ самыхъ мелкихъ кремней до громадѣйшихъ тысяченудовыхъ гладко отшлифованныхъ камней, по которымъ ѣзда—невыносимая пытка. По нимъ пробираешься съ большимъ трудомъ. Сдѣлавъ десять верстъ, чувствуешь себя усталымъ и разбитымъ. Невыносимый скрипъ полъезевъ о сухой камень, на которомъ не держится снѣгъ, разстраиваетъ нервы. Нарта (сани) ежеминутно скользить по камню, падаетъ съ него; встрѣчая слѣдующій—упирается; опять выберешься и снова упадешь на камни—и такъ по нѣсколько сутокъ въ рядъ. Верхоянскій хребетъ вѣчно въ туманѣ. Страшные пронзительные вѣтры дуютъ безпрестанно. Облака надъ головой, перевагъ очень крутъ. Отъ этихъ пустынныхъ горъ вѣетъ могилкой: туманное небо, оголенные скалы и вымершій, обнаженный лѣсъ... Это совершенно

необитаемыя мѣста: лишь изрѣдка въ эти неприступныя и страшныя мѣста заглянетъ дикій тунгусъ, гоняясь за не менѣе дикими чубука (горный баранъ) и сахатымъ.

Въ верстахъ 40 отъ Верхоянска, этотъ трактъ, сворачивая въ сторону, развѣтвляется на двѣ дороги. Одна изъ нихъ идетъ параллельно почтовому до границы Колымско-Алазейскаго хребта, гдѣ снова съ нимъ соединяется. Эта дорога хоть и длиннѣе, но за то населеніе по ней гуще, а это и составляетъ главный интересъ кочующаго купечества, жертвующаго временемъ ради коммерческихъ выгодъ.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о казенно-почтовомъ трактѣ, открытомъ сравнительно недавно, въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Возроставшее значеніе Колымска, какъ сѣвернаго центра мѣновой торговли русскихъ съ инородцами, куда въ извѣстному времени стекаются представители разноплеменныхъ дикарей съ дорогими мѣхами и мамонтовою костью для обмѣна ихъ на кирпичный чай, листовой табакъ и, главнымъ образомъ, спиртъ, вызвало необходимость въ болѣе правильныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ этимъ крайнимъ пунктомъ русскихъ владѣній на сѣверовостокѣ. Съ этого приблизительно времени начинается и значеніе Колымска, какъ мѣста ссылки. Бывали и прежде случаи ссылки въ Колымскъ (при Биронѣ), но случаи единичные. Сперва польское возстаніе, а затѣмъ развитіе скопчества и другихъ вредныхъ сектъ въ Россіи, вызвало необходимость въ такомъ мѣстѣ, чтобы Макарь, загнавъ телятъ, не могъ даже понять: гдѣ онъ и какъ туда попалъ. Этимъ то мѣстомъ и оказался Колымскъ съ его подавляющимъ своими размѣрами округомъ. Въ выборѣ дороги и станціонныхъ пунктовъ руководились исключительно жилими мѣстами якутовъ и пастбищами для лошадей и оленей. Все громадное разстояніе было принято за 2300 в. Чтобы понять, насколько эта цифра произвольна или фантастична, я укажу на тотъ способъ, который былъ въ употребленіи у чиновниковъ при проложеніи дорогъ. Ѣдетъ себѣ чиновникъ въ тепломъ возкѣ, обитомъ внутри кошмами или звѣринными шкурами. На станціи онъ посмотрѣлъ на часы. Доѣхалъ, положимъ, къ зимовью, проснулся, опять взглянулъ на часы—прошло нѣсколько часовъ.

— Какъ ѣхали?—спрашиваетъ у казака.

— Хорошо ѣхали, хлестко.

— А!..—протянетъ чиновникъ и отмѣтитъ въ своей книжкѣ столько верстъ, сколько, смотря по быстротѣ ѣзды, ему покажется нужнымъ записать. Но за хорошую лисицу, или вообще дорогого звѣря отмѣтитъ верстъ побольше, уступая просьбѣ якута почто-содержателя, въ интересахъ котораго, разумѣется, выгодно, чтобы разстоянія между станками были показаны большими противъ дѣйствительности, такъ какъ, помимо общей платы за гоньбу, ему идетъ еще поверстная плата. Это, конечно, дѣла давно минувшія. А вотъ

примѣръ настоящаго. Среди подрядчиковъ на содержаніе станцій явилась конкуренція. Чтобы отбить у противниковъ охоту торговаться, одинъ изъ богатыхъ якутовъ предложилъ гонять почту на разстояніи 50 в. за 30! Такимъ образомъ сплошь и рядомъ вы услышите на вопросъ: сколько верстъ между станціями, отвѣтъ: «прогонныхъ 20, а настоящихъ 30, 40 и т. д.». И дѣйствительно, всякій, кому доводилось ѣхать по этимъ первобытнымъ мѣстамъ, знаетъ, что 20—30 в. случается дѣлать 8—10 часовъ.

Дорога постоянна только по лѣсу, гдѣ она разъ на всегда прошла по просѣкѣ и отиѣчена зарубками и крестами на деревьяхъ. Въ остальномъ пути она идетъ по озерамъ, полямъ, рѣкамъ и горамъ какъ придется, въ зависимости отъ количества выпавшаго снѣга, а иногда отъ перваго проѣхавшаго по снѣгу человека, по слѣду котораго и открывается дорога.

Не смотря на пустынность, дикость и неприступность, по всемъ трактамъ вы не разъ встрѣтите прекрасные виды, поражающіе и плѣняющіе васъ грандіозностью и дикой, но величавой прелестью мѣста. Испытываешь невольное уваженіе и страхъ къ этимъ бездушнымъ, нетронутымъ, дѣвственнымъ скаламъ, непроходимымъ, дремучимъ лѣсамъ, гдѣ еще никогда не ступала человѣческая нога, къ безжизненнымъ, но чуднымъ и поражающимъ громадамъ. Яркое небо, яркія крупныя звѣзды, необыкновенный, неподдающійся описанію видъ полярнаго снѣга, свѣтъ и тишина смѣняются вдругъ непроглядной тьмою, неудержимой, всезахватывающей бурей. Она кипитъ и клокочетъ. Снѣгъ, вѣтеръ, свистъ, стонъ—все смѣшалось, все слилось. Безумная ночь воетъ и плачетъ черными, какъ ея тьма, слезами... Съ обѣихъ сторонъ дороги стѣной стоятъ узорчато-убранныя снѣгомъ деревья. Подуть вѣтеръ и сорвать бѣлый, снѣжный уборъ, а на утро—глядишь, опять они стоятъ принараженные точно какимъ-то волшебствомъ.

II.

Стояло ясное морозное утро. Не смотря на сорокаградусный морозъ, казалось тепло: настолько привычка къ захватывающимъ духъ холодамъ выработала терпимость къ морозамъ въ 30 и 40°.

— Лошади пришли,—войдя ко мнѣ по дорожному одѣтый, сказалъ одинъ изъ моихъ двухъ казаковъ, Константинъ.—Можно и одѣваться.

Я вышелъ во дворъ. У воротъ стояло двое саней. Топція лошаденки были кое-какъ выряжены по двѣ, въ старой безъ шлей обрубѣ. Помню, меня особенно поразили дуги. Это были не настоящія русскія дуги, а криво перегнутой сукъ бѣлой сѣверной березы. Лѣнивый видъ этихъ заморенныхъ, мелкорослыхъ, мохнатыхъ лошадокъ, сани, нагруженные почти исключительно съѣстными припасами, плохо одѣтые въ суконные армяки поверхъ вышитыхъ

куртокъ ямщики-якуты, къ виду которыхъ я еще не привыкъ, вполне гармонировали съ моимъ настроеніемъ. Страшенъ былъ моментъ отъѣзда, страшна мысль о службѣ въ далекомъ край безлюдья, жестокихъ морозовъ, отсутствія всего, съ чѣмъ сжился и сроднился, что составляло потребность души и тѣла. Ничтожный городишко Якутскъ, на улицахъ котораго можно всегда встрѣтить развѣзжающихъ верховъ на быкахъ обывателей, представлялся воображенію центромъ высокой цивилизаціи, мѣстомъ культуры и роскоши въ сравненіи съ тѣмъ, что ждало меня тамъ, далеко за этими высокими, остро-конечными снѣговыми вершинами горъ...

Мы, т. е. я и моя спутница, усѣлись въ сани.

— Дже, баратуръ, догоръ! (Ну, погоняй, пріятель!)—скомандовалъ Константинъ переднему ямщику, усѣвшись на заднихъ саяхъ со своимъ товарищемъ—Митрофаномъ.

— Готь, Гаты!.. *)—закричалъ ямщикъ сквозь туго обмотанный вокругъ всего лица зеленый шарфъ.

Лошади тронулись и поплелись малкой рысцой, а ямщики все покрикивали: гаты! готы! Выѣхали за городъ и спустились на Лену. Въ мѣстѣ нашей переправы ширина Лены доходитъ до 15 в.

Ровно бѣгутъ лошади, визгливо скрипятъ неподшитыя полозья по широкой дорогѣ. Не сразу поддающееся морозамъ быстрое теченіе Лены образовало огромный безконечный торосъ **). Надоѣло, наконецъ, смотрѣть на однообразную рѣку, да и вѣтеръ подымался. Ямщикъ, повидимому, дремалъ, по крайней мѣрѣ, голова его клонилась, и онъ уже не подгонялъ лошадей.

— Туры! (стой)—закричалъ казакъ,—тохто! (погоди).

Якутъ безмолвно потянулъ возжи, и лошади охотно ему повиновались. Онъ всталъ съ своего мѣста, досталъ изъ-подъ облучка какой-то предметъ и началъ имъ скрести лошадей. Это была особая, на деревянной рукояти, желѣзная скребница. Отъ холода образуется на лошади снѣговая куржа, которую въ пути всѣ сѣверные жители счищаютъ черезъ каждыя 5—10 верстъ, иначе она оледенѣетъ, и лошадь озябнетъ.

Константинъ досталъ бутылку и чайную чашку и, наливъ ее до краевъ, сказалъ, обращаясь къ якутамъ:

— Водки выпьемъ?

— Э-эй, тоѣлумъ! (господинъ)—какъ-то сладострастно протянулъ одинъ изъ нихъ.—Отъ такого лекарственного предмета развѣ откажусь?

Онъ торопливо спустилъ внизъ свой шарфъ, закрывавшій лицо такъ, что только одні узкія щели глазъ были видны, торопливо же взялъ изъ рукъ казака чашку съ драгоценнымъ напиткомъ и, по-

*) Такъ якуты погоняютъ лошадей.

**) Рѣки Сибири почти не становятся сразу. Глыбы льду отрываются отъ общей массы и сбиваются на берегахъ, или у болѣе крѣпкаго льду. Это и есть торосъ, по большей части портящій дорогу на всю зиму.

клонившись нѣсколько разъ мнѣ, а потомъ казакамъ, медленно выпилъ водку. Нѣсколько секундъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ порожнюю чашку и съ сожалѣніемъ глядѣлъ на дно. Лицо его выражало смѣсь удовольствія и веселости.

— Пагыбалерынъ! *) — поочередно опять поклонился намъ якутъ. — Теперь поѣдемъ хорошо.

Короткій сѣверный день подходилъ къ концу, когда, перерѣзавъ Лену и выбравшись на берегъ, мы поѣхали по полю. Жилыя и загорженные пашни часты. Ѣхать не скучно. Глазу есть на чемъ остановиться. До ст. Алданъ, на рѣкѣ того же имени, 200 верстъ, станцій 7, разстоянія небольшія, 20—30 в.

— Бу баръ, калыбыпытъ (Вотъ, пріѣхали), — сказалъ проводникъ.

На небольшомъ дворѣ, огороженномъ легкой изгородью, къ которой приставлены для защиты отъ снѣга большія, замерзшія глыбы навоза, стояла обширная, но низкая юрта, изъ трубы которой валилъ бѣлый, густой дымъ.

Вошли, раздѣлись. О нашемъ пріѣздѣ здѣсь знали заранее, и потому самоваръ шипѣлъ уже на столѣ. Богатѣй-якутъ, князь жилъ *учамъ*, т. е. по русски. Опрятная юрта, кухня со скотникомъ на черной половинѣ, въ той же юртѣ, разгороженной на двѣ части необтесанными бревнами. У самаго входа въ него стоитъ ручной жерновъ для перемолки ячменя и ярицы въ муку. Подошла княгиня со своимъ чайникомъ къ Константину. Заваривъ чай, она поставила всѣ, сколько у нея было чашекъ, на столъ, мы свои, и сѣла разливать. Въ двухъ посудахъ стояло молоко: въ одной лучшее для насъ, въ другой — для казаковъ и своихъ. Безъ всякаго съ нашей стороны приглашенія она угощала чаемъ всѣхъ присутствовавшихъ въ юртѣ. Казакъ роздалъ всѣмъ по маленькому кусочку хлѣба и сахара. Не успѣлъ я взять въ руки ящичекъ съ табакомъ, какъ, ожидавшіе, вѣроятно, этого момента, якуты много побросали свои чашки и одинъ за другимъ потянулись ко мнѣ съ протянутыми руками. Всѣ: старые, молодые, подростки, дѣти и даже ихъ сѣятельства стояли передъ мною и, широко улыбаясь во весь ротъ, держа наготовѣ согнутую ладонь, безмолвно ждали табачной подачи. Пришлось обдѣлать всѣхъ.

— Ночевать будете? — спросилъ уже за десятой чашкой джагабулъ **).

— Нѣтъ, не будемъ.

Джагабулъ выразилъ на своемъ лицѣ сожалѣніе.

— Куда теперь Ѣхать? — урезонивалъ онъ. — Ночь идетъ. Вѣтеръ подымается; съ дороги съѣдетесь — мнѣ же за васъ отвѣчать.

*) Русское слово спасибо съ окончаніемъ *лерынъ*, употребляемымъ по отношенію къ нѣсколькимъ лицамъ.

**) Джагабулъ — русское слово есаулъ, управляющій станціей.

Онъ продолжилъ уговаривать. Очевидно, ему хотѣлось еще разъ напиться нашего чаю и покурить русскаго табаку.

— Вели готовить лошадей,—не слушая его, приказалъ одинъ изъ казаковъ.

Стали улаживаться. Княгиня подходитъ:

— Господинъ! Подѣлись отъ своего сахара.

Константинъ далъ ей нѣсколько кусковъ. Она, недовольная, что-то проворчала, должно быть, обругала.

Первое впечатлѣніе отъ якутовъ—смѣсь простодушнаго нахальства, лукавства и корысти.

Джагабулъ напропорочилъ. Не успѣли тронуться, какъ, дѣйствительно, подулъ довольно сильный вѣтеръ. Путь опять шелъ по «зимшкѣ», т. е. Леной и только нѣкоторое время «лѣтникомъ»—лѣсомъ. Сумерки подергались сразу и къ ночи совсѣмъ засвѣжало. Бѣлесоватыя тучи стремительно носились по небу. Онъ то сходились, то, снова расплываясь, открывали звѣзды, лившія свѣтъ на печальное ледяное поле. Ночь выдалась хмурая и холодная. Какъ я ни кутался въ свой башлыкъ, къ которому якуты относятся довольно иронически, хододъ и вѣтеръ находили себѣ мѣсто и порядочно знобили шею, уши и лицо.

— Скоро ли станокъ? Вѣдь двадцать двѣ версты, а ѣдемъ, Богъ знаетъ, сколько времени,—ворчалъ я, недовольный медленностью ямщика.

— Тоемъ (господинъ)!—сказалъ якутъ, когда Константинъ перевелъ ему мои слова,—22 в. прогонныя, а ихъ всѣхъ 40—вотъ самъ увидишь.

И онъ сдѣлалъ видъ, что подгоняетъ лошадей. Дернулъ нѣсколько разъ возжи, помахалъ въ воздухъ кнутикомъ, покричалъ: гать, гать! и опять пошелъ мелкой, однообразной рысцою.

Наконецъ, въ первомъ часу ночи, пристально всматриваясь въ темноту, я завидѣлъ мигавшіе изъ трубы огоньки. Пріѣхали. Такая же юрта, такіе же якуты, снова чай, попрошайничество и на этотъ разъ удовольствіе, что не ѣдемъ дальше, а ночуемъ.

На утро выѣхали при довольно яркомъ солнечномъ свѣтѣ. По обѣимъ сторонамъ солнца двѣ столбосообразныя радуги. Солнечныя лучи, отражаясь на нихъ, образуютъ звѣздообразныя углы. Не вѣришь, что это природное явленіе. Точно художникъ подобралъ самыя красивые цвѣта красокъ и нарисовалъ эту чудную картину. Дорога идетъ по озерамъ, на которыхъ тамъ и сямъ во множествѣ разставлены конусообразныя кѣтки, искусно сплетенныя изъ ивняка. Это морды, или ловушки для мелкой рыбы: безтѣльной и костявой мунгушки.

Дороги хороши. Утомляетъ только медленная ѣзда. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ стремимся мы скорѣе добраться до Алдана, мечтая объ оленяхъ, о быстрой ѣздѣ. Эти 200 верстъ, которыя, по справедливости, якуты считаютъ за 300, кажется, не кончатся.

Пять дней въ пути, а осталось сдѣлать еще 40 верстъ, которыя пришлось намъ особенно трудно. Усталыя лошади совсѣмъ отказывались исполнять свою службу. Положеніе было критическое. «Не иначе, какъ кормить станемъ на полѣ коней», совѣтовалъ Константинъ. Чейпиктеръ туроръ (Чайникъ ставъ)», приказалъ онъ одному изъ ямщиковъ, а другому велѣлъ стреножить лошадей. Но изъ шести, двѣ лошади окончательно расписались. Онѣ лежали и не ѣли.

— Бросить надо,—невозмутимо сказалъ якутъ.

— А какъ дальше поѣдемъ?—не безъ тревоги спросилъ я.

— Тоемъ поѣдетъ, тоемъ пусть не печалится. Мы—якуты уже перенесемъ мученія, а тоемъ пѣшкомъ не поѣдетъ. Биръ кесъ халла (десять верстъ осталось).

— Хорошій домъ на станкѣ?—спросилъ я.

— Домъ? Домъ ничего, домъ хорошій.

Но уже въ нерѣшительномъ тонѣ его отвѣта чувалось, что домъ вовсе не изъ хорошихъ.

Часа два простояли. Подкормили лошадей, напились чаю. Начинаемъ понемногу привыкать къ маслу, которое грыземъ по кусочку.

Якуты поджарили мясо *на рожнѣ*: нарѣзавъ его на мелкіе куски, нанизали ихъ на гладко выструганныя палочки и, воткнувъ въ оттаявшую около огня землю, поминутно поворачивали ихъ, пока мясо не было готово. Въ этомъ видѣ оно очень сочно и вкусно.

Вчера и сегодня ѣдемъ верхомъ. Только спутница въ нартѣ. Здѣсь ужъ не встрѣтите русской упряжи. Подъ нарту лошадь сѣдаютъ такъ же, какъ и верховую. Длинный ремень привязывается вмѣсто оглобелъ къ кольцамъ полозьевъ и запрокидывается на сѣдло между лукой и рукоятью его. Лошадь, такимъ образомъ, тащитъ нарту не грудью, а одной спиною. Чуть маленькій спускъ, сани накатываются на заднія ноги лошади, и она начинаетъ пугливо биться и дурить. Ямщикъ сидитъ въ сѣдлѣ на той же, или на другой лошади, цугомъ привязанной къ первой. Упряжь первобытная, сложная, нецѣлесообразная и въ высшей степени утомительная для лошадей. Якуты употребляютъ ее неохотно и только въ тѣхъ случаяхъ, когда везутъ священника, чиновниковъ, женщинъ,—словомъ, тоеновъ.

Полутру, когда мы выѣхали со станка, одинъ изъ ямщиковъ, сопровождавшій поклажу, отсталъ. Дождавшись его, Константинъ приказалъ ему не отставать, ѣхать за нами слѣдомъ. «Лошади нейдутъ», грубо оправдывался якутъ, пустивъ при этомъ въ Константина бранимый русскимъ словомъ, которое якуты отлично усвоили. Тогда казакъ, осердясь, ударилъ его. Якутъ разсвирѣпѣлъ и выхватилъ изъ ноженъ остроконечный якутскій ножъ. Но въ эту критическую для обоихъ минуту, подскочилъ другой казакъ—Митрофанъ и съ силой выхватилъ ножъ изъ рукъ якута, довольно еще молодого парня. Рука Митрофана была вся въ крови. Какъ

я ни просилъ казаковъ, они таки побили якута. По ихъ словамъ, этотъ якутъ извѣстный воръ и отставалъ отъ насъ для того, чтобъ уграсть что нибудь изъ нашихъ плохо увязанныхъ сумъ.

Станція Алданъ. Маленькая, низкая, темная и грязная юрта. Воздухъ удущивъ и спертъ. Пахнетъ навозомъ, дымомъ и еще чортъ знаетъ чѣмъ. У порога двери, въ которую входъ возможенъ только бокомъ, мокрота и липкая слизь. Выйдя затѣмъ то во дворъ, я чувствую, что подошвы моихъ торбасовъ примерзали къ землѣ. Въ каминѣ нѣскольکو полусырыхъ или гнилыхъ полѣнъ не горятъ, а тлѣютъ. Внутрь юрты танутся изъ него бурныя полосы дыма. Въ золѣ на опечкѣ лежитъ громадная голенъ конской ноги съ копытомъ и издаетъ подобающій ей запахъ. Отвратительно-грязная старуха съ всклокоченными сѣдыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ чепчика цвѣта того самого навоза, по которому она ступала, право же походила, если не на Шекспировскую, то на одну изъ тѣхъ вѣдьмъ, которыя состоятъ на посылакахъ у *абамъ* — подземнаго, надзвѣзднаго, морского, полуденныхъ и полярныхъ страсть бога зла — сатаны. Возлѣ камелька вплотную стоитъ нарта, а на ней дряхлый старикъ, которому, по его словамъ, 94 года. Онъ малъ, какъ ребенокъ, и сухъ, какъ скелетъ. Ему холодно и онъ лежитъ голый, подставивъ свою обнаженную спину огню. Маленькій, совершенно нагой якутенокъ, со вздутымъ животикомъ, тоже у камелька, выставилъ впередъ брюхо. Одной рукой онъ гладитъ его, а въ другой держитъ у рта кусокъ сырого кобыляго сухожилия. Онъ тщетно силится откусить отъ него, злится и плаксиво ворчитъ. Закопѣлыя, черныя стѣны и на нихъ вѣковая пыль. Грязныя орны (глухія скамьи-кровати вдоль всѣхъ стѣнъ юрты) покрыты какими-то подозрительными шкурами и лохмотьями. Сѣсть страшно, стоять на мокрой землѣ и того хуже. Святые угодники! взмолился я. Унесите отсюда на драконахъ, оленяхъ или лошадахъ, но только поскорѣй — поскорѣй! Но моей мольбы никто не услышалъ, и намъ пришлось еще многое испытать въ этой юртѣ, по сравненію съ которой собачья конура — роскошный дворецъ.

Распоровъ (развязавъ) ремни у нарты съ кладью и доставъ чайники, сухари, мясо, хлѣбъ и кругъ топленого масла, казаки вошли въ юрту. Они, повидимому, ничему не удивились, ибо давно привыкли къ подобной обстановкѣ и только покричали на старуху за лѣниво горѣвшія дрова и за то, что чайники еще не поставлены. По нашей просьбѣ они заставили старуху немного убрать и выстилать полъ свѣжимъ сѣномъ. Но лучше бы она этого не дѣлала. Лопата тронула наслоеніе, быть можетъ, еще до историческаго періода, и по юртѣ прошелъ такой острый удушающій смрадъ, что мы принуждены были выйти на нѣкоторое время во дворъ, гдѣ довольно таки долго простояли; только холодъ и желаніе скинуть мѣховую одежду, къ тяжести и неудобству которой мы еще не успѣли привыкнуть, заставили насъ войти въ юрту. Смрадъ

былъ тотъ же, но внѣшній видъ болѣе удовлетворительный. Старуха разбросала по полу толстый слой свѣже-пахучаго, очень сохранившагося сѣна, выскоблила до бѣла столъ, съ ороновъ убрала куда-то тряпье, но все что-то ворчала. «У насъ архіерей былъ и тотъ не заставлялъ этого дѣлать. А это кто-кто (кимере-кимере) пріѣхалъ—*отъ-роду* не знаю...

— Американъ тостеръ (американскіе господа), — сказалъ Митрофанъ.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ магическихъ словъ, какъ старуха начала суетиться. Она проворно выскочила, притащила охапку сухихъ дровъ, веселымъ заревомъ освѣтившихъ юрту, и вообще обнаружила признаки, несвойственной ея возрасту, живости. Тутъ же, на нашихъ глазахъ, она набросила на себя длинную, новую, синюю рубаху, набрала въ ротъ воды и, умывшись, вытерла лицо чепцомъ съ своей головы. На столѣ появилось угощеніе: на одной мѣдной нелуженой тарелкѣ мерзлая ягода-брусника, на другой—мерзлое же, нарубленное небольшими правильной формы кусочками, якутское масло—*ханыахъ*, о приготовленіи котораго я скажу позже и, низко поклонившись сперва мѣ, потомъ моей спутницѣ, смиренно сказала: «Кушай-да, тоевъ! Кушай-да, хатынь»!.. (госпожа).

Чтобы понять смыслъ словъ, сказанныхъ Митрофаномъ, нужно припомнить, что по этимъ самымъ мѣстамъ прослѣдовала часть экипажа «Жанетты», американскаго парохода, затертаго льдами въ Ледовитомъ океанѣ. Американцы щедро одарили якутовъ деньгами и различными подарками, а по прибытіи на родину, выслали имъ много хорошихъ и полезныхъ вещей.

Ни я, ни хатынь не дотронулись однако до старухинаго угощенія, потому что все было подозрительной чистоты и отъ всего несло запахомъ навоза.

Въ юртѣ, кромѣ старухи, старика, продолжавшаго лежать спиной къ огню и пытливо наблюдавшаго мнимыхъ американцевъ, да мальчика—не было никого. На вопросъ о джагабулѣ, старуха сказала, что онъ уѣхалъ за 30 верстъ за лошадыми, такъ какъ олени устали, и онъ рѣшилъ смѣнить ихъ на лошадей. По ея словамъ, онъ долженъ прибыть къ утру. Но поутру его не было. Не пріѣхалъ онъ и къ вечеру. Пришли какіе-то якуты, нюхомъ узнающіе о проѣзжихъ русскихъ, въ надеждѣ на подачку. Видъ у всѣхъ нахальный. Казаки рекомендуютъ ихъ, какъ воровъ и плутовъ. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ на столѣ табакъ, подошелъ и, не говоря, протянулъ къ нему руку.

— Тутымъ (не трогай), — сказалъ я.

Онъ недовольный ушелъ на свое мѣсто.

Хозяйка принесла со двора вчерашнюю конскую ногу, положила ее опять у огня и, когда она подогрѣлась, подала ее старшему изъ гостей, сказавъ при этомъ «мѣ» (на). Гость молча взялъ

ее, досталъ изъ ноженъ ножъ и, надрѣзавъ кусокъ сухожилия, забралъ его въ ротъ, отхвативъ ножомъ снизу вверхъ, причемъ я слѣдилъ невольное движеніе, — мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ кускомъ онъ отхватить себѣ носъ. Но ничуть не бывало. Онъ самоувѣренно продолжалъ рѣзать и глотать эту неудобоваримую снѣдь и, когда наѣлся, передалъ ногу своему компаньону, все время сидѣвшему въ ожиданіи угощенія; потомъ обтеръ ножъ о шаровары, вложилъ его въ ножны и, набожно перекрестясь на красный уголъ, гдѣ чернѣлъ закоптѣлый образъ, сказалъ хозяйкѣ «*намба*», получивъ въ отвѣтъ «*На-здраве*».

Старикъ досталъ изъ кармана маленькій мѣшочекъ, вынулъ изъ него листочекъ табаку и, держа его между двумя пальцами, раскрошилъ. Настругавъ отъ валявшагося полѣна мельчайшихъ стружекъ, онъ прибавилъ ихъ къ табаку, закурилъ и, сильно затянувшись, обтеръ мундштукъ трубки о свои собственные щеки и передалъ трубку старухѣ. Старуха съ такимъ же наслажденіемъ потянула и передала ее грызшему ногу гостю, взаменъ чего получила послѣднюю уже наполовину обглоданной. Она ѣла и о чемъ то говорила, жестикулируя. Очевидно, рѣчь шла о насъ, такъ какъ въ разговоръ я не разъ слышалъ тѣ самыя слова, которыми ее сразилъ Митрофанъ. Большебрюхій мальчишка не отходилъ отъ матери. Онъ смотрѣлъ ей прямо въ ротъ, переводя поминутно глаза на кость въ ея рукахъ, пока не получилъ ее въ свое владѣніе. Тогда, напѣвая якутскую пѣсню, онъ сѣлъ на земь, въ рукахъ его очутился громадный ножъ. Но тутъ ужъ я не стерпѣлъ. Кое какъ знаками (казаки спали) я сталъ просить старуху отобрать отъ мальчишки ножъ. Старуха, очевидно, поняла, потому что, смѣясь надо мной, знаками же стала меня успокоивать. И въ самомъ дѣлѣ. Онъ такъ ловко дѣйствовалъ ножомъ, что, въ короткое время все, что можно было вырѣзать и проглотить, было имъ уничтожено, и онъ, неохотно разставаясь съ костью, отдалъ ее матери, положившей ее на полку, накрывъ деревянной чашкой: кость еще пригодится. Въ свободное время, она принесетъ топоръ, разобьетъ, высосетъ мозгъ и вообще займется ею, какъ занимаются русскіе парни и дѣвки подсолнухами или сибиряки кедровыми орѣхами, носящими названіе «сибирскаго разговора».

Мы съ нетерпѣніемъ ждали джагабула. День подходилъ къ концу. На дворѣ сѣялъ снѣгъ. Мелкіе снѣжные хлопья сливались въ одну сѣроватую мглу, сквозь которую трудно было что нибудь разобрать. Хозяина все не было.

Мы начинали ощущать признаки безпокойства. Сколько времени намъ суждено сидѣть здѣсь? куда уѣхалъ содержатель станціи? правда ли, что за лошадьми? не шляется ли онъ по якутамъ ради своихъ дѣлишекъ? Всѣ эти вопросы оставались безъ отвѣта.

Казаки Митрофанъ и Константинъ пока очень добры, предупредительны и даже трогательно заботливы. Они дали намъ кое-

что изъ своей одежды. Какъ мѣстные жители, они очень запасливы и дальновидны. За всё ихъ услуги вообще и въ частности потому, что у нихъ нѣтъ ничего, мы ихъ кормимъ.

Сегодня мы рѣшили пировать. Спутница моя сдѣлала пирогъ изъ ржаного тѣста. Митрофанъ его испекъ. Старуха тоже приготовила ужинъ. Я никакъ не ожидалъ, что стружки, которые она сегодня, въ свободное время, настругивала съ свѣжей сосны, составлять блюдо. Оказывается, что вмѣстѣ съ какой-то травой—озерными водорослями, приправленными молокомъ, или тарой (запасы гѣняго скисшаго молока), стружки составляютъ любимое кушанье якутовъ. Въ случаяхъ удачи рыбнаго промысла, прибавляютъ къ этому кушанью, почему-то называемому борщомъ, и мунтушку. Нѣкоторые якуты заготавливаютъ подкормное вещество сосны, иные сердцевину на зиму въ прокъ. Разрѣзавъ сердцевину на лентообразныя полосы, связываютъ ихъ въ пучки и сушатъ. Когда понадобится для варева, крошатъ и толкутъ пестомъ, пока не размягчатъ. Какъ бы ни былъ богатъ якутъ,—если даже у него въ домѣ есть самоваръ и чугунно-эмальированная посуда, если даже онъ пьетъ чай не изъ желѣзной сковороды, или оловяннаго ковшика, а изъ чашки,—онъ все-таки ѣстъ всякую всячину: сосновую кору, брюшину, конское или коровье копыто и т. д. и все это часто не отъ скудости, а потому что это его любимыя блюда.

Окрестъ живущіе якуты продолжаютъ насъ навѣщать. Одинъ изъ нихъ принесъ ягодъ фунтовъ 7—8 и 2 ф. масла. Попросилъ полкирича чаю и 1 ф. табаку. Вымѣняли. Казаки передаютъ, что продавецъ остальные якуты обругали: продешевилъ-де, съ нихъ можно и подороже взять. Тогда онъ сталъ просить: то сахару, то муки, то мыла, но получивъ на все это односложный отвѣтъ «сохъ», т. е. «нѣту», чему я выучился отъ нихъ же, разсердился, сказать: «Я ошибся, тоенъ. Отдай назадъ. Я продамъ другимъ русскимъ и они дадутъ мнѣ за это много-много».—Хорошо, говорю, возьми. Не ожидая, что я такъ скоро соглашусь, говорить: «Ну ладно. Для тебя, потому что богатъ и почетенъ—уступлю».—Не надо мнѣ твоего добра, ступай съ Богомъ—былъ мой отвѣтъ. Тогда, изъ требовательнаго и дерзкаго онъ перешелъ въ просительный тонъ, и мы взяли обратно покупку, возвративъ табакъ и чай, чему онъ былъ несказанно радъ. Чѣмъ больше я вижу здѣшнихъ якутовъ, тѣмъ болѣе и болѣе они меня отталкиваютъ. Вѣчно торчать и, когда мы садимся за столъ, не спускаютъ съ насъ глазъ. Пока, во всю дорогу, кромѣ огорченій, они намъ ничего не доставили, но казаки съ ними не церемонятся. Намъ не разъ ужъ приходилось просить ихъ не позволять себѣ рукопашной расправы и это послужило уже однажды къ небольшой размолвкѣ между мною и Митрофаномъ.

На одномъ изъ промежуточныхъ станковъ Митрофанъ о чемъ-то горячо поспорилъ съ почтосодержателемъ—якутомъ. Сводились,

очевидно, старые счеты. Митрофанъ облаялъ князя, сказавъ ему: «*Ытэ! Простой ытэ булбатахэ. Тюртэ харахтахэ ытэ тери*», т. е. «Собака! Да еще не простая собака. Ты шкура четырехглазой собаки», на что получилъ въ отвѣтъ: «*Энэ кимий? Энэ тонэ баялэ абамэ дайды*», что значить: «Ты кто? Ты сатана изъ-подъ дна ледовитаго моря». Это было, вѣрно, страшное ругательство, потому что вслѣдъ за этими словами раздалась звонкая оплеуха, которой казакъ угостилъ якута, и послѣдній заревѣлъ, какъ ребенокъ.

— Акулина!—крикнулъ во дворъ оскорбленный тузъ, отворивъ дверь юрты.—Сѣдай мнѣ лошадь. Я ѣду къ тоену исправнику жаловаться на этого варнака.—И дѣйствительно сталъ собираться въ дорогу. Митрофанъ струсилъ и пошелъ на мировую. Князь и слышать не хотѣлъ, но потомъ произошло что-то, потому что якутъ вдругъ смягчился. «*Дже, Богъ съ тобой! Агалэ сюэ харчи*» (Ну, Богъ съ тобой! Давай сто копѣекъ)—сказалъ онъ рѣшительно. Митрофанъ досталъ гдѣ-то глубоко спрятанный мѣшочекъ, въ которомъ бережно было завернуто въ чистую ситцевую тряпочку нѣсколько ассигнацій и подаль одну изъ нихъ якуту со словами:

— На, держи. Бѣдныхъ якутовъ бьемъ даромъ, а богатыхъ за деньги.

— За деньги бей. Деньги вещь хорошая.

— Вотъ видите,—говорилъ мнѣ Митрофанъ потомъ съ упрямомъ. — Этотъ наѣдъ такой... сквейный наѣдъ: вы думаете какъ русскій. Вотъ на Койимѣ другой якутъ, а здѣсь якутъ дьянь... Русскіе ихъ половили на бисеръ, все равно, какъ лисицъ въ ловушку,—заклучилъ онъ.

— Какъ такъ?—спросилъ я озадаченный.

— А такъ. Когда пришли Ермаковы люди, было ихъ много что десятковъ пять. А черноносыхъ этихъ, однимъ словомъ.—орда. Вотъ русскіе состроили большую пастъ *) и насыпали въ нее бисеръ разноцвѣтнй, а сами попрятались. Пришелъ одинъ якутъ, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на бисеръ, да и не вытерпѣлъ, полѣзъ въ пастъ, а она его и прихлопнула. Потеряли его родовичи, пошли искать по слѣду: ходятъ по одному, по пяти, по десятку, а русскіе ихъ имають, да имають. Такъ всѣхъ и переловили. Съ тѣхъ поръ и стали казаки жить на якутовой землѣ, — заклучилъ Митрофанъ легенду о завоеваніи русскими якутовъ, — легенду, которую мнѣ пришлось не разъ слышать впослѣдствіи отъ колымчанъ.

Положеніе человѣка, попавшаго въ народъ, рѣчи котораго онъ не понимаетъ, довольно неловкое. Я стараюсь заучить самыя необходимыя слова и знаю ихъ уже больше сотни, тѣмъ не менѣе на вопросы, обращаемые ко мнѣ якутами, отвѣчаю по прежнему «*толкуй сохэ*», т. е. толку нѣтъ, не понимаю. Но когда мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ по ихнему, удивленію ихъ нѣтъ

*) Ловушку на лисицъ.

границъ. Находить правильно, или лицемѣрно, что у меня отличнѣйшій якутскій акцентъ. «Саха курдукъ» (какъ якутъ), говорятъ они мнѣ въ похвалу.

Отъ нечего дѣлать вскинулъ ружье и пошелъ съ Митрофаномъ пострѣлять. Набилъ съ десятокъ куропатокъ. Приспосаблиаясь къ природѣ, здѣшняя куропатка-альбиноскъ зимою совершенно бѣла, только среднее перышко въ хвостѣ черное. Немного меньше нашей куропатки, она имѣетъ совершенно красныя вѣки, а на животѣ и груди густой пухъ, защищающей ее отъ холодовъ. Зобъ ея всегда полонъ мелкихъ почекъ тальника (родъ вербы), а лѣтомъ ягодъ голубики, отъ которой все ея тѣло насквозь пропитано синевой. Весною она начинаетъ свѣрѣть, пока не приметъ цвѣта, по которому ее очень трудно отличить отъ иховъ, гдѣ она сидитъ, класть яйца, по вкусу очень нѣжныя и ничѣмъ не отличающіяся отъ куриныхъ, и выводить дѣтенышей. Очень красивая птица съ благородной осанкой, она очень близко подпускаетъ человѣка и перелетаетъ съ мѣста на мѣсто стаями до 30—40 штукъ. На лѣто же уединяется.

Удачная охота нѣсколько успокоила меня, но на обратномъ пути уже въ сумеркахъ мы попали въ снѣгъ выше колѣнъ. Верхній слой его образовалъ толстую ледяную кору, которая, не выдерживая тяжести и проваливаясь, причиняла боль ногамъ. Я усталъ, вспотѣлъ, набралъ полные карманы и торбаса снѣгу и, проклиная охоту, альбиносокъ, лѣса, тундры, снѣга и за одно ужъ и якутовъ, невольно вспомнилъ при этомъ Некрасовскій стихъ:

«Весело бить васъ, медвѣди почтенные,
Да добираться до васъ-то невесело!..»

За то какая ночь выдалась! Тишина и сумракъ. Кой-гдѣ сквозь разорванныя волнистыя облака пробивались одинокія, яркія звѣзды. Плавню мчатся бѣлыя тучи, гулко отдается въ лѣсу эхо нашихъ быстрыхъ шаговъ. Вотъ что-то крикнуло пронзительно, что-то шархнулось. Можетъ быть звѣрь, а можетъ быть и громадный сѣверный глухарь. Ночь трепещетъ и покрывается, наконецъ, густой тьмой, въ которой едва различаешь блескъ укатанной дороги.

Я опять забылъ и усталость и бродъ, а когда, подойдя къ юртѣ, увидалъ у коновязей привязанныхъ лошадей, а внутри ея новое лицо, очевидно хозяина, то досада на него за наше двухдневное сидѣніе въ ожиданіи коча *) ушла куда то, и я уже мечталъ о завтрашнемъ прощаньи съ его старухой, юртой, голымъ старикомъ и всѣми неудобствами, которыя мы перенесли здѣсь.

Выдержавъ лошадей у коновязи и пустивъ ихъ на подножный кормъ, джагабулъ успокоивалъ насъ увѣреніемъ, что поутру мы выйдемъ. Но онъ лгалъ. Ему хотѣлось и самому полежать, понѣжиться и съ нами подольше побыть, а потому на другое утро, уйдя за лошадьми, онъ возвратился въ первомъ часу и безъ нихъ, объяснивъ свое долгое

*) Средство передвиженія.

отсутствіе тѣмъ, что одна изъ лошадей пропала, ушла куда-то. По мнѣнію же казаковъ, онъ и не ходилъ за ними, потому что слѣдъ его велъ не на поле, а въ лѣсъ, за которымъ на озерѣ есть жилие, гдѣ онъ и былъ въ гостяхъ. Когда мы покричали на него, онъ опять ушелъ и часа черезъ два привелъ лошадей. Но выѣхать удалось лишь въ 9 ч. вечера, такъ какъ укладка и навьючиванье отнимаютъ очень много времени. Съ каждой станціей число лошадей подъ нами увеличиваютъ: дороги становятся все труднѣе, непроходимѣе, а лошади все хуже да хуже. Здѣсь подъ нами уже 10 лошадей: 7 вьючныхъ и 3 въ нартахъ, при трехъ проводникахъ. Я, спутница и болѣе хрупкая кладь въ нартахъ. До слѣдующей станціи 180 в., причемъ «не маленькихъ», а большихъ», какъ говоритъ Митрофанъ. Кстати о немъ. Онъ положительно завоевываетъ наши симпатіи. Особенно онъ ухаживаетъ за моею спутницей. При выѣздѣ изъ Алдана онъ такъ уложилъ ее въ нартѣ и такъ укрылъ, да еще увязалъ ремнями, чтобъ она не вывалилась, что далъ ей этимъ возможность спать всю ночь.

Перерѣзали Алданъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ имѣетъ 2½ версты въ ширину. И такой-то ширины рѣка носитъ названіе рѣчки! А между тѣмъ, врядъ ли есть еще такая быстрая рѣка въ Сибири, гдѣ онъ вообще отличаются стремительностью. Вытекая съ высокихъ горъ, она по пути своемъ только кое-гдѣ замерзаетъ и только въ январѣ окончательно становится. Но и глубокой зимой вы можете увидѣть надъ нею бѣлый клубящійся паръ, обозначающій воду. Только подмерзнетъ она, какъ неудержимо стремящаяся впередъ волны срываютъ громадныя ледяныя пластины, мчатъ ихъ и нагромождаютъ въ уродливыя ледяныя горы.

Небо такое же, какимъ мы привыкли его видѣть въ Россіи, только звѣзды мерцаютъ ярче. Морозъ изрядный. Снѣгъ и ночью, отъ луннаго блеска, искрится, какъ на солнцѣ. Якуты покачиваются въ сѣдлахъ, скрипя якутскія пѣсни. Пѣніе якута—это, если можно такъ сказать, тоже одно изъ явленій сѣверной природы, такъ трудно поддающееся описанію. Сначала вамъ кажется, что сами сегодня скрипятъ особенно рѣзко, необычно визгливо. Вѣрно на полозьяхъ есть зацѣпина или заструга, думаете вы. Этотъ скрипъ, принимая все большіе и большіе размѣры, становится похожимъ на звукъ, какой издаетъ палка, когда вы быстро проводите ею по густому частоколу, и, наконецъ, переходитъ въ своеобразные, то широкіе, то замирающіе переливы голоса, точно въ горлѣ пѣвца перекачивается крупный горохъ... Пѣніе, съ непривычки, отвратительное и зудящее нервы. Всю ночь преслѣдуетъ оно васъ и выѣстъ съ холодомъ и мыслью о далекой поварнѣ, до которой отъ станціи 80 в., не даетъ уснуть. Узкоколейная дорога въ густомъ, безмолвномъ лѣсу извивается, какъ змѣя. Повороты и зигзаги до того часты и неожиданны, что черныя силуэты деревьевъ мелькаютъ въ вашихъ глазахъ, хотя ѣдемъ далеко не быстро. Мѣстами они низко наклонились надъ дорогой,

и ямщики пригибаются къ шеѣ лошади, что бы не задѣть головой о сучковатую и вѣтвистую лиственницу. Громадную, въ обхватъ человѣка, сосну смѣнила мелкая порода, а величественный кедръ жалко поползъ по землѣ. Флора бѣднѣетъ. Но лиственницы поражаютъ еще своей гущиной и размѣрами. Верхушки ихъ сплелись и надъ дорогой образовали арки, въ темнотѣ которыхъ нерѣдко теряются небо и солнце. Путь настолько узокъ, что карты, то-и-знай, цѣпляются и бьются объ деревья, отскакиваютъ отъ однихъ и ударяются объ другія. На немногихъ встрѣчающихся озерахъ стоятъ вѣхи, предохраняя отъ возможности заблудиться, или потерять входъ въ лѣсную просѣку. Прибрежныя лѣса наклонились въ самое озеро. Лѣтомъ, говорятъ бывалые люди, здѣсь чудно хорошо.

Мы въ пути уже 12 часовъ. До поварни еще 20 верстъ. Я не знаю, почему наши расчеты никогда не удаются. Чего бы кажется проще? Пріѣхать на поварню въ 11 ч., дать конямъ отдыхъ до 5 — 6 часовъ вечера и ѣхать дальше; ночуя въ слѣдующей поварнѣ, въ разстояніи отъ первой на 30 верстъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, ночуемъ не во второй, а въ ближайшей поварнѣ. Хитрые якуты всячески ставятъ препятствія: уйдутъ за лошадьми въ поле, шлепаются гдѣ нибудь, или просто лежатъ въ снѣгу и смѣются надъ глупостью русскихъ. Придутъ ночью и скажутъ: «одна лошадь не дается, или потерялась, поймать не могли за наступившей темнотой». Поди споръ съ ними. Невольно покоряешься, предварительно позлившись и поворчавъ. Мы именно хотѣли избѣгнуть ночевки здѣсь.

Представьте, читатель, затерянную въ лѣсу и на половину вросшую въ землю, всю занесенную снѣгомъ шестиугольную лагучку. Это поварня. Администрація устроила ее, какъ и другія поварни въ пустыхъ мѣстахъ, для удобства проѣзжающихъ. Между тѣмъ одинъ взглядъ на нее обдаетъ васъ холодомъ и тоской. Неужели, вы думаете, здѣсь можно обогрѣться или спать? Камина нѣтъ. Вмѣсто него, посрединѣ поварни стоитъ очажокъ, на который кладутъ въ кѣтку дрова. Дымъ выходитъ въ дыру, прорубленную въ потолокъ, и, распространяясь по поварнѣ, вѣетъ вамъ глаза до того, что вы ничкомъ падаете на шкуру, или подушку и, ощущая ѣдкую горечь во рту, молитесь, чтобъ перестали топить, что вы легче вынесете холодъ и всякія другія невзгоды. Въ добавокъ васъ поджариваетъ огонь, потому что вы сидите на землѣ и вамъ некуда отъ него скрыться, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣтеръ дерзко врывается въ незамазанныя щели. Казаки придѣлали изъ кобылей шкуры родъ трубы и такъ ухитрились сложить дрова, что дымъ стало тинуть вверху. Въ патріархальныя времена у якутовъ былъ обычай: покидая поварню, оставлять въ ней нѣсколько глыбъ льду и колотыя дрова, съ цѣлью дать вновь пріѣзжимъ возможность рачительно обогрѣться огнемъ и чаемъ, а потомъ ужъ идти въ лѣсъ и на рѣчку заготовлять ихъ для себя и слѣдующихъ путешествен-

никовъ. Теперь, прїѣзжая въ поварню, вы прежде всего должны заботиться о дровахъ и лѣдѣ, а пока разведутъ огонь—дрожать на морозѣ. Какъ бы то ни было, мы всетаки находились въ защищенной отъ вѣтра постройкѣ. Постлали кошмы, шкуры и, не раздѣваясь, принялись глотать горячій кипятокъ, густо одобренный до черноты кирпичнымъ чаемъ. Якутъ поставилъ двѣ сковороды и одну деревянную миску вмѣсто чашекъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «чаемъ должны пить проѣзжающіе».

Было уже поздно, когда мы опорожняли съ помощью казаковъ и проводниковъ два большихъ чайника и одинъ оловянный котелъ, и, не снимая верхняго платья, потеплѣе укрывшись, заснули здоровымъ сномъ молодости.

III.

Когда дрожь отъ холода, забравшагося во всѣ поры не только вашей одежды, но и вашего тѣла; когда, настрадавшись отъ толчковъ, отъ рѣжущаго вѣтра, голода и бессоницы, — вы увидите вдругъ красное пламя, свѣтъ, залившій дворъ якутскаго жилья, услышите конское ржанье и тревожный лай собакъ—вамъ становится весело, вамъ хочется смѣяться и вамъ такъ мило, такъ пріятны якуты, къ которымъ вы чувствуете въ эту минуту теплое, дружественное движеніе души..

Такъ было и съ нами, когда мы подъѣхали къ станціи Тукуланъ или Быте-кель (Вшиное озеро), отъ которой до слѣдующаго станка 100 в., но на пути къ которому лежитъ страшный Верхоянскій хребетъ.

Но когда передъ нами оказалась не юрта, а русскій срубъ, когда, переступивъ порогъ, мы увидѣли пылавшій въ каминѣ огонь, мы обрадовались, какъ дѣти. Въ домѣ было чисто, столъ, орны были выскоблены до бѣла, глина на каминѣ не торчала безобразными клочьями, а была гладко смазана. Въ добавокъ отсутствіе, въ этихъ лишенныхъ травы мѣстахъ, рогатого скота обуславливало чистый воздухъ въ домѣ. Все это не оставляло желать ничего лучшаго. Послѣ тревоженій и неудачъ предъидущихъ дней попасть въ такой рай значило испытать радостное ощущеніе. Но чувство довольства омрачалось сознаніемъ застрявшаго неминуемаго отъѣзда. А такъ хотѣлось подольше отдохнуть, такъ жалъ было покинуть тепло и уютъ. На общемъ совѣтѣ мы рѣшили хорошо поспать, умыться, пережбнить бѣлье и вообще подкрѣпиться на дальнѣйшій путь, требовавшій отъ насъ еще много силъ, выносливости и терпѣнія.

Джагабулъ высокій, благообразный якутъ. Его скулы выдаются такъ рѣзко, а глаза менѣе щелксты, чѣмъ у другихъ якутовъ.разу чувствуешь, что передъ тобой стоитъ человекъ энергичный и

честный, человекъ, на котораго можно положиться въ завтрашнемъ трудномъ перевалѣ черезъ хребетъ.

У Алексѣя—такъ звали нашего гостепріимнаго хозяина—небольшая семья. Онъ самъ-другъ. Дѣтей нѣтъ. Еще молодая жена вѣчно улыбается доброй, располагающей улыбкой. Къ чаю она подала намъ отличнѣйшихъ сливокъ и мерзлый ханяхъ, который мы, откусывая по кусочку, запиваемъ горячимъ чаемъ. Тепло и нѣга пріятно разливаются по всему тѣлу. Глаза слѣпнуть дремота, а тѣло просится на покой. Не хочется шевелить мозгами. Сладкая лѣнь клонитъ на подушку, и я засыпаю, прося разбудить меня къ ужину, до котораго я еще успѣю вздремнуть, въ то время какъ спутница, отказавшись отъ чаю, давно уже предается здоровому, спокойному сну. Но оригинальный ужинъ заставилъ меня разбудить ее. На столѣ стояло большое блюдо, горой наполненное свѣжей оленьей, издававшей запахъ, такъ пріятно щекотавшій и безъ того волчій аппетитъ. Тутъ впервые мы испробовали оленье мясо, которое впоследствии въ Колымскѣ намъ такъ пріѣлось. Но на этотъ разъ новизна его, голодъ, обстановка и общее довольство такъ дѣйствовали, что будь это кушанье даже кора сосновая съ тарой, оно показалось бы намъ вкуснѣе и слаще самыхъ изысканныхъ блюдъ. Но и въ дѣйствительности хорошо приготовленная жирная оленина имѣетъ нѣсколько острый вкусъ дичины, нѣжна и приторно сладка, но въ общемъ очень хороша. Мы сытно поужинали, искренно отблагодаривъ добрыхъ хозяевъ. Это цѣлая церемонія, не продѣлать которой считается верхомъ неприличія и невѣжества. Помолвившись на образъ, надо подойти къ хозяину, хозяйкѣ и всѣмъ родственникамъ и, пожимая руку, сказать *спасибо*, или, какъ якуты выговариваютъ, *паныба*, получивъ въ отвѣтъ *на-здравье*.

Наконецъ, мы можемъ раздѣться, спать на постели и въ теплѣ (относительномъ, конечно, такъ какъ въ юртѣ, если не поддерживать ночью огня, температура спустится градусовъ до 3, а то и ниже); хозяева набожно и долго молятся Богу, причемъ Алексѣй, часто употребляя въ молитвѣ слово *сарсынъ*, т. е. завтра, просить вѣрно помощи на завтрашній тяжелый день. Начиная съ меня, онъ поочередно подходитъ ко всѣмъ намъ и, снова пожимая руки, говорить: «прощай!». Движеніе улеглось. Огонь въ каминѣ слабѣетъ, гаснетъ и, наконецъ, чуть отсвѣчиваетъ слабымъ свѣтомъ. Уже всѣ спать. Только Алексѣй о чемъ-то перешептывается за тоненькой перегородкой съ своей женой, да я что-то не могу уснуть, ворочаясь съ боку-на бокъ, подсчитывая количество сдѣланныхъ верстъ, и съ удовольствіемъ убѣждаясь, что до Колымска на 400 верстъ меньше.

Рано поутру Алексѣй отправился въ оленье стойбище, гдѣ у него живутъ два тунгуса. Они же ямщики и пастухи. Мы съ любопытствомъ ждемъ оленей и, когда Константинъ крикнулъ со двора: «Олени пришли», одѣлись и идемъ смотрѣть. Прямо противъ дома

высятся густо покрытая лѣсомъ гора, а по откосамъ ея бѣгутъ граціозныя животныя. Не вѣрится, что эти, на видъ дикіе и вольные олени съ громадными вѣтвистыми рогами, которые они гордо несутъ запрокинутыми нѣсколько назадъ, будутъ пойманы, запряжены и покорно повезутъ насъ. Оленей пригнали къ дому. Они разсыпались по всей близъ лежащей мѣстности, не подпуская къ себѣ человека. Легко одѣтый, держа въ рукахъ длинный *мамукъ* *) съ петлей на концѣ, Алексѣй намоталъ его на руку и, прицѣпившись въ крупную, пеструю самку, ловко и съ силой бросаетъ ей на рога, и олень пойманъ. Онъ немного поупорствовалъ, покружился, попробовалъ вырваться, но, какъ бы сознавъ тщетность борьбы, печально покорился: сильная рука держала его крѣпко. Козаки подошли къ пойманному звѣрю и надѣли ему на голову обрودъ. Оленя не узнать: легкій и изящный до тѣхъ поръ, онъ теперь кажется угнетеннымъ и скорѣе похожъ на крупнаго теленка, чѣмъ на дикаго обитателя неприступныхъ горъ и темныхъ лѣсовъ. Всѣ видѣвшіе оленей согласны въ томъ, что глаза его выражаютъ столько печали и упрека, какъ ни одно другое животное не въ состояніи выразить, особенно, когда онъ, выбившись изъ силъ, лежитъ, а тунгусъ хлещетъ его тонкимъ тальничнымъ прутомъ. Мало-по-малу олени самцы приближаются къ пойманной самкѣ, и всѣ мы принимаемъ участіе въ ихъ ловлѣ. Но вотъ всѣ олени пойманы, каждая пара привязана къ своей нартѣ. Алексѣй везетъ мою спутницу и меня, казаки сами ямщичать, а два тунгуса везутъ кладь. Всего 11 нартъ—22 оленя въ упряжи и 2 *заводныхъ* (запасныхъ).

Мы усаживаемся и поѣздъ трогается. Въ нартѣ покойно. Можно протянуть ноги. Изъ въючныхъ ящиковъ намъ сдѣлали спинки, о которыя очень удобно опереться. Благодаря морозному дню олени бѣгутъ хорошо. Ѣхать весело, но недолго, потому что, какъ только мы стали подъѣзжать къ рѣчкѣ Тукуланъ, такъ начались наши злключения. Раздѣляясь почти у самаго устья на 2 узкихъ рукава, она течетъ извилинами въ крутыхъ берегахъ и въ среднемъ теченіи, промежъ двухъ дугъ, образуетъ широкій материкъ, такъ что вы имѣете предъ собой не одну, а какъ бы двѣ совершенно отдѣльныя рѣки. Въ половодье эта рѣчка вздувается и, выливаясь изъ береговъ, затопляетъ всю окрестность, равняясь краями съ высокими уступами срединныхъ террасъ Верхоянскаго хребта. Вотъ тутъ-то лѣтомъ задерживаются купцы и казаки съ почтой по мѣсяцу и болѣе. Какъ материкъ, такъ и оба берега, въ особенности сѣверный, на далекое пространство сплошь усыяны камнями отъ самыхъ мелкихъ до громадныхъ кругляковъ. Падая со скалистыхъ горъ въ быструю рѣку, камни шлифуются и округляются и, на-сложаясь, образуютъ глубокой каменистый грунтъ, вѣда по которому

---

*) Ласо.

не только мучительная пытка, но и сопряжена съ опасностью для жизни. Узкая и низкая нарта (всего $\frac{1}{4}$ ар. высоты), часто накрываясь, переворачивается и выбрасывает пассажира. Падая, рискуешь разбить себѣ черепъ, или повредить кости. Но и безъ того, одно воспоминаніе объ ѣздѣ по гольцамъ ступшевываетъ всѣ страданія, сопряженныя съ непосильно-тяжелымъ и долгимъ переѣздомъ изъ Якутска въ Колымскъ. На протяженіи 90 верстъ по обѣ стороны хребта, вы переносите мученія отъ толчковъ, болѣзненно отзывающихся въ вашихъ внутренностяхъ. Нѣтъ мѣста въ вашемъ тѣлѣ неразбитаго. Но не меньше эта ѣзда мучительна и для оленей. Висунувши языки, они напрягаютъ всѣ свои силы, скользятъ, спотыкаются о голые камни, падаютъ и, подгоняемые энергичными возгласами и пинками вожakovъ, снова надрываются, снова черезъ силу тащутъ грузную нарту. Но еще нѣсколько сверхчеловѣческихъ усилій и мы въ поварнѣ *Анна юга*, т. е. безъ дверей, у самого подножья хребта, грозно поднимающаго къ небу свой остроконечный шпигъ на высоту 6 тысячъ футовъ. Много десятковъ лѣтъ тому назадъ ученые путешественники, якуты-подрядчики, купцы видѣли эту поварню въ такомъ же видѣ, въ какомъ застали ее и мы. Когда, спустя много лѣтъ, я ѣхалъ обратно въ Россію, поварня стояла все такъ же безъ дверей и такой она будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока какой нибудь другъ челоуѣчества не спалитъ ее нечаянно, или умышленно. Часто якуты очень мѣтко характеризуютъ какой нибудь предметъ однимъ словомъ, но на этотъ разъ выразились неудачно, такъ какъ эту поварню вѣрнѣе было бы назвать: «безъ оконъ и безъ трубъ». Единственная роскошь въ ней, нѣкуда, впрочемъ, негодная при общемъ ансамблѣ, составлявшая странный контрастъ со всѣмъ, что мы нашли въ этой ужаснѣйшей изъ всѣхъ поварней, — смѣшно сказать — былъ столъ!.. Мы раньше были предупреждены, что эта поварня «не джай Богъ», какъ сказалъ Митрофанъ, и дѣйствительно она оказалась ниже или выше всякаго описанія. Она настолько вросла въ землю, что входъ въ нее возможенъ лишь въ согнутомъ положеніи, почти ползкомъ. Опять дымъ ѣстъ и жжетъ глаза, опять вѣтеръ свободно гуляетъ по ней и знобитъ тѣло, между тѣмъ какъ пылающія дрова поджариваютъ васъ со стороны, обращенной къ огню.

Но привычка дѣлаетъ чудеса, и мы, не отступая отъ порядка, пьемъ чай, стелемъ кошмы, завязываемъ головы платками, накрываемся всѣмъ, что только можетъ служить покрывкомъ, и засыпаемъ. Но рано поутру я проснулся отъ холода, отъ котораго у меня стучали зубы. Я усиленно теръ носъ, руки, изъ боязни ознобить ихъ, и, съ трудомъ оторвавъ свою бороду, примерзшую къ одному изъ одѣялъ, быстро принимаюсь за дрова, стараясь раздуть огонь силою своихъ собственныхъ легкихъ.

Часовъ въ 8 мы покинули поварню, подобной которой нѣтъ на всемъ пути до Колымска и къ которой приуроченъ слѣдующій

правдивый анекдотъ. Въ 1887 году чиновникъ П. былъ командированъ изъ Якутска въ Чукотскую землю для розысковъ пропавшаго парохода «Алеутъ», отправленнаго русскимъ правительствомъ на поиски американской экспедиціи капитана де-Лонга. Пріѣхавъ на поварню «Анна-гохъ» и, рассчитывая въ ней отдохнуть, онъ былъ сраженъ, что называется, однимъ ея видомъ. Сѣсть негдѣ; дверей, оконъ нѣтъ, не только камина, но нѣтъ даже шестка, огонь разводять на самой землѣ, и въ добавокъ ко всему не къ мѣсту торчащій ироническій столъ. Между тѣмъ ѣхать дальше невозможно, потому что переходъ черезъ вершину горъ ночью немислимъ. Чиновникъ рѣшилъ ночевать въ своей кибиткѣ. Только что онъ вышелъ изъ узкой щели поварни, какъ передъ нимъ предсталъ якутъ, одинъ изъ проводниковъ.

— Ты кто?—грозно крикнулъ П. на ямщика.

— *Сердитъ*,—былъ отвѣтъ якута, что по якутски значитъ—ямщикъ.

— А! такъ ты еще, такой-сякой, сердить?!—вспыхнулъ П. И съ этими словами избилъ ни въ чемъ неповиннаго ямщика.

IV.

Крутой подъемъ начинается отъ самой поварни. Когда глядишь на эту скалистую высь, недоумѣваешь: гдѣ, въ какомъ именно мѣстѣ вы можете подняться, когда передъ вами почти отвѣсная скала, по которой чернѣетъ дорожный слѣдъ. Будемъ подниматься оленьей дорогой, такъ какъ конская, хотя сравнительно и пологая, но за то представляетъ узкую тропу, по обѣимъ сторонамъ которой зияютъ двѣ бездонныя пропасти. Верховая опытная лошадь ступаетъ по этой тропинкѣ осторожно и боязливо. Мы выходимъ изъ нарти. Лишь спутницу мою Алексѣй заставляетъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Я и казаки вырѣзываемъ себѣ «посохи», сбрасываемъ съ себя кухлянки (верхняя одежда съ капюшономъ, шерстью вверхъ) и трогаемся въ путь. Чувствуется уже усталость. Мнѣ жарко, я задыхаюсь и ощущаю потребность въ отдыхѣ. Садимся на снѣгъ и закуриваемъ папирсы. Постепенно снимая одежду до фланелевой блузы и бросая ее сзади идущимъ, чуть видимымъ внизу ямщикамъ, медленно поднимаемся, въ скользкихъ мѣстахъ ползя на рукахъ. Два часа медленной ходьбы потребовалось, чтобъ добраться до вершины. Я оглянулся внизъ: страшная головокружительная крутизна. Содержаніе горы какой-то черный камень, мѣстами очень похожій на каменный уголь. Лежатъ тонкослойными пластами съ замѣтными слѣдами древесной структуры. Въ другомъ мѣстѣ каменные глыбы покрыты лишаями, по виду очень близки къ желѣзу и окрашены въ окись его. Надъ самой головой густыя облака. Кругомъ безконечныя лѣса. Сколько богатствъ хранить въ своихъ неизвѣ-

данныхъ глубинахъ эти горы, эти лѣса! О, дивныя горы сѣверной природы! Вы полны тайнъ, но своими величавыми угрюмыми громадами вы подавляете бѣднаго человѣка, навѣвая на него суевѣрный страхъ. И вотъ почему якутъ, поставивъ на вершинѣ утеса христіанскій крестъ—символь свѣта, въ то же время кладетъ къ подножію его знаки покорности, принося жертвы «духу тьмы, духу вѣтровъ и духу всего таинственнаго—Дайды Тоену (мѣстному богу)». Тутъ мы нашли конскій волосъ, птичье крыло, кисеть съ табакомъ кусочекъ жести, фланели, мѣдныя деньги. «Смиловивись, Дайды Тоены! Утишь вѣтры, не сыпь снѣгомъ, не лей дождемъ, сохрани намъ скотъ и дай намъ благополучно перейти на ту сторону камня. Абра (Спаси!)».

Олени совсѣмъ-изнемогли. Вожакъ въ однихъ ситцевыхъ рубашкахъ выбились изъ силъ, подгоняя ихъ особымъ уканьемъ. «У-у... У-у...» то и дѣло слышалось снизу. Рослая фигура Алексѣя дышетъ отвагой и силой. Спутнику онъ, можно сказать, вынесъ на гору и бережно спустилъ на первой площадкѣ, откуда спускъ уже не такъ страшенъ. Давъ передохнуть оленямъ, ихъ выпрагли изъ нартъ, которыя связали вмѣстѣ по 5—6 нартъ въ рядъ, образовавъ, такимъ образомъ, родъ плота. Полозья для тормазовъ перевязали въ нѣсколькихъ мѣстахъ ремнями, оленей—сзади нартъ, дабы, упираясь, они задерживали быстроту спуска. По сторонамъ связанныхъ нартъ стали ямщики и казаки и, оттолкнувшись ногами, полетѣли внизъ съ такой быстротой, что у меня, глядя на нее, замеръ духъ. Спускъ съ хребта требуетъ большаго умѣнья и осмотрительности. Чуть зазѣвнешься, или невѣрно направишь сани, какъ они примутъ направленіе въ сторону и понесутъ къ окружающимъ острымъ утесамъ, всегда готовымъ разбить неопытнаго, или неумѣлаго. Не вынося быстроты спуска съ горъ, я, по совѣту Алексѣя, рѣшилъ спуститься особеннымъ образомъ. Взявъ въ руки двѣ крѣпкія, величиною не болѣе $\frac{1}{4}$ аршина, палочки, я подобралъ одежду подъ себя и, сидя на снѣгу, оттолкнулся ими—черезъ 15 минутъ я былъ уже внизу.

И такъ мы за хребтомъ. Все обошлось благополучно, если не считать одного задавленнаго оленя, который задохся, закрутивъ голову вокругъ собственнаго ремня.

Счастливъ тотъ, кто избавленъ отъ необходимости переходить эти горы въ лѣтнюю пору. Рѣки разливаются: по нимъ перебираются въ бродъ. Болота, трясины, грязь, дожди и потоки, громадные трещины тамъ, гдѣ ихъ не было въ прошломъ году, образуемыя силой теченія водъ—все это обычные спутники лѣтняго перевала, уничтожающіе всякій приблизительный расчетъ времени, нужнаго для него: можетъ быть недѣля, а можетъ быть и 30—40 дней.

Намъ предстоитъ еще сдѣлать до станціи 20 в., на разстояніи которыхъ идутъ сплошныя тарыны, т. е. наледы. По предположенію Алексѣя, они теперь безводны, такъ какъ разливаются преимуще-

шественно въ декабрѣ-январѣ — въ пору самыхъ лютыхъ морозовъ. Явленіе наледи, какъ исключительная принадлежность сѣверной природы, зависитъ отъ того, что сильные морозы образуютъ во льду трещины, изъ подъ которыхъ снизу просачивается вода, заливая озеро или рѣку. Безпрестанное теченіе снизу не успѣваетъ подмерзвать. Только затянулась трещина, какъ напоръ воды снизу даетъ все новыя и новыя, и тѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ наледи чаще и глубже. Это одинъ видъ тарыновъ, менѣе трудный и болѣе безопасный для переѣздовъ. Въ этомъ случаѣ они рѣдко глубоки: вода не хватаетъ черезъ края нарты. Но гладкая скользящая поверхность ихъ измучиваетъ оленей или лошадей, о коихъ которыхъ здѣсь не имѣютъ и представленія. Въ другихъ же случаяхъ тарыны ужасны, и путешественнику не слѣдуетъ пускаться ѣхать ночью, — разъ извѣстно объ ихъ развитіи. Чѣмъ сильнѣе холодъ, тѣмъ больше шансовъ, что изъ подъ скалъ, дающихъ громадныя трещины, съ страшной силой вытекаютъ ручьи всегда высокой температуры. Они дѣлаютъ себѣ русло и нерѣдко изливаются въ озеро или рѣку, или же, встрѣтивъ котловину, образуютъ новое озеро. Обѣзда нѣтъ и тарынъ надо неминуемо переѣхать. Въ данномъ случаѣ онъ довольно глубокъ. Нарта черпнула воды, одежда и постель замокли и счастье ваше, если поварня или домъ близки, иначе не миновать вамъ отморозить себѣ члены или жестоко заболѣть. Еще издали васъ поражаетъ въ ночной тиши шумъ, подобный водопаду. Странно, почти зловѣще впечатлѣніе быстро текущаго ручья въ шестидесятиградусный морозъ, когда вся окружающая природа спитъ непробуднымъ морознымъ сномъ. И горе вамъ, если поверхъ воды нападалъ снѣгъ! Полозья забрали этой снѣгообразной каши, которая моментально замерзла на нихъ. Станьте среди скалъ, опорожните нарты, обейте топорами и соскребите ножами ледъ, и только тогда трогайтесь дальше, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько верстъ снова пережить ту же исторію, такъ какъ, разъ начавшись, наледи кончатся лишь съ перемѣной характера мѣстности. Только невыносимая для насъ, маловѣроятная выносливость аборигеновъ даетъ имъ силу ходить по этимъ мѣстамъ безнаказанно. Обувь потеряла свой первоначальный видъ: она представляетъ теперь сплошной намерзшій снѣгъ, идти въ ней невозможно. Якутъ или тунгусъ, тутъ же на морозѣ переодѣвается, или же верстъ 10 бѣжить, пока не согрѣется.

Въ пяти верстахъ отъ станціи я отвязалъ свою нарту отъ нарты проводника, завоживъ праваго оленя, и мы съ Митрофаномъ уѣхали впередъ готовить чай. И тутъ-то я впервые увидѣлъ, до какой быстроты можетъ доходить бѣгъ оленя. Это разстояніе мы сдѣлали, по часамъ, въ 15 минутъ. Съ этого времени я пересталъ быть на буксирѣ у проводника или у одного изъ казаковъ и правилъ своею нартою самъ. Приѣхавъ на станцію, мы съ

трудомъ вѣрили, что сидимъ въ теплѣ, что муки сегодняшняго дня кончены. Въ отвѣтъ на нашу благодарность, Алексѣй, безъ котораго намъ бы не избѣжать въ дорогѣ несчастія или неудачи, сказалъ: «Лишь бы мнѣ стаканъ воды». Наливъ ему чайный стаканъ и поднося, я спросилъ: усталъ? Онъ простодушно отвѣтилъ: «Теперь готовъ хоть еще два раза перевалить хребетъ», и затѣмъ прибавилъ себѣ въ похвалу: «Хорошему человѣку вездѣ хорошо». Наши казаки отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ и безстрашномъ. За ужиномъ мы усадили его за столъ. «Не всякаго тоже ямщика сажаютъ тоены съ собой: надо заслужить»,—снова наивно похвалилъ онъ себя. Впрочемъ, онъ и стоилъ похвалы.

Въ ту ночь я спалъ тревожно: одолевали сны, душилъ кошмаръ. То, поднимаясь на гору, я скользилъ и катился внизъ, то *Дайды-Тоены*, свидѣтельствуя жертвы, принесенныя сегодня ко кресту, и не найдя моей, съ силой схватывалъ меня въ свои каменные руки и, раскачавъ, бросалъ въ страшную снѣговую пучину, гдѣ я бился, барахтался, не могъ освободиться, кричалъ и... просыпался.

Верхоянскій хребетъ служить границей растительности между южной и сѣверной половиной Якутской области. Всѣ породы деревь исчезли. Одна неприхотливая лиственница, да тонкая печальная березка, годная лишь на топорище—вотъ и вся растительность по ту сторону хребта. Бесплодная каменистая почва, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ (травъ не произрастаетъ), исключаетъ возможность скотоводства, чѣмъ, главнымъ образомъ, объясняется отсутствіе въ этой полосѣ якутовъ, по преимуществу скотоводовъ. Лишь тѣ изъ нихъ, которые позарились на мнимые барыши отъ содержанія станцій, вплотную раззоряющихъ ихъ, бросаютъ лучшія мѣста и, передавая уходъ и присмотръ за коровами и лошадьми другимъ якутамъ, селятся въ камняхъ. Бродячій тунгусъ охотится на оленя или чубука*), а бѣднѣйшіе изъ нихъ идутъ въ наймы къ якуту въ качествѣ пастуховъ, или ямщиковъ, такъ какъ якутъ, хотя и умѣетъ обращаться съ оленемъ, но далеко не такъ проворенъ и способенъ къ этому, какъ тунгусъ, для котораго угрюмая тундра—родная колыбель, а олень—животное, знакомое ему съ дѣтства!

Вершина Верхоянскихъ горъ составляетъ также естественную границу Якутскаго и Верхоянскаго округовъ. Да и сами якуты разнятся нѣсколько по обличію, произношенію и одеждѣ. Тогда какъ въ первомъ изъ округовъ они говорятъ чисто, чтобъ не сказать красиво, якуты Верхоянскаго округа непріятно картавятъ, часто заикаются, гнусавятъ, шепелявятъ, не выговариваютъ буквы *с*, подставляя на ея мѣсто французское *h*; нѣкоторые же говорятъ такъ, что вамъ кажется, будто говорящій набралъ въ ротъ горячихъ кам-

*) Чубука—каменный, или горный баранъ.

ней и силится ихъ выплюнуть. Въ Якутскомъ округѣ женщины носятъ довольно своеобразныя, высокія, остроконечныя, точно копна сѣна, шапки. Этотъ оригинальный уборъ на ватѣ, покрытый сукномъ или плисомъ и оттороченный мѣхомъ, у богатыхъ очень дорогимъ, имѣетъ на верхушкѣ кисточки, по количеству и цвѣту обозначающія тотъ или другой наслегъ, т. е. родъ. Здѣсь мы ужъ не встрѣчаемъ подобныхъ нарядовъ. Въ противность Якутску, якутъ здѣшняго округа сплошь одѣтъ въ заячій мѣхъ. Шапки, рукавица, чулки, куртка, которую они называютъ *пухайкой* (фуфайкой), — весь онъ, такъ сказать, заячій. Его пища, одежда, промыселъ — по преимуществу заяцъ, или по мѣстной терминологіи, ушканъ, котораго якутъ добываетъ за зиму нѣсколько тысячъ и продаетъ странствующимъ купцамъ. Лѣнивый, безпечный и грязный, наивный, какъ дитя, и въ то же время, какъ дикарь, вѣроломный и хитрый, нищій тѣломъ и духомъ; обираемый своими тоенами-кулаками, эксплуатируемый купцами, Верхоянскій якутъ мало чѣмъ отличается отъ своихъ собратій. Онъ умѣетъ голодать, какъ дикарь умѣетъ переносить лишения, ѣсть полевыхъ мышей и при случаѣ готовъ украсть, пропить, не только настоящій, но и промыселъ будущаго года, или проиграть его въ карты — въ штоссъ, стуюлку и другія азартныя игры. Его тѣло не знаетъ бани иль воды, а волосы — гребня. Его ѣдятъ многочисленныя наѣкомыя. Стоитъ вамъ присмотрѣться къ нему, какъ вы увидите ихъ ползающими и спокойно сидящими на его рубашѣ и буквально кишачими въ его волосахъ. Какъ и въ Якутскомъ округѣ, здѣсь не ждите безкорыстнаго гостепріимства, а смотрите въ оба, чтобъ у васъ не украли сѣстныхъ припасовъ и не оставили на будущій путь безъ хлѣба, или мяса. Мы теперь только обнаружили, что на Алданѣ насъ порядкомъ обокрали тѣ самые гости, которые такъ назойливо посѣщали насъ, курили нашъ табакъ, пили чай и получали подачки. Прилагая эту мѣрку сужденія къ якутамъ двухъ округовъ: Якутскаго и Верхоянскаго, я долженъ оговориться, что мнѣ приходилось встрѣчать среди нихъ и людей, чистыхъ душой, пораженныхъ добротой и трогательнымъ участіемъ къ намъ — чуждымъ для нихъ пришельцамъ.

Но будемъ двигаться дальше. Дней въ десять намѣреваемся сдѣлать оставшееся до Верхоянска разстояніе, хотя идемъ очень медленно. Олени совсѣмъ плохо везутъ. Малосильные вообще, требующіе каждыя 10 верстъ остановки и кормежки, они въ весеннюю пору для ѣзды становятся негодными, начинаютъ страдать отъ тепла: дышутъ тяжело, рога опадаютъ, шерсть мѣстами вылѣзаетъ, они отстаютъ, падаютъ, а разъ олень отъ усталости упалъ — отвязи его и брось, впрягай запаснаго.

Предпочитаемъ ѣхать ночами, несмотря на холода, которые по ночамъ значительно чувствительнѣе. Лѣса рѣдѣютъ. Весеннее половодье и быстрое теченіе рѣкъ, на пространствахъ въ нѣсколько сотъ

версть, съ корнемъ вырываютъ деревья, смыываютъ и нагромождаютъ ихъ на крутыхъ берегахъ. Лѣсные наносы попадаютъ очень часто, образуя цѣлыя горы плавнику. Смывая берега, воды расширяютъ русло рѣкъ, схватываютъ эти наносы, снова несутъ ихъ внизъ по теченію, а сверху приплавляютъ все новые и новые—Богъ вѣсть изъ какихъ странъ, изъ подъ какихъ широтъ.

Нашъ путь лежитъ по самому склону Верхоянской цѣпи горъ, которыя съ приближеніемъ къ Верхоянску постепенно, почти незаметно понижаются, пока не переходятъ въ необозримую равнину. Снова рѣдкія озера, кой-гдѣ *калтуса* (кочковатое поле) и опять узкая аллея въ нетронутѣмъ, заповѣдномъ лѣсу съ сросшимися вер-хушками.

Кончились камни и мы опять на станція,—въ домѣ, гдѣ люди и скотъ составляютъ одну семью: живутъ, ѣдятъ, спятъ вмѣстѣ въ одномъ помѣщеніи. Неудивительно, что самъ джагабуль, его жена, приживалка-тунгуска — всѣ страдаютъ болѣзнью глазъ, очень распространенной среди якутовъ. Самъ лежитъ на оронѣ и, макая гусиное перо въ какое-то грязное, маслянистое вещество, мажетъ имъ глаза, которые уже не раскрываются. Это лекарство далъ ему про-ѣзжій купецъ и велѣлъ мазать почаще, а также промывать мыломъ, стараясь, чтобъ оно непременно попадало во внутрь глаза. Но мыла у него нѣтъ... Да! Заболѣй въ этихъ мѣстахъ—и самъ себѣ смѣло дѣлай гробъ и ложись въ него заживо...

День-ото-дня все теплѣе и теплѣе. Въ полдень не болѣе — 15° по Р. За то утренники даютъ себя еще чувствоваться. Днемъ можно даже сидѣть въ нартѣ съ открытымъ лицомъ, что дѣлается ѣзду менѣе неприятной, потому что шарфъ, которымъ укутываешь лицо, отъ дыханія мокнетъ, затѣмъ, примерзая къ бородѣ и усамъ, вызываетъ неприятное ощущеніе. Все окружающее отлично видно. Мѣста все живописнѣе и живописнѣе. Когда, какъ теперь, все сковано льдомъ, когда все одѣто въ иней и снѣгъ, только чутьемъ угадываешь, какъ хороши мѣста на этомъ пути. Во всемъ чувствуется красота великая, сила необъятная и непреодолимая. Такого неба нѣжно-лазореваго, такихъ яркихъ звѣздъ и такого блеска луны нигдѣ больше не встрѣтить. Солнце медленно прячется за далекую синеву горъ и ярко-красной полосой остигло верхушки стройныхъ деревьевъ. Косые лучи его приятно ласкаютъ. Тамъ, далеко позади, уже весна, пробивается зелень, скоро прилетятъ изъ-за моря птицы, жаворонокъ запоетъ свою переливчатую пѣсню... А здѣсь все еще холодъ, все ледъ и только черный воронъ, далеко больше нашего, оглашаетъ безлюдную тайгу своеобразнымъ карканьемъ, напоминающимъ звонъ стакана, объ который ударяютъ деревянной палочкой.

Всего-то полтора-ста верстъ до Верхоянска и тѣхъ не можемъ никакъ одолѣть. Юрта, гдѣ мы застряли, была нова и чиста, но

въ ней всю зиму никто не жилъ, такъ-какъ богатый князь *), онъ же и почтосодержатель, уключивалъ куда-то со своими коровами. Отъ холода пришлось перебраться въ юрту другого якута, князева работника. Константинъ, при видѣ его и жены, сказалъ: «Вотъ. Эти самые, которые *еврасками* (овражками) питаются: я ихъ тотчасъ узналъ», и взглянувъ на хилаго, тщедушнаго мальчугана, у котораго торчали ничѣмъ не прикрытыя ребра, заключилъ: «Чисто горностай... Это, которые еврассекъ ѣдятъ, бѣднѣ ихъ ужъ нѣтъ». Мы дали этимъ несчастнымъ мяса, муки и чаю. «Увидѣвъ русскихъ, сердце дрогнуло: обрадовались» — не знали они, какъ выразить свою радость. Они знаютъ, что русскіе чувствительнѣе своихъ-же якутовъ. На нашихъ глазахъ амщики варили себѣ мясо и не дали ничего хозяевамъ; которые собирали изъ-подъ стола крохи и кости и съ жадностью и наслажденіемъ глотали послѣднія.

Оленей на станкѣ нѣтъ. Впереди проѣхавшій священникъ занялъ 17 нартъ. Неужели ждать возврата оленей? Вмѣстѣ съ отдыхомъ, необходимымъ для нихъ, это по малой мѣрѣ 10 дней. Долго казаки совѣтовались съ якутомъ. Кончили на томъ, что наняли у проѣзжавшаго якута свободную лошадь, и Константинъ отправился, по его выраженію, «отымать у попа оленевъ». Справедливость такого образа дѣйствій казаки объясняли тѣмъ, что священникъ выѣхалъ изъ Якутска ранѣе насъ на 3 недѣли, что въ дорогѣ на каждой станціи онъ по нѣскольку дней отдыхалъ и тѣмъ задерживалъ всюду лошадей и оленей: «самъ сидитъ и другимъ не позволяетъ впереди себя ѣхать». На этотъ разъ казаки имѣли за себя еще и тотъ аргументъ, что мы, дескать, ѣдемъ по казенной надобности. Константинъ нагналъ батюшку въ десяти верстахъ въ жилищѣ. Онъ охотно согласился уступить намъ оленей, тѣмъ болѣе, что у него захворала дѣвочка и онъ предпочиталъ «лежать».

Тутъ-же въ юртѣ живетъ тунгуска, тоже работница князя. Чтобы угодить русскимъ, она спѣла намъ нѣсню, ничѣмъ не отличающуюся отъ якутской, только еще монотоннѣе, а затѣмъ, получивъ табакъ, расходилась и предложила намъ показать свой танецъ, если можно назвать этимъ именемъ тѣ странныя тѣлодвиженія, которыя она продѣлывала въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Тунгунска медленно кружилась, переминаясь на одномъ мѣстѣ и припѣвая: «Ихувей, ихорей». Я спросилъ о значеніи этихъ словъ. Но Митрофанъ, передавъ ей мой вопросъ, отвѣтилъ: «Такъ, ничего не значить. Игривыя слова».

Выѣхали отсюда къ вечеру. Въ темномъ лѣсу дорога кажется безконечной. Кажется, что лѣсъ растетъ, удлиняется, густѣетъ, что ѣдемъ безъ дороги, что заблудились и никогда не выберемся изъ черной таинственной тьмы на бѣлый свѣтъ.

---

*) Князь, въ далекія времена — начальникъ рода, теперь лицо выборное и утвержденное властями; то же, что водостной старшина.

Но еще двѣ ночи и на двадцать второй день мы въ Верхоянскѣ, самомъ холодномъ населенномъ пунктѣ земного шара, отстоящемъ отъ Якутска въ разстояніи 900 верстъ.

V.

Существующій не болѣе столѣтія и основанный купцомъ Гороховымъ, потомки котораго и теперь ведутъ торговлю въ краѣ, городъ Верхоянскъ лежитъ при верховьяхъ рѣки Яны, имѣющей началомъ Верхоянскія горы и текущей на протяженіи болѣе 2000 верстъ, находясь подъ широтой на нѣсколько градусовъ выше полярнаго круга. Температура его зависитъ отъ господствующихъ рѣзкихъ вѣтровъ, приносящихъ съ запада холодъ. Не даромъ западъ у якутовъ, главнымъ образомъ, по этой причинѣ, характеризуется, какъ недобрый. Злой, черный духъ приходитъ, по мнѣнію ихъ, съ этой стороны свѣта. Занимая площадь въ 947,085 кв. в. съ населеніемъ въ 13 т. душъ обоого пола, Верхоянскъ и его округъ представляютъ высокій интересъ для всякаго рода научныхъ изслѣдованій. Гигантскія формы прародителя слона—мамонта, остатки несуществующаго теперь вида носорога, лошади и коровы и многія другія палеонтологическія находки съ давнихъ временъ влекли сюда представителей ученаго міра. Массовыя находки мамонтовыхъ клыковъ (такъ мнѣ лично извѣстно о находкѣ 16 клыковъ въ одномъ мѣстѣ), наводятъ на мысль о какой-либо геологической или вулканической катастрофѣ и ставятъ вопросъ о климатическомъ прошломъ Сибири, такъ какъ современный представитель потомковъ мамонта, слонъ, обитаетъ теперь исключительно въ жаркихъ странахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ весь округъ далеко на востокъ и западъ кишитъ, такъ сказать, минеральными богатствами: сернистое серебро, известъ, графитъ, желѣзо, каменный уголь и несомнѣнное присутствіе золота. Цѣлыя горы слюды, хрустала привлекаютъ только вниманіе тунгуса, плѣняя его своей красотой и блескомъ. «Глядишь на гору и видишь себя, какъ въ зеркалѣ», выражаетъ онъ свой восторгъ. Не далѣе, какъ лѣтъ 10 тому назадъ, въ округѣ обнаружены богатѣйшіе серебряно-свинцовые рудники, по изслѣдованію Иркутской химической лабораторіи, съ 22% содержаніемъ серебра. Къ сожалѣнію, эти богатства бесполезно лежатъ въ дѣвственной почвѣ, не принося той пользы, какую-бы могли они принести, будь климатическія и другія условія края менѣе суровы. Бездорожица, отсутствіе людей, невозможность прокормить рабочихъ мѣстными средствами — все это не легко преборимыя препятствія къ эксплуатированію несмѣтныхъ богатствъ края.

Наблюденія мѣстной метеорологической станціи, вслѣдствіе частой порчи инструментовъ и отсутствія возможности приводить ихъ въ порядокъ на мѣстѣ, не строго регулярны, а потому и не удовле-

творительны. Этимъ, если не считать рѣдкихъ научныхъ экспедицій (какъ доктора Бунге въ срединѣ 80-хъ годовъ), ограничиваются все научныя изслѣдованія такого богатаго и любопытнаго края, центромъ котораго служатъ нѣсколько жалкихъ, разбросанныхъ безъ плана и системы, русскихъ хижинъ и инородческихъ юртъ, съ плоскими крышами, вмѣсто кровель, и ледяными глыбами, вмѣсто оконъ, носящихъ громкое названіе города, на главной улицѣ котораго лежатъ два озера-болота съ неприличными именами, въ лѣтнее время издающими смрадъ и зловоніе, происходящими, по догадкамъ, отъ подпочвенныхъ сѣрнистыхъ ключей. Десятки-другой казаковъ съ ихъ семьями, нѣсколько мѣщанъ, священниковъ, исправниковъ, докторъ, акушерка, да немного ссыльных — вотъ и все населеніе города. Скотоводствомъ (до 12 т. головъ рогатаго скота и лошадей), оленеводствомъ и звѣринными промыслами занимаются разбросанные по округу тунгусы и якуты.

Не разъ дѣлались въ Верхоянскѣ попытки хлѣбосѣянія. Особо энергично взялся за это дѣло въ концѣ 80-хъ годовъ г. Войнаральскій, впоследствии завѣдывавшій образцовой сельско-хозяйственной фермой, устроенной въ Якутскѣ по инициативѣ генерала Свѣтлицкаго. Опытный земледѣлецъ, онъ приложилъ много усилій къ культивированію ячменя и овса въ небольшихъ размѣрахъ и кой-какіе результаты получились *). Благопріятныя атмосферическія вліянія, хорошія орудія, при большихъ усиліяхъ и внимательномъ уходѣ («точно ананасъ воспитываетъ ячмень!») можно взрастить хлѣбъ. Но это мыслимо въ томъ лишь случаѣ, когда дѣло идетъ объ одной грядкѣ огородной овощи, а не полевой культурѣ. Мерзлая почва, холодъ и снѣгъ не даютъ зерну роста и должнаго питанія и тѣмъ лишаютъ его возможности прозябать. Что касается огородничества, то въ иной годъ оно и удается. Выдастся лѣто болѣе теплое и менѣе короткое, и у верхоянцевъ (немногихъ, конечно, тѣхъ, что рѣшаются на трудъ и уходжанье) есть не много мелкаго картофеля, темно-зеленыхъ листьевъ капусты, да, пожалуй, рѣдка, рѣпа.

Надо отдать справедливость администраціи края: она не жалѣетъ усилій на произведеніе опытовъ хлѣбосѣянія въ сѣверныхъ округахъ области, но изъ этого пока ничего не выходитъ, да и врядъ-ли когда-либо выйдетъ.

Къ сожалѣнію, какъ при проѣздѣ впередъ такъ и въ обратный путь, мое пребываніе въ Верхоянскѣ было очень кратковременно и потому

*) Г. Войнаральскій получилъ сборъ съ урожая для ячменя въ самъ 10, а овса самъ 3. При возможности здѣсь земледѣлія, урожай котораго въ южныхъ округахъ области доходитъ до самъ 50, характеръ населенія измѣнился бы въ зависимости отъ благосостоянія. Теперь въ Верхоянскѣ пудъ ржаной муки въ казенной продажѣ стоитъ 7—8 р., смотря по цѣнѣ праваго изъ Якутска въ Верхоянскъ. Въ статьѣ г. Сѣрошевскаго («Рус. Бог.» 94 г. № 12) «Якутскій хлѣбъ» интересующіеся могутъ найти касающіеся этого предмета свѣдѣнія.

свѣдѣнія мои о немъ скудны. Впрочемъ, мѣстная торговля, характеръ населенія, его занятія, образъ жизни, его обычаи, вѣрованія и времяпрепровожденіе,—все это до такой степени похоже на монотонную жизнь Колымска, что, характеризуя послѣдній, я вмѣстѣ съ тѣмъ дамъ и точное изображеніе Верхоянскаго жителя.

Снова наполнивши опорожненныя сумы провизіей, послѣ трехдневнаго отдыха, мы опять въ дорогѣ. За нами по слѣдамъ бѣжитъ якутъ, до-глаго проигравшійся въ карты. Привезъ въ городъ мясо и масло на продажу и, не продавши еще, пустилъ ихъ въ оборотъ... хотѣлъ было сказать на зеленомъ полѣ, но это было бы невѣрно: якуты играютъ на разостланной на землѣ шкурѣ. Потерявъ не только деньги, но и коня, на которомъ пріѣхалъ, онъ совершилъ такимъ образомъ за разъ нѣсколько выгодныхъ сдѣлокъ: не уплатилъ долга купцу, не купилъ для дома необходимыхъ вещей и побѣжалъ домой за 150 в. пѣшкомъ. Въ городѣ онъ пытался взять у купца еще въ долгъ, но послѣдній не далъ, да еще иронизировалъ надъ нимъ:—Подрядись на заячье молоко. Мнѣ необходимо имѣть одинъ пудъ его.

— Сень, учугой (Ладно, хорошо)! Черезъ мѣсяцъ доставлю,—былъ отвѣтъ на все готоваго подрядчика. Теперь онъ старается, чтобы мы не уѣхали отъ него впередъ, такъ какъ, оставши отъ насъ, онъ не найдетъ въ поварѣ чаю и ляжетъ спать, мало того, что голоднымъ, да еще и одинъ, а этого якутъ не любитъ и боится.

— Вотъ теперь жена тебя заругаетъ,—говорю ему.

— Жена?—презрительно сказалъ онъ.—Я свое проигралъ, а не женино. Приду домой и опять въ городъ. Потому что конь въ залогъ. Наберу мяса и молока и отыграюсь. Хоренъ (жалъ) лошади! Хорошая, бѣдняжка, была лошадь.

Мнѣ передавали люди, заслуживавшіе довѣрія, и впоследствии я много слышалъ подтвержденій тому, что, проигравшись, Верхоянскій якутъ снимаетъ съ себя все, оставаясь въ одной рубахѣ и исподнихъ. Когда къ счастливому противнику перешли и лошадь, и сѣдло, и узда, онъ ставитъ на карту жену на время, на недѣлю, мѣсяцъ, или нѣсколько мѣсяцевъ, и жены въ данномъ случаѣ, повинуются, платя собою проигрышъ мужа. О подобныхъ фактахъ я слышалъ не только отъ лицъ стороннихъ, но и отъ самихъ якутовъ.

Въ числѣ рѣдкихъ встрѣчъ по дорогѣ, мы имѣли, между прочимъ, одну въ 170 верстахъ по ту сторону Верхоянска. Въ то время, какъ чиновникъ П., о которомъ я упоминалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, командированный въ Чукотскую землю на розыски потерявшагося парохода «Алеутъ», возвратился изъ Колымска обратно, получивъ здѣсь извѣстіе объ «Алеутѣ», зазимовавшемъ въ Японскихъ водахъ,—казачій офицеръ К., проѣхавшій раньше П., черезъ Нижне-Колымскъ пробрался въ Аладырокъ, далѣе въ Гижигу, на обратномъ пути побывалъ въ Чукотскихъ владѣніяхъ, перерѣзалъ рѣку Индигирку и теперь возвращался въ Якутскъ,

лишь въ Средне-Колымскѣ узнавъ, что трудился въ напрасныхъ поискахъ «Алеута», давно уже розысканнаго, и совершилъ кругъ въ 10 тысячъ верстъ въ 4 мѣсяца! Онъ принесъ намъ недобрыя вѣсти. На слѣдующей станціи нѣтъ ни лошадей, ни оленей и возвратятся они не скоро. Считая съ отдыхомъ, потребнымъ для нихъ, наше сидѣніе на станкѣ можетъ продолжиться недѣли двѣ. Эта вѣсть насъ крайне огорчила. Можетъ наступить оттепель, и намъ не миновать верховой ѣзды.

Не успѣли мы вѣхаться въ лѣсную просѣку, какъ изъ-за старой, вѣтвистой лиственницы увидѣли глубокіе слѣды волчьихъ когтей. Ямщики остановились. Внимательно разсматривая ихъ, одинъ произнесъ: «волкъ старый, опытный». Долго они совѣтрались, жестикулируя и горячася; наконецъ, старшій проводникъ, съ длинными и бѣлыми, какъ лунъ волосами, сказалъ: «Ночевать въ поварнѣ не будемъ; переночуемъ на снѣгу. Боимся. Оленей поѣдать—не на чемъ будетъ ѣхать дальше—до станка не доѣдемъ». Приходилось сдаваться на его убѣжденія и, миновавъ поварню, мы сдѣлали привалъ въ десяти верстахъ отъ нея въ глухомъ лѣсу.

Отрывъ землю отъ снѣга лопатами, которые вмѣстѣ съ топорами и сверлами проводники всегда запасаютъ въ дорогу, они вырубилъ нѣсколько деревь сухостоя, и ночная тьма озарилась яркимъ свѣтомъ. Затрещали сухія, какъ порошокъ, смолистыя вѣтви, заговорилъ на тысячи ладовъ искрометный огонь, и весь лѣсъ, вся окрестность точно ожили, точно возстали отъ долгой зимней спячки. Вожаки не ложились всю ночь. Они сидѣли вокругъ костра и бесѣдовали. Якутъ-картежникъ подробно, шагъ за шагомъ, рассказывалъ о своемъ пораженіи, а остальные якуты внимательно его слушали. Убаюканные морозомъ и усталостью, мы уснули, кто на нартахъ, кто на разостланныхъ на снѣгу шкурахъ. Ночью я проснулся отъ страшнаго шума. Старикъ-якутъ съ тѣшимъ якутомъ ссорились. Они стояли нѣсколько въ сторонѣ отъ костра. На какой-то постилкѣ валялись старыя грязныя карты, которыя и были причиной не только ссоры, но и, какъ я узналъ, драки. На молодомъ якутѣ вся рубаха была разорвана. На что могъ играть этотъ раззорившійся человекъ, мнѣ не говорили, но думаю, что на старое заячье пальтишко, такъ какъ мы оставили якута все въ той же разодранной рубахѣ; онъ не отходилъ отъ костра. Что же касается старика, то его ставки были солидны. Онъ рисковалъ проиграть зарытыя въ лѣсу кости чуть ли не цѣлаго коня! Когда я звалъ его съ собой въ Колымскъ, эти кости служили ему препятствіемъ. И жалованье хорошее, и тоевъ добрый, да вотъ имущество должно зря пропасть. «Я ихъ продать могу, а не ѣсть то буду мѣсяца два».

По единодушному мнѣнію казаковъ и обывателей Якутска, якуты Колымскаго округа по своимъ качествамъ стоятъ выше всѣхъ своихъ собратій остальныхъ округовъ области.

Пророчество офицера сбылось. На станціи ни одного оленя.

Большая часть ихъ пошла подъ медикаменты, направляемые въ Колымскую казенную аптеку, а остальные выданы офицеру. Джагабулъ принявъ насъ, уѣхалъ куда то въ сторону за лошадыми. Въмѣстѣ съ этимъ мы имѣли на этой станціи еще одну крупную непріятность. Осмотрѣвъ нашу кладь, мы обнаружили отсутствіе съѣстныхъ припасовъ. Не говоря о различныхъ мелочахъ, которыя мы берегли для подарковъ якутамъ за услуги, исчезъ спиртъ, которымъ мы такъ дорожили, и не стало мяса, хлѣба, масла. Такимъ образомъ, значительную часть дальнѣйшаго пути мы вынуждены были жить впроголодь, питаеьсь прѣсными ржаными лепешками, которыя пекли у огня. Къ счастью, мы встрѣтили на пути, идущаго изъ Колымска въ Якутскъ, священника о. Зяновія Винокурова съ семьей, который подѣлилъ съ нами свою провизію и тѣмъ спасъ насъ отъ голода. Пять дней мы сидѣли на станціи, въ ожиданіи *кочта* (средства передвиженія). Въ теченіе этого времени казаки ссорились между собою, ссорились съ якуткой-хозяйкой, требуя, чтобъ ихъ кормили, такъ какъ у нихъ-де ничего нѣтъ, а станція насъ держитъ, и вообще было скверно на душѣ, тѣмъ болѣе, что предстоялъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ переѣздовъ въ горахъ, въ пустынной мѣстности, гдѣ на разстояніи, болѣе чѣмъ въ 300 в., кромѣ камней, нѣтъ ничего: ни жителей, ни станціи, ни возможности что-либо купить.

Мы снова въ скалахъ. Со станціи дали намъ одного только ямщика, мальчишку-тунгуса. Проводникомъ служить Митрофанъ, отлично знакомый съ здѣшними мѣстами. Версты безконечны.

Поварня Элѣрскубитъ (убіенныхъ). Она названа въ память битвы, происходившей здѣсь нѣскольکو столѣтій тому назадъ, между русскими и якутами съ одной стороны и ламутами—съ другой. По преданію, многіе леги здѣсь костыи. Поварня стоитъ надъ спускающеюся къ большому тарыну кручей и печально внимаеьтъ странному шуму, происходящему отъ какого нибудь акустическаго фокуса, вследствие извѣстнаго расположенія горъ. Суевѣрная фантазія жителей полярныхъ странъ видитъ въ этихъ стонахъ плачь убитыхъ. Справа, слѣва, впереди и назади высятся каменные громады съ совершенно отвѣсными стѣнами, красиво взбирающимися въ высь и теряющимися тамъ гдѣ-то, въ далекой синевѣ неба. Это Тастахскія (т. е. каменные) горы. Глубоко залегли подъ верхнимъ слоемъ почвы торфяники. Воздухъ до того чистъ и прозраченъ, что малѣйшій шорохъ далеко звенить въ горахъ. Многоголосное эхо отражаеьтъ каждый звукъ. Сидя у подножья горъ-великановъ, испытываеьшь какое то странное, непонятное ощущеніе—и страшно становится, и начинаеьшь понимать суевѣріе дикаря, разукрашиваго и одухотворявшаго тишину и таинственность мрачно-молчаливыхъ, но величавыхъ исполиновъ. И кажется, что на тебя смотрять не мертвыи очи природы, а укоризненные, неудомявающе глаза «убіенныхъ».

Вѣками остывавшая и на вѣки застывшая природа, точно заду-

мала крѣпкую думу и, не разгадавъ ея, заснула вѣчнымъ, холоднымъ сномъ...

Элерсбургскій тарынъ представляетъ странную игру природы. Непрерывное теченіе водъ изъ-подъ скалъ образовало въ глубокой ущелистой впадинѣ родъ озера, въ которое извиваются все новые и новые ручьи. Окруженное со всѣхъ сторонъ отвѣсными, каменными стѣнами, оно не имѣетъ выхода. Страшная высота, постоянный приливъ съ горъ обуславливаютъ до дна промерзшую и неизмѣримую глубину. Это тарынъ вѣчный—вѣ въ зависимости не только отъ той или иной температуры, но даже и отъ времени года. Кругомъ лѣто, солнце жжеть, міриады птицъ оглашаютъ воздухъ, деревья въ зелени и рядомъ съ этимъ не то зеленый, не то свѣтло голубой, прозрачный ледъ, на протяженіи 20 верстъ; или наоборотъ, въ самый лютый холодъ стоитъ на поверхности его вода, не подвергаясь его дѣйствию.

Вѣдныга-ямщикъ совсѣмъ растерялся. Живой, говорить, не дойду обратно... Вчера огонь въ каминѣ кричалъ—олень палъ. Теперь опять вотъ «кричитъ» (издаетъ трескъ, что служить худымъ предзнаменованіемъ). Да, мало бывалому здѣсь не сладить. На двадцати-верстномъ тарынѣ или гладкѣй, безсніжный ледъ, или вода и снѣгъ по колѣни, а то каменникъ и нескончаемые гольцы, и опять тарымъ, по которому свищетъ вѣтеръ, отбрасывая въ сторону оленей. Кружимъ, бьемся, перебираемся по снѣжнымъ бугоркамъ и вѣзжаемъ въ кольцо горъ, образующихъ колонны, тоннели, ворота, пещеры и террасы. Прямо на встрѣчу загродила дорогу обнаженная скала. Выхода нѣтъ. Но вы круто дѣлаете поворотъ и передъ вами, незамѣтное до сихъ поръ, ущелье. И все это создано не человѣческой рукой, а капризомъ природы!

Пустыня и смерть. Сухой мохъ и лишай,—вотъ все, что вы встрѣчаете на этомъ длинномъ и трудномъ пути. Пробѣжая по самому порогу скалъ, ждешь,—вотъ-вотъ обрушатся на тебя эти висящіе въ воздухѣ глыбы и задавятъ. Камни падаютъ безпрестанно. Намъ случилось: только мияешь опасное мѣсто, какъ съ трескомъ грохнуть на землю стопудовый осколокъ.

Послѣ столькихъ невзгодъ, когда измокъ, продрогъ и измученъ,—не имѣть чѣмъ утолить голода,—этого намъ еще не приходилось испытать! Но на выручку выступаетъ тунгусенокъ и предлагаетъ намъ приличную часть вчера павшаго оленя. Да здравствуютъ тунгусы, кричащій огонь и палая оленьина!..

VI.

Морозъ крѣпчаетъ. Ночь все ниже и ниже опускается на землю, окутывая окрестность бѣловатымъ туманомъ. Ослѣпительно-бѣлой пеленой принарядилась земля. Время уже за полночь. Луна рисуетъ волшебныя тѣни на остроконечныхъ утесахъ. Крутой холодъ нещадно морозитъ руки и ноги, ледянистыя иглы растутъ на усахъ

и рѣсницахъ. Дышать трудно. Сквозь морозный дымъ, высоко-высоко въ далекомъ небѣ, кругомъ опоясанная всѣми цвѣтами радуги, разливаетъ свой тихій, меланхолическій свѣтъ полная луна.

Сказочно-чудный, фантастическій видъ сѣвернаго сіянія положительно приковываетъ взоръ. Есть ли еще въ природѣ что-либо похожее на чарующіе переливы красокъ всевозможныхъ цвѣтовъ, то яркихъ, то нѣжно-блѣдныхъ?! Сначала на сѣверѣ горизонта показывается, охватывающій полъ-неба пожаромъ и постепенно блѣднѣющій, кругъ. Отъ его, точно брызгающіе лучи, начинаютъ появляться и исчезать едва уловимыми, моментальными вспышками громадные снопы, переливающиеся изъ блѣдно-зеленаго и голубаго въ ярко-красные и фіолетовые треугольники, напоминающіе высокія остроконечныя шапки. Цѣлые потоки нѣжно-радужныхъ цвѣтовъ, цѣлый сонмъ огней, съ ничѣмъ несравнимою для глазъ быстротою, смѣняются нѣсколькими ложными солнцами и лунами. Невозможно оторвать глазъ отъ этихъ бриліантовыхъ переливовъ. Все замираешь въ какомъ-то сладостномъ оцѣпенѣніи. Это великолѣпное зрѣлище нужно видѣть, чтобы понять, что оно не поддается описанію.

Кругомъ ни звука. Только мѣрный и дружный топотъ двадцати оленей, попарно запряженныхъ въ легкія березовыя тунгусскія санки, нарушаютъ эту тишину, да еще изрѣдка развѣ треснетъ въ лѣсу древесная кора, покоробленная морозомъ, или зашуршитъ по обледенѣлымъ и замедѣвшимъ сучьямъ падающая вѣтка, — неслышно утонетъ она въ снѣжномъ покровѣ, и снова все смолкнетъ, словно сама природа въ заколдованномъ снѣгѣ чутко внимаетъ этому тихому, чарующему величію полярной ночи.

Но вотъ картина постепенно мѣняется. Съ сѣверо-востока потянулъ рѣзкій, пронизывающій до мозга костей, холодокъ, все болѣе и болѣе усиливающийся. Морозная снѣжная пыль столбомъ взвивалась вверхъ. Закрутилъ вихрь, вздымая снѣжные клубы и переметая съ мѣста на мѣсто огромные сугробы снѣга. Запорошило въ лѣсу. Застонала старая лиственница, осыпая съ своихъ высохшихъ вѣтокъ искристый причудливый уборъ.

Жутко въ тайгѣ. Все живое бѣжитъ и прячется по норамъ и лазамъ, хоронится подъ крѣпкій слой снѣжнаго покрова.

Вихрь, пролетѣвшій по верхушкамъ деревьевъ, находитъ себѣ необъятный просторъ въ тундрѣ, въ горахъ, на наледи. Тамъ нѣтъ ему преграды. Крутитъ и выетъ онъ снѣжную пыль, вздымая гигантскія колонны и наметая цѣлые холмы.

Пронзительный, злой вѣтеръ дуетъ съ такою силою, точно хочетъ сказать: «я золъ и знаю, что это вамъ не нравится; а все-таки я злюсь и еще сильнѣе буду злиться»...

И еще порывистѣе вздымаетъ онъ снѣжныя волны и несетъ ихъ, низвергаетъ и сталкиваетъ провотиположныя, и адски-злобно хохочетъ.

Сквозь это завыванье, точно нестройнымъ хоромъ, проносятся и плачь, и стоны.

Что сулить онъ—этотъ жестокий, не знающій пощады ураганъ—безконечный въ ширину, неизмѣримый въ длину, не понимающій сожалѣнія, не вѣдающій предѣловъ?!

....Время уже за полночь. Невидно ни звѣздъ, ни мѣсяца, такъ недавно еще любовно поглядывавшихъ на землю.

Горе теперь путнику въ эту бурную, морозную ночь. Дорогу замело, овраги засыпало. Понуро бродятъ на-ощупь олени. Проводникъ то-и-дѣло останавливаетъ ихъ и смущенно оглядывается по сторонамъ, пристально всматриваясь въ черную бездну ночи. Но даже зоркій и опытный глазъ этого сына тундры не можетъ различить ни одного предмета. Прямо на встрѣчу несетъ бѣшеная пурга, слѣпнётъ глаза, знобитъ тѣло, какъ иглами колетъ лицо, заметая слѣдъ ледяной пылью, и уносится далѣе, въ темное пространство ночи, жалобно завывая въ ущельяхъ. Все дальше и дальше мчитъ суровый ураганъ.

Вотъ на взгорѣхъ, у края лѣсной чащи, надъ промерзшей до дна извилистой рѣчкой, мигнулъ изъ трубы огонекъ-другой,—мигнулъ и снова исчезъ, какъ бы чего-то застыдившись. Завыла мятель по угламъ встрѣтившейся на пути якутской юрты. Растрепанная, точно косматый лѣсовикъ, стоитъ юртенка и покорно ждетъ той минуты, когда ее совсѣмъ занесетъ снѣгомъ,—убогая, покосившаяся, словно выбѣжала она изъ лѣсу и недоумѣвая, какъ-то бокомъ, остановилась у проѣзжей дороги, слезливо помигивая своимъ единственнымъ ледянымъ оконцемъ. Непривѣтливо смотритъ эта юрта: все въ ней убого, непріятно и грязно. Но какъ ни бѣдна она, въ ней все же можно обогрѣться, обсушить промокшую одежду, протануть ооченѣлое тѣло.

На сегодня муки довольно.

Полунагіе обитатели юрты, еле прикрытые звѣринными шкурами, гостепріимно спѣшатъ вамъ на встрѣчу, помогаютъ снять верхнее платье, готовятъ кипятокъ. Изъ пламени камелька тянутся время отъ времени тонкія струйки голубоватаго дыма. Но вотъ вы обогрѣлись. Обитатели юрты улеглись. Только одна древняя, полуслѣпая старуха, которая, на вопросъ объ ея лѣтахъ, отвѣчаетъ: «не знаю, не помню, что-то давно ужъ живу»,—только она не спитъ. Она рада русскимъ. Русскіе наполнили ее кирпичнымъ чаемъ, они дали ей кусокъ ржаного сухаря, а теперь, пожалуй, дадутъ и листъ табаку, до котораго она такая охотница. А она за это споетъ имъ пѣсню. И она запѣла по «якутски: Бѣдные русскіе! Откуда они идутъ? Они идутъ изъ далекой полуденной стороны. Они терпятъ лишения и холодъ, къ которому не привычны. Бѣдняжки! Они не спятъ, не знаютъ покоя. Зачѣмъ оставили они свою теплую землю, свое незамерзающее море? Мое сердце болитъ, мнѣ ихъ жалко. Бѣдные русскіе!..»

Но вотъ и старуха, удовлетворенная листомъ табаку, бережно положила кусочекъ его въ ротъ, пожевала, поохала и, кряхтя, улеглась.

Невѣрный свѣтъ послѣдняго полѣна дровъ вспыхиваетъ, сколь-

зять по бревенчатой закоптелой стѣнѣ, рисуя на ней фантастическія тѣни. Все рѣже и рѣже вспыхиваетъ огонь въ камелькѣ. Темно, душно...

А на дворѣ все также стонетъ и жалобно взвизгиваетъ вѣтеръ. По верху юрты несется вихрь и дико гудитъ въ открытой трубѣ. Гдѣ-то вдали слышится протяжный, щемящій душу вой голоднаго волка, по временамъ относимый въ сторону неукротимымъ вѣтромъ. Невеселыя думы лѣзутъ въ голову, томятъ душу. Властно охватываетъ тоска, мысль о далекой, покинутой родинѣ.

Но некогда предаваться думамъ. Надо спать. Завтра опять далекая, томительная дорога, опять холодъ и дрожь, и опять какое-нибудь отвратительное логовище, съ полу-звѣрами, полу-людьми, къ которому будешь мысленно стремиться и которому все-же будешь радъ, когда его достигнешь...

Мы стремимся нагнать проѣхавшій впереди купеческій караванъ въ надеждѣ купить что-нибудь и, дѣйствительно, нагнали и купили 20 ф. пшеничныхъ сухарей за 16 р.! («Для васъ развѣ только уступаю»). Сухари эти крошатся, перетираются и обращаются въ порошокъ, который мы ложками сыплемъ въ стаканы съ чаемъ и этимъ перебиваемся, пока не въѣдемъ въ Колымскій округъ, границей котораго служить хребетъ Алозейскихъ, или Колымскихъ горъ, пологімъ подъемъ на который мы совершаемъ почти незамѣтно. Сбываются предсказанія о гостепримствѣ здѣшнихъ якутовъ. Насъ закармливаютъ разнообразной рыбой, отъ которой начинается уже тошнить. Послѣдній оленій станокъ проѣхали съ комфортомъ. Колокольчики, лямки на красной подкладкѣ, а джагобуль, изъ типа фатовъ-кучеровъ, дѣлаетъ намъ честь и везетъ самъ. Въ крохотной юртѣ по дорогѣ меня приняли за священника и подошли къ рукамъ, испрашивая благословенія. Патріархальность и дичь. На послѣдней станціи больной старикъ—хозяинъ на вопросъ: почему ты такъ потѣешь, — отвѣчалъ: «Увидать русскихъ, сердце забилося и потъ прошибъ — испугался очень». Послѣдній сто-пятидесятиверстный переходъ до города дѣлаемъ на лошадахъ. Поварни чистыя, съ полами, каминными, оронами и столомъ. Ямщики добросовѣстно везутъ и охотно кормятъ насъ за подарки.

Мы въ глубинѣ глубинъ на Азіи, краю свѣта, сдѣлавъ 13 т. верстъ. Кажется, что всякому, заброшенному въ эти дебри, возврата нѣтъ.

Но вотъ изъ-за густыхъ тальниковъ показалась старая деревянная церковь, забѣлѣла лентообразная, широкая рѣка. Тамъ и сямъ разбросаны русскіе дома въ перемежку съ юртами. Цѣлая масса людей: русскіе, якуты, мужчины, бабы и ребятишки — все это бѣжитъ намъ навстрѣчу, окружаетъ наши нарты и затрудняетъ движеніе. «Россійскіе, русскіе пріѣхали... Спедиція (экспедиція)... дохтуръ»—и, жадная на впечатлѣнія и новости, молва пошла гулять.

Вотъ онъ Колымскъ и вотъ его обитатели! Они-то и будутъ предметомъ моего дальнѣйшаго повѣствованія.

А. Гедеоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Маленькіе рассказы про маленькихъ людей.

II.

У д а ч а.

Кабацкій довѣренный, Дмитрій Ѳедоровичъ, пріѣхалъ въ Марушку по дѣлу. Марушка село хоть и не малое, но бѣдное и обитатели его славятся, какъ самые отчаянные недоимщики. Батюшка объясняетъ это тѣмъ, что Марушинцы «къ церкви Божіей и служителямъ ея мало привержены», а засѣдатель говорить, что марушинцы «пьяницы и ллѣбтяи», что ихъ-бы «дрррать хорошенько, такъ они-бы тово»... Но, какъ-бы тамъ ни было, а недоимка за ними все накапливалась. Довѣреннымъ мѣстнаго туза кабатчика экономическое состояніе Марушки было хорошо извѣстно, и, обыкновенно, ко времени, когда марушинцы ждали волостныхъ для сбора податей, являлся и Дмитрій Ѳедоровичъ за приговоромъ на кабакъ. Если-бы Дмитрій Ѳедоровичъ пріѣхалъ ранѣе или позже этого времени, ему, по всей вѣроятности, не удалось-бы взять приговоръ за ту цѣну, за которую онъ его бралъ, но въ это время, когда многимъ марушинцамъ грозило лишеніе послѣдней скотинки, а нѣкоторымъ даже, какъ они предполагали, и порка,—дѣло слаживалось быстро и выгодно. Такъ шло довольно долго, такъ, думалъ Дмитрій Ѳедоровичъ, будетъ и нынче, но вышло не такъ. Марушинцы заартачились и затребовали лишнюю сотню рублей. Съ хлѣбомъ они были, урожай диковинный случился, поэтому они и расхрабрились. Само собою, Дмитрій Ѳедоровичъ, не ожидавшій этого, былъ сначала крайне озадаченъ, а потомъ и разозлился. Злоба его была тѣмъ сильнѣе, что, желая собрать полный сходъ, онъ пріѣхалъ въ праздникъ, въ надеждѣ скоро покончить, къ вечеру вернуться обратно въ городъ и поспѣть въ собраніе, гдѣ былъ танцевальный вечеръ, и гдѣ Дмитрій Ѳедоровичъ считался однимъ изъ лучшихъ кавалеровъ, такъ что барышни промежъ себя называли его милымъ и прелесть. И вотъ, вмѣсто пріятныхъ бесѣдъ съ ба-

рышнями, изволь тутъ толковать съ сиволапыми мужиками, которые «сдурѣли» и «съ жиру бѣсятся». Непріятное положеніе! Отрядилъ Дмитрій Ѳедоровичъ кабатчика—Семеныча—на село, потолковать кое съ какими мужиками, а самъ сидитъ и со злости пьетъ стаканъ за стаканомъ чай, который наливаетъ ему жирная жена Семеныча—Макаровна. Кабатчика считаетъ крайне невѣжливымъ не пить, когда «Митрей Ѳедорычъ пьютъ-съ», поэтому она и себѣ наливаетъ чашку за чашкой, обливается потомъ и слушаетъ рѣчи своего почетнаго гостя, который не можетъ переварить обиду, нанесенную ему.

— Изволь торчать тутъ!—злитъсѣ Дмитрій Ѳедоровичъ.— Я въ городѣ теперь третью кадрили танцевалъ-бы, а то, можетъ, польку, вальсъ, польку-мазурку, мазурку, лансѣ (Дмитрій Ѳедоровичъ хотѣлъ поразить Макаровну и собралъ во едино всѣ извѣстныя ему названія танцевъ), а тутъ изъ-за этихъ чертей вечеръ пропалъ!

— И сколь много танцевъ этихъ есть!—вздыхаетъ кабатчица, съ умиленіемъ глядя на гостя. Тотъ доволенъ, что поразилъ ее, но старается не показывать виду.

— Да, порядочно,—говоритъ онъ небрежно.

— И вы всѣ умѣете?

— Не велика мудрость! Хотя, могу сказать, противъ меня тамъ...—хвастаетъ Дмитрій Ѳедоровичъ и не договариваетъ.

— А какъ это ихъ танцуютъ?—вопрошаетъ Макаровна.

— Ну, этого тебѣ не понять, разумѣется! Одно могу тебѣ сказать: нѣтъ для меня выше наслажденія! Понимаешь?—схватишь это барышню, обнимешь ее за талію и несешься, несешься въ вихрь вальса!..—Дмитрій Ѳедоровичъ даже завопилъ и заходилъ по комнатѣ. Макаровна, держа блюдечко съ чаемъ у самаго рта, вертѣла головой по направленію его движеній.

— Понимаешь? Крутишь, крутишь, у ней даже дыханье спирается!

— Зачѣмъ-же крутить-то?—не понимаетъ кабатчица.

— А такъ надо,—коротко поясняетъ Дмитрій Ѳедоровичъ.— Понимаешь? Танецъ такой: чѣмъ больше крутишь, тѣмъ лучше.

— Ну, а потомъ что?

— Потомъ?—переспрашиваетъ Дмитрій Ѳедоровичъ,—потомъ ничего. Посадишь ее на мѣсто и начнешь тамъ разныя штуки говорить, а она смѣется.

— Ужъ на это васъ и взять, Митрей Ѳедоровичъ, извѣстно! У насъ, на селѣ, дѣвки и тѣ: «когда Митрей Ѳедорычъ пріѣдутъ?» все спрашиваютъ,—лѣстятъ кабатчицу.

— Нельзя иначе, Макаровна! Потому, съ ними какой разговоръ? Въ дѣлахъ онѣ ни черта не смыслятъ, ну и ведешь такую линію о чувствахъ тамъ и прочее.

— Извѣстно, наша сестра все больше о чувствіяхъ,—соглашается Макаровна.—Ну, а русскую не пляшутъ?—любопытствуетъ она дальше.

— Ха-ха-ха!—расхохотался тотъ.—Это въ собраніи-то русскую?! Ничего-то ты не понимаешь, Макаровна.

— Гдѣ ужъ намъ!—сокрушается она.

— Впрочемъ, и въ собраніи русскую танцуютъ, только по маскарадамъ. Да ты, вѣроятно, не знаешь, что такое и маскарадъ!—рукой даже Дмитрій Ѳеодоровичъ махнулъ на такое невѣжество.

— Ахъ, нѣтъ—знаю!—оспариваетъ Макаровна его предположеніе.—Лѣтось, это Степанъ Семенычъ въ городу былъ, возьми и привези этотъ самый маскарадъ. Ну, стою я за стойкой, а онъ входитъ, я ажъ испужалась—такой страшной, а онъ смѣется. Потомъ и говоритъ: «это, молъ, маскарадъ, господа въ нихъ рядятся, чтобы страшнѣе быть».

За пріятнымъ разговоромъ Дмитрій Ѳеодоровичъ сталъ было забывать и досаду свою, но въ это время вошелъ самъ Семенычъ.

— Ну, Митрей Ѳеодоричъ, ходилъ я много, а выходилъ мало,—сказалъ онъ, становясь среди комнаты и обдергивая на себѣ рубаху.

— А что?

— Уперлись черти! Четыреста и восемь ведеръ *).

— Вотъ черти!

— Черти и есть,—соглашается Семенычъ.

— Да ты-бы сказалъ, урезонилъ-бы какъ!

— Да я и то сказывалъ: что вы, молъ, братцы, хреста на васъ нѣтъ? Какъ же такую цѣну? И насъ, молъ, пожалѣйте.

— Ну и что?

— Да чево! Намъ, говорить, что тебя жалѣтъ? Ты свою пользу соблюдаешь, а мы, говорить, свою.

— Мерзавцы!

— Мерзавцы и есть! А то еще говорить: мы свой кабакъ, общественный откроемъ,—вотъ что!

— Что же теперь дѣлать? — Дмитрій Ѳеодоровичъ даже руками развелъ.

---

*) При вѣзѣ приговора на патентъ, вопросъ о количествѣ дарового вина общественникамъ такъ же, если не больше, существенъ, какъ и деньги. Бываютъ случаи, когда на запрошенное количество кабатчики не соглашаются, и приговоръ не выдается. Обыкновенно, кабатчики предоставляютъ усмотрѣнію общества: или столько-то ведеръ вина, или соотвѣтственная сумма деньгами, но послѣднее выбирается, сравнительно, рѣдко. Въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ количество выражаемаго вина бываетъ очень крупно—25—30 ведеръ. Не лишнимъ за разъ оговориться, что, какъ это, такъ, вообще, весь рассказъ относится къ деревнямъ Сибири.

— Какъ знаете, Митрей Ѳеодоровичъ, дѣло ваше! Только, по моему, и дать-бы можно. Съ хлѣбомъ они нынче, полагать надо—пить будутъ шибко.

— Да, тоже надѣйся на нихъ, чертей! Они и пьютъ-то покуда голодны, а съ хлѣбомъ, небось, его и арканомъ въ кабакъ не затащишь!

— Это такъ, это вѣрно; съ голодухи они шибко пьютъ,—подтверждаетъ Семенычъ. — Потому, иной въ головѣ такое имѣть разсужденіе: все равно, дескать, мнѣ помирать, такъ ужъ по крайности напьюсь.

— То-то и оно-то! А ты говоришь: дать!

— Какъ знаете.

Дмитрій Ѳеодоровичъ заходилъ по комнатѣ, что-то обдумывая. Семенычъ, не желая мѣшать его думамъ, присѣлъ къ столу и молча ткнулъ жену въ бокъ, показывая на самоваръ. Та догадалась и налила большую чашку чаю.

— Вотъ что!—остановился Дмитрій Ѳеодоровичъ.—Вечеръ у меня все равно пропалъ, такъ я уже завтрашній день пробуду здѣсь,—можетъ, что и удастся; а пока надо спать.

Семенычъ съ трескомъ вытянулъ изъ блюдечка оставшійся чай и всталъ. Макаровна стала хлопотать съ постелью: сдвинула два ящика, принесла громадную кошму, разостлала, покрыла простыней и положила подушки.

— Ровно на пуховикахъ уснете, Митрей Ѳеодорычъ,—сказала она, похлопывая рукой по подушкамъ.

— Спасибо, Макаровна.

— Не на чемъ. Спокойной вамъ ночи.

— И тебѣ также. Пусть тебѣ всѣ танцы приснятся.

— Ну, ужъ и танцы!—сказала Макаровна, кокетливо сморкаясь въ фартукъ, и вышла въ другую комнату. Вскорѣ оттуда донесся глубокій вздохъ и сокрушительное: «Господи, помилуй!» Затѣмъ все смолкло. Семенычъ остался съ Дмитріемъ Ѳеодоровичемъ.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ придется дать? — какъ бы самъ съ собой сказалъ послѣдній.

— Сдается, что такъ,—отвѣтилъ Семенычъ.

— Ну, погодите, черти! Будетъ и на моей улицѣ праздникъ! Не все вамъ съ хлѣбомъ бывать! Богъ дастъ ворочу свое, съ лихвой ворочу; узнаете меня тогда!—грозилъ Дмитрій Ѳеодоровичъ.—Да и скука какая!—продолжалъ онъ, улегшись.—Разскажи хоть что-нибудь, Семенычъ, все же веселѣе будетъ.

Веселый человѣкъ Дмитрій Ѳеодоровичъ и анекдоты любить, а Семенычъ мастеръ рассказывать ихъ. Такіе знаютъ, что даже Макаровна, которую одинъ горячій чай можетъ вогнать въ краску, и та, слушая анекдоты, краснѣетъ, хотя и

не уходитъ. Онъ не заставилъ просить себя и, нагнувшись къ своему гостю, сталъ что-то рассказывать. Нѣсколько разъ тотъ смѣялся, но, видимо, это его мало удовлетворило.

— А все-таки скучно,—прервалъ онъ рассказъ.

Семенычъ замолчалъ, потомъ быстро оглянулся и что-то прошепталъ на ухо Дмитрію Ѳедоровичу.

— Тоже, поди!—сказалъ тотъ, презрительно отмахиваясь рукой.

— Да вѣдь...—Семенычъ опять что-то зашепталъ.

— Тебя только послушать, наскажешь съ три короба,—недовѣрчиво сказалъ тотъ, поднимаясь, однако, на локоть.

— Ей Богу!—побожился Семенычъ.

— И ты говоришь: можно?

— Можно будетъ; только ужъ пожертвовать придется.

— А много?

— Пожалуй—четвертную.

— Да ты что? Одурѣлъ?

— Сумлительно, чтобы меньше; потому, на такое дѣло тоже не всякій рѣшится. И то, развѣ только, что бѣдность шибко заѣла мужиченка, а тутъ подати и прочее.

— Ахъ, чертъ васъ возьми! Ну, да ладно, пожертвую, только смотри!..—Дмитрій Ѳедоровичъ погрозилъ пальцемъ.

— Будьте покойны, обманывать не станемъ,—съ улыбкой завѣрялъ Семенычъ.

— Такъ завтра оборудуй это, Семенычъ, а?—уже просительнымъ тономъ сказалъ Дмитрій Ѳедоровичъ.—Только нельзя-ли чего утянуть? Ты постарайся; самъ посуди—четвертную! За что?

— Ладно, ладно. Съ мужикомъ самъ поговорю, а къ бабѣ Макаровну пошлю. Она у меня хоть и сырая съ виду, а на эти дѣла мастерица,—сказалъ Семенычъ, вставая, и, пожелавъ покойной ночи, вышелъ.

Бѣдно живутъ марушинцы, хотя и не всѣ. Село раздѣлилось на двѣ половины: правую сторону Марушки занимали старожилы, лѣвую—новоселы. Послѣдніе явились сюда сравнительно недавно, лѣтъ десять-пятнадцать. Пришло ихъ сначала немного—семей десятокъ, поселились за рѣкой въ какихъ-то мазанкахъ и начали потихоньку жить. Марушинцы отнеслись къ нимъ довольно сочувственно и, когда черезъ годъ новоселы попросили, чтобы ихъ причислили къ обществу,—съ охотою на это согласились. За первымъ десяткомъ послѣдовалъ другой, за другимъ третій, и черезъ какихъ-нибудь шесть-семь лѣтъ зарѣчной «Рассей» оказалось столько, что коренные марушинцы призадумались. Рѣшили было они

не принимать больше въ свое общество, но оказалось уже невозможнымъ. Новыхъ членовъ, благодаря прежнимъ припискамъ, было уже больше, чѣмъ аборигеновъ, а новопривышѣ крѣпко держались землячества. Инстинктивно они понимали, что взглядъ коренныхъ марушинцевъ на нихъ, съ годами, долженъ измѣниться, и они станутъ во враждебныя отношенія, поэтому и старались заручиться возможно большимъ числомъ членовъ. Перевѣсь и оказался на ихъ сторонѣ, чему много способствовало и то, что многіе изъ коренныхъ вошли съ новоселами въ родственныя связи и волей-неволей поддерживали новую родню. Спохватились марушинцы, да уже поздно было. Со злобой смотрѣли они, какъ претъ «Рассея», какъ «жадна» она къ землѣ; смѣялись надъ порядками и обычаями новопривывшихъ и утѣшались тѣмъ, что они «безъ малаго нищѣ». Но и это, въ сущности, представляло мало утѣшительнаго. Благодаря круговой поруки, почти каждый годъ многимъ богатымъ и, большей частью, кореннымъ марушинцамъ приходилось приплачивать повинности за своихъ бѣдныхъ и недостаточныхъ сочленовъ. Правда, въ накладѣ плательщики не оставались: въ теченіе года тѣ, за которыхъ бывало уплачиваемо, успѣвали возвращать и деньгами, и хлѣбомъ, а болѣе всего личной работой втрое, но тѣмъ не менѣе первые считали себя (и совершенно искренно) благодѣтелями, а послѣдніе (также вполне искренно) съ этимъ соглашались.

Новоселы жили сѣро, голо и бѣдно. Но и среди самой голой бѣдности предпочтеніе надо отдать Ивану Лукину. Приѣхавъ онъ въ Марушку кое съ какими деньжонками, купилъ избу, снялъ въ аренду кусокъ земли и сталъ «жить». Нѣсколько разъ пробовалъ было онъ хлопотать о припискѣ его къ обществу, но такъ какъ мужикъ онъ былъ тихій, робкій, то, обыкновенно, страшно пугался, когда коренные марушинцы бывало заревутъ на сходѣ о непріемѣ его, и убѣгалъ, ничего не добившись. Мало по малу онъ, однако, освоился и года черезъ три досталъ-таки приговоръ, уплативъ за то обществу пятнадцать рублей и ведро вина, причѣмъ на него начислили и часть общей недоимки, лежавшей на обществѣ. Послалъ онъ этотъ приговоръ въ «свою губернію», но оттуда его не выключили, сообщивъ, что за время безвѣстной отлучки за Лукинымъ накопилось пропасть недоимки, причѣмъ предлагалось немедленно выслать его на родину, какъ отлучившагося безъ разрѣшенія и все время проживавшаго «безъ узаконеннаго вида». Забѣгалъ Иванъ—«смерть пришла». Вернуться на родину значило «подохнуть»; здѣсь остаться—надо уплатить старую недоимку и отдѣлаться отъ страшнаго преступленія—житья «безъ узаконеннаго вида». Началъ онъ хлопо-

татъ, подавалъ прошенія—какія и кому—Иванъ не зналъ, такъ какъ адвокаты его старались заслужить свой гонораръ вполне добросовѣстно: писали долго, много и такъ витіевато, что Иванъ ни слова не понималъ; начальниковъ же величали такими страшными титулами и такими грозными красками рисовали ихъ силу и значеніе, что бѣдный Иванъ замиралъ со страху. Одно прошеніе онъ подалъ «самому». Кто былъ этотъ «самъ»—Иванъ не зналъ; ему только сказали, что онъ надъ всѣми начальниками начальникъ, самый страшный, самый большой. Начальникъ, дѣйствительно, оказался большимъ—вершковъ четырнадцать; грозно принявъ онъ прошеніе и спросилъ что? А когда Иванъ, у котораго вся душа въ пятки ушла, сталъ было что-то заикаться,—еще грознѣе сверкнувъ очами и сказалъ: ступай! Иванъ и пошелъ и до сихъ поръ не знаетъ о судьбѣ этого прошенія, хотя послѣ него перестали тревожить его о житіи безъ узаконеннаго вида. Но недомку все-таки пришлось всю пополнить,—безъ этого его не исключали изъ стараго общества. Продать Иванъ избу свою,—самъ перебрался въ какую-то мазанку,—двухъ лошадей, корову и кое-какъ раздѣлался. Но съ тѣхъ поръ захирѣлъ мужиченка. Остался онъ при одномъ гнѣдкѣ и молоденькой коровенкѣ, которымъ и цѣна-то была грошъ, но и за нихъ Иванъ дрожалъ такъ, какъ только такіе Иваны могутъ дрожать. Впереди былъ грозный призракъ—пріѣздъ волостныхъ за податями, и Иванъ трепеталъ, что у него отнять и послѣднюю скотинку. Но тутъ его успокоилъ одинъ изъ его безчисленныхъ адвокатовъ, сказавъ ему, что «счастливъ его Богъ», что у него только по одной скотинкѣ, такъ какъ ее, по закону, отбирать нельзя. Когда же Иванъ усомнился въ существованіи такого благодѣтельнаго закона и спросилъ: неужто простятъ? то адвокатъ объяснилъ, что простить—не простятъ, а... выдерутъ. Съ этимъ Иванъ согласенъ былъ примириться, но не согласилась дочь его — семнадцатилѣтняя Дуня,—блѣдная, худая дѣвушка съ большими синими, какими-то скорбными глазами. Всей-то семьи у Ивана было самъ-шесть, но все мелочь, одна Дуня была взрослая, хотя и она, олагодаря своей худобѣ и какой-то не деревенской граціи, производила впечатлѣніе ребенка. Отецъ и мать объясняли это тѣмъ, что дочь ихъ «худо кормится», но эта худо кормленная дѣвушка работала ничуть не меньше своихъ здоровыхъ и румяныхъ подругъ. Она и косила, и жала, и дома управлялась, даже на поденщину ходила и никогда не жаловалась. При объясненіяхъ отца съ адвокатомъ она тоже присутствовала, вмѣстѣ съ первымъ обрадовалась за цѣлость скотинокъ, но когда услышала, что отца выдерутъ—вся помертвѣла. Она съ ужасомъ представляла себѣ сцену, когда ея

тихаго, робкаго, имѣющаго четырехъ дѣтей тятеньку будутъ пороть, какъ ребенка какаго. Изъ головы это у нея не выходило. Иванъ и жена его Лукерья даже не подозрѣвали о страшномъ безпокойствѣ дочери, а увеличивающуюся съ каждымъ днемъ блѣдность ея и какой-то испугъ объясняли все тѣмъ же: «худо кормится, болѣзная». А она—чуть заслышитъ колокольчики, какъ вся затрясется. Ей казалось, что вслѣдъ за колокольчиками немедленно явится старшина и уведетъ тятеньку пороть. Это было тѣмъ страннѣе, что Дуня прекрасно знала обычное время приѣзда волостныхъ и пугалась, такъ сказать, авансомъ. Какъ бы то ни было, но въ день приѣзда волостныхъ Дуня была сама не своя и всю ночь не спала, съ ужасомъ ожидая завтрашняго и послѣдующихъ дней.

Впрочемъ, и многимъ марушинцамъ плохо спалось. Волостные приѣхали въ одинъ день съ Дмитріемъ Федоровичемъ, остановились на земской, потребовали старосту и велѣли на завтра народъ согнать. Забѣгалъ сотскій по деревнѣ, къ кому побогаче въ избу зайдетъ, а бѣднотѣ и въ окно стукнетъ, какъ, напр., Ивану.

— Эй, Ермолаичъ! На сходку завтра, волостны приѣхали. Да пораньше, мотри!—кричалъ сотскій, стуча палкой въ окно.

Иванъ уже собрался идти на сходку, даже шапку взять, какъ отворилась дверь и вошелъ Семенычъ. Такой гость въ Ивановой избенкѣ былъ до того необыченъ, что всѣ изумились, а Дуня, неизвѣстно отъ чего, задрожала даже. Отъ изумленія никто даже не отвѣтилъ на привѣтствіе вошедшаго.

— Ахъ на сходку собрался, Иванъ Ермолаичъ?—спросилъ Семенычъ, оглядѣвшись и замѣтивъ въ рукахъ хозяина шапку.

— На сходку, на сходку, Степанъ Семенычъ, на сходку,—съ какимъ-то испугомъ отвѣтилъ Иванъ.

— И то пора! Я, какъ шелъ, видѣлъ—валить народъ.

— Валить, валить, Степанъ Семенычъ, это вѣрно,—съ тѣмъ же испугомъ продолжалъ Иванъ.

— Ну, и пойдемъ вмѣстѣ. Мнѣ по пути,—предложилъ Семенычъ.

Они вышли. Дуня выбѣжала за ними, постояла немного, почему-то перекрестилась и вернулась обратно въ комнату.

— Мамонька! Неужто тятеньку и впрямь пороть будутъ?—какимъ-то надорваннымъ голосомъ спросила она, садясь на лавку.

Лукерья съ изумленіемъ посмотрѣла на нее.

— Какъ же это? Мужика, большого, и ровно мальчика какаго,—продолжала Дуня, не глядя на мать.

— Ничего не подѣлаешь, Дуня, законъ такой,—такъ вздохнула та.

— Такъ вѣдь имъ отъ того казны не прибавится!...—со слезами въ голосъ сказала Дуня, посмотрѣвъ на мать. Вгляды этотъ встревожилъ Лукерью, она подошла къ дочери и тихо спросила:

— Что съ тобой, Дуня?

— И чѣмъ мы виноваты, что мы... бѣдныя!—съ воплемъ вырвалось у дѣвушки. Она опустила голову на руки и горько зарыдала.

— А гдѣ у васъ Богъ тутъ? А, вотъ гдѣ! А я то съ улицы и не запримѣтила,—вдругъ раздался тягучій голосъ Макаровны, неслышно вошедшей въ избу. Подъ мышкой она держала большого индюка, который топорщился и фыркалъ.

— Ну, здравствуйте,—сказала она, сядя къ столу.—Отъ Зайчихи шла, индюка, вотъ, купила у нея, да пристала. Ду-маю, зайду къ Лукерѣ, передохну малость, да за одно ужъ Ду-няшу попрошу птицу снести ко мнѣ, сама то заморилась шибко.

Дуня быстро одѣла кацавейку, захватила индюка и вышла.

— Смотрю я на твою Дуняшу, Лукерья: какая она у тебя худа-ая, да блѣднѣйшая,—съ соболѣзнованіемъ сказала Макаровна.

— Не съ чего здоровой, да румяной-то быть,—со вздохомъ отвѣтила та.

— Бѣдно вы живете, бѣдно! Мы съ Семенычемъ и то дивовали: мужикъ у тебя тихій, работащій, не пьющій, а все нѣтъ ему счастья отъ Бога.

— Божья воля!—отозвалась Лукерья.

— Извѣстно, супротивъ Бога!... Теперь вотъ волостны пріѣхали, того и глади послѣднюю скотинку уведутъ.

— Нѣ. Сказывалъ тутъ писарекъ одинъ моему-то, быдто послѣднюю брать нельзя,—сказала Лукерья.

— Что же—простать, что ли?—даже съ досадой спросила Макаровна.

— Не простать, а выпорять,—дословно передала Лукерья слова писаря.

— Вѣрь ты этимъ писарикамъ! Имъ бы только выпить! Чай, мой Семенычъ не хуже знаетъ, такъ сказывалъ, что выдрать—выдерутъ, это своимъ чередомъ, а и лошадь уведутъ.

Лукерья съ тупымъ ужасомъ глядѣла на свою гостью.

— А я, Лукерья, вотъ что скажу тебѣ,—продолжала учительница.—Ты, чай, слышала: гость у меня, Митрей Ѳеодорычъ, довѣренный, такъ я вечеръ обсказывала ему бѣдноту вашу. Ну, онъ ничего,—помогу, говоритъ.

— Да ему-то съ чего намъ помогать?—съ недоумѣніемъ спросила Лукерья.

— Такъ! человѣкъ больно хорошій; душевный человѣкъ!—хвалила Макаровна.

— Чего ужъ!—махнула рукой Лукерья.—Рублемъ, али двумя не пособишь!

— То-то, что не рупь, а цѣлую четвертную жертвуетъ.

Лукерья во всё глаза смотрѣла на Макаровну.

— Только ужъ и его надо будетъ убоготворить,—продолжала та.—Ты, Лукерья...—тутъ Макаровна близко нагнулась къ своей собесѣдницѣ и что-то прошептала ей на ухо. Та отшатнулась.

— Грѣхъ тебѣ, Оедосья Макаровна, надъ бѣдностью нашей смѣяться!—крикнула она.—Я думала: ты съ добрымъ, а ты вотъ чего!

— Что ты, что ты! Съ чего ваяла, что я смѣюсь? Я бѣдность вашу пожалѣла, потому, думаю, какъ послѣднюю лошаденку увести,—пропалъ мужикъ; для васъ же и стараюсь.

— Не надо намъ такого старанья!—рѣзко оборвала Лукерья,—коли наказалъ Господь бѣдностью, то Его святая воля, а на такое дѣло не рѣшимся!

— Какъ знаешь! Только, можетъ, надума...—но Лукерья не дала и договорить.

— Намъ думать нечего!—также рѣзко сказала она,—и ты, Оедосья Макаровна, понапрасну не утруждай себя.

Макаровна обидѣлась.

— А ты что больно раскричалась-то?—сказала она, поднимаясь съ мѣста.—Тоже, смотри, какъ будто путное что! Забыла, видно, пословицу: что и честь, коли нечего ѣсть! Не пожалѣла-бы только апосля, близокъ будетъ локоть, да не укусишь. Другого случая такого когда еще дождешься?—крикнула она уже въ дверяхъ.

Лукерья осталась одна и нѣкоторое время не могла собраться съ мыслями,—ошеломило ее. Потомъ, она раздумалась о своемъ горькомъ житиѣ. Плохое житиѣ! Сколько прожито, а ничего свѣтлаго позади; впереди-же такой мракъ, что Лукерья побоялась и раздумывать. Вдругъ она вздрогнула. Она вспомнила, что Дуня унесла индюка къ Макаровнѣ. Времени прошло не мало, а дѣвушки все еще нѣтъ. Не обращая вниманія на крикъ остальныхъ ребятишекъ, она накинула на себя какую-то рвань, быстро выбѣжала за ворота и остановилась. Посреди улицы, недалеко, стояла Дуня съ Макаровной. Послѣдняя оживленно что-то говорила, а дѣвушка стояла, опустивъ голову.

— Дуня, Дуня! Ступай скорѣе!—крикнула Лукерья.

Дуня подняла голову и отправилась на зовъ, Макаровна крикнула ей что-то въ слѣдъ.

— Объ чемъ ты съ ней?—спросила Лукерья, когда Дуня подошла.

Та молчала.

— Слышь! тебя спрашиваютъ?—съ раздраженіемъ сказала мать. Дуня странно посмотрѣла на нее.

— А съ тобой, мамонька, она о чемъ толковала?—вмѣсто отвѣта тихо спросила дѣвушка.

И мать, и дочь молча вернулись въ избу.

— Эй, старички! Гдѣ у васъ тутъ самые, что ни на есть богатѣи? Вотъ еще одного веду, куды пристать не знаетъ. Да шире намъ съ Иванъ Ермолаичемъ дорогу. Вишь—карманы отъ денегъ оттопырились—не пройтись, хо-хо-хо!—кричалъ Семенычъ, подходя съ Иваномъ къ сборнѣ.

Воалѣ сборни толпилась вся деревня, кое-гдѣ кучками разговаривали, но большая часть стояла хмуро и молча. На веселый крикъ Семеныча никто не отвѣтилъ.

— Ну, что старички? Баня, видно, нонѣ жаркая будетъ?—продолжалъ онъ.

— Ты, Степанъ Семенычъ, смѣяться—смѣйся, а только не тово...—сказалъ какой-то голосъ.

— Не пондра-авилось!—протянулъ Семенычъ.—Ничего,—скушаешь на здоровье! Тамъ, ндравится—не ндравится, а отдерутъ первый сортъ.

— Ну, и отдерутъ! Богаче не станемъ...—глухо сказалъ тотъ-же голосъ.

— Коли-бъ не богаче! — Вѣдь, смотри десятка два всыплютъ. А ежели еще и скотинку отберутъ, такъ и со всѣмъ купцомъ будешь!

— Ну, тамъ купцомъ не купцомъ, а только тебѣ до нашихъ дѣловъ касательства нѣтъ. Вотъ что!

— А ты, умная голова, не горячись, да то сообрази: сдали-бы намъ кабакъ по прежнему, получили-бы денежки, расплатились-бы, выпили-бы на доброе здоровье и разчудесное-бы дѣло. А то—на воты!—раскуражились! Было бы съ чего?

— А вотъ и не съ чего, а тебѣ не сдадимъ!—со злобой отозвался кто-то, какъ бы радуясь, что хоть этимъ можетъ досадить Семенычу.

— Какъ не сдадите? Сдадите. Только вотъ развѣ сотню лишнюю стянете!—такъ и это ничего, и это можно; потому, всѣ эти коровенки, да лошаденки я же и куплю у васъ, да

по дешевой цѣнѣ; вотъ мнѣ сотнягу лишнюю пожертвовать, гляди, и не шибко накладно будетъ.

Изъ сборни вышелъ здоровый, коренастый мужикъ, ожесточенно скребя себѣ затылокъ. Слѣдомъ за нимъ выбѣжалъ сотскій.

— Ермолаичъ! Эй, Ермолаичъ! Тебя кличутъ, ступай,—крикнулъ онъ.

У Ивана ноги подкосились. Шатаясь, направился онъ въ избу, толпа молча проводила его глазами.

За столомъ сборной комнаты сидѣли: старшина, волостной и сельскій писаря. Староста и сотскій стояли въ дверяхъ.

— Ты кто?—важно спросилъ волостной писарь, отбрасываясь на стулъ и кончикомъ карандаша ударяя себя по носу.

— Ермолаичъ я, Иванъ Лукинъ, значить,—дрожа отвѣтилъ Иванъ.

Писарь посмотрѣлъ лежавшія передъ нимъ бумаги и книги и началъ высчитывать на счетахъ.

— Съ тебя приходится: подушныхъ 6 рублей, земельныхъ 7 рублей пятьдесятъ копѣекъ, со скотины 1 рубль пятьдесятъ копѣекъ; да по старой недоимкѣ, вмѣстѣ съ пенями, на твою долю причитается 9 рублей 47 копѣекъ; а всего 24 рубля 47 копѣекъ.—Есть чѣмъ платить? *)

— Нѣтути,—шопотомъ отвѣтилъ Иванъ.

— Нѣтути? Ну, такъ и разговаривать съ тобой нечего. А по дому есть что? Тамъ, братецъ, самоварчикъ и разное? Мы, братецъ, всѣмъ беремъ, намъ все на потребу,—путилъ писарь.

— Ничего нѣтути,—точно секретъ какой сообщилъ Иванъ.

— Самый онъ бѣдный у насъ,—вмѣшался староста, съ участіемъ глядя на Ивана.

— Ну, это еще не резонъ, чтобы другіе за него платили! Скотъ есть?—уже рѣзко спросилъ писарь.

— Есть, есть!—торопливо отвѣтилъ Иванъ.—Лошадь есть, коровенка.

— Одна?

— Одна, одна. Три было, да...

— Ну вотъ и посмотримъ, придемъ, а теперь ступай,—махнулъ писарь рукой.

— Оно, поштенный, ваше благородіе, по закону...—Иванъ вдругъ осмѣлился и подошелъ къ столу.

---

*) На земляхъ Алтайскаго горнаго округа взыскивается, кромѣ 6 рублей подушныхъ, по 25 коп. съ каждой скотины и 20—30 коп. арендной платы за десятину пахатной земли по надѣлу. Обыкновенный надѣлъ переселенцамъ по послѣднимъ нарѣзкамъ 18—30 десятинъ. Изъ нѣкоторыхъ селъ по повинности взыскиваются два раза въ годъ—весною и осенью, но такъ какъ весенніе платежи поступаютъ очень неаккуратно, а большей частью совсѣмъ не поступаютъ, то весь платежъ приходится пополнять осенью, послѣ сбора хлѣбовъ.

— Что?

— По закону, говорю, значить,—одна.

— Ну такъ чего тебѣ?

— Нельзя, быдто,—спутанно объяснилъ Иванъ свою мысль.

— Что-о?! Ахъ ты лапотникъ! Ты меня законамъ учить?—возмущился писарь.—Вотъ ужъ придемъ, я тебѣ покажу, что можно, что нельзя. Пшелъ вонъ!

Ни живъ, ни мертвъ вышелъ Иванъ изъ сборни, мутнымъ взглядомъ оглядѣлъ толпу и направился по улицѣ. Семенычъ, который все еще тутъ вертѣлся, догнавъ его, пошелъ рядомъ и сталъ что-то оживленно говорить ему.

— Ну что?—спросила Ивана Лукерья, когда онъ вошелъ въ избу.

— Ничего,—тихо отвѣтилъ тотъ.

— Былъ?

— Былъ.

— Ну, и что?

— Ничего—придутъ.

— Кто придетъ?

— Писарь со старшиной.

— Неужъ возьмутъ?—спросила она.

— Не знаю,—сказывалъ я ему: по закону молъ, быдто нельзя, а онъ осердился, прогнавъ.

— Что-же теперь дѣлать? Вѣдь коли гнѣдка возьмутъ, да еще и буренку, то совсѣмъ пропади.

— И то правда! Ничего не подѣлаешь,—Божья воля!—покорно сказалъ Иванъ. Лукерья заплакала.

— А ты не вой! потому, сказано, Божья воля! За грѣхи, видно, Господь посылаетъ намъ. Онъ-же, Царь небесный, можетъ и помируетъ,—утѣшалъ Иванъ.

— Тятинька! А какъ гнѣдка возьмутъ, то уже... драть не будутъ?—тихо спросила все время молчавшая Дуня.

— Выдерутъ, Дуня, выдерутъ. Не хватитъ вѣдь гнѣдка и буренку,—за остатніе выд...—всклинулъ Иванъ.

Дуня ничего не отвѣтила, посидѣла немного и вышла. Лукерья посмотрѣла ей въ слѣдъ и прошептала, не глядя на мужа:

— Макаровна приходила.—Иванъ испуганно поднялъ на нее глаза.

— Семеныча видѣлъ?

Мужъ и жена быстро обмѣнялись взглядами и отвернулись другъ отъ друга.

А Семенычъ опять забѣгалъ. Онъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвели его насмѣшки у сборни, спѣшилъ воспользо-

ваться этимъ и пошелъ по деревнѣ. Вчера онъ все богатенькихъ, да вліятельныхъ мужиковъ обихаживалъ, а сегодня по голытьбѣ пустился: къ одному забѣжить, къ другому, третьему, къ инымъ даже два раза заходилъ, какъ, напр., къ Ивану, котораго онъ все на улицу вызывалъ, не заходя въ избу. Впрочемъ, послѣ второго раза къ Ивану и Макаровна пропла... Загадѣла голытьба! Этимъ-то Семенычъ, главнымъ образомъ и пользовался и часу въ первомъ прибѣжалъ домой.

— Ну, Митрей Ѳедоровичъ, наша беретъ!—радостно, возбужденно говорилъ онъ, отирая потъ съ лица.

— Что?—меланхолически спросилъ тотъ.

— Сейчасъ къ старостѣ побѣгу—сходке собирать. Соглашаются!

— Ну-у?

— Ей Богу!—побожился Семенычъ, направляясь опять къ дверямъ.

— Семенычъ! А то?—крикнулъ ему въ догонку Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Все будетъ, все!—изъ за дверей уже отвѣтилъ Семенычъ.

Со старостой Семенычъ живо столкнулся; друзья они были. Кромѣ того, староста и писарь получаютъ обыкновенно отъ довѣренныхъ «благодарность», такъ что съ этой стороны хлопотъ не предстояло. Опять забѣгалъ сотскій по деревнѣ и черезъ часъ возлѣ сборни снова собрались всѣ; только утренняя тишина смѣнилась отчаяннымъ гамомъ. Кричали всѣ разъ и разобрать что нибудь въ этомъ крикѣ не было никакой возможности. Староста, писарь и Семенычъ стояли на крылечкѣ сборни и спокойно ждали. Дѣйствительно, марушинцы, немного погодя, успокоились, перестали кричать и только глупо смотрѣли другъ на друга, дескать—о чемъ это мы кричали?

— Ну что, старички? Писать, что ли, приговоръ-ту?—спросилъ староста, когда совсѣмъ стихло.

Никто не отвѣтилъ. Всѣмъ хотѣлось, чтобы приговоръ былъ написанъ и деньги получены, но никто не рѣшался первый высказать это.

— Вотъ что братцы! Не погодить-ли намъ малость?—выступилъ низенькій старичокъ съ длинной, бѣлой бородой.—Теперь написать долго-ли? а только черезъ это сотню лишаемся, а сотня деньги большія и нашему обществу пригодилось-бы; ой! какъ пригодилось.

Семенычъ злобно посмотрѣлъ на него.

— Это ты правильно, Спиридонъ Назарычъ!—сказалъ онъ.—Сотня денегъ не малыя и хотъ кому пригодятся, а только, какъ-бы вамъ со жданьемъ, да не прогада-ать! Какъ скотинки-то

рѣшиться, такъ сотней, какъ будто, не шибко поможешь. Тебѣ-то ждать можно, когда деньги куры не клюютъ, да амбары подъ хлѣбомъ лопятся, а имъ-то вотъ какъ? — указать онъ на толпу.

Шумъ поднялся пуще прежняго. Къ Спиридону Назарычу подступили со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые даже, изъ за спинъ другихъ, грозили кулаками, но скоро опять все стихло.

— Такъ писать, что ли? — повторилъ староста свой вопросъ.

— Пиш... — нерѣшительно крикнулъ кто-то.

— Пиши, пиши! — вдругъ заревѣли со всѣхъ сторонъ, какъ будто только этого нерѣшительнаго отвѣта и ждали. — Пиши! Нечего тутъ! Имъ ждать можно! Чортъ съ ней, съ сотней! — раздавались ожесточенные голоса.

Черезъ два часа все кончилось: приговоръ написали, староста печать приложилъ, и многіе марушинцы вернулись домой довольными. Хотя по раскладѣ и не Богъ знаетъ сколько пришлось на душу изъ полученныхъ за приговоръ денегъ, но тѣмъ не менѣе это дало возможность многимъ успокоиться за цѣлость своихъ скотинокъ. Разумѣется, успокоились не всѣ: осталась небольшая часть, въ томъ числѣ и Иванъ, для которыхъ обстоятельства ничуть не измѣнились, такъ какъ причитающаяся на ихъ долю, изъ общей суммы, часть была слишкомъ мала, чтобы успокоить ихъ.

Семенычъ вернулся домой крайне довольный, отдалъ Дмитрію Федоровичу приговоръ, рассказалъ ему, какъ и что происходило. Дмитрій Федоровичъ съ чувствомъ поблагодарилъ его, но уѣхать не уѣхалъ, сославшись на то, что буранъ поднялся.

А погода, дѣйствительно, разыгралась не на шутку. Злился вьюга — обидно ей! И голодь, и болѣзнь, и эпидемія, и начальство — все настагаетъ деревенскаго человѣка въ его же дому, одну только ея онъ не боится; а вѣдь и она могла бы донять его не хуже другихъ напастей, — въ полѣ она это и доказываетъ. И добро бы не боялись обстоятельные мужики, а то даже такой, какъ Иванъ, который чуть ли собственной тѣни не боится. И тотъ никакого вниманія на нее не обращаетъ, — сидитъ за столомъ, подперевъ голову обѣими руками, и дѣла ему нѣтъ до вьюги. Онъ одинъ въ избѣ, ребятенки спятъ; Лукерья и Дуни нѣтъ... Тускло мерцаетъ салыный огарокъ, подниметъ Иванъ голову, тоскливо оглянетъ горенку свою и тихо прошепчетъ: Господи, Господи!.. Въ сущности онъ ни о чемъ не думаетъ; щемящая, словами невыразимая тоска давитъ ему сердце и мозгъ. Ему даже кажется, что не вьюга воетъ, а дочь его, — Дуня «болѣзная» — плачетъ...

Тихо отворилась дверь, Дуня какъ то бокомъ прошла въ

нее, не раздвываясь забралась на полати, откуда слышались задуренные рыданія дѣвушки...

На-завтра Иванъ опять отправился къ сборнѣ. Онъ шель успокоенный за цѣлость гнѣдка и собственной шкуры, но на душѣ у него было тяжелѣе вчерашняго. Ровно покойника оставилъ онъ дома! Онъ съ радостью отдасть-бы сегодняшнее благополучіе за вчерашнее безвыходное положеніе, но уже поздно— не воротить.

Когда онъ вернулся домой, Лукерья, по необычному, оживленному виду его, догадалась, что произошло что-то особенное. Она вопросительно-испуганно посмотрѣла на мужа, тотъ поманилъ ее пальцемъ.

— Слышь!—шопотомъ сказалъ онъ, отводя жену въ уголь.— Писарь-ту правду сказывалъ на счетъ лошади. Сейчасъ у Еремѣя были:—Одна? —спрашиваютъ.—Одна,—говорить.—Ну и ушли, ниче не взяли.

Лукерья сѣла на лавку, какъ бы обезсиленная; она съ ужасомъ смотрѣла на него.

— Что же, выдрали?—задыхаясь, спросила она.

— Нѣ. По закону, слышь, *они* и драть не могутъ, только общество, а общество больше въ работники...

Стонъ раздался среди разговаривающихъ. Лукерья вскочила. Посреди комнаты стояла мертвенно-блѣдная Дуня, держась рукою за сердце. Глаза дѣвушки выражали такую муку, такое отчаяніе, что Лукерья съ испугомъ бросилась къ ней.

— Дуня! Христось съ тобой! Что ты?

— Татинька! Мамонька! Что вы сдѣлали со мной?.. — чуть слышно прошептала дѣвушка, заломивъ руки надъ головой, и со стономъ повалилась на полъ.

На другой день Дмитрій Ѳедоровичъ вернулся въ городъ и кое-кому сообщилъ, что поѣздка его была очень удачна.

П. Хотымскій.

* * *

О, скажи мнѣ, мой милый, мой любящій другъ,
Почему, когда солнце сіяетъ,
И свѣтло, и тепло все вокругъ,
Чувство грусти мнѣ сердце сжимаетъ?
Почему этотъ чистый безоблачный сводъ,
Что ласкаетъ мой взоръ синевою,
Точно склепъ гробовой, мою душу гнететъ,
Отзываясь въ ней болью глухою?
И уйти я скорѣе спѣшу
Отъ весны, отъ лазури небесной
И свободнѣй и легче дышу
Только въ комнаткѣ душной и тѣсной?..

Ф.

---

* * *

Когда мучительно и больно
Сожмется грудь тоской,
Когда твой взоръ блеснетъ невольно
Горячею слезой,

Челомъ склонившись къ изголовью,
Подумай въ тишинѣ,
Что помнить о тебѣ съ любовью
Въ родимой сторонѣ.

Въ минуты горести суровой
Надеждою живи:
Воскреснешь ты для жизни новой,
Для близкихъ и любви.

Не всѣ мечты твои разбиты,
Не все погребено,
И—знай, мой другъ,—грозою сердитой
Не все сокрушено.

Рокъ не всегда грозитъ бѣдою,
Не вѣчно длится ночь.
День не далекъ—и предъ зарею
Уходить тѣни прочь.

М.

На зарѣ русской поэзіи.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ. Издается подъ редакцію С. А. Венгерова. Выпуски I—V. СПб. 1893—95 гг.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ гениемъ Петра.
Пушкинъ.

I.

Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ, Костровъ, Хемницеръ, Херасковъ, Державинъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Радищевъ, Капнистъ, Аблесимовъ.....

«Что такое?! съ испугомъ воскликнетъ читатель. Такъ вотъ, что вы называете *зарей русской поэзіи*! Неужели вы намѣреваетесь серьезно говорить, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, о писателяхъ восемнадцатаго вѣка, писателяхъ, давно забытыхъ до того, что самыя имена ихъ, за двумя-тремя исключеніями, звучать дико и непривычно для нашего слуха? Для историка литературы такая задача естественна, но для журналиста это смѣшной анахронизмъ. Между тѣмъ, посмотрите, сколько молодыхъ талантовъ напрасно ждутъ себѣ критической оцѣнки и поддержки, вмѣсто которой они встрѣчаютъ на своемъ пути чаще всего только бесполезное и обидное глумленіе надъ собою. Кантемиръ—а г. К. Бальмонтъ? Ломоносовъ и Державинъ—а Минскій и Величко, Фофановъ и Сафоновъ? Костровъ—а Фругъ и Льдовъ? Херасковъ и Тредьяковскій—а Ляличкинъ и Мережковский? Сумароковъ, Богдановичъ—а Ольга Чюмина и Косуновичъ? Княжнинъ—а графъ П. Вутурлинь? Радищевъ—а г. Будищевъ? Хемницеръ, Капнистъ, Аблесимовъ—а Дрентельнъ, Коринфскій, Пановъ, Тулубъ, Шуфъ, Лебедевъ, Шестаковъ, Медвѣдскій? Что тутъ говорить о *зарѣ*? Никакая заря не можетъ сравниться съ сіяющимъ полднемъ, и нужно потерять всякое чутье жизни, чтобы, пренебрегая настоящимъ, обращаться къ отдаленному прошлому, утратившему всякій интересъ. Мертвыхъ съ погоста не носить».

Нѣтъ ничего неожиданнаго въ такой точкѣ зрѣнія. Въ извѣст-

номъ «Дневникъ» Никитенки, подъ рубрикою «1852 годъ», общается, между прочимъ, что тогдашнее главное управленіе цензуры запретило новое изданіе сочиненій Кантемира на томъ основаніи, что «Кантемира во всякомъ случаѣ нѣтъ пользы печатать: онъ только занимаетъ мѣсто на заднихъ полкахъ бібліотекъ». Если сорокъ четыре года назадъ Кантемиръ стоялъ на задней полкѣ, всѣми забытый, никому ненужный, то теперь, въ наше столь просвѣщенное время, передъ лицомъ пресловутаго фендесіекля, произведенія старика-сатирика, разумѣется, пригодны лишь на заворачиваніе въ нихъ мыла и свѣчей. Этотъ выводъ напрашивается самъ собой. Не будемъ однако торопиться, и такъ какъ у насъ зашла случайно рѣчь именно о Кантемирѣ, то возьмемъ наудачу какое нибудь изъ его «безполезныхъ» произведеній, хотя бы, напр., его первую сатиру, имѣющую болѣе 160 лѣтъ отъ роду. Эта сатира «на хулящихъ ученіе». Хулящіе ученіе—гм! Фендесіекль—фендесіеклемъ, но согласитесь, однако, что по крайней мѣрѣ тема сатиры не особенно устарѣла. Практическая и теоретическая борьба съ *хулящими ученіе* является однимъ изъ самыхъ видимыхъ эпизодовъ современной жизни и современной литературы, такъ что Кантемира можно, пожалуй, и не безъ интереса выслушать. «Критонъ», «Силванъ», «Лука», «Медоръ»—вотъ хулители ученія, которыхъ и осмѣиваетъ Кантемиръ, и пусть читатель самъ разсудитъ—отжили или еще до сихъ поръ здравствуютъ всѣ эти типическіе представители противниковъ просвѣщенія. Критонъ «проситъ смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами»:

Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали—
Теперь къ перкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину.

Силванъ—«другую вину наукамъ находить»:

Ученье, говорить, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежде сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ, больше хлѣба жали,
Переснявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Румяный Лука «поддѣвываетъ»:

Наука содружество людей разрушаетъ.
Что же пользы иному, когда я запрუსа
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?

Наконецъ, Медоръ «тужить, что черевчуръ бумаги исходить на письмо, на печать книгъ». Всѣ же вообще хулители ученія—

Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видимъ съ науки,
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

Конечно, замѣчаетъ отъ себя Кантемиръ, эти «рѣчи злобы умнымъ людямъ не устави, плюнуть на нихъ можно», но бѣда въ томъ, что «въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ». А дальше, иронически соглашаясь, что безъ науки, безъ ученія можно очень благополучно прожить на свѣтѣ, сатирикъ возвышается до истинно патетическаго негодованія:

Хочешь ли судьбою стать? вздѣнь перуку (?) съ узами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны нравы,
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну.

Не улыбайтесь надъ наивною грубостью («плюнь ему въ рожу») вишней формы—вѣдь это первый дѣтскій лепетъ нашей поэзіи—а взглянитесь попристальнѣе въ пожеланія сатирика восемнадцатаго вѣка: это наши, современныхъ людей, пожеланія, съ которыми мы вступимъ и въ двадцатое столѣтіе. Поэтъ-сатирикъ нашей эпохи вотъ что говоритъ:

Подумать—страхъ беретъ, что нынѣ меньшинство.
Покуда вѣрное гражданственнымъ началамъ,
Ужъ представляется явленіемъ запоздалымъ.
Таковъ переворотъ. Чѣмъ объяснимъ его?
Что возбуждаетъ въ насъ враждебность и сомнѣнья?
Иль барщина честнѣй свободнаго труда?
Иль мракъ невѣжества полезнѣй просвѣщенья?
Безсудье ль правнѣнѣй суда?

(А. М. Жемчужниковъ).

Не то-ли же это самое? «Безсудье» и «мракъ невѣжества»—это какъ разъ тѣ самые враги, съ которыми боролся Кантемиръ. Уваженіе къ «гражданскимъ уставамъ», памятованіе о «естественномъ законѣ» и бережное отношеніе къ «народнымъ правамъ»—все это темы, до сихъ поръ не исчерпанныя, цѣли, до сихъ поръ недостигнутыя. Едва ли, значить, справедливо отводить Кантемиру мѣсто на заднихъ полкахъ нашихъ библіотекъ. Кантемиръ гораздо болѣе передовой, болѣе просвѣщенный человѣкъ, нежели наши Мещерскіе и Петровскіе, ежемѣсячно, еженедѣльно и даже ежедневно бесѣдующіе съ читателями.

Но главная сущность дѣла лежитъ всетаки не здѣсь, а вотъ гдѣ. Если у васъ есть нѣсколько свободныхъ сотенъ рублей, вы безъ большихъ хлопотъ можете съѣздить въ Америку, посмотрѣть Нью-Йоркъ, полюбоваться статуей Свободы, прокатиться къ Ніагарѣ и черезъ мѣсяцъ—другой спокойно вернуться восвояси. Это будетъ только увеселительная прогулка, за которую васъ, конечно, никто не назоветъ героемъ. Но имя того человѣка, который, чотыреста лѣтъ назадъ, тоже не болѣе какъ *съѣздивъ въ Америку* и благополучно вернулся домой—имя этого человѣка стоитъ въ подлинномъ

ряду именъ благодѣтелей человѣчества и извѣстно всѣмъ грамотнымъ людямъ. Точно такая же логика и такая же оправданность дѣйствуютъ и въ литературной области. Современному писателю, для того чтобы завоевать себѣ прочное и почетное мѣсто въ исторіи родной литературы, необходимо написать—и очень хорошо написать—не одну сотню печатныхъ листовъ, тогда какъ Лука Жидята, написавшій восемьсотъ лѣтъ назадъ нѣсколько десятковъ строкъ «поученія», не будетъ забытъ ни однимъ историкомъ нашей культуры вообще. Таково дѣйствіе закона исторической перспективы и таково значеніе инициативы, перваго почина. Вотъ почему, если современный поэтъ восклицаетъ, напр.: «намъ безъ вражды невозможно любить, какъ невозможно оковы желѣзные кроткой слезою разбить», мы не только не восхищаемся этой метафорой, а нетерпѣливо морщимся, какъ отъ визга гвоздя по стеклу. Знаемъ, знаемъ, давно слышали и давно восприняли и сложили въ своей памяти и въ своемъ сердцѣ и о любви—ненависти, и о видимомъ смѣхѣ съ незримыми міру слезами! Перепѣвы слишкомъ знакомыхъ мотивовъ, хотя бы то и съ кое какими варіаціями, не распеваютъ, не взволнуютъ насъ. Но съ чувствомъ живѣйшаго участія, отъ котораго менѣе шага до самаго искренняго уваженія, мы вчитаемся и вдумаемся хотя бы вотъ въ эти нескладныя вирши:

Знаю, что правду пишу и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу!
(Кантемиръ, сатира IV).

Конечно, это не болѣе, какъ косноязычный лепетъ въ сравненіи съ эффектной, ухищренной метафорой на счетъ желѣзныхъ оковъ, которыхъ нельзя разбить кроткой слезой. Такъ, но съ другой стороны мы живо чувствуемъ, что эта красивая фраза—«намъ безъ вражды невозможно любить»—именно только фраза, мѣдъ звенящая, а семинарски-неуклюжіи стихи «смѣюсь въ стихъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу»—это крикъ тоскующей души. *Тотъ* писалъ или, по старинному говоря, пѣлъ; *этотъ* переписываетъ или перепѣваетъ; *тотъ* плакалъ въ самомъ дѣлѣ, *этотъ* батистовымъ, надушеннымъ платкомъ третъ свои сухіе глаза. Кантемиру некому было подражать и не у кого учиться, тогда какъ теперь, поучившись у Пушкина гармоніи вообще, можно настроить свою «лиру» и по камертону Лермонтова (поэзія протеста и рефлексіи), и по камертону Некрасова (поэзія гражданская), и по камертону Фета (поэзія звуковъ сладкихъ). *На зарѣ* только соловьи (а впрочемъ, также и пѣтухи, о чемъ у насъ будетъ дальше рѣчь) поютъ, тогда какъ *въ полдень* всякая досужая птишка чирикаетъ. *Avis au lecteur.*

Всѣ эти замѣчанія сдѣланы нами съ цѣлью оградить нашу тему отъ невыносимаго для живого журналиста упрека въ архаизмъ. Теперь можно обратиться къ самому дѣлу.

II.

Давно стало общимъ мѣстомъ и даже перешло въ учебники то положеніе, что основателемъ и родоначальникомъ русской литературы былъ Ломоносовъ. Если это положеніе вѣрно, то надо будетъ согласиться и съ тѣмъ, что основателемъ русскаго флота былъ Францъ Тиммерманъ или Карштень Брантъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ? Тиммерманъ объяснилъ Петру устройство будущаго «дѣдушки русскаго флота», а Брантъ починилъ его, этотъ старый англійскій ботъ, валавшійся въ амбарѣ, и тѣмъ самымъ далъ возможность таившейся въ Петрѣ страсти къ мореплаванію. Если бы не было Тиммермана, не было бы и приглашеннаго имъ Бранта; не было бы Бранта, не было бы бота; не было бы бота, не было бы и русскаго флота. Ergo..... Заключеніе напрашивается само собой, но нелѣпость этого заключенія очевидна тоже сама собой. Путемъ такой логики не трудно придти къ выводу, что Россія обязана возможностью имѣть собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ не другому кому, какъ пьяному подъячму Зотову: Петръ открылъ наукѣ доступъ въ Россію, но его собственное первоначальное ознакомленіе съ наукой произошло благодаря именно Зотову. Опять—ergo..... Съ извѣстной точки зрѣнія, имѣющей свое мѣсто въ исторической наукѣ, всѣ эти заключенія, имѣющія свой смыслъ: является возможность относить обновленіе Россіи не къ единичной, грандіозной, почти сверхъестественной фигурѣ «строителя чудотворнаго» (выраженіе Пушкина), а къ самому обществу или народу, въ лицѣ его зауряднѣйшихъ представителей. Эта точка зрѣнія въ нашей литературѣ шестидесятихъ годовъ была выражена въ очень простой формулѣ: «если бы заговоръ Шакловитаго удался, исторія Россіи очень мало измѣнила бы свое теченіе» (Писаревъ). Если бы заговоръ Шакловитаго удался, скажемъ мы на это, то не было бы и самихъ «шестидесятихъ годовъ»—не въ календарномъ, разумѣется, а въ идейномъ смыслѣ, т. е. не было бы тѣхъ реформъ въ нашей государственности и въ нашей общественности, которыя сами по себѣ являются не болѣе какъ логическимъ результатомъ петровскихъ преобразованій. Пусть только читатель представитъ себѣ допетровскую, сонную, апатичную, неповоротливую «Москву» въ послѣдовательной борьбѣ съ такими искусными и хитрыми солдатами, какъ Карлъ XII, Фридрихъ Великій и Наполеонъ I: не прорубать окно въ Европу, а искать поскорѣ дверь въ Азію—вотъ что тогда осталось бы намъ, если бы они захотѣли сохранить свою политическую независимость.

Все хорошее, разумное, свѣтлое, доброе, что только есть въ нашей русской жизни—все это имѣетъ своимъ источникомъ гениальную личность и гениальную дѣятельность Петра—за исключеніемъ, само собою разумѣется, естественныхъ, стихійныхъ духовныхъ богатствъ,

свойственныхъ русскому народу такъ же, какъ свойственнымъ Сибири золотоносныя жилы и россыпи. Что такое Петръ? Это провозвѣстникъ нашего историческаго сознанія и самосознанія. А что такое историческое самосознаніе? Это нисколько не отвлеченный, а совершенно практическій и очень простой вопросъ, до того простой, что его удачно рѣшаетъ солдатъ Митричъ изъ «Власти Тьмы» Толстого. Правда, Митричъ имѣетъ въ виду деревенскихъ бабъ, но нѣтъ препятствій къ тому, чтобы дать его словамъ болѣе широкое примѣненіе. «Деревенская баба что? Слякоть одна. Вашей сестры въ Россіи большіе милліоны, а всѣ какъ кроты слѣпые—ничего не знаете. Какъ коровью смерть опаживать, привороты всякіе, да какъ подъ насѣсть ребятъ носить къ курамъ—это знаете. Милліоновъ васъ сколько бабъ да дѣвокъ, а всѣ какъ звѣри лѣсные. Какъ выросла, такъ и помреть. Ничего не видала, ничего не слыхала. Баба не то что про Бога, она и про пятницу то не знаетъ толкомъ—какая такая? Пятница, пятница, а спроси какая—она и не знаетъ. Такъ, какъ щенята слѣпые, ползаютъ, головами въ навозъ тычутся..... Только и знаютъ пѣсни свои дурацкія: го-го, го-го... А что го-го?—сами не знаютъ. Такъ, безпастушная скотина озорная самая, бабы эти—самое глупое ваше сословіе». Позвольте сказать безъ обиняковъ (благо славянофилы теперь у насъ повывелись), что вотъ точно такой бабой, одной огромной собирательной деревенской бабой была и допетровская Русь наша. Щедринскій Молчалинъ сказалъ бы намъ здѣсь: «рѣзконько, голубчикъ!», но по существу дѣла—что же рѣзкаго въ нашемъ сравненіи? Прежде всего вотъ какое простое соображеніе: наша современная деревенская женщина, даже если цѣликомъ принять характеристику Митрича, всетаки не уступаетъ же въ культурности мужчинѣ 15—17 столѣтія. Даже не выходя изъ своего захолустья, она можетъ видѣть теперь и желѣзную дорогу, и пароходъ, и фабрику, и школу—все предметы, «вызывающіе на размышленіе», говорящіе объ иной жизни и объ иныхъ людяхъ. Подъ куриный насѣсть она своего больного ребенка, положимъ, понесетъ совершенно также, какъ и триста лѣтъ назадъ, но теперь она отъ своего же работника можетъ услышать, что поступаетъ безсмысленно, тогда какъ на старой Руси, уже въ семнадцатомъ вѣкѣ, властные бояре, отъ которыхъ зависѣла судьба тысячъ людей, обвиняли другъ друга въ колдовствѣ, и эти обвиненія провѣрялись пытками и заключались ссылками и заточеніями «виновныхъ». Можете ли вообразить себѣ современнаго сановника, который приноситъ въ сенатъ жалобу на другого сановника за то, что тотъ «умышляя на него худое, вынулъ у него слѣдъ»? Смѣшно..... Такой челобитчикъ немедленно поступилъ бы въ вѣдѣніе доктора Чечота, но вспомните же, что всего какихъ нибудь 200—300 лѣтъ назадъ (а это въ жизни великаго историческаго народа приблизительно тоже, что 2—3 года въ жизни личности) жалобы этого рода навлекали опалу на ближайшихъ цар-

свихъ совѣтниковъ и даже родственниковъ. Мы говоримъ не о политическомъ и не объ юридическомъ состояніи древней Руси, а объ ея умственномъ и культурномъ уровнѣ, который неподвижно стоялъ на одной высотѣ и въ которомъ заключалось все дѣло. Воеводы грабили и самовластвовали хуже всякихъ баскаковъ, пытка была необходимою принадлежностью судопроизводства, кнутъ не щадилъ ни правого, ни виноватаго, ни бѣднаго, ни богатаго, войско представляло собою толпу или орду кое какъ вооруженныхъ людей и пр. и пр.—Дѣло всетаки не въ этихъ вопиющихъ беспорядкахъ, а въ томъ, что эти беспорядки играли роль неизбежнаго порядка, стоящаго внѣ, выше критики. За нихъ былъ авторитетъ преданія, они были узаконены обычаемъ, освящены давностью. «Не нами началось, не нами кончится, и такъ жили наши отцы и праотцы»—это былъ китъ, на которомъ стояла русская земля, государственный и житейскій принципъ, которому подчинялись все, не за страхъ, но за совѣсть. Когда русскому человѣку становилось окончательно не въ мочоту, онъ инстинктивно сторонился, отходилъ отъ давившей его тяжести, всетаки не вдаваясь ни въ какую критику. Если на дворѣ морозъ, а истопить избы нечѣмъ, надо какъ нибудь потеплѣй укрыться или уйти къ сосѣду, а возмущаться морозомъ нечего. Воевода злодѣйствуетъ, дьякъ грабитъ—на то они воевода и дьякъ, и если ужъ совсѣмъ нѣтъ мочи терпѣть, надо уходить подальше—вотъ и все. Въ одной старинной народной пѣснѣ это смиреніе передъ фактомъ выразилось съ наивною прямою:

А и горе, горе, гореваньице!
 А и лыкомъ горе подпоясалось,
 Мочалами ноги изопутаны!
 А я отъ горя въ темны лѣса—
 А горе прежде вѣкъ зашелъ;
 А я отъ горя въ почестный пирь—
 А горе зашелъ, впереди сидитъ;
 А я отъ горя во царевъ кабакъ—
 А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить.

Вотъ видите: «уйти отъ грѣха», убѣжать отъ горя—вотъ единственное средство бороться съ горемъ. Это не душевная слабость, это просто умственная трусость человѣка, воспитавшагося на традиціяхъ. *Горе прежде вѣкъ зашелъ*—что-жъ тутъ подѣлаешь? Поставьте этого горюна на мѣсто того воеводы или того дьяка, отъ притѣсненій которыхъ онъ бѣжалъ—и онъ тотчасъ же сдѣлается притѣснителемъ, — не по влеченію, не по натурѣ, а какъ бы по долгу: положеніе обязываетъ, и гдѣ жъ это видано, гдѣ слыхано, чтобы воевода не самодурствовалъ, а подьячій не воровалъ? Куда люди, туда и я, и опять такъ—не нами началось, не нами кончатся. Посмотрите, наконецъ, на нашу древнюю письменность: смыслъ разныхъ «поученій» и «словъ», входящихъ въ ея составъ, заключается въ утвержденіи и защитѣ тѣхъ именно началъ, кото-

рия и безъ того господствовали въ жизни, а полемическимъ нападкамъ подвергались частныя отступленія отъ этихъ началъ. Уже кажется, напримѣръ, положеніе женщины въ старой Россіи было достаточно принижено, но писателю XIV вѣка кажется необходимымъ еще и еще подчеркнуть и безъ того устойчивый фактъ: «не скоть въ скотѣхъ коза, и не звѣрь во звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь; и не мужъ въ мужѣхъ кѣмъ своя жена владѣть». (Даніилъ Заточникъ). А почему? Старая Русь не знала и знать не хотѣла этого вопроса. Такъ было, такъ есть, значить такъ и должно быть. «Искони бѣ» — аргумента болѣе убѣдительнаго не было въ тѣ времена.

Государственное устроеніе, на которое уходили почти всѣ живыя силы народа, очень мало способствовало возбужденію и развитію мысли. Отъ ига «поганана татарина» надо освободиться — что бы то ни стало — тутъ думать не о чемъ; домашнюю междоусобицу надо прекратить — это всякому понятно; никакихъ «почему?» не возбуждаетъ очевидная необходимость вооружаться, соединяться и драться, когда грозитъ чужеземный врагъ. Мысль бездѣйствовала, а двигало и управляло непосредственное чувство инстинктивнаго патріотизма, на подкладкѣ религіозныхъ вѣрованій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ импульсамъ не было причинъ къ особенному возбужденію и на первый планъ должны бы выступать другіе двигатели, результаты получались печальные: «такали, такали да и протакали» новгородцы свою вѣчевую свободу. Въ другіе трудныя историческіе моменты придумывались средства къ спасенію бесспорно героическія, но неудобноисполнимыя и бесполезныя: «заложимъ женъ и дѣтей нашихъ». Я и не думаю спорить, конечно: «въ искушеньяхъ долгой кары, перетерпѣвъ судьбъ удары, окрѣпла Русь». Но она окрѣпла въ государственномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заочейла или заостенѣла въ культурномъ отношеніи. Это былъ европейскій Китай, съ его самодовольствомъ, съ его десятью тысячами церемоній, т. е. преданій, съ его враждебною отчужденностью отъ другихъ народовъ и — какъ неизбѣжный результатъ всего этого — съ полнымъ отсутствіемъ въ немъ дѣятельнаго начала жизни, начала *прогресса*, т. е. накопленія, движенія и распространенія знаній. Русскій человѣкъ времени Владиміра, Калиты, Донскаго, Грознаго и «тишайшаго» царя — это былъ все одинъ и тотъ же человѣкъ, все съ тѣми же неизмѣнными вѣрованіями, понятіями, преданіями, предрасудками — точъ въ точъ какъ и «баба» въ характеристикѣ Митрича, или точъ въ точъ какъ современный китаецъ, отечество котораго, однако, тоже вѣдь пользуется государственной самостоятельностью. Ни мысли, ни нравы — вплоть до языка и костюма не подверглись у русскаго человѣка никакимъ новшествамъ. За восемьсотъ лѣтъ своего существованія, Русь собралась, подобралась, сплотилась и... какъ будто замерла въ ожиданіи, въ предчувствіи чего то... Чего именно? Этой огромной

опарѣ, замѣшанной могучей рукою исторической судьбы, нужна была теперь только хорошая доза забористыхъ дрожжей...

Все приходитъ во время для того, кто умѣетъ ждать, говорить французская уминая пословица, а Русь ждать умѣла—въ этомъ ужъ ей никакъ нельзя отказать. И дождалась... Для цѣлей этой статьи, намъ нѣтъ никакой надобности останавливаться здѣсь на государственно-преобразовательной дѣятельности Петра, но мы попробуемъ взглянуть въ его нравственную личность. Этотъ новаторъ, этотъ врагъ всякихъ окаменѣлыхъ формъ и всякихъ традицій, былъ прежде всего типичнѣйшимъ представителемъ нѣкоторыхъ коренныхъ свойствъ русской нравственной стихіи. Дѣло въ томъ, что обуявшая насъ китаищина была результатомъ вѣдѣнія вѣдѣніемъ историческихъ, а не національно-психическихъ силъ. Вспомните героя нашей сѣдой старины Василя Буслаевича, который не вѣрилъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣровалъ въ свой червленый вѣзъ. Отвращеніе къ условности, къ торнымъ дорожкамъ, къ общепринятымъ формамъ составляетъ одну изъ яркихъ особенностей психи русскаго человѣка. Это не я говорю, это утверждаютъ знатоки нашей національной психологіи, наши лучшіе писатели. Гоголь говоритъ, что русской душѣ свойственно стремленіе закружиться, загуляться, сказать иногда «чортъ побори все!». Левъ Толстой подчеркиваетъ ту же самую черту у своего Пьера Безухова, но чаще всѣхъ и пристальнѣе всѣхъ вглядывался въ эту дѣйствительно многозначительную особенность нашу Глебъ Успенскій, и его наблюденія тѣмъ драгоцѣннѣе, что относились къ народу, т. е. къ людямъ во всей ихъ первобытной душевной нетронутости. Вотъ, напр., рассказъ о себѣ одного кузнеца: «О, поглядѣлъ бы ты на меня прежде то! У меня въ городѣ восемь кузницъ было; часы, цѣпочка... полное почтеніе... А тамъ вдругъ и одолѣло меня... Не пилъ, не пилъ, все честно, благородно жилъ, наживалъ, *вдругъ все мнѣ опротивѣло*. Все не по мнѣ стало; думаю: *за какимъ шутомъ я жегился? Зачѣмъ цѣпочки, часы, что такое? Захотѣлось мнѣ все разкассировать и тутъ я пошелъ; все, рѣшительно вотъ все, что подъ руку подвернется, все сталъ пропивать; что было дома—пропилъ, чужое—экипажи, коляски тамъ—все продать, пропилъ и что дальше пью, все того интереснѣе... Жена—Боже мой! И дерется, и жалуется, и сынъ бьетъ и оретъ, *смылъ мнѣ, больше ничего...* Доберусь до дому, какъ пѣсь, въ грязи, пьяный, заберусь на печку—*ха-ха-ха!*.. а они то зудятъ, орутъ, Боже мой... *Вотъ любовитно мнѣ, да и только, а зла нѣту...* Потомъ они меня вонъ выгнали. Жена съ любовникомъ, съ купцомъ—ничего! это мнѣ нисколько! *Всѣмъ же меня обуяло, какъ птицу небесную. Изъ хозяевъ пришлось въ работники—еще того веселѣе стало*». Прошу читателя обратить вниманіе на подчеркнутыя слова кузнеца: очевидно, передъ нами не просто пропойца, большой человѣкъ, а нѣкоторымъ образомъ протестантъ, esprit fort. Не потому онъ пьетъ, что его*

болѣзненно *тянетъ* пить, а потому, что ему «любопытно». Жена, часы, цѣпочки, полное почтеніе — за какимъ шуткомъ, что такое? Отвѣта на этотъ вопросъ онъ не находитъ и протестуетъ, какъ дикарь—пьянствомъ, но самое его недовольство внѣшнее, формальною респектабельностью своей жизни несомнѣнно имѣетъ и нравственный и идейный смыслъ. У этого кузнеца, очевидно, не имѣящихъ стремленія, не буржуазные идеалы. То есть идеаловъ въ собственномъ смыслѣ у него никакихъ нѣтъ, потому что вообще нѣтъ идей, но у него есть смутные душевные запросы, которые не позволяютъ ему успокоиться на общихъ нормахъ. «Э, полноте, просто пьяница, котораго вы идеализируете», скажетъ читательскепстикъ. Хорошо, такъ вотъ вамъ другой образъ, заимствованный у того же Успенскаго. Молодой купеческій приказчикъ намѣревается застрѣлится, потому что «правды нѣтъ ни капли», и его жизнь—«Боже сохрани, какая канитель!» Почему же канитель? «Потому, такая линия... Что жь дѣлать! Одного платья сколько было, панталоновъ однихъ лѣтнихъ шесть паръ, у Корпуса... да что! Тѣфу... Неужели изъ за этого... Господи помилуй! вотъ ужъ стоитъ! тѣфу! Нѣтъ, а есть надъ человѣкомъ персть — вотъ что! Теперь я приказникомъ, все хорошо... Приглашали къ Пеструхину на Невскій на семьдесятъ пять рублей... и съ удовольствіемъ принимали—самъ не захотѣлъ! потому что... да что! Мѣста! Вотъ ужъ наплевать-то! Мѣста, панталоны! Господи, очисти живота отъ всего отъ этого...». Невразумительно, конечно, но такъ какъ приказчикъ въ самомъ дѣлѣ вскорѣ застрѣлился, то очень убѣдительно. Передъ такимъ доказательствомъ искренности не устоитъ никакой скептицизмъ.

Этотъ типъ, «безпокойныхъ», или «неприспособленныхъ», или лишнихъ, или «неуравновѣшенныхъ» людей—называйте ихъ, какъ хотите—имѣетъ очень широкія границы, почти безчисленныя градации и отгѣнки. Къ нему могутъ быть соотнесены люди и самыхъ гениальныхъ и самыхъ заурядныхъ способностей, люди различныхъ темпераментовъ и различныхъ цѣлей, правдоискатели и просто «озорники», люди пракческаго дѣла и люди отвлеченной мысли. Общая черта, соединяющая этихъ людей въ одну группу, состоитъ въ томъ, что всѣ они—сознательные или безсознательные, но непримиримые враги всяческой рутины. Это не экземпляры изъ Панургова стада; это именно они будоражатъ мирныхъ людей неожиданными вопросами: «почему? зачѣмъ? за какимъ шуткомъ? Вотъ ужъ наплевать то!» Это не о нихъ, а объ ихъ нравственныхъ антиподахъ сказано:

Я свой вѣкъ прожилъ спокойно,
Никогда не зналъ напасти,
Потому что жилъ пристойно.
Подчинялъ разсудку страсти.

Они живутъ не спокойно и зачастую не пристойно, напасти

ихъ постоянно преслѣдуютъ, а разсудокъ въ ихъ жизни играетъ очень скромную роль. Не ими дѣлается исторія, но безъ нихъ не дѣлается исторія; они именно закваска, безъ которой прокисла бы наша жизнь, это—«соль соли, двигатели двигателей, теинъ въ чаю, букетъ въ благородномъ винѣ», по удачному выраженію Чернышевскаго.

Ни въ современной Россіи, ни въ старой Руси этотъ типъ «безпокойныхъ» людей съ пытливой мыслью, съ тревожнымъ чувствомъ никогда не оскудѣвалъ представителями, участь которыхъ, при всемъ различіи обстановки, эпизодовъ и деталей, въ общемъ, была одна и та же: всегда бороться и почти всегда быть побѣжденными, хотя, конечно, не безъ изъяна, не безъ уступокъ и со стороны жизни-побѣдительницы. Величайшимъ изъ всѣхъ историческихъ и неисторическихъ «безпокойныхъ» людей нашихъ былъ, разумѣется, Петръ. *Pierre I est à la fois Robespierre et Napoléon, la révolution incarnée*—это замѣтка Пушкина, съ напряженнымъ вниманіемъ изучавшаго личность Петра. Оба сравненія нашего поэта, конечно, очень далеки отъ истины: Петръ не былъ ни такимъ доктринеромъ, какъ Робеспьеръ, ни такимъ завоевателемъ для завоеванія, какъ Наполеонъ, а если его можно назвать «своплощенной революціей», то надо поспѣшить спросить—какой революціей? Не политической—начало централизаціи было только усилено Петромъ, а именно нравственной и культурно-бытовой. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ чинная, солидная, брадатая боярская Русь семнадцатаго вѣка; во главѣ ея стоитъ коррективѣйшій изъ всѣхъ нашихъ правителей—царь Алексѣй Михайловичъ. Какое благолѣпіе, какая импозантность, какое торжество этикета! А русскій человѣкъ, вплоть до самыхъ «худыхъ людишекъ», былъ воспитанъ въ уваженіи къ этикету. Вѣдь еще въ древнихъ былинахъ прославлялась не только сила и храбрость, но и *вожжеватость* нашихъ богатырей:

Онъ и крестъ кладець да по писаному,
Онъ поклонъ ведетъ да по ученому,
Онъ и кланяется на всѣ на четыре стороны,
Еще вязю-то да на особицу.

Вотъ какой джентльменъ! Потому онъ, разумѣется, напьется, поругается и подерется, но *ученость* свою онъ предварительно все таки покажетъ во всемъ блескѣ. И вотъ среди такихъ то «ученыхъ», респектабельныхъ мужей является человѣкъ, который говоритъ: *за какимъ шуткомъ* всѣ эти церемоніалы? *Зачѣмъ* борода, *зачѣмъ* эти длинныя полы и широкіе рукава, *почему* жены и дочери ваши заперты въ теремахъ? Какая дерзость! Нѣтъ, дерзости нѣтъ никакой, потому что эти неслыханные, невозможные вопросы ставить не какой то человѣкъ, съ которымъ ничего не стоило бы расправиться, а Божій помазанныкъ и избранныкъ, во всемъ историческомъ величій своего царскаго званія. И онъ не

только говорить, но и дѣлаетъ, примѣръ кажетъ: онъ брѣетъ свою бороду, ходитъ не въ драгоценныхъ парчахъ, съ жемчугомъ и бирювою, а въ суконномъ кафтанѣ, ѣздитъ не въ ступодовомъ золоченомъ рыдванѣ, запряженномъ шестеркою лошадей, а въ деревянной одноколкѣ, да это еще что! Онъ, самодержецъ всяя Руси, собственноручно бревна топоромъ обтесываетъ, желѣзо въ кузницѣ куетъ, съ нѣмцами и голландцами пиво изъ глиняныхъ кружекъ пьетъ, да еще чокается съ ними! Съ басурманами якшается! Ну, одно изъ двухъ: или это антихристъ или..... или въ самомъ дѣлѣ борода, охабень, сарафанъ, теремъ вовсе ужъ не такія неприкосновенныя реликвіи, безъ которыхъ и жить нельзя, а «нѣмцы» вовсе не такіе поганцы, какими мы привыкли ихъ считать. И такъ, что же? Гдѣ свѣтъ и гдѣ тьма, гдѣ правда и гдѣ ложь, куда идти, на какую сторону встать?

Это была революція въ полномъ смыслѣ слова, но революція въ умахъ и въ понятіяхъ. Дюжина Вольтеровъ и дюжина Руссо не могли бы произвести десятой части того впечатлѣнія, какое производила необыкновенная личность и непостижимая, непонятная дѣятельность грознаго царя. Жизнь, основанная на поклоненіи авторитетамъ, вдругъ сдѣлалась ареною междоусобной борьбы этихъ самыхъ авторитетовъ. Святоотеческіе обычаи и преданія, — но развѣ безусловное повиновеніе царской власти не древнѣйшій изъ обычаевъ, не крѣпчайшее изъ преданій? Русскій человѣкъ приведенъ былъ къ необходимости *думать* и притомъ думать *критически*, т. е. анализировать, сомнѣваться, выбирать, — вотъ что сдѣлалъ Петръ. Никакія книги не въ состояніи были бы сдѣлать это, не потому только, что среди повальнаго безграмотства книга вообще безсильна, но и потому, что какой же авторитетъ автора этой книги? Знатнѣйшій, ученѣйшій и умнѣйшій человѣкъ былъ въ то время все-таки только «холопшкѣ», какъ и всѣ прочіе, за исключеніемъ *одного*, котораго «сердце», и по писанію, и по преданію, и по внутреннему убѣжденію всѣхъ и cadaго, было «въ руцѣ Божіей». И вотъ этотъ *единственный* во всемъ государствѣ человѣкъ, имѣвшій право санкціонировать свои дѣйствія велѣніями высшей воли, отвергаетъ и осуждаетъ все то, съ чѣмъ сроднилась душа русскаго человѣка... Было надъ чѣмъ задуматься!

Въ *этомъ* смыслѣ Петръ, конечно, былъ la révolution incarnée. Его гигантская и въ высшей степени цѣлостная индивидуальность не могла уложиться въ узкія рамки застывшихъ традицій, и вопросъ былъ поставленъ ребромъ: Русь ли, какъ новый Прокрустъ, приспособить Петра къ себѣ или, наоборотъ, Петръ приспособить Россію къ себѣ? Если бы Петръ защищалъ *только* свою индивидуальность — его дѣло было бы быстро проиграно, не смотря ни на что. Но Петръ былъ кореннымъ русскимъ человѣкомъ, яркимъ представителемъ того нравственнаго и умственнаго типа русскихъ людей, абрисъ котораго мы дали выше. Этотъ типъ «не въ аван-

тажѣ обрѣтался», но онъ жилъ, и представители его бурлили, бродировали и вольнодумничали, такъ какъ въ этомъ и состоитъ ихъ историческое предназначеніе. Все это, разумѣется, дѣлалось безсознательно и бессмысленно, безъ малѣйшаго даже предчувствія какой либо общей цѣли и общаго плана, но все это тѣмъ не менѣе значительно убавляло увѣренности у людей противоположнаго стана. Теперь, на разстояніи двухъ сотъ лѣтъ, мы это отчетливо видимъ. Мальчишъ, вятый съ улицы и скоро заслонившій собою у царя самыхъ родовитыхъ и длиннобородыхъ бояръ, равно какъ и тотъ кабацкій ярыжка, который оракъ на деревенской улицѣ о толстошубомъ воеводѣ и о крапивномъ сѣмени, — оба они дѣлали одно и то же огромное дѣло, то самое дѣло, во главѣ котораго стоялъ Петръ. Меньшинство, поддерживавшее Петра, — полусознательно ли, какъ Меньшиковъ, или вовсе безсознательно, какъ крикунь-ярыжка, — было сильно своею неугомонностью, своею постоянной готовностью «производить по своему дѣлу шумъ», по выраженію одного изъ героев Гл. Успенскаго. Послѣ того какъ былъ обезоруженъ опаснѣйшій врагъ Петра — царевна Софья съ ея приверженцами, большинство, стоявшее противъ Петра, говорило образно, только кряхтѣло и ворчало, съ царевичемъ Алексѣемъ во главѣ, тогда какъ меньшинство шумѣло, галдѣло и работало. Уже если въ самой церкви, консервативной по преимуществу, объявились такіе ярые прогрессисты, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то, конечно, это значитъ, что Петръ былъ не одинъ въ полѣ войны. Въ этомъ заключается причина его успѣха столько же, сколько и въ его гениальныхъ способностяхъ и въ его несокрушимой энергіи. Не шведы были разбиты подъ Полтавой — это только побочный аксессуаръ, — а были на смерть поражены тѣ предрассудки противъ знанія, науки, свѣта, на борьбу съ которыми ушла вся жизнь Петра. «Ученье — свѣтъ, неученье — тьма», «знаніе — сила», вотъ что на всю Россію прогремѣли побѣдные полтавскія пушки, и не услышали ихъ только глухорожденные. Старая Русь — это Нарва, новая Русь — это Полтава, — самые косные умы того времени должны были приблизиться къ этому выводу.

Не будетъ слишкомъ смѣлой метафорой сказать, что подъ шумъ полтавской битвы произошло и зачатіе русской литературы. Дѣло Петра было упрочено полтавскою побѣдою, а дѣло это состояло въ освобожденіи ума, въ пробужденіи творческой и критической мысли. Литературы еще не было, но возможность быть уже существовала для нея, болѣе того — въ ней уже начинала чувствоваться настоятельная потребность. «О, какъ бы горячо обнять великій преобразователь Россіи двадцатилѣтняго стихотворца, если бы дожил до его первой сатиры!» Эте восклицалъ Бѣлинскій, а двадцатилѣтній стихотворецъ, о которомъ онъ говоритъ, былъ Кантемиръ. Къ сожалѣнію, Петръ могъ выписать изъ за моря всякихъ специалистовъ, могъ бы акклиматизировать самую науку, отечество которой

тамъ, гдѣ въ ней нуждаются, но литература, какъ выраженіе живыхъ духовныхъ силъ народа, могла сформироваться только постепенно, путемъ естественнаго роста освобожденной мысли. Обновленная Россія не ударила въ грязь лицомъ и въ этомъ отношеніи: менѣе чѣмъ черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Петра явилась первая сатира Кантемира, всецѣло проникнутая духомъ петровскихъ идей. Это было только робкое, неувѣренное начало — но вѣдь «лиха бѣда — начало». Съ этого момента дѣло Петра пріобрѣтало себѣ такую союзницу, помощь которой ничѣмъ не могла быть замѣнена.

III.

Итакъ, литература наша началась не съ эпоса, не съ лирики и не съ оды, а съ сатиры — фактъ исключительный, но въ данномъ случаѣ естественный и даже необходимый. Выйди изъ «смутной» эпохи, когда вся Россія «въ бореньяхъ силы напрягала», новорожденная литература наша должна была броситься въ самый разгаръ свалки, и она сдѣлала это и, какъ дитя-Геркулесъ, еще въ колыбели успѣла задушить не одну ядовитую змѣю. Это боевое направленіе, съ перваго шага принятое нашей литературой, нисколько не зависѣло отъ личныхъ свойствъ писателей нашихъ, а обуславливалось характеромъ нашей жизни. Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, которое, впрочемъ, какъ увидитъ читатель, не будетъ совсѣмъ неумѣстно. Прочтите, пожауйста, вотъ эту характеристику: «о личномъ характерѣ сатирика извѣстно, что онъ былъ человекъ благородный, правдивый и кроткій. Сначала онъ казался непривѣтливомъ, но эта непривѣтливость постепенно исчезала въ отношеніи къ людямъ, которые ему болѣе и болѣе нравились. Слабое и болѣзненное его тѣлосложеніе придавало его характеру меланхолическій оттѣнокъ, что, однако жъ, не мѣшало ему быть и любезнымъ, и веселымъ въ обществѣ людей, которые ему нравились, и съ которыми онъ могъ быть откровененъ». О какомъ нашемъ сатирикѣ идетъ здѣсь рѣчь? Ну, конечно, о Салтыковѣ, скажутъ всѣ, знавшіе лично автора «Исторіи города Глупова» или хотя только читавшіе его біографію. Нѣтъ, не о Салтыковѣ, а о Кантемирѣ, и характеристика эта (мы ее привели цѣликомъ) сдѣлана Бѣлинскимъ на основаніи какой то старой книжки, изданной Новиковымъ въ 1783 году. Такое совпаденіе, даже до мелочей, едва ли случайно. Два самыхъ злыхъ писателя наши въ частной жизни были кроткими и добродушными людьми: какого еще доказательства нужно, что наша сатира вышла не отъ большой печени писателей, а отъ условій и свойствъ самой жизни?

Литература наша, въ лицѣ Кантемира, съ перваго же своего шага взглянула на свое призваніе не какъ на карьеру, а какъ на миссію. Не для славы, говорить Кантемиръ, я пишу. Къ славѣ

«ведутъ нетрудные пути многи, на которыхъ смѣлыя не запнутъ ноги».

Всѣхъ непрятнѣе тотъ, что бѣсы проклиаи
 Девять сестеръ. Многи на немъ силу потеряли
 Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
 И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
 Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
 Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
 Палатъ, ни разцвѣченна мраморами саду;
 Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.

Хотя это написано болѣе полутора ста лѣтъ назадъ, но нѣтъ ли тутъ для современнаго читателя чего—то очень знакомаго? «Всякъ тебя, какъ мору, чужится»—да вѣдь это самое говорилъ и Салтыковъ въ своихъ «Мелочахъ жизни» всего лишь девять лѣтъ назадъ! Вотъ его слова: литературная дѣятельность Имярека, «привлекая къ нему симпатіи однихъ, въ то же время возбуждала ненависть въ другихъ. Симпатіи утопали въ глубинѣ читательскихъ массъ, не подавая о себѣ голоса, а ненависть металась во-очію, громко провозглашая о себѣ и посылая на встрѣчу угрозы. Такое сомнительное содержаніе жизни Имярека должно было дать и соотвѣтственные результаты. А именно: въ смыслѣ общественнаго вліянія—полная неизвѣстность, въ смыслѣ личной жизни—оброшенность, пренебреженіе, почти поруганіе». «Ну, что жъ, могъ бы сказать и Кантемиру, и Салтыкову какойнибудь изъ ихъ благоразумныхъ читателей, *tu l'as voulu!* Кто жъ васъ заставляетъ заботиться не о приумноженіи отцовскихъ стадъ, а о томъ, чтобы побольнѣ уколотъ своихъ согражданъ?» Дѣйствительно, никто не заставлялъ, точно также какъ никто не заставлялъ Петра рисковать десятки разъ жизнью и на морѣ, и на сушѣ, вмѣсто того, чтобы спокойно сидѣть въ разрисованныхъ палатахъ. Но, какъ говорить Кантемиръ,

Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
 За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.

Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что мы какъ бы сравниваемъ Кантемира съ Салтыковымъ.—«Повѣя Кантемира, замѣтилъ Вѣлинскій,—повѣя ума, здраваго смысла и благороднаго сердца. Кантемиръ въ своихъ стихахъ—не поэтъ, а публицистъ, пишущій о нравахъ энергически и остроумно. Насмѣшка и иронія—вотъ въ чемъ заключался талантъ Кантемира». Развѣ эта характеристика не можетъ быть цѣликомъ примѣнена къ Салтыкову? Насколько современная культура выше культуры первой половины семнадцатаго вѣка, настолько же сатира Салтыкова глубже и разнообразнѣе сатиры Кантемира, но основные ихъ элементы одни и тѣ же. Это элементы чисто нравственные, являющіеся у Кантемира въ ихъ примитивномъ видѣ, а у Салтыкова осложняющіеся придатками культурно-соціального значенія. Въ сатиру «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ» Кантемиръ доказываетъ ту мысль, что не знатность

и древность рода, а личные заслуги составляют достоинство человека. Нѣтъ ни бѣлой, ни черной кости:

Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ блеюще стадо.
Ное въ ковчегъ съ собой спасъ все себѣ равныхъ,
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ,
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣ
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

Не торопитесь называть дѣтской мысль этихъ стиховъ. Во-первыхъ, чуть не чрезъ сто лѣтъ послѣ Кантемира, другой нашъ знаменитый писатель почему же нибудь нашелъ нужнымъ повторить ее въ баснѣ о гусахъ, величавшихся тѣмъ, что ихъ предки Римъ спасли. Во-вторыхъ, сколько истинъ, которыя давно попали въ прописи, а въ дѣйствительную жизнь все еще проникнуть не могутъ! Развѣ салтыковскіе «молодые люди» понимаютъ то, чему полтораства лѣтъ назадъ поучалъ Кантемиръ? Вотъ Сережа Ростокинъ: «покуда онъ еще не имѣетъ опредѣленной должности; онъ просто «состоитъ». Не начинать же ему карьеру съ помощника столоначальника... Фу! не для того онъ краткимъ наукамъ обучался, чтобы «корпѣть», онъ прямо «мѣтять». Вдругъ понадобится «люди», а онъ и тутъ какъ тутъ! Въ головѣ у него, правда, настолько смутно, что никакого, даже вреднаго проекта онъ не сочинить; но на это есть дѣльцы, есть приказная челядь, а его дѣло—руководить. Онъ знаетъ, что *tout est à recommencer*—и будетъ съ него». Здѣсь обнаруживается глубокое различіе между приемами обоихъ сатириковъ, различіе, зависящее не отъ степени ихъ талантливости, а отъ успѣховъ, сдѣланныхъ нашей общественностью. Кантемиръ, обращаясь къ Сережѣ Ростокину, старался бы воздѣйствовать на его нравственное чувство: дурно, стыдно стремиться занять вліятельное мѣсто безъ малѣйшаго пониманія серьезности принимаемыхъ на себя обязанностей, нехорошо считать себя какимъ-то высшимъ существомъ единственно въ силу своего аристократизма: Адамъ дворянъ не родилъ и т. д. Салтыкову очень мало дѣла до личности Сережи: глубокій шалопай, съ которымъ не стоитъ слова тратить, и больше ничего. Но онъ интересенъ, какъ показатель извѣстныхъ вѣяній, какъ представитель извѣстныхъ кружковъ. Сережино *tout est à refaire* само по себѣ не болѣе какъ попугайская болтовня, но не само по себѣ—это нѣкоторымъ образомъ лозунгъ и знаменіе времени. Сережа Ростокинъ глухъ и нагъ—и Кантемира это очень бы огорчило или раздосадовало, тогда какъ Салтыкову это совершенно все равно—мало ли дураковъ на свѣтѣ!—но его болѣзненно тревожить, что дураки значатся въ разрядѣ «людей». Почва Кантемира—личная нравственность, почва Салтыкова—общественная нравственность. Не будь невѣждой, не лги, не работайствуи, говоритъ Кантемиръ *человѣку*; то же самое говоритъ Салтыковъ *обществу*. Полтораства лѣтъ прошли для насъ не безслѣдно.

Свой положительный идеал жизни Кантемиръ выразилъ въ сатиру VI «О истинномъ блаженствѣ». Для того, чтобы лучше освѣтить этотъ идеалъ, сатирикъ съ замѣчательною силою сарказма описываетъ одинъ день изъ жизни льстеца и низкопоклонника,—прямого предшественника грибоѣдовскаго Молчалина.

Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ переднихъ томиться,
Утро все торча на ногахъ съ холопы въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смѣя. По обѣдѣ
Та же жизнь до вечера; ночь вся безпкойно
Пройдетъ, думая, къ кому по утру пристойно
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что слугѣ въ подарокъ, что понести господину.
Нужно часто полагать, небылицѣ вѣрить—
Больше чѣмъ что скорлупой можно море смѣрять;
Господскую сносить спѣсь, признавать, что родомъ
Моложе Владимира однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрый;
Кривую жену его называть Венерой,
И въ пальныхъ дѣтяхъ хвалить остроту природу;
Не звать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну.
Нужно добродѣтелямъ звать того, другого,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакого.

Чацкій осмѣивалъ низкопоклонство Фамусова и Молчалина, конечно, въ гораздо лучшихъ стихахъ, но не болѣе язвительно и остроумно. Но въ чемъ же состоитъ истинное блаженство...? А вотъ въ чемъ.

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ волежъ
Мыслей, что мучать другихъ, и тончетъ надежду
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну,
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему праву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Исследуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.

Не знакомо ли это вамъ? Черезъ сто лѣтъ послѣ Кантемира «истинное блаженство» изображалось вотъ какъ:

Никому

Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать. Для власти, для ливрен
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей считаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья:
Вотъ вольность! вотъ права!

Какъ видите, идеалы личнаго счастья у Кантемира и у Пушкина совершенно одинаковы, и не любопытно—ли, что мы безпрестанно находимъ на верхахъ нашей литературы близкихъ родственниковъ Кантемира? Стихи Пушкина—музыка, стихи Кантемира—раздражающее слухъ скрипѣніе, но они—произведеніе одного и того же свободнаго и смѣлаго духа. Нѣтъ, едва ли потому сорокъ четыре года назадъ Кантемиръ подвергнулся остракизму, что казался слишкомъ устарѣлымъ писателемъ. Не былъ ли, наоборотъ, онъ неудобенъ для той эпохи именно своею неувыдающею юностью?

Намъ остается сдѣлать два-три замѣчанія о Тредьяковскомъ, чтобы покончить съ этимъ предварительнымъ или вступительнымъ періодомъ русской литературы. Если Кантемиръ въ извѣстномъ смыслѣ былъ «соловьемъ» ранней зари русской поэзіи, то Тредьяковский несомнѣнно былъ ея «пѣтухомъ». Да не подумаютъ читатели, что мы питаемъ какія нибудь коварныя намѣренія относительно несчастнаго профессора «элоквиенціи, а паче хитростей пѣтическихъ». Какъ бы то ни было, Тредьяковский былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, а его колоссальное трудолюбіе заслуживаетъ, конечно, не насмѣшки, а почтенія. Однако, что же все-таки слѣдуетъ сказать о поэтѣ или пѣтѣ, написавшемъ десятки тысячъ стиховъ, среди которыхъ люди, наилучшимъ образомъ къ нему расположенные, нашли всего только пять недурныхъ, по времени, стиховъ? Вотъ эти исключительные стихи:

Вонми, о небо, и реку,
Земля да слышитъ усть глаголы;
Какъ дождь, а словомъ потеку,
И снѣдутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на доли.

Пожалуй, это дѣйствительно недурно, хотя для нашего слуха слишкомъ высокопарно. Но ужъ такова несчастная литературная судьба Тредьяковского: эти именно, гладкіе по формѣ, стихи заставляютъ васъ смѣяться еще болѣе, нежели самыя нелѣпыя его вирши, въ родѣ «плюнь на скуку, морску скуку» и пр. Вѣдь угораздило же неудачника-поэта хорошо нарисовать свою собственную карикатуру! Представьте себѣ пудовую «Тилемахиду», снисходящую на доли, какъ роса къ цвѣтку—какой изящный и правдоподобный образъ! Но «поэзія» Тредьяковского подлежитъ болѣе серьезному упреку, нежели упрекъ въ бездарности. Читатель, знакомясь съ нашими старыми поэтами въ томъ порядкѣ (хронологическомъ), въ какомъ они расположены въ «Собраніи» г. Венгерова, будетъ непріятно затронутъ, встрѣтивъ послѣ строго и нравственно-безукоризненной поэзіи Кантемира натянута-восторженныя хвалебныя оды Тредьяковского. Снимая съ многострадальнаго поэта большую дозу ответственности за эти оды и перелагая ее на эпоху, нельзя все-таки не отмѣтить чрезмѣрнаго усердія Тредьяковского, плохо

отличавшаго патріотизмъ отъ сервиллизма. Что сказать, напр., хоть объ этомъ:

Но, о! Императрица,
Сокровище даровъ!
Пресвѣтлая Денница!
Прибѣжище! Покровъ!
Мы о Твоей Порфирѣ
Прославлены ужъ въ мірѣ.

Петръ Великій едва ли бы обнялъ Тредьяковскаго, но за то сочиненія Тредьяковскаго, сколько намъ извѣстно, никогда и остракизму не подвергались.

(Окончаніе слѣдуетъ)?

М. Протопоповъ.

Дневникъ журналиста.

По поводу недавнихъ толковъ о среднемъ учебномъ дѣлѣ.

I.

Недовольство среднеобразовательною школою, ея программами и приносимыми ею результатами медленно, но непрерывно и безостановочно растетъ повсемѣстно, во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы и Америки. Дѣлаются кое-гдѣ и попытки перейти отъ критики къ дѣлу. Въ бытность Жюль Симона министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи проблема эта была серьезно поставлена во главу министерской программы, но неотложные политическіе вопросы и жаркая борьба партій скоро снова сняли ее съ очереди. Кратковременное пребываніе Поля Бара у министерскаго портфеля народнаго просвѣщенія какъ бы общаго возвратить къ этому настоящему вопросу вниманіе французскаго общества и правительства, но знаменитый ученый скоро скончался, и теперь опять неизвѣстно, когда политическія страсти дадутъ мѣсто для вопроса, требующаго и много знанія, и много любви къ дѣлу, и много спокойнаго досуга. Такъ дѣло обстоитъ во Франціи, гдѣ единственно въ Западной Европѣ вопросъ ставился не такъ широко, правда, но за то переходилъ на практическую почву. Въ Германіи критика современной системы образованія идетъ дальше и глубже, но ограничивается академическимъ обсужденіемъ и печатною полемикою. Поставя рядомъ съ классическою школою стараго типа новую реальную школу, нѣмцы думали удовлетворить народившейся потребности, успокоить все возрастающее недовольство и такимъ

образомъ рѣшить вопросъ, не трогая стараго строя школы, освещеннаго вѣками. Однако они не рѣшили вопроса этимъ способомъ, а только обошли его... Создавъ же двѣ конкурирующія системы, очень плохо уживающіяся вмѣстѣ, они лишь запутали и затруднили рѣшеніе общаго вопроса. За нѣмцами и большинство европейскихъ націй поспѣшила оторочить это настоятельное рѣшеніе такимъ же обходомъ. Въ томъ числѣ и мы, русскіе... Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ у насъ велась очень горячая и даже страстная полемика о преимуществахъ и достоинствахъ двухъ системъ средняго образованія, при чемъ съ обыкновенъ намъ цѣльностью мы не допускали возможности обѣихъ, и раздѣлились на реалистовъ и классиковъ. Много воды утекло съ того времени, много сискоинѣе стало наше общество относиться къ полемической сторонѣ дѣла, но тѣмъ внимательнѣе къ сущности вопроса: «что же дать и что должна давать своимъ питомцамъ средняя школа?» Въ самое послѣднее время общественныя и сословныя собранія снова выдвинули на очередь этотъ вопросъ, и снова возгорѣлась полемика въ печати, общей и специально-педагогической. Наступаетъ, повидимому, время немного разобраться въ этихъ вопросахъ безъ той полемической страсти, которая еще не очень давно одушевляла всѣ перья, писавшія о среднемъ образованіи.

Въ самый разгаръ реально-классической полемики «Вѣстникъ Европы», критикуя способы, коими осуществлялась тогда гимназическая и реально-училищная реформа, выразился, что самое важное не въ томъ, чему учить, а какъ учить. «Учите, чему хотите, но хорошо учите» такъ приблизительно можно бы резюмировать мысль почтеннаго журнала, относившагося къ классическому образованію безъ систематической и категорической враждебности, но въ виду настроенія общественнаго мнѣнія, повидимому, робѣвшаго ясно высказать эти свои сочувствія. Эта недомолвка, однако, не была прощена «Вѣстнику Европы», и въ обществѣ, и въ печати долго подсмѣивались надъ журналомъ г. Стасюлевича, будто бы равнодушнымъ къ предмету обученія и дорожающимъ лишь процессомъ преподаванія. Неужели и малайскому языку пусть учать, спрашивали критики, лишь бы хорошо учили? Или, можетъ быть, черной магіи, или тайнамъ кабалистики, астрологіи, алхиміи, геральдики? Все это было не безъ ѣдкости и остроумія, но почтенный журналъ высказалъ вовсе уже не такой абсурдъ, какъ можно было вывести, благодаря недомолвкѣ. Вѣдь вопросъ шелъ не объ изученіи малайскаго языка или астрологіи, но объ обученіи по двумъ уже окончательно утвержденнымъ и на нѣкоторое время неприкосновеннымъ программамъ, въ то время приводившимся въ исполненіе, о классическихкихъ гимназіяхъ, гдѣ не проектировалось изученіе готтентотскаго языка, и о реальныхъ училищахъ, куда алхимія не вводилась. А въ этихъ предѣлахъ мысль имѣла свою положительно вѣрную сторону. Однажды обѣ системы стали на извѣстное время

закономъ общественной жизни, важно было испытать ихъ съ добросовѣстнымъ безпристрастіемъ. Правда, мы могли воспользоваться опытомъ Западной Европы, но если мы этимъ опытомъ воспользовались только въ томъ смыслѣ, что цѣликомъ пересадили западно-европейскую (точнѣе даже, германскую) систему, то этотъ *свой* новый опытъ, ставшій на долгое время неизбежностью, могъ принести нѣкоторую пользу лишь при условіи добросовѣстнаго и безпристрастнаго примѣненія его учебнымъ вѣдомствомъ, и такого же добросовѣстнаго и безпристрастнаго отношенія къ нему общества, затронутого здѣсь въ самыхъ дорогихъ своихъ интересахъ и симпатіяхъ. Условія развитія нашего средне-учебнаго дѣла оставляли въ этомъ смыслѣ очень многого желать. Такъ, реальныя училища долгое время были «нелюбимое дитя въ семьѣ родной» и были обставлены сравнительно менѣе благоприятно и со стороны персонала учащихся (переводъ туда неуспѣвающихъ изъ гимназій), и со стороны персонала учащихся, и со стороны правъ окончившихъ, и со стороны недостаточно обдуманной программы. При этихъ условіяхъ сторонники реально-образовательной системы средней школы должны были неизбежно относить неудачи школы не къ системѣ, а къ ея приложенію. Въ гимназіяхъ затрудненіе явилось съ другой стороны. Страстная и подчасъ прямо нетерпимая полемика со стороны ультра-классиковъ, въ родѣ партій Леонтьева, Каткова, Георгіевскаго и пр., вызвала въ обществѣ такой же страстный отпоръ, страстную и талантливую критику классицизма, порою самую слѣпую нетерпимость ко всему классическому. Подъ вліяніемъ этого настроенія громаднаго большинства образованнаго общества, даровитая, образованная и добросовѣстная русская молодежь не шла въ классическіе преподаватели, и каеэдры классическихъ языковъ въ гимназіяхъ замѣщались по большей части или карьеристами, для которыхъ успѣхъ учащихся и сама школа были звукъ пустой, или же иностранцами и инородцами, зачастую плохо владѣвшими русскою рѣчью и ничѣмъ не связанными съ умственными и нравственными интересами русскаго общества. Чего можно было ожидать отъ такого персонала преподавателей? Если бы не было никакихъ иныхъ причинъ, то этой одной было бы достаточно, чтобы глубоко дискредитировать и уронить классическіе предметы въ глазахъ учащихся, которыхъ въ этомъ настроеніи поддерживало и настроеніе родителей. Возможно-ли восемь лѣтъ посвящать наибольшее и наилучшее время изученію предметовъ, о ненужности которыхъ твердить все окружающее, все уважаемое и любимое, а преподаютъ люди, большей частью, мало даровитые, и весьма нерѣдко, и мало уважаемые? Въ этихъ условіяхъ наилучше обдуманная программа окажется неосуществимою и осужденною на неудачу, а можно-ли по совѣсти утверждать, что программы, цѣликомъ заимствованныя изъ Германіи, какъ разъ тогда, когда онѣ начали и тамъ возбуждать оживленную и авторитетную критику,

были программами, наилучше обдуманнѣми и должнымъ образомъ согласованными и съ измѣнившимся состояніемъ знанія, и съ измѣнившимися потребностями общества. Не мудрено, если наша средняя школа, и реальная, и классическая, продолжала и продолжает возбуждать критику. Являясь повтореніемъ германской, она, по условіямъ мѣста и времени (выше слегка намѣченныѣ), могла повторить скорѣе ея недостатки, нежели достоинства. Между тѣмъ, и самъ образецъ нашей школы у себя на родинѣ по справедливости возбуждаетъ критику и нуждается во внимательномъ и безпристрастномъ пересмотрѣ. На нижеслѣдующихъ страницахъ мы остановимся не столько на специальныхъ особенностяхъ русской средней школы, вызванныхъ условіями, которыя могли бы и перемѣниться, мы остановимся преимущественно на вопросахъ принципа, вопросахъ, имѣющихъ одинаковое значеніе для средне-учебнаго дѣла во всемъ европейски-цивилизованномъ мірѣ.

Что можетъ дать средняя школа? Что она должна дать? Что она даетъ въ настоящее время (при наилучшихъ условіяхъ)? И что надобно сдѣлать, наконецъ, чтобы она могла дать именно то, что должна? На этихъ вопросахъ, снова выдвигаемыхъ исторіей на первый планъ, мы и намѣрены на нѣкоторое время остановить вниманіе нашихъ читателей.

II.

Что можетъ дать средняя школа? При современномъ объемѣ знанія, теоретическаго и практическаго, и при восьми (а считая и подготовительный классъ, даже при девяти) годахъ школьнаго ученія въ возрастѣ отъ десяти до двадцати лѣтъ, она можетъ дать и много, и многое разное... Между этимъ многимъ разнымъ надо выбирать. Что же изберемъ критеріемъ для этого?

«Школа должна готовить человѣка для жизни» — формула, которую мы много разъ и на всѣ лады слышали отъ защитниковъ реальнаго образованія, а теперь слышимъ отъ сторонниковъ укороченнаго полуобразованія. Въ такомъ общемъ выраженіи формула эта неоспорима, потому что не для смерти же школа готовить человѣка... Для приготовления къ смерти существуютъ духовники, исповѣдальни, монастыри. Для жизни человѣка prepares семья и школа, воспитаніе и обученіе. Воспитаніе — дѣло семьи, обученіе — дѣло школы. Мы на этихъ страницахъ не будемъ вдаваться въ «давнишній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбой», не должна ли и школа преслѣдовать воспитательныя задачи? Это вопросъ, совершенно особый и требующій specialнаго разбора. Мы остановимся на образовательныхъ задачахъ школы, не касаясь воспитательныхъ. Словомъ, чему учить? Что же даетъ намъ для этого выше приведенная затасканная, но все еще импонирующая фор-

мула? Что *нужно для жизни*? Прежде всего, кусокъ хлѣба, твердили намъ защитники реальной школы, а теперь повторяютъ еще съ большимъ азартомъ защитники полуобразования (которые они называютъ образованіемъ профессиональнымъ). Реалисты четверть вѣка тому назадъ отсюда выводили необходимость знанія природы; современные обскуранты выводятъ необходимость ограничить образование профессиональными навыками. Можно, однако, и многое другое еще вывести, потому что формула, охватывающая *все* (всю жизнь, по крайней мѣрѣ), въ сущности *ничего* не опредѣляетъ. Гг. реалисты и гг. обскуранты сходятся, по крайней мѣрѣ, на первомъ выводѣ, что надобенъ «кусокъ хлѣба»; гг. моралисты имъ могутъ отвѣтить, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ», а на этой почвѣ разнообразіе отвѣтовъ будетъ не менѣе необъятно, чѣмъ на почвѣ «куска хлѣба». Гг. обскуранты, впрочемъ, охотно пользуются аргументами моралистовъ, чтобы устранить реально-образовательныя программы, какъ аргументами реалистовъ о «кускѣ хлѣба» для устраненія гуманистической системы. Но и гуманисты могутъ воспользоваться формулою «школа должна готовить для жизни», потому что весь вопросъ не въ томъ, для жизни или для смерти готовить школа, а что надобно для жизни... *Кому*, однако, надобно? Hier ist der Hund begraben и, если мы ясно и опредѣленно поставимъ и рѣшимъ этотъ вопросъ, то и вся задача средне-образовательной школы представится настолько ясною и опредѣленною, что уже не будетъ большого труда разобраться въ громадной массѣ накопленнаго и разнообразно расчленившагося знанія для выбора изъ него учебнаго матеріала по именно той образовательной системѣ, которая отвѣчала бы уже ясно и точно сформулированной задачѣ.

Кому надобно среднее образование—это значитъ: въ чьихъ интересахъ, ради чьихъ блага и пользы дается образование воспитанникамъ средней школы? Это могутъ быть интересы, блага и польза государства, націи, того или другого общественнаго класса, самого образуемаго индивида... Классовые интересы и пользы, по самому факту существованія классовъ, не могутъ быть одинаковы. Они должны быть различны, иногда даже противоположны. Если при выработкѣ школьной программы имѣются въ виду классовые интересы, то не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи объ одномъ общемъ типѣ государственной средней школы. Учебныя заведенія въ такомъ случаѣ по необходимости являются сословными и притомъ не только образовательными, но и воспитательными, потому что они должны дать не только образованіе, приспособленное къ специальнымъ интересамъ и задачамъ сословія, но и сословные навыки и сословный корпоративный духъ. Множественность типовъ средне-учебныхъ заведеній, преимущественно закрытыхъ, представляется логическимъ разрѣшеніемъ образовательной задачи націи, построившей свой бытъ на строго сословномъ началѣ. Такимъ строго со-

словнымъ началомъ была проникнута дореформенная Россія, гдѣ мы дѣйствительно находимъ и преобладаніе типа закрытыхъ учебныхъ заведеній, и чрезвычайное разнообразіе образовательныхъ и воспитательныхъ системъ этихъ заведеній. Для дворянства существовали кадетскіе корпуса, институты благородныхъ дѣвицъ, нѣкоторые привилегированныя заведенія (правовѣды, лицейсты, пажи); для чиновничества—гимназій, нѣкоторые специально выдѣленные дѣвическіе институты дѣвическіе пансіоны (послѣдніе даже частною инициативою); для духовенства—бурсы и семинаріи; для купечества—коммерческія училища; для мелкаго разночинца—уѣздныя. Какъ видите, все было очень ясно и опредѣленно. Каждый сверчокъ хорошо зналъ свой шестокъ; молодежи каждаго сословія давалась специальная учебная дрессировка, а для крѣпостного народа образованія не надобилось.

Иначе говоря, классовая система образованія во всѣхъ видахъ и формахъ, въ основѣ своей, противорѣчитъ интересамъ государства, націи и образуемыхъ личностей. Система государственнаго и національнаго образованія (средняго, какъ и всякаго другого, мужского, какъ и женскаго) не должна, слѣдовательно, исходить изъ частныхъ и обособленныхъ интересовъ того или другого класса населенія.

Въ жизни каждый классъ будетъ естественно преслѣдовать свои классовые интересы, но государство и нація, создавая школу не на сословныя, а на общенародныя средства, не могутъ и не должны имѣть въ виду классовыхъ интересовъ, не могутъ и не должны дрессировать молодое поколѣніе въ направленіяхъ, затрудняющихъ сближеніе и примиреніе классовыхъ интересовъ. Взаимное непониманіе и взаимное отвращеніе, создаваемые такими дрессировочными заведеніями, едва-ли не по ошибкѣ носящими названіе учебныхъ и образовательныхъ, создаютъ такую рознь между классами и такое подавленіе слабыхъ, что рано или поздно отзываются весьма печально на всей національной жизни и на государственномъ развитіи. Тѣ горестныя уроки, которая дала намъ исторія въ эпоху восточной войны 1853—1856 гг., обнаружили, къ чему ведетъ это естественное развитіе классовъ, а въ томъ числѣ и классовой (тогда сословной) системы образованія. Уроки эти пали не на мертвую почву, и тогда мы сразу и рѣшительно отказались отъ крѣпостного и сословнаго строя національной жизни, въ томъ числѣ и отъ системы сословной закрытой школы. Въ настоящее время выдѣреніе капиталистическаго процесса дробить русскую націю уже не столько на сословія, сколько на экономическіе классы и рядомъ съ этимъ процессомъ новѣйшаго общественнаго дифференцированія возникаютъ и новыя школьныя программы, дробящіяся на программы для богатыхъ и бѣдныхъ—во-первыхъ, по профессіямъ (экономическимъ отправленіямъ)—во-вторыхъ. Это естественно, но съ точки зрѣнія и государственной, и національной

такъ же нецѣлесообразно и такъ же опасно, какъ уже и отжившая свое время система сословной школы. То же полу-образование, тѣ же взаимныя отчужденіе и непониманіе разныхъ категорій молодого поколѣнія, тѣ же, стало быть, затрудненія въ сближеніи и примиреніи классовыхъ интересовъ, то же отсутствіе чувства общенациональной солидарности и пониманія общенациональныхъ интересовъ,—вотъ чего вправдѣ мы ожидать отъ предлагаемыхъ намъ новѣйшихъ программъ, не имѣющихъ, однако, шансовъ получить осуществленіе, настолько широкое, чтобы стать опасными. Помнить ихъ значеніе, однако, не мѣшаетъ, хотя значеніе это историческое и общественное, отнюдь не научное и не логическое.

Порожденіе естественныхъ процессовъ общественной эволюціи, отнюдь не умственного фактора, программы классовой системы образованія находятся въ явномъ противорѣчій съ данными науки и съ послѣдовательною логикою безпристрастнаго и добросовѣстнаго мышленія. Сила науки и могущество добросовѣстнаго мышленія, сила и могущество разума и совѣсти и являются причиною, что на Западѣ Европы эти опасныя программы полуобразованія и классоваго морально-интеллектуальнаго отчужденія разныхъ народныхъ слоевъ не имѣютъ успѣха, несмотря на то, что именно на Западѣ Европы дробленіе на экономическіе классы сдѣлало наибольшіе успѣхи, и классы, заинтересованные и въ дробленіи образованія, достигли наибольшаго могущества. У насъ слабѣе умственный факторъ; слабѣе, однако, и классы (капиталистическіе), которые могутъ въ настоящее время желать классовой системы образованія. Программы такого укороченнаго, «раздробительнаго» обученія не стыдятся появляться у насъ (стыдятся появляться въ Западной Европѣ), но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить, что шансовъ на осуществленіе онѣ имѣютъ у насъ больше. Капитализмъ еще слабъ у насъ. Если же ему и суждено будетъ расти на русской почвѣ, то надо ожидать, что будетъ, ему въ отпоръ, расти и сила знанія, сила умственного и нравственного фактора. Современные дебаты о среднеобразовательной системѣ мало задѣваютъ вопросы классовой системы. Поэтому и мы на этотъ разъ ограничимся этими замѣчаніями, которые приводятъ къ заключенію, что образовательная система (средняя въ томъ числѣ) должна имѣть въ виду интересы, блага и пользы никакъ не различныхъ классовъ, на которые дробится нація и между которыми распределяются отдѣльныя индивидуы, составляющіе націю. Но въ такомъ случаѣ, чьи же? Государства, націи или индигеновъ? Изъ четырехъ возможныхъ отвѣтовъ на поставленный въ началѣ этой главы вопросъ мы вычеркиваемъ, слѣдовательно, одинъ отвѣтъ. Остается три... Но три-ли, въ самомъ дѣлѣ?

III.

Въ чемъ можетъ заключаться противорѣчіе между интересами и пользами государства и націи въ ея цѣломъ? Государственность, иначе говоря, политическая культура, есть одна изъ формъ, въ которыхъ выражается національная организація, другими формами которой являются культура экономическая (формы производства, формы владѣнія, распредѣленіе средствъ и орудій, дробленіе на экономическіе классы, раздѣленіе труда и т. д.) и культура духовная (церковная организація съ одной стороны, организація свѣтскаго образованія съ другой). Культура не есть только организація, но поскольку она выражается и въ организаціи, постольку государственность является представителемъ и носителемъ культуры политической, какъ она развилась и сложилась въ данной странѣ. Если мы послѣ этого спросимъ, можетъ-ли культура политическая стать въ противорѣчіе съ культурою экономическою или культурою духовною или со всею совокупностью національнаго строя и развитія, то и теоретическія соображенія, и опытъ всемірной исторіи дадутъ намъ совершенно несомнительные отвѣты. Надо помнить, что часто (отнюдь не необходимо, однако) организаціи политическая, экономическая и духовная составляютъ иногда юридическую привилегію, иногда фактическую принадлежность особымъ группамъ населенія. Въ первомъ случаѣ—это сословія, во второмъ—классы. Совершенно естественно, если эти сословія и классы стремятся расширять свою власть и компетенцію насчетъ другихъ сословій и классовъ, и такимъ путемъ государство вступаетъ въ борьбу съ церковью или буржуазіей. Исторія знаетъ достаточно примѣровъ того и другого. Но вѣдь это и есть то исключительное антинаціональное развитіе классоваго строя и классовыхъ интересовъ, о которомъ мы говорили выше и которое уже признали опаснымъ для національнаго блага и для самого государства. Это случай, когда политическая организація является удѣломъ спеціального класса, а государство вырождается въ органъ этого класса, вмѣсто того, чтобы быть органомъ всего народа. Феодалный строй въ римско-германской Европѣ, шляхетскій строй въ Европѣ славянской были такимъ именно превращеніемъ государства въ органъ одного привилегированнаго класса. Повсемѣстно, однако, это классовое устройство управленія такъ или иначе отиѣнено, а съ этимъ падаетъ и антагонизмъ между интересами и пользами государства, какъ органа всей націи, и пользами этой самой всей націи. Я хорошо знаю, что *могутъ* возникнуть и при этомъ конфликты и антагонизмы, одинаково вредныя и націи, и государству, но эта возможность уже не только не есть необходимость, но и не представляется естественною, являясь пережиткомъ сословнаго государственнаго строя или (въ странахъ капиталистическихъ) порожденіемъ новыхъ экономическихъ дифференцо-

ваній. Тема, затронутая въ этихъ строкахъ, очень обширна и интересна, но долѣе останавливаться на ней въ настоящемъ случаѣ было бы неумѣстно. Намъ хотѣлось только показать, что разумно понятые и *соотвѣтственно* проводимые интересы государственные и національные не должны противорѣчить другъ другу вообще, тѣмъ менѣе въ специальной области учебно-образовательной организаціи. Здѣсь они даже совпадаютъ.}

Въ специальной области учебно-образовательной организаціи интересы націи, принимаемой какъ цѣлое, требуютъ такого образованія, которое одинаково соотвѣтствовало-бы возможно успѣшному участию образуемыхъ индивидовъ въ организаціяхъ политической, экономической и духовной культуры, избѣгая при этомъ дробленія на классы, приспособленные для одной только организаціи и негодные для другихъ. Опасности такого дробленія, вызывающаго антагонизмъ между разными группами населенія и постепенно вытравляющаго чувство національной солидарности и общегосударственного патріотизма, и являющіяся причиною, по которой въ интересахъ всей націи населеніе должно получать не только профессиональное, но и общее образованіе. Эта національная опасность есть опасность и государственная, потому что и государство нуждается въ томъ, чтобы населеніе было исполнено чувства патріотизма и сознанія общей національной солидарности, чтобы оно понимало національные и государственные интересы и задачи, чтобы оно могло сознательно и сочувственно служить имъ. Однако, не только эта широкая точка зрѣнія, объединяющая государственные и національные интересы, но и болѣе узкая специально-государственная невольно приводитъ къ такимъ же выводамъ.

Не далѣе полустолѣтія тому назадъ всѣ государства создавали свою военную силу выдѣленіемъ изъ состава націи класса военныхъ специалистовъ, только войною или военными упражненіями занимавшихся, всю жизнь посвящавшихъ военному дѣлу, никакого другого дѣла не знавшихъ и не умѣвшихъ, ни къ чему иному негодныхъ. Для этого посредствомъ вербовки, конскрипціи или рекрутства изъ здоровой, рослой и физически сильной молодежи всего народа выбирался необходимый контингентъ, отнынѣ терявшій всякую связь съ гражданскимъ міромъ и на всю жизнь (на 25, на 20 лѣтъ) прикованный къ знамени и оружію. Государство пріобрѣтало этимъ путемъ отличныхъ, прекрасно подготовленныхъ и дисциплинированныхъ специалистовъ военного дѣла, но по необходимости этихъ специалистовъ было сравнительно немного, а замѣнить ихъ въ случаѣ военныхъ неудачъ (т. е. когда войско особенно нужно) было очень затруднительно. Помимо всѣхъ выше бѣгло перечисленныхъ неудобствъ классовой замкнутости и обособленности, неудобствъ съ высшей національно-государственной точки зрѣнія, необходимая малочисленность войска и чрезвычайная затруднительность скорого возобновленія въ случаѣ потери авились, такимъ

образомъ, серьезнымъ неудобствомъ уже съ чисто-государственной точки зрѣнія. Это неудобство заставило народы Европы мало по малу перейти къ системѣ всенароднаго военнаго обученія, кратко-срочности службы и совмѣщенія военной спеціальности со всѣми возможными спеціальностями. Обученіе всего населенія военному дѣлу, вмѣсто выдѣленія особаго замкнутаго военнаго класса, оказывается такимъ образомъ соответствующимъ столько же государственнымъ интересамъ, сколько и національнымъ. Государство стало гораздо могущественнѣе, а нація избавилась отъ одного изъ самыхъ древнихъ, устойчивыхъ и опасныхъ дифференцований.

Успѣшность всенароднаго военнаго обученія находится въ полной зависимости отъ уровня общей культурности населенія. Дикаря можно сдѣлать солдатомъ и цивилизованнаго человека можно сдѣлать солдатомъ. Для дикаря, однако, нужно гораздо большій срокъ, чтобы стать хорошо дисциплинированнымъ и достаточно обученнымъ солдатомъ; приобретая съ трудомъ навыки дисциплины и тактическихъ приѣмовъ, дикарь ихъ и теряетъ скорѣе, легко возвращаясь къ первобытному состоянію. Словомъ, не только краткосрочность службы подъ знаменами можетъ быть примѣнена лишь въ цивилизованномъ государствѣ и къ цивилизованному населенію, но и сама система военныхъ резервовъ и запасовъ, призываемыхъ подъ знамена лишь во время войны, требуетъ извѣстнаго уровня цивилизаціи и культурности. «Нѣмецкій школьный учитель побѣдилъ французовъ»—твердили нѣмцы на всѣ лады въ 1870 году, и это отчасти справедливо въ томъ смыслѣ, что только всенародное школьное образованіе дало возможность ввести въ Пруссіи трехлѣтній срокъ службы въ то время, какъ всюду кругомъ существовали двадцати и двадцатипятилѣтніе сроки. Безъ такого всеобщаго народнаго образованія трехлѣтній срокъ былъ бы немислимъ, ни возможность сохранять въ теченіе пятнадцати-двадцати лѣтъ воинскіе навыки, приобретенные въ эти три года. Иначе говоря, безъ всенароднаго образованія Германія была бы не въ силахъ выслать миллионъ двѣсти тысячъ нѣмецкихъ солдатъ противъ четырехсотъ тысячъ французскихъ. Съ тѣхъ поръ культурность Германіи еще поднялась, и соответственно съ этимъ срокъ службы въ неспеціальныхъ войскахъ уменьшенъ съ трехлѣтняго до двухлѣтняго. Австрія и Италія не посмѣли послѣдовать примѣру ихъ могущественной союзницы: уровень культуры не позволяетъ. Въ Россіи до сихъ поръ для совершенно необразованнаго военнаго контингента принять шестилѣтній срокъ, для получившихъ начальное образованіе—четырехлѣтній, для лицъ съ среднимъ образованіемъ—годичный. Въ этой градаціи сроковъ лучше всего сказывается значеніе общаго неспеціальнаго образованія даже въ интересахъ специальныхъ обученій. Общеобразованные индивиды скорѣе приобретаютъ спеціальныя навыки и долѣе, лучше сохраняютъ ихъ. Въ настоящее время въ Россіи громадное большинство призываемаго контингента при-

надлежить къ категоріи совершенно необразованныхъ, даже неграмотныхъ, т. е. обязанныхъ служить шесть лѣтъ. Вслѣдствіе этого сравнительно долгаго пребыванія подъ знаменами большинства призываемыхъ, по необходимости приходится сильно сокращать число призываемыхъ. Содержа въ мирное время свыше девяти тысячъ комбатантовъ, т. е. около одной десятой части всего населенія, Россія можетъ пропустить черезъ военную школу арміи всего одну треть своего мужского населенія. Если бы состояніе народной образованности дало возможность сократить срокъ до трехъ лѣтъ (какъ въ Австріи), то, не увеличивая нисколько мирнаго состава арміи, ни военныхъ расходовъ, явилась бы возможность пропускать черезъ армію уже двѣ трети населенія, которому было бы легче нести бремя воинской повинности. Государство стало бы, однако, вдвое могущественнѣе. При повышеніи уровня культурности до нынѣшняго германскаго, призывалось бы все мужское молодое поколѣніе на два года, бремя повинности стало бы еще легче и равномернѣе, государство еще могущественнѣе и т. д. Изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній, однако, ясно, что интересы государства и націи требуютъ возможно высокаго уровня общаго образованія, на почвѣ котораго легко пріобрѣтаются и хорошо сохраняются спеціальныя и профессиональныя навыки, тогда какъ безъ общаго образованія требуется посвятить ихъ изученію и сохраненію всю жизнь, что вызываетъ, стало быть, дробленіе на классы, классовую замкнутость и антагонизмъ. Слѣдовательно, если смотрѣть на задачу школы вообще, средне-учебной въ особенности, съ точки зрѣнія интересовъ и пользы государства и націи, какъ цѣлаго, то эта задача легко уложится въ формулу: прежде всего—общее образованіе, поднимающее уровень культурности образуемаго и подготовляющее его къ воспріятію всякихъ профессій, всякихъ спеціальныхъ навыковъ, всякихъ «кусковъ хлѣба», всякихъ «нуждъ жизни»... Но не есть-ли все это вмѣстѣ съ тѣмъ и образовательная задача въ интересахъ образуемыхъ индивидовъ? Не сводятся-ли, стало быть, три отвѣта, которыми мы заключили предыдущую главу этого «Дневника», къ одному?

Широко, правильно и дальновидно понимаемые интересы націи, какъ цѣлаго, государства и отдѣльныхъ гражданъ вообще не должны противорѣчить другъ другу (по крайней мѣрѣ, въ современномъ государствѣ); въ частности несомнѣнно, что они совпадаютъ въ вопросахъ учебно-образовательной организаціи. Въ интересахъ націи, государства и образуемыхъ субъектовъ эта организація должна имѣть въ основѣ своей внимательно обдуманную систему общаго образованія, приготавливающую не спеціалиста, а человѣка, всесторонне культурнаго, развитаго и образованнаго. *Цивилизованный человекъ*—вотъ что нужно «для жизни», и вотъ какой задачѣ должна отвѣтить всякая цѣлесообразно-организованная средняя школа.

Что средняя школа должна готовить не техника и спеціалиста,

а *человѣка* въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова—доказывали еще Пироговъ и Ушинскій. Въ нашихъ выводахъ мы остаемся, такимъ образомъ, вѣрны воззрѣніямъ самыхъ компетентныхъ авторитетовъ нашихъ въ учебномъ дѣлѣ.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ современныя системы средняго образованія соотвѣтствуютъ такой задачѣ?

IV.

Если выше изложенныя соображенія справедливы, если задачей средней школы должно быть общее образованіе, иначе говоря, образованіе *человѣка* вообще, а не спеціально офицера, чиновника, ремесленника, купца, учителя, то и центромъ тяготѣнія всей системы средняго образованія должно быть, прежде всего и главнѣе всего, пониманіе *человѣка* и многостороннее познаніе всего *человѣчнаго* и *человѣческаго*, всего того, что, по гордому и прекрасному идеалу, затребованному Теренціемъ Варрономъ безъ малаго два тысячелѣтія тому назадъ, не должно быть чуждо *человѣку*, достойному носить это имя. *Нотю sum et nihil humanum mihi alienum puto*, такъ сказано и точно сформулировалъ великій римскій драматургъ *человѣческое достоинство*, достоинство истинно цивилизованнаго *человѣка*, сознающаго свои обязанности, свои права и свою отвѣтственность. Мы нерѣдко повторяемъ эту знаменитую формулу, мы даже гордимся ею, но недостаточно вспоминаемъ о ней именно тамъ, гдѣ ей наиболѣе должно быть отдано почета, вниманія и значенія, въ вопросахъ учебно-образовательныхъ. Не ясно-ли, что именно она должна быть высшимъ критеріемъ въ вопросахъ воспитанія и образованія? Не очевидно-ли, что *человѣкъ*, какъ бы онъ ни былъ многосторонне свѣдущимъ и ученымъ, не можетъ быть названъ образованнымъ, если не подготовленъ къ уразумѣнію и усвоенію этой формулы *человѣческаго достоинства*? Онъ можетъ не уразумѣть ее по природной тупости и не усвоить по испорченности, но онъ не получилъ и не получалъ образованія, если школа ему не предоставила средствъ уразумѣть и усвоить сознаніе его *человѣческаго достоинства*, сознаніе его *человѣческихъ правъ*, обязанностей и отвѣтственности, пониманія *человѣка* и его мѣста и роли въ средѣ ему подобныхъ, по отношенію къ согражданамъ, обществу, государству и *человѣчеству*.

Было бы большою ошибкою думать, что только что сформулированная основная проблема средней школы должна быть достигаема или даже можетъ быть достигаема преподаваніемъ правилъ поведения, обученіемъ систематизированной доктрины о правахъ и обязанностяхъ *человѣка* по отношенію къ себѣ, ближнимъ и отечеству, словомъ, догматикою морали, совѣсти и чести. Догматика и отвлеченная доктрина менѣе всего могутъ быть усвоены подростающимъ поколѣвіемъ. Время для догматики и систематизаціи наступить

послѣ, въ свое время. Въ средней школѣ это было бы просто морализованіе, даже вредное, скорѣе возбуждающее несочувствіе обучающейся молодежи. Моральное чувство не можетъ быть внушено наставленіемъ и классными уроками. Оно дается рожденіемъ, воспитаніемъ въ семьѣ, вліяніемъ среды, въ которой вырастаетъ молодежь. Это готовая величина, съ которою школа должна считаться, которою она должна воспользоваться и которую она обязана просвѣтить, т. е. рядомъ съ непосредственнымъ чувствомъ дать разумѣніе, рядомъ съ инстинктомъ—убѣжденіе. Въ обществѣ, въ которомъ преобладаетъ здоровое прогрессивное развитіе, запасы непосредственного моральнаго чувства всегда достаточны; достаточны они поэтому и въ обучающейся молодежи. Это молодое поколѣніе и безъ школы исполнено чувства чести и носитъ въ срдцѣ своемъ запасы совѣсти и альтруизма; образованіе должно уяснить эти чувства, озарить ихъ пониманіемъ, присоединить голосъ разума къ голосу совѣсти, тѣмъ самымъ усилить и укрѣпить голосъ совѣсти. Но если преподаваніе чести и обученіе совѣсти невозможно, если это морализованіе является обыкновенно лицемѣрною личиною безчестія и безнравственности, то чего же можемъ мы желать и требовать отъ нашей школы? Не ставимъ-ли мы ей невыполнимую проблему постичь непостижимое и объять необъятное? Однако, для человѣка постичь человѣка не можетъ и не должно быть недостижимо и недоступно. Для этого существуютъ иные пути, давно, впрочемъ, извѣстные человѣчеству, и если оно въ послѣднее время какъ бы задумывается надъ ними, какъ бы теряется въ выборѣ между ними, то причиною тому является осложненіе жизни общественной, къ которому не успѣло приспособиться ученое сословіе, слишкомъ специализовавшееся, чтобы объять общую проблему, отнюдь не необъятную, но требующую нѣсколько больше вниманія къ своей многосторонности и своему многообразію.

Какойнибудь дикарь Огненной Земли, для невнимательнаго наблюдателя едва лишь отличающійся отъ гориллы, есть уже человекъ, однако; человекомъ является и Гарибальди, Вашингтонъ, Дарвинъ, соединяющіе въ себѣ все, что есть высокаго и великаго на землѣ, и творческій геній, и нравственное величіе, и огромный трудъ, и еще большую скромность. Іерархія человѣческаго достоинства, по истинѣ громадна, почти безконечна. Медленно человѣчество всходило по этой лѣстницѣ, постепенно накапливая въ лучшихъ представителяхъ своихъ запасы чести и совѣсти, широту и глубину пониманія. То, что эти лучшие представители человѣческаго рода перечувствовали и перестрадали, передумали и переработали, и является тѣмъ огромнымъ нравственнымъ и умственнымъ капиталомъ, изъ котораго человѣчество можетъ почерпнуть новыя и новыя силы для своего нравственнаго и умственнаго роста и на познаніи котораго только и можетъ молодое поколѣніе получить образованіе человека, способное дать ему средства съ достоинствомъ продолжать

дѣло лучшихъ людей отжившихъ поколѣній. Дѣянія этихъ лучшихъ людей, записанныя въ исторіи и біографіи, оставленные ими труды, литературные, ученые и художественные; все великое, ими совершенное; все горестное, ими перенесенное; все постыдное, ихъ омрачившее; вся эта умственная и нравственная жизнь съ ея борьбою и страстью, съ побѣдами и пораженіями, со славой и со стыдомъ, съ радостями и горестями, — только и можетъ быть школою истинно-человѣческаго образованія, школою человѣческаго достоинства, чести и совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ школою пониманія и разумнѣя человѣческихъ и общественныхъ отношеній, правъ и обязанностей, подготовленіемъ къ всестороннему усвоенію и высшаго знанія, и житейскихъ навыковъ.

Когда въ классическія времена и потомъ вторично въ эпоху возрожденія Плутархъ становился настольною книгою средней школы, это было такимъ же выраженіемъ признанія только что высказанной истины, какъ и въ средніе вѣка, когда такою же настольною книгою являлись житія святыхъ. Изученіе классической литературы въ одномъ случаѣ, сосредоточеніе образованія на Священномъ Писаніи въ другомъ представляются естественнымъ, логически послѣдовательнымъ и для своего времени вполне цѣлесообразнымъ развитіемъ этой средне-учебной программы. Для каждой изъ цитируемыхъ эпохъ это была наилучшая программа, наиболее соответственная нравственнымъ идеаламъ современнаго человѣчества и стремившаяся поднять его лучшія силы до верховъ достоинства и пониманія, доступныхъ эпохъ. Подвиги великомучениковъ, праведниковъ, проповѣдниковъ Слова Божія пробуждали лучшія нравственные чувства учащагося поколѣнія, а библія давала удовлетвореніе познавательной способности чловѣка, не выпавшаго еще изъ сферы чисто религіознаго міровоззрѣнія. Выходъ изъ періода такого чисто религіознаго міровоззрѣнія мы и называемъ эпохою Возрожденія. Была создана свѣтская школа, гдѣ рядомъ съ житіями почетное мѣсто занялъ Плутархъ, рядомъ съ еврейскою литературою литература классическая. Но почему итальянцы и французы, нѣмцы и англичане остановили свой выборъ на Плутархѣ и классикахъ, точно они не имѣли своихъ героевъ, поэтовъ и мыслителей? Не трудно понять тому причину и признать, что для своего времени это былъ наилучшій возможный выборъ, самое логическое и плодотворное рѣшеніе.

Въ жизни отдѣльныхъ индивидовъ, какъ и въ жизни народовъ и чловѣчества, временами наступаютъ періоды, обыкновенно не долговѣчные, когда обычное будничное теченіе жизни замѣняется кратковременнымъ, но всестороннимъ подъемомъ и яркимъ плодотворнымъ расцвѣтомъ всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ способностей и достоинствъ чловѣка. Сѣрый будничный чловѣкъ, буднично живущій, буднично мыслящій, заурядно чувствующій, проявляетъ подъ вліяніемъ исключительнаго стеченія обстоятельствъ дарованія, да-

леко не будничныя, совершаетъ дѣянія, далеко не заурядныя. Это стеченіе исключительныхъ обстоятельствъ пробудило въ немъ долго дремавшія способности, долго спавшую энергію, и будничный заурядный человѣкъ становится человѣкомъ необыкновеннымъ, выдающимся, отмеченнымъ судьбою. Нерѣдко человѣкъ расплачивается гибелью за это счастье кратковременнаго расцвѣта и полноты жизни. Иногда же эта волна такъ же отступаетъ, какъ и наступила. Проходитъ исключительное стеченіе обстоятельствъ, и вчерашній герой снова погружается въ свою сѣробудничную жизнь съ ея заурядными дѣлами, мыслями и чувствами, ничѣмъ не выдающимися надъ среднимъ уровнемъ ему обычной, порой даже пошлой дѣйствительности. Не мало такихъ героев на минуту знаетъ исторія, а личный опытъ каждого пожившаго человѣка подскажетъ ему воспоминаніе о какомъ либо эпизодѣ, если не періодѣ его жизни, когда онъ способенъ былъ, не могъ даже не возвыситься надъ своимъ собственнымъ среднимъ уровнемъ даровитости и дѣятельности. О подобныхъ свѣтлыхъ эпизодахъ, о такихъ героическихъ періодахъ своей жизни человѣкъ сохраняетъ на всю жизнь отрадную, почти святую память, какъ бы буднична и ничтожна ни была его послѣдующая карьера. И память эта на долго будетъ служить ему не только отрадою, но и поученіемъ, спасетъ отъ многого недостойнаго и устранить многое неразумное въ его жизни.

Не только отдѣльные индивиды, не только народы, но и все наше земное человѣчество имѣетъ въ своей далеко нерадостной исторіи такой свѣтлый и отрадный эпизодъ, такой ни съ чѣмъ несравненный періодъ всесторонняго подъема человѣческаго генія. И періодъ этотъ—классическая исторія, главнымъ образомъ исторія Эллады, этотъ расцвѣтъ человѣческаго творчества и человѣческаго достоинства въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Эти Аѳины, въ три поколѣнія развернувшія культуру, на которую другіе народы и все человѣчество тратило напрасно цѣлыя тысячелѣтія; эта Спарта, воинственная доблесть которой никогда не была превзойдена и которая истинно-легендарнымъ патріотизмомъ является вѣчною укоризною эгоизму и своекорыстію человѣчества; это свѣтское просвѣщеніе, дотогѣ вовсе невѣдомое міру и затѣмъ снова утраченное человѣчествомъ на два тысячелѣтія; эта философія, что сдумѣла затронуть всѣ основныя идеи всѣхъ главныхъ философскихъ школъ всѣхъ временъ и народовъ; это искусство, что доселѣ приводитъ въ восхищеніе и служитъ поученіемъ художественному міру; однимъ словомъ, эта Эллада, что не имѣетъ себѣ равной на пространствѣ всего земного шара, на протяженіи всѣхъ пяти тысячелѣтій всемирной исторіи,—развѣ это не является именно такимъ несказанно свѣтлымъ эпизодомъ въ жизни человѣчества, жизни, достаточно сѣрой и недостаточно отрадной? И человѣчество дѣйствительно хранить и не можетъ, не смѣетъ не хранить память объ этомъ періодѣ и съ умиленіемъ улыбается, вспоминая этотъ небывалый

подъемъ своей даровитости и энергій, своего творчества и своей доблести, своей умственной и нравственной силы. Въ жизни чело-вѣчества много поучительныхъ страницъ, но мало отрадныхъ. Такой отрадной не указать другой. Эта страница научаетъ насъ уважать, а не презирать чело-вѣчество, вкладываетъ въ нашу грудь вѣру въ его силу и энергію, въ его достоинство и будущность... Исторія и дѣянія эллинскаго періода—великая, поучительная и возвышающая душу книга, которую никогда не надо забывать и повторять которую никогда не мѣшаетъ. Исторія римскаго народа является не-обходимымъ дополненіемъ греческой исторіи. Римъ, повторивъ сна-чала легендарныя доблести Спарты, затѣмъ принявъ аѳинское наслѣдство, усвоилъ его, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развитъ и сохранилъ для послѣдующаго чело-вѣчества. Въ формулахъ права Римъ резюмировалъ свободную и свѣтскую гражданственность клас-сическаго міра. Таково было то наслѣдство, которое въ XV вѣкѣ, послѣ паденія Константинополя и переселенія въ Италію послѣд-нихъ могиканъ греческой образованности, открылось романо-гер-манской Европѣ, какъ разъ въ это время уже доразвившейся до идеи свѣтскаго просвѣщенія. Его не приходилось даже искать. Оно, совсѣмъ готовое, со всѣмъ обаяніемъ никогда дотогѣ непревзойден-наго генія, открылось очамъ, уже ищущимъ истины и свѣта.

Если созданіе *цивилизованнаго чело-вѣка* есть задача образова-нія, если лучшимъ путемъ для этого является изученіе дѣяній и твореній цивилизованныхъ людей въ ихъ лучшихъ и совершен-нѣйшихъ представителяхъ, то для европейскаго общества XIV—XVI вв. не могло быть лучшей школы, какъ классическая. Гер-манскій дикарь, втеченіе V—VII вв. завоевавшій и ниспровергшій древній цивилизованный міръ романскій и кельтическій, былъ еще такъ невиненъ въ смыслѣ культуры и просвѣщенія, что могъ только истребить цивилизацію, но не перенять. Идеалъ цивилизо-ваннаго чело-вѣка, всѣ эти Аристиды, Периклы, Гракхи, Брутты, Сократы, стоики, былъ ему совершенно недоступенъ и непонятенъ. Ихъ чувства и мысли, ихъ радости и горести, ихъ подвиги и ихъ униженія, всѣ ихъ страсти, стремленія и желанія были ему чужды до совершенной непостижимости, не говоря уже объ ихъ идеяхъ, міропониманіи, общественномъ идеалѣ, наукѣ, искусствѣ. Этому дикарю, талантливому, но грубому уму и чувствомъ, надо было дать предварительное медленное, но суровое и неослабное перево-спитаніе. Римская церковь взялась за это дѣло. Убіеніе плоти съ ея необузданными страстями; уваженіе къ духовному началу; почи-таніе подвиговъ самоотверженія, страданія и милосердія; суровая дисциплина покаянія и духовной покорности; доступные пониманію средневѣковаго чело-вѣка библейскіе рассказы о добродѣтельной, но простой жизни древнихъ патріарховъ; обаяніе исполненной труда и подвига жизни святыхъ и праведныхъ,—и явились этою не-обходимою школою. Въ XIV—XV вв. общество стало уже пере-

ростать эту школу, а невозбранное многовѣковое господство ея представителей, католическаго духовенства, постепенно вытравило въ ней духъ творчества и добродѣтели и отрывало ее справедливой критикѣ. Протестантизмъ и Возрожденіе явились одинаково отвѣтомъ на эту отсталость и упадокъ средневѣковой школы. Протестантизмъ былъ болѣе рѣзкою по формѣ, Возрожденіе болѣе глубоко по идеѣ реформою духовной жизни народовъ Западной Европы. Что было вполне пригодно и полезно для дикаря VI в., изъ того уже выросъ полу-варваръ XV в. Непонятное и недоступное для перваго, стало для втораго обаятельно привлекательнымъ. Самъ онъ еще не былъ цивилизованнымъ человѣкомъ, но уже могъ понять чувства, идеи и стремленія цивилизованнаго человѣка. Это пониманіе дала ему новая тогда, а нынѣ столь престарѣлая, классическая школа. Никогда въ другой разъ школѣ не удавалось сотворить такого по истинѣ великаго дѣла, какое выпало на долю и на счастье классической школѣ, по справедливости назвавшей себя школою гуманистическою, школою человѣчности. Черезъ нее огромный запасъ накопленнаго знанія древняго классическаго міра, еще болѣе огромный запасъ идей, общественныхъ идеаловъ, художественнаго творчества, весь этотъ, казалось, мертвый капиталъ, погребенный подъ обломками пятнадцати вѣковъ, сразу открылся молодой Европѣ, уже жаждущей просвѣщенія, истины и правды. Это была такая громадная сила, явившаяся внезапно на помощь прогрессивнымъ силамъ того времени, что оцѣнить ея значеніе возможно только теперь, когда уже завершилась ея роль. Богъ знаетъ, сдѣлала ли бы Европа справиться съ одолевавшими ее мрачными силами обскурантизма и косности, если бы не эта счастливая и могущественная поддержка, оказанная умственнымъ и нравственнымъ наслѣдствомъ великихъ мыслителей и дѣателей греко-римскаго міра. Классическая школа явилась въ свое время проводникомъ этого наслѣдства и въ этомъ ея величайшая историческая заслуга.

Таково историческое происхожденіе и оправданіе классической школы, какъ системы, основанной на всестороннемъ ознакомленіи учащагося поколѣнія съ твореніями и дѣяніями греческаго и римскаго міра. Въ этомъ ея основная сущность. Учебная программа сложилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ условій мѣста и времени. Въ тѣ времена, когда складывалась учебная программа классической школы, выработаннаго литературнаго и научнаго языка не имѣли ни французы, ни нѣмцы, ни англичане. Имѣли итальянцы языкъ Данте, но всетаки не для науки и философіи. Варварская средневѣковая латынь служила во всей римско-германской Европѣ и у западныхъ славянъ языкомъ литературы и науки, языкомъ просвѣщеннаго класса. Замѣнить неулыбую, испорченную, не изящную и мало литературную варварскую латынь подлиннымъ красивымъ, выразительнымъ, стройнымъ языкомъ Горация и Тацита являлось, такимъ образомъ, естественною задачею новой классической

школы, естественною и необходимою, потому что ни дѣйствительное постиженіе древнеримской жизни и литературы, ни развитіе литературнаго вкуса не могли быть достигнуты инымъ путемъ. Та же причина заставила столь же прилежно заняться и греческимъ языкомъ. Усвоить греческую и латинскую литературу новѣйшимъ языкамъ посредствомъ хорошихъ переводовъ, достойныхъ своихъ великихъ подлинниковъ, было тогда невозможно и по неразвитости новыхъ языковъ, не готовыхъ еще къ выраженію всего многообразія идей и образовъ, сохраненныхъ въ греческихъ и латинскихъ памятникахъ, ни по неподготовленности самого новаго литературнаго слоя, еще недостаточно образованнаго и свѣдущаго для такого огромнаго труда. Потому что не надо забывать, что если переводчикъ и не обязанъ равняться талантомъ переводимому автору, то образованъ онъ долженъ быть не менѣе его, скорѣе даже образованнѣе. Только продолжительное, изъ поколѣнія въ поколѣніе усвоеніе образованнымъ европейскимъ обществомъ классическихъ языковъ съ ихъ высоко развитою литературною формою и глубокимъ идейнымъ содержаніемъ могло такъ скоро создать цивилизованное общество изъ полуварваровъ и схоластиковъ недавняго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ быстро и удачно разрѣшить задачу созданія новыхъ національных языковъ, литературныхъ и научныхъ. Итальянскій языкъ сложился и выработался первымъ, въ XIV—XV вв. Всѣ шансы опередить его имѣлъ только языкъ провансальскій, но горестныя политическія судьбы провансальскаго народа не только задержали, но даже совершенно остановили развитіе его прекраснаго и много общаваго языка, передавагого свое наслѣдство языку французскому, который одновременно съ испанскимъ и португальскимъ и получаетъ литературную и философскую обработку въ XVI в. Тогда же складывается и англійскій языкъ. Въ XVII в. въ литературный фазисъ существованія вступаютъ языки голландскій и польскій. Тягостная политическая исторія Германіи въ теченіе XVI и XVII вв. тормозитъ развитіе нѣмецкаго языка, который сложившимся можно считать лишь съ XVIII в. Русскій литературный языкъ есть уже созданіе XIX вѣка. Такимъ образомъ, мало по малу, въ теченіе четырехъ столѣтій окончательно вырабатываются и складываются, на почвѣ усвоенія классической литературы, ея формъ и вкуса, всѣ новые европейскіе языки (кромя русскаго, для котораго ту же службу сослужили языки французскій и нѣмецкій). Повидимому, эта роль и назначеніе классической школы завершилось, и новые языки и новыя литературы, воспринявъ и переработавъ богатое лингвистическое и литературное наслѣдство древняго міра, продолжаютъ дальшее развитіе, уже не нуждаясь въ классическихъ образцахъ и далеко переросши классическія идеи. Повидимому, стало быть, и самой школѣ классической наступаетъ время подумать о наслѣдникѣ.

Схоластическая школа господствовала въ теченіе девяти вѣковъ

во всей Европѣ. Вполнѣ отвѣчавшая потребностямъ VII—XIII вв., она должна быть помянута съ благодарностью. Она много потрудилась надъ перевоспитаніемъ дикаря и для приобщенія его къ духовной жизни. Когда школа, вмѣстѣ съ другими болѣе могучими факторами исторіи, совершала эту задачу, и европейскій варваръ, приобщенный къ духовной жизни, потребовалъ духовной пищи, схоластическая школа не могла удовлетворить этой новой потребности. Ее замѣнила классическая, блистательно выполнившая свою задачу и создавшая цивилизованное общество новой Европы. Въ настоящее время общество это переросло уже ту цивилизацію, которую только и можетъ (въ лучшемъ случаѣ) предложить эта школа, цивилизацію классическую.

Для общества, знавшаго только схоластику, философія Платона, Зенона, Эпикура, Демокрита была истиннымъ откровеніемъ; для нашего общества эта философія любопытна лишь, какъ гениальное предвосхищеніе идей, всестороннее и широкое обоснованіе и развитіе которыхъ мы будемъ искать, конечно, не у древнихъ. Для общества, которое имѣло только рыцарскую поэзію трубадуровъ и миннезингеровъ и эпическія сказанія, изящная литература Греціи и Рима открывала собою цѣлый новый міръ образовъ, формъ, художественныхъ идей; для современныхъ европейскихъ обществъ съ ихъ еще болѣе богатыми и разносторонними литературами классическія литературы сохранили, конечно, интересъ и поучительность, но уже не могутъ имѣть наставляющаго и руководящаго значенія. Для общества, дико-невѣжественнаго и суевѣрнаго, каковымъ было общество XV в., наука Аристотеля, Птолемея, Плинія была очень крупнымъ, прямо драгоценнымъ приобретеніемъ; она только историческій памятникъ для современнаго общества. Формы древней цивилизаціи съ ихъ свободными учрежденіями, съ ихъ свѣтскостью и сравнительною гуманностью, съ ихъ патріотизмомъ и самоотверженіемъ, съ ихъ признаніемъ неприкосновенности права, эти формы могли быть идеаломъ для общества, построеннаго на феодальной іерархіи и не знавшаго отечества, съ суровыми деспотическими правительствами, съ безправіемъ и безсудіемъ. Надо, однако, только вспомнить, что древняя цивилизація никогда не могла освободиться отъ рабства и, если освобождала женщину изъ подъ замковъ гинекея, то развѣ для разврата. Конечно, такая цивилизація уже не можетъ быть идеаломъ современнаго общества. То же, что мы сказали о философіи, литературѣ, наукѣ, гражданственности, пришлось бы повторить объ искусствѣ, театрѣ, нравахъ, общественныхъ идеалахъ. Для общества XV вѣка классическая цивилизація должна была представляться идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ; современное общество во всѣхъ отношеніяхъ переросло эту цивилизацію. Оно переросло, слѣдовательно, и классическую школу, которой великая историческая задача и великая историческая заслуга и заключалась въ томъ, чтобы варварскому обществу привить высшую цивилизацію.

Покажи́ть классическая цивилизація была выше ново-европейской, до тѣхъ поръ классическая школа имѣла великое цивилизующее значеніе. Съ тѣхъ же поръ, какъ современная новоевропейская цивилизація далеко опередила классическую, и образованіе классическое потеряло главную основу своего существованія. Въ настоящее время оно пережило само себя, и одряхлѣвшая, извѣрившаяся, потерявшая весь былой престижъ и бывшее значеніе, классическая школа держится только преданіемъ. Дни ея сочтены, но кто идетъ ей на смѣну?

V.

Я уже упомянулъ, какъ нѣмцы первые, а за ними и другіе народы, обошли рѣшеніе этой проблемы. Не ломая головы надъ выработкою типа новой школы, которая могла бы явиться такою же полною и полноправною наслѣдницею классической школы, какою явилась сама классическая послѣ схоластической, нѣмцы, а за ними и другія націи Европы, оставили совершенно неприкосновенною систему классическаго образованія, какъ главную основу средняго образованія, а для удовлетворенія возрастающаго недовольства устарѣвшею школою основали рядомъ съ нею новую, такъ называемую реальную. Недостаточно обдуманная, явившаяся уступкою нехотѣ, свысока третируемая учебнымъ сословіемъ, реальная школа получила довольно случайную организацію и программу и менѣе всего вправѣ надѣяться замѣнить собою классическую.

Когда новая европейская цивилизація начала переростать свои классическіе образцы, то прежде всего и ярче всего это сказалось въ области естествознанія, иначе называемаго реальнымъ знаніемъ. Въ эпоху своего процвѣтанія классическая школа давала своимъ питомцамъ и реальное знаніе, какъ оно было создано классическою наукою. Аристотель, Птоломей, Страбонъ, Эратосѣенъ, Плиній проходились и изучались не только, какъ литературные памятники. Ихъ усваивали; отъ нихъ научались познанію природы. Въ настоящее время уже невозможно преподавать физику по Аристотелю, астрономію—по Птоломею, или естественную исторію—по Плинію. Это первое обнаруженіе того факта, что новая цивилизація опережаетъ классическую, вызвало и первую критику классической системы образованія. Отвѣтомъ на эту критику и явилось основаніе реальныхъ училищъ. Тѣмъ временемъ, однако, новая цивилизація обнаружила свое превосходство не только въ области положительнаго знанія, а во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, но это не принято въ расчетъ реально-учебными программами. Классическая школа даетъ цивилизацію, хотя устарѣлую и стоящую ниже современной; реальная школа вовсе не даетъ цивилизація, совсѣмъ не ставитъ ее своей задачей, ограничиваясь сообщеніемъ полезныхъ свѣдѣній. Правда, и въ реальныхъ училищахъ преподается исторія,

родной языкъ и родная литература, но, во-первыхъ, они отодвинуты на задній планъ, а во-вторыхъ, усвоеніе національной цивилизаціи, хотя и должно входить въ составъ общаго образованія, не есть, однако, общее образованіе. Даже такія богатая культурою нація, какъ англичане, французы или нѣмцы, не могли бы безъ большаго ущерба для самой культуры своей замкнуться въ ней и не оплодотворять ее общеніемъ съ другими культурами. Такимъ образомъ, если классическое образованіе не соответствуетъ современному уровню цивилизаціи, то реальное вовсе не есть образованіе. Классическая школа пережила уже свое время и должна быть замѣнена новою школою, но никакъ не реальныя училища могутъ быть этою новою школою. Неудачное порожденіе неудачнаго компромисса защитниковъ старой школы съ нарождающимися новыми потребностями, реальная школа не должна пережить классическую и одновременно съ нею должна уступить мѣсто новой школѣ, которая, подобно классической, должна ставить своей задачей образованіе цивилизованнаго человѣка, но при этомъ должна быть согласована съ современнѣйшимъ высшимъ уровнемъ цивилизаціи.

Если насъ не удовлетворяетъ ни классическая, ни реальная школа, то, конечно, еще менѣе соответствуютъ современнымъ образовательнымъ потребностямъ всякія спеціальныя среднія школы, кадетскіе корпуса, коммерческія училища, духовныя семинаріи, гдѣ съ дѣтскихъ лѣтъ человѣка превращаютъ въ спеціалиста, что не можетъ содѣйствовать общему образованію. Для спеціализаціи всегда осталось бы время послѣ общаго образованія. Женскія средне-учебныя заведенія, повторяющія гимназическую программу безъ классическихъ языковъ и съ укороченною программой математики и физики, повторяютъ собою всѣ недостатки реальнѣйшихъ училищъ, не давая и тѣхъ полезныхъ свѣдѣній, которыя даютъ реальныя училища. Болѣе полное преподаваніе отечественной литературы и лучшее изученіе новѣйшихъ языковъ являются, однако, существеннымъ преимуществомъ женскихъ гимназій и открываютъ собою именно тотъ путь, на которомъ возможна плодотворная реформа средне-образовательной системы.

«Цивилизованный человѣкъ» былъ задачею классической школы; такую же задачу должна ставить себѣ и новая школа, которая должна остаться гуманитарною, переставъ быть классическою. Новый цивилизованный человѣкъ, какъ онъ выражается въ лучшихъ представителяхъ, въ лучшихъ дѣяніяхъ и лучшихъ твореніяхъ новаго времени, выше, многостороннѣе, гуманнѣе классическаго человѣка, и молодое поколѣніе можетъ лучше и всестороннѣе цивилизоваться, усваивая дѣянія и творенія передовыхъ націй новой Европы, нежели на дѣяніяхъ и твореніяхъ древности. Они должны сохранить свое мѣсто во всякой гуманитарной школѣ, но первое мѣсто и главную роль должны уступить ново-европейскому творчеству и ново-европейской культурѣ. Изученіе языковъ, исторіи и

литературы было основой хорошей классической школы. Языки, история и литература должны остаться основными предметами и ново-гуманитарной школы. Три нации стоят в настоящее время во главе человеческой цивилизации, французы, англичане и японцы. Изучение их цивилизации должно быть положено краеугольным камнем новогуманитарной школы, дополняемое изучением отечественной цивилизации. Мы выше упомянули, почему классическая школа должна была опереться прежде всего на изучение языков. Нелитературность новых языков, их неподготовленность к восприятию переводов творений высшей культуры была тому причиной. Теперь для классической литературы этого препятствия больше не существует, и она может быть передана на новые языки, может внести свою образовательную и цивилизующую лепту и без изучения молодыми поколениями классических языков. Если сама классическая школа, в ее полном логическом развитии, устарела и не соответствует современному уровню образованности, то еще меньше может быть оправдана затрата большей части учебного времени на изучение языков, которые даже для усвоения классической цивилизации больше не нужны. Не отрицаю, что изучение языков изощряет логику и расширяет горизонт нашего понимания, дает богатые средства и орудия для мысли, но было бы большим заблуждением думать, что это привилегия классических языков. Это было верно в то время, когда основывалась классическая школа и когда еще не сложились литературно новые языки. Это совершенно не верно теперь, когда новые мыслители и новые художники довели выразительность, гибкость, красоту и многообразие новой речи до степени, неизвестной классической древности, ей недоступной. В настоящее время серьезное изучение трех новых языков после хорошего серьезного изучения родного языка не только вполне замѣнит изучение классических языков в деле усвоения литературности и философской последовательности, вкуса и логики речи, оно даст в этом отношении гораздо больше, потому что новые языки, усвоив все богатство древних, пошли настолько дальше, насколько ушло дальше само мышление, само содержание речи. Форма не может не соответствовать содержанию. Серьезное изучение новых языков важно, конечно, не только потому, что должно лучше изощрять мышление и литературный вкус, но и потому, главным образом, что классическая литература, являясь величайшей законченной, может быть передана на новые языки раз навсегда целиком до последнего фрагмента включительно. Между тем новые литературы живут и богатеют; чтобы слѣдить за ними, нужно знание новых языков. Слѣдить за классическими литературами нѣтъ надобности, да нѣтъ и возможности. Едва-ли кто либо рѣшится утверждать, что средняя школа может серьезно научить пяти иностранным языкам и шестому родному. Значит, надобно выбирать. Не отрицая, что и знание классиче-

скихъ языковъ можетъ принести пользу и явиться однимъ изъ образовательныхъ факторовъ, надо признать, что новые языки являются и болѣе могучимъ образовательнымъ факторомъ, и не могутъ быть замѣнены переводами. Ясно, что они должны быть выбраны, должны замѣнить собою классическіе языки.

Въ настоящее время въ гимназіяхъ классическимъ языкамъ посвящается въ первыхъ двухъ классахъ по шести часовъ въ недѣлю, въ остальныхъ шести классахъ по двѣнадцати часовъ, да новымъ языкамъ по четыре часа, итого по десяти часовъ въ низшихъ классахъ и по шестнадцати въ высшихъ могло бы быть употреблено на новые языки. Это гораздо больше, чѣмъ необходимо. Начать съ того, что серьезное изученіе иностранныхъ языковъ до хорошаго знакомства съ роднымъ языкомъ и очень затруднительно, почти безплодно, и даже вредно, не только не изощряя логику и вкусъ, но путая и сбивая съ толку. Поэтому, едва-ли дозвоительно начинать серьезное изученіе языковъ раньше четвертаго класса, до котораго можетъ быть окончена русская грамматика. Пять лѣтъ по четыре урока въ недѣлю болѣе, нежели достаточно, чтобы вполне овладѣть новымъ языкомъ и широко ознакомиться съ его литературою въ лучшихъ признанныхъ ея представителяхъ. До четвертаго класса можно бы начинать лишь для наученія чтенію, письму и произношенію, для чего достаточно выбрать одинъ иностранный языкъ. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что замѣна двухъ классическихъ языковъ тремя новыми освободить до шести или даже восьми часовъ въ недѣлю въ низшихъ классахъ и около четырехъ въ высшихъ. Это значительное сбереженіе времени могло бы быть употреблено на усиленіе преподаванія русскаго языка и словесности, въ настоящее время сильно упавшее и затѣненное классическими предметами, и на расширеніе предметовъ реальнаго знанія. Конечно, знаніе не есть образованіе, но и образованіе будетъ не полно безъ знанія. Понятіе о космосѣ, его строѣ и его развитіи, его законахъ и явленіяхъ должно входить въ составъ общаго образованія.

На всемъ протяженіи этого *Дневника* мы рассматриваемъ современную школу въ ея идеѣ, какъ бы идеальную, такую, какою она должна быть въ наилучшемъ исполненіи. Мы ее нашли устарѣвшею и неудовлетворяющею современнымъ потребностямъ и при такомъ идеальномъ ея представленіи. Надо однако помнить, что современная школа далеко не идеальная классическая школа и даже въ этомъ отношеніи заставляетъ многого желать. Жизнь все болѣе обнаруживаетъ, что не въ классической древности приходится современному человѣку искать мудрости, знанія, вкуса, общественныхъ идеаловъ. Не можетъ не просачиваться это сознаніе и въ стѣны классической школы, которая и перестаетъ учить классической мудрости, вкусу, идеаламъ, словомъ, не прививаетъ больше цивилизаціи, а постепенно замыкается

въ лингвистической дрессировкѣ учащихся. То, что прежде было только орудіемъ, открывавшимъ доступъ къ богатствамъ древней культуры и просвѣщенію, теперь становится самодовлѣющей цѣлю и теряетъ и то, значеніе которое еще могло бы сохранить. Это естественное умирание классической школы, эта невозможность вдохнуть въ нее жизнь и движеніе становится все очевиднѣе, и сознаніе необходимости реформировать школу проникаетъ все глубже и шире во всѣ слои образованныхъ обществъ современной Европы и Америки. Повидимому, даже учебное сословіе начинаетъ замѣчать эту необходимость.

Таково положеніе средней школы во всемъ образованномъ мірѣ. Я уже указывалъ въ началѣ сегодняшняго *Дневника*, что у насъ, въ Россіи, дѣло осложнялось еще нѣсколькими специально неблагоприятными условіями. Не мудрено, что у насъ и недовольство среднею школою обнаруживается сильнѣе. Дворянскія собранія Курской и Тифлисской губерній даже возбудили предъ правительствомъ ходатайства о преобразованіи средней школы и о созданіи одного типа вмѣсто двухъ. Эти ходатайства возбудили снова оживленное обсужденіе въ печати и послужили поводомъ и къ настоящимъ замѣткамъ, конечно, не претендующимъ исчерпать этотъ сложный вопросъ. Мнѣ хотѣлось только указать точку зрѣнія, съ которой слѣдовало-бы трактовать эту задачу. Не скрою, что реформа гимназій въ намѣченномъ мною направленіи застала бы и наши филологическіе факультеты не подготовленными и несогласованными съ новыми задачами. Серьезная реформа гимназическая не могла бы быть проведена и безъ столь же серьезной реформы филологическихъ факультетовъ, но объ этомъ когда набудь въ другой разъ.

С. Югановъ.

Литература и жизнь.

Продолжаю о книгѣ Кидда.

Сопоставляя жизнь цивилизованныхъ людей съ жизнью дикарей, нельзя не изумляться колоссальнымъ успѣхамъ человѣческаго разума, говоритъ Киддъ. Мы, цивилизованные люди, сообщаемъ другъ другу свои мысли въ кратчайшее время на огромныя разстоянія; мы за цѣлыя годы впередъ съ точностью опредѣляемъ движенія небесныхъ тѣлъ, отстоящихъ отъ насъ на многіе милліоны миль; дѣлаемъ механическіе снимки съ рѣчей и потомъ восстанавливаемъ въ любое время эти рѣчи для нашего слуха; изучаемъ составъ неподвижныхъ звѣздъ съ помощью анализа свѣта, испедаемаго изъ своего

источника раньше, чѣмъ занялась заря нашей исторіи. Все это достигнуто человѣческимъ разумомъ, и ничего отдаленно подобнаго мы не находимъ у низшихъ расъ. Сложность нашей цивилизованной жизни, наша торговля и промышленность, служащая имъ орудія, машины, техническія знанія,—также, повидимому, рѣзко отграничиваютъ цивилизованные народы отъ низшихъ расъ. Очень однако ошибаются тѣ близорукіе люди, которые считаютъ эти результаты цивилизаціи мѣриломъ умственной разницы между нами и низшими расами. Стоитъ лишь немного подумать, чтобы убѣдиться въ томъ, что изумительные плоды цивилизаціи отнюдь не могутъ служить мѣриломъ умственного превосходства цивилизованныхъ народовъ. Это результаты не умственного напряженія отдѣльныхъ лицъ изъ насъ, а колоссальной преемственной работы накопленія знаній, каждое послѣдующее увеличеніе которыхъ становится все легче. Даже даровитѣйшіе изъ насъ, заносящіе въ лѣтописи науки открытія первостепенной важности, собственно говоря, не могутъ приписывать ихъ себѣ, своему личному творчеству, ибо работаютъ на расчищенной трудами многихъ поколѣній почвѣ. Вотъ почему мы и видимъ, что великія открытія и изобрѣтенія совершаются обыкновенно не однимъ лицомъ, а нѣсколькими, вполне другъ отъ друга независимо. Такъ было съ дифференціальнымъ исчисленіемъ, съ закономъ сохраненія силы, съ эволюціонной теоріей, съ объясненіемъ египетскихъ іероглифовъ, такъ было съ открытіемъ паровой машины, спектральнаго анализа, телеграфа, телефона, и проч. Ни объ одной великой идеѣ нельзя сказать, чтобы она была продуктомъ единичнаго генія, а слѣдовательно нельзя указывать на наши идеи и знанія, какъ свидѣтельство нашей умственной высоты; они гораздо болѣе свидѣтельствуютъ о высотѣ нашей общественности, соціальнаго развитія. Точно такъ же, говоря о низшихъ расахъ, нельзя объяснять ихъ состояніе исключительно ихъ умственною отсталостію. Извѣстно, что въ языкахъ низшихъ расъ нѣтъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ идей и отношеній, съ которыми мы, цивилизованные люди, осваиваемся съ самаго ранняго дѣтства. Такъ, напримѣръ, дикари обыкновенно умѣютъ считать только до пяти, даже до трехъ и не имѣютъ словъ для обозначенія большихъ чиселъ. А между тѣмъ эти люди владѣютъ часто стадами рогатаго скота, овецъ и проч. и очень хорошо знаютъ, все ли стадо тутъ налицо, хотя и не могутъ сказать, какъ оно велико. Если же мы съ легкостью совершаемъ свои счетныя операціи, такъ это благодаря преемственно выработанному какъ бы масштабу, который мы почти механически примѣняемъ къ дѣлу; затрачиваемыя же при этомъ наши умственныя способности совсѣмъ ужъ не такъ значительно превышаютъ способности дикаря, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Это разсужденіе Кидда, содержа въ себѣ много вѣрнаго, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить исходнымъ пунктомъ для доказа-

тельства произвольности нѣкоторыхъ его обобщеній и самой его терминологіи. Нельзя сомнѣваться въ великомъ значеніи религіозныхъ вѣрованій и связанныхъ съ ними этическихъ системъ, какъ историческаго фактора. Но было бы большою ошибкою не видѣть другихъ источниковъ этики, заключающихся въ томъ процессѣ развитія общественности, въ томъ, такъ сказать, социальномъ треніи, которому Киддъ не безъ основанія приписываетъ столь значительную роль даже въ чисто интеллектуальной области. Вопреки мнѣнію Де-Греефа, Киддъ придаетъ огромное значеніе общественности (*socialité*), но онъ даетъ ей совершенно произвольное, слабо мотивированное и одностороннее освѣщеніе.

Затѣмъ Киддъ уже слишкомъ грубо и прямолинейно изображаетъ картину развитія «европейской цивилизаціи». Одна изъ исходныхъ точекъ Кидда—естественный антагонизмъ между индивидомъ и обществомъ, между индивидуальнымъ и общественнымъ развитіемъ—есть пунктъ, къ которому съ разныхъ сторонъ приходятъ многіе современные европейскіе соціологи. Но протекающая отсюда борьба за индивидуальность во всякомъ случаѣ не можетъ быть столь проста и, такъ сказать, монотонна, какъ выходитъ у Кидда. Дѣло въ томъ, что всякая общественная форма, въ которую вступаетъ человѣкъ, съ одной стороны, расширяетъ его личное существованіе, обогащая его новыми психологическими элементами, новыми красками и звуками жизни, и предоставляя сотрудииковъ для достиженія его цѣлей, но, съ другой стороны, налагаетъ на личность извѣстныя узы, ограничивающія просторъ ея жизненныхъ проявленій. Эти плюсы и минусы, доставляемые личности обществомъ, и по своему объему, и по своей напряженности, и по своему направленію очень разнообразны въ разныхъ формахъ общественныхъ союзовъ и на разныхъ ступеняхъ развитія этихъ союзовъ. Разнообразіе это еще во много разъ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что, напримѣръ, членъ того колоссальнаго цѣлаго, которое Киддъ называетъ «западной цивилизаціей», не исключительно и непосредственно въ это цѣлое входитъ: онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и членъ семейнаго союза, и сынъ своей родины, входитъ въ составъ того или другого общественнаго класса или сословія, принадлежитъ по своему вѣроисповѣданію къ той или другой церкви, а по своей профессіи къ той или другой профессиональной группѣ, онъ въ то же время членъ какого нибудь благотворительнаго, ученаго общества, какого нибудь клуба и т. д., и т. д. Нѣсколько меньшую пестроту, но все таки значительное разнообразіе встрѣтимъ мы и въ томъ цѣломъ, которое Киддъ объединяетъ, какъ средневѣковую теократію. И здѣсь имѣется сложная іерархія феодальной системы, рыцарскихъ и монашескихъ орденовъ, цеховъ, сельскихъ общинъ, союзовъ кровнаго родства, временныхъ союзовъ съ торгово-промышленными и военными цѣлями и т. д. Прослѣдить судьбы личности въ этомъ пестромъ переплетѣ разнообраз-

ныхъ союзовъ со всеми ихъ плюсами и минусами—задача столь же интересная, какъ и трудная. И очевидно, въ этой сложной картинѣ нельзя ориентироваться при помощи противопоставленія разума и эгоизма съ одной стороны, «сверхъ-разумныхъ факторовъ» и общественности — съ другой. Даже въ средніе вѣка, когда европейскую цивилизацію дѣйствительно обуяла страстная жажда поклоненія передъ авторитетомъ и разнообразныя общественныя союзы дѣйствительно часто принимали ту окраску, которую Киддъ называетъ сверхъ-разумною; даже и тогда были часто «разумныя» основанія для вступленія въ вассальныя отношенія къ сильному сюзерену или для образованія союзовъ взаимной защиты и помощи. А съ другой стороны такъ пышно расцвѣтшій въ средніе вѣка аскетическій идеалъ, часто заключавшій въ себѣ прямое отрицаніе общества, опирался на сверхъ-разумныя основанія. Такимъ образомъ, ни разумъ не можетъ быть признанъ противообщественнымъ началомъ, ни общественность не можетъ быть предоставлена въ исключительное вѣдѣніе сверхъ-разумныхъ факторовъ.

Соотечественникъ Кидда, Генри Друммондъ, книга котораго «Прогрессъ и эволюція человѣка» вышла недавно въ русскомъ переводѣ, находитъ, что «ни одинъ изъ современныхъ мыслителей не смотрѣлъ на проблему съ такою ясностью, какъ Киддъ; но — продолжаетъ онъ—его рѣшеніе, глубоко вѣрное само по себѣ, портится въ глазахъ науки и философіи своимъ совершенно ошибочнымъ основаніемъ». По мнѣнію Друммонда, концепція Кидда есть продуктъ разочарованія и отчаянія. Отчаявшись найти въ разумѣ и въ самой природѣ основанія для этики, Киддъ ищетъ ей «ультра-раціональной санкціи». Надо замѣтить, что Друммондъ столь же высоко цѣнитъ христіанскую этику, какъ и Киддъ, но онъ полагаетъ, что соответствующія ей предписанія дадутъ и разумъ, и сама природа. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ и Киддъ же, пламенный эволюціонистъ, но нѣсколько на иной подкладкѣ. И ходъ его мысли, и результатъ, къ которому онъ приходитъ, хорошо характеризуются слѣдующими его словами: «Вплоть до сихъ поръ не было сказано ни одного слова для примиренія христіанства съ эволюціей или эволюціи съ христіанствомъ. А почему? Ибо и то, и другое составляютъ одно. Что такое эволюція? Способъ творенія. Въ чемъ цѣль ея? Сдѣлать живыя существа болѣе совершенными. Что такое христіанство? Способъ творенія. Въ чемъ цѣль его? Сдѣлать живыя существа болѣе совершенными. Черезъ что дѣйствуетъ эволюція? Черезъ любовь. Черезъ что дѣйствуетъ христіанство? Черезъ любовь. Эволюція и христіанство имѣютъ одного и того же Творца, одну и ту же цѣль, одинъ и тотъ же духъ. Между этими двумя процессами нѣтъ соперничества. Христіанство проникло въ эволюціонный процессъ безъ шума и потрясенія; оно не опрокинуло ничего изъ того, что было сдѣлано; оно приняло всѣ естественныя основанія точь въ точь такими, какими нашло ихъ; оно взяло че-

ловѣческое тѣло, умъ и душу какъ разъ на томъ уровнѣ, на которомъ работала надъ ними органическая эволюція; оно продолжало постройку путемъ медленныхъ и постепенныхъ измѣненій; и черезъ процессы, управляемые рациональными законами, оно завершило восхождение человѣка. Но одинъ человѣкъ не можетъ прослѣдить естественно пути эволюціи, не достигнувъ при вершинѣ христіанства» (русскій переводъ, М. 1896, стр. 388—389).

Послѣднюю мысль развиваетъ, какъ мы видѣли, и Киддъ, но Друммондъ желаетъ избѣжать Киддовой парадоксальной постановки вопроса на почву единства «религіи любви» и доктрины борьбы за существованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ найти моральную санкцію не тамъ, гдѣ ее ищетъ Киддъ, а напротивъ, въ отвергнутыхъ ими источникахъ этического и соціальнаго творчества, — въ разумѣ и природѣ. Достигаетъ онъ этого двумя путями. Во-первыхъ, весь эволюціонный процессъ, всю исторію міра въ цѣломъ и въ подробностяхъ онъ изображаетъ, какъ цѣлесообразное осуществленіе отъ вѣка существовавшаго гигантскаго плана; при этомъ онъ отчасти какъ бы слѣдуетъ за Дарвиномъ, но вездѣ подставляетъ цѣлесообразное творчество природы вмѣсто механическаго подбора выгодныхъ измѣненій. Затѣмъ, во-вторыхъ, онъ, съ энтузіазмомъ говоря о высокомъ значеніи теоріи Дарвина, находитъ, однако, что ею устанавливается лишь одна половина истины. «Борьба за жизнь» несомнѣнно происходитъ и даетъ тѣ именно результаты, которые такъ блистательно разработаны великимъ англійскимъ натуралистомъ, но результаты эти частью видоизмѣняются, частью парализуются другимъ, столь же естественнымъ началомъ, доселѣ упущеннымъ наукою изъ вида, — «борьбою за жизнь другихъ». «Въ чемъ Киддъ имѣлъ успѣхъ, и исходъ блестящій, — говоритъ Друммондъ, — это показать что природа, *изгаляемая, въ предѣлахъ борьбы за жизнь*, не включаетъ въ себѣ санкціи ни для нравственности, ни для соціальнаго прогресса. Но вмѣсто того, чтобы отказываться здѣсь отъ природы и разума, ему слѣдовало отказаться отъ Дарвина. Борьба за жизнь не составляетъ «высшаго факта, котораго достигла мало по малу биологія». Это фактъ, котораго достигъ Дарвинъ; но еслибы обратиться къ биологіи вполнѣ, она не дала бы столь искаженнаго свѣдѣнія о самой себѣ». Друммондъ, какъ и Киддъ, думаетъ, что процессъ соціальнаго развитія, совершающійся въ западной цивилизаціи, обязанъ своимъ существованіемъ извѣстному фонду альтруистическихъ чувствъ, но, фондъ этотъ, по его мнѣнію, созидался самой природой, какъ результатъ той борьбы за жизнь другихъ, которая во все времена была однимъ изъ условій существованія. Друммондъ не отрицаетъ ни факта борьбы за жизнь, ни благотельныхъ ея послѣдствій въ смыслѣ выработки [сильныхъ и способныхъ. Но «рядомъ съ борьбой за жизнь другихъ борьба за жизнь собственную есть только преходящій фазисъ. Столь же давняя, какъ и глубоко таящаяся въ природѣ, эта дальнѣйшая сила была

съ самаго начала предназначена заслонить собою борьбу за жизнь и выстроить болѣе благородную постройку на основаніяхъ, заложенныхъ этой послѣдней». Борьба за жизнь есть рядъ явленій, производныхъ отъ функции питанія; борьба за жизнь другихъ есть рядъ явленій, производныхъ отъ функции воспроизведенія. Первый проблемскъ борьбы за жизнь другихъ находимъ въ тѣхъ чисто механическихъ приспособленіяхъ, которыми въ самыхъ низшихъ слояхъ органическаго міра индивидъ откладываетъ извѣстные запасы для питанія зародыша и охраненія его отъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ вліяній. Затѣмъ, постепенно усиливая сложность и напряженность явленія, эволюція создаетъ матъ въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова. «Слѣдить за приобрѣтеніями воспроизведенія съ этого пункта значило бы писать исторію націй, исторію цивилизаций, прогрессъ соціальной эволюціи. Ключъ ко всѣмъ этимъ процессамъ лежитъ здѣсь. Нѣтъ яснаго знанія міра, не основаннаго на уясненіи мѣста этого фактора въ развитіи. Соціологія будетъ только толочь воду и не можетъ сдѣлать ни одного шага впередъ, какъ наука, пока не признаетъ этого основанія въ біологіи».

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, и для Друммонда, какъ и для Кидда, космическая и этическая эволюція совпадаютъ, завершаясь христіанствомъ. Но достигаютъ они этого результата очень различными путями. Тѣхъ процессовъ природы, которые Друммондъ резюмируетъ общимъ названіемъ «борьбы за жизнь другихъ», Киддъ просто не видитъ, да и говоря о человѣческомъ обществѣ, совсѣмъ даже не упоминаетъ объ элементарной формѣ «борьбы за жизнь другихъ», объ отношеніяхъ семейныхъ. Встрѣчаясь же съ другимъ рода явленіями самоотверженія, преданности, любви, онъ не находитъ для нихъ никакого разумнаго основанія, влѣдствіе чего и обращается къ сверхъ-разумной санкціи. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, хотя и подъ покровительствомъ Вейсмана, но все таки крайне двусмысленно и съ насиліемъ надъ логикой втискиваетъ эти явленія въ узкія рамки Дарвиновой борьбы за существованіе. Его «любовь» есть вызовъ на борьбу. Друммондъ избѣгаетъ *этихъ* двусмысленностей, такъ какъ въ самой природѣ ищетъ и находитъ самостоятельнаго этического фактора, существующую рядомъ съ борьбою за существованіе. Но, ставъ на мало надежную точку зрѣнія цѣлесообразности всѣхъ процессовъ природы, Друммондъ лишилъ себя возможности установить истинныя отношенія между «борьбою за жизнь» и «борьбою за жизнь другихъ», и оріентироваться въ той сложной пестротѣ общественныхъ союзовъ, которая, какъ мы видѣли, и для Кидда составляетъ камень преткновенія. Каждый общественный союзъ, сложившійся хотя бы даже исключительно на почвѣ «борьбы за жизнь другихъ», имѣетъ какъ цѣлое, какъ коллективная единица, тенденцію вступить съ другими единицами въ «борьбу за жизнь». Материнское чувство, этотъ, по Друммонду, прообразъ и источникъ всѣхъ формъ «борьбы за жизнь другихъ», давая, безъ сомнѣнія,

много образчиковъ высокаго самоотверженія, передъ которымъ нельзя не преклониться, часто становится источникомъ семейнаго эгоизма, топчущаго интересы и другихъ семей, и вышнихъ общественныхъ единицъ, и даже членовъ собственной семьи. Патриотизмъ, эта болѣе широкая школа любви и самоотверженія, часто осложняется лютою враждою къ другимъ національнымъ или государственнымъ единицамъ. Наконецъ, есть общественныя формы, для поддержанія своего требующія внутренней борьбы, борьбы за жизнь, борьбы на смерть, между своими членами. Такова современная промышленная организація. Дарвинъ, будучи противникомъ планомѣрной цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ, стоитъ, однако, на точкѣ зрѣнія механической цѣлесообразности, которая приводитъ его, напримѣръ, къ такому разсужденію: «Если мы восхищаемся по истинѣ чудесною способностью чутыя, при помощи котораго самцы многихъ насѣкомыхъ отыскиваютъ своихъ самокъ, то можемъ ли мы восхищаться производству, для единственной цѣли оплодотворенія многихъ тысячъ трутней, которые совершенно бесполезны общинѣ для какой либо иной цѣли, и которые въ концѣ концовъ убиваются ихъ трудолюбивыми и неплодовитыми сестрами? Трудно, но должно восхищаться дѣлкою инстинктивной ненависти пчелиной матки, побуждающей ея убивать молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, какъ только онѣ родятся, или погибнуть самой въ бою; потому что несомнѣнно, что это происходитъ для блага общества; а материнская любовь или материнская ненависть, хотя послѣдняя, по счастью, встрѣчается очень рѣдко, есть одно и то же для неумолимыхъ законовъ естественнаго подбора». («Происхожденіе видовъ», пер. Филиппова 213—214). Если мы *должны* восхищаться смертнымъ боемъ пчелиной матки съ своими собственными дѣтьми, то не видно, почему бы не восхищаться и періодическими избіеніями трутней, ибо и это полезно для данной общественной формы. Вопросъ, однако, въ томъ, почему надлежитъ восхищаться чѣмъ бы то ни было, что способствуетъ сохраненію всякой существующей общественной формѣ, хотя несомнѣнно, что въ каждой изъ нихъ «борьба за жизнь другихъ» играетъ большую или меньшую роль.

Было бы очень интересно подольше остановиться на книгахъ Кидда и Друммонда, но я не могу теперь это сдѣлать. Я заговорилъ объ нихъ собственно только къ слову, какъ о послѣднихъ новинкахъ въ области приложенія теоріи Дарвина къ общественной жизни, дабы показать, какъ много еще въ этой области спорнаго и какъ неосновательно упрощенное освѣщеніе, данное ей г. Антоновичемъ въ книгѣ «Чарльзъ Дарвинъ и его теорія». Упрощенное освѣщеніе идей и фактовъ естественно соблазнительно для большинства читателей, въ составѣ котораго всегда много лѣнивыхъ умовъ, которые рады получить истину по дешевой цѣнѣ, съ возможно меньшей затратой собственного труда. Такая дешевая истина становится еще соблазнительнѣе, когда предлагающій ее, въ

болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ выраженійхъ, выдаетъ себѣ аттестатъ «объективизма» или даже только бросаетъ нѣсколько пренебрежительныхъ или укоризненныхъ словъ по адресу «субъективистовъ»,—это, дескать, люди страсти, по принципу извращающіе истину въ угоду своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, а это не похвально. Конечно, не похвально. Но люди, выдающіе себѣ аттестатъ «объективизма», сплошь и рядомъ смотрятъ на этотъ документъ, какъ на индульгенцію, разрѣшающую имъ грѣшить противъ той самой истины, которой они столь благоговѣнно поклоняются. Г. Антоновичъ въ этомъ отношеніи очень типиченъ. Говоря о его книгѣ, я забылъ привести одинъ мелкій, но любопытный примѣръ его уваженія къ истинѣ. Приведу его теперь.

«Въ 1864 году явился наконецъ и русскій переводъ сочиненія Дарвина, сдѣланный московскимъ профессоромъ Рачинскимъ. Появленіе его было встрѣчено съ энтузіазмомъ; важнѣйшіе органы печати: «Современникъ», «Отечественныя Записки» и «Библиотека для Чтенія» помѣстили о немъ большія статьи, выставившія на видъ блестящія стороны и глубокое значеніе новой теоріи, имѣющей произвести радикальный переворотъ во всей біологіи». Такъ рассказываетъ г. Антоновичъ («Чарльзъ Дарвинъ и его теорія», 239) и затѣмъ отмѣчаетъ статьи «Русскаго Вѣстника». Достоинно вниманія, что здѣсь пропущены статьи Писарева въ «Русскомъ Словѣ» («Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений»), а между тѣмъ, по ясности и блеску изложенія, это было, разумѣется, самое замѣчательное изъ всего, что тогда появилось въ русской журналистикѣ о теоріи Дарвина. Но Писаревъ имѣлъ несчастье нанести г. Антоновичу нѣсколько весьма чувствительныхъ полемическихъ ударовъ, и хотя съ тѣхъ поръ прошло больше тридцати лѣтъ, г. Антоновичъ не можетъ простить покойнику и наказываетъ его умолчаніемъ объ его статьяхъ. Таковъ «объективизмъ»... Но это еще не очень важно, хотя, разумѣется, вовсе не похвально: во-первыхъ, это все таки только умолчаніе, а во-вторыхъ, умолчаніе это цѣли своей не достигнетъ, ибо статьи Писарева вошли въ собраніе его сочиненій и, пожалуй, не нуждаются въ напоминаніи. Иное дѣло, когда г. Антоновичъ прямо таки извращаетъ дѣйствительное положеніе вопроса объ отношеніи теоріи Дарвина къ общественной жизни. Соблазнительная упрощенность освѣщенія, категорическій тонъ, которымъ онъ предъявляется, обманные гимны безпристрастной истинѣ, которыми оно сопровождается, — все это можетъ привести къ самымъ нежелательнымъ результатамъ. И прежде всего это—высшее оскорбленіе той объективной истинѣ, которой поются столь краснорѣчивые гимны. Объективная истина состоитъ въ данномъ случаѣ въ томъ, что теорія Дарвина «встрѣчена съ распростертыми объятіями», по выраженію г. Антоновича, и приѣмлялась и примѣняется къ общественной жизни представителями самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ мыслей и интересовъ. Въ числѣ

ихъ есть много, даже очень много такихъ, которыхъ г. Антоновичу непріятно видѣть въ числѣ дарвинистовъ. Было бы совершенно естественно и законно выразить по этому случаю свое неудовольствіе, оправдать его критикой, то есть доказать, что тѣ или другіе «дарвинисты» неправильно таковыми себя почитаютъ, либо же въ самой теоріи Дарвина указать какой нибудь изъянъ. Но все это очень долго, очень не легко, и г. Антоновичъ предпочитаетъ даже не игнорировать непріятныя ему явленія, какъ онъ дѣлаетъ со статьями Писарева, а прямо и просто отрицать ихъ существованіе, причемъ «заодно» прихватываетъ Маркса, не имѣя для этого никакого основанія.

Читатель видѣлъ, что въ вопросѣ о примѣненіи теоріи Дарвина къ общественной жизни европейская мысль далеко не одноцвѣтна и не можетъ быть подведена подъ рубрики «дарвинистовъ» и «недарвинистовъ» tout court; что она выдвигаетъ много разнообразныхъ, иногда, повидимому, совершенно неожиданныхъ рѣшеній. Чтобы разобраться во всемъ этомъ, читатель долженъ приложить трудъ собственной критической мысли, причемъ я рекомендовалъ бы слѣдующія очень простыя правила: во-первыхъ, не слѣдуетъ соблазняться очень ужъ простыми освѣщеніями идей и фактовъ, ибо они крайне, исключительно рѣдко совпадаютъ съ объективной дѣйствительностью; во-вторыхъ, отнюдь не ожидать, чтобы какая бы то ни была доктрина, созданная какимъ бы то ни было великимъ умомъ и великимъ сердцемъ, была безъ пятна и порока и обязательна цѣликомъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, ибо это тоже большая рѣдкость въ исторіи; въ-третьихъ, наконецъ, помнить, что, какъ «не всякій, говорящій: Господи! Господи!—видеть въ царствіе небесное», такъ и далеко не всякій, поющій хвалу объективной истинѣ, дѣйствительно дорожить ею.

Вернемся на минуту къ Кидду.

Объясненіе сравнительно спокойнаго внутренняго развитія Англіи ея протестантизмомъ, а судорожныхъ взрывовъ въ исторіи Франціи ея католицизмомъ,—до такой степени явственно невѣрно и произвольно, а вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени связано со всей исторической концепціей Кидда, что можетъ служить косвеннымъ, но нагляднымъ свидѣтельствомъ несостоятельности этой концепціи. Ясно, что въ различіи историческихъ судебъ Англіи и Франціи играли огромную роль и географическія условія, и расовыя, и экономическія. Затѣмъ, представляетъ ли въ дѣйствительности внутренняя, колоніальная и внѣшняя политика Англіи столь ровную картину, какую рисуетъ Киддъ? Одно несомнѣнно: Англія у себя дома есть дѣйствительно страна свободы и далеко опередила всѣ страны стараго свѣта на томъ пути вызова всѣхъ силъ и способностей на арену конкуренціи, который Киддъ считаетъ единственно прогрессивнымъ. Но можно очень сомнѣ-

ваться, чтобы этот ходъ развитія Англіи находился въ исключительной зависимости отъ «фонда альтруистическихъ чувствъ», заложеннаго протестантизмомъ или чѣмъ бы то ни было другимъ. Киддъ доходитъ даже до наивности, когда говоритъ, что не будь этого «фонда», мы видѣли бы людей, прожигающихъ жизнь безъ мысли о какихъ-нибудь обязанностяхъ передъ обществомъ. Какъ будто такихъ прожигателей жизни и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ Англіи, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ странахъ! Что касается «благородныхъ характеровъ», выдвигаемыхъ высшими классами, то таковые несомнѣнно существуютъ. Судя, однако, хотя-бы только по однимъ ирландскимъ отношеніямъ, можно съ увѣренностью сказать, что правящіе классы Англіи очень цѣпко держатся за свои преимущества и уступаютъ лишь передъ крайнею необходимостью. Если мы видимъ за послѣднія десятилѣтія постепенное, но сравнительно быстрое расширеніе политическихъ правъ низшихъ классовъ или въ области экономическихъ отношеній, упроченіе и развитіе такого учрежденія, какъ фабричный инспекторатъ, — то это результаты не столько гуманныхъ чувствъ высшихъ классовъ Англіи, сколько роста самосознанія ея низшихъ классовъ. Это, конечно, акты справедливости, но болѣе той, которая питается благоразуміемъ, чѣмъ той, которая коренится въ гуманныхъ чувствахъ. Было-бы однако большою ошибкою совершенно отрицать наличность послѣднихъ. Но ихъ слѣдуетъ искать не въ общемъ механизмѣ, а въ отдѣльныхъ благородныхъ личностяхъ, иногда имѣющихъ возможность до известной степени вліять и на общій механизмъ, а иногда довольствующихся частною культурною просвѣтительною и филантропическою дѣятельностью, разумѣя филантропію, конечно, не въ опошленномъ смыслѣ подачекъ и танцевъ въ пользу бѣдныхъ. Въ книгахъ гг. Янжула «Въ поискахъ лучшаго будущаго» и Гольденвейзера «Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи» читатели найдутъ образчики такихъ великодушныхъ и подчасъ грандіозныхъ предпріятій, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются, впрочемъ, всемірною извѣстностью, какъ напримѣръ, лондонскій «Народный дворецъ» или «Университетское поселеніе» (Toynbee-Hall). Оба автора преувеличаютъ значеніе этихъ предпріятій, и если, напримѣръ, г. Янжулъ видитъ въ «сосѣдскихъ гильдіяхъ» — «новый путь къ соціальной реформѣ», то это, по малой мѣрѣ, неудачное выраженіе. Какъ-бы ни были благородны и возвышенны мысли инициаторовъ этого рода учреждений, какъ-бы ни были пылки ихъ мечты, здѣсь не можетъ быть рѣчи о соціальной реформѣ, а только лишь объ оздоравлиющемъ и облагораживающемъ подготовленіи людей.

Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала было помѣщено воззваніе «Комитета Невскаго общества устройства народныхъ развлеченій».

Намъ доставлены, кромѣ того, брошюра Е. П. Карпова «Десятилѣтіе народныхъ гуляній за Невской заставой», отчетъ комитета «Невскаго Общества» за 1894—95 г. и въ высшей степени интересная коллекція отзывовъ самихъ посѣтителей гуляній и спектаклей, устраиваемыхъ Невскимъ обществомъ. Народныя гулянья Невскаго общества, это — нашъ «Народный дворецъ», конечно, очень въ миниатюрѣ. На «Народный дворецъ» въ первые-же два года было собрано пожертвованій около милліона рублей на наши деньги; за шесть первыхъ лѣтъ существованія кружка, положившаго основаніе Невскому обществу, въ кассу его поступило пожертвованій: 3,375 руб.—Народный дворецъ имѣетъ концертный залъ, вмѣщающій 2,500 человѣкъ, бібліотеку, разчитанную на 250,000 томовъ, техническое училище и т. д., и т. д.; деревянный театръ Невскаго общества вмѣщаетъ 250 человѣкъ и, какъ видно изъ воззванія комитета, общество *мечтаетъ*, послѣ десятилѣтняго существованія, о «постройкѣ большого каменнаго зданія для народныхъ развлеченій, которое вмѣщало-бы зрительный залъ на 1,600 человѣкъ, залъ танцевальный, гимнастическій, бібліотеку, читальню, чайную, быть можетъ музей».—Число посѣтителей разныхъ учреждений Народнаго дворца въ первый-же отчетный годъ достигло полутора милліона, кромѣ почетныхъ членовъ и учащихся; въ учрежденіяхъ Невскаго общества за десять лѣтъ перебывало взрослыхъ посѣтителей 767,944 и дѣтей 84,402, всего 852,346 человѣкъ.

Разумѣется, это говорится не въ укоръ Невскому обществу, безкорыстная дѣятельность котораго заслуживаетъ самой горячей хвалы. При томъ-же Петербургъ—не Лондонъ — во всѣхъ отношеніяхъ и по численности рабочаго населенія въ частности. Надо, однако, замѣтить, что районъ Шлиссельбургскаго участка, на который разсчитаны дѣйствія Невскаго общества, вмѣщаетъ 60,000 жителей. Это стоитъ хорошаго губернскаго города, при чемъ характеръ населенія, почти исключительно фабричнаго, налагаетъ на всю эту мѣстность своеобразный отпечатокъ, характеризующій въ воззваніи комитета Невскаго общества такъ: «Въ рабочіе дни и часы тихія, пустынные улицы кажутся безлюдными, но за то по вечерамъ послѣ «шпаша» и особенно по праздникамъ, картина совершенно мѣняется: весь рабочій людъ высыпаетъ на улицы и запруждаетъ ихъ до такой степени, что мѣстами едва возможно пройти по панели или пробѣжать по улицѣ. Кабаки и другія питейныя заведенія набиты биткомъ. Свои свободные часы здѣшній рабочій рѣдко проводитъ дома, что вполне понятно: квартиры рабочихъ, большею частію, грязны, зловонны и страшно переполнены. Въ лучшемъ случаѣ рабочій толкается безцѣльно по улицѣ, а не то идетъ въ питейное заведеніе, гдѣ и спускаетъ свои послѣдніе гроши; а заведенія эти въ изобиліи и близко, подъ рукой: въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ хоть одного, а въ нѣкоторыхъ по два и по три. Знатокъ мѣстныхъ нра-

вовъ утверждаютъ, что рабочіе оставляютъ здѣсь не менѣе половины заработка».

Этому-то горю и взялось помочь Невское общество устройства народныхъ развлеченій. Рекомендую вниманію читателей отчеты общества и брошюру г. Карпова, изъ которыхъ они увидятъ весь ходъ дѣла. Не буду распространяться и въ теоретическихъ соображеніяхъ о необходимости облагороженія краткихъ досуговъ рабочаго человѣка. Пусть говорятъ сами посѣтители учреждений Невскаго общества,—это будетъ лучшая характеристика и самыхъ развлеченій, устраиваемыхъ Невскимъ обществомъ, и всей его дѣятельности, и отношенія къ нимъ публики. Матеріаломъ намъ послужить вышеупомянутая коллекція отзывовъ посѣтителей, представляющихъ отзывы на вопросы, предложенные комитетомъ Невскаго общества.

Вопросы задавались слѣдующіе: 1. Удовлетворяютъ-ли посѣтителей вполне развлеченія, устраиваемыя Невскимъ обществомъ, и если не удовлетворяютъ, то почему?—2. Каково значеніе этихъ развлеченій для посѣтителей въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ?—3. Всѣ-ли театральныя пьесы на открытой и закрытой сценахъ были понятны и какія были особенно интересны?—4. Удовлетворительны-ли продаваемые посѣтелямъ гуляній и спектаклей съѣстные припасы по ихъ качеству и цѣнѣ?—5. Удовлетворительны-ли дѣйствія распорядителей на гуляньяхъ и спектакляхъ, и не представляетъ-ли какихъ-либо неудобствъ для посѣтителей порядокъ, установленный членами-распорядителями и чинами полиціи?—6. Не имѣется-ли замѣчаній по какимъ-либо другимъ вопросамъ?

Минуя отзывы безцѣпные, выражающіе простое, не мотивированное удовольствіе и благодарность, или содержащіе мало интересныхъ, такъ-сказать, техническихъ указанія на тѣ или другія частныя неудобства, останавлиюсь лишь на немногихъ, причемъ ихъ, конечно, не буду приводить всѣ цѣликомъ. (Орфографію и пунктуацию исправляю, но слога не касаюсь).

Одинъ изъ посѣтителей, мѣщанинъ, рабочій Обуховскаго сталелитейнаго завода, пишетъ: «Развлеченія, доставляемыя Невскимъ обществомъ, удовлетворяютъ въ общемъ; но въ частности желательно было-бы измѣнить нѣсколько порядокъ развлеченій, какъ напримѣръ, введенныя съ начала гуляній танцы для однихъ доставляютъ удовольствіе, но такихъ меньшинство, между тѣмъ какъ другіе принуждены услаждать свой слухъ крайне избитыми мотивами полекъ и кадрили; а потому не дурно было-бы, чтобы танцевальныя увеселенія чередовались съ музыкальными. Значеніе увеселеній въ нравственномъ отношеніи неоспоримо и такія развлеченія необходимы, такъ-какъ они носятъ семейный характеръ и способствуютъ поднятію нравственности въ такой средѣ, какъ среди рабочихъ, т. е. сокращаютъ пьянство, давая провести время и вынести благопріятное впечатлѣніе изъ всего видѣннаго на подобныхъ увеселеніяхъ. Что-же касается того, что они доступны для

всѣхъ, то это видно изъ того приблизительнаго разсчета, который можетъ служить доказательствомъ. Въ то время, когда не существовало гуляній, всѣ заведенія были переполнены рабочимъ людомъ, гдѣ они коротали свой досугъ, а подобное коротаніе обходится приблизительно болѣе 50 к. на человѣка, и кромѣ того получаются болѣзненные послѣдствія. На увеселенія же подобнаго рода расходуется много менѣе, да и остается хорошее воспоминаніе, которымъ и дѣлятся между собою вплоть до новаго гулянья бывшіе на предъидущемъ. Что же касается до того, понятны-ли пьесы, ставимыя Невскимъ обществомъ, или нѣтъ, то можно отвѣтить, что большинство пьесъ принадлежитъ Островскому. А такія пьесы объясненій не требуютъ. Мотивы ихъ взяты изъ той-же почти среды, какъ и среда рабочихъ, и языкъ ихъ это родной языкъ каждаго русскаго человѣка; но тоже желательно было-бы ставить на открытой сценѣ болѣе легкаго содержанія пьесы, чтобы лѣтнее время отвѣчало своему назначенію, т. е. служило-бы отдыхомъ. И въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть въ какой-нибудь чудный лѣтній вечеръ, когда человѣкъ такъ радостно настроенъ, такія пьесы, какъ «Гроза», очень тяжело, и вообще надо стараться избавиться отъ такого репертуара, который оставляетъ гнетущее впечатлѣніе.

Дешевизна и доброкачественность продаваемыхъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ заслуживаетъ благодарности отъ посѣтителей. Распоряженія завѣдующихъ Невскимъ обществомъ не могутъ встрѣтить ни малѣйшаго упрека и порядокъ увеселеній образцовый. Желательно было-бы, чтобы Невское общество процвѣтало и проектъ объ устройствѣ зимняго театра осуществился.

Этотъ вполне грамотный отзывъ есть, такъ сказать, средній. Въ другихъ встрѣчаются и болѣе яркія замѣчанія, и болѣе экспансивныя похвалы. Въ общемъ всѣ довольны, и самый желчный изъ доставившихъ отвѣты, крестьянинъ, рабочій на чугунномъ заводѣ, отвѣчаетъ на предложенные вопросы по пунктамъ такъ: «1) Удовлетворяють. 2) Значеніе развлеченій: въ нравственномъ отношеніи хороши, но въ матеріальномъ не очень. Можетъ быть вамъ кажется и дешево, но и мы не дороги. 3) Пьесы, ставленныя на сцену, всѣ были понятны, а особенно «Ревизоръ», «Горе отъ ума», «Гроза» и пр. Но первая была ставлена, чтобы рабочіе не попадали, въ матеріальномъ отношеніи. 4) Съѣстные припасы можетъ быть и удовлетворительны, но я ихъ не ѣдалъ, а по чужому вкусу судить плохо....»

Выборомъ театральныя пьесы вообще всѣ довольны, причемъ, кромѣ Гоголя, Грибоедова, Островскаго, любопытно отмѣтить нѣрѣдко встрѣчающіяся ими похвалы «Тартюфу» Мольера. Однако повторяются и желанія видѣть, по крайней мѣрѣ, на открытой сценѣ пьесы болѣе легкаго, веселаго содержанія,—дескать, горя и мрака и безъ того много. Не всѣ также считаютъ предложенныя имъ театральныя зрѣлища достаточно понятными. Крестьянинъ, рабочій

фабрики Торнтон, между прочимъ, пишетъ: «Представленія, играющіяся на сценахъ, очень немногими понимаются. А потому недурно бы было передъ представленіемъ разсказать, что въ этой игрѣ надо понимать, какія послѣдствія изъ этого выходить и какіе дурные люди, портящіе другихъ людей, почему либо имъ подвластныхъ. Но главное, даже непремѣнно нужное, передъ представленіемъ указать, въ какой средѣ выводимые люди выросли или воспитывались, каковы ихъ старшіе были и до чего довели, сами не сознавая своихъ дурныхъ поступковъ, что они губительно вліяютъ на людей, зависящихъ отъ нихъ». Оканчиваетъ этотъ авторъ свой отзывъ такими восторженными словами: «Прощѣтай же народное гулянье безъ крѣпкихъ напитковъ, а вамъ, труженики члены гуляній и желатели добра темнымъ людямъ, большое и очень большое спасибо, тысячу разъ спасибо!!!» Другой («мастеровой») пишетъ: «О понятіи и интересующихъ пьесъ я ничего не скажу, а думаю, если общество будетъ выставлѣть письменное поясненіе, какъ понимать пьесы, въ рамкѣ подъ стекломъ, такъ навѣрное никто не откажется прочесть, если кто не понимаетъ пьесы, и будетъ благодаренъ».

На многихъ театрѣ, очевидно, производитъ сильное и серьезное впечатлѣніе. Главные мотивы всѣхъ сколько-нибудь интересныхъ авторовъ это, во-первыхъ, доходящая до наивности радость уголку, гдѣ можно провести пріятно время безъ пьянства, и во-вторыхъ, восторгъ передъ театромъ.

«Самъ Господь научилъ Невское общество устроить народные развлечения, за которыя много бѣдныхъ людей отдають великую благодарность обществу. У меня духу не хватаетъ выложить на бумагу нравственность (sic), но я скажу: когда я смотрю на открытую сцену, то душа моя никогда кромѣ этого такъ радостна не бываетъ. Понятны-ли, непонятны-ли пьесы, этого я не скажу, но не было такой игры, которая мнѣ не понравилась» (крестьянинъ, рабочій Обуховскаго сталелитейнаго завода).

«Значеніе этихъ развлеченій: могутъ принести пользу для чловека, такъ какъ въ комедіяхъ и драмахъ выставлѣются люди двухъ разрядовъ. Къ 1-му разряду принадлежатъ люди грубые, необразованные, къ нимъ присовокупляется невѣжество, хитрость, пронырливость, клевета, пьянство, развратъ, обжорство, эксплуатація («аксплатировка») и даже самое гнусное предательство на невинныхъ людей. Ко 2-му разряду принадлежатъ люди образованные, милостивые, благотѣльные, стараются подѣлиться своимъ знаніемъ и средствами, если таковыя имѣютъ, и даже не дорожатъ собою для того только, чтобы послужило на пользу челоуѣчеству». (Запасный унтеръ-офицеръ, ткачъ на Петровской фабрикѣ).

Приведу еще цѣликомъ отвѣтъ женщины, работницы на фабрикѣ Пала: «Лѣтнія гулянья мнѣ не очень нравятся, потому что музыка плоховата, а сцена такъ загромождена со всѣхъ сторонъ, что если

не взять билета на верхъ, то ничего не увидишь и не услышишь. А вѣдь не много такихъ счастливицевъ, которые успѣютъ захватить эти билеты. А вотъ зимній закрытый театръ мнѣ очень нравится. Жаль только, что всѣ тѣ билеты, которые присылаются на нашу фабрику для рабочихъ, попадаютъ въ руки конторщикамъ и писарямъ, а они оставляютъ эти билеты для себя, и часто я замѣчала, что большинство изъ нихъ почему либо не придутъ въ театръ, и мѣста пропадаютъ. Зимній театръ вполне удовлетворителенъ для народа. Рабочій въ немъ на время забываетъ свое положеніе; онъ весь поглощенъ тѣмъ, что видитъ и слышитъ въ театрѣ. Театръ—это отдыхъ для народа, но не такой отдыхъ, какой бы мы видѣли дома. Придешь въ театръ и внимательно смотришь и слушаешь, что происходитъ на сценѣ. Такъ слушаешь, что не видишь ничего вокругъ себя, кромѣ сцены. Вся уйдешь въ то, что видишь и слышишь, и себя какъ будто чувствуешь дѣйствующимъ лицомъ. Придя домой, долго еще не можешь заснуть, а въ воображеніи все еще носится та пьеса, которую только что видѣла. На работу встаешь со свѣжей головой и весело принимаешься за работу, чувствуя себя довольной за проведенный праздничный вечеръ. Ктонибудь изъ знакомыхъ подойдетъ и спроситъ: ну, что видѣла въ театрѣ? «Очень хорошо», отвѣчаю я и начинаю рассказывать, что видѣла и слышала въ прошедшій день. Я рассказываю весело, съ оживленіемъ, и мои слушатели тоже оживляются, а по окончаніи моего рассказа они одобряютъ или жалѣютъ тѣхъ личностей, смотря по обстоятельствамъ, про которыхъ я только что рассказала. А то сама пойдешь къ тѣмъ, которые были въ театрѣ, и тутъ начинаемъ высказывать другъ другу свое мнѣніе, кому что болѣе понравилось изъ всего видѣннаго и слышаннаго въ прошедшій день. Театръ знакомитъ насъ съ другимъ, высшимъ классомъ людей. И мы видимъ ихъ жизнь, ихъ взгляды на жизнь и отношеніе къ низшимъ классамъ. И невольно подумаешь: будутъ ли когданибудь всѣ люди такими, какъ, напримѣръ, въ пьесѣ «Доходное мѣсто» тотъ молодой человѣкъ, который хотѣлъ жить своимъ трудомъ, а не взятками. Или будутъ ли когданибудь всѣ такими умными и честными, какъ Чацкій, чтобы некому было смѣяться надъ умниками. На сценѣ мы, какъ въ зеркалѣ, видимъ недостатки людей. Театръ исправляетъ людей отъ ихъ недостатковъ. Человѣкъ самъ не можетъ замѣтить въ себѣ недостатка, а въ театрѣ, внимательно слѣдя за той пьесой, которую играютъ, видишь хорошія и дурныя стороны дѣйствующихъ лицъ и послѣ все это прикинься къ себѣ, и если видишь за собой какойнибудь недостатокъ, то постарайся исправиться, потому что видишь, какъ глупъ и смѣшонъ твой недостатокъ. Признаюсь чистосердечно, театръ и меня исправилъ отъ одного недостатка. Я часто вмѣстѣ съ подругами осуждала ту изъ нихъ, которой съ нами не было, смѣялась надъ ней, выдвигала передъ

подругами ея недостатки, а своего въ то же время не замѣчала. А теперь, благодаря театру, .я поняла, какъ стыдно и глупо сѣяться надъ подругами. Всѣ театральныя пьесы были понятны, а самыя интересныя изъ нихъ были: «Горе отъ ума», «Доходное мѣсто» и «Тартюфъ». Всѣ мои знакомые расхваливали «Недоросля», но я эту пьесу сама не видала и не могу высказать о ней мое мнѣніе.

«Доходное мѣсто» вообще, повидимому, производило сильное впечатлѣніе. Одинъ весьма плохо грамотный рабочій Спасской бумагопрядильной и ткацкой фабрики, стараясь выразить свои мысли о значеніи театра, пишетъ: «Театральныя представленія знакомятъ съ жизнью и нравами людей, которымъ намъ приходится служить, исправить себя, угождать по вкусу имъ; выводятъ образъ жизни праведной и неправедной, какою жизнью легче, какою труднѣе жить; каковъ этотъ трудъ ведшаго праведную жизнь съ горячимъ чувствомъ (изъ комедіи «Доходное мѣсто» роль Жадова), кто больше дѣлаетъ пользы другимъ,—принявшій стремленіе къ праведности, кто принималъ постепенно или въ короткое время».

Крестьянинъ, мастеровой, пишетъ о театрѣ: «Тамъ можно видѣть, что требуется въ жизни и что можетъ разбить жизнь, что дѣлаетъ скупость, гордость, обманъ; все это видѣвши, оно всегда живо представляется, и ты хотѣлъ бы кого нибудь обмануть, но какъ вспомнишь представленіе, гдѣ обманъ ведетъ къ худшему, и оставишь этотъ нехорошій порокъ». Этотъ корреспондентъ дѣлаетъ нѣсколько критическихъ заключеній, но оканчиваетъ свой отзывъ такъ: «всѣ мои замѣчанія пустяки, въ общемъ все очень хорошо».

Нѣкоторые отвѣты содержатъ въ себѣ оригинальныя сравненія. Такъ одинъ рабочій съ фабрики Торитона, говоря объ учрежденіяхъ Невскаго общества вообще, сравниваетъ ихъ съ «ручьемъ со свѣжей водой, выпадающимъ въ гнилое болото. А въ это гнилое болото полой водой рыбу занесло. Рыба отъ гнили болотной задыхается, но въ свѣжемъ ручьѣ освѣжается».

Бывшій рабочій, а теперь помощникъ мастера, на Невскомъ механическомъ заводѣ, человекъ, очевидно, просвѣщенный, пишетъ: «Въ вашемъ саду я не встрѣтилъ спаванья и не встрѣтилъ пьяныхъ; не встрѣтилъ группъ мужчинъ, плотоядно оглядывающихъ проходящихъ мимо женщинъ; не встрѣтилъ въ саду и буфетъ стремленія обогатиться; не встрѣтилъ грязныхъ спенъ по выходѣ изъ сада. Но за то впервые встрѣтилъ что-то, отъ чего сердце радостно забилося и жизнь показалась веселѣе». Затѣмъ авторъ предлагаетъ такой проектъ: «Слѣдуетъ въ саду устроить галерею портретовъ друзей человѣчества всего свѣта. Подъ портретами краткія біографіи, годъ рожденія и смерти и въ чемъ состояло совершенное на пользу общую. При галерей слѣдуетъ устроить павильонъ для чтенія лучшихъ газетъ и журналовъ, а также завести торговлю книгами, въ особенности дешевыми изда-

ниями. На стѣнахъ, въ пустыхъ пространствахъ между портретами, повѣсить списки лучшихъ популярнѣхъ книгъ для самообразованія по всевозможнымъ отраслямъ знанія, съ указаніемъ цѣны и что эти книги продаются тутъ же въ павильонѣ. Списки постараться развѣстять такъ, чтобы механика была между портретами Стифенсона и Фультона, астрономія между Коперникомъ и Галилеемъ, географія около Реклю и т. д. Среди народа есть не мало интересующихся всевозможными вопросами: одного интересуетъ ремесло, другого небо, третьяго литература и т. д. Общество, открывъ вышеупомянутую галерею, первое пришло бы народу на помощь и дало бы отвѣтъ каждому на интересующій его вопросъ. Народъ любопытенъ и этимъ надо воспользоваться для его же собственной пользы».

Въ заключеніе приведу еще цѣликомъ оригинальные отвѣты по пунктамъ крестьянина, столяра въ вагонныхъ мастерскихъ: «I. Развлеченія, устраиваемыя Невскимъ обществомъ, въ общемъ вполне удовлетворительны.—II. Въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи садъ большую пользу приноситъ, а именно: глазъ не видитъ, такъ и зубъ не горитъ. Когда человекъ въ саду, онъ связанъ приличіемъ, а развлекаясь играми, онъ забываетъ на время свои дурныя наклонности. Но если ему какая-нибудь игра понравится, то онъ весь отдается ей, старается подражать деликатности, старается толковать о томъ, чего не понимаетъ, но польза въ томъ, что грубыхъ ругательствъ меньше выпускаетъ. А это спасаетъ и матеріальное состояніе его: внѣ сада онъ не знаетъ лучшаго развлечения, какъ кабакъ и волокитство.—III. Пьесы многія были неудовлетворительны и даже наводили тоску и какое-то досадное размышленіе. Прошедшимъ лѣтомъ пьесы игрались, кажется, нѣсколько разъ изъ фабричнаго быта, иногда и изъ крестьянскаго, но эти пьесы такъ утомительны, что, кажется, самъ режиссеръ можетъ видѣть по волненію публики — нравится-ли ей или нѣтъ. На сцену выводился фабричный безнравственный разгулъ, правда, очень оригинально, но какъ хочется фабричному смотрѣть на эту прозаическую игру на сценѣ, когда она ему противна въ дѣйствительной жизни? Какъ винить человека, чуть не помѣшаннаго продолжительной работой? Посмотрите, какъ они выходятъ вечеромъ изъ фабрики,—какъ очумѣвшіе, выпущенные на свѣтъ Божій. Въ такой жизни человеку даже нѣтъ времени обдумать о сохраненіи своей нравственности. Не нашлось, кажется, до сихъ поръ автора драматурга-благодѣтеля, кромѣ поэта Некрасова, писать пьесу не на площади фабричной, а заглянуть за непроницаемыя стѣны фабрики: не кроются-ли тамъ главные виновники женской безнравственности? Человекъ пришелъ въ садъ, чтобы разсѣять свою скуку, отогнать всѣдневныя нерадостныя мысли, пускай и тѣло отдыхаетъ, а тутъ душу его терзаютъ. Мнѣ скажутъ: не нравится видѣть образъ свой въ зеркалѣ. Напротивъ, тутъ не всѣ такіа, какъ

Степка (?), но за людей обидно. Хотя это и народная сцена, но прошу васъ дайте намъ то, что намъ въ зубахъ не навязло, чего мы въ жизни не знаемъ. — IV. Напитки и съѣстные припасы порядочны по цѣнѣ и качеству, но чай съ лимономъ подаютъ удивительно добросовѣстно: очень жаль, что не писчую бумагу вмѣсто лимона кладутъ, а лимонную оболочку съ прозрачной серединой. — V. Прекрасно. — VI. Зачѣмъ дѣти допускаются иногда къ большой сценѣ? и почему взрослые нарушители у сцены въ нетрезвомъ видѣ, при заявленіи городовому, не удаляются, по крайней мѣрѣ, отъ сцены? — Отвѣты я написалъ съ общей точки зрѣнія, но вмѣсто отзыва опишу свои личные чувства, другимъ, быть можетъ, и не свойственныя:

Невскій садъ.

Куда душѣ моей, какъ странницѣ усталой,
Уйти отъ жизни будничныхъ невгодъ?
И гдѣ блеснетъ ей яркой искрой малой
Отрадный свѣтъ? И гдѣ мой умъ найдетъ
(Отъ юныхъ лѣтъ, какъ узникъ, скованный цѣнями
Труда, терпѣнья, мелочныхъ тревогъ)
Убѣжище, гдѣ-бъ онъ постигнуть могъ
Прекрасный міръ, упившись красотами?
И это ты, садъ мой, завѣтный уголокъ!
Когда бывалъ я жизнію стѣсненный,
Просилъ людей о помощи, — вокругъ
Молчали всѣ, и мой печальный звукъ
Мнѣ сердце жегъ сильнѣй, чѣмъ уголь раскаленный.
И я, убитый, слабый, утомленный,
Спѣшилъ скорѣй, скорѣй подъ тѣнь твою,
И ты прохладою радовалъ мою
Измученную грудь. Тутъ нѣгой идеальной
И сладострастьемъ дышетъ каждый кустъ.
И здѣсь, въ тѣни, съ души моей печальной,
Внимая жадно трели музикальной,
Спадаетъ желчь и свѣтъ не кажется мнѣ пустъ.
О, часъ отрадный, часъ благословенный,
Я жилъ тобой! Природой упоенный,
Мой взоръ ласкалъ съ слезою умиленной
Густыхъ нависшихъ листьевъ бархатный карнизъ...
Красуйся вѣкъ, мой Невскій оазисъ!
Тамъ, за оградой твоей досчатой,
Развратъ и съ пьянствомъ подъ руку идетъ.
Чья честная душа предъ нравственною тратой
Горячихъ слезъ за ближнихъ не прольетъ?
И въ этотъ часъ простить я радъ молодѣю,
Сказать ему: прости, мой добрый братъ...
И вотъ, за что хвалю я, такъ благоговѣю
Передъ тобой, чудесный Невскій садъ!

Дѣйствительные и возможные результаты дѣятельности «Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій» ясно рисуются

приведенными отзывами. Конечно, не все посѣтители учреждений Невскаго общества выносятъ то настроеніе, которое характеризуется этими отзывами. Но многіе-ли изъ насъ, «вверху стоящихъ», что городъ на горѣ, дабы воимъ видѣть былъ», относятся къ своимъ развлечениямъ съ такою серьезною вдумчивостью, съ такою трогательною жаждою уловить въ развлеченіи нравственный урокъ? А эта наивная радость избавленія отъ необходимости пьянственнаго времяпровожденія! Именно необходимость. Въ отзывахъ посѣтителей учреждений Невскаго общества часто встрѣчаются драгоценныя по своей искренности описанія того, какъ естественно рабочему человѣку коротать свои досуги въ кабахъ или трактирѣ, даже при полномъ сознаніи пагубности этого времяпровожденія. Нельзя поэтому не порадоваться, что нашлись, наконецъ, достаточно энергичные люди, которые взялись «содѣйствовать доставленію мѣстному рабочему населенію нравственныхъ, трезвыхъ, дешевыхъ развлеченій». Не грѣхъ, конечно, позаботиться о народныхъ развлеченияхъ просто по человѣчеству, по доброму участію къ людямъ, лишеннымъ возможности повеселиться сообразно съ человѣческимъ достоинствомъ. Но по свойствамъ среды, которая имѣется въ этомъ случаѣ въ виду, свойствамъ, явственно обнаруживающимся въ вышеприведенныхъ отзывахъ, развлечения, предлагаемыя Невскимъ обществомъ, не разрѣшаются въ самихъ себѣ, какъ это сплошь и рядомъ случается въ нашемъ быту, а получаютъ характеръ просвѣтительный въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. И если у нашего общества не хватитъ добрыхъ чувствъ для поддержанія предпріятія, долженствующаго дать нѣсколько радостныхъ часовъ тысячамъ «тружущихся и обремененныхъ», и — я не говорю: спасти цѣлыя поколѣнія отъ наслѣдственнаго алкоголизма и связанныхъ съ нимъ ужасовъ, — но хоть отчасти поспособствовать этому спасенію; если не хватитъ на это добрыхъ чувствъ, — такъ вѣдь это есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ благоразумія.

Въ концѣ десятилѣтняго существованія народныхъ гуляній за Невскою заставой, Невское общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи театральнѣй (онъ же и концертный) залъ на 250 зрителей. На лѣтнихъ гуляньяхъ въ 1894—95 гг. бывало среднимъ числомъ по 3,365 посѣтителей. Гимнастикой на этихъ гуляньяхъ занимались въ среднемъ по 64 съ дробью человѣка. Въ читальнѣ въ томъ же году было всего 48 посѣтителей и посѣтили они ее 182 раза; на домъ брали книги 759 человѣкъ. Книгъ въ томъ же 1894—95 гг. куплено для читальни на 262 р. 28 к., да пожертвовано на 486 р. 52 к. Пѣвческій хоръ Общества состоялъ изъ 59 лицъ. Все это — очень скудныя цифры, особенно если принять въ соображеніе, что районъ, на который рассчитана дѣятельность Невскаго общества, населенъ 60,000 жителей. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что, несмотря на отдѣльные, хотя бы и многочисленные случаи благотворнаго вліянія предпріятій Невскаго общества, въ об-

шемъ оно оказывается всетаки слабо. Слишкомъ скудны средства Невскаго общества и поддержать его есть, повторяю, дѣло не только гуманныхъ чувствъ, а и простого благоразумія. По свидѣтельству какъ комитета Невскаго общества, такъ и посѣтителей его учреждений, досуги населенія Шлиссельбургскаго участка значительно измѣнились къ лучшему. Но не говоря уже о томъ, что, конечно, и въ этомъ отношеніи остается многого желать, въ экстренныхъ случаяхъ, какъ было въ торжественные дни коронаціи, движущаяся по Невскому проспекту сплошная толпа, повидимому, въ значительной степени состоявшая изъ фабричныхъ обитателей Шлиссельбургскаго участка, безъ сомнѣнія, многихъ заставила своимъ поведеніемъ призадуматься.

Впрочемъ, наши петербургскія непріятности совершенно меркнуть въ сравненіи съ катастрофой на Ходынскомъ полѣ, такимъ ужасающимъ контрастомъ врѣзавшейся въ торжественное веселье и блескъ коронаціонныхъ дней....

И неужели же мы не извлечемъ никакого урока изъ этого событія? Говорятъ о неудобствахъ скопленія толпы въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ въ одномъ мѣстѣ, о неправильномъ расположеніи будокъ, изъ которыхъ раздавалось угощеніе, о небрежности при недостаткѣ распорядительности, вслѣдствіе чего оказались заваленные трупамъ ямы, рвы и колодцы. Все это, повидимому, вѣрно, но удрученная ужаснымъ событіемъ мысль невольно поднимается къ общему вопросу о нашемъ отношеніи къ народу вообще, къ его духовной жизни въ частности. Конечно, это дѣло общихъ государственныхъ мѣропріятій, но и мы, частные люди, можемъ свою хоть малую лепту внести, хотя бы въ видѣ учреждений, подобныхъ начинаніямъ Невскаго общества устройства народныхъ развлеченій.

Ник. Михайловскій.

Обезземеленіе Хизановъ *).

I.

Въ Грузіи есть особый классъ крестьянъ, называемыхъ хизанами. Словомъ «хизанъ» (пріютившійся) опредѣляется происхожденіе этого рода земледѣльцевъ.

*) Источники, которыми я пользовался для настоящей статьи, слѣдующіе: «Матеріалы для изученія хизанскаго положенія въ Грузіи», М. Н. Куцаева. «Хизаны и хизанство», Х. А. Вермишева. Обѣ эти статьи—въ IV выпускѣ I тома «Матеріаловъ для изученія экономическаго быта государствен-

Во время междуплеменных войнъ, грабежей и набѣговъ, составлявшихъ въ теченіе многихъ столѣтій постоянное содержаніе кавказской жизни, люди, желавшіе какъ нибудь укрѣпиться для мирной трудовой жизни, уходили изъ Осетіи, Имеретіи, Мингреліи и другихъ воинствующихъ странъ въ Грузію, гдѣ была нѣкоторая обезпеченность отъ разбоевъ и грабежей. Мѣстные землевладѣльцы были очень рады этимъ пришельцамъ, искавшимъ пріюта: это были рабочія руки, которыя могли обратить въ доходныя статьи невоздѣланныя земли, дать имъ пріютъ на этихъ земляхъ было очень выгодно для землевладѣльцевъ. Нѣкоторые изъ переселенцевъ закрѣпощались за помѣщиками, другіе же, привыкшіе на своей родинѣ къ свободѣ, не хотѣли попасть въ личную неволю и вступали съ землевладѣльцами въ особое соглашеніе на принципѣ неотъемлемаго вѣчнаго пользованія землей и неизмѣнныхъ, разъ на всегда опредѣленныхъ, повинностей за это право, при полной личной независимости.

Начавшись съ переселенія изъ сосѣднихъ съ Грузіей странъ, хизанство стало развиваться велѣдствіе малоземелья мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Крестьяне церковные и казенные по недостатку земли, напримѣръ, въ Горійскомъ уѣздѣ, гдѣ наиболее развито хизанство, переселялись къ помѣщикамъ въ хизаны. Крестьяне мелкобѣдныхъ помѣщиковъ, по недостаточности земли, поступали въ хизаны къ другому, болѣе крупному землевладѣльцу и являлись такимъ образомъ одновременно и крѣпостными, и хизанами.

За постоянное пользованіе землей помѣщиковъ хизаны исполняютъ слѣдующія повинности:

1) *Гама*—повинность за пахатную землю въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{2}$ урожая, снопами или обмолоченнымъ хлѣбомъ.

2) За пользованіе покосомъ плата въ томъ же размѣрѣ, но большею частію $\frac{1}{4}$ покоса.

3) Половина разведеннаго хизаномъ сада черезъ 5—10 лѣтъ, смотря по условіямъ обработки почвы, дѣлается собственностью хизана, а другая половина переходитъ къ помѣщику, или же послѣ 10—12 лѣтъ пользованія весь садъ дѣлается собственностью помѣщика.

4) За пользованіе помѣщичьимъ винограднымъ или фруктовымъ садомъ, хизанъ платитъ *кулухи*, въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ съ одного только сусла, или $\frac{1}{2}$ дохода.

5) За пользованіе полевой землей, лѣсомъ, выгономъ и водой хизанъ обязанъ помогать помѣщику во всѣхъ его сельскихъ рабо-

---

ныхъ крестьянъ Закавказскаго края», «Записка по хизанскому вопросу» дворянъ Тифлисской губерніи, «Пересмотръ хизанскаго положенія», С. Заварова въ «Новомъ Обзорѣніи» № 3455. Его же рукописныя «Замѣтки по изученію быта населенія Горійскаго уѣзда».—Я. Абрамова «Хизаны» въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1886 г. № 1.

тахъ. Число рабочихъ дней этой повинности, называемой *бегара*, опредѣляется по добровольному соглашенію.

Прежде хизанскія повинности отбывались уплатою части урожая и работою на помѣщика. Теперь въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ всѣ повинности переведены въ денежныя, а въ большинствѣ существуетъ смѣшанная повинность, т. е. денежная, частью урожая и трудомъ. Платежи хизановъ, состоящихъ на денежной повинности, составляютъ въ среднемъ 19 руб. 6 коп. на дымъ, простираясь отъ 12 руб. 73 коп. въ Тонетскомъ уѣздѣ, до 25 руб. 91 коп. въ Борчалинскомъ уѣздѣ. При смѣшанной системѣ сумма повинностей отъ 4 до 6 разъ больше, чѣмъ у состоящихъ на одной денежной повинности.

Хизанамъ принадлежитъ въ Тифлисской губ. 24861 дес. усадебной, пахатной, сѣнокосной и садовой земли; послѣдней всего только 89 дес. Среднимъ числомъ на дымъ приходится 4,3 дес., а въ Кутаисской губ. не болѣе 2 $\frac{1}{4}$ дес. Хизанъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ до 1861 г. было 8,102 дыма, 29,743 души мужского пола, затѣмъ до 1884 г. число дымовъ увеличилось до 8,685 *).

До уничтоженія крѣпостного права отношенія, установленныя обычаемъ между помѣщиками и хизанами, были выгодны для обѣихъ сторонъ, вслѣдствіе чего почти вовсе не было жалобъ ни отъ помѣщиковъ, ни отъ хизановъ другъ на друга. При патріархальныхъ условіяхъ жизни, помѣщикъ помогалъ хизану въ случаѣ его нужды или уменьшалъ его повинности, чтобы дать поправиться.

Указывая на такія отношенія хизановъ и помѣщиковъ, дворяне Тифлисской губерніи и тифлисскій губернаторъ предлагали принять хизанское положеніе за основаніе при устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Но соединенные комитеты кавказскій и главный объ устройствѣ сельскаго состоянія, предвидя, что землевладѣльцы начнутъ нарушать обычное право, какъ только это будетъ для нихъ выгодно, не признали возможнымъ принять упомянутое предложеніе, въ виду того, что «хизанское положеніе не дастъ прочнаго устройства крестьянамъ, не обезпечиваетъ ихъ повсемѣльнымъ пользованіемъ, подчиняетъ ихъ совершенно власти и произволу помѣщиковъ и потому не можетъ быть принято въ основаніе новыхъ законоположеній объ устройствѣ быта крестьянъ» **).

Положеніемъ о крестьянской реформѣ 19 февраля 1861 г. права хизановъ не были опредѣлены. Администрація не знала особенностей хизанскаго обычнаго права и, судя по условіямъ русскаго крѣпостнаго права, предполагала и въ отношеніяхъ хизановъ къ

*) Всѣ приведенныя цифры о размѣрѣ повинностей и числѣ хизановъ взяты изъ указанной въ источникахъ статьи Я. Абрамова.

**) Журналы Закавказскаго центральнаго комитета по устройству помѣщичьихъ крестьянъ.

помѣщикамъ личную зависимость. Такимъ незнаніемъ объясняется слѣдующій любопытный фактъ, приведенный въ статьѣ г. Абрамова.

Для прекращенія столкновеній между хизанами и князьями Мачабели, послѣднему за освобожденіе хизанъ-осетинъ, никогда не бывшихъ крѣпостными, выплачивается ежегодно: казной 5,000 руб. и осетинами десятина урожая.

Въ положеніи 1864 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, упомянуто о хизанахъ только въ двухъ статьяхъ: въ 7-й статьѣ, приравнивающей хизановъ къ дворовымъ, сказано, что «обязанности по платежу оброка, возложенныя положеніемъ 19 февраля 1861 г. на дворовыхъ людей въ теченіе двухлѣтняго срока, распространяются и на тѣхъ изъ крестьянъ, кои будутъ водворены на правахъ хизановъ на землѣ другого владѣльца или вѣдомства»; а по 8-й статьѣ «хизаны остаются въ хизанскомъ положеніи на основаніяхъ для хизановъ изъ людей свободныхъ состояній существующихъ».

Такимъ образомъ, при освобожденіи крестьянъ на Кавказѣ, вѣчность аренды земли хизанами, установленная обычнымъ правомъ, не была подтверждена законодательнымъ актомъ. Но для того, чтобы обычное право по прежнему признавалось обѣими сторонами, нужна была неизмѣняемость тѣхъ экономическихъ условій, которыя его создали. А такъ какъ эти условія послѣ крестьянской реформы измѣнились, то хизаны оказались не обезпеченными въ своемъ правѣ, и землевладѣльцы стали принимать разныя мѣры для уничтоженія хизанства.

II.

Недостаточное земельное обезпеченіе крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, создало потребность въ арендѣ помѣщичьихъ земель, вслѣдствіе чего поднялась цѣна на эти земли, и для грузинскихъ дворянъ открылась перспектива увеличенія дохода съ земель. Хизанское обычное право, обезпечивающее, наряду съ вѣчностью аренды земли, неизмѣняемость повинностей, явилось препятствіемъ, и дворяне начали съ нимъ борьбу.

Позабыто было, что хизаны создали великимъ трудомъ доходность дворянскихъ земель, обративъ въ культурныя поля почти недоступныя лѣсныя мѣста, и приобрѣли этимъ нѣкоторое право собственности на эту землю, освященное обычнымъ правомъ. Противъ нравственныхъ мотивовъ за сохраненіе хизанскаго обычая выдвинулись личные интересы землевладѣльцевъ. Чтобы побѣда осталась за первыми, нужно было такое интенсивное чувство справедливости, какимъ люди еще не обладаютъ. Въ данномъ случаѣ не было даже и борьбы этихъ мотивовъ. Хизаны, которые до тѣхъ поръ были выгодны для землевладѣльцевъ, потому что давали имъ доходъ

съ земли, сдѣлались невыгодными, такъ какъ явилась возможность съ другихъ арендаторовъ, не хизановъ, получать больше дохода.

И вотъ помѣщики начали нарушать обычное хизанское право увеличеніемъ повинностей или удаленіемъ хизановъ съ земли. Для достиженія этихъ цѣлей пускались различныя средства: уговоры, обманы, насилія и судебныя иски о выселеніи хизановъ, какъ простыхъ арендаторовъ. Исполненіе судебныхъ рѣшеній по этимъ искамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызвало такъ называемые «безпорядки».

Изъ матеріаловъ, собранныхъ С. Заваровымъ для изученія быта населенія Горійскаго уѣзда, приведу нѣсколько примѣровъ для характеристики нарушеній землевладѣльцами обычнаго хизанскаго права.

Въ с. Паблоани помѣщики для увеличенія повинности «гала» придумали слѣдующій способъ. Они, предложивъ крестьянамъ платить съ дгіурги ($\frac{1}{2}$ десятины) 2 коды и 2 чанахи, т. е. вдвое больше противъ прежняго, но съ тѣмъ, чтобы и размѣръ дгіурги увеличить вдвое. Крестьяне, не предвидя невыгодныхъ для себя послѣдствій, согласились. Въ первый же годъ увеличенія галы помѣщики дѣйствительно засчитали двѣ дгіурги за одну, во второй годъ за одну дгіургу приняли только $1\frac{1}{2}$, а на третій годъ—ея обычную норму, увеличивъ такимъ образомъ повинность гала вдвое. А кромѣ того, увеличили и размѣръ чанахи: 20 лѣтъ тому назадъ она составляла 20 фунтовъ, а теперь отъ 25 до 28 фунтовъ.

Въ с. Думацхо помѣщикъ отнялъ у хизана около 5 дгіурговъ пахоти, приготовленной къ посѣву пшеницы, и разрушилъ заборъ виноградника, который хизанъ думалъ развести.

Въ с. Сативѣ помѣщикъ предложилъ въ 1891 г. заключить срочное условіе съ крестьяниномъ и, вслѣдствіе его отказа, отнявъ у него пахоть, взялъ всетаки 30 рублей и не далъ квитанціи въ полученіи денегъ.

Въ с. Гори помѣщикъ, получивъ землю послѣ раздѣла лѣтъ 12 тому назадъ, заключилъ съ хизанами срочное условіе, угрожая въ случаѣ несогласія на это согнать съ земли.

Въ с. Князати въ 1892 году за усадѣбную землю платили 18 руб. въ годъ. Пять лѣтъ тому назадъ за нее платили 9 руб., а 14 лѣтъ тому назадъ—работой во время уборки пшеницы землевладѣльца и принесеніемъ 6 января «дзгевентъ»—курицы, дока вина и 9 хлѣбовъ.

Въ с. Кампери помѣщики увеличиваютъ ренту, какъ уменьшеніемъ величины дгіурги, что очень чувствительно для хизанъ стало проявляться въ послѣднее время, такъ и увеличеніемъ чанахи. Лѣтъ 20 тому назадъ чанаха равнялась 20—21 фунтамъ. Съ тѣхъ поръ стали все болѣе и болѣе увеличивать ея размѣръ. Въ послѣдніе 6—7 лѣтъ не проходитъ года, чтобы не прибавилось $\frac{1}{2}$ —1 ф. Въ 1891 г. чанаха равнялась 27 фунт. Въ 1892 г. прибавили около 3 горстей (двумя руками), слѣдовательно, чанахъ увеличенъ до 28—29 фунт. Притомъ, какъ берутъ галу, наполняютъ его до

верховъ, поворачиваютъ раза два, встряхиваютъ притомъ чувствительно и затѣмъ только выравниваютъ палкой. Одинъ крестьянинъ, говоря о постоянномъ увеличеніи хлѣбной мѣры, выразился такъ: «когда дошла до того, что взрослому мужикѣ бываетъ трудно поднять хлѣбъ, что безбожно и неестественно». Несмотря на то, что мировымъ посредникомъ лѣтъ 12 тому назадъ установленъ въ присутствіи всего сельскаго схода двадцатифунтовый мѣдный чанакъ, за который пришлось хизанамъ уплатить 3 рубля, помѣщики не хотятъ знать ничего и силой берутъ такъ, какъ считаютъ для себя выгоднымъ.

Всѣ такіе мѣры помѣщиковъ для увеличенія повинностей хизановъ и выселенія послѣднихъ обратили на себя вниманіе мѣстной администраціи. Въ 1869 году тифлисскій губернаторъ сообщилъ главному управленію намѣстника кавказскаго *) о случаяхъ насильственнаго выселенія хизановъ помѣщиками, замѣтивъ, что выселеніе «причинить не только значительныя потери для хизановъ, но даже и раззореніе послѣднихъ», и предложилъ: 1) «оставить хизановъ на настоящихъ мѣстахъ жительства на прежнемъ основаніи еще на два года, предоставивъ имъ въ теченіе этого срока войти въ добровольное соглашеніе съ землевладѣльцами на дальнѣйшее пребываніе и пользованіе земельными участками и обязать стороны въ теченіе означеннаго срока заключить на наемъ земель письменные договоры; 2) обязать тѣхъ хизановъ, которые съ землевладѣльцами не сойдутся въ соглашеніяхъ на пользованіе землями, заблаговременно довести о томъ до свѣдѣнія управленія государственными имуществами, отъ котораго и будетъ зависѣть отводъ имъ свободныхъ казенныхъ и церковныхъ земель, по указанію самихъ хизановъ или по распоряженію того управленія; 3) обязать землевладѣльцевъ тѣхъ участковъ, которые будутъ оставлены хизанами, вознаградить послѣднихъ стоимостію по оцѣнкѣ за усадьбины и хозяйственныя постройки, которыя затѣмъ обращаются въ собственность тѣхъ владѣльцевъ, и 4) предоставить хизанамъ, по примѣру временно-обязанныхъ крестьянъ, право выкупа земель и усадебъ съ содѣйствіемъ правительства, на основаніи наказа, для выкупной операціи изданнаго, но не иначе, какъ только съ согласія самихъ землевладѣльцевъ».

Это предложеніе губернатора было оставлено безъ послѣдствій. Прошло шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ борьба землевладѣльцевъ съ хизанами обострялась. Въ 1875 году тифлисскій губернаторъ сообщилъ главному управленію намѣстника кавказскаго **) о «значительномъ увеличеніи жалобъ хизановъ на чрезмѣрныя требованія землевладѣльцевъ и требованій послѣднихъ о выселеніи хизановъ и что, для предупрежденія безпорядковъ, онъ предложилъ

*) 19 октября 1869 г. № 1068.

**) 15 мая 1875 г. № 475.

мировымъ посредникамъ и уѣзднымъ начальникамъ дѣйствовать примирительно, склоняя обѣ стороны къ соглашенію, а въ случаяхъ, когда оно не состоится, подчинять дѣла этого рода дѣйствию порядка, указаннаго въ 776—804 ст. IX тома свода законовъ о вольныхъ людяхъ, водворенныхъ на земляхъ владѣльческихъ, не касаясь однако при этомъ тѣхъ дѣлъ, которыя возникли въ судебныхъ установленіяхъ, предоставляя въ семъ послѣднемъ случаѣ дальнѣйшее ихъ направленіе судебной-же власти».

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого губернаторъ сообщилъ *), что упомянутыя «мѣры къ обезпеченію быта хизановъ оказались недостаточными и даже безуспѣшными, потому что землевладѣльцы, основываясь на правѣ собственности, продолжаютъ свои въ отношеніи хизановъ требованія, увеличивая повинности, а въ случаяхъ несогласія послѣднихъ подчиниться симъ требованіямъ, обращаются къ содѣйствію судебной власти съ требованіями о выселеніи хизановъ изъ имѣній и получаютъ удовлетвореніе въ своихъ домогательствахъ».

Указывая на необходимость скорѣйшаго разрѣшенія хизанскаго вопроса, губернаторъ полагалъ впредь до разрѣшенія его «оставить, въ видѣ временной мѣры, хизановъ въ отношеніи къ землевладѣльцамъ въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ они между собою находились до изданія положенія 13 октября 1864 года, и тѣмъ самымъ оградить первыхъ отъ произвола послѣднихъ, за исключеніемъ однихъ тѣхъ хизановъ, которые проживаютъ на земляхъ владѣльческихъ на особыхъ письменныхъ условіяхъ, домашнихъ или нотаріальнымъ порядкомъ заключенныхъ, и которые по-этому обязаны подчиниться дѣйствию тѣхъ условій».

Только въ 1876 году послѣдовало постановленіе кавказскаго комитета объ устройствѣ крестьянъ, утвержденное намѣстникомъ кавказскимъ, о собраніи чрезъ губерскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія свѣдѣній о хизанахъ и о представленіи мѣстной губернской присутствій о мѣрахъ для прочнаго устройства поземельнаго быта хизановъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, чтобы дѣла, вытекающія изъ споровъ хизановъ съ землевладѣльцами, рѣшались мѣстными по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, а не общими судебными установленіями **).

Но смотря на указанную тифлисскимъ губернаторомъ «настоятельную необходимость въ скорѣйшемъ разрѣшеніи общаго вопроса объ устройствѣ быта хизановъ», это дѣло подвигалось очень медленно, по канцелярски. Семь лѣтъ ушло на собраніе свѣдѣній о хизанахъ. Только въ 1883 году состоялось постановленіе

*) 27 октября 1875 г. № 820.

**) Журналъ кавказскаго комитета объ устройствѣ крестьянъ 12 іюня 1876 года.

кутанскаго губернскаго присутствія о способахъ разрѣшенія хизанскаго вопроса, а въ тифлисскомъ губернскомъ присутствіи въ 1884 г.

Въ засѣданіе тифлискаго губернскаго присутствія были приглашены 94 дворянина для выслушанія ихъ мнѣній по хизанскому вопросу. Представители хизановъ не были приглашены въ губернское присутствіе, вслѣдствіе чего хизанскій вопросъ получилъ одностороннее освѣщеніе.

Большинство дворянъ, желая освободить свои земли отъ хизановъ, дали такія словесныя и письменныя объясненія, по которымъ хизаны оказывались обыкновенными арендаторами, которыхъ землевладѣлецъ можетъ удалить съ земли по своему усмотрѣнію. Меньшинство дворянъ высказалось въ томъ смыслѣ, что хизанскій вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на принципѣ надѣленія хизановъ землей; такъ, напримѣръ, Давидъ Кипіани заявилъ, что «хизанскія отношенія заключаютъ въ себѣ ограниченіе права собственности помѣщика относительно тѣхъ земель, которыя составляютъ предметъ хизанскаго права. Вся суть дѣла заключается именно въ этомъ ограниченіи права собственности помѣщика. Допустивъ право помѣщика увеличивать произвольно размѣры повинностей или произвольно удалить хизановъ съ занятыхъ ими земель, тѣмъ самымъ мы сотремъ воѣ права хизановъ, и десятки тысячъ душъ, при потрясеніи въ нихъ вѣковой правды, обратятся въ пролетаріевъ». Далѣе г. Кипіани говоритъ въ своемъ заявленіи: «Здѣсь важно сознаніе правды массою населенія, и правительство не должно допустить разрѣшенія хизанскаго вопроса вопреки этому народному сознанію».

Князь И. Г. Чавчавадзе рекомендовалъ такія мѣры, которыя способствовали-бы развитію хизанства, полагая, что это учрежденіе, «опираясь на право обычное, способствуетъ правильному урегулированію отношеній труда къ землѣ и пренятствуетъ возникновенію вредной для сельскаго хозяйства арендной системы вездѣлыванія земель».

Группа 23 дворянъ тифлискаго и горійскаго уѣздовъ, нисколько не стѣсняясь «потрясеніемъ вѣковой правды», о которой говорилъ Давидъ Кипіани, въ заявленіи своемъ доказывала, что собственникъ земли, на которой поселенъ хизанъ, неограничивая личной его свободы, пользуется, какъ полноправный владѣлецъ земли, правомъ принудительнаго и произвольнаго удаленія хизана» *).

Мнѣнія дворянъ вызвали полемику въ тифлисской печати и докладъ Х. А. Вермишева въ Кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Докладчикъ пришелъ къ заключенію, что «опредѣленіе понятія о хизанѣ, какъ о свободномъ крестьянинѣ, пользующемся землею на условіяхъ безсрочной аренды, находящемся подъ покровомъ

---

*) Мнѣнія дворянъ взяты изъ статьи М. Н. Кучаева «Матеріалы для изученія хизанскаго положенія въ Грузіи».

вительствомъ помѣщика и несущемъ въ пользу его извѣстныя постоянныя повинности, исчерпываетъ смыслъ хизанскаго вопроса». Призывая повинности хизановъ «слишкомъ обременительными для ихъ хозяйствъ» и полагая, что измѣненіе отношеній хизановъ къ помѣщикамъ не слѣдуетъ представлять добровольному соглашенію между ними, «такъ какъ отъ этого добровольнаго соглашенія нельзя ожидать какихъ нибудь существенныхъ измѣненій къ лучшему въ положеніи хизанъ», г. Вермишевъ проектировалъ реформу хизанскаго быта на основаніи слѣдующихъ положеній: а) выкупъ хизанскихъ надѣловъ въ государственную собственность; б) оставленіе хизановъ въ положеніи вѣчныхъ арендаторовъ этой выкупленной государствомъ земли; в) оставленіе государствомъ за собою права постоянного регулированія размѣровъ земли, находящейся въ пользованіи того или иного двора, для приведенія ея въ соотвѣтствіе съ наличными рабочими силами, и г) размѣры надѣла семьи пахотною землею должны сообразоваться съ тѣмъ количествомъ ея, какое въ состояніи обработать семья исключительно своими рабочими силами» **).

Въ маѣ 1885 года въ совѣтѣ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ былъ принятъ проектъ устройства быта хизановъ, составленный членомъ совѣта М. Н. Кучаевымъ, а 3 іюня 1891 года этотъ проектъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ пользу хизановъ, получилъ санкцію закона, подъ названіемъ «Положенія о хизанахъ Тифлисской и Кутаисской губерній».

III.

Посмотримъ, какъ разрѣшило хизанскій вопросъ упомянутое положеніе, состоящее изъ 10 статей.

Признано ли имъ обычное хизанское право? По прочтеніи однихъ статей можно отвѣтить: «да, признано»; но другія статьи даютъ основаніе сказать: «нѣтъ, не признано». На-ряду съ упраздненіемъ обычнаго хизанскаго права выражается очевидное желаніе сохранить опредѣленные имъ отношенія землевладѣльцевъ и хизановъ. Такъ, 2-я статья положенія устанавливаетъ неизмѣнность пользованія хизанами землей и исполненія повинностей слѣдующими словами: «Всѣ тѣ усадебныя, пахотныя, сѣнокосныя и садовыя земли, а также и права на водопой и выгонъ, съ прогонами къ нимъ, на орошеніе, пастбища и довольствіе лѣсомъ, которыми хизаны пользовались до дня обнародованія настоящаго положенія, оставляются за ними впредь, за тѣ же повинности, которыя ими отбывались до того времени». Далѣе въ статьѣ 4-ой дѣлается оговорка, что «всякія измѣненія въ земельномъ пользованіи хизана и

*) «Матеріалы для изученія эконом. быта госуд. крестьянъ Закавказья» томъ I, вып. IV, стр. 431—451.

въ связанныхъ съ симъ пользованіемъ сервитутныхъ правахъ, а также въ повинностяхъ, могутъ быть дѣлаемы владѣльцемъ не иначе, какъ съ согласія хизана». Но затѣмъ 5-я статья уничтожаетъ 2-ю и 4-ю, давая помѣщикамъ средства заставить хизана согласиться на невыгодныя для него измѣненія въ упомянутомъ пользованіи земель и повинностяхъ.

Статья 5-я даетъ землевладѣльцу «право отказать хизану въ пользованіи землею, предупредивъ его о томъ за годъ». Пользуясь этой статьей, землевладѣлецъ можетъ заставить хизана согласиться на измѣненія въ повинностяхъ, потому что хизану выгоднѣе выбрать изъ двухъ золъ меньшее, выгоднѣе платить дорожѣ за землю, чѣмъ вовсе лишиться ея и быть вынужденнымъ уйти съ насиженнаго мѣста, сдѣлавшагося его родиной.

Статья эта разрушаетъ обычное хизанское право въ самомъ корнѣ. Разъ землевладѣлецъ имѣетъ право удалять хизана съ земли, вѣчность аренды ея уничтожена, и хизанъ обращается въ обыкновеннаго арендатора, съ той лишь разницей, что арендаторъ впередъ знаетъ срокъ, когда онъ можетъ быть удаленъ съ арендуемой земли, а хизанъ находится въ полномъ невѣдѣніи, когда землевладѣлецъ заблагоразсудитъ это сдѣлать.

Но составители проекта хизанскаго положенія вовсе не желали обезземеленія хизановъ, являющагося непосредственнымъ результатомъ 5-й статьи. Совершенно напротивъ, цѣль закона о хизанахъ въ томъ и заключается, чтобы остановить обезземеленіе хизановъ, начавшееся послѣ крестьянской реформы. Казалось-бы, проще и вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, санкціонируя закономъ принципы обычнаго хизанскаго права. А такъ какъ этого не было сдѣлано, то, при желаніи противодействовать обезземеленію хизановъ, являлась необходимость въ такомъ условіи, которое дѣлало-бы для землевладѣльцевъ не вполне выгоднымъ пользованіе правомъ выселенія хизановъ, предоставленнымъ имъ 5 статьей положенія. И вотъ мы находимъ такое условіе въ статьѣ 7-ой:

«Владѣлецъ, отказавшій хизану въ пользованіи землею—говорится въ этой статьѣ—долженъ вознаградить его въ размѣрѣ, опредѣленномъ по обоюдному между ними соглашенію. Если-же такого соглашенія не послѣдуетъ, то владѣлецъ обязанъ уплатить хизану, по особой оцѣнкѣ, двойную стоимость всѣхъ принадлежащихъ послѣднему на владѣльческой землѣ построекъ, хозяйственныхъ обзаведеній и насажденій, а также всѣхъ затратъ, произведенныхъ хизаномъ на улучшеніе состоявшихъ въ его пользованіи, не принадлежащихъ владѣльцу, усадебныхъ, пахотныхъ, сѣнокосныхъ и садовыхъ участковъ».

Эта статья, сдѣлавшаяся, какъ мы увидимъ дальше, главнымъ пунктомъ атаки противъ положенія о хизанахъ, представляетъ нѣкоторый тормазъ для обезземеленія хизановъ, но не устраняетъ его, потому что при значительномъ увеличеніи цѣны

на землю или при выгодности обратить пахотныя поля въ луга для скотоводства, помѣщику можетъ быть выгодно согнать хизана съ земли и при уплатѣ двойнаго вознагражденія. \

Хизану тоже предоставлено положеніемъ (статья 6-я) право отказать отъ владѣческой земли, съ предупрежденіемъ объ этомъ за годъ, но въ такомъ случаѣ «земля эта, со всѣми возведенными на ней постройками, хозяйственными обзаведеніями и насажденіями, поступаетъ въ непосредственное распоряженіе владѣльца, безъ всякаго съ его стороны вознагражденія хизана».

Землевладѣльцы, домогаясь права обезземеленія хизановъ, доказывали въ мѣстныхъ, высказанныхъ въ тифлисскомъ губернскомъ присутствіи, что хизанами слѣдуетъ считать только водворившихся до присоединенія Грузіи въ Россію и въ крайнемъ случаѣ до крестьянской реформы. Законъ 3 іюня 1891 года не призналъ такого опредѣленія слова хизанъ, и постановилъ (1-я статья), что «хизанами признаются тѣ водворившіеся до изданія сего положенія во владѣческихъ имѣніяхъ Тифлисской и Кутаисской губерній крестьяне-земледѣльцы, которые по предмету пользованія ими владѣческой землею и другими угодьями не состоятъ съ владѣльцами въ срочныхъ договорныхъ отношеніяхъ, облеченныхъ въ форму акта, установленнымъ порядкомъ совершеннаго или засвидѣтельствованнаго, или хотя бы и въ форму домашняго акта, но не оспариваемаго сторонами».

Затѣмъ положеніе о хизанахъ предоставило имъ (статья 5-я) «съ вѣдома владѣльца передавать свои права и обязанности (вытекающія изъ хизанства) другому лицу»; а въ статьѣ 10-й высказанъ нѣкоторый намекъ на предположеніе правительства содѣйствовать приобрѣтенію хизанами арендуемой ими земли, выраженный слѣдующими словами: «Безсрочное пользованіе хизановъ владѣческою землею можетъ быть, по взаимному ихъ соглашенію съ землевладѣльцами, обращено въ срочное, на основаніи письменнаго договора, засвидѣтельствованнаго мировымъ посредникомъ, или въ право собственности, посредствомъ приобрѣтенія хизанами состоящей въ ихъ пользованіи владѣческой земли при содѣйствіи правительства».

Въ общемъ положеніе о хизанахъ не можетъ выдержать ни специальной юридической, ни общей критики. Уничтожая въ корнѣ принципъ обычнаго хизанскаго права, оно въ то же время стремится сохранить вытекающія изъ этого права отношенія землевладѣльцевъ и хизановъ; желая предотвратить обезземеленіе хизановъ, оно предоставляетъ землевладѣльцамъ право этого обезземеленія. При такихъ противорѣчіяхъ, оно едва-ли можетъ быть названо положеніемъ о хизанахъ. Въ немъ въ каждой статьѣ говорится о хизанахъ, но эти хизаны не имѣютъ права вѣчной аренды занимаемыхъ ими земель, а слѣдовательно они и не хизаны. Построенное на двухъ прямо противоположныхъ принципахъ, положеніе 3 Іюня не

могло удовлетворить ни хизановъ, такъ какъ лишило ихъ права быть хизанами, т. е. вѣчными арендаторами, ни землевладѣльцовъ, такъ какъ явилось для нихъ тормазомъ въ освобожденіи земель отъ хизановъ или въ увеличеніи ихъ доходности повинностями, не соответствующими обычному хизанскому праву.

IV.

Какъ только вышелъ законъ о хизанахъ, явилась попытка обойти его, пользуясь тѣмъ, что широкаго обнародованія положенія о хизанахъ не было сдѣлано. Новый законъ не былъ прочитанъ въ церквахъ и не раздавался хизанамъ, а былъ только напечатанъ въ мѣстныхъ газетахъ, но, по словамъ г. Заварова *), «вслѣдствіе малой распространенности газетъ въ деревняхъ, безграмотное крестьянство могло узнать о новомъ положеніи только чрезъ полуграмотныхъ крестьянъ-же, побывавшихъ въ городѣ, деревенскихъ «аблакатовъ» и своихъ-же «батони» (помѣщиковъ), интересы которыхъ въ данномъ вопросѣ были диаметрально противоположны интересамъ хизановъ. Во многихъ случаяхъ «положеніе доходило до хизановъ въ извращенномъ видѣ съ пропусками».

Пользуясь невѣдѣніемъ новаго закона, землевладѣльцы склоняли хизановъ къ заключенію письменныхъ срочныхъ договоровъ, которые, согласно 1-й статьѣ положенія о хизанахъ, обращаютъ хизановъ въ простыхъ арендаторовъ. «Кое гдѣ,—говорится въ той-же статьѣ г. Заварова,—ранѣе освѣдомленные землевладѣльцы спѣшили заключать (заднимъ числомъ иной разъ) письменные акты и устанавливали новыя отношенія».

Были и случаи судебныхъ рѣшеній о выселеніи хизановъ, какъ простыхъ арендаторовъ, вслѣдствіе того, что рѣшавшему такіа дѣла, какъ онъ самъ потомъ сознавался, не было извѣстно положеніе о хизанахъ.

Въ 1893 году дворяне Тифлисской губерніи начали легальную борьбу съ закономъ 3 іюня 1891 года. Они постановили подвергнуть этотъ законъ критикѣ съ точки зрѣнія владѣльческихъ интересовъ и войти съ ходатайствомъ о пересмотрѣ положенія о хизанахъ.

На запискѣ, въ которой изложено это ходатайство, мы и остановимся.

Начинается она воспоминаніемъ о крестьянской реформѣ. «Дворяне Тифлисской губерніи — говорится на первой страницѣ записки — далеко еще не оправившіеся отъ послѣдствій отмены крѣпостного права, въ настоящее время, извѣстнымъ рѣшеніемъ хизанскаго вопроса, призываются къ новымъ жертвамъ, понести которыя не считаютъ себя въ силахъ, и потому вынуждены

---

*) «Пересмотръ хизанскаго положенія» въ № 3455 «Новаго Обзорѣнія».

обратиться къ самодержавной власти». Далѣе говорится, что «положеніе большинства дворянъ, созданное закономъ о хизанахъ, сверхъ ожиданія правительства, болѣе чѣмъ тягостно. Изобразить это положеніе и представить въ вѣрномъ и нисколько не преувеличенномъ видѣ составляетъ все существо настоящей записки; истинная-же цѣль ея—достигнуть облегченія участи въ путяхъ монаршей справедливости и милосердія».

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 16) говорится, что положеніе дворянъ таково, что «тягостиѣ этого положенія быть не можетъ». Упомянувъ опять (стр. 40) о томъ, что «дворяне еще и теперь несутъ на себѣ послѣдствія освобожденія крестьянъ», записка обрисовываетъ положеніе дворянъ послѣ крестьянской реформы слѣдующими словами: «Послѣ того земли дворянъ не увеличились, а уменьшились; число-же владѣльцевъ, напротивъ, значительно возросло; земельная собственность подверглась усиленному съ 1890 года государственному поземельному налогу и сбору за обмежеваніе, возвышенному въ послѣднее время въ 5 разъ противъ прежняго (5 коп., вмѣсто одной, съ десятины); средства къ образованію не только не прибавлены, но и значительно ограничены, такъ какъ мѣстныя военныя школы при полкахъ, гдѣ воспитывалось не мало дворянскихъ дѣтей, закрыты; гимназія и кадетскій корпусъ переполнены; на конкурсныхъ экзаменахъ, при первоначальномъ поступленіи въ школы, дѣти сельчанъ уступаютъ городскимъ дѣтямъ, находящимся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ подготовки; дворянская школа, содержимая на средства дворянскаго земельного банка или, вѣрнѣе сказать, на средства дворянъ, съ уменьшеніемъ сихъ средствъ и обидѣніемъ дворянъ, едва-ли можетъ разсчитывать на дальнѣйшее преуспѣаніе». Далѣе (стр. 43) говорится, что землевладѣльцы привлечены уже: «къ участию въ налогахъ и воинской повинности; къ несенію межевыхъ и другихъ расходовъ; къ платежу разныхъ акцизовъ, пошлинъ, налога съ наслѣдственныхъ имуществъ, гербовыхъ сборовъ и проч., въ размѣрахъ, не бывшихъ прежде. Напримѣръ, когда установленъ былъ размѣръ хизанскихъ повинностей, гербовый листъ бумаги стоилъ 15 коп., а теперь стоитъ 80 коп. Въ то время дѣти почти всѣхъ дворянъ имѣли доступъ въ учебныя заведенія даже безъ подготовки, а теперь надо нести на это раззорительные расходы безъ прочной надежды на желаемый результатъ».

Авторы записки предвидятъ, что законъ 3 іюня 1891 года закончить всѣ эти несчастія обращеніемъ дворянъ въ пролетаріевъ. Записка повторяетъ эту мысль не одинъ разъ. Такъ на стр. 40, послѣ приведеннаго описанія положенія дворянъ, говорится слѣдующее: «и вотъ въ такомъ именно положеніи дворянъ требуется разрѣшеніе вопроса: можетъ-ли совпадать съ видами правительства вызванная проектомъ передача хизанамъ послѣднихъ земель дворянства, переводимаго этою мѣрой изъ сельскаго владѣльческаго сословія въ раз-

рядъ привилегированнаго пролетаріата»? Законъ о хизанахъ доводитъ дворянъ до того, что они вынуждены будутъ личнымъ трудомъ расчищать лѣсъ для обращенія его въ пахотныя поля. Стоитъ только управленію государственныхъ имуществъ разрѣшить такъ называемое «ахо» *) въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ и тогда (стр. 29) «даже многіе дворяне взяли бы лично на себя этотъ тяжкій (пусть будетъ такъ) **» и во всякомъ случаѣ неизбѣжный для нихъ трудъ, такъ какъ, лишившись родовыхъ земель въ пользу хизанъ, они должны будутъ просить объ отводѣ имъ для поддержанія жизни участковъ изъ казенныхъ лѣсовъ, и едва ли въ этой просьбѣ можно будетъ отказать, въ виду того, что дворянскій пролетаріатъ далеко хуже крестьянскаго.

Поясненія этой мысли въ запискѣ не сдѣлано, но она повторяется и въ другомъ мѣстѣ. «Какъ ни желательно — говорится на стр. 30 — устройство всѣхъ крестьянъ, не имѣющихъ земли, нельзя однако-жъ для этой цѣли лишать земли дворянъ, такъ какъ обезземеленные дворяне, помимо разсужденій о законности и справедливости, составляютъ для государства бремя болѣе тяжкое, чѣмъ безземельные крестьяне».

Наконецъ, записка предсказываетъ даже дворянскій голодъ, если, согласно 9 статьи положенія о хизанахъ, споры между владѣльцами земли и хизанами будутъ разбираться мировыми по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіями. По мнѣнію авторовъ записки (стр. 35) «разрѣшенія хизанскихъ дѣлъ и въ особенности взысканія съ хизанъ накопившихся недоимокъ придется ожидать цѣлыми годами, въ теченіе которыхъ землевладѣльцы, преимущественно мелкопомѣстные и малосостоятельные, должны будутъ голодать въ буквальный смыслъ этого слова, не говоря же о другихъ нуждахъ, и такимъ образомъ послѣднія земли ихъ обречены будутъ продажѣ за безцѣнокъ или хизанамъ, или съ публичнаго торга».

Составители записки повидимому предвидѣли то неблагоприятное впечатлѣніе, которое можетъ быть вызвано одностороннею ихъ защитою интересовъ только одного сословія и игнорированіемъ тѣхъ общихъ государственныхъ интересовъ, которые имѣлъ въ виду законъ о хизанахъ, ограждая этихъ крестьянъ до нѣкоторой степени отъ обезземеленія. Поэтому съ первой-же страницы записки они стараются предупредить такой упрекъ.

«Прежде чѣмъ перейти къ изложенію существа своихъ представленій — говорится на 1 страницѣ записки — дворянство, опасаясь укора въ ненормальномъ отношеніи къ обнародованному уже постановленію законодательной власти и въ критикѣ закона, при-

*) Обращеніе лѣсныхъ площадей въ пахотныя поля посредствомъ огня.

**) Эта оговорка вызвана воспоминаніемъ о томъ, что раньше (стр. 28) трудъ хизановъ, производившихъ эти расчистки, не признавался «тяжкимъ», какъ называлъ его въ своемъ заявленіи управляющій государственными имуществами, И. С. Хатисовъ.

знаетъ необходимымъ выразить, что оно сочло-бы величайшимъ для себя несчастіемъ, если-бы намѣренія его, сверхъ ожиданій, поняты были въ этомъ смыслѣ; напротивъ, имѣя въ виду свое прошлое и доказанную, въ особенности во время общей крестьянской реформы, готовность споспѣшествовать во что бы то ни стало всѣмъ благимъ предначертаніямъ высшаго правительства,—выражаетъ полную надежду на то, что оно останется свободнымъ отъ такого обвиненія».

На второй страницѣ записки «дворянство еще разъ останавливается, чтобы выразить совершенно искреннее свое увѣреніе въ томъ, что оно съ полнымъ сознаніемъ долга отдастъ послѣдніе клочки земель своихъ, если это потребуется соизволеніемъ монарха и высшими какими либо видами правительства». На стр. 16, послѣ заявленія о «тягостномъ» положеніи дворянъ, говорится, что «если положеніе это для дворянъ неизбежно и требуется въ какихъ либо видахъ правительства, то въ этомъ случаѣ, конечно, девизъ дворянства: повиновеніе, хотя оно и не осмѣливается допускать, чтобы справедливость и милосердіе монарха дозволили повергнуть дворянъ въ такое крайнее положеніе».

Эти увѣренія трудно согласить однако съ самымъ содержаніемъ даннаго ходатайства.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое столь несимпатичный для авторовъ записки законъ 3 іюня 1891 года? Это попытка остановить обезземленіе хизановъ, начатое землевладѣльцами послѣ крестьянской реформы. Согнать хизановъ съ земли, стоимость которой создана ихъ трудами, значить лишить ихъ средствъ къ существованію, нарушивъ при этомъ ихъ права на пользованіе землей по обычному хизанскому праву. И для чего вдругъ потребовалось согнать хизановъ съ земли? Для того *), чтобы владѣльцы имѣли возможность увеличить свои доходы съ земли. Несправедливость этого очевидна; ею возмущается и безпристрастный тифлисскій дворянинъ Давидъ Кипіани, называя ее «потрясеніемъ вѣковой правды». Значить законъ, желающій устранить это зло, несомнѣнно справедливый законъ. Далѣе, не трудно понять, что положеніе о хизанахъ имѣетъ государственное значеніе, потому что представляетъ попытку предупредить обращеніе хизановъ въ пролетаріевъ, обезпечить для этой группы трудового класса возможность существованія. Составители записки сами, какъ мы видѣли, говорятъ, что развитіе пролетаріата не можетъ совпадать съ видами правительства. Такимъ образомъ положеніе о хизанахъ есть именно одинъ изъ такихъ законовъ, для осуществленія которыхъ дворяне по ихъ «искреннему увѣренію» готовы пожертвовать всѣми своими землями. Но такой большой жертвы у нихъ не требуется. Законъ не отнимаетъ

*) Въ проектѣ закона о хизанахъ причиной недоразумѣній, возникшихъ изъ нарушенія дворянами хизанскаго обычнаго права «выставляется корысть владѣльцевъ, пожелавшихъ возвысить повинности». (Дворянская записка, стр. 6).

у нихъ ни земли, ни тѣхъ доходовъ, которые они отъ нея получаютъ; онъ только требуетъ, чтобы владѣльцы, въ интересахъ справедливости и государственной пользы, воздерживались отъ корыстного стремленія увеличить эти доходы путемъ обезземеленія хизановъ или увеличенія ихъ повинностей вопреки обычному хизанскому праву.

При безпристрастномъ обсужденіи закона о хизанахъ, слѣдовало бы опредѣлить значеніе его для обѣихъ заинтересованныхъ имъ сторонъ, сравнить невыгоды, проистекающія изъ него для владѣльцевъ съ тѣми невыгодами для хизановъ, которыя вызвала бы отмѣна этого закона. Затѣмъ, указывая на увеличеніе расходовъ вслѣдствіе увеличенія государственнаго поземельнаго налога, межевого и гербоваго сборовъ и обращая вниманіе на то, что средства къ образованію дворянъ «не только не прибавлены, но и значительно ограничены», авторы записки, при безпристрастіи, должны бы указать и на размѣръ повинностей, платимыхъ хизанами, которыя, по словамъ И. Х. Вермишева, «слишкомъ обременительны», и сравнить средства къ образованію дѣтей владѣльцевъ и хизановъ. Кромѣ того нужно было бы прибавить, что владѣльцы, кромѣ рентъ, имѣютъ и другіе доходы, создаваемые образовательнымъ цензомъ, служатъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и получаютъ за свой трудъ такое вознагражденіе, какое и присниться не могло хизанамъ. При такомъ сравнительномъ способѣ изслѣдованія даннаго вопроса ясно обнаруживалось бы, согласны ли съ справедливостью и государственной пользой домогательства объ отмѣнѣ закона о хизанахъ 1891 года. Но такъ какъ только сословные интересы руководили авторовъ записки по хизанскому вопросу, то этого сравненія, необходимаго для правильной постановки вопроса, сдѣлано не было, но за то въ гиперболическомъ видѣ описаны бѣдствія замлевладѣльцевъ до голода «въ буквальномъ смыслѣ этого слова» включительно.

Законъ оставилъ неприкосновенными доходы дворянъ съ земель, занимаемыхъ хизанами; онъ только ограничилъ право владѣльцевъ увеличивать эти доходы на счетъ хизанскаго труда; но это ограниченіе не явилось какимъ нибудь новшествомъ: оно было установлено обычнымъ хизанскимъ правомъ, и положеніе о хизанахъ только санкціонировало это право вслѣдствіе того, что землевладѣльцы стали нарушать его. Помѣщики желали обезземеленія хизановъ, законъ создалъ нѣкоторое затрудненіе для исполненія этого желанія. Спрашивается, можно-ли, домогаясь при такихъ условіяхъ упраздненія закона о хизанахъ, говорить о государственной пользѣ и увѣрять въ готовности пожертвовать всѣми своими землями?

Въ запискѣ по хизанскому вопросу разбирается каждая статья положенія о хизанахъ. Возражать на всѣ ея доводы я не имѣю въ виду: это сдѣлало бы настоящую статью слишкомъ длинной. Я останавлиюсь только на основномъ положеніи записки,

служащемъ поводомъ къ ходатайству о пересмотрѣ положенія о хизанахъ, и на тѣхъ соображеніяхъ, которыми доказывается, что законъ 3 іюня 1891 года есть нарушение права собственности дворянъ.

V.

При обсужденіи хизанскаго вопроса въ совѣтѣ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, докладчикъ М. Н. Кучаевъ заявилъ, что «разнообразіе мнѣній, высказанныхъ присутствующими въ совѣтѣ относительно существа и свойствъ такъ называемаго хизанскаго вопроса обнаруживаетъ, что вопросъ этотъ представляется недостаточно выясненнымъ, не вполне опредѣленнымъ въ своихъ главныхъ основаніяхъ. Между тѣмъ точное и правильное уясненіе настоящаго предмета составляетъ главную задачу происходящихъ совѣщаній, ибо въ противномъ случаѣ рѣшающая власть можетъ быть введена въ заблужденіе неправильнымъ или ненадежнымъ освѣщеніемъ фактической стороны дѣла».

На этихъ словахъ М. Н. Кучаева тифлисскіе дворяне и основываютъ свое ходатайство о пересмотрѣ хизанскаго положенія. Указывая на эти слова, они говорятъ (стр. 2): «выразивъ только что приведенный взглядъ на положеніе хизанскаго вопроса передъ самымъ его разрѣшеніемъ, совѣтъ перешелъ прямо къ рѣшенію, не обращая уже къ пополненію фактической стороны дѣла и не имѣя въ виду уясняющихъ вопросъ новыхъ данныхъ—если не считать таковыми положеній, установленныхъ членомъ докладчикомъ и совѣтомъ чисто умозрительно для опредѣленія матеріальнаго состава хизанскаго обычая, каковое опредѣленіе и сдѣлано, но не согласно съ дѣйствительнымъ существомъ его, какъ бы это слѣдовало, а по соображенію съ давностью и требованіемъ общей справедливости, доведеннымъ однако-жъ до предѣловъ нарушения права собственности землевладѣльцевъ или ограниченія этого права вопреки обычаю. Вотъ это именно обстоятельство, какъ и многія другія, о которыхъ и будетъ доложено въ настоящей запискѣ, даетъ смѣлость утверждать, что въ основаніе рѣшенія совѣта по хизанскому вопросу легло невѣрное уясненіе хизанскихъ отношеній, при чемъ невѣрность эта имѣла мѣсто въ первоначальномъ докладѣ и не могла быть ни замѣчена, ни устранена въ высшихъ учрежденіяхъ».

Въ статьѣ «Пересмотръ хизанскаго положенія» (Новое Обозрѣніе № 3455) г. С. Заваровъ объясняетъ приведенныя слова М. Н. Кучаева «свойственными ему осторожностью и безпристрастіемъ».

Да, безпристрастный докладчикъ по хизанскому вопросу долженъ былъ сдѣлать упомянутое заявленіе, но оно, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, какое придается ему въ запискѣ.

М. Н. Кучаевъ желалъ безпристрастнаго рѣшенія хизанскаго вопроса. Безпристрастіе въ данномъ случаѣ заключалось въ составленіи такого законопроекта, который санкціонировалъ бы обычное хизанское право и тѣмъ прекратилъ бы обезземеленіе хизановъ и оградилъ бы ихъ отъ «чрезмѣрныхъ требованій землевладѣльцевъ», на которыя указывалъ тифлисскій губернаторъ. Имѣя множество владѣльческихъ заявленій, въ огромномъ большинствѣ которыхъ отрицались основныя положенія хизанскаго обычнаго права—вѣчность аренды и неизмѣняемость повинностей — при отсутствіи заявленій другой стороны—въ губернскомъ присутствіи были выслушаны, какъ мы знаемъ, 94 дворянина и ни одного хизана,—имѣя это въ виду, докладчикъ и указалъ на неполноту свѣдѣній о хизанскомъ правѣ въ томъ именно смыслѣ, что нѣтъ показаній одной изъ сторонъ, заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ. Матеріалъ, который былъ въ разсмотрѣніи совѣта главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, представлялъ односторонніе взгляды заинтересованныхъ землевладѣльцевъ на сущность хизанскаго права, и еслибы его признать достаточнымъ основаніемъ для рѣшенія хизанскаго вопроса, то этимъ рѣшеніемъ было бы упраздненіе обычнаго хизанскаго права, сдѣлавшагося невыгоднымъ для землевладѣльцевъ, обращеніе хизановъ въ простыхъ арендаторовъ, которыхъ землевладѣлецъ, при отсутствіи сроковъ аренды, можетъ выселить во всякое время. Возможность неправильнаго рѣшенія хизанскаго вопроса на основаніи только показаній землевладѣльцевъ г. Кучаевъ и имѣлъ въ виду, говоря, что «рѣшающая власть можетъ быть введена въ заблужденіе неправильнымъ или ненадлежащимъ освѣщеніемъ фактической стороны дѣла». Заявивъ, что хизанскій вопросъ «предоставляется недостаточно выясненнымъ» односторонними показаніями, г. Кучаевъ обратилъ вниманіе совѣта на то, что опредѣленіе существа хизанскаго права должно быть сдѣлано «по соображенію съ давностью и съ требованіемъ общей справедливости».

Такимъ образомъ, неполнота матеріала по хизанскому вопросу о которой упомянулъ г. Кучаевъ, была неблагоприятна только для хизановъ. Почти сотня землевладѣльцевъ дали тогда свои показанія; невозможно предположить, чтобы они, всячески стараясь отстоять свои интересы, позабыли бы помѣстить въ своихъ показаніяхъ какой либо важный аргументъ въ свою пользу. Записка тифлисскихъ дворянъ о пересмотрѣ закона 1891 г. доказываетъ это: въ ней нѣтъ новаго фактическаго матеріала для рѣшенія хизанскаго вопроса, а развиваются тѣ же соображенія, которыя были высказаны въ губернскомъ присутствіи и изложены въ письменныхъ заявленіяхъ.

Авторы записки стараются доказать, что законъ о хизанахъ нарушилъ обычное хизанское право во вредъ землевладѣльцамъ. Они говорятъ, что по хизанскому обычному праву землевладѣльцы имѣютъ право выселять хизановъ, но доказательство,

которое они приводят въ пользу такого мнѣнія, не оказывается цѣлесообразнымъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Къ запискѣ г. Кучаева, въ главѣ, излагающей сущность обычнаго хизанскаго права, сказано слѣдующее: «при оставленіи хизаномъ владѣльческой земли по собственной волѣ, либо по волѣ владѣльца, въ силу договора, владѣлецъ имѣетъ право на половину всего нажитаго хизаномъ въ его имѣніи движимаго имущества».

Тифлисскіе дворяне говорятъ въ своей запискѣ, что въ приведенной фразѣ послѣ словъ «по волѣ владѣльца» пропущено слово «или» что, конечно, существенно измѣняетъ смыслъ этой фразы. «Въ тѣхъ источникахъ,—читаемъ мы въ запискѣ (стр.—26), изъ коихъ заимствовано и введено въ проектъ только что изложенное свѣдѣніе, вовсе не говорится, что воля владѣльца удалить хизана обуславливалась договоромъ, т. е. фраза «либо по волѣ владѣльца въ силу договора» изложена существенно иначе; въ источникахъ сказано: «либо по волѣ владѣльца, или въ силу договора», такъ что по источникамъ воля владѣльца удалять хизана стоитъ внѣ всякой зависимости отъ какого либо договора, существуя самостоятельно».

Но добавленіе слова «или» въ цитированную фразу придаетъ ей чрезвычайно странный смыслъ, совершенно не соответствующій тѣмъ отношеніямъ, какія существовали между землевладѣльцами и хизанами. Оказывается, что землевладѣлецъ, удаляя хизана съ земли, т. е. находя въ этомъ какую нибудь выгоду, не только не вознаграждаетъ хизана за причиняемый ему этимъ удаленіемъ вредъ, а еще съ него же получалъ вознагражденіе. Условіе до очевидности не имѣющее смысла.

Хизанъ до уничтоженія крѣпостнаго права былъ такъ дорогъ для помѣщика, что объ удаленіи его по волѣ помѣщика не могло быть и рѣчи. Поэтому обычное хизанское право и не установило никакихъ условій на случай проявленія такой воли, такъ какъ землевладѣльцу не могло придти желанія лишить себя дохода съ земли удаленіемъ хизана, а обычное право закрѣпило вѣчное пользованіе землей хизанами, какъ выгодное для обѣихъ сторонъ. Но обычное право предусмотрѣло вредъ, причиняемый помѣщику оставленіемъ его земли хизаномъ и возложило на хизана обязательство вознаградить за этотъ вредъ помѣщика половиною всего нажитаго хизаномъ въ его имѣніи движимаго имущества. {Прикрѣпленіе хизана къ землѣ было на столько необходимо для землевладѣльца, что даже въ томъ случаѣ, когда хизанъ по договору торговывалъ себѣ право оставить арендную землю, онъ всетаки долженъ былъ заплатить упомянутое вознагражденіе.

Да и въ чемъ-же заключалась бы сущность хизанскаго права, сли признать за землевладѣльцами право удаленія хизановъ съ земли? Тогда останутся не хизаны, а обыкновенные арендаторы, т. е. именно то, чего теперѣ добиваются тифлисскіе дворяне, но

чего нѣтъ въ дѣйствительности. «Вѣчность пользованія при условіи несенія постоянной повинности—таковы черты хизанства», говоритъ г. Вермишевъ въ докладѣ Кавказскому обществу сельскаго хозяйства.

А вотъ какъ опредѣляетъ хизанство, не желающій затемнять истину, дворянинъ Давидъ Кипіани *): «Главная отличительная черта хизанскихъ отношеній заключается въ томъ, что хизанъ селился на вѣчныя времена и не могъ быть удаленъ съ занятой имъ земли помѣщика. Безъ этой особенности хизанство уравнилось бы съ безправнымъ пользованіемъ чужою землею и никакого бы вопроса не составляло. Другая отличительная черта хизанства заключается въ ограниченіи права помѣщика расширять и измѣнять повинности, отбываемыя въ пользу его хизанами. Эта особенность сама собою, силою юридической логики, вытекаетъ изъ первой особенности, ибо право произвольнаго увеличенія повинностей переходило-бы въ право произвольнаго удаленія хизановъ. Такимъ образомъ хизанскія отношенія заключаютъ въ себѣ ограниченіе права собственности помѣщика относительно тѣхъ земель, которыя составляютъ предметъ хизанскаго права. Вся суть дѣла заключается именно въ этомъ ограниченіи права собственности помѣщика».

По мнѣнію составителей записки (стр. 44), «изъ отношеній ихъ къ хизанамъ не было даже основаній создавать особый вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ, и что вопросъ сей вызванъ искусственно циркуляромъ 1876 года».

Этотъ циркуляръ начальника главнаго управленія на Кавказѣ сенатора Клушина (отъ 26 іюня 1876 г., № 301), запретившій землевладѣльцамъ выселять хизановъ съ занятыхъ ими земель впредь до рѣшенія хизанскаго вопроса, составляетъ, по мнѣнію тифлискихъ дворянъ (стр. 27) «превышеніе власти», которому однако они, «слѣдуя традиціямъ своего сословія безъ всякихъ жалобъ подчинились, надѣясь, что моментъ общаго рѣшенія хизанскаго вопроса будетъ моментомъ, когда самодержавная власть замѣнитъ допущенное циркуляромъ 1876 года превышеніе власти, но въ проектѣ положенія о хизанахъ на Кавказѣ удалось не только замаскировать это прискорбное явленіе, но даже построить на немъ ограниченіе права дворянъ».

Въ этихъ жалобахъ на нарушеніе права собственности дворянъ, нѣсколько разъ повторяющихся въ запискѣ, заключаются два крупныхъ недоразумѣнія.

Во-первыхъ, упомянутый циркуляръ не вводитъ ничего новаго: онъ только требовалъ сохраненія прежнихъ отношеній землевладѣльцевъ къ хизанамъ впредь до рѣшенія законодательнымъ по-

---

*) «Матеріалы для изученія экономическаго быта государ. крестьянъ Закавказскаго края», т. I, выпускъ IV, стр. 401.

рядкомъ вопроса о хизанахъ, а необходимость этого рѣшенія также, какъ и циркуляръ 1876 года, вызваны были тѣмъ, что землевладельцы собственной властью отиѣнили хизанское обычное право и стали или обременять хизановъ повинностями, или обезземеливать. Мѣстная администрація не могла не замѣтить, что если не пріостановить обезземеленія хизановъ, то, пожалуй, ко времени рѣшенія хизанскаго вопроса, хизановъ уже не будетъ. Циркуляръ не устанавливалъ новаго ограниченія права собственности дворянъ, онъ требовалъ только сохраненія status quo ante, т. е. обычнаго хизанскаго права, существо котораго заключается въ ограниченіи права собственности на земли, занятыя хизанами. То же ограниченіе, съ нѣкоторой, впрочемъ, уступкой дворянамъ, установила и 7-я статья положенія о хизанахъ, предоставивъ землевладельцамъ право, вопреки хизанскому обычаю, удалять хизановъ съ земли, но подъ условіемъ двойнаго вознагражденія хизановъ за постройки, хозяйственные обзаведенія и проч.

Въ запискѣ замѣчается по поводу этой статьи (стр. 25), что «такъ какъ выполненіе этой обязанности (двойнаго вознагражденія) рѣшительно невозможно, а слѣдовательно невозможно и удаленіе хизанъ, то дворянство приходитъ къ горькому и вполнѣ удручающему сознанію, что земли громаднаго большинства дворянъ на самомъ дѣлѣ должны отойти въ вѣчное и потомственное пользованіе хизанъ».

Но вѣдь «вѣчность пользованія землей» установлена обычнымъ хизанскимъ правомъ, и не могъ-же законъ лишить хизановъ этого права безъ всякаго выкупа. Этимъ соображеніемъ и была мотивирована въ проектѣ закона о хизанахъ необходимость двойнаго вознагражденія. Въ упомянутомъ проектѣ было признано, что «хизанъ имѣлъ право безсрочнаго владѣнія, создавашаго по давности монополію на пользованіе участкомъ или особую для него премію, что право это не допускаетъ предположенія о противоположномъ ему правѣ владѣльцевъ удалять хизанъ и что владѣлецъ могъ лишь вступить въ означенное право хизана за особое вознагражденіе, поэтому, сверхъ уплаты хизану стоимости всѣхъ обзаведеній и улучшеній, необходимо вознаградить его еще и за лишеніе права пользованія. Если хизанъ, уходя по своему желанію, обязанъ оставить владѣльцу всѣ свои обзаведенія и расходы на улучшеніе, то справедливость требуетъ, чтобы и владѣлецъ за нарушеніе договора несъ передъ хизаномъ особую отвѣтственность, ибо уплата стоимости обзаведеній и затратъ составляетъ лишь возвращеніе хизану того, что принадлежитъ ему по праву». Затѣмъ въ соображеніяхъ къ законопроекту, по мнѣнію дворянъ (стр. 27) «съ цѣлью вызвать участіе къ судьбѣ нынѣшнихъ хизанъ и создать для нихъ невѣдомое обычаю страны право на двойное вознагражденіе», указаны «различныя бѣдствія, подъ давленіемъ коихъ хизаны вынуждены были искать пріюта у помѣщиковъ, находясь въ положеніи народа

безправнаго и безземельнаго, по неволѣ подчинявшася всѣмъ требованіямъ и въ томъ числѣ грубому насилію—удаленію съ занятой земли».

На эти соображенія записка (стр. 27) отвѣчаетъ слѣдующими своеобразными разсужденіями: «Всѣ ссылки на бѣдствія и безправность хизанъ въ періодъ русскаго управленія, какъ несовмѣстныя съ достоинствомъ послѣдняго, приводятся только для поддержанія выводовъ, не имѣвшихъ никакихъ другихъ оправдательныхъ основаній. Но если-бы дѣйствительно и было такъ, т. е. что дворяне, не забывъ и своихъ интересовъ, дали пріять гонимымъ, то не этимъ ли заслужили они въ глазахъ составителя проекта ограниченія правъ своихъ въ пользу чуждыхъ имъ пришельцевъ и гостей, нашедшихъ у нихъ спасеніе? Напротивъ, гостепріимство не такъ должно вознаграждаться. Утверждаютъ, что дворяне воспользовались случаемъ и обложили хизанъ высокими повинностями; но дворяне умоляютъ избавить ихъ отъ полученія этихъ высокихъ повинностей и предоставить хизанамъ получить справедливое, согласно обычаю, вознагражденіе за всѣ обзаведенія, а затѣмъ освободить земли также въ силу обычая, предоставивъ дворянамъ получать за нихъ хотя-бы и болѣе низкія повинности,—но по своему свободному усмотрѣнію, такъ чтобы дворянамъ не приходилось сожалѣть о томъ, что они когда-то рѣшились дать пріять гонимымъ».

Этой горячей защитѣ дворянскихъ интересовъ не достаетъ, однако, полной искренности, не достаетъ поясненія, что избавить ихъ отъ полученія высокихъ повинностей землевладѣльцы, возбудившіе такое ходатайство, «умоляютъ съ единственной цѣлью получать *еще болѣе* доходы съ земли и что пока возможности этой не было, и не думали освобождать свою землю отъ хизановъ, а напротивъ, дорожили ими».

Другое недоразумѣніе, заключающееся въ воляхъ дворянъ о нарушеніи ихъ права собственности закономъ о хизанахъ, заключается въ предположеніи, что право собственности есть нѣчто безусловно неприкосновенное, что поэтому достаточно указать на ограниченіе этого права какимъ нибудь законодательнымъ актомъ, чтобы доказать его несостоятельность и несправедливость такого акта. Между тѣмъ, исторія гражданскаго права всѣхъ странъ доказываетъ совершенно противное. Въ ней мы находимъ рядъ законодательныхъ актовъ, ограничивающихъ и даже уничтожающихъ тотъ или другой видъ частной собственности, какъ только онъ, по мѣрѣ развитія общественнаго сознанія, дѣлается несоотвѣтствующимъ требованіямъ общей справедливости. Эволюція частной собственности представляетъ постепенное уменьшеніе числа объектов частнаго права и увеличеніе ограниченій этого вида собственности. Прогрессъ въ гражданскомъ правѣ опредѣляется именно этими законодательными

нарушеніями права частной собственности во имя общей справедливости.

Рабовладельцы имѣли такое полное право собственности на рабовъ, что могли даже убить раба. Было право помещиковъ продавать своихъ крѣпостныхъ, какъ движимую собственность. И однако законъ уничтожилъ такое право собственности, какъ только общество досрочно до сознанія его несправедливости. Право частной земельной собственности также всегда нарушалось закономъ, какъ только это требовалось общественной пользой, таковы, напримѣръ, обязательныя отчужденія земель для жалѣзныхъ дорогъ. Фабричныя законы тоже ограничиваютъ право собственности капиталистовъ. Такимъ образомъ сѣтованія тифлискихъ дворянъ по поводу того, что «требованія общей справедливости» выразились въ законѣ о хизанахъ ограниченіемъ права собственности землевладельцевъ, представляются довольно странными. Это не первый такой законъ и не послѣдній.

Дворяне резюмируютъ свои желанія слѣдующими словами (стр. 45): «Дворянство позволяетъ себѣ надѣяться, зная высокую справедливость и милосердіе Государя, что право собственности дворянъ на скудный остатокъ земель ихъ не будетъ ограничено въ пользу арендаторовъ, каковыми въ сущности являются хизаны; что двойной размѣръ вознагражденія хизанъ (7 ст. положенія 3 іюня 1891 г.), закрѣпляющій земли за хизанами, признанъ будетъ не согласнымъ ни съ обычаемъ, ни съ закономъ; что кругъ предметовъ, подлежащихъ оплатѣ или вознагражденію при выселеніи хизанъ, будетъ ограниченъ согласно обычаю, выясненному въ свое время высшимъ кавказскимъ начальствомъ, какъ это видно изъ самаго проекта, что хизанамъ не будетъ предоставлено права передачи владѣльческихъ земель другимъ лицамъ безъ согласія и даже вопреки волѣ владѣльцевъ; что во всякомъ случаѣ хизанами будутъ признаны лишь водворившіеся издавна и не позже крестьянской реформы, на условіяхъ хизанскаго обычая, положительно доказанныхъ; что не будетъ допущено закрѣпленіе за хизанами воиъхъ находящихся въ ихъ пользованіи земель и угодій, безъ установленія опредѣленной нормы, и что главнымъ основнымъ правиломъ окончательнаго разрѣшенія хизанскаго вопроса поставлено будетъ прежде всего переселеніе хизанъ на казенныя земли, при томъ условіи, что въ-первыхъ, на переселеніе можетъ быть предоставленъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, хотя-бы и пятилѣтній, предполагавшійся въ кавказскомъ проектѣ или даже болѣе, и во-вторыхъ, переселяющимся дано будетъ вознагражденіе за остающіяся строенія и насажденія, согласно обычаю».

Сведя воиъ эти желанія къ одному, получимъ слѣдующее. Для увеличенія своей ренты владѣльцы желаютъ согнать хизановъ съ занимаемыхъ ими земель, какъ простыхъ арендаторовъ, и не за-
платить имъ ничего за лишеніе права вѣчной аренды.

Согласно ходатайству тифлискихъ дворянъ, состоялся пересмотръ положенія о хизанахъ, уже оконченный въ первой инстанціи.

Въ совѣтѣ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ постановлено *) «принять ординарный размѣръ вознагражденія какъ въ случаѣ отказа хизану помѣщикомъ, такъ и въ случаѣ оставленія хизаномъ владѣльческихъ угодій». Затѣмъ, по поводу установленнаго статьей 7 положенія о хизанахъ вознагражденія хизановъ за затраты по улучшенію земли, совѣтъ призналъ «крайнее неудобство въ практическомъ отношеніи такой оплаты по трудности и спорности оцѣнки этихъ затратъ». Кромѣ того, «признано необходимымъ», чтобы рѣшенія губернскихъ присутствій по оцѣнкѣ хизанскихъ построекъ и насажденій не подлежали обжалованію въ сенатъ въ виду того, что право обжалованія «можетъ создать на практикѣ болѣзнь неудобства и затрудненія».

Проектированными измѣненія въ законѣ 1891 г. о хизанахъ настолько существенны, что при принятіи ихъ совершенно упразднись-бы смыслъ упомянутаго закона. Двойное вознагражденіе хизана въ случаѣ удаленія его помѣщикомъ съ земли и уплата расходовъ на улучшеніе состоявшихся въ его пользованіи земельныхъ угодій составляютъ нѣкоторый тормазъ для дворянъ въ дѣлѣ желательнаго ими обезземеленія хизановъ; устранить этотъ тормазъ значитъ санкціонировать закономъ это обезземеленіе.

Вопросъ о хизанахъ подлежитъ еще пересмотру въ высшей законодательной инстанціи. Пересмотръ этотъ не можетъ быть, конечно, произведенъ на почвѣ интересовъ одного только сословія. Справедливость и государственная польза не могутъ допустить обезземеленія хизановъ для увеличенія ренты землевладѣльцевъ. Поэтому законъ не можетъ развязать имъ руки для такого обезземеленія тѣми измѣненіями въ законѣ о хизанахъ, которыхъ желаютъ тифлискіе дворяне. Но этого мало. Пересмотръ положенія о хизанахъ даетъ случай устранить въ немъ тѣ противорѣчія, о которыхъ было сказано выше. Дѣло въ томъ, что если и оставить законъ о хизанахъ безъ всякихъ измѣненій, то онъ всетаки не разрѣшитъ удовлетворительно хизанскаго вопроса. При тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ между землевладѣльцами и хизанами, которыя неизбѣжны при этомъ законѣ, положеніе хизановъ будетъ слишкомъ тягостное, и землевладѣльцы такъ или иначе заставятъ ихъ удалиться съ земли и обложить непомерными повинностями. Удовлетворительное разрѣшеніе хизанскаго вопроса заключается въ устраненіи всякой зависимости между дворянами и хизанами. Такой способъ рѣшенія вопроса отчасти намѣченъ въ 10-й статьѣ положенія, въ которой высказана мысль о приобрѣтеніи хизанами земли при содѣйствіи правительства. Собственникомъ земли, ограниченнымъ обычнымъ хизанскимъ правомъ, должно

*) «Русскія Вѣдомости» 1895 г. № 242.

сдѣлаться государство, выкупившее у помѣщиковъ землю. Приведенный выше проектъ г. Вермишева кажется намъ наилучшимъ разрѣшеніемъ хизанскаго вопроса: осуществленіе его, сохраняя обычное право, въ то же время предупреждаетъ тѣ неблагопріятныя экономическія послѣдствія, которыя вытекають изъ частной земельной собственности.

Ивановичъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. М. Минскій. Стихотворенія. Изданіе третье. Спб. 1896.

Духъ заустѣнія царитъ надъ современной русской литературой—вотъ мнѣніе, ставшее теперь избитымъ мѣстомъ; и если оно справедливо, то, конечно, прежде всего по отношенію къ стихотворной поэзіи. Послѣдніе могикане ея или давно уже покинули спену жизни, или, дожидаясь своей очереди, не даютъ больше литературѣ ничего цѣннаго, ничего истинно поэтическаго. Остается такъ называемая молодая школа поэтовъ, изъ которыхъ одни, выступившіе въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, находятся теперь въ среднемъ (и нѣкоторые даже почтенномъ) возрастѣ, а другіе, подлинно молодые, сидятъ еще на ученическихъ скамейкахъ или только что сошли съ нихъ. Эта послѣдняя категория безчисленна, какъ песокъ морской. Не проходитъ дня безъ вновь появляющагося сборника стиховъ. Къ сожалѣнію, весь этотъ ливень поэзіи обдастъ читателя ледящей струей какой-то духовной мертвенности, бездарности или, въ лучшемъ случаѣ, посредственности, какъ бы являясь живымъ символомъ родившаго его неглубокаго поколѣнія, ни въ одной сферѣ жизни и искусства не создаващаго ничего, сколько нибудь отмѣченнаго печатью силы и убѣжденія. Кое-гдѣ, правда, мелькають и искорки истиннаго дарованія, но онѣ такъ миниатюрны и въ то же время, по большей части, такъ надуты собою, страдаютъ такой маніей величія, что возлагать на нихъ какія либо серьезныя надежды трудно. Рѣдкія счастливыя исключенія не пользуются, съ другой стороны, благосклонностью судьбы и преждевременно гаснутъ подъ тѣми или другими дуновениями жизни. Укажемъ для примѣра на поэта С. Александрова, стихи котораго печатались въ „Русскомъ Богатствѣ же“: невеликъ былъ, правда, его талантъ, не ярко, во всѣхъ отношеніяхъ скромнень, но въ немъ слышались искрен-

нія и симпатичныя нотки... И вотъ Александрова уже нѣтъ больше: чахотка еще въ прошломъ году унесла въ могилу этого безвѣстнаго, только что начинавшаго работника литературы... Миръ его праху! не по количеству написаннаго должны мы помнить писателей.

Въ довершеніе несчастія, завелся на Руси зловредный микробъ, еще ждущій своего Пастера, который открылъ бы способъ прививки и предохраненія отъ него. Этотъ губительный микробъ, особенно крѣпко присосавшійся къ нашей молодой поэзіи, называется символизмомъ и декадентствомъ. Манерностью, нелѣпыми претензіями и искусственной болѣзненностью этого занесеннаго съ чужой почвы направленія заражены чуть не поголовно всѣ молодые наши поэты; но едва-ли не главными виновниками насажденія этихъ „черныхъ розъ“ въ садахъ россійской литературы слѣдуетъ признать тѣхъ средняго возраста молодыхъ поэтовъ, объ одномъ изъ которыхъ мы намѣрены поговорить въ настоящей рецензіи. Г. Минскій одинъ изъ первыхъ поднялъ на Руси знамя декадентства. Однако, прежде чѣмъ говорить объ этомъ новомъ періодѣ его поэтической дѣятельности, слѣдуетъ помянуть добромъ его первый, свѣтлый періодъ, когда г. Минскій, въ глазахъ многихъ, былъ одною изъ лучшихъ надеждъ нашей поэзіи. Нельзя и точно отрицать, что при всемъ отсутствіи въ его талантѣ непосредственности, задушевности, простоты и, прибавимъ, скромности, талантъ этотъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію. Г. Минскій выступилъ въ половинѣ 70-хъ гг. въ одномъ изъ передовыхъ журналовъ съ симпатичными отзвуками Некрасовской „Музы мести и печали“ и, несмотря на явное подражаніе ей хотя бы въ извѣстныхъ „Бѣлыхъ ночахъ“, встрѣтилъ въ молодежи искреннее и глубокое сочувствіе. Да, многіе любили въ то время г. Минскаго. Такія стихотворенія, какъ „Послѣдняя воля“, „Передъ зарекю“, „На чужомъ пиру“, „Пѣсни о родинѣ“, „Геесиманская ночь“ и др. дѣйствительно были поэтическими произведеніями, цѣнными, несмотря на всѣ недостатки формы, о которыхъ теперь такъ злорадно кричатъ поклонники новаго „символическаго“ фазиса поэзіи г. Минскаго. Да и какъ же было не вѣрить наивной молодежи въ искренность поэта, такъ патетически восклицавшаго: „О, родина моя! О родина терзаній!“ Какъ было не любить его, утверждавшаго о себѣ, что онъ — „дитя, жрецъ кротости безсильной“, „родникъ любви неистощимой“, что богиня любви повела его „въ жилища грязнаго труда и нищеты и почитать вельѣла ихъ, какъ храмы“? Однако недолго длились розовыя иллюзіи, и достойно замѣчанія, что еще въ этотъ періодъ усиленной гражданственности г. Минскаго осторожныя и дальновидныя люди прозрѣвали

театральность его страдальческих жестов и стонов о родинѣ... Г. Минскій очень скоро сообразилъ, что такая поэзія не всегда и не вездѣ ко двору, и что слава и популярность даются еще и другого рода писаніями... И вотъ быстрымъ и граціознымъ движеніемъ онъ накидываетъ себѣ на плечи, правда, обветшалый и кое-гдѣ дырявый, но въ глазахъ толпы всегда остающійся красивымъ хитонъ разочарованія и гордаго презрѣнія къ людямъ. Появляется извѣстная книга о „мэонахъ“, претенціозная и пустозвонная книга, полная философическихъ потугъ въ прозѣ, встрѣченная единодушными насмѣшками всей серьезной части печати. Но г. Минскаго, какъ всѣхъ неисправимо-тщеславныхъ людей, насмѣшки не отрезвили, а только озлобили и еще больше „утвердили“ въ его новыхъ „убѣжденіяхъ“, и еще совсѣмъ недавно „въ товарищеской бесѣдѣ“ съ г. Волинскимъ (см. статьи послѣдняго въ „Сѣв. Вѣстн.“) онъ, „нервно загорѣвшись“, указалъ великому критику земли русской на какую-то страницу своей осмѣянной книги, гдѣ были наиболѣе сконденсированы маоническія идеи... Въ первыхъ двухъ изданіяхъ своихъ стихотвореній г. Минскій проявилъ еще нѣкоторую нерѣшительность и оставилъ неприкосновенными ихъ прежніе мотивы; но въ третьемъ, лежащемъ теперь передъ нами, онъ, набравшись, должно быть, духа изъ поученій смѣлаго своего „товарища“, произвелъ, по счастливому выраженію все того же г. Волинскаго, „вдохновенный разгромъ“, и хотя послѣ этого разгрома сохранился небольшой отдѣлъ, презрительно озаглавленный „изъ гражданскихъ мотивовъ“, но онъ представляетъ лишь жалкіе остатки былого величія! Любопытно и посвященіе всей книжки... кому бы вы думали, читатель? Богинѣ свободы, ни болѣе, ни менѣе („Я цѣпи старыя свергаю, молитвы новыя пою“ и т. д.). Не пугайтесь однако, это не какая нибудь превратная и зловредная свобода — о нѣтъ! Всякому овощу свое время, и свобода г. Минскаго такого рода овощъ, что его не сразу и раскусишь. Не такъ давно, когда г. Минскій былъ уже декадентомъ, его богиня рекомендовала себя нѣсколько иначе: „я — жажда истины, я — совѣсть мірозданья“; она обѣщала нашему поэту „показать ему ложь во всемъ, что онъ считалъ добромъ, и неизбежное — въ порочномъ и преступномъ“, предвѣщая, что мысль его превратится тогда въ „сожженную пустыню“. Съ этой поры прошло нѣсколько лѣтъ, и грозная богиня, очевидно, успѣла выполнить свое пророчество — она сожгла мысль несчастнаго г. Минскаго и превратила ее въ пустыню. Душу свою онъ рисуетъ съ тѣхъ поръ „усталой, измѣнившей всѣмъ, кого онъ когда-то любилъ, забывшей все, что было у него свято“, — словомъ, свободной отъ всѣхъ „старыхъ цѣпей“. Само собой разумѣется, что бо-

гиня послѣ этой страшной операціи надъ поэтомъ захотѣла перемѣнить свое названіе. Теперь она называется у него безразлично—то свободою, то смертью. „Я смерть свободою зову“, очень просто объясняетъ г. Минскій въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. „Но вамъ,—обращается онъ къ намъ, простымъ смертнымъ,—вамъ страшна еще свобода, и слишкомъ жгуча ваша рѣчь. Богиня новая у входа—ея слова не будутъ жечь“. Понятно, не будутъ, такъ какъ нечего больше и жечь, разъ сожженная мысль превратилась въ холодную и мертвую пустыню...

Прослѣдимъ же идеи новѣйшаго „сожженного“ г. Минскаго. Начнемъ съ народа, съ отношеній поэта къ этому неразгаданному сфинксу, которому не одно поколѣніе посвящало свои думы, свою любовь и самую жизнь. Было время, когда г. Минскій посылалъ „терпѣливому пахарю привѣтъ отъ грустнаго пѣвца“ и, улетаая мечтою въ грядущее, провидѣлъ тамъ, что имъ обоимъ дается вѣнецъ отъ „родины счастливой“. Теперь это стихотвореніе попало въ число опальныхъ; его нѣтъ въ 3-мъ изданіи, и г. Минскій, горделиво приблизясь къ народу, спрашиваетъ его: „Кто лучше—я или ты?“—и отвѣтъ его на этотъ вопросъ долженъ вытекать, повидимому, изъ другого поставленнаго рядомъ вопроса, разгадку котораго онъ предоставляетъ, впрочемъ, читателю: „О, кто же ты, скажи,—герой великодушный, или годный къ битвѣ конь, арапнику послушный?“ Что скажетъ на это читатель, для насъ въ настоящее время неинтересно; но что думаетъ о народѣ самъ г. Минскій, видно хотя бы изъ его драмы „Смерть Кая Гракха“. „Лютую ехидну безопаснѣй прижать къ груди, чѣмъ полюбить народъ!“ восклицаетъ въ ней призракъ Спурія Кассія. „Не вѣрь, не вѣрь народу!“ добавляетъ призракъ Манлія. А третій призракъ—Тиберій Гракха выражается еще опредѣленнѣе; „Въ смерти часть, неожиданно наступившій, любовь моя (къ народу) вдругъ ненавистью стала, столь пламенной, какой была сама. И понялъ я, что больше правъ жестокой, чѣмъ тотъ, кто добръ,—преступникъ, чѣмъ судья,—бичъ міра, чѣмъ защитникъ простодушный. И пожалѣлъ, что молодости годы не посвятилъ забавамъ молодымъ, не притѣснялъ, не мучилъ, не глумился“... Смыслъ всей трагедіи не противорѣчитъ этому центральному ея мѣсту, рѣчамъ трехъ указанныхъ призраковъ,—слѣдовательно, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе считать ихъ мнѣнія хотя отчасти мнѣніемъ самого автора... Но Манлій, Тиберій! Какая древности! Въ ихъ уста, конечно, можно влагать что угодно—мертвые не отвѣтятъ, и никто за нихъ не заступится. Гораздо некрасивѣе, когда писатель приписываетъ собственныя разочарованія лицамъ еще живымъ, но почему-либо не могущимъ защититься.

Къ сожалѣнію, г. Минскій и передъ этимъ не останавливается, и одному изъ такихъ лицъ, портретъ котораго каждый узнаетъ очень легко, влагасть въ уста, вмѣстѣ съ другими откровенными, но сомнительными признаніями, такое, напр., мнѣніе о судѣ потомства: „Что судъ исторіи! что поздній судъ дѣтей! ученыхъ праздный споръ, иль буйный крикъ невѣжды!..“

Изъ другого, не болѣе добросовѣстнаго, стихотворенія явствуетъ, что все прекрасное и святое въ мірѣ заключается, по мнѣнію г. Минскаго, въ искусствѣ, и что презрѣніе къ этому величайшему изъ божествъ никогда не остается безнаказаннымъ. Боритесь за какую угодно высокую идею, будьте отважны, какъ левъ, самоотверженны, какъ мученикъ, любите людей самой нѣжной любовью, но разъ вы презираете искусство—вы неизбѣжно будете побѣждены другою воюющею стороною (очевидно, почитающей искусство, любящей все прекрасное и святое!), „и подвигъ вашъ безслѣдно пропадетъ! Въ укоръ былымъ вѣкамъ, грядущимъ въ назиданье, вамъ грозный приговоръ потомство изречетъ“, и еще благо, если незлобные друзья искусства, гг. Минскій, Волинскій, Гиппиусъ и комп., „любви заблудшейся съ любовію простятъ и скорбный вашъ урокъ слезой благословятъ!..“

„Есть слова—я всѣ ихъ зналъ“, вспоминаетъ г. Минскій:—„отъ высокихъ словъ не разъ я скорбѣлъ и ликовалъ, даже слезы лилъ подчасъ. Но усталъ я лепетать звучный лепетъ дѣтскихъ дней!“

— Что же и кого же теперь любите вы, г. Минскій? „Никого я не люблю, всѣ мнѣ чужды, чужды я всѣмъ, ни о комъ я не скорблю и не радуюсь ни съ кѣмъ“.

— Такъ... Ну, а какъ вы насчетъ заповѣди полагаете — любить ближняго, какъ самого себя? „Самъ себя презрѣнъ емъ я караю, отвѣчаетъ поэтъ:—какой то сонъ божественный любя, въ себѣ и ложь и правду презираю“. Выводъ отсюда ясный: „Всѣхъ людей, равно за всѣхъ скорбя, я не люблю, какъ самого себя!“ Для такого человѣка, очевидно, не существуетъ ни родины, ни человѣчества, ни высокихъ идеаловъ грядущаго, идеаловъ любви и братства на землѣ. „Давно я пересталъ словамъ и мыслямъ вѣрить!“ продолжаетъ г. Минскій изрекать демоническія признанія. „Даетъ ли юноша въ любви святой обѣтъ, не вѣрь: какъ зимній вихрь, безплодны наши страсти. Кричить ли гражданинъ о жертвахъ, о борьбѣ, не вѣрь — и знай, что онъ не вѣритъ самъ себѣ“.—„Вашихъ ветхихъ словъ прочелъ я всѣ скрижали, и знаю: вы должны преслѣдовать меня!“ Ну, вотъ, наконецъ и договорились. Выводъ, правда, нѣсколько неожиданный, но надо же хоть разъ въ жизни повѣрить г. Мин-

скому: его преслѣдуютъ... Подобно несчастной г-жѣ Гиппиусъ, и онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами... Значить, за что же-нибудь онъ борется. За что? Во имя чего? Каковы его собственные положительные идеалы? Ихъ три: свобода (она же — совѣсть мірозданья, она же — смерть?), красота, искусство. Мы уже узнали, насколько это было возможно, что разумѣетъ онъ подъ свободой. Искусство, вѣнчающее побѣдителей и сыплющее клеветы на побѣжденныхъ, также говорить само за себя. Остается посмотрѣть на красоту, какъ понимается ее г. Минскій.

„Лишь формы я люблю и отраженья“, заявляетъ поэтъ въ стихотвореніи „Облака“. Почему? Потому что „только ихъ сжигаетъ смерть лобзаніемъ свободы“, безсмертія же г. Минскій (должно быть, изъ скромности) боится... Его приводятъ въ восторгъ „всѣ проявленія смерти или разлуки. Люблю я замирающіе звуки, неясныхъ чертъ исполненную даль. Но высшей радостью душа моя объята предъ зрѣлищемъ небесъ въ печальный часъ заката“. Какъ видитъ читатель, передъ нами на лицо всѣ обычные аксессуары декадентства. „Свобода и печаль, и смерть и красота“ — вотъ чѣмъ „питается въ тишинѣ мечта“ г. Минскаго. Холодъ, снѣгъ, ледъ, смерть и безмолвіе — вотъ предметы, которые по преимуществу воспѣваетъ теперь г. Минскій въ „Холодныхъ словахъ“ „Городъ смерти“ и другихъ вѣющихъ морозомъ и тлѣномъ произведенійхъ. Но врядъ-ли и самъ авторъ серьезно вѣрить въ эту свою новую красоту. По крайней мѣрѣ, онъ усиленно призываетъ къ себѣ „гордое Молчанье“, это „душъ больныхъ прибѣжище послѣднее, твердыню, гдѣ, неприступный для клеветъ людскихъ, молчитъ пророкъ осмѣянный“ и проч., а самъ въ это же время усиленно пишетъ и печатаетъ очень громкіе стихи, ни мало не желая молчать...

Надо-ли еще продолжать анализъ „сожженного“ г. Минскаго? Мы думаемъ, что и сказаннаго слишкомъ достаточно для журнальной рецензіи. Быть можетъ, мы были чересчуръ строги къ г. Минскому? Но вѣдь кому дано много, съ того много и спрашивается. А мы были бы сами крайне неискренни, если бы сказали, что считаемъ талантъ его ничтожнымъ. Нѣтъ, талантъ у этого исковеркавшаго и изломавшаго себя неизвѣстно зачѣмъ поэта, несомнѣнно, былъ и есть. Если взять даже область чистой красоты, чуждой всякой тенденціи въ ту или другую сторону, но лишь такой, какою она представляется всѣмъ людямъ съ поэтическимъ вкусомъ, то какъ же не назвать прекрасными такіа, напр., общезвѣстныя пьесы, какъ „Херсонесъ“, „По взморью бродилъ я“, „Робкому соловью“, „Наше горе“, „Напѣвъ любви, ея напѣвъ любимый“ „Не мѣсяцъ за его печаль“ и т. д.? Конечно, и только что

перечисленные пьесы не обходятся совершенно безъ собственныхъ г. Минскому вычуръ и манерностей, но въ общемъ, повторяемъ, онѣ прекрасны. Въ позднѣйшемъ фазисѣ творчества истинная красота уже значительно рѣже несетъ г. Минскому свои дары; изломанности и всяческихъ кривляній въ его стихахъ замѣтно еще больше, но талантъ по-прежнему чувствуется, и такое, напр., стихотвореніе, какъ „Подъ темной сосною росъ блѣдный цвѣтокъ“, напоминаетъ лучшую пору г. Минскаго. Не менѣе прекрасны пьесы: „Надъ могилой Гаршина“, „Самоотреченіе“ и „Тебѣ, я знаю, жить не долго суждено“... Несмотря на маэоническое содержаніе извѣстнаго стихотворенія „Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей“, мы не станемъ отрицать и въ немъ своеобразной красоты и поэзіи. Сохранилъ г. Минскій и способность живыми, пластическими красками описывать картины природы.

Вообще не таланта недоставало всегда г. Минскому, а только искренняго и серьезнаго убѣжденія.

Иліада Гомера. Переводъ Н. М. Минскаго. 1896 г.

Г. Скабичевскій въ своей исторіи новѣйшей литературы, кажется, первый указалъ, какъ на характерную сторону таланта г. Минскаго, на его склонность къ эпическому повѣствованію. Указаніе это, надо думать, глубоко запало въ душу честолюбиваго поэта. Въ газетахъ появились вскорѣ извѣстія о томъ, что г. Минскій засѣлъ за переводъ Иліады. Припоминая, что Гнѣдичъ просидѣлъ въ свое время за тѣмъ же переводомъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, мы уже начинали было жалѣть г. Минскаго... Но онъ оказался куда проворнѣе своего знаменитаго предшественника — и вотъ, по истеченіи какихъ нибудь трехъ-четырехъ лѣтъ, передъ нами лежитъ уже готовый и отпечатанный переводъ великаго памятника античной поэзіи. Книгѣ предшествуетъ предисловіе переводчика, выставляющее на видъ сравнительныя достоинства и преимущества его труда передъ трудомъ Гнѣдича: по заявленію г. Минскаго, онъ лучше не только по формѣ, но и по передаче самаго духа Иліады...

Предоставляя специалистамъ свѣрять духъ перевода съ духомъ греческаго подлинника, а равно и ихъ подстрочную близость, мы рассмотримъ новый переводъ здѣсь, на страницахъ общелитературнаго органа, главнымъ образомъ въ отношеніи внѣшней формы, красоты языка, правильной структуры стиха и т. п., руководясь при этомъ критическими замѣчаніями самого г. Минскаго относительно устарѣвшаго въ настоящее время труда Гнѣдича.

Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Минскій, что Иліада читается у насъ, какъ и вездѣ, преимущественно въ юношескомъ возрастѣ, когда случайные недостатки произведенія, разные „ухабы“, какъ онъ выражается, легко могутъ заслонить внутреннія его достоинства. Но при чтеніи Гнѣдича и юноша-гимназистъ отлично знаетъ, что онъ читаетъ переводъ, сдѣланный 66 лѣтъ назадъ, и относится довольно терпимо ко всѣмъ его „ухабамъ“ вродѣ „нижняго чрева“, „спнуль фаланги“ и прочихъ смѣшныхъ въ настоящее время выраженій. Совсѣмъ другія требованія предъявлены будутъ даже и гимназистами къ современному нереводу, авторъ котораго могъ пользоваться всѣми сокровищами вполне уже развитаго языка и поэтическаго слога. Ему читатели не простятъ и рѣдкихъ, сравнительно, ухабовъ, а у г. Минскаго ихъ, къ сожалѣнію, не оберешься...

Не будемъ голословны. Перечислимъ прежде всего замѣченные нами слова съ невѣрными удареніями, которыя и въ разговорной даже рѣчи непріятно рѣжутъ ухо, а у поэтовъ совсѣмъ уже непростительны: жѣзла, клубами, до краевъ, зятъевъ, локтей, сниму (буд. вр.), ячменемъ, идя, вдесѣтеро (!), лѣзвіе, уклонись, и безъ того, прѣщи, окрестъ, Аргусъ, ларя (род. ед.), кувѣркнулси, хвалишься, предводитъ, испупите (буд. вр.), камнемъ, холѣный (вм. холеный). Сомнительны и слѣдующія ударенія: блѣющій, дразнить, килъ, даримъ, подарить, дабы, Троянъ, прозвали, тотчасъ, собрали, пробилъ (въ смыслѣ „провзиль“), пупомъ, подняла (ж. р.), начала и т. п. Для стиха г. Минскій употребляетъ также сплошь и рядомъ: чтобѣ, или, когда либо...

Усиленно критикуетъ г. Минскій извѣстное пристрастіе Гнѣдича (намѣренное) къ хореемъ, которыми онъ надѣялся придать меньшую монотонность и утомительность своему гекзаметру. Мы лично думаемъ, что Гнѣдичъ былъ отчасти правъ, и что стихъ его, какъ размѣръ, несравненно пріятнѣе усыпительно-мѣрнаго, точно рубленаго стиха г. Минскаго. Но это бы еще не бѣда, тѣмъ болѣе, что вопросъ о русскомъ гекзаметрѣ — вопросъ еще спорный, зависящій отъ того или другого вкуса. Гораздо печальнѣе то, что г. Минскій, очевидно, не читаетъ стихи, какъ дѣлаютъ это современные поэты и чтецы, а подобно древнимъ рапсодамъ, *раствиваетъ* ихъ, скандируя по стопамъ и, быть можетъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ (въ виду того, что лиры вышли теперь изъ моды). Какъ иначе объяснить такіе, напр., стихи-ухабы, въ большомъ изобиліи разсыпанные по его переводу: „Молвилъ — и, на черенокъ нажимая серебряный, вдвинулъ“, „И распустили собранье передъ кораблями Атейцевъ“, „Каждого изъ городовъ, населенныхъ сюда призывая“ и т. д.? Подобныхъ

стиховъ мы насчитали въ переводѣ г. Минскаго *восемьдесятъ пять*, но ихъ, конечно, наберется вдвое больше. Для прочтенія ихъ приходится дѣлать самыя невозможныя ударенія, часто на служебныхъ частяхъ рѣчи, на союзѣ *и*, на предложенияхъ: *передъ* (читая притомъ *перѣдъ*), *изъ-подъ*, *изъ-за*, *надъ*, *отъ*, и т. п.

Не придаетъ большой красоты стиху г. Минскаго и часто вставляемое имъ, кстати и некстати, слово *вст*: „хищнымъ *встѣмъ* птицамъ и псамъ“, „межъ нами межъ *всѣми*“ и пр.

Перечислимъ затѣмъ всѣ *сочиненныя* г. Минскимъ, совершенно нерусскія выраженія и словосочетанія. Непріятнѣе всего здѣсь поражаетъ относительное мѣстоименіе „кто“ въ смыслѣ „который“, попадающее по два, по три раза чуть не на каждой страницѣ: „Мужи сплотились сильнѣй вкругъ царя, *кто* совѣтовалъ мудро“ и т. п. При этомъ *кто* согласуется иногда съ глаголомъ въ женскомъ родѣ: „кто изъ богинь замышляла“... Далѣе находимъ слѣдующія выраженія: „Мужъ-строитель всякое тонко умѣлъ *издѣлае* строить руками“ (у Гнѣд.: „Зодчій-мужъ, котораго руки во всякомъ искусствѣ опыты были“). — „*Дай* помѣняться оружіемъ“ (у Гнѣд.: „Главкы! обмѣняемся нашимъ оружіемъ“). — „*Дай* (вм. давай) сразимся!“, „Нехотя сильно“ (у Гнѣд.: „съ ропотомъ горькимъ въ душѣ“). — „Пусть же я раньше могильной покроюсь землею, *чѣмъ* я услышу твой плачъ“. — „*Пусть*, и вернувшись домой, каждый *долженъ* залечивать рану“. — „Такъ да *и* будетъ“. — „Треноги“ вм. треножниковъ. — „Онъ замѣтитъ, какъ имъ *полезѣе* быть“. — „Герои достигли рядовъ, *идѣ* рѣшили“ (т. е. намѣченныхъ рядовъ). — „Раненъ *на* (въ) раненомъ мѣстѣ“ — „*Отправмось* въ дворецъ *на* фундаментѣ мѣдномъ“. — „Неизмѣримо сильнѣйшій, *какъ* вы“. — „Чести подобной, *какъ* онъ“. — „Славные (доспѣхи), *какъ* не носилъ ни одинъ изъ людей“. — „Грохнулъ (вм. грохнулся) въ прахъ“. — „Обуялый *отъ* страха“.

Удивительно также употребленіе г. Минскимъ слова „непобѣдный“ въ смыслѣ „непобѣдимый“ (у Гнѣд. „необорный“): по-русски слово „побѣдный“ значитъ — побѣдоносный, побѣждающій, и, слѣдовательно, непобѣдный должно означать — не побѣждающій...

На каждой почти страницѣ встрѣчается у г. Минскаго неправильное сравненіе: „точно какъ — такъ“. Или такое еще, напр., сравненіе: „*Точно* во снѣ невозможно спастись иль настигнуть бѣгущаго мужа, *также* не въ силахъ былъ Гекторъ спастись“.

Изъ эпитетовъ г. Минскаго поражаютъ своею странностью: звонкіе глашатаи, цѣльнокопытные кони, многогребныя суда, боговоздвигнутая башня, утучнѣлый боровъ, лобастая телка,

чубатые еракійцы, племъ мѣднотажкій (вм. тяжкомѣдный), неугасное пламя, обширный (тогда почему не длинный?) властитель, заберущія сѣти (!), мужегубная битва. Прозаичными или неподходящими кажутся намъ и слѣдующіе эпитеты и цѣлыя выраженія: бѣлокурая Гера (у Гн. лилейнораменная), „Мужъ (у Гн. супругъ) Геры прекрасноволосой“; „Гера смыла всю грязь (у Гн. прахъ) съ обольстительной кожи“, лобъ *миловидный* (у Ахиллеса), „у Анда, *чи лошади рязви*“ или „у Анда, конями *изъстнаю* (у Гн. гордящагося)“. „Шлемовѣющій Гекторъ“ также кажется намъ неудачной замѣной гнѣдичевскаго „шлемоблещущій Гекторъ“: про тяжелый шлемъ отнюдь нельзя сказать, что онъ *отътъ* (вѣять можетъ только грива султана, гребень шлема); шлемъ можетъ только мелькать и, слѣдовательно, блистать. Не говоримъ уже о томъ, что „шлемовѣющій“ и неблагозвучно.

Г. Минскій упрекаетъ Гнѣдича въ томъ, что въ его переводѣ чересчуръ много торжественности, славянскихъ словъ; однако и самъ онъ употребляетъ мѣстами безъ всякой нужды такія слова, какъ „сей“, „понтъ“, „опричь“, „овокупно“, „мойни“ (у Гн. водоемы), „правой рукой привѣчали“ (т. е. привѣтствовали) и т. д. А рядомъ съ этимъ онъ вноситъ такіе неологизмы, какъ: флотъ (!), полководцы, мишень, рисковать и т. п. Относительно орфографіи собственныхъ именъ нашъ переводчикъ довольно произволенъ: Ахиллесъ у него то и дѣло замѣняется Ахилломъ, Зевесъ—Зевсомъ; Этоляне превращаются въ какихъ-то Этоліанъ; острова Пилосъ, Лемносъ, Лесбосъ почему-то носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Мы оговорились выше, что предоставляемъ специалистамъ указать на смысловыя невѣрности перевода г. Минскаго. Но кое-гдѣ онѣ бросаются въ глаза даже и безъ сличенія съ греческимъ подлинникомъ. Таковъ, напр., стихъ: „Мой сынъ, если только онъ жилъ когда либо“—очевидно, долженъ быть переданъ: „Мой сынъ, о, еслибы онъ былъ еще живъ!“—Аяксъ говоритъ глашатаю: „Вы прикажите, Идей“, когда извѣстно, что *оиканья* у древнихъ грековъ не существовало. „Ахеяне *застонамъ*“—тамъ, гдѣ имѣется въ виду воинственный кличъ. Знаменитый стихъ Гнѣдича „Будетъ *никогда* день—и погибнетъ священная Троя“ г. Минскій бракуетъ, приводя довольно сомнительный доводъ, будто слово „*никогда*“ не можетъ употребляться при глаголѣ въ будущемъ времени. Втеченіе 66 лѣтъ никому не приходило этого въ голову, и лучшіе знатоки русскаго языка находили стихъ Гнѣдича прекраснымъ, написаннымъ на чисто-русскомъ языкѣ стихомъ, но вотъ на 67 году пришелъ г. Минскій и рѣшилъ, что это сказано „не по-русски“, а по-русски слѣдуетъ, молъ, ска-

затъ такъ: „Будетъ *когда либо* день—и погибнетъ священная Троя!“ Не знаемъ, какъ другимъ, а намъ кажется, что въ этомъ прозаическомъ „когда либо“ исчезла вся пророческая сила Гнѣдичевскаго „нѣкогда“...

Таковы немалочисленные и немаловажные недостатки новаго перевода, бросившіеся намъ въ глаза при сравнительно спѣшномъ просмотрѣ его. Однако, сознаемся, что мы особенно подчеркивали ихъ въ виду высококомѣрнаго отзыва г. Минскаго о трудѣ его предшественника... Если за всѣмъ тѣмъ читателю интересно знать наше безпристрастное заключеніе о новомъ переводѣ, то мы выскажемся о немъ не черезчуръ строго. Недостатки велики, но нельзя забывать того, что и трудъ перевода *двадцати четырехъ* пѣсенъ былъ трудъ огромный, быть можетъ, удивительный для такого короткаго времени, какое употребилъ г. Минскій, и что во всякомъ случаѣ переводъ отличается и многими достоинствами, изъ которыхъ главное—легкость языка и выдержанность (въ общемъ) тона. Въ этомъ отношеніи сильно устарѣвшій переводъ Гнѣдича, съ появленіемъ работы г. Минскаго, становится для большой публики совершенно лишнимъ и сдается, такъ сказать, въ архивъ исторіи литературы.

Рассказы Е. В. Львовой, съ портретомъ автора. Спб. 1896 г.

Какъ ни разнообразны проявленія жизни современнаго общества, всѣ они легко распадаются по существу на двѣ категоріи—на внутреннія и внѣшнія. Насколько первыя скрыты отъ насъ, настолько-же вторыя поддаются наблюденіямъ всякаго зрячаго человѣка. Конечно, чтобы вполнѣ понять и осмыслить эти наблюденія, нуженъ глубокій, послѣдовательный анализъ скрытыхъ внутреннихъ первоисточниковъ, причинъ даннаго факта. Только такой анализъ и дастъ возможность сдѣлать необходимыя обобщенія и выводы изъ полученныхъ впечатлѣній; но сдѣлаетъ его лишь меньшинство, большинство-же наблюдателей невѣдомо для самихъ себя наблюдаютъ и отражаютъ видимое въ качествѣ фотографовъ-копіистовъ. Много подобныхъ фотографовъ находится теперь въ нашей литературѣ, особенно за послѣднее время литературнаго оскудѣнія. Много у насъ такихъ писателей и немудрено—почему-бы имъ и не быть: труда особеннаго не надо: стоитъ только выучиться болѣе или менѣе правильно разставлять слова и предложенія, а затѣмъ и пиши сколько душѣ угодно, описывая все видѣнное и слышанное; получится нѣчто, можетъ быть, и не совсѣмъ удачно скомпанованное, но за то пестрое, разноцвѣтное... Ничего, сойдетъ: на рынкѣ на все спросъ есть, ибо читатели растутъ и растутъ... До перепро-

изводства еще далеко... Такова, намъ думается, логика многихъ современныхъ писателей. Узокъ и убогъ горизонтъ, доступный ихъ наблюденію—убоги и произведенія ихъ. Шаблонно-искусственные копіи дѣйствительности, изрѣдка подкрашенные блѣдною фантазійею—вотъ тотъ конечный удѣлъ, котораго они рано или поздно дождутся.

Боимся, чтобы этого не случилось съ юнымъ авторомъ разсматриваемой нами книжки. Написаны эти рассказы, вообще говоря, прилично, но они отзываются какой-то дѣланностью, шаблонностью. Стоитъ прочесть два-три изъ нихъ, и остальные дѣлаются уже не интересными, по нѣсколькимъ страницамъ ихъ догадываешься о дальнѣйшемъ продолженіи и безошибочно знаешь, какой будетъ конецъ.

Въ силу этого приходитъ въ голову такое, обидное для автора, предположеніе: вотъ передъ нимъ лежитъ нѣсколько пружинныхъ куколъ обоого пола и различнаго возраста; отъ скуки или отъ чего другого онъ располагаетъ ихъ во всевозможныхъ комбинаціяхъ и волею своей авторской фантазіи заставляетъ разыгрывать всякія драмы, трагедіи и комедіи. Но не смотря на то, что комбинаціи эти порой принимаютъ ультратрагическій характеръ, читатель все-таки не проникается живымъ сочувствіемъ къ ихъ исполнителямъ, такъ какъ онъ видитъ, что передъ нимъ не люди, а куклы, не изображеніе дѣйствительной жизни, а только маленькое, болѣе или менѣе удачное, кукольное представленіе. Такое впечатлѣніе остается по прочтеніи почти всѣхъ рассказовъ и трудно сказать, кто виноватъ въ этомъ: сама ли жизнь, картины которой намъ рисуетъ авторъ, или онъ самъ? Мы склонны думать, что то и другое вмѣстѣ. Жизнь, описываемая авторомъ, дѣйствительно, настолько пуста и безсодержательна, что ужъ однимъ этимъ отталкиваетъ вниманіе и сочувствіе читателя. Виноватъ и авторъ: онъ описываетъ намъ главнымъ образомъ казовыя стороны этой скудной жизни, не касаясь ея основъ. Всего этого слишкомъ мало, чтобы вызвать наше сочувствіе или состраданіе: мы такъ насмотрѣлись на истинныя несчастія, вызванныя неурядицами нашей жизни, такъ близко видѣли и чувствовали настоящее горе, что сочувствовать всѣмъ изнывающимъ отъ взаимныхъ измѣнъ, паденій и т. п. мало интересныхъ людей, изображаемыхъ г-жею Львовой, было-бы для насъ непростительной роскошью.

Итакъ, мы не пожалѣли и не посочувствовали тѣхъ и тѣмъ, о комъ говоритъ авторъ, но мы пожалѣли самого автора: зачѣмъ онъ тратитъ время и свои юныя силы (о нихъ мы судимъ по приложенному къ книжкѣ портрету) на изображеніе совершенно ненужныхъ шаблонно-встасканныхъ картинъ...

Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Переводъ съ англійскаго С. Д. Данилова, провѣренный М. М. Туганъ-Барановскимъ. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1896 г.

Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Переводъ А. Г. Сахаровой, подъ редакціей А. Е. Шеллера (Михайлова). Спб. Изд. М. М. Ледерле. 1896 г.

Не много найдется экономистовъ, которые удостоились бы у насъ такой чести, какая выпала на долю Генри Джорджа: его книга „Progress and Poverty“ вышла одновременно въ двухъ русскихъ переводахъ. Джорджу, впрочемъ, повезло не только у насъ, но еще въ гораздо большей мѣрѣ въ Америкѣ и З. Европѣ. Упомянутая книга, изданная впервые въ 1879 г. въ С. Франциско, быстро разошлась въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, удостоилась перевода на многіе языки, дала толчекъ къ образованію въ Америкѣ, Англіи и на континентѣ Европы цѣлаго ряда обществъ, поставившихъ себѣ цѣлью реформы въ области землевладѣнія, а основная идея, съ которой связано имя Джорджа, составляла и составляетъ для многихъ нѣчто въ родѣ символа вѣры. Между тѣмъ, Джорджъ не только не является глубокимъ мыслителемъ-экономистомъ, умѣющимъ всесторонне обнять всю организацію современнаго хозяйства и надлежащимъ образомъ оцѣнить относительное значеніе каждаго изъ факторовъ этого хозяйства, но его даже нельзя назвать серьезнымъ ученымъ, добросовѣстно изучившимъ экономическую науку въ ея прошломъ и хорошо знакомымъ съ этой наукой въ ея настоящемъ. Его слабая теоретическая подготовка бросается въ глаза. Онъ даже не далъ себѣ труда ознакомиться съ наиболѣе видными представителями физиократовъ, не смотря на то, что ставить ихъ такъ высоко, и что идея физиократовъ о единомъ налогѣ является въ его глазахъ какимъ-то чудодѣйственнымъ средствомъ противъ всѣхъ общественныхъ золъ. Но еще гораздо сильнѣе чувствуется совершенное незнание Джорджа съ новѣйшей экономической литературой, въ особенности съ нѣмецкой. Можно положительно сказать, что будь Джорджъ знакомъ хотя съ нѣкоторыми выдающимися сочиненіями, появившимися въ Германіи за послѣднія 40 лѣтъ, если бы онъ прочиталъ хоть только „Soziale Briefe an von Kirchmann“, онъ не пришелъ бы къ такимъ ошибочнымъ выводамъ, односторонность которыхъ, доходящая почти до наивности, бьетъ въ глаза. Чѣмъ же, спрашивается, объяснить ту необычайную популярность, какая выпала на долю американскаго публициста? Она объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ книгѣ Джорджа критика современныхъ экономическихъ и общественныхъ условій сдѣлана съ такой силой и съ такимъ талантомъ, что она производитъ на всякаго, даже

хорошо знакомаго съ экономической литературой, почти неотразимое впечатлѣніе. Много странствовавшій, много видѣвшій, Джорджъ, какъ истый американецъ, перемѣнилъ въ теченіе своей жизни не одну профессію; онъ является въ полномъ смыслѣ слова *self-made man*, изучившій жизнь не на основаніи книгъ, а благодаря собственнымъ богатымъ наблюденіямъ. Природа надѣлила его при этомъ живымъ и впечатлительнымъ умомъ, богатой фантазіей и выдающимся даромъ изложенія. И вотъ онъ съ удивительнымъ умѣньемъ и съ рѣдкимъ талантомъ раскрываетъ предъ нами язвы современнаго общества, хотя и не знаетъ хорошенъко, гдѣ ихъ причина и въ чемъ должно заключаться ихъ леченіе. Но Джорджъ не только громитъ современное общество, онъ обладаетъ также великимъ даромъ художника—рисовать заманчивыя картины лучшаго будущаго. Рѣзкая критика, съ которой Джорджъ выступилъ противъ современныхъ экономическихъ и общественныхъ условій, равно какъ и та крупная коренная реформа, которую онъ проповѣдуетъ съ такой страстностью, дали многимъ поводъ смѣшать его съ социалистами. Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого взгляда. Все филоософско-историческое міросозерцаніе Джорджа не имѣетъ ничего общаго съ социалистической доктриной. И въ коренныхъ теоретическихъ воззрѣніяхъ, напримѣръ, во взглядахъ на процентъ съ капитала, на отношенія между процентомъ и заработной платой, на кризисъ и проч., и въ практическихъ выводахъ, къ которымъ онъ приходитъ, онъ рѣзко расходится съ представителями социализма. Джорджъ вовсе не противникъ частно-хозяйственной организаціи производства и распредѣленія; институтъ наемнаго труда, частную собственность на орудія производства, господство началъ свободной конкуренціи—все это онъ считаетъ вѣчнымъ началомъ, на которыхъ всегда будетъ основываться человѣческое общество.

Проблема, которую Джорджъ пытается разрѣшить, приковывала къ себѣ вниманіе почти всѣхъ выдающихся экономистовъ: почему съ ростомъ богатства растетъ и бѣдность, почему прогрессъ техники, прогрессъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни такъ мало послужилъ на пользу трудящимся массамъ, почему, говоря словами Родбертуса, заработная плата, съ увеличеніемъ производительности труда, составляетъ все меньшую и меньшую долю въ народномъ доходѣ. Вѣроятно, когда Джорджъ впервые приступилъ къ разрѣшенію этой великой проблемы, у него уже было нѣчто въ родѣ предвзятаго мнѣнія или теоріи. Сильный приростъ населенія въ Америкѣ, непрерывное заселеніе все новыхъ и новыхъ пространствъ, чрезвычайно быстрое развитіе американскихъ городовъ,—все это ведетъ къ постепенному повышенію цѣнности

земельныхъ участковъ и къ чрезвычайному росту земельной ренты; лихорадочная земельная спекуляція, быстрое обогащеніе сравнительно немногихъ земельныхъ собственниковъ бросаются въ глаза. Эти факты должны были произвести сильное впечатлѣніе на живой и воспріимчивый умъ Джорджа. Когда же онъ приступилъ къ изученію причинъ все растущей бѣдности, когда онъ сталъ знакомиться съ трудами экономистовъ, онъ на первыхъ же шагахъ натолкнулся на знаменитое рикардовское ученіе о земельной рентѣ. Ученіе это могло до извѣстной степени служить подтвержденіемъ той теоріи, которая уже раньше сложилась въ его умѣ, хотя въ смутныхъ еще очертаніяхъ. Разъ земельная рента обязана своимъ существованіемъ не труду и усиліямъ землевладѣльцевъ, разъ она растетъ благодаря увеличенію населенія, разъ техническія усовершенствованія и улучшенія въ концѣ концовъ, согласно поправкѣ Мальтуса, принятой затѣмъ Рикардо и вполнѣ развитой Ст. Миллемъ, также содѣйствуютъ возвышенію ренты, то землевладѣльцы, слѣдовательно, снимаютъ жатву тамъ, гдѣ они вовсе не сѣяли, они присваиваютъ себѣ то, что создано другими. Въ частномъ присвоеніи все растущей земельной ренты, поспѣшно заключаетъ Джорджъ, слѣдуетъ искать причины все растущей бѣдности. Но чтобы можно было обрушиться на земельную ренту со всей силой и страстностью, на какую способенъ Джорджъ, ему необходимо сначала опровергнуть распространенное мнѣніе, что проценты на капиталъ есть вычеты изъ заработной платы. Для этого онъ придумываетъ оригинальную теорію процента на капиталъ. Процентъ не есть вычетъ изъ заработной платы, его источникъ лежитъ въ вѣчныхъ и естественныхъ силахъ природы. Отъ коровы рождается теленокъ; овцы, свиньи и проч. даютъ приплодъ; сѣмя превращается въ растеніе, вино отъ лежанія улучшается въ качествѣ. Въ этой дѣятельной силѣ природы, въ способности нѣкоторыхъ благъ къ приросту и улучшенію—истинный источникъ процента на капиталъ. Такъ какъ каждый капиталистъ въ состояніи приобрѣсти на свой капиталъ такіа блага, которыя даютъ возможность пользоваться силами природы, то естественно, что всякій капиталъ долженъ доставлять своему владѣльцу извѣстный процентъ. Получая процентъ, капиталистъ беретъ только то, что создано естественными силами природы. Между рудомъ и капиталомъ, утверждаетъ Джорджъ, существуетъ полная гармонія: они оба раздѣляютъ одинаковую судьбу: цѣль процентъ высокъ, тамъ высока и заработная плата, и обратно; они оба одинаково страдаютъ отъ гнета земельной ренты: съ прогрессомъ общества земельная рента поглощаетъ се большую и большую долю, между тѣмъ какъ на долю

труда и капитала приходится все меньше и меньше. Великая проблема такимъ образомъ разрѣшена. Чтобы „вырвать съ корнемъ бѣдность“, слѣдуетъ устранить коренную причину зла, слѣдуетъ уничтожить присвоеніе все растущей земельной ренты немногими лицами и передать ее въ руки общества. Но какъ это сдѣлать? Для этого, по мнѣнію Джорджа, не требуется никакой ломки существующихъ условій, достаточно лишь установить единый налогъ на землю, который поглотитъ бы всю земельную ренту. Такимъ образомъ все растущая земельная рента, являющаяся результатомъ общественнаго прогресса, будетъ принадлежать всему обществу. Этотъ единый налогъ, полагаетъ Джорджъ, въ состояніи будетъ покрыть весь бюджетъ страны, и такимъ образомъ можно будетъ уничтожить все существующіе разнообразные налоги, стѣсняющіе производство и обмѣнъ, падающіе тяжелымъ бременемъ на трудъ и капиталъ, сопряженные съ громадными расходами по взиманію, вызывающіе обманъ и утайку, а слѣдовательно развращающіе гражданъ. Джорджъ вѣритъ, что съ установленіемъ единаго земельного налога исчезнетъ бѣдность, торгово-промышленные кризисы отойдутъ въ область преданія, каждый будетъ получать то, что ему слѣдуетъ по справедливости, будетъ осуществлено „равное право всехъ людей на пользованіе землею“, столь же естественное, какъ „равное право дышать воздухомъ“,—словомъ, на землѣ настанетъ золотой вѣкъ.

Краеугольнымъ камнемъ всей системы Джорджа служитъ теорія процента на капиталъ. Разъ процентъ на капиталъ не есть вычетъ изъ заработной платы, разъ онъ является продуктомъ производительныхъ силъ природы, то, очевидно, не въ капиталѣ, не въ собственности на орудія производства можно искать причины бѣдности, а только въ частной собственности на землю. Если вынуть этотъ краеугольный камень, то вся конструкція Джорджа распадется, какъ карточный домикъ. Между тѣмъ, можно-ли содѣйствіемъ силъ природы объяснять такое экономическое явленіе, какъ процентъ на капиталъ? Прибѣгая къ такому объясненію, Джорджъ становится на почву физиократовъ, усматривавшихъ источникъ *produit net* въ производительныхъ силахъ почвы. Бемъ-Баверкъ поэтому вполне справедливо называетъ ученіе Джорджа о процентѣ на капиталъ новой фруктификаціонной теоріею. Объясненіе какого бы то ни было дохода содѣйствіемъ силъ природы явно противорѣчитъ трудовой теоріи цѣнности, которую, повидимому, вполне принимаетъ и Джорджъ. Услуги, оказываемыя силами природы, очень важны и полевы, но никакой цѣнности онѣ не создаютъ. Всякое благо, съ точки зрѣнія хозяйственной, цѣнится постольку, поскольку въ

немъ воплощенъ челоѣческій трудъ. Поэтому цѣнности, получаемыя капиталистами въ видѣ процентовъ, составляютъ такой же продуктъ челоѣческаго труда, какъ и цѣнности, получаемыя землевладѣльцами и рабочими. Если бы Джорджъ согласовалъ теорію процента съ трудовой теоріею цѣнности, онъ бы замѣтилъ истинный источникъ процента, онъ значительно расширилъ бы ту талантливую критику, какую онъ выставилъ противъ земельной ренты. Онъ не сталъ бы противопоставлять земельную ренту съ одной стороны, а процентъ и заработную плату, какъ нѣчто родственное, съ другой; подобно новѣйшимъ нѣмецкимъ экономистамъ, онъ долженъ былъ бы включить земельную ренту и процентъ на капиталъ въ одну категорію, какъ доходъ на основаніи владѣнія, и противопоставилъ бы имъ заработную плату, какъ доходъ, основанный на трудѣ. Объясненіе причинъ бѣдности не было бы тогда столь односторонне; очевидно было бы, что земельная renta есть только одинъ изъ видовъ прибавочной цѣнности, что, отдавая земельную ренту въ пользу общества, мы этимъ далеко не устраняемъ причинъ бѣдности, такъ какъ другіе виды прибавочной цѣнности остаются нетронутыми. Незнаніемъ источника процента на капиталъ, полнымъ непониманіемъ роли движимаго капитала въ современномъ хозяйствѣ, объясняется рядъ другихъ ошибочныхъ положеній, какія мы встрѣчаемъ у Джорджа. Укажемъ, напри- мѣръ, на то положеніе, будто заработная плата всегда высока тамъ, гдѣ высокъ процентъ и обратно. Сравненіе континентальныхъ европейскихъ странъ съ Англіею, Востока съ Западомъ, Россіи съ Германіею; сравненіе одной и той же страны въ различныя историческія эпохи убѣждаетъ насъ какъ разъ въ противномъ. Совершенно ошибочно также мнѣніе Джорджа, будто капиталъ страдаетъ отъ гнета земельной собственности, будто съ ходомъ культуры доля, получаемая капиталистами, становится все меньше и меньше. Что касается гнета, то ужъ гораздо правильнѣе было бы сказать, что землевладѣльцы страдаютъ отъ гнета движимаго капитала: доказательствомъ служить всевозрастающая задолженность землевладѣнія. Доля же, приходящаяся на движимый капиталъ, далеко не уменьшается: если уровень процента и понижается съ ходомъ культуры, то сумма, приходящаяся на весь капиталъ, несомнѣнно растетъ, и доля капиталистовъ увеличивается; статистика подоходнаго налога, напр. въ Англіи, показываетъ, что доходъ капиталистовъ растетъ сильнѣе дохода землевладѣльцевъ. Установленіе единого земельного налога не можетъ имѣть даже въ отдаленной мѣрѣ тѣхъ благихъ послѣдствій, какія рисуются въ богатой фантазіи американскаго публициста. Если бы эта финансовая реформа осу-

шествилась, — осталась бы противоположность между доходомъ, основаннымъ на трудѣ, и доходомъ, основаннымъ на владѣніи, осталась бы, словомъ, прибавочная цѣнность и всё связанная съ нею послѣдствія. Торгово-промышленные кризисы будутъ повторяться по-прежнему, такъ какъ останется частно-хозяйственная организація производства съ характеризующей ее анархіею.

Однако, несмотря на то, что вся система Джорджа явно несостоятельна, что ей недостаетъ ни послѣдовательности, ни цѣльности, его книга всегда будетъ читаться съ большимъ, захватывающимъ интересомъ. Не только критика современнаго строя, но и критика различныхъ экономическихъ теорій, связанныхъ съ этимъ строемъ, сдѣлана съ удивительной силой и талантомъ. Опроверженіе Мальтусовской теоріи — блестяще, а мѣстами и оригинально. Но въ особенности талантлива критика теоріи фонда заработной платы. Хотя эта теорія уже опровергнута была задолго до Джорджа Германомъ, Родбертусомъ, Марксомъ, Брентано, Джевенсомъ, Уокеромъ и др., хотя Джорджъ въ критикѣ этой теоріи доходитъ ужъ до нѣкоторыхъ крайностей, слѣдуетъ все-таки признать, что никому, быть можетъ, изъ его предшественниковъ не удалось выставить несостоятельность этой теоріи въ такой блестящей и убѣдительной формѣ. Если прибавить къ этому, что книга написана блестящимъ языкомъ, богата интересными наблюденіями надъ условіями американскаго хозяйства, оригинальными примѣрами и проч., то мы поймемъ, что она должна произвести на читателя такое же сильное впечатлѣніе, какъ рѣчь страстнаго и краснорѣчиваго оратора, проповѣдующаго съ фанатизмомъ свою излюбленную идею; она вліяетъ скорѣе на чувство, чѣмъ на умъ читателя, не такъ убѣждаетъ, какъ увлекаетъ.

Переводъ г. С. Николаева сдѣланъ очень добросовѣстно; онъ вполне передаетъ, насколько это возможно, живую и образную рѣчь американскаго публициста. Къ сожалѣнію, не то приходится сказать относительно перевода, изданнаго г. Ледерле. Ни въ стилистическомъ, ни въ грамматическомъ, ни въ какомъ либо другомъ отношеніи онъ не выдерживаетъ критики. Вотъ нѣсколько примѣровъ. „Прочетъ внимательно то, что экономисты говорятъ о распредѣленіи богатства, значитъ увидѣть, что они правильно опредѣляютъ ее, но заработная плата, какъ они опредѣляютъ ее въ этомъ случаѣ, есть то, что логики назвали нераздѣлимымъ терминомъ, т. е. она не означаетъ всякой заработной платы, а только известную плату, т. е....“ и т. д. (стр. 193). Фраза, которая въ изданіи г. Пантелѣва совершенно правильно переводится словами „индійскій народъ въ его цѣломъ ужаснымъ обра-

зомъ обѣднѣлъ подѣ нашимъ управленіемъ“, передается въ изданіи г. Ледерле слѣдующимъ образомъ: „Остѣ-индское общество“ въ цѣломъ, ужасающемъ образомъ обѣднѣло подѣ нашимъ управленіемъ“ (стр. 148)—это совершенно искажаетъ смыслъ оригинала; неизвѣстно далѣе, почему послѣ словъ „въ цѣломъ“ поставлена запятая, и „ужасающемъ“ вмѣсто „ужасающимъ“ довершаетъ прелесть всей фразы. Вмѣсто того, чтобы сказать: г-жа Найтингѣль въ своей статьѣ „Индійскій народъ“, помѣщенной въ „Nineteenth Century“, августъ 1878 г. и т. д., въ изданіи г. Ледерле говорится: „Миссъ Найтингѣль („народъ Индіи“ въ девятнадцатомъ вѣкѣ за августъ 1878 года) и т. д.“ (стр. 146, примѣч.).

На любой страницѣ встрѣчаются такіе же фразы, а невозможная разстановка знаковъ препинанія окончательно собьетъ съ толку даже самаго внимательнаго читателя. Просто удивляешься, какъ это у г. Шеллера (Михайлова) хватило смѣлости выставить свое имя въ качествѣ редактора этого перевода.

Адольфъ Гельдъ. Фабрика и ремесло. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. Спасскаго. Москва 1896 г.

Адольфъ Гельдъ принадлежалъ къ числу видныхъ представителей молодой исторической школы экономистовъ въ Германіи. Смерть неожиданно похитила его на 37 году жизни. Изданная недавно на русскомъ языкѣ брошюра „Фабрика и ремесло“ есть ничто иное, какъ рѣчь, произнесенная Гельдомъ въ февралѣ 1880 г. и напечатанная въ видѣ приложенія къ его посмертному труду „Zwei Bücher zur Socialen Geschichte Englands“. Въ этой рѣчи Ад. Гельдъ даетъ въ сжатой и ясной формѣ характеристику различныхъ формъ производства, выясняетъ историческое значеніе ремесла, домашней формы крупнаго производства и, наконецъ, фабричной промышленности. Хорошій знатокъ исторіи англійскаго хозяйства, онъ на примѣрѣ Англии прослѣживаетъ историческій ходъ развитія этихъ основныхъ формъ производства, выясняя причины постепенной смѣны одной формы другою. Мелкія самостоятельныя ремесла и связанная съ ними пеховая организація, характеризующія промышленность конца среднихъ вѣковъ и начала новаго времени, соотвѣтствовали тогдашнимъ условіямъ хозяйства, т. е. слабому развитію торговли, отсутствію отдаленнаго сбыта. Съ 17-го вѣка эта организація промышленности начинаетъ разлагаться и постепенно уступаетъ мѣсто новымъ формамъ, такъ какъ условія хозяйства совершенно мѣняются: районъ сбыта расширяется, возникаютъ отдаленные рынки, улучшаются пути сообщенія, роль

капитала усиливается и т. д. Цеховыя постановленія, которыя имѣли главною цѣлью охраненіе мелкаго производства, требовали семилѣтняго обученія, ограничивали число учениковъ и подмастерьевъ, воспрещали трудъ женщинъ и дѣтей, совершенно не соотвѣтствовали новымъ условіямъ, требовавшимъ расширенія производства. И вотъ начинается эпоха вырожденія цеховъ, и одновременно съ упадкомъ цеховой организаціи возникаетъ первая стадія капиталистическаго хозяйства, именно домашняя форма крупнаго производства. „Купцы, спекулянты, богатые капиталами люди, которые знали міръ и были въ состояніи отважиться на многое, захватили въ свои руки обмѣнъ, обезпечивая рабочему мастеру вѣрный сбытъ, тѣмъ самымъ лишая его самостоятельности“. Такимъ образомъ уже задолго до возникновенія фабричной промышленности, задолго до великихъ техническихъ изобрѣтеній, развивается въ Англіи капиталистическое хозяйство въ видѣ домашней формы крупнаго производства. Не машина ниспровергла ремесло; послѣднее уже задолго до изобрѣтенія машины перестало быть господствующей формой. Но переходъ отъ стадіи домашней промышленности къ стадіи фабричной промышленности совершился всетаки благодаря машинѣ; „до ея появленія мануфактуры безъ машинъ были явленіемъ единичнымъ“. Машина дала толчекъ къ дальнѣйшему развитію капиталистическаго могущества и „окончательно укрѣпила капиталистическую форму производства“.

Переходя къ исторіи промышленности въ Германіи, Гельдъ указываетъ на то, что въ 30-хъ годахъ ремесло составляло доминирующую форму нѣмецкой промышленности. Желѣзныя дороги и покровительственный тарифъ создали для германской промышленности болѣе крупный районъ сбыта, и такимъ образомъ стала развиваться крупная промышленность, а мелкія ремесла стали играть все меньшую и меньшую роль. Въ то время, когда въ Германіи крупная промышленность только зарождалась, въ Англіи она уже процвѣтала, поэтому исторія развитія капиталистической промышленности въ Германіи представляетъ нѣкоторыя различія въ сравненіи съ Англіею. Въ Германіи нельзя провести рѣзкую границу между эпохой господства домашней формы крупнаго производства и фабричной промышленности: „обѣ вышеупомянутыя формы крупной промышленности начинаютъ въ Германіи свое развитіе одновременно“. Черезъ всю брошюру Гельда проходитъ та мысль, что каждая форма производства должна соотвѣтствовать историческимъ условіямъ, что сфера дѣйствія мелкаго производства все суживается, относительное значеніе ремеслъ все уменьшается. Но онъ всетаки не допускаетъ, чтобы ремесло окончательно исчезло. „Совер-

шенно погибнуть это послѣднее (т. е. ремесло) не въ состояніи никогда. Для починой работы, для извѣстныхъ домашнихъ услугъ, для опредѣленныхъ продуктовъ, требующихъ художественнаго выполненія, всегда необходимо должно будетъ существовать ремесло“.

Къ сожалѣнію, г. Спасскій не ограничился скромною ролью переводчика, а счелъ нужнымъ мудрить надъ статьей Ад. Гельда. Онъ раздѣлилъ эту маленькую статейку на главы (1-ая глава занимаетъ полъ-страницы, 2-ая глава—страницу), въ то время, какъ въ нѣмецкомъ текстѣ нѣтъ никакихъ раздѣленій. Количество красныхъ строкъ увеличено въ сравненіи съ оригиналомъ въ значительной степени. Но особенно странно то, что переводчикъ позволилъ себѣ почти на каждой страницѣ написать курсивомъ нѣсколько словъ, а иногда и цѣлыя фразы, въ то время, какъ въ оригиналѣ нѣтъ никакого курсива. Понравится переводчику какое нибудь слово или какая нибудь мысль, и онъ ихъ подчеркиваетъ, совершенно не справляясь съ нѣмецкимъ текстомъ. Переводъ сдѣланъ довольно тяжелымъ языкомъ, встрѣчаются совершенно неправильно построенныя фразы. „Мелкій ремесленникъ преимущественно работаетъ для мѣстнаго сбыта, вся его организація (ремесленника?) покоится на мѣстномъ сбытѣ“ (стр. 14). Но все это касается внѣшности перевода. Есть погрѣшности и болѣе важнаго характера. На стр. 39 читаемъ слѣдующее: „ремесло нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ не *заслуживающимъ особаго вниманія придалкомъ крупной промышленности*“ (курсивъ въ русскомъ переводѣ). Соотвѣтствующая фраза оригинала читается такъ: „Er (Handwerk) ist nur ein *achtungswerthes* Anhängsel der Grossindustrie“. Чѣмъ объяснить такое явное искаженіе смысла? Переводчикъ позволилъ себѣ даже выпустить цѣлыхъ 8 строкъ нѣмецкаго текста (стр. 682—683), гдѣ Гельдъ заявляетъ, что ученіе, будто въ каждой отрасли промышленности крупное производство совершенно поглотить мелкое, есть химера, что всегда будутъ существовать мелкія и среднія предпріятія, но ихъ число и относительное значеніе будетъ уменьшаться, и проч. Какими соображеніями руководствовался переводчикъ, когда подвергъ это мѣсто остракизму? Г. Спасскій снабдилъ переводъ маленькимъ предисловіемъ, гдѣ онъ выражаетъ свое скептическое отношеніе къ „тому утопическому романтизму, съ которымъ въ извѣстной части нашей русской, экономической литературы обсуждается вопросъ о кустарной или домашней промышленности“. Какъ это, такъ еще и другія соображенія дѣлаютъ, по мнѣнію переводчика, „желательнымъ появленіе у насъ еще одного краткаго и популярнаго сочиненія о формахъ промышленности; сочиненія (,) проникнутаго стремленіемъ къ

трезвому, лишенному *утопизма* анализу историческаго мѣста каждой формы — условія (,) которымъ пытается соответствовать этотъ небольшой этюдъ Гельда“. Конечъ фразы лишенъ всякаго смысла.

А. Ф. Кистяковский. Исслѣдованіе о смертной казни. Изданіе второе, подъ редакціей Т. С., Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1896.

Новое изданіе классическаго труда покойнаго кievскаго криминалиста не нуждалось бы, конечно, въ особой рекомендаціи, если бы не имѣло въ виду болѣе обширный кругъ читателей, чѣмъ тотъ, къ которому обращался авторъ „Исслѣдованія о смертной казни“ 30 лѣтъ тому назадъ. Общезвѣстность предмета, „волѣдствіе которой даже не специалисты считаютъ себя въ правѣ имѣть докторальное о немъ мнѣніе“ (предисловіе автора)—въ сущности, болѣе, чѣмъ сомнительна; публика судить о немъ веривъ и вско, оставаясь неизмѣнно на той отвлеченно-схоластической почвѣ, которая давно оставлена наукой. Безполезный и безконечный споръ о справедливости и несправедливости смертной казни уступилъ мѣсто философско-историческому изслѣдованію предмета, который съ этой стороны представляетъ богатѣйшій и интереснѣйшій матеріалъ. Изученіе этого матеріала, въ сущности, устраняетъ большинство разногласій и споровъ. Индивидуальное мнѣніе отдѣльныхъ публицистовъ и изслѣдователей, руководимыхъ то сторонними соображеніями, то сентиментальной и трусливой филантропіей, то заманчивостью парадокса, смѣняется болѣе глубокимъ и вѣскимъ, хотя и не всегда уловимымъ рѣшеніемъ общества. Пусть въ ряды защитниковъ смертной казни становятся Кантъ и Шопенгауеръ, Давидъ Штраусъ и Джонъ Стюартъ Милль, реальные политики и метафизики-гегеліанцы, піетисты мрачной эпохи Вѣнскаго конгресса и антропологи-детерминисты конца вѣка,—верховнымъ судьей и рѣшителемъ въ этомъ вопросѣ является неустрашимый фактъ: мы не хотимъ смертной казни; исторія идетъ къ ея уничтоженію. „На вопросъ, который каждому специалисту не разъ приходится слышать: каково ваше мнѣніе о смертной казни, считаете-ли ее наказаніемъ справедливымъ или нѣтъ, я отвѣчаю,—говоритъ Кистяковский:—спрашивайте не меня, мнѣніе котораго, какъ всякое одиночное мнѣніе, не можетъ имѣть силы и значенія, а выслушайте болѣе полномѣсное и имѣющее болѣе правъ на вниманіе мнѣніе народовъ“. Изученію этого „мнѣнія народовъ“ отъ періода господства кровавой мести до почти повсемѣстной отмѣны казни въ нашемъ вѣкѣ—посвящена книга Кистяковскаго. Смертная казнь есть явленіе историческое; рѣшеніе насчетъ ея судьбы

должно быть закрѣплено событіемъ—и логика событій, въ его изображеніи, не даетъ мѣста двумъ мнѣніямъ.

Первобытный строй органически обуславливаетъ необходимость и частое примѣненіе смертной казни; она считается естественной, неизбѣжной и божественной. Право наказанія въ видѣ кровавой мести и право войны почти сливаются—и сдержки для судьи-исполнителя нѣтъ никакой. Зарожденіе общества вноситъ ограниченія, но самая организація примитивнаго общества поддерживаетъ потребность въ смертной казни: общество покоемъ на рабствѣ; оно борется за свое существованіе и добываетъ свое объединеніе—во всѣхъ областяхъ культурной жизни—путемъ жестокихъ мѣръ. Окрѣпшее государство перестаетъ нуждаться въ нихъ. Цѣлесообразныя мѣры духовнаго и экономическаго развитія смѣняютъ жестокую систему наказаній, и медленный процессъ съуженія случаевъ примѣненія смертной казни и измѣненія самой ея процедуры приводитъ къ ея полной отмінь. Она сохраняется въ законахъ и практикѣ лишь потому, что не угасли окончательно тѣ элементы и силы, которые ее создали. Оригинальная исторія изысканныхъ способовъ казни, и, еще болѣе, судьбы возвращеній общества на личность палача (глава VII) точно символизируютъ переворотъ въ отношеніи человѣчества къ смертной казни. Отъ высокаго уваженія, отъ исполненія почетной обязанности царями, сановниками и жрецами,—къ повору и отвращенію, къ исполненію ея отверженными, внушающимъ къ себѣ единодушное омерзеніе—въ этомъ переходѣ вся исторія смертной казни.

Полная захватывающаго по интересу содержанія, яркость котораго ни на минуту не закрываетъ ея исторической послѣдовательности, вся работа Кистяковскаго проникнута той непреодолимой вѣрой въ близкую побѣду справедливости, которая дается только глубокимъ проникновеніемъ въ логику самой жизни. Книга кончается указаніемъ на то, что даже самые ярые приверженцы смертной казни въ наше время не рѣшаются защищать ее въ принципѣ, но рекомендуютъ ее лишь ради временной ея необходимости и полезности, ради того, что общество не dorosло еще до ея отмінь.

Научное и законодательное движеніе въ вопросѣ о смертной казни, совершавшееся со времени выхода въ свѣтъ книги Кистяковскаго, дало поводъ редактору снабдить ее весьма интереснымъ вступленіемъ, знакомящимъ съ важнѣйшими результатами этого движенія. Авторъ сообщаетъ вкратцѣ рѣши Милля въ англійскомъ парламентѣ, князя Бисмарка и Ласкера—въ рейхстагѣ сѣверно-нѣмецкаго союза, профессора Моддермана—въ голландской палатѣ депутатовъ и передаетъ содержаніе новѣйшихъ работъ Гольцендорфа, упсальскаго

профессора Оливекроны, знаменитаго аболіціониста Люкаса, закончившаго свою славную дѣятельность изданіемъ въ 1885 году новой превосходной книги противъ смертной казни, и, наконецъ, творца теоріи „прирожденнаго преступника“. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ главѣ шестой изложено современное положеніе вопроса о смертной казни въ законодательствахъ: англійскомъ, французскомъ, германскомъ, итальянскомъ, швейцарскомъ, бельгійскомъ, нидерландскомъ и японскомъ.

М. М. Винаверъ. Въ вопросу объ источникахъ X тома Свода законовъ. Спб. 1895.

Не только практическій юристъ или специалистъ по теоріи права, но и обыкновенный читатель почерпнетъ любопытныя свѣдѣнія въ историко-юридической справкѣ г. Винавера. Мысль о нашей самобытности въ разнообразныхъ областяхъ духовной жизни повторяется въ наши дни чаще и проявляется рѣже, чѣмъ когда бы то ни было. Къ полемикѣ объ этомъ основномъ вопросѣ привлекаются почти исключительно каковыя стороны культурной жизни; въ частности, въ области правового строя, и сторонники, и противники западныхъ вліяній охотнѣе останавливаются на оцѣнѣ самобытности *учрежденій*, интересуясь значительно рѣже нормами матеріальнаго права. Наши гражданскіе законы—въ виду яко-бы своднаго характера кодификаціонной работы Сперанскаго—принято безъ провѣрки считать вполне самобытными, порожденными исключительно своеобразными условіями русской жизни и потому скрѣпленными съ нею нерушимыми узами. Эта предполагаемая связь служить помѣхой всякому широкому преобразовательному движенію, и мысль о составленіи новаго гражданскаго уложенія рискуетъ не найти осуществленія, если не будетъ предварительно продѣлана критическая работа, которая покажетъ, что тѣ самыя начала, отъ которыхъ мы не желаемъ отказаться лишь по той причинѣ, что считаемъ ихъ своими,—на самомъ дѣлѣ, не только не наши, но и заимствованы нами неумѣло, механически, изъ вторыхъ рукъ.

Такую работу—надъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ отдѣловъ гражданскаго законодательства—умѣло исполнилъ авторъ. Ему удалось показать, что ссылки на старыя узаконенія, изъ которыхъ Сперанскій долженъ былъ черпать законодательныя формулы, на самомъ дѣлѣ, сдѣланы безъ всякой связи съ дѣйствительнымъ содержаніемъ новыхъ законовъ; вмѣсто этихъ ложно указанныхъ источниковъ онъ находитъ настоящіе источники нашихъ законовъ—въ курсѣ французскаго юриста Потье, въ римскихъ Дигестахъ, въ австрійскомъ

законодательствѣ, въ кодексѣ Наполеона. Еще болѣе любопытными, чѣмъ прямыя заимствованія, оказываются заимствованія косвенныя,—проведенныя Сперанскимъ во время составленія Свода чрезъ санкцію законодательной власти, внесенныя затѣмъ въ Полное Собраніе Законовъ и оттуда уже перенесенныя въ Сводъ въ качествѣ самобытныхъ продуктовъ отечественнаго юридическаго творчества,—по обличью народнаго, а по существу—канцелярскаго.

Въ характеристику Сперанскаго эта критика его труда вноситъ новое воззрѣніе, отвергающее мнѣніе его біографа, видѣвшаго въ исторіи взглядовъ Сперанскаго крутой поворотъ во второй половинѣ его жизни. Новый Сперанскій, Сперанскій 1826 года, отрешившійся отъ былого западничества и прильпившійся къ народнымъ началамъ—фикція, совадавшая подѣ давленіемъ идеи о самобытности Свода Законовъ и падающая вмѣстѣ съ послѣдней. Тяжелая судьба измѣнила въ Сперанскомъ не образъ мыслей, а образъ дѣйствій—и сравненіе между его оффиціальными сообщеніями и конфиденціальными инструкціями, составленными имъ въ руководство для непосредственно ему подчиненныхъ исполнителей, даетъ довольно неожиданные результаты.

Намъ кажется, что дальнѣйшія работы въ томъ же направленіи могли бы быть столь же плодотворны, содержательны и интересны.

С. Шумаковъ. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. М. 1895. Ц. 2 р.

Важный моментъ въ исторіи развитія русскаго права, представляемый введеніемъ въ XVI вѣкѣ въ московскомъ государствѣ губныхъ и земскихъ учреждений, остается до сихъ поръ сравнительно мало изслѣдованнымъ въ нашей научной литературѣ. Правда, общій смыслъ и значеніе этихъ учреждений вынесены уже настолькоъ, что по поводу ихъ врядъ-ли могутъ возникать серьезныя сомнѣнія; но многіе частные вопросы, относящіеся какъ къ исторіи данныхъ учреждений, такъ и къ связаннымъ съ ихъ появленіемъ измѣненіямъ въ области московскаго права, остаются еще довольно темными, и въ виду этого нельзя не привѣтствовать новой попытки ихъ разъясненія въ книгѣ г. Шумакова. Она распадается на двѣ части: во второй помѣщены сводные тексты губныхъ, земскихъ уставныхъ и земскихъ судебныхъ грамотъ, первая же часть заключаетъ въ себѣ собственное изслѣдованіе этихъ памятниковъ, охватывающее притомъ какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю ихъ исторію. Сводные тексты грамотъ составлены

авторомъ съ большою тщательностью, причемъ въ приложенияхъ онъ помѣщаетъ аналогичныя статьи изъ другихъ памятниковъ права московской эпохи (Царскаго судебника, Уставной книги, Разбойнаго приказа и Уложенія царя Алексѣя). Что касается самаго изслѣдованія, то на немъ довольно сильно отразилась неопытность начинающаго автора (г. Шумаковъ переработалъ свою книгу изъ студенческаго сочиненія, представленнаго на конкурсъ юридическаго факультета петербургскаго университета въ 1892 г.). Менѣе замѣтна она въ первой главѣ изслѣдованія, въ которой авторъ, обстоятельно разобравъ литературу предмета *), устанавливаетъ классификацію грамотъ вообще, и въ частности губныхъ и земскихъ, даетъ описаніе послѣднихъ и пересказываетъ факты выѣшней ихъ исторіи. Здѣсь можно отмѣтить чрезмѣрную склонность автора къ гипотезамъ. По вопросу о происхожденіи губныхъ учреждений онъ очень рѣшительно высказываетъ мало обоснованное предположеніе о заимствованіи ихъ Москвою изъ Новгорода и Пскова. Еще болѣе гадательности въ изображеніи г. Шумаковымъ исторіи земскихъ учреждений. Основываясь на томъ фактѣ, что при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ мы не знаемъ подтвержденія земскихъ грамотъ, а отъ времени ц. Бориса имѣется одно такое подтвержденіе, онъ строитъ весьма шаткую схему развитія земскихъ учреждений; согласно этой схемѣ, до 1556 г. они составляютъ исключеніе, съ 1556 г.—правило, при Ѳеодорѣ наступаетъ „время наибольшаго разцвѣта и силы“ ихъ, а „при Борисѣ начинается уже эпоха упадка“: „въ воздухѣ носилось уже сознаніе несостоятельности земскихъ учреждений“—и потому имъ понадобились новыя частныя подтвержденія (31). Вторая глава, въ которой авторъ излагаетъ организацію губныхъ и земскихъ учреждений и рассматриваетъ перемѣны, произведенныя учреждавшими ихъ грамотами въ русскомъ правѣ, уже менѣе удовлетворительна. Самый пересказ постановленій грамотъ и сопоставленіе ихъ съ предшествовавшими и послѣдовавшими законодательными актами въ общемъ можно назвать удачными, хотя порою и можно было бы пожелать въ изложеніи автора, по меньшей мѣрѣ, болѣе точности. Такъ, говоря о губныхъ округахъ, образованныхъ изъ частной вотчины, г. Шумаковъ утверждаетъ, что въ нихъ выборы производились „только сошными людьми и изъ ихъ среды“ (43). Последняго постановленія нѣтъ въ

* За однимъ исключеніемъ: автору осталась неизвѣстна книга Ѳ. Висоцкаго «Уставныя, судныя и губныя грамоты». Спб. 1860 Такъ какъ авторъ говоритъ, что не нашелъ этой книги въ нѣсколькихъ петербургскихъ и московскихъ библиотекахъ и безуспѣшно обращался за указаніями насчетъ ея къ нѣкоторымъ профессорамъ-юристамъ, то мы позволимъ себѣ указать, что книга Висоцкаго имѣется въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

грамотахъ, и ему противорѣчать факты, извѣстные самому автору. Перечисляя наказанія, грозившія губнымъ властямъ за злоупотребленія, авторъ забываетъ упомянуть опалу и ссылку (45). Но важнѣе такихъ мелкихъ неточностей, не особенно къ тому же многочисленныхъ, представляется намъ ошибка, допущенная авторомъ въ самой постановкѣ изслѣдованія и отразившаяся на всемъ изложеніи этой части его труда. Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ требованій для правильной постановки спеціальнаго изслѣдованія является соблюденіе надлежащаго соотношенія между добытыми этимъ изслѣдованіемъ результатами и общими положеніями науки; и едва-ли не самый сильный соблазнъ для начинающихъ изслѣдователей заключается въ нарушеніи такого соотношенія, путемъ-ли игнорированія имѣющихся уже положеній или путемъ чрезмѣрнаго расширенія своихъ частныхъ выводовъ безъ соотвѣтствующаго расширенія сферы наблюденій. Г. Шумаковъ не успѣлъ избѣжать этого соблазна и, не ограничиваясь своею спеціальною темой, ввелъ въ свое изложеніе цѣлый рядъ мало обработанныхъ экскурсовъ въ область древняго русскаго права, благодаря чему изслѣдованіе оказалось загромажденнымъ значительнымъ количествомъ лишняго балласта и весьма рискованныхъ подчасъ обобщеній. Ограничимся немногими указаніями. По мнѣнію автора, введеніемъ земскихъ извъ въ XVI в. „лишь санкціонируются и упорядочиваются прежнія народныя учрежденія“ (40), такъ какъ и въ домосковскій періодъ „все дѣйствительное мѣстное управленіе находилось въ рукахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія“ (39); въ доказательство послѣдняго утвержденія авторъ ссылается на 33 статью договора 1229 г., но эта статья говоритъ только объ участіи на судѣ „добрыхъ людей“. По другому утвержденію автора, въ XVI в. „земля платила кормленщикамъ всевозможными репрессаліями“ (46); опять приходится недоумѣвать, какіе источники, бывшіе въ распоряженіи г. Шумакова, навели его на эту мысль. Свидѣтельство Никоновской лѣтописи объ искахъ населенія на намѣстниковъ и даже объ убійствѣ ихъ людей врядъ-ли даетъ еще возможность говорить о жестокихъ репрессаліяхъ. Вообще, еслибы авторъ болѣе усвоилъ себѣ знакомый ему взглядъ, по которому земскія учрежденія XVI в. вытекли не только изъ желаній населенія, но изъ потребностей государства и потому сопровождались принудительной организаціей, онъ, можетъ статься, и отказался бы какъ отъ настойчивыхъ сопоставленій реформъ Грознаго съ старымъ вѣчемъ, такъ и отъ страннаго заявленія, что „дѣятельность Ивана IV предваряетъ реформы XIX в.“ и даже идетъ гораздо дальше ихъ (54). Подобнымъ образомъ, говоря объ измѣненіяхъ, произведенныхъ земскими

грамотами въ сферѣ финансоваго права, авторъ предпосылаетъ изложенію этихъ измѣненій очеркъ исторіи русской податной системы, по его собственнымъ словамъ, „недостаточно обработанный“ (55); мы же прибавимъ,—и полный серьезныхъ ошибокъ, вродѣ того, что въ XVI—XVII вв. „окончательно утвердилась въ качествѣ всеобщей платежной единицы платежная способность каждаго“ (61). Не менѣе смѣлыя утверждения позволяютъ себѣ авторъ и въ области уголовного права, утверждая, напр., что еще въ эпоху Царскаго судейника „вся уголовная сфера была предоставлена народной совѣсти“, и что въ XVI в. „господствуетъ древній матеріальный взглядъ“ на преступленіе (74). Нѣкоторыя же оригинальныя объясненія автора изложены такъ запутанно, что ихъ трудно и понять; таково объясненіе значенія полицнаго (80). Цѣнное, но сравнительно скромное, самостоятельное изслѣдованіе г. Шумакова, къ сожалѣнію, въ немалой мѣрѣ затеривается среди подобныхъ легковѣсныхъ обобщеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ въ погонѣ за ними оставляетъ безъ достаточной разработки нѣкоторые пункты своей темы, довольствуясь категорическими, но мало, или и совсѣмъ не мотивированными утвержденіями. Таковы его объясненія недолговѣчности губныхъ и земскихъ учреждений, врядъ-ли могущія быть вполне принятыми.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что доходъ отъ распродажи книги г. Шумакова предназначенъ авторомъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ петербургскаго университета.

Психологія характера. Фр. Полана. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Авторъ этой книги—одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ французскихъ психологовъ, главный трудъ котораго „*Activité mentale et les Eléments de l'Esprit*“ пользуется широкою извѣстностью. „Психологія характера“ (въ подлинникѣ *Les Caractères*) является какъ-бы продолженіемъ названнаго сочиненія, или, лучше сказать, *приможениемъ* отвлеченныхъ принциповъ психологіи автора къ болѣе конкретному вопросу о характерахъ.

Характеръ человѣка есть явленіе до такой степени сложное, что, конечно, никто не станетъ утверждать, будто возможна однолинейная классификація характеровъ. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ, какъ велико число категорій, по которымъ можно расклассифицировать все безконечное разнообразіе человѣческихъ характеровъ? „Конечно, говоритъ авторъ (стр. 1), каждому изъ насъ случалось слышать, какъ знакомый оцѣниваетъ характеръ третьяго лица. Выраженія, которыми онъ пользуется, могутъ быть весьма различны, но замѣтимъ на первый разъ, что указываемыя ими достоинства

или недостатки не могут всё принадлежать къ одной категоріи, что они иногда не похожи другъ на друга и не противоположны, а показываютъ намъ даннаго индивида или разныхъ индивидовъ въ совершенно разнородномъ освѣщеніи. Такъ, напримѣръ, говорятъ о человѣкѣ, что онъ непослѣдователенъ или капризенъ; о другомъ — что онъ лакомка, о третьемъ — что у него мягкій или подвижный характеръ, о четвертомъ — что онъ впечатлителенъ. Это, какъ видите, не только четыре различныхъ сужденія, но и четыре различныхъ вида опредѣленія характера“.

Изученіе составныхъ элементовъ характера приводитъ автора къ системѣ четверной классификаціи; согласно автору, характеры могутъ быть оцѣниваемы: по связанности стремленій, по широтѣ стремленій, по энергіи стремленій и по природѣ стремленій.

Разсматривая характеры съ точки зрѣнія большей или меньшей связанности стремленій, „мы, начиная съ уравновѣшенныхъ и цѣльныхъ натуръ и доходя до импульсивныхъ и безсвязныхъ, получаемъ серію разнообразныхъ и достаточно рѣзко очерченныхъ типовъ, хотя и находящихся въ столь близкой связи, что невозможно провести между ними строгой границы“ (стр. 56).

Широта и энергія стремленій могутъ быть разсматриваемы вмѣстѣ, какъ элементы мощности характера. Категорія мощности характера включаетъ въ себѣ слѣдующіе элементы: *широту* стремленій, которая „зависитъ отъ числа элементовъ“ (стр. 92); *чистоту* стремленій, которая „является ни чѣмъ инымъ, какъ высочайшею степенью цѣлесообразности, устраняющею всё негармоничное, противорѣчивое элементы“ (стр. 92—93); *силу и устойчивость*, которыя указываютъ на „прочность системы“ (стр. 93); *гибкость*, которая означаетъ „способность къ дальнѣйшему развитію“ (стр. 93); наконецъ, *чувствительность*, которая „предполагаетъ, что систематическая ассоціація совершается быстро“.

Остается еще разсмотрѣть вопросъ о природѣ стремленій, т. е. „типы, обусловливаемые преобладаніемъ или отсутствіемъ того или другого стремленія“. Авторъ даетъ слѣдующую классификацію стремленій (стр. 47):

Стремленія,	органиче- скія	1) отдѣльнаго индивида	потребность въ пищѣ, , въ утоленіи жажды, , въ дыханіи, , въ упражненіи муску- ловъ.
касающіяся		2) рода	половая любовь, пристрастіе къ вкусовымъ ощущеніямъ (лакомство), пристрастіе къ запахамъ, пристрастіе къ цвѣтамъ и формамъ (живопись, скульптура), пристрастіе къ звукамъ (музыка, поэ- зія), пристрастіе къ эмоціямъ, , къ наукамъ, , къ литературѣ, , къ философій.
человѣче- скаго суще- ствованія:	духовныя	чувственныя	
		сердечныя	
		умственныя	
Стремленія, касаю- щіяся отдѣльныхъ индивидовъ:		эгоистичныя	эгоизмъ, честолюбіе, самолюбіе, спѣсь, тщеславіе, гордость, (симпатія, состраданіе.
Стремленія обще- ственныя:		альтруистичныя	крупковщина, семейныя наклонности, патріотизмъ.
		пристрастіе къ социальнымъ группамъ,	политическія страсти, соціальныя страсти.
		пристрастіе къ социальнымъ формамъ,	любовь къ Богу, (мистицизмъ
Стремленія сверх- общественныя:		религіозныя страсти	любовь къ совершенству, любовь къ истинѣ, красотѣ, нравствен- ности, умственный, эстетическій и нравствен- ный мистицизмъ.
		философскія и эстетическія страсти.	

Книга Полаиа весьма полезна для тѣхъ, кто захотѣлъ бы раз-
зобраться въ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ харак-
теровъ и дать истолкованіе конкретнымъ случаямъ проявленія
индивидуальныхъ стремленій. Вопросъ о характерахъ никогда
не былъ предметомъ особенно ревностнаго изученія психоло-
говъ, которые почти совершенно уступили эту область въ
распоряженіе беллетристовъ. Поэтому, несмотря на всѣ до-
стоинства разбираемой нами книги, она далеко и далеко не
даетъ окончательнаго отвѣта, окончательной классификаціи
характеровъ. Главнѣйшимъ недостаткомъ книги мы считаемъ
преобладаніе зоологической точки зрѣнія надъ социологической.
Намъ могутъ, конечно, замѣтить, что при изученіи характера
нужно держаться психологической точки зрѣнія, а не зооло-
гической или социологической. Совершенно вѣрно; но это воз-
раженіе будетъ направлено только противъ нѣсколько пара-
доксальной *формы* нашего замѣчанія, а не противъ самой
нашей мысли. *Стремленіе* есть, конечно, чисто психологическое
явленіе; но есть стремленія, которыя свойственны индивиду,
какъ таковому, и есть стремленія, которыя возникаютъ въ
индивидѣ только волѣдствіе жизни въ обществѣ. Мало того,
общественная жизнь есть такой могучій факторъ, который

играетъ рѣшающую роль въ опредѣленіи характера человѣка. Имѣя дѣло съ человѣкомъ, вы, конечно, прежде всего должны задать себѣ вопросъ о степени его нравственной устойчивости, опросить себя, насколько сильно развито у этого человѣка чувство долга: будетъ ли онъ въ каждомъ случаѣ руководиться только своими животными инстинктами, или же онъ всегда твердо помнить, что онъ имѣетъ право дѣлать и чего дѣлать онъ не имѣетъ нравственного права. Между тѣмъ, просматривая приведенную классификацію стремленій, мы не находимъ тамъ „чувства долга“. Правда, мы находимъ тамъ „любовь къ нравственности“, какъ видъ „философскихъ и эстетическихъ страстей“, но, не говоря уже о томъ, что подобная „любовь къ нравственности“ не есть эквивалентъ чувства долга, мы не можемъ еще не указать и на то, что, по классификаціонной іерархіи автора, эта „любовь къ нравственности“ стоитъ на одной линіи съ „потребностью въ утоленіи жажды“ и съ „потребностью въ дыханіи“. Съ зоологической точки зрѣнія это — необычайный комплиментъ для „любви къ нравственности“; но съ точки зрѣнія социологической это является чрезмѣрнымъ умаленіемъ нравственныхъ элементовъ характера. Подумайте только, вліяетъ ли „потребность въ дыханіи“ хотя малѣйшимъ образомъ на характеръ кого-либо изъ вашихъ знакомыхъ! Рѣшитесь ли вы въ качествѣ характеристики кого-либо изъ нихъ сказать: „это человѣкъ, любящій дышать“?! А сила нравственного чувства даннаго человѣка, конечно, есть самая важная черта его характера.

Этотъ недостатокъ книги мы и имѣли въ виду, говоря, что зоологическая точка зрѣнія преобладаетъ въ ней надъ социологической.

Внушеніе и воспитаніе. Ф. Тома. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Ц. 40 к. Спб. 1896.

Книга эта назначена для воспитателей. Она раздѣлена на двѣ части: 1) теоретическую, въ которой авторъ знакомитъ читателей съ основными психологическими принципами, знаніе которыхъ необходимо для раціональнаго воспитанія, и 2) практическую, въ которой разсматривается приложеніе этихъ принциповъ къ дѣлу воспитанія.

Основное психологическое понятіе, надъ которымъ оперируетъ авторъ, есть внушеніе. Но этимъ терминомъ въ послѣднее время нерѣдко злоупотребляли. Въ то время, какъ прежде подъ словомъ *suggestion* (внушеніе) подразумѣвали только дурныя наущенія (см. „*Dictionnaire de l'academie française*“ и „*Dictionnaire de M. Littré*“), теперь нѣкоторые писатели (какъ, напр., Шмидкунцъ) расширяютъ настолько понятіе внушенія,

что этотъ терминъ покрываетъ у нихъ чуть не всю психическую жизнь. Поэтому авторъ начинаетъ съ опредѣленія понятія внушенія. Въ согласіи съ Вундтомъ и Гюйо, онъ опредѣляетъ внушеніе „какъ сообщеніе намъ убѣжденія, истинные мотивы котораго отъ насъ ускользаютъ и которое съ большею или меньшею силою само по себѣ стремится къ осуществленію“ (стр. 10). Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что внушеніе характеризуется двумя чертами: во-первыхъ, внушенная идея стремится къ осуществленію; во-вторыхъ, „мотивы“ внушеннаго стремленія „отъ насъ ускользаютъ“. Вполнѣ пассивныхъ идей нѣтъ: всякая идея обладаетъ извѣстною долею активности, но эта активность можетъ быть большею или меньшею, смотря по тому, какъ могущественна та система силъ, на которую она должна воздѣйствовать. *При прочихъ равныхъ условіяхъ* активность каждой идеи тѣмъ больше, чѣмъ неустойчивѣе эта система силъ. А вѣдь извѣстно, что дѣтская психическая организація отличается отъ психической организаціи взрослого именно своею неустойчивостью. Другая характерная черта организаціи, легко поддающейся внушенію, а именно, неспособность раскрыть истинные „мотивы“ внушеннаго стремленія, — также присуща дѣтямъ въ гораздо большей степени, чѣмъ взрослымъ. Отсюда понятна та огромная роль, которую внушеніе можетъ играть въ дѣлѣ воспитанія.

Современнымъ воспитателямъ слѣдовало бы постоянно говорить своимъ воспитанникамъ: поступайте такъ, какъ мы вамъ говоримъ, но не поступайте такъ, какъ мы сами поступаемъ. Ребенокъ склоненъ къ подражанію, легко поддается вліянію окружающей среды, однимъ словомъ, имъ легко управлять, ему легко внушать извѣстныя стремленія, но для этого нужно знать, что такое внушеніе и какъ оно вліяетъ на ребенка. Воспитатель долженъ знать не только то, что внушеніе достигается не простымъ совѣтомъ или приказаніемъ имѣть извѣстное стремленіе, а при помощи гораздо болѣе тонкихъ и сложныхъ пріемовъ, — онъ, сверхъ того, долженъ постоянно имѣть въ виду возможность самовнушеній со стороны ребенка, долженъ предвидѣть эти самовнушенія и руководить ими. Основываясь на этомъ, нашъ авторъ совершенно справедливо возстаетъ противъ тѣхъ видовъ наказанія, которыя соединены съ уединеніемъ и бездѣятельностью наказываемаго. Говоря о наказаніяхъ, къ которымъ прибѣгали во Франціи „въ прежнее время“, онъ замѣчаетъ: „Между этими наказаніями, изъ числа которыхъ мы, конечно, устраняемъ наказанія тѣлесныя, какъ осужденныя безповоротно, самымъ тяжкимъ было то, которое уединяло ученика отъ всѣхъ товарищей: его ставили у дверей класса или запирали въ карцеръ... Вдали отъ товарищей и бдительнаго ока учителя,

лѣнивый еще съ большею легкостью предается лѣности, мечтатель—мечтамъ... Что касается карцера, то если онъ еще не исчезъ изъ нашего обихода, поспѣшимъ изгнать его навсегда. Дѣйствительно, сомнительно, чтобы онъ исправилъ хотя одного ученика; напротивъ, несомнѣнно, что онъ испортилъ многихъ" (стр. 51—52). Авторъ предостерегаетъ также противъ чрезмѣрныхъ увѣщаній и напоминаній о проступкахъ. „Вѣдь эти проступки и пороки, говоритъ онъ, именно вслѣдствіе нашихъ увѣщаній и нашей критики получаютъ исключительную важность; призывая на нихъ вниманіе при всякомъ случаѣ и часто безъ всякаго случая, мы заставляемъ дѣтей думать о нихъ сверхъ мѣры, тогда какъ слѣдовало бы скорѣе отвлекать ихъ отъ этого" (стр. 53).

Говоря о внушеніи, авторъ, конечно, не забываетъ и гипнотическаго внушенія, къ которому онъ относится съ должнымъ благоразуміемъ, т. е., осуждая публичныя представленія, осуждая вмѣшательство въ это дѣло не врачей, онъ признаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ полезность врачебнаго воздѣйствія гипноза.

Г. Компаре. Умственное и нравственное развитіе ребенка. Переводъ съ французскаго С. Исаевой и Л. Макухиной. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Въ послѣдніе годы появилось нѣсколько книгъ, описывающихъ умственное и нравственное развитіе ребенка, начиная съ момента его рожденія. Труды Прейера, Перэ (Perez), Сикорскаго и др. пролили не мало новаго свѣта на вопросъ о психическомъ развитіи въ первые годы жизни ребенка.

Компаре задался цѣлью собрать вмѣстѣ добытые результаты, присоединяя къ нимъ свои наблюденія. Его книга, вся состоящая изъ частныхъ и мелкихъ наблюденій, не поддается изложенію въ небольшой библиографической замѣткѣ. Достаточно сказать, что она написана съ полнымъ знаніемъ дѣла и способна навести на полезныя размысленія тѣхъ, кому приходится руководить развитіемъ ребенка.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Т. II. Изданіе I. Юровскаго. Спб. 96. Ц. за 6 томовъ 3 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Бьернстjerne-Бьернсона. Переводъ съ норвежскаго М. В. Лучицкой. Изданіе Ф. А. Югансона. Т. I, III и VI. Кіевъ. 95. Ц. 35 к. за томъ.

Гамлетъ. Трагедія Шекспира. Пер. съ англ. Н. П. Пожевого. Изданіе Ф. А. Югансона. Кіевъ 96. Ц. 15 к.

Разбойники. Трагедія Фр. Шиллера. Пер. съ нѣм. Изданіе Ф. А. Иогансона. Кіевъ 96. Ц. 15 к.

Ея Крейцера соната. Изъ дневника г-жи Пондыминовой. Пер. съ нѣм. М. 8—на. 2-е изданіе Ф. А. Иогансона. Кіевъ 96. Ц. 50 к.

Арсеній Г. Карьера. Повѣсть. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 96. Ц. 1 р.

Валеріанъ Лопатинъ. Обиженная армейская жизнь. Варшава 96. Ц. 25 к.

А. Барановъ. Разказы. 2-я книжка. Изданіе Л. В. Кекина. Вятка. 96.

Сергій Филипповъ. Около жизни и смерти. Разказы и очерки. М. 96. Ц. 1 р.

Васька горнистъ. Разказъ Г. А. Мачтета. Съ 4 рис. М. 96. Ц. 20 к.

Изданія Харьковскаго Общества распространія въ народѣ грамотности. Жидъ. Разказъ Г. А. Мачтета.—Страшная смерть невиннаго человѣка. Быль В. Вересаева.—Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ. Д. П. Миллера.—Карлъ Великій. С. Р. Харьковъ. 96.

Избранныя эпиграммы греческой антологіи. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Спб. 96.

Западно-европейскій эпосъ и средневѣковный романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ О. Петерсонъ и Е. Балабановой. Въ 3-хъ томахъ. Т. I. Романскіе народы. Спб. 96. Ц. 2 р.

Сочиненія Н. А. Добролюбова. Т. III. Изданіе 5-е О. Н. Поповой. Спб. 96. Ц. за четыре тома 7 р.

Шарль Летурно. Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. Пер. съ франц. В. В. Святковскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Р. Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ Н. В. Водовозова. Съ портретомъ. Изданіе Ф. Павленкова («Біографическая бібліотека») Спб. 95. Ц. 25 к.

Чарльзъ Дарвинъ. Истиннѣ. Перев. М. Филиппова. 2-е изданіе журнала «Научное Обзорѣніе». Спб. 96. Ц. 30 к.

Чарльзъ Дарвинъ. Происхожденіе чловѣка и половой подборъ. Книга 1-я. Съ предисловіемъ издателя и статьи Гексли. Съ 8 табл. рисунковъ. Переводъ и изданіе М. Филиппова. Спб. 96. Ц. за двѣ книги 1 р. 20 к.

Сочиненія Гельмгольца. № 2. О физиологическихъ причинахъ музыкальной гармоніи. Съ рис. Изданіе журнала «Научное Обзорѣніе». Спб. 96. Ц. 30 к.

И. П. Бородинъ. Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ. Съ 169 полиптиками. 2-е изданіе журнала «Міръ Божій» Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

І. Рейнке. Приходъ и расходъ въ природѣ. Перев. съ нѣмец. Спб. 96. Ц. 15 к.

Обычное право. Вып. второй. Матеріалы для бібліографіи обыкновеннаго права. Ярославль. 96. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія работва отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Сочиненіе Дж. К. Ингрэма. Пер. съ англ. З. Журавской. Съ дополненіями изъ трудовъ Воллана, Турмана, Рамбо и Лависса, въ переводѣ Н. П. Новобарской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ Цезарей. Сочиненіе Гастона Буассе. Пер. съ франц. Е. В. Дегена. Съ приложеніемъ статьи того же автора «Газета въ Римѣ». пер. Н. П. Новобарской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

П. Миллюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть первая. Изданіе редакціи журнала «Міръ Вошія». Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Е. С. Филимоновъ. Матеріалы по вопросу объ эволюціи земледѣнія. Вып. I и II. Пермь. 96.

А. Ф. гр. фонъ-Изаакъ. Исторія нормановъ въ Сициліи. Перев. съ нѣмец. Н. М. Соколова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 96. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изданіе 4-е. Спб. 96. Ц. 50 к.

Н. Карѣевъ. Мысли объ основахъ нравственности. Изданіе 2-е. Спб. 96. Ц. 40 к.

Основные задачи нравственнаго воспитанія. Кон. Вентцеля. (Изъ журнала «Вѣстникъ воспитанія»). М. 96. Ц. 25 к.

И. П. Деркачевъ. По поводу 35-лѣтія его общественно-педагогической и литературной дѣятельности. М. 96.

Отчетъ отдѣла защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія при Обществѣ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ за 1895 г. Спб. 96.

Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ, принадлежащихъ отдѣлу «Защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія» съ 1 янв. 1895 по 1 янв. 1896 г. Спб. 96.

О желательныхъ дополненіяхъ въ законахъ, касающихся охраны интересовъ малолѣтнихъ. Сообщеніе В. Н. Герарда Общему Собранію членовъ «Отдѣла защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія». Спб. 96.

Отчетъ правленія Одесскаго Славянскаго Общества имени св. Кирилла и Мефодія за 1895 г. Одесса. 96.

Отчетъ дирекціи Херсонской общественной бібліотеки за 1895 г. Херсонъ. 96.

Отчетъ Вологодской бесплатной бібліотеки за 3-й годъ ея существованія. Вологда. 96.

Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 96. Ц. 10 к.

Отчетъ С.-Петербургскаго общества содѣйствія физическому развитію за 1895 г. Спб. 96.

А. Быкова. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ 7-ю рис. и географич. картой. Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой. М. 96. Ц. 50 к.

Отъ Якутска до Аяна. Путевыя наблюденія Я. В. Стефановичъ (Записки Вост. Сиб. Отдѣла Русскаго Географич. Общества). Иркутскъ. 96.

Павелъ Крушеванъ. Что такое Россія? Путевыя замѣтки. М. 96. Ц. 2 р.

В. Ярмонкинъ. Письма изъ деревни. Спб. 96.

Письма деревенскаго хозяина. А. П. Мещерскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 96. Ц. 2 р.

Поволжье, Приуралье и лечебныя степи. Сборникъ рассказовъ, путеводитель. Составилъ Н. Массальскій. Изд. О. Суриныхъ. Сборникъ первый. Спб. 96.

А. А. Кауфманъ. Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губ. Томъ I, въ трехъ частяхъ; омъ II, часть I. Спб. 95—96.

Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1894 г. Спб. 96.

Приложеніе къ отчету департамента неокладныхъ сборовъ за 1894 г. Спб. 96.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1896 г. Вып. I. Подъ редакціей А. К. Голубева. Спб. 96.

Журналы Александровскаго уѣднаго земскаго собранія XXX очередной сессіи. Съ приложеніями. Александровскъ. 95.

Сокращенная записка представителей Нижегородскаго Губернскаго Земства, города Нижняго-Новгорода и Нижегородскаго биржеваго общества о соединеніи Н. - Новгорода рельсовымъ путемъ со строящейся Пермско-Вятскою желѣзною дорогою. Нижній-Новгородъ. 96.

Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1895 г. М. 96.

Испытательная станція въ Вяткѣ. Изданіе Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 96.

Труды V съѣзда агрономовъ Вятскаго губернскаго земства 1895 г. Изданіе Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 96.

Доклады Вятской губернской земской управы и постановленія губернскаго земскаго собранія XXIХ очередной сессіи 1895 г. по народному образованію. Изданіе Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 96

Статистическіе матеріалы о начальнѣхъ народныхъ училищахъ Вятской губ., собранные губернскою земскою управою въ 1895 г. Изданіе Вятскаго губернскаго земства. Вятка. 96.

Данныя къ вопросу о необходимости увеличенія начальнѣхъ народныхъ школъ въ Вятской губ. Вятка. 95.

Ф. С. Потоцкій. Конспектъ римскаго права. Примѣнительно къ программѣ испытаній въ юридической комиссіи. Харьковъ. 96. Ц. 1 р.

Л. Ѳ. Снегиревъ. Судебныя драмы. Маркизъ де-Ново. Послѣдній бандитъ. Добровольный страдалецъ. Дѣло Вабуръ. Пастухъ-диваръ. Сергіевъ посадь. 96. Ц. 60 к.

Эм. Диллонъ и Фр. Гринъ. Положеніе дѣлъ въ турецкой Арменіи и турецкія австрѣта въ Сасунѣ. М. 96. Ц. 25 к.

The Anglo-russian Literary Society. Proceedings February, March and April. 1896.

Le musée social. Fête du travail. Dimanche 3 mai 1896. Paris. 96.

Описаніе дубленія кожъ по новому привилегированному способу X. Г. Ванъ-Гехта и Ш. Обозинскаго. Спб. 96.

Золоченіе и серебрѣніе металлическихъ предметовъ. Съ рис. Составилъ П. Сидоровъ. Спб. 96. Ц. 40 к.

Д-ръ В. Гориневскій. Какъ намъ обуваться? О нормальной обуви, по преимуществу дѣтской. Спб. 96. Ц. 25 к.

Изъ Франціи.

Подобно буколическому Титиру старика Виргилія, я готовъ воскликнуть:

O Melibœe, deus nobis haec otia fecit!..

Да, Мелибей, да, русскій читатель, слѣдящій за Франціей изъ прекраснаго далека, миръ и благополучіе, коими мы теперь наслаждаемся, въ нѣкоторомъ родѣ дары божества!.. Давно-ли надъ нашими головами висѣли грозныя тучи, и гремѣли изъ нихъ страшныя слова: «прогрессивный налогъ», «демократическія реформы», «союзъ истинныхъ республиканцевъ противъ реакціи?» Словно коршуны, носились въ этихъ бурныхъ небесахъ радикальные министры, ища невинныхъ жертвъ своей алчности и кровожадности. И вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, тучи свернулись и укатились за горизонтъ, оставивъ лишь нѣсколько клочковъ разсѣянной бури въ видѣ налога на ренту и пр.; засіяло солнце на лазури, и хищнаго коршуна смѣнила кроткая голубка, несущая во рту масляничную вѣтвь, иначе говоря, Орденъ земледѣлія (*Mérite agricole*), основанный, какъ извѣстно, г. Мелиномъ, теперешнимъ министромъ-президентомъ. и имѣющій зеленый цвѣтъ, цвѣтъ—надежды и упованія... Наконецъ-то мы отдыхаемъ отъ тревоженій.

Но кто же, кто виновникъ—той благодѣтельной переменѣ, кому воспѣвать гимны? Если вѣрить серьезнымъ органамъ, стоящимъ 15 — 20 сантимовъ за номеръ, вмѣсто 5, — а я имъ всегда вѣрю, — то въ значительной степени мы обязаны переменной политики той манифестаціи на скачкахъ, которая якобы прекрасно выразила настоящее настроеніе страны. Остовъ этого приспомятнаго событія таковъ: тому мѣсяца два, незадолго передъ паденіемъ радикальнаго кабинета, президентъ республики явился въ сопровожденіи министровъ на гипподромъ въ Отейль (*Auteuil*) и встрѣченъ былъ изящными господами и дамами, сидѣвшими на двадцати-франковыхъ мѣстахъ, крайне недружелюбно. Господа эти и дамы кричали очень громко «да здравствуетъ Сенатъ!» и тихо—«долой министерство!» И вотъ это героическое поведеніе двадцати-франковыхъ гражданъ имѣло, какъ говорятъ, важныя послѣдствія: президентъ республики созналъ якобы всю глубину той бездны непопулярности, которую онъ вырылъ себѣ, обратившись за составленіемъ кабинета къ Буржуа; радикальное министерство, подъ одобрительными кликами «страны», якобы понурило повинную голову (за исключеніемъ, впрочемъ, неблаговоспитаннаго г. Мезюрера, будто бы сказавшаго: «а наплевать мнѣ на нихъ»—*je m'en f....*); а Сенатъ якобы воспринялъ духомъ и въ скорости свернулъ шею кабинету...

Читая эти соображения, я проникся невольнымъ уваженіемъ къ общественному мнѣнію въ двадцать франковъ, какъ ко всякой силѣ. Оно мнѣ представлялось чѣмъ-то въ родѣ знаменитаго Варвика, «дѣлателя королей» (Kingmaker),—да что Варвика: тотъ низвергалъ лицъ, хотя бы и коронованныхъ; отѣйльскіе рыцари и дамы успѣли повалить принципъ. Пришлось поневолѣ задуматься надъ этимъ особымъ міромъ спортсменовъ, а затѣмъ совершенно естественно перейти и вообще къ вопросу о скачкахъ, которыя въ настоящее время затронули громадную массу парижанъ и провинціаловъ, увлеченную специалистами. Итакъ, отрясая прахъ политики съ ногъ нашихъ, займемъ за франкъ мѣсто въ одномъ изъ громадныхъ открытыхъ съ боковъ омнибусовъ, — съ нѣсколькими параллельными рядами скамеекъ, — запряженныхъ четверкой и устроенныхъ нарочно для скачечныхъ завсегдатаевъ. Таміе омнибусы ожидаютъ публику на такъ называемыхъ «большихъ бульварахъ» правобережнаго Парижа; а на лѣвомъ берегу Сены они обыкновенно стоятъ у пересѣченія Сен-Жерменскаго и Сен-Мишельскаго бульваровъ. Щелкнувъ длинный бичъ возницы, и сильныя лошади несутъ переполненный омнибусъ по улицамъ Парижа, направляясь къ одному изъ многочисленныхъ подгородныхъ гипподромовъ, ну скажемъ, хотя бы къ знаменитому Лоншанскому полю.

Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ мѣсту скачекъ, тѣмъ яснѣе обрисовывается тотъ могучій потокъ, который на всѣ лады и при помощи всевозможныхъ средствъ передвиженія увлекаетъ парижанъ на конное ристалище. Мы то обгоняемъ, то въ свою очередь остаемся позади такихъ же, какъ нашъ, переполненныхъ скачечныхъ омнибусовъ (voitures de courses). А тутъ же несутся изящныя коляски счастливыхъ міра сего, тутъ же катить, насколько можетъ скоро, простой обыватель на извозчикѣ, тутъ же летить, словно стая вспугнутыхъ воробьевъ, цѣлая армія велосипедистовъ, шурша каучуковыми шинами, цыркающая цѣпью и звоня всевозможными колокольчиками своихъ стальныхъ коней. По обѣ стороны дороги извивается по тротуарамъ пестрая змѣя пѣшеходовъ. А тамъ далѣе, на берегу Сены, высаживаются каждую минуту толпы пассажировъ, которыхъ то и дѣло подвозятъ проворные небольшіе пароходы, такъ называемые «bateaux-mouches», снующіе вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Въ воздухѣ стоить стоить отъ криковъ газетчиковъ, предлагающихъ вамъ программу скачекъ и всевозможные спеціальныя органы спорта, — всѣ эти Paris-Sport, Paris-Longchamp, L'écho des courses, La cote des courses, Champ de courses и т. д. — отъ завываній продавцевъ карандашей «для отмѣтки пари», отъ стука въ особую трещотку торговцевъ лимонной воды, подправленной локрицей (сосо, какъ называютъ этотъ напитокъ французы), словомъ отъ тысячеголосаго концерта бѣдноты, которой надо чѣмъ-нибудь жить, и которая пристраивается къ удовлетворенію той или иной общественной потребности...

Вотъ мы и на мѣстѣ. Я не думаю, впрочемъ, описывать картины самыхъ скачекъ, которая изображалась уже столькими крупными артистами кисти и пера (Эмилемъ Золя, Толстымъ, и пр.). Меня интересуетъ и здѣсь, какъ всегда, социальная сторона вопроса. Поэтому я ограничусь лишь самымъ необходимымъ, чтобы читателю, совершенно незнакому съ дѣломъ, были понятны мои послѣдующія разсужденія. Лоншанскій гипподромъ, устроенный какъ и большинство гипподромовъ Франціи, находится въ сѣверо-западной части Булонскаго лѣса. Онъ состоитъ изъ большого поля или «лужайки» (pelouse), какъ говорится здѣсь, которую оббѣгаютъ три отчасти совпадающихъ, отчасти концентрическихъ эллипса (длиною въ 2900, 2400 и 1900 метровъ), обнесенныхъ двумя рядами столбовъ и образующихъ мѣсто для самыхъ скачекъ. На лужайку и идетъ громадное большинство публики: за входъ платится 1 франкъ (на другихъ гипподромахъ за лужайку цѣна 3 франка). Но кромѣ этихъ демократическихъ посѣтителей, для которыхъ нѣтъ никакихъ приспособленій, ни скамеекъ, ни чего другого, и большинство которыхъ во время многочисленныхъ скачекъ видитъ развѣ затылки зрителей въ переднихъ рядахъ, гипподромъ посѣщается и отборной публикой. Эта публика отправляется въ такъ называемый «пезажъ» (pesage), который получилъ свое названіе отъ того, что здѣсь находится особое помѣщеніе для взвѣшиванія жокеевъ до и послѣ скачекъ, а въ настоящее время обозначаетъ просто-на-просто привилегированныя мѣста, за которыя мужчины платятъ по 20 фр., женщины и дѣти по 10 фр. Представьте себѣ рядъ легкихъ, деревянныхъ, довольно изящныхъ павильоновъ, которые возвышаются съ вѣшной стороны гипподрома и состоятъ изъ поднимающихся амфитеатромъ сидѣній (около 5000 мѣстъ), тогда какъ между этими павильонами и мѣстомъ скачекъ заключается нѣчто въ родѣ земляного партера, гдѣ стоятъ стулья. Павильоны носятъ названіе трибунъ, и трибунъ этихъ нѣсколько: офиціальная, гдѣ находится ложа Президента республики, и мѣста для разныхъ должностныхъ лицъ; трибуна собственниковъ лошадей; трибуна прессы; собственно такъ называемая трибуна пезажа. На самомъ краю, въ наибольшемъ удаленіи отъ пезажа возвышаются трибуны за пять франковъ, которыя занимаетъ публика чище посѣтителей демократической лужайки, но не дошедшая еще до послѣдняго слова изящества и шика, царящихъ въ пезажѣ.

Посмотримъ на типы этихъ различныхъ міровъ спорта, которые, конечно, какъ все на свѣтѣ, соединены между собою незамѣтными переходами. Общая характеристика посѣтителей пезажа заключается, по моему, въ двухъ очень мѣткихъ словахъ, которыя нечаянно обронилъ въ одной изъ своихъ рѣчей бурноопламенный шовинистъ Дерулэдъ: «интернаціоналъ жуировъ» (l'internationale des jouisseurs)! Да, читатель, это именно та группа людей, которая полагаетъ цѣль жизни въ безпутномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ идиотски-монотонномъ прожиганіи ея,—

Читая эти соображенія, я проникся невольнымъ общественному мнѣнію въ двадцать франковъ, какъ и Оно мнѣ представлялось чѣмъ-то въ родѣ знаменитѣйшаго «дѣлателя королей» (Kingmaker),—да что Варваръ, лица, хотя бы и коронованныхъ; отѣйльскіе принципы. Пришлось поневолѣ особымъ міромъ спортсменовъ, а затѣмъ перейти и вообще къ вопросу о скачкахъ, время затронули громадную массу привлеченную специалистами. Итакъ, ногъ нашихъ, займемъ за франкъ ныхъ открытыхъ съ боковъ omnibus-ными рядами скамеекъ, — зарныхъ нарочно для скачечныхъ жидаютъ публику на такъ на правобережнаго Парижа; а не стоять у пересѣченія Сен-варовъ. Щелкнувъ длинныя, суть переполненный онъ къ одному изъ многихъ скажемъ, хотя бы къ

Чѣмъ болѣе мѣ обрисовывается д помощи всевозмо на конное рисовади такихъ бусовъ (voiturettes) счастливы простой нутыхъ выми кам по магазинамъ пассажа Жибувнъ, или подъ липами и Старого парка, или наконецъ въ Интернаціональномъ. А тутъ и июль на дворѣ. Куда направить стопы? Куда же какъ не на берегъ моря, и не для того, чтобы отдохнуть отъ адскаго кипѣнья въ парижскомъ котлѣ и запасться силами для новой борьбы за существованіе,—этимъ господамъ уставать не отъ чего,—а для того, чтобы встрѣтиться тамъ съ своими собратами по шалопайству и порхать изъ казино въ казино, изъ театра въ театр. Вотъ они на берегу Нормандіи, въ одномъ изъ первоклассныхъ отелей шумнаго Трувиля или въ какой-нибудь фешіонабельной виллѣ сосѣдняго еще болѣе аристократическаго Довиля, тихія улицы котораго оживляются лишь на время знаменитыхъ августовскихъ скачекъ. Вотъ они въ приморской Бретани, въ очаровательномъ Динарѣ, природа котораго ихъ занимаетъ, впрочемъ, гораздо ме-

Благо, наследье богатыхъ отцовъ

Освободило отъ малыхъ трудовъ,—

и которая въ гонѣхъ за наслажденіемъ вырабатываетъ особый кодексъ международнаго шалопайства, стирающій всякія различія происхожденія, національности, вѣрованій и убѣжденій. Дѣйствительно, не обращайтесь вниманія на внѣшній очень тонкій слой культурной позолоты, который покрываетъ этихъ господъ: они наружнымъ образомъ соблюдаютъ обычаи и традиціи своей страны, ходятъ въ соответствующія церкви, высказываютъ даже что-то въ родѣ патріотическихкихъ соображеній, распространяясь одинъ о цивилизирующемъ значеніи капральства (нѣмецъ), другой о великой миссіи націи—свѣточа (французъ), третій о правѣ насаждать ружьемъ и кнутомъ культуру среди низшихъ расъ (англичанинъ), четвертый объ особыхъ заветѣхъ Восточной Европы (русскій). Но все это не идетъ въ глубь: они вамъ всѣ эти «миссіи» и «заветы» уступать съ величайшей готовностью за возможность сорвать крупный кушъ въ клубѣ или соблазнить бѣлокурую баронессу. Перелетныя птицы безъ духовнаго общенія со своей страной, но и безъ малѣйшаго пониманія общечеловѣческихъ вопросовъ,—они обратили всю Европу, а особенно Францію въ огромный каравансарай, гдѣ они кочуютъ изъ угла въ уголъ, сообразно временамъ года и характеру развлеченій, которыя въ каждый данный моментъ ждутъ ихъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ теперь они, напр., въ Парижѣ. Но въ тотъ моментъ, когда вы будете читать эти строки, пронесутся уже двѣ знаменитыхъ недели самыхъ главныхъ скачекъ, которыя начинаются на гипподромѣ Шантильи, а кончаются въ Лоншанѣ большимъ парижскимъ призомъ (Grand Prix de Paris), и «интернаціональ жуировъ» оставитъ берега Сены. Путь этихъ изящныхъ представителей челоѣчества лежитъ теперь, согласно классическому росписанію ихъ шатанья, въ одинъ изъ людныхъ курортовъ на воды, главнымъ образомъ въ Виши. Тамъ будутъ они прогуливать свой полный кошелекъ и пустую голову по магазинамъ пассажа Жибуэнъ, или подъ липами и каштанами Старога парка, или наконецъ въ Интернаціональномъ клубѣ. А тутъ и іюль на дворѣ. Куда направить стопы? Куда же какъ не на берегъ моря, и не для того, чтобы отдохнуть отъ адскаго кипѣнья въ парижскомъ котлѣ и запасть силами для новой борьбы за существованіе,—этимъ господамъ устать не отъ чего,—а для того, чтобы встрѣтиться тамъ съ своими собратьями по шалопайству и порхать изъ казино въ казино, изъ театра въ театръ. Вотъ они на берегу Нормандіи, въ одномъ изъ первоклассныхъ отелей шумнаго Трувиля или въ какой-нибудь фешіонабельной виллѣ сосѣдняго еще болѣе аристократическаго Довиля, тихія улицы котораго оживляются лишь на время знаменитыхъ августовскихъ скачекъ. Вотъ они въ приморской Бретани, въ очаровательномъ Динарѣ, природа котораго ихъ занимаетъ, впрочемъ, гораздо ме-

нѣе, чѣмъ недавно устроенная здѣсь, на англійскій манеръ, игра въ гольфъ (golf, нѣчто въ родѣ нашей лапты, но занимающая огромное пространство и требующая цѣлой массы приспособленій и игроковъ), или гонка судовъ, такъ называемыя регаты (régates). Смотришь, прошелъ августъ, вотъ и начало сентября, вотъ и «открытіе» охоты: новыя декораціи и новыя забавы! Снялись наши Лотофаги съ берега моря и полетѣли внутрь страны, разсыпаясь по своимъ или чужимъ замкамъ, ибо это время взаимныхъ приглашеній, пикниковъ, сбора винограда, деревенскихъ праздниковъ, охоты въ заповѣдныхъ паркахъ и ландахъ съ лягавыми и гончими, которыхъ въ день Св. Губерта, покровителя охотниковъ, (3-го ноября нов. стиля) кропать для здоровья и рѣзвости святой водой, какъ кропили ихъ средневѣковые феодалы... Конѣцъ ноября, обнажились лѣса, рѣже заглядываетъ солнце въ замокъ и садъ... Пора въ Парижъ! Театры, клубы, обѣды и балы,—актеры все тѣ же, только сцена измѣнилась. Настали праздники—прошли праздники: съ новымъ годомъ, съ старымъ и вѣчно-юнымъ шалопайствомъ! Что-жъ теперь дѣлать въ Парижѣ? И маршъ курьерскимъ поѣздомъ на побережье, или, какъ оно называется здѣсь, «карнизъ» (cogniche) Средиземнаго моря: въ Каннъ, Ниццу, Ментону. Съ декабря, а особенно съ января и по концѣ марта или по апрѣль, среди всѣхъ этихъ розъ и алоэ, пальмъ и австралійскихъ эвкалиптовъ кипитъ и сверкаетъ какъ будто и разнообразная, а въ сущности убогая идеями и монотонная жизнь свѣтскихъ и полусвѣтскихъ созданій, достойныхъ соперниковъ всѣхъ этихъ окружающихъ ихъ растений и цвѣтовъ, которые тоже, какъ извѣстно, «не работаютъ и не прядутъ, а одѣты лучше Соломона во всемъ его великолѣпіи». Вечера въ Казино, театральныя представленія, балы, скачки, гонки судовъ (не говоря уже о постоянной рулеткѣ и trente-et-quarante) слѣдуютъ непрерывной чередой и достойно завершаются на исходѣ сезона карнаваломъ. Въ апрѣлѣ центръ «дѣятельности» переносится въ Парижъ, гдѣ лишь только заселяютъ первые каштаны въ Вудонскомъ лѣсу, какъ знаменитая аллея Акацій становится сборнымъ пунктомъ изящныхъ кавалеровъ и дамъ. Черезъ два съ половиной мѣсяца перелетныя птицы снова снялись съ мѣста, и мы возвращаемся къ круговороту этого своеобразнаго, наполненнаго хлопотливимъ бездѣльемъ года...

Полюбуйтесь же на нихъ, читатель, на этихъ великолѣпныхъ господъ пейзажа, на владѣльцевъ лошадей и прихлебателей владѣльцевъ; на этихъ изящныхъ дамъ свѣта и полусвѣта. Къ нимъ угамъ бойкое перо свѣтскаго хроникера, описывающаго ихъ вѣщность, обстановку, подвиги съ умиленіемъ и усердіемъ придворнаго исторіографа. Разверните любую газету на слѣдующій день главныхъ скачекъ, которыя привлекаютъ болѣе 400 т. народа на

Благо, наследье богатыхъ отцовъ

Освободило отъ малыхъ трудовъ,—

и которая въ гонѣхъ за наслажденіемъ вырабатываетъ особый кодексъ международнаго шалопахства, стирающій всякія различія происхожденія, національности, вѣрованій и убѣжденій. Дѣйствительно, не обращайте вниманія на внѣшній очень тонкій слой культурной поволоки, который покрываетъ этихъ господъ: они наружнымъ образомъ соблюдаютъ обычаи и традиціи своей страны, ходятъ въ соответствующія церкви, высказываютъ даже что-то въ родѣ патріотическихъ соображеній, распространяясь одинъ о цивилизирующемъ значеніи капральства (нѣмецъ), другой о великой миссіи націи—свѣточа (французъ), третій о правѣ насаждать ружьемъ и кнутомъ культуру среди низшихъ расъ (англичанинъ), четвертый объ особыхъ заботахъ Восточной Европы (русскій). Но все это не идетъ въ глубь: они вамъ всѣ эти «миссіи» и «заботы» уступаютъ съ величайшей готовностью за возможность сорвать крупный кушъ въ клубѣ или соблазнить бѣлокурую баронессу. Перелетныя птицы безъ духовнаго общенія со своей страной, но и безъ малѣйшаго пониманія общечеловѣческихъ вопросовъ,—они обратили всю Европу, а особенно Францію въ огромный каравансарай, гдѣ они кочуютъ изъ угла въ уголъ, сообразно временамъ года и характеру развлеченій, которыя въ каждый данный моментъ ждутъ ихъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ теперь они, напр., въ Парижѣ. Но въ тотъ моментъ, когда вы будете читать эти строки, пронесутся уже двѣ знаменитыхъ недѣли самыхъ главныхъ скачекъ, которыя начинаются на гипподромѣ Шантильи, а кончаются въ Лоншанѣ большимъ парижскимъ призомъ (Grand Prix de Paris), и «интернаціональ жуировъ» оставитъ берега Сены. Путь этихъ изящныхъ представителей челоуѣчества лежитъ теперь, согласно классическому описанію ихъ шатанья, въ одинъ изъ людныхъ курортовъ на воды, главнымъ образомъ въ Виши. Тамъ будутъ они прогуливать свой полный кошелекъ и пустую голову по магазинамъ пассажа Жибуенъ, или подъ липами и каштанами Стараго парка, или наконецъ въ Интернаціональномъ клубѣ. А тутъ и іюль на дворѣ. Куда направить стопы? Куда же какъ не на берегъ моря, и не для того, чтобы отдохнуть отъ адскаго кипѣнья въ парижскомъ котлѣ и запастись силами для новой борьбы за существованіе,—этимъ господамъ устывать не отъ чего,—а для того, чтобы встрѣтиться тамъ съ своими собратами по шалопахству и порхать изъ казино въ казино, изъ театра въ театръ. Вотъ они на берегу Нормандіи, въ одномъ изъ первоклассныхъ отелей шумнаго Трувиля или въ какой-нибудь фешіонабельной виллѣ сосѣдняго еще болѣе аристократическаго Довиля, тѣхія улицы котораго оживляются лишь на время знаменитыхъ августовскихъ скачекъ. Вотъ они въ приморской Бретани, въ очаровательномъ Динарѣ, природа котораго ихъ занимаетъ, впрочемъ, гораздо ме-

нѣе, чѣмъ недавно устроенная здѣсь, на англійскій манеръ, игра въ гольфъ (golf, нѣчто въ родѣ нашей лапты, но занимающая огромное пространство и требующая цѣлой массы приспособленій и игроковъ), или гонка судовъ, такъ называемыя регаты (régates). Смотришь, прошелъ августъ, вотъ и начало сентября, вотъ и «открытіе» охоты: новыя декораціи и новыя забавы! Снялись наши Лотофаги съ берега моря и полетѣли внутрь страны, разсыпаясь по своимъ или чужимъ замкамъ, ибо это время взаимныхъ приглашеній, пикниковъ, сбора винограда, деревенскихъ праздниковъ, охоты въ заповѣдныхъ паркахъ и ландахъ съ лагавыми и гончими, которыхъ въ день Св. Губерта, покровителя охотниковъ, (3-го ноября нов. стиля) кропать для здоровья и рѣзвости святой водой, какъ кропили ихъ средневѣковые феодалы... Конецъ ноября, обнажились лѣса, рѣже заглядываетъ солнце въ замокъ и садъ... Пора въ Парижъ! Театры, клубы, обѣды и балы,—актеры все тѣ же, только сцена измѣнилась. Настали праздники—прошли праздники: съ новымъ годомъ, съ старымъ и вѣчно-юнымъ шаполайствомъ! Что-жъ теперь дѣлать въ Парижѣ? И маршъ курьерскимъ поѣздомъ на побережье, или, какъ оно называется здѣсь, «карнизъ» (cogniche) Средиземнаго моря: въ Каннъ, Ниццу, Ментону. Съ декабря, а особенно съ января и по конецъ марта или по апрѣль, среди всѣхъ этихъ розъ и аловъ, пальмъ и австралійскихъ эвкалиптовъ кипитъ и сверкаетъ какъ будто и разнообразная, а въ сущности убогая идеями и монотонная жизнь свѣтскихъ и полусвѣтскихъ созданій, достойныхъ соперниковъ всѣхъ этихъ окружающихъ ихъ растений и цвѣтовъ, которые тоже, какъ извѣстно, «не работаютъ и не прядутъ, а одѣты лучше Соломона во всемъ его великолѣпіи». Вечера въ Казино, театральныя представленія, балы, скачки, гонки судовъ (не говоря уже о постоянной рулеткѣ и trente-et-quarante) слѣдуютъ непрерывной чередой и достойно завершаются на исходѣ сезона карнаваломъ. Въ апрѣлѣ центръ «дѣятельности» переносится въ Парижъ, гдѣ лишь только зазеленѣютъ первыя каштаны въ Вулонскомъ лѣсу, какъ знаменитая аллея Акацій становится сборнымъ пунктомъ изящныхъ кавалеровъ и дамъ. Черезъ два съ половиной мѣсяца перелетныя птицы снова снялись съ мѣста, и мы возвращаемся къ круговороту этого своеобразнаго, наполненнаго хлопотливымъ бездѣльемъ года...

Полюбуйтесь же на нихъ, читатель, на этихъ великолѣпныхъ господъ пейзажа, на владѣльцевъ лошадей и прихлебателей владѣльцевъ; на этихъ изящныхъ дамъ свѣта и полусвѣта. Къ ихъ услугамъ бойкое перо свѣтскаго хроникера, описывающаго ихъ внѣшность, обстановку, подвиги съ умиленіемъ и усердіемъ придворнаго исторіографа. Разверните любую газету на слѣдующій день главныхъ скачекъ, которыя привлекаютъ болѣе 400 т. народа на

гипподромъ: съ какимъ пафосомъ и знаніемъ дѣла будутъ изображены не только перипетіи скачекъ, но экипажи и наряды дамъ! И какъ даже проливной дождь не остановить изобразительнаго таланта репортера: вмѣсто великолѣпныхъ платьевъ и шляпокъ, онъ опишетъ вамъ покрой и цвѣтъ плащей и... чулокъ, выглядывающихъ изъ-подъ подобранныхъ по случаю ненастной погоды юбокъ. Вы меня останавливаете, читатель, полагая, что я нарочно хватилъ черезъ край. Послушайте, однако, что писалъ хроникеръ спорта въ «Фигаро» на другой день страшнаго венастья, ознаменовавшаго скачки на большой парижскій призъ въ 1886 г.: «Между наиболѣе удачными каучуковыми плащами упомянемъ плащъ gris-perle маркизы П., приподнятый надъ прелестными ажурными чулочками чернаго цвѣта; отливающій разными оттѣнками плащъ виконтесы Р., прикрывающій чулки небезно-голубого цвѣта; полосатый плащъ герцогини Т., изъ-подъ котораго смѣло выглядываютъ чулки абрикосоваго цвѣта! Чулки и плащи, плащи и чулки, таковы были единственные эффекты туалета, которые могло позволить себѣ на этотъ разъ женское кокетство».

Но оставимъ наряды въ сторонѣ и посмотримъ на тѣхъ лицъ, которыя являются руководителями спорта. Галерея этихъ портретовъ хоть куда: это по большей части члены такъ называемаго Клуба Жокеевъ (Jockey-Club), одного изъ самыхъ аристократическихъ клубовъ Франціи, основаннаго подъ этимъ англійскимъ названіемъ въ 1833 г. Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ знакомиться съ фizioноміей этихъ господъ подъ руководствомъ специальныхъ публицистовъ, о которыхъ я только что упомянулъ. Бытописатели нашихъ героев настолько увѣрены въ важности избраннаго ими сюжета, что прямо обезоруживаютъ васъ своею искренностью и наивностью. Потому рисуемые ими портреты дышатъ неподражаемой прелестью правды,—привилегія произведеній, созданныхъ творческимъ энтузіазмомъ художника! Къ такому ряду живописцевъ принадлежитъ нѣкто А. де Сентъ-Альбэнъ, сотрудничающій въ «Фигаро» подъ псевдонимомъ Роберта Мильтона. Его маленькая, но изящная книжка о «Конскихъ скачкахъ во Франціи» просто незаменима въ этомъ смыслѣ: авторъ не пишетъ, а воспѣваетъ и священнодѣйствуетъ!

Развернемъ же эту новую Илиаду и насладимся видомъ современныхъ Ахилловъ и Діомедовъ. Вотъ выступаетъ знаменитый принцъ Саганъ (Sagan): «Принцъ-регентъ Общества скачекъ съ препятствіями — консерваторъ, живущій на широкую ногу. Онъ идетъ прямо впередъ, не обращая вниманія на преходящее министерство, не заботясь ни о политическихъ, ни о финансовыхъ кризисахъ. Онъ пускаетъ въ ходъ роскошь изъ-за патріотизма, чтобы иностранцы постоянно находили во Франціи запасъ неистощимаго веселья. Главная квартира принца — въ маленькомъ клубѣ. Онъ занимаетъ, въ самомъ же зданіи, великолѣпные апартаменты, кото-

рые выходятъ окнами на площадь Согласія. Отъ него прекрасный видъ на палату депутатовъ. Можно подумать, что благодаря этому сосѣдству принцъ Саганъ получилъ отъ правительства, какъ видно хитраго на этотъ разъ, секретную миссію образовывать родъ настоящаго двора, очень полезнаго для нашей страны, которая не можетъ жить, не сохраняя своихъ традицій веселья и элегантности. Политика оставляетъ принца совершенно хладнокровнымъ, но спортъ приводитъ его въ энтузіазмъ. Это онъ создалъ Огейль, онъ воскресилъ бѣга въ Круа-де-Берни, онъ изобрѣлъ празднества въ Марли. Онъ сдѣлаетъ все, что захочетъ, гдѣ захочетъ и какъ захочетъ; свѣтъ, настоящий свѣтъ, не требуетъ ничего лучшаго, какъ нестись за его султаномъ. Онъ, говори я, создалъ Огейль, онъ расчистилъ, причесалъ, превратилъ его въ настоящий англійскій паркъ. Одно содержаніе мѣста скачекъ стоитъ не менѣе 40,000 франковъ въ годъ... *).

О, волшебство горячаго убѣжденія, о, слабость человѣческой натуры, выразившаяся въ «законахъ подражанія», открытыхъ ученымъ г. Тардомъ! Чувствую, какъ неотразимою волною вливается въ меня восторгъ передъ доблестнымъ принцемъ и его подвигами, и какъ перо само несется по бумагѣ и заставляетъ руку выписывать похвалу небожителю, которому дѣла нѣтъ до политическихъ и финансовыхъ кризисовъ. Да позволить же мнѣ читатель продолжать эпопею о принцѣ Саганъ съ паэосомъ и во вкусѣ любезнаго мосье Сентъ-Альбана!

«Онъ сдѣлаетъ все, что захочетъ, гдѣ захочетъ и какъ захочетъ!» Правда, тысячу разъ правда! Такъ, не дальше какъ весной прошлаго года онъ захотѣлъ расчистить для одного изъ родовъ спорта мѣсто въ участіи Булонскаго лѣса, арендуемомъ имъ отъ имени клуба — и расчистилъ, хотя это было и противъ контракта, и противъ закона! И какъ расчистилъ: четыреста старыхъ деревьевъ было срублено подъ корень и вывезено при помощи подрядчика; операція продолжалась не одинъ день, но администрація, надзирающая за лѣсомъ, ничего не хотѣла видѣть. Дѣло шло, видите ли, о высшихъ идеальныхъ интересахъ искусства для искусства, игры для игры, къ которымъ не примѣшивалось низменныхъ корыстныхъ элементовъ. Иной разговоръ, когда администрація защищала Булонскій лѣсъ отъ нападенія грубо матеріальныхъ варваровъ, всѣхъ этихъ вдовъ, стариковъ, мальчишекъ, которые не стыдились здѣсь стаянуть засохшую вѣтвь, а тамъ собрать и цѣлую овязку валежника, и для чего? Для того, чтобы бросить какое нибудь лишнее полѣно въ печку лачуги или подъ котелокъ съ картофельнымъ супомъ! И накрывались воры, и составлялись протоколы, и судъ исправительной полиціи неукоснительно пресѣкалъ преступленія, и сами деревья

*) A. de Saint-Albin, *Les courses de chevaux en France*; Paris, 1890, стр. 12—213.

негодующе шептали своими макушками при видѣ глубокой испорченности мародеровъ,—тѣ самыя деревья, которыя съ эстетическимъ трепетомъ наслажденія протигивали свои могучія шеи подъ ударъ княжеской сѣкиры... Потому, вмѣстѣ съ другими благомыслящими гражданами, вмѣстѣ съ серьезной прессой, адвокатурой и тому подобными органами общественнаго мнѣнія, я былъ крайне скандализованъ агитаціей нѣкоего депутата Паскаля Груссе, который осмѣлился предложить дерзкій вопросъ принцу: на какомъ основаніи онъ рубить самовольно городской лѣсъ? Ну, и досталось же любителю законности отъ лицъ, для которыхъ дорога современная цивилизація, «роскошь изъ-за патріотизма» и безкорыстный порывъ спортсмена! «А вы спрашиваете, кто далъ право принцу рубить лѣсъ? А кто далъ вамъ, г. Груссе, право жечь Парижъ?» Точно ли Груссе былъ прикосновененъ къ парижскому пожару, а если былъ, то какое это имѣло отношеніе къ рубкѣ лѣса, — надъ этимъ я, признаться, не задумывался, вмѣстѣ съ прочими сторонниками принца, но такой пріемъ полемики мнѣ крайне нравился своей смѣлостью и откровенностью. Вотъ именно: вы, г. Груссе, видите въ чужомъ глазу какихъ нибудь жаккихъ четыреста пней, а въ своемъ проглядѣли горящую головню! И посмотрите, читатель, на результаты этой оригинальной полемики: вся буря разрѣшилась, какъ выражаются французы, ударомъ шпаги по водѣ; принцъ обѣщался по своему великодушію замѣнить срубленныя деревья новыми, а одинъ изъ администраторовъ лѣса подалъ въ отставку!..

Но меня ждутъ уже другіе «профили спортсменовъ». Послушаемъ снова нашего забавнаго Сентъ-Альбана: «Почти каждую зиму на мою долю выпадаетъ счастье встрѣчаться подъ пальмами Монтекарло съ пылкимъ обожателемъ солнца, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ однимъ изъ самыхъ любовныхъ спортсменовъ, какихъ я только зналъ, именно герцогомъ Гамильтономъ. Я просто не могу передать всей массы пріятныхъ воспоминаній, которыя пробуждаетъ во мнѣ встрѣча съ благороднымъ англійскимъ сеньоромъ, блиставшимъ особенно въ Парижѣ, когда великосвѣтская жизнь была въ полномъ разгарѣ! Мы охотно сбрасываемъ себѣ съ костей двадцать лѣтъ и болтаемъ. Герцогъ сохранилъ свой особенный типъ, свою осанку и свою тонкую улыбку. Онъ мало измѣнился. «Что васъ болѣе всего забавляетъ теперь?»—Путешествія... Отъ времени до времени съ нимъ случаются легкіе припадки подагры. «Я, знаете, отправляюсь тогда въ Красное море, и отъ климата болѣзнь проходитъ». И свѣтскій хроникеръ при сей вѣрной оказіи продолжаетъ съ восторгомъ: «Конечно, я нисколько не сомнѣваюсь въ дѣйствительности средства, но не рѣшусь черезчуръ рекомендовать его, потому что оно не всякому по кошельку. Въ самомъ дѣлѣ, можете вы себѣ представить перваго встрѣчнаго буржуа, пришедшаго къ доктору за совѣтомъ противъ ревматизма и полу-

чающаго такой отвѣтъ: «Нѣтъ ничего легче избавиться отъ этой болѣзни: вамъ стоитъ лишь купить яхту тысячъ за триста франковъ и прокатиться въ ней по Красному морю...» *).

Но среди толпы спортсменовъ, занимающихъ мѣста въ пейзажѣ и раскланивающихся съ нашимъ коннозаводскимъ Гомеромъ, наше вниманіе привлекаетъ уже новое лицо, «симпатичная фигура г. Андре, про котораго одного можно сказать утвердительно, что изъ всѣхъ своихъ коллегъ онъ заработалъ деньги на скачкахъ». Прислушаемся къ обрывку его разговора съ Сентъ-Альбаномъ:

— Въ сущности вы выиграли массу большихъ призовъ: баденъ-баденскій, парижскій, ліонскій, два раза призъ Гладіатора и двадцать два національныхъ приза. Это доказываетъ, что въ конюшнѣ нужно прежде всего стараться замѣнить количество качествомъ. Да, вы напоминаете мнѣ опытныхъ собирателей коллекцій.

— Пожалуй. И кромѣ того я всегда имѣлъ за себя драгоцѣнное сотрудничество г. Омона, воспитавшаго самыхъ лучшихъ моихъ лошадей, собственникомъ которыхъ онъ является на половину; и никогда не отказывавшаго мнѣ въ своихъ совѣтахъ, основанныхъ на долгомъ опытѣ...

— А сколько же вы всего заработали денегъ на скачкахъ?

— 1.609.742 франка 30 сантимовъ.

— За сколько лѣтъ?

— За двадцать два года.

— И нельзя сказать: «двадцать два года или жизнь игрока»?

— Нѣтъ, потому что я никогда самъ не игралъ на пари.

— Сколько же вамъ осталось чистаго барыша?

— Ну что жъ, скажемъ половину всего выиграннаго... *).

Но не напрасно нашъ словоохотливый чичероне предупредилъ насъ, что г. Андре одинъ изъ немногихъ спортсменовъ, умѣющихъ зарабатывать деньги своими лошадьми: громадное большинство прикладываетъ еще своихъ, и коннозаводство является для нихъ предметомъ роскоши и признакомъ ихъ социальнаго положенія при вершинѣ общественной пирамиды. Стоитъ только бросить самый бѣглый взглядъ на устройство всѣхъ этихъ конскихъ заводовъ, съ такимъ энтузіазмомъ изображенныхъ Сентъ-Альбаномъ. Я не буду вдаваться вслѣдъ за этимъ авторомъ въ спеціальныя подробности коннозаводства, начиная съ пресловутаго Стэд-бука (Stud-book), этой въ нѣкоторомъ родѣ бархатной гербовой книги четвероногихъ джентльменовъ и леди, и кончая приемами дрессировки. Но картины обстановки, среди которыхъ воспитываются всѣ эти Гладіаторы и Дочери воздуха, высоко поучительны: онѣ дадутъ вамъ понятіе, кто можетъ предаваться благородному спорту. Вотъ вамъ заводъ Дангю, принадлежащій графу де-Лагранжу и находящійся

*) Saint-Albin, стр. 247—248.

**) Saint-Albin, стр. 246.

на восточной оконечности Нормандии, возле Живора: 500 гектаров*) лугов и 600 гектаров пахоты, т. е. имение, каких по величине уже очень мало во Франции; «восхитительная страна, состоящая из жирных пастбищ между лесистыми холмами и омываемая прозрачными речками; во главномъ помѣстьѣ, гдѣ глѣзъ наслаждается прекраснѣйшимъ и безконечно-разнообразнымъ пейзажемъ, видѣются тамъ и сямъ разбросанные домики, спрятанные въ зелени. Каждая изъ этихъ хижинъ, устроенная гигиенично и въ чисто-деревяномъ стилѣ, лишенная всякой безполезной роскоши, заключаетъ подъ своей кровлей подборъ жеребцовъ, кобылъ и жеребятъ одногодковъ... Рабочій персоналъ, которымъ, какъ извѣстно, такъ трудно управлять, сведенъ къ самому необходимому. Правда, что подъ счастливымъ небомъ Нормандіи крестьяне исключительно сильны и только того и желаютъ, чтобы больше работало» (странные крестьяне: очевидно, не чета спортсменамъ и описывающему ихъ «фигаристу»!).

Вотъ вамъ заводъ Вакто (въ центрѣ Нормандіи, на востокѣ деп. Кальвадоса), слава котораго гремитъ по всей Европѣ, и за который собственникъ его Поль Омонъ не хотѣлъ взять полтора милліона франковъ, тѣмъ болѣе предлагаемые ему грабнишантъ въ то время Францію герцогомъ де-Мори. И понятно: «заводъ состоитъ изъ 200 гектаровъ пастбищъ, цѣною отъ 10000 до 15000 фр. за гектаръ» (т. е. значить въ суммѣ около 3 милліоновъ франковъ лишь одни луга!). А прибавьте къ этому великолѣпныя скакуновъ, большинство изъ которыхъ выиграли крупные призы и которые въ младости, да будетъ извѣстно читателю, воспитываются въ «отдѣльных помѣщеніяхъ, выдавъ лишь черезъ трельникъ». Прибавьте «замокъ съ башнями, крышами изъ старинныхъ кафельныхъ черепицъ, рвами, наполненными водой».

А заводъ Мартенвасть (въ 6 верстахъ отъ Шербурга), принадлежащій барону Шиклеру, съ его замкомъ 16-го вѣка, громаднымъ англійскимъ паркомъ и знаменитыми лугами недалеко отъ моря? А заводъ Шеффревиль, верстахъ въ 15 отъ Лизье, въ мѣстности, послужившей сюжетомъ одной изъ самыхъ извѣстныхъ картинъ Тройона, и владѣлецъ котораго, графъ де-Верте, удовлетворяетъ свой вкусъ къ простой сельской жизни... «арендуя въ Шотландіи феодальный замокъ и территорію для охоты. Пресыщенный удовольствіями спорта во Франціи, онъ любитъ вести привольную жизнь дикаря (дикаря въ замкѣ?) тамъ въ горахъ, гдѣ кипятъ тетерева. Онъ за тысячу лье отъ Парижа, отъ его дѣловыхъ занятій и его удовольствій; онъ не получаетъ ни писемъ, ни журналовъ... **)

Можетъ быть, хотите знать обстановку завода Шаманъ (возле Салласа, въ департаментѣ Сены-и-Уазы), собственникъ котораго,—на

*) Гектаръ почти равенъ десятинамъ, составляя 0,915 ея.

**) Saint Albin, стр. 92.

сей разъ не графъ и не баронъ, а денежный человѣкъ Лефевръ,— устроилъ для своихъ лошадей специальную аллею скачекъ длиною въ 3000 метровъ, усыпанную толченой дубовой корой (вещь, полезная для копытъ!) и находящуюся прямо подъ окнами его веранды-кабинета, соединеннаго специальной телеграфной проволокой съ главными мѣстами скачекъ во Франціи и Англіи. Не желаете-ли также придти въ эстетическій восторгъ отъ имѣнья коннозаводчика Поля Донона, который владѣетъ тысячелѣтнимъ замкомъ Лонрэ (возлѣ Алансона), съ знаменитой библіотекой въ стилѣ Людовика XV, заключающей 7000 томовъ, славныхъ, впрочемъ, главнымъ образомъ переплетами? Эта старинная феодальная земля, тоже попавшая въ концѣ концовъ въ руки денежнаго человѣка, насчитываетъ около 900 гектаровъ пастбищъ, изъ нихъ 300 гектаровъ, обнесенныхъ высокою гранитной стѣной и образующихъ громадный англійскій паркъ,—среди котораго и находится заводъ. Желаете получить понятіе объ образѣ жизни четвероногихъ аристократовъ? Мосье Сентъ-Альбанъ предупредительно посвящаетъ васъ въ эти тайны лошадиного алькова: «помѣщенія для жеребцовъ роскошны и въ высшей степени комфортабельны. Имъ построили элегантныя стойла, стѣны которыхъ состоятъ изъ полированного дерева чернаго и лиловаго цвѣтовъ, герба этой конюшни; въ глубинѣ каждаго стойла, на стѣнѣ изъ краснаго кирпича, вырисовывается вензель въ видѣ подковы съ именемъ жеребца»...

Наряду съ миллионерами-спортсменами пейзажъ заключаетъ въ себѣ цѣлую группу лицъ, которые живутъ этими лошадиными королями и содѣйствіе которыхъ необходимо послѣднимъ для того, чтобы конюшня хоть въ незначительной степени возмѣщала свои расходы. Ибо не надо забывать, что, кромѣ тщеславія владѣльцевъ, скачки затрогиваютъ и ихъ карманъ, и порою очень чувствительно. Читатель уже видѣлъ, какъ нѣкоторые ловкіе спортсмены, въ родѣ Андре, успѣваютъ заработать въ двадцать лѣтъ болѣе 1.600,000 франковъ, и половина изъ этого составляетъ ихъ чистый доходъ въ размѣрѣ 40.000 франковъ ежегодно. Знаменитая же конюшня Деламарра за тридцать лѣтъ заработала 4.530.000 франковъ на призахъ, да продала лошадей на 1.872.000 франковъ, что составитъ въ годъ 213.400 франковъ дохода.

Тренировщикъ, или специалистъ по части дрессировки и приготовления лошадей къ скакѣ, и жокей, который ведетъ лошадь къ побѣдѣ во время скачки,—вотъ два главныхъ столпа, на которые опирается всякій порядочный коннозаводчикъ-спортсменъ. И что за восхитительные типы представляютъ и та, и другая категорія лицъ, вырастающихъ въ этой горячечной атмосферѣ дѣловаго бездѣлья!..

Тренировщикъ — персона очень важная. Самъ онъ лично не наѣзжаетъ. Но его дѣло — развить въ теченіе года, рѣдко шести мѣсяцевъ, природныя качества лошади во всей ихъ полнотѣ, и

того онъ достигаетъ, подвергая ее изученному въ тонкости режиму пищи, упражненія и пр. Въ его рукахъ лучшія лошади, которыя хозяинъ посылаетъ ему съ завода, и подъ его начальствомъ находится цѣлая армія конюховъ и наѣздниковъ-подростковъ, становящихся въпослѣдствіи жокеями, и намѣченные для данной скачки жокеи. Тренировщики (какъ жокеи, какъ и конюхи, и вплоть до обычаевъ и терминовъ спорта) идутъ изъ Англіи и вербуются между старѣющими жокеями, которые становятся слишкомъ грузными и не годятся для скаковой ѣзды. Большинство изъ нихъ — люди богатые, а нѣкоторые прямо миллионеры, и это понятно: согласно общепринятому обыкновенію, владѣльцы лошадей, не говоря уже о хорошемъ жалованьи, квартирѣ, всевозможныхъ льготахъ и пр., расплачиваются съ ними 10% съ cadaго выиграннаго лошадейю приза, а потери и убытки принимаютъ на свой счетъ. Такъ какъ у крупныхъ коннозаводчиковъ есть обыкновенно свой специальный тренировщикъ, работающій надъ лошадьми хозяина, то вы можете представить себѣ, какія суммы зарабатываетъ этотъ господинъ, взимающій десятину съ валового дохода владѣльца. Въ удачные года призы хорошей конюшни превосходятъ полмилліона франковъ: напр., въ 1886 г. они составили для завода Омона 630.560 фр. Такой тренировщикъ получаетъ на свою долю обыкновенный окладъ министра, не имѣя его расходовъ. Присоединимъ къ этому, какъ я уже сказалъ, жалованье, квартиру, элегантный коттеджъ, который ему дается отъ заводчика, съ садомъ и скотнымъ дворомъ, подарки, всяческія услуги. Не забудьте массу приношеній всякаго рода, которыя даже и «честный» тренировщикъ получаетъ отъ друзей и знакомыхъ владѣльца, играющихъ на скачкахъ и желающихъ знать хоть приблизительно шансы лошади, которая готовится къ бѣгу. Наклейте крупные куши и подарки, которые такъ называемый букмекеръ (см. о нихъ ниже) дѣлаетъ покладистому тренировщику, чтобъ сообразить размѣры своего пари для того или для другого скакуна. Вы можете себѣ представить, какую безпечальную жизнь ведетъ тренировщикъ, которому со всѣхъ сторонъ шлютъ и деньги, и вазы, и цвѣты, и тонкія сигары, и картины, и шампанское, и даровые билеты на разныя представленія, и котораго всѣ ласкаютъ и балуютъ, начиная съ владѣльца лошадей и кончая послѣднимъ посѣтителемъ скачекъ. Хотите знать его дневныя занятія, за которыя онъ получаетъ такую мзду? Онъ встаетъ на зарѣ и приказываетъ главному конюху будить конюшенковъ. Ему сѣдлаютъ лошадь, и онъ отправляется въ лѣсъ на прогулку въ сопровожденіи своего штаба прогуливать скакуновъ. Черезъ часъ онъ возвращается и съ аппетитомъ завтракаетъ. Послѣ завтрака новая прогулка со второй партіей, съ которой онъ возвращается, лишь только солнце начинаетъ припекать. Слѣдуетъ второй плотный завтракъ. Затѣмъ онъ воленъ дѣлать что ему угодно: отправиться на скачки, идти въ клубъ, ѣхать на охоту. Ему по

лагаются лишь вернуться къ часамъ пяти для осмотра лошадей, а затѣмъ ужинъ и на боковую или въ какое нибудь золотое мѣсто поразвлечься.

Второй столпъ, сказалъ я, жокей, тоже своеобразный цвѣтокъ, вырастающій на почвѣ спорта. Въ сущности говоря, это хорошо оплачиваемый физическій и нравственный уродъ, какихъ не мало производитъ современная классовая цивилизація съ ея богатствомъ—бѣдностью. Прогрессъ спорта привелъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время къ тому, что пускаютъ скакать лошадей не только трехгодовалыхъ, но и двухгодовалыхъ. Понятно, какой малый вѣсъ надо имѣть наѣзднику, котораго несутъ на спинѣ такой конь, почти же-ребенокъ. И вотъ въ Англіи, классической странѣ бѣговъ, жокеи ухитряются имѣть средній вѣсъ въ 35—38 килограммовъ (2 п. 10 ф.—2 п. 13 ф.), а нѣкоторые не превышаютъ 28 килограммовъ (1 пуда 28 фунтовъ!). Во Франціи, обыкновенный вѣсъ жокея — 40 килограммовъ, т. е. около 2 п. 17 ф. И это, замѣтьте, не мальчики, а молодые люди, часто за двадцать лѣтъ! Какъ же вырабатываются такіе странные животныя или машины? Путемъ особой дрессировки, постановленной на научныя основанія, ибо въ обществѣ, гдѣ все покупается и продается, деньги производить истинныя чудеса! Не углубляясь въ подробности этого калѣченія организма, скажу лишь, что такой молодецъ избавляется отъ лишняго жира и жидкости въ организмѣ тѣмъ, что подвергаетъ себя желѣзному режиму: принимаетъ по возможности сухую и строго рассчитанную пищу, пьетъ возможно меньше и почти исключительно чай и прибѣгаетъ къ мучительной операціи искусственнаго потѣнія. Немало дней сряду онъ кутается въ тяжелую и теплую одежду и нарочно совершаетъ въ ней скорыя и продолжительныя прогулки, напр., проходитъ сразу отъ 6 до 7 верстъ, затѣмъ останавливается въ заранѣе приготовленномъ для него помѣщеніи, скажемъ гостинницѣ, садится предъ ярко пылающимъ каминомъ и продолжаетъ потѣть, затѣмъ раздѣвается, приказываетъ себя массажировать и снова пускается въ путь, продѣлывая по возвращеніи ту же самую операцію....

И вотъ онъ стоитъ передъ нами, этотъ гладко выбритый, сухой, жилистый, человѣчекъ во всеоружіи своего искусства и снѣдаемый лютымъ желаніемъ поскорѣе прославиться и нажиться: для него это вопросъ жизни и смерти, не забудьте! Начинаетъ онъ свою настоящую карьеру не ранѣе какъ лѣтъ въ 15—16; но къ 25 годамъ онъ уже зачастую долженъ прекратить ее: молодой искусственно поддерживаемый организмъ вступаетъ въ свои права, проситъ питанія, и, удовлетворяя этой все нарастающей потребности, жокей начинаетъ жирѣть; когда его вѣсъ переходитъ за 3 пуда, онъ годится лишь для болѣе взрослыхъ и сильныхъ лошадей, т. е. почти исключительно для скачекъ съ препятствіями, къ чему не всѣ жокеи гладкихъ скачекъ и пригодны; а тамъ, смотришь, остается единственный ресурсъ: сдѣлаться тренировщикомъ. Но такъ какъ

въ тренировщики, по крайней мѣрѣ, на хорошо оплачиваемое мѣсто можетъ попасть при сильной конкуренціи далеко не всякій, то зачастую жокею грозитъ голодная смерть, если только онъ не сколотитъ деньжонокъ про черный день: ни къ какой полезной дѣятельности онъ не способенъ! Я уже не говорю о несчастной случайности, которая встрѣчается нерѣдко на бѣгахъ и которая можетъ искалчить наѣздника, оставивъ его безъ средствъ къ жизни. Нечего удивляться, какой беззащитный пройдоха и тщеславецъ вырабатывается въ большинствѣ случаевъ изъ жокея подъ давлениемъ этихъ условий. Не довольствуясь своей платой, которая достигаетъ зачастую, какъ увидимъ ниже, громадныхъ размѣровъ, онъ отъ времени до времени продаетъ секреты конюшни богатымъ игрокамъ на скачкахъ, а порою и прямо мошенничаетъ съ букмеромъ, уславливаясь, напр., приостановить лошадь—фаворита, если на нее много поставлено. Бывали случаи, что онъ продѣлывалъ то же самое по соглашенію съ недобросовѣстнымъ хозяиномъ лошади, который могъ поставить пари противъ своего же скакуна.

Подивитесь всетаки на кратковременное, но эффектное могущество жокея въ томъ своеобразномъ мірѣ спорта—какъ вы думаете, сколько зарабатываетъ такой наѣздникъ-уродецъ? Я не буду говорить о всемірныхъ знаменитостяхъ въ родѣ кончившаго не такъ давно самоубійствомъ Арчера; этотъ умеръ въ Лондонѣ миллионеромъ, зарабатывалъ въ годъ десятки тысячъ фунтовъ стерлинговъ; лорды, на лошадяхъ которыхъ онъ скакалъ, давали послѣ побѣды въ честь его балъ и считали за счастье, если герой сѣдла открывалъ танцы въ парѣ съ хозяйкой дома; въ день его свадьбы онъ былъ завалентъ, словно коронованное лицо, богатѣйшими подарками спортсменовъ со всѣхъ концовъ соединеннаго королевства, и въ честь его на площади Ньюмаркета цѣлые зажаренные быки раздавались бѣднѣйшимъ жителямъ. Но и здѣсь, и во Франціи, любители скачекъ могли видѣть прѣзжавшаго специально изъ Лондона крупнаго жокея Уебба, который являлся на гипподромѣ съ брилліантами въ пуговкахъ рубашки и громаднымъ топазомъ въ рукояткѣ хлыста и за три, за пять минутъ гонки получалъ отъ 10000 до 15000 франковъ. Нѣкоторые живущіе здѣсь первоклассные жокеи зарабатываютъ 60000—70000 фр. въ годъ (въ родѣ сошедшаго недавно со сцены Доджа), а 50000 фр. можно считать среднимъ вознагражденіемъ такого артиста за 120—150 скачекъ, которые придется на его долю въ году. Мнѣ едва-ли надо прибавлять, что и у жокеевъ есть такіе же безкорыстные поклонники, а особенно поклонницы, какіе мы находимъ у всѣхъ мастеровъ разныхъ искусствъ, рассчитанныхъ на удовлетвореніе эстетическихъ вкусовъ и простыхъ прихотей имущихъ классовъ. Всѣмъ намъ приходилось если не самимъ наблюдать, то слышать, какіе эффекты производилъ на сердце великосвѣтскихъ дамъ хотя бы чарующій смычокъ Іоганна Штраусса. Хлысть-смычокъ первокласснаго

жекея, и каждое движение его заставляет прыгать и замирать пылый рой дамских сердецъ, пригнанныхъ незримыми нитями Эфредиты къ этому благородному инструменту: пламенный обаянiемъ въ любви жекеямъ—побидителямъ со стороны жоклонницъ спорта начинаютъ практиковаться все чаще и чаще и ко его сторону Ламанша.

Тутъ же, рядомъ съ владѣльцами лошадей и ихъ пристыженными, находитъ мы въ пезажѣ и профессиональнаго игрока въ пари на скачкахъ: это такъ называемый букмекеръ (bookmaker), или какъ произносятъ французы, букмакеръ. Разновидность эта сильно порѣдѣла на демократической франковомъ лужайкѣ, ибо послѣ закона 1891 г. она тамъ преслѣдуется полицией. Но самое преслѣдованiе это создало монополию для крупныхъ букмекеровъ, которые предлагаютъ пари знакомымъ спортсменамъ въ пезажѣ. Я вижу, что мнѣ придется хоть самымъ скатымъ образомъ, но коснуться формы пари и регулирующаго его закона. Подобно всякой игрѣ, гдѣ затронуты денежные интересы, и пари на скачкахъ создало особый типъ профессиональнаго спекулятора. Это и есть букмекеръ, появившiйся сначала въ Англии и перешедшiй Ламаншъ, чтобъ расцвѣсти на берегахъ Сены уже болѣе демократическимъ цвѣтомъ. Я бы его сравнилъ съ биржевикомъ, всегда играющимъ на пониженiе. Бѣгутъ нѣсколько лошадей. Я, вы, наиди знакомые и незнакомые, словомъ каждый изъ насъ соображаетъ шансы той или другой лошади, избирая ее «фаворитомъ» и желая биться объ закладъ за ея успѣхъ. Искать перваго встречнаго въ толпѣ для пари и неудобно, и рискованно: изъ нашихъ услугъ является букмекеръ, который въ известной пропорци идетъ на пари съ каждымъ изъ насъ и *противъ* каждой лошади, — это его функция. Такъ какъ обыкновенно побѣждаетъ лишь одна лошадь, то, искусно комбинируя пропорцию своихъ ставокъ противъ каждаго скакуна, букмекеръ почти всегда остается въ барышѣ, даже и тогда, когда ставитъ вышнюю сумму противъ каждаго изъ насъ, — что онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и дѣлаетъ для привлеченiя публики.

Возьмемъ простѣйшiй случай: бѣгутъ три лошади, имѣющiя приблизительно одинаковыя шансы. Даже предлагая двойную ставку (или, какъ принято отиѣчать, $\frac{2}{1}$) противъ простой ставки, сдѣланной за каждую лошадь, букмекеръ не останется въ проигрышѣ, хотя съ другой стороны ничего не выиграетъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ трехъ спорщиковъ поставилъ на своего «фаворита», скажемъ, 10 франковъ. Противъ каждаго изъ нихъ букмекеръ ставитъ 20 франковъ за то, что избранная этимъ клиентомъ лошадь первой не придетъ. Очевидно, изъ трехъ лошадей приоскакала къ столбу лишь одна, скажемъ А. Букмекеръ платитъ А 20 франковъ, но получаетъ 10 франковъ отъ В и 10 франковъ отъ С.—ни барыша ни убытка! Но уже слегка уменьшая пропорцию своей ставки, букмекеръ положить въ карманъ известную сумму. Напримѣръ, «котируя»

каждую из лошадей в пропорции $\frac{1}{2}$, он рискует 15 франками против каждой из трех 10-франковых ставок. Опять, положим, прибыла лошадь А. Спорившему за нее букмекер отдает 15 франков, но от В и от С он получает по 10 франков: к рукам букмекера прилипло 5 франков! А между тем каждый из нас, его клиентов, идет на удочку легкой наживы и возможности положить лишние деньги в карман. Не забудьте, что против плохих лошадей, за которых мало кто ставит, букмекер бьет в пропорции $\frac{1}{4}$, и даже $\frac{2}{4}$. Короче сказать, не вдаваясь в подробности, осложняющие дело (напр., кроме фаворита ставится пари на лошадь, которая придет второй или третьей, так называемой *placé*), я со слов специалистов могу уверить читателей, что ловкий букмекер наживает в год около 80,000 — 100,000 фр. чистого дохода на человеческой страсти к риску и наживе. Было время, в конце 80-х годов, когда букмекеры наводнили весь Париж, когда чуть ли не каждый кабачник завел у себя букмекерскую лавочку (*agence*, как говорилось в то время), в которой вы могли биться об заклад, даже не выезжая из города и не присутствуя на скачках, и когда перед стойкой ресторана проходила длинная вереница лакеев, горничных, кухарок, мелких приказчиков, ставя утром последние гроши на лошадей, которые будут скакать пополудни. Вмешалось правительство, испуганное гигантскими размерами, какие принимала страсть к пари, и в 1887 г. хотело окончательно запретить эту игру, на подобие других азартных игр. Но когда полиция стала арестовывать букмекеров и захватывать ставки игравших, громадное большинство публики перестало ходить на скачки, и лишь одно «Общество поощрения коннозаводства» (или, что то же, Клуб Жюкев) осталось за этот год при дефиците в 150,000 фр., Отейльское общество скачек потеряло 100,000 фр., и в провинции не досчитались 800,000 фр. от сократившейся входной платы. Все эти общества, которые с гордостью заявляли, что их деятельность внушена чистейшим патриотизмом и желанием доставить для Франции возможно большее число чистокровных лошадей, все эти общества, которые выражали на первых порах сочувствие борьбе полиции против пари, вдруг переменили тон и слезно стали умолять властей не губить их патристическую карьеру и разрешить снова пари для привлечения публики. И снова расцвела игра, и к 1890 г. толпилось на гипподроме, по крайней мере, четыре сотни букмекеров, каждый у своего цветного шеста, к которому прибывалась программа скачек, и каждый неистово зазывал публику на пари в свою лавочку.

Потому, когда скандал опять принял невозможные размеры, палата депутатов принуждена была заняться вопросом скачек и решила его, взяв средний лицемерный путь между прямым запрещением

и формальнымъ признаніемъ. По закону, предложенному Девелемъ, министромъ земледѣлія, и вотиrowанному парламентомъ въ маѣ 1891 г., букмекеръ былъ изгнанъ съ франковой лужайки, гдѣ онъ громогласно предлагалъ свое пари, тутъ же принимая ставки перваго встрѣчнаго и выдавая билетикн. Онъ получилъ позволеніе дѣйствовать лишь въ оградѣ пезажа, и то на такъ называемую «книжку», т. е. въ кредитъ и потому лишь съ знакомыми ему лицами, разсчитываясь съ ними въ концѣ дня. Для всей же публики вообще, какъ для привилегированныхъ посѣтителѣ пезажа, такъ и для демократической лужайки, было узаконено и оформлено «взаимное пари» (*pari mutuel*), которое соотвѣтствуетъ тотализатору Германіи, Австріи, Россіи и пр. Для этого устроены цѣлый рядъ будочекъ съ особыми служащими отъ официально признанныхъ скаковыхъ обществъ: Лоншанскаго, Отейльскаго и т. д. Желающіе биться объ закладъ ставятъ извѣстную сумму на ту или другую лошадь (минимумъ 5 франковъ), въ удостовѣреніе чего имъ выдается особый билетъ. По окончаніи бѣга, общая сумма ставокъ подсчитывается, изъ нея вычитается 7% въ пользу «общественнаго призрѣнія», остальные 93% дѣлятся между всѣми тѣми, кто поставилъ деньги на выигравшую лошадь (или пришедшую второй или третьей) и пропорціонально ставкѣ каждаго. Сюда и обращаются исключительно франковые посѣтителѣ, ибо полиція слѣдитъ за букмекерами-браконьерами, которые охотятся за мелкой дичью на лужайкѣ и предлагаютъ вамъ здѣсь пари вполголоса, изъ—подъ полы.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о различныхъ типахъ, встрѣчаемыхъ на лужайкѣ, ибо говорить о занимающихъ трибуны въ пять франковъ особенно нечего: какъ все межеумочное, эта категория не отличается той яркостью и рельефностью фивіономіи, которая выступаетъ въ пезажѣ и на лужайкѣ. Кто играетъ на послѣдней? Насколько я могъ наблюдать самъ, слышать отъ «спеціалистовъ» и слѣдить по газетамъ, официальнымъ документамъ, отчетамъ судебныхъ процессовъ и т. п., большинство такихъ игроковъ состоитъ изъ мелкой буржуазіи, рестораторовъ, ремесленниковъ, лавочниковъ, конторщиковъ, равно какъ изъ прислуги у крупныхъ буржуа и аристократовъ, которая каждый день видитъ страшный контрастъ между своимъ положеніемъ и роскошной жизнью господъ и старается удовлетворить развивающіеся аппетиты рискомъ и игрой. Попадаютъ нерѣдко и кассиры съ хорошими окладами, служащіе въ банкахъ, но эти предпочитаютъ играть на биржѣ, и во всякомъ случаѣ лнуть къ міру пезажа. Чистыхъ рабочихъ между играющими попадаетъ сравнительно мало, и я думаю, что это объясняется, помимо болѣе здороваго вообще мировоззрѣнія этой общественной группы, двумя чисто вѣшними обстоятельствами ихъ жизни: рабочій обыкновенно не можетъ, подобно ремесленнику или торговцу, переложить день отдыха съ

воскресенья на недѣлю, и онъ не видитъ съ утра до вечера праздной и легкой жизни привилегированныхъ классовъ, какъ это выпадаетъ на долю прислуги, которая зачастую должна сопровождать господъ на скачку (напр., кучера, лакея, и т. п.). Между тѣмъ ничто такъ не втягиваетъ въ страсть игры, какъ частое хождение на скачки, особенно въ будничные дни, когда гипподромъ исключительно посѣщается записными игроками и вообще людьми, которымъ деньги достаются сравнительно легко. Изъ интересныхъ цифръ, сообщенныхъ докладчикомъ закона о пари, нѣкимъ Риотто, во время прений въ палатѣ, слѣдуетъ, что въ то время, какъ въ воскресенье средняя сумма пари, падающая на посѣтителя пезажа, равняется 107 франкамъ, а на посѣтителя лужайки около 15 франковъ, въ будни это среднее повышается—для первой категоріи до 170 фр., а для второй до 19 фр. *). Эти цифры ясно показываютъ, какъ у будничныхъ посѣтителей скачекъ интересы игры преобладаютъ надъ интересами собственно зрѣлища.

Какъ играть лужайка? Специалисты говорятъ, что едва-ли не съ большимъ пониманіемъ дѣла, чѣмъ пезажъ. Конечно, это предлагается вообще къ игрокамъ-завсегдатаямъ, которые сдѣлали изъ пари правильное занятіе: въ самую игру и страсть посѣтитель лужайки, очевидно, вноситъ прежде всего грызущее его соображеніе о результатѣ, о матеріальной выгодѣ, о томъ, что будетъ завтра. Подъ вліяніемъ этой вѣчной заботы, между мелкотой вырабатываются такіе артисты спорта, какіе зачастую загоняютъ за Можай заправскихъ спортсменовъ. Примѣръ—нѣкій знаменитый консьержъ, о которомъ года три тому назадъ кричала вся специальная пресса и который три раза сподрядъ выигралъ преміи, предложенныя однимъ журналомъ спорта тому, кто угадаетъ, какая изъ лошадей выйдетъ побѣдительницею изъ предстоящихъ скачекъ. Но, само собою разумѣется, лужайка лишена тѣхъ побочныхъ средствъ осведомленія, какими располагаютъ имущіе люди пезажа. Вы найдете и теперь еще на лужайкѣ такъ называемаго «*donneur de tuyaux*», который за 1 франкъ обѣщаетъ сообщить вамъ на ухо (*au tuyau de l'oreille*, отсюда нѣсколько странное названіе этого артиста) секреты конюшни и шансы побѣдителя на скачкахъ. Но почти всегда это простое вранье. Не то придется сказать о такъ называемыхъ *tout* (слово англійское, которое произносится англичанами почти какъ «таутъ» и которое французъ выговариваетъ въ простотѣ душевной, какъ французское *tout*). Эти господа, являющіеся и въ пезажѣ, и на лужайкѣ, играютъ роль дѣйствительныхъ шпионовъ въ этихъ взаимныхъ походахъ спортсменовъ на чужой карманъ. Таутъ обыкновенно занимается крупнымъ букмекеромъ или подчасъ и собственникомъ завода, и его миссія вывѣдать тѣмъ или инымъ путемъ у тренировщика, жокея или конюха другого владѣльца качества и шансы лошади, готовящейся

*) См. Journal officiel, 1891, n. 130, стр. 883.

къ скачекъ, и дать такимъ образомъ лишній козырь въ предстоящемъ пари. Такъ какъ дѣло идетъ зачастую о сотняхъ тысячъ, то тауту открытъ широкій кредитъ, скажемъ, въ размѣрѣ 1000 фр. въ мѣсяцъ лишь на угощеніе, подпайваніе, влѣзанье въ дружбу и душу къ тренировщику и т. п. Онъ одѣтъ всегда джентльменомъ, всегда при деньгахъ и не скупится на коньякъ и шампанское: букмекеръ, оперирующій въ пезажѣ, рано или поздно возьметъ свое.

Упомяну кстати объ особомъ типѣ таута, который примыкаетъ уже исключительно къ міру пезажа и, пока дѣло дойдетъ до скандала, пользуется большимъ уваженіемъ. Это обыкновенно безстыжій, но ловкій авантюристъ, особенно изъ хорошей фамиліи, который занимается спортивнымъ шпионствомъ въ пользу своихъ богатыхъ друзей, выдавая ихъ поочередно одного другому, и хватая съ разныхъ сторонъ крупные куши. Рыцари индустріи, вертѣвшіеся вокругъ покойнаго Лебоди и гремѣвшіе своими аристократическими генеалогіями, принадлежали къ этой категоріи.

Нѣсколько словъ и цифръ о размѣрахъ спорта во Франціи. Число всѣхъ спортивныхъ дней въ году (и гладкихъ скачекъ, и скачекъ съ препятствіями, и рысистыхъ бѣговъ) простирается до 300, изъ нихъ 276 приходится на долю Парижа и непосредственныхъ окрестностей. Остальныя падаютъ на провинцію. Гладкія скачки прекращаются всего на два мѣсяца, съ 15-го декабря по 15-е февраля, скачки съ препятствіями не прекращаются никогда. На Лоншанскомъ и Отейльскомъ гипподромахъ каждое воскресенье набирается тысячъ сорокъ зрителей на лужайкѣ, а въ экстренныхъ случаяхъ число это удесетеряется. Одни Парижскія общества спорта собираютъ въ годъ на одной входной платѣ около 7 милліоновъ франковъ и раздаютъ призовъ: общество гладкихъ скачекъ около 5¹/₂, милліоновъ, общество скачекъ съ препятствіями около 4¹/₂, милліоновъ и т. д. Разница покрывается изъ государственнаго бюджета, пожертвованій, взносов владѣльцевъ скачущихъ лошадей. Самые крупные призы—Лоншанскій или такъ называемый Большой парижскій призъ (200.000 фр.) для гладкихъ скачекъ и Отейльскій большой призъ (120.000 фр.) для скачекъ съ препятствіями. Изъ провинціальныхъ скачекъ славятся нормандскія: въ Канѣ, Довилѣ и Дьеппѣ. Ежегодная цифра пари простирается лишь въ одномъ Парижѣ и окрестностяхъ до 120 милліоновъ франковъ (въ 1890 г. 100 милліоновъ), и приманка выигрыша въ тотализаторѣ громадна: сплошь и рядомъ за 10 фр. тотализаторъ выдаетъ удачнику 100 фр., порою до 300 фр., а на знаменитыхъ своимъ неожиданнымъ результатомъ скачкахъ 1890 г. въ Ниццѣ игроки, поставившіе 10 фр. на «Вавилон», получили невѣроятную цифру 3.951 фр. Эта возможность наживы и объясняетъ непосредственную причину стремленія играть на скачкахъ, которое такъ часто приводитъ бьющихся объ закладъ къ воровству, мошенничеству, самоубійству, порою къ коллективному само-

убійству цѣлой раззорившейся семьи. Этими фактами пестрѣютъ и дневники происшествій (faits divers) въ газетахъ, и судебные процессы.

Но есть еще и другія болѣе общія причины, которыя уже относятся къ цѣлому характеру переживаемой эпохи. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось задумываться надъ страстнымъ увлеченіемъ французовъ, въ особенности за послѣдніе десять лѣтъ, скачками, лошадами, пари, жокеями, надъ этой широко разлившейся волной спортоваго помѣшательства со всѣми сопровождающими его печальными явленіями, и каждый разъ невольно припоминался старый Прокопій и эффектная картина борьбы Голубыхъ и Зеленыхъ въ циркахъ Византіи. Конечно, въ этой послѣдней было больше свирѣпости между толпой; да и самаго Юстиніана, затѣйшаго черезъ герольдовъ курьезный бранный діалогъ съ народомъ въ циркѣ, врядъ-ли можно найти между теперешними членами республиканскаго правительства; наконецъ, ярыхъ спортсменовъ теперь не посылаютъ въ тюрьму и на мучительство. Но отбросьте этотъ мѣстный колоритъ: развѣ, какъ и прежде, люди въ порывѣ увлеченія не «растрачиваютъ состоянія, не боясь даже» слѣдующей затѣи зачистую «смерти», развѣ они не перестали «заботиться о божескихъ и человѣческихъ дѣлахъ, лишь бы побѣдить», развѣ они не забыли и о «своемъ собственномъ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи», и о «родныхъ», и объ «отечествѣ», развѣ женщины не увлечены спортомъ въ такой степени, что порою играютъ, «состязаются противъ мужей», и развѣ нельзя все это назвать, по примѣру Прокопія, «болѣзнь души»? *).

Отнюдь не вдаваясь въ дешевыя сближенія и не забывая всей разницы между Византіей и Франціей, я полагаю тѣмъ не менѣе, что и тамъ, и здѣсь есть два-три общихъ явленія, которыя объясняютъ эту одинаковую «болѣзнь души». Это, съ одной стороны, исживаніе стараго порядка вещей и подгниваніе его главныхъ основъ: жалобы на упадокъ гражданской добродѣтели, мужества и энергіи раздавались въ Византіи, какъ они раздаются во Франціи. Это, съ другой стороны, выработка утонченной и вмѣстѣ съ тѣмъ создавшей глубокія соціальныя различія цивилизаціи: какъ здѣсь, такъ и тамъ самая безумная роскошь бокъ-о-бокъ съ горькой бѣдностью. Естественно, что когда у человѣка нѣтъ идеала за душой, и когда передъ его сильно-развитымъ аппетитомъ стоятъ тутъ же рядомъ міръ роскоши и ничего-недѣланія, онъ во что бы то ни стало старается сдѣлаться причастнымъ къ этой жизни и пытается достигнуть этого путемъ игры, азарта, счастливой случайности. Но есть, по моему, еще одна лишняя черта въ современной Франціи: страшная неустойчивость соціальнаго положенія

*) *Procopii de bello Persico*, I, 24: ὡς τε οὐκ ἔχω ἄλλο τι ἔργον τοῦτο εἶπεῖν ἢ ψυχῆς νόσος.

людей, созданная послѣднимъ развитіемъ капиталистической конкуренціи, и характеръ игры и спекуляціи, внесенный во всѣ сферы человѣческой жизни. Возможность нажиться удачнымъ биржевымъ оборотомъ, ловкой дѣловой аферой бросаетъ свое отраженіе на всю эту современную жизнь: игра и удача въ капиталистическомъ обществѣ становятся самыми популярными богинями...

Умеръ Жюль Симонъ, умеръ на 82-мъ году, насладившись всевозможными благами жизни... Ибо не надо забывать, что, несмотря на филантропическую елейность, которую онъ любилъ подпускать въ свои сочиненія, статьи и рѣчи, говоря о массахъ, всѣ его симпатіи лежали на сторонѣ привилегированныхъ классовъ, и сердцу его были любезны не только интересы меньшинства, но ихъ традиціи, предразсудки и ихъ прописная мораль. Его поклонники съ умиленіемъ рассказываютъ намъ о героизмѣ, который онъ обнаружилъ, протестуя противъ декабрьскаго переворота съ кафедры Сорбонны, за что былъ отставленъ. Они забываютъ, что не одна тысяча республиканцевъ довели этотъ героизмъ до несравненно большаго... Гибкой натурѣ Симона было свойственно избирать направленіе въ сторону равнодѣйствующей общественныхъ силъ и, даже идя по этому пути, онъ отвѣшивалъ почтительные поклоны отживающимъ, но еще не умершимъ элементамъ: на всякій случай, молъ, пригодится! За то когда весь старый міръ вооружался противъ свѣжихъ общественныхъ теченій, вы могли быть увѣрены, что этотъ поклонникъ «республики философовъ» уже стоитъ въ рядахъ болѣе сильной арміи и ополчается на слабѣйшихъ. Я напому его поведеніе въ 1848 г., борьбу противъ вліянія рабочаго Альбера, и роль въ іюльскія дни, его «мирную» миссію въ Бордо (въ 1871 г.), куда онъ явился, чтобы помѣшать Гамбеттѣ продолжать войну противъ пруссаковъ, его роль во время движенія 18-го марта. Даже его сопротивленіе противъ знаменитаго 7-го параграфа Ферри въ Сенатѣ объясняется въ значительной степени тѣмъ, что онъ нашелъ тамъ сильную опору въ клерикалахъ.

Онъ былъ талантливый ораторъ, недурной публицистъ и ловкій государственный человѣкъ. Но когда его друзья называютъ его философомъ, трудно сдержать улыбку: его философія вся заключается въ поверхностной и витіевой морали. Если не считать его изданій нѣкоторыхъ французскихъ писателей, Декарта, Боссюэта, Мальбранша, изъ всѣхъ его многочисленныхъ писаній имѣетъ значеніе лишь «Работница» (вышедшая въ 1863 г.), и то главнымъ образомъ съ точки зрѣнія фактическихъ, дѣйствительно интересныхъ данныхъ.

А, главное, это далеко не былъ человѣкъ «долга», о которомъ онъ часто говорилъ, а разъ даже написалъ сновторную и вмѣстѣ риторическую книгу. Имущіе будутъ, конечно, увѣрять насъ, что

Ж. Симонъ всю жизнь любилъ слабыхъ, бѣдныхъ, трудящихся, вообще массы. Но народъ имѣетъ свое мнѣніе о «великомъ чловѣкѣ» (выраженіе «Temps» въ некрологѣ). Парижане еще не забыли, какъ въ то время, какъ они страшно голодали въ осажденномъ пруссаками городѣ, Жюль Симонъ доставлялъ, въ качествѣ «члена правительства національной защиты», возможность своей супругѣ лакомиться каждый день сливками. Хотите знать, въ какой пѣснѣ парижскій непочтительный рабочій увѣковѣчилъ нравственную физіономію Ж. Симона? Эта пѣсня, которую и теперь распѣваютъ ребяташки въ рабочихъ кварталахъ, начинается словами:

Il était un petit homme
Qui s'appelait Jules Simon:
Il monta sur la montagne
Pour entendre les canons.
Les canons lui ont fait peur
Il a fait...

Позвольте остановиться на этой части эпитафіи!...

Н. К.

Изъ Германіи.

Культурный прогрессъ есть въ сущности ни что иное, какъ вѣчно повторяющійся процессъ согласованія наврѣввшихъ людскихъ потребностей со сложившимся, въ данный моментъ, господствующимъ строемъ жизни. Бываютъ періоды, когда строй жизни до извѣстной степени сравнялся съ потребностями даннаго общества, и тогда мы имѣемъ эпохи своего рода равновѣсія обоихъ факторовъ процесса. Но бываютъ періоды, когда людскіе запросы заявляютъ о себѣ громче обыкновеннаго; о такихъ періодахъ говорятъ обыкновенно какъ объ эпохахъ броженія, предвѣщающихъ зарю новой жизни. Въ такія эпохи борьба этихъ людскихъ запросовъ со сложившимся строемъ жизни получаетъ особенно напряженный характеръ, различные принципы и міровоззрѣнія оспариваютъ другъ у друга право на существованіе, центръ тяжести общественной борьбы переносится то въ одинъ, то въ другой крайніе полюсы, возникаетъ безконечно сложное состязаніе всевозможныхъ интересовъ, и общество стонетъ подъ тяжестью конфликта.

Нѣчто подобное или вѣрнѣе—нѣчто очень съ этимъ схожее—замѣчаемъ мы и въ современной Германіи. Въ то время какъ социальныя и политическія партіи все болѣе группируются въ двѣ большія, другъ другу враждебныя боевыя арміи, написавшія на

своихъ знаменахъ девизы: «трудъ» и «капиталъ»,—какъ разъ въ это время, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, появились изъ среды образованнаго класса люди: офицеры, высшіе чиновники, духовные, профессора, стремящіеся разрѣшить социальный вопросъ, опираясь на религіозныя или этическія основанія. Общая всѣмъ имъ черта заключается въ томъ, что серьезную задачу современности они формулируютъ не такъ, какъ тѣ государственные мужи, которые, подобно извѣстному заводскому «королю» Штумму, спрашиваютъ: какъ устранить безбожнѣхъ социалъ-демократовъ? Нѣтъ, имъ вопросъ гласитъ: «каковы тѣ средства, путемъ которыхъ можно было бы жизнь милліоновъ, живущихъ трудами рукъ своихъ, труженниковъ, обратить въ достойное челоуѣка существованіе?.. Социальные реформаторы этого направленія ставятъ на совершенно различныхъ политическихъ и религіозныхъ точкахъ зрѣнія. Въ политическомъ отношеніи одинъ считаетъ тѣ, другой другіе институты неварушимой святыней. Въ религіозномъ же отношеніи нѣкоторые, какъ члены евангелически-соціального конгресса, группируются около одного опредѣленнаго исповѣданія; другіе, какъ бывшій полковникъ фонъ-Эгиди со своими приверженцами, стоятъ на почвѣ болѣе свободнаго религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія; другіе оиатъ, какъ теологъ Теодоръ фонъ-Вехтеръ, пытаются примирить религію съ крайними политическими тенденціями; представители гуманитарной этики, какъ покойный профессоръ Георгъ Гизинкій, подходятъ къ социальному вопросу, опираясь на выводы точной науки... и т. д. Отмѣченныя здѣсь попытки къ объединенію борющихся началъ на той или иной нейтральной почвѣ породили не только обширную литературу, но и выдвинули цѣлый рядъ періодическихъ изданій, воплощающихъ примирительную точку зрѣнія съ дѣйствительно необыкновенною выдержанностью. Каждый изъ названныхъ выше апостоловъ сосредоточилъ около себя общину сторонниковъ и объединилъ ихъ литературнымъ органомъ. Франкфуртскій пасторъ Науманъ, талантливѣйшій вождь лѣваго крыла евангелически-соціального движенія, имѣетъ свой органъ «Hilfe» (помощь); апостолъ «единого христіанства», бывший полковникъ фонъ-Эгиди, борется за свое спасительное ученіе въ собственной газетѣ «Versöhnung» (Примиреніе); молодой аскетъ и энтузіастъ религіозно-политическаго радикализма, теологъ фонъ-Вехтеръ основалъ свою газету «Sonntagsblatt für freien Geistes-austausch» (Воскресный листокъ для свободнаго общаго мыслей), въ которой, перефразировавъ извѣстный лозунгъ Марксдова манифеста, неустанно вызываетъ: Christen aller Bekenntnisse vereinigt euch!.. Апостолы «Этической культуры», покойный проф. Гизинкій и здравствующій еще проф. Ферстеръ, основали недѣльную газету «Ethische Kultur», служащую и теперь главнымъ органомъ этическаго движенія въ Германіи, да и въ другихъ нѣмечныхъ странахъ, какъ Австрія и Швейцарія; теологъ Христофъ

Штемплф, задавшійся еще болѣе сложной задачей—примирить всѣ только что названныя направленія, имѣетъ свой двухнедѣльный журналъ «Die Wahrheit» (истина) и въ этомъ органѣ «для углубленія въ вопросы и задачи человѣческой жизни» даетъ нерѣдко очень любопытныя «истины»... Безпартійность,—не въ узкомъ смыслѣ этого слова,—которую всѣ эти изданія поставили своимъ принципомъ, доставила имъ дѣйствительное уваженіе широкаго круга читателей. Такая безпартійность въ настоящее ужъ черезъ чуръ партійное время заслуживаетъ тѣмъ большаго уваженія, что нерѣдки случаи, когда оснуется газета съ многообѣщающимъ заголовкомъ «Unparteiische Zeitung», а тамъ, смотришь, съ теченіемъ времени вылупися органъ антисемитическаго или аграрнаго изуверства, въ лучшемъ случаѣ — органъ издательской спекуляціи и сенсационной лжи...

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что состоявшагося годового съѣзда «Общества этической культуры», мнѣ хочется на этотъ разъ коснуться хотя бы въ сжатомъ видѣ этическаго движенія въ Германіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ всѣхъ помянутыхъ начинаній религіозно-этическаго характера это общество пользуется наибольшою извѣстностью и популярностью. Это, пожалуй, нѣсколько странно, такъ какъ Общество этической культуры отличается наименьшею самобытностью.

Согласно Имануэлу Канту, существуетъ «невидимая церковь, обнимающая всѣхъ благомыслящихъ». Здѣсь разумѣется не столько общность религіозныхъ вѣрованій, сколько общность убѣжденія или проникновенія идеей хорошаго образа жизни...

Весьма вѣроятно, что подъ влияніемъ этого кантовскаго ученія американецъ Феликсъ Адлеръ съ группою единомышленниковъ задумалъ основать на своей родинѣ рядъ «обществъ для нравственнаго воспитанія». Съ тѣхъ поръ прошло ужъ болѣе десяти лѣтъ, и такъ называемыя Societies for ethical Culture пользуются тамъ, по всѣмъ видимостямъ, постоянно растущимъ успѣхомъ. Это движеніе было затѣмъ перенесено и въ Англію, гдѣ также замѣтно упрочилось. Наконецъ, съ самаго начала 90-хъ годовъ, благодаря содѣйствію главнымъ образомъ покойнаго проф. Гижницкаго, возникаетъ и въ Германіи «Общество этической культуры», среди громаднхъ трудностей пробившее себѣ путь къ общественному признанію. Еще раньше, особенно въ своей «Moralphilosophie», выступалъ Гижницкій съ горячей пропагандной въ пользу этическихъ обществъ въ надеждѣ—«что придутъ времена, когда мечи перекуютъ на сошники, копыа обратятъ въ серпы, а христіанскія церкви станутъ дѣйствительнымъ средоточіемъ нравственнаго воспитанія»... Къ началу 90-хъ годовъ въ берлинскомъ обществѣ уже была подготовлена почва для практическаго осуществленія идеи этическаго общества. Когда же, при обсужденіи школьнаго закона Цедлица, передъ глазами всего просвѣщеннаго

общества поднялось грозное чудовище фанатической нетерпимости, то изъ среды нѣмецкой интеллигенціи сгруппировались наиболѣе выдающіеся представители и положили основаніе обществу этической культуры. Известно, что подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія самъ Вильгельмъ II приказалъ снять школьный проеякъ съ очереди текущихъ дѣлъ. Подъемъ духа, вызванный этимъ уснѣхомъ общественнаго протѣста, былъ чрезвычайенъ, а тотъ рядъ публичныхъ собраній, которыя созывались тогда инициаторами этического общества для обсужденія своего устава, представлялъ самые интересныя моменты на фонѣ всеобщаго возбужденія. Рядомъ съ проф. Гяжицкимъ, этимъ калѣйкой-идеалистомъ, котораго разбитое, въ концѣ парализованное тѣло дышало всегда неугасимымъ огнемъ высшаго оптимизма, — рядомъ съ этимъ сгорбленнымъ въ своей телѣжкѣ философомъ возвышалась могучая фигура его однофамильца, бывшаго полковника Гяжицкаго; возлѣ чрезвычайно магваго, до крайности «этического» профессора и тайнаго совѣтника Ферстера можно было видѣть энергичнаго и упрямаго Эгиди, еще со времени своей военной службы сохранившаго тонъ командира; болѣе-о-болѣе съ кроткимъ евангелическимъ пасторомъ стоялъ проф. Эрнстъ Геккель, гордость нѣмецкихъ дарвинистовъ; социалисты перемѣшались съ либералами, люди порядка съ «теоретическими» анархистами, дамы, студенты, литераторы и рабочіе дополнили пеструю картину собранія. А когда среди этого собранія заговорили, на тему дня, тогда можно было убѣдиться, что изъ двухъ-трехъ сотъ собравшихся каждый понимаетъ подъ «этикой» нѣчто совершенно отличное.

Цѣлью этического общества, какъ гласитъ § 1 устава, является развитіе этической культуры какъ въ сферѣ самихъ членовъ общества, такъ и внѣ этого послѣдняго, но независимо отъ всѣхъ различій въ образѣ жизни, религіозныхъ и политическихъ взглядовъ. Подъ этической культурой, какъ цѣлью своихъ стремленій, общество разумѣетъ такой строй жизни, въ которомъ господствуютъ справедливость и правдивость, человечность и взаимное уваженіе.

«Независимо отъ различія въ образѣ жизни, религіозныхъ и политическихъ взглядовъ...» — вотъ тотъ камень преткновенія, на который то и дѣло наталкивались еще въ пору перваго обсужденія параграфовъ статута. Когда предварительныя сходки назрѣвшаго общества происходили по особому приглашенію, то въ демократическихъ кругахъ берлинскаго общества слышались упреки: «и это общество не хочетъ знать различія въ образѣ жизни! Смотрите, тамъ только и обираются, что люди изъ аристократическихъ кварталовъ столицы, изъ Berlin W.!»... Эти упреки были не основательны: инициаторы этического общества созвали собраніе и для публичнаго обсужденія устава, искренность относительно различія въ образѣ жизни, подтверждалась самымъ оста-

вомъ публичной сродки. Директоръ королевской обсерваторіи, тайный совѣтникъ и профессоръ Ферстеръ руководилъ собраніемъ съ примѣрнымъ безпристрастіемъ. Когда изъ несовсѣмъ спокойнаго рабочаго угла послышался голосъ, требовавшій публичнаго выбора предсѣдателя собранія,—таковъ дѣйствительно обычай публичныхъ собраній,—то ученый президентъ безъ малѣйшихъ колебаній и сомнѣній предложилъ кричавшему голосу изъ рабочаго угла высказаться по этому поводу. Въ собраніи послышался при этомъ слабый протестъ противъ мягкости и уступчивости предсѣдателя. Тогда проф. Ферстеръ, чтобы устранить всякое сомнѣніе на счетъ полного равенства присутствующихъ, еще разъ въ сильныхъ словахъ отмѣтилъ этическую цѣль собранія и предложилъ собравшимся вставаніемъ съ мѣста еще разъ засвидѣтельствовать, что здѣсь не знаютъ различія между богатымъ и бѣднымъ, тайнымъ совѣтникомъ и пролетаріемъ!.. Болѣе торжественнаго момента трудно себѣ представить, и это было бы прекраснымъ предзнаменованіемъ, если бы на такихъ «этическихъ» моментахъ можно было бы объединить не только собраніе, но и прочное, на продолжительную и солидарную дѣятельность рассчитанное общество.

Первая рѣшительная атака во время этого учредительнаго собранія, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовала со стороны социаль-демократическихъ ораторовъ. Всѣмъ было извѣстно, что среди фактическихъ основателей этическаго движенія были люди, которые, какъ покойный Гажидкій, самымъ серьезнымъ образомъ отдавались изученію рабочаго движенія. Да и проф. Ферстеръ неоднократно обнаруживалъ самое теплое участіе къ идеальнымъ сторонамъ рабочаго движенія и интересамъ рабочаго образованія. Наконецъ, и въ самомъ комитетѣ, занятомъ предварительнымъ обсужденіемъ устава общества, числился молодой человѣкъ Юліусъ Тюркъ, пользующійся популярностью энергичнаго агитатора въ кругу берлинскихъ рабочихъ. Правда, съ другой стороны, инициаторы движенія старались приспособить вновь нарождавшееся общество и къ его первоначальному образцу—американскимъ этическимъ обществамъ, которыхъ социальныя взгляды не совсѣмъ совпадаютъ съ господствующими взглядами въ Германіи. Въ этомъ можно было убѣдиться еще до и послѣ учредительнаго собранія изъ рефератовъ объ этическихъ обществахъ, которые были читаны въ Берлинѣ дѣятельнѣйшими членами этихъ обществъ въ Америкѣ, Стантономъ Тойтомъ и помянутымъ выше Феликсомъ Адлеромъ: тамъ, гдѣ рѣчь заходила о социальныхъ отношеніяхъ, эти господа высказывали часто самыя курьезно-индивидуалистическіе взгляды, объясняющіеся лишь особенностями американской жизни и культуры... Какъ бы то ни было, но естественно было ожидать, что имѣвшіеся на лицо представители рабочей партіи воспользуются случаемъ, чтобы высказаться и фор-

мулировать свое отношеніе къ новому дѣлу. Въ этомъ отношеніи обнаружилась двоякая точка зрѣнія или вѣрнѣе — двоякій методъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ рабочихъ заявилъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ, что при существующей капиталистической системѣ единственный этический способъ — помочь угнетенному рабочему классу — можетъ заключаться лишь въ устраненіи самой этой системы и въ замѣнѣ ея другой болѣе раціональной. Если возникающее общество хочетъ помочь горю больной массы народа, то оно должно принять участіе въ великой задачѣ хозяйственного преобразованія, т. е. должно сдѣлаться политическимъ агитационнымъ обществомъ. Всякая другая работа — палліативъ... Само собою разумѣется, что большинство собранія не могло согласиться съ такой постановкой вопроса, и радикальному оратору ничего не оставалось, какъ съ группой своихъ единомышленниковъ демонстративно оставить залъ.

Другой ораторъ того же типа, членъ совѣщательнаго комитета Тюркъ, избралъ болѣе дипломатическій приемъ. По его мнѣнію, Обществу совсѣмъ не зачѣмъ принимать политическаго характера и всетаки оно счѣмѣтъ придти на встрѣчу желаніямъ рабочаго движенія. Стоитъ, дескать, только надлежащимъ образомъ истолковывать тѣ §§ устава, которые говорятъ о содѣйствіи подъему матеріальнаго и нравственнаго состоянія бѣднѣйшихъ классовъ народа и о защитѣ всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ отъ всякаго рода несчастія и неправды. Вѣдь, — такъ думалъ Тюркъ, — чтобы поднять матеріальное положеніе пролетаріата, необходимо изслѣдовать коренныя причины существующей нищеты, а это ведетъ къ критикѣ капитализма. Такимъ образомъ стоитъ только логически и послѣдовательно толковать помянутые §§ устава, и Общество будетъ жить въ миру съ рабочей партіей... Большинство собранія и эту дипломатическую точку зрѣнія признало для себя ненужной. Либеральный депутатъ, д-ръ Пахнике съ раздраженіемъ заявилъ, что онъ и его сторонники оставятъ залъ, если собраніе согласится съ подобнаго рода «интерпретаціей». Общество этической культуры не можетъ, дескать, основываться на готовыхъ предубѣжденіяхъ противъ одного капитализма; ему должна быть предоставлена и совершенно свободная критика рабочаго движенія и стремленій пролетаріата.

Примирить выраженные здѣсь противорѣчивые взгляды на общій характеръ Общества этической культуры могъ, конечно, всего лучше кто нибудь изъ непосредственныхъ инициаторовъ движенія. И дѣйствительно, покойный Гижикій сдѣлалъ это въ такихъ разумительныхъ словахъ; что они и понынѣ могутъ считаться лучшей формулировкой задачъ этическаго общества... Общество этической культуры, — такъ полагалъ Гижикій, — въ вопросахъ политики занимаетъ нейтральную позицію. Оно не имѣетъ специаль-

наго политическаго характера, и потому не исключаетъ изъ своей среды ни социалистовъ, ни консерваторовъ, ни либераловъ. Только такіе либералы, социалисты и т. д. не могутъ быть приняты въ члены Общества, которые не хотятъ слушать противныхъ имъ взглядовъ и сидѣть за однимъ столомъ съ людьми отличныхъ отъ нихъ убѣжденій. Эта безусловная терпимость этическаго Общества, этотъ основной его принципъ не исключаетъ, однако, права представителей различныхъ взглядовъ и убѣжденій—эти ихъ убѣжденія открыто высказывать и пропагандировать въ средѣ самого Общества. Этическое Общество стремится къ истинѣ и въ этическихъ вопросахъ; оно не думаетъ о привилегіи тѣхъ или другихъ мнѣній. Общество ставитъ своей задачей занятіе вопросами этики, а не политики, и потому не можетъ служить ареной для обсужденія социальныхъ формъ государства будущаго. Тѣмъ не менѣе оно чутко отзывается на политическіе вопросы, подвергая серьезному обсужденію ихъ нравственныя этическія стороны. Такъ, напр., въ интересахъ самого Общества, чтобы депутатъ Бебель прочелъ въ немъ рефератъ на тему: капитализмъ и этика. Противъ этого ничего не можетъ возразить и депутатъ Пахнике. Само собою разумѣется, что, если Бебель въ своемъ рефератѣ сочтетъ капитализмъ смертельнымъ врагомъ этики, то либеральному депутату Пахнике будетъ предоставлено полное право настаивать на совершенной гармоніи этихъ двухъ факторовъ. Абсолютная терпимость, которую требуетъ Общество, имѣетъ особенное значеніе для тѣхъ, которые убѣждены въ правотѣ своего дѣла и увѣрены, что выйдутъ побѣдителями въ борьбѣ мнѣній. Этическое Общество представляетъ нейтральную арену, на которой, путемъ совокупной, общей работы лицъ различныхъ званій и состояній, развивается познаніе добраго и злого. Безъ сомнѣнія, этическіе взгляды человѣка не вполне свободны отъ его политическаго положенія, но эта независимость всетаки очень значительна. Этическая культура можетъ быть общимъ достояніемъ всѣхъ партій, все равно какъ, съ другой стороны, люди всѣхъ партій могутъ при случаѣ не принимать въ расчетъ ея требованій. Этическое Общество не думаетъ брать на себя посреднической роли въ томъ смыслѣ, напр., чтобы немущіе классы сдѣлать довольными ихъ судьбой, общество не намѣревается совершенно упразднить политическую борьбу партій, но ставитъ своей цѣлью эту борьбу этизировать...

Таковъ остовъ тѣхъ взглядовъ, которыхъ придерживался проф. Гижицкій при основаніи Общества этической культуры. Этотъ взглядъ и понынѣ остается господствующимъ относительно общихъ цѣлей и общаго характера этическаго движенія въ Германіи. Что касается самого Гижицкаго, то извѣстно, что въ послѣдніе 2—3 года своей жизни онъ постепенно отдалялся отъ чисто этической точки зрѣнія, принимая все болѣе энергическое участіе

въ животрепещущихъ политическихъ злобахъ дня. А его супруга урожденная фонъ-Кремеръ, бывшая дѣятельной сотрудницей въ ученыхъ работахъ мужа и въ редактированіи «*Ethische Cultur*», не нашла возможнымъ оставаться долѣе на почвѣ «примирительной» дѣятельности Этического Общества и недавно окончательно примкнула къ рабочему движенію.

Общество этической культуры исходитъ изъ того убѣжденія, что существованіе науки о нравственной жизни такъ же несомнѣнно, какъ существованіе науки объ явленіяхъ природы, или о хозяйственныхъ явленіяхъ человѣческой жизни. Возрожденіемъ этой уже совсѣмъ было вымершей науки, какъ системы философскихъ знаній, Германія обязана цѣлому ряду выдающихся работъ нѣмецкихъ ученыхъ за послѣднее десятилѣтіе. Достаточно назвать имена Лааса, Геринга, Шмоллера, Гизицкаго, Іодля, Паульсена. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ, этика была не только основательно реформирована, какъ наука университетской катедры, но и приведена въ болѣе близкую связь съ дѣятельностью Общества...

Со времени первыхъ шаговъ этического движенія въ Германіи въ его настоящей практической формѣ прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ. Тѣ бурные принципиальные споры, о которыхъ я упомянулъ въ началѣ этого письма, уже болѣе не возобновлялись. Но общество этической культуры, прошедши черезъ огонь тѣхъ дебатовъ, укрѣпилось и представляетъ теперь если и не очень вліятельный факторъ, то все же довольно замѣтное явленіе общественной жизни Германіи. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всякаго рода темныя силы страны задумываютъ покушеніе на тѣ или другіе драгоценные устои политической, умственной или религіозной свободы,—а такихъ попытокъ въ самые послѣдніе годы было не мало,—во всѣхъ этихъ случаяхъ можно слышать заявленія этического общества, бьющаго тревогу и призывающаго опомниться. Идетъ ли рѣчь о реакціонномъ законопроектѣ, угрожающемъ свободѣ слова и печати; разгорѣлась ли стачка портнихъ и швей,—общество этической культуры одно изъ первыхъ выступаетъ на сцену, созываетъ публичные собранія для обсужденія злобы дня, организуетъ комитеты для переговоровъ, дѣлаетъ попытки къ примиренію спорящихъ сторонъ и т. п. Но не этими экстраординарными моментами исчерпывается главная дѣятельность Общества этической культуры. Изъ Берлина, гдѣ находится его главный штабъ, общество постепенно раскинулось по всей Германіи и почти въ каждомъ большомъ городѣ имѣетъ свое отдѣленіе. Эти отдѣленія и все общество въ цѣломъ многоразличными способами безшумной, но продуктивной работы стараются принимать дѣятельное участіе на пользу социальнаго благоустройства.

Входить въ подробное разсмотрѣніе всей этой дѣятельности я здѣсь не могу; отмѣчу только нѣкоторые факты изъ практики

Общества. Что касается текущей дѣятельности Общества этической культуры, то его болѣе крупныя отдѣленія, какъ напр., берлинское раздѣляется на цѣлый рядъ секцій: педагогическую, социальную, группу для этического образованія и т. д. Эти секціи, какъ и все отдѣленіе, разъ-два въ недѣлю устраиваютъ Vortrags-Abenden, на которыхъ читаются рефераты и происходятъ дискуссіи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ принципіальнаго и практическаго характера, но всегда въ свѣтѣ требованій этической культуры. Минимальный годовой взносъ въ три марки (1 р. 50 к.) даетъ право быть членомъ Общества, пользоваться его библіотекой и получать текущія изданія Общества. Но и не членамъ доступъ на собранія вполне открытъ.

Однимъ изъ первыхъ предпріятій Общества было объявленіе преміи въ 4000 марокъ на сочиненіе «Руководства для эческаго воспитанія юношества». «Нѣмецкая литература, — какъ говорилось въ соотвѣтственномъ воззваніи Общества, — должна обогатиться книгой, проникнутой истинно научнымъ духомъ и въ то же время ясностью и популярностью. Эта книга должна служить руководствомъ какъ для учителей, такъ и для всѣхъ самостоятельно мыслящихъ родителей, желающихъ дать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ свободное отъ всякихъ предубѣжденій нравственное образованіе»... Въ вопросахъ воспитанія Общество этической культуры пропагандируетъ именно моральное воспитаніе, какъ оно практикуется во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Помянутое руководство служить той же цѣли. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть тѣ курсы по практической педагогикѣ и гуманной этикѣ, которые общество отъ времени до времени устраиваетъ какъ для своихъ взрослыхъ членовъ, такъ и для дѣтей разныхъ возрастовъ. Такъ, недавно были берлинскимъ отдѣленіемъ устроены особенно интересные дѣтскіе курсы, на которыхъ, помимо разъясненія массы такъ называемыхъ дѣтскихъ вопросовъ, обсуждалось отношеніе дѣтей къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ, къ друзьямъ, къ прислугѣ, къ школѣ, къ природѣ, къ животному царству и растеніямъ, къ обществу, къ религіи и т. д. Общество за время своего существованія устраивало цѣлая серія публичныхъ лекцій о частномъ и публичномъ правѣ, о гигиенѣ, далѣе — музыкальные и литературные вечера. Само собою разумѣется, что въ числѣ своихъ членовъ Общество насчитываетъ не только работниковъ, приказчиковъ и т. п., но и выдающихся представителей мѣстной интеллигенціи: профессоровъ, адвокатовъ, врачей, артистовъ, литераторовъ, студентовъ. Такимъ образомъ въ интеллигентныхъ силахъ нѣтъ недостатка, если Обществомъ что нибудь затѣвается. А этого рода начинанія пополняютъ собой пробѣлы тѣхъ University extension, которыхъ Германія еще не знаетъ...

Къ числу выдающихся заслугъ Общества слѣдуетъ отнести также устройство народныхъ библіотекъ и читаленъ. Такого рода

библіотеки и читальни основаны теперь въ цѣломъ рядѣ городовъ, какъ Берлинъ, Фрейбургъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Ульмъ, Нейбранденбургъ; ихъ открытіе въ ближайшемъ времени предстоитъ въ Кенигсбергѣ, Магдебургѣ, Бреславлѣ и др. Все это дѣлается по инициативѣ Общества этической культуры, на его частныя средства, или вѣрнѣе на тѣ пожертвованія деньгами и книгами частныхъ лицъ, къ которымъ Общество обращается съ воззваніями. Въ Берлинѣ, напр., существуетъ и безъ того 27 народныхъ библіотекъ въ разныхъ частяхъ города. Но городское управленіе, дѣлая затраты на эти библіотеки, нашло, однако, возможнымъ выдать субсидію и читальнѣ этическаго общества, такъ какъ преимущества именно этой читальни несомнѣнны и рано или поздно послужать образцомъ и для дѣятельности городскихъ управленій въ этомъ отношеніи. Читальня этическаго общества располагаетъ просторнымъ и благоустроеннымъ помѣщеніемъ; имѣетъ громадный выборъ періодическихъ изданій всѣхъ безъ исключенія направленій; открыта именно въ тѣ часы дня и по праздникамъ, когда рабочій людъ свободенъ отъ работы; она даетъ книжки на домъ безъ всякой платы, залога и прочихъ формальностей и управляется интеллигентными членами Общества этической культуры (дамами и мужчинами) безъ малѣйшаго признака бюрократическаго режима. Передо мной лежитъ подробный отчетъ берлинской читальни за первый (1895) годъ ея существованія. Не менѣе 49,625 лицъ преимущественно рабочаго класса посѣтило читальню въ этомъ году; кромѣ газетъ, въ стѣнахъ самой читальни читались книги 21,482 раза; по воскресеньямъ число посѣтителей колеблется между 365 и 232. Читаются прежде всего періодическіе журналы, затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ «литературы», исторія и географія, медицина и естествознаніе, право и политическая экономія, философія и религія, языковѣдѣніе и искусство... Эти слабыя, хотя и очень успѣшныя начинанія Общества еще далеки, конечно, отъ его идеала: сдѣлать дѣло народныхъ читателей настолько популярнымъ, чтобы государство и городскія управленія, подобно Англіи и Америкѣ, сочли его одной изъ необходимыхъ отраслей государственной дѣятельности и ввели особый библіотечный налогъ.

Общество этической культуры, относясь чрезвычайно чутко ко всѣмъ назрѣвающимъ нуждамъ, самостоятельно организуетъ «анкеты» о положеніи различныхъ категорій трудящагося люда, обращается съ воззваніями къ обществу о содѣйствіи улучшенію участи служащихъ. Такъ, въ настоящее время идетъ дѣятельная агитація въ пользу того, чтобы прикащики и приказщицы не должны были все время службы стоять на ногахъ, а могли свободно садиться, не нанося этимъ никакой обиды покупающей публикѣ, — таковъ именно мотивъ въ пользу непрерывнаго стоянія, приводимый хозяевами. Общество ратуетъ за сокращеніе рабочаго

дня, предпринимаетъ изслѣдованіе побочныхъ заработковъ дѣтей школьнаго возраста и т. п. Общество, наконецъ, издаетъ книги, имѣющія цѣлю распространять и воспитывать идеи этической культуры; надаетъ специальную «Ethische Correspondenz», предназначенную для бесплатной разсылки государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, официальнымъ учреждениямъ и въ редакціи газетъ и журналовъ.

Съ 1894 года между обществами этической культуры Америки, Англии, Германіи, Австріи, а съ конца прошлаго года—и Швейцаріи состоялось соглашеніе объ основаніи международнаго «этического союза». Этимъ тѣснымъ союзомъ этическія общества надѣются не только способствовать болѣе живому обмѣну мыслей, но и располагать болѣе внушительной силой на случай тѣхъ или иныхъ выдающихся актовъ нравственнаго свойства.

Другой, пока еще не осуществившейся идеей этического движенія является основаніе международной «академіи этической культуры». Имѣется вполне выработанный планъ, согласно которому академія учреждается въ Цюрихѣ, какъ одномъ изъ самыхъ вѣроуверенныхъ пунктовъ Европы, и заключаетъ въ себѣ катедры по всѣмъ научнымъ дисциплинамъ культурно-нравственнаго значенія, семинаріи для подготовленія учителей и странствующихъ лекторовъ по вопросамъ этической культуры и т. п. Чтобы положить нѣкоторое практическое основаніе этому предпріятію, имѣется въ виду въ началѣ сентября текущаго года созвать въ Цюрихѣ этическій конгрессъ, на которомъ будетъ прочитанъ рядъ публичныхъ лекцій по теоретической и прикладной этикѣ. Для этой цѣли соберутся въ Цюрихъ выдающіеся представители этического движенія всѣхъ странъ, и тѣмъ самымъ будетъ слѣлана проба для грядущей академіи этической культуры...

Я упомянулъ уже выше, что обществу этической культуры приходится дѣйствовать среди большихъ трудностей, объясняющихся политическими и социальными особенностями современной жизни въ Германіи. Оно имѣетъ много друзей, но еще больше ожесточенныхъ враговъ и принципиальныхъ противниковъ: враги считаютъ дѣятельность общества вредной, противники—по меньшей мѣрѣ, бесполезной. Но не предубѣжденный свидѣтель долженъ будетъ признать, что за время своей четырехлѣтней дѣятельности общество этической культуры посѣяло въ общественномъ сознаніи не мало плодотворныхъ зеренъ и пустило во всеобщее обращеніе не мало очень симпатичныхъ и здоровыхъ идей...

Тотъ голосъ изъ рабочаго угла, который требовалъ отъ председательствовавшаго тайнаго совѣтника Ферстера публичныхъ выборовъ президента собранія, не былъ порожденіемъ буйства или же безпардоннаго духа противорѣчія. Напротивъ, онъ явился

результатомъ строгой дисциплины, проникающей въ организованную часть нѣмецкаго—въ особенности же—берлинскаго рабочаго населенія. Для воѣхъ безпристрастныхъ людей не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, что нигдѣ не замѣчается такого образцоваго порядка, какъ именно на рабочихъ собраніяхъ.

На собранія, созываемыя либералами, можно обыкновенно проникнуть только по протекціи или въ качествѣ журналиста, такъ какъ отъ присутствія въ ихъ средѣ нелиберала либералы опасаются скандала, безпорядковъ. Мнѣ приходилось наблюдать зрѣлище самаго ужасающаго разгула страстей, когда случалось быть на собраніяхъ аграріевъ. Я бывалъ свидѣтелемъ жестокихъ избіеній газетныхъ репортеровъ, которые съ явными признаками семитическаго типа рѣшались заявиться на собраніе антисемитовъ. Но я не припомню рабочаго собранія, которое изъ-за политической или расовой нетерпимости учинило бы какую нибудь гнусную бучу. Причины этого факта лежатъ въ воспитательномъ значеніи организацій и въ развитомъ чувствѣ отвѣтственности передъ требованіемъ закона. Большія залы для народныхъ собраній вмѣщаютъ до 6 тысячъ народа и свыше того; для надзора имѣется обыкновенно одинъ полицейскій комиссаръ, засѣдающій на трибунѣ рядомъ съ референтомъ. Первая формальность, которую въ этихъ случаяхъ необходимо соблюсти—это выборы предсѣдательскаго бюро собранія, т. е. президента и секретарей. Только такое большинствомъ собранія избранное бюро можетъ нести отвѣтственность передъ властями и располагать довѣріемъ собравшихся. Поэтому въ самомъ началѣ каждого собранія созвавшій его обращается къ присутствующимъ съ предложеніемъ назвать имена желательныхъ для бюро лицъ. Названные лица баллотируются, бюро готово и можно приступить къ «очереди дня».

Законодательство о собраніяхъ и союзахъ крайне разнообразно въ различныхъ частяхъ Германіи. Такъ, напр., по баварскимъ законамъ женщины не имѣютъ права присутствовать на собраніяхъ политическаго характера. На практикѣ, однако, можно почти постоянно встрѣтить на рабочихъ собраніяхъ и работницъ, которыхъ ихъ мужья или знакомые прикрываютъ своими спинами или какимъ нибудь инымъ способомъ укрываютъ отъ бдительнаго ока начальства. Но и баварская полиція, по своему добродушію, склонна обыкновенно смотрѣть сквозь пальцы на такіе пустяшные проступки. Другое дѣло въ Пруссіи: тамъ, правда, женщины имѣютъ право присутствовать на политическихъ собраніяхъ публичнаго характера. Но за то дѣлается различіе для собраній, созданныхъ политическими обществами, куда женщины не имѣютъ права являться, такъ какъ лишены права быть членами политическихъ фереиновъ. И вотъ, забывъ справиться, публичное ли то собраніе или фереинское, забредетъ туда нѣсколько женщинъ,—смотришь, оказалось Vereinsversammlung.

Коммисаръ тотчасъ обратитъ на это свое неблагоклонное вниманіе и совсѣмъ не по-кавалерски предложитъ дамамъ удалиться. Не рѣдки случаи, что предсѣдатель, послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ коммисаромъ, предложитъ собранію поступить по-кавалерски: не оставаться по удаленіи дамъ, а вмѣстѣ съ ними разойтись и объявить собраніе несостоявшимся. Прямо поразительно, въ какомъ примѣрномъ порядкѣ расходится въ такихъ случаяхъ собраніе. Не меньше порядка и тогда, когда, изъ-за какихъ нибудь формальныхъ причинъ, самъ коммисаръ покроетъ свою голову каской и объявитъ собраніе распущеннымъ. Только развѣ послышится хоромъ запѣтая рабочая пѣсня, да и то по выходѣ на улицу тотчасъ прекратится, чтобы не раздражить гусей... Во время народныхъ праздниковъ, или на похоронахъ какого нибудь популярнаго товарища изъ рабочей среды случается, что по улицамъ тянется цугъ въ десятки и сотни тысячъ народу. Въ этихъ случаяхъ полиція предпочитаетъ держаться гдѣ нибудь поодаль; сама народная масса избираетъ изъ своей среды орднеровъ, снабженныхъ особыми значками и уполномоченныхъ слѣдить за порядкомъ. Нужно ли говорить, что масса именно этимъ ею избраннымъ орднерамъ покоряется безъ малѣйшей досады и раздраженія, что, конечно, служитъ тѣмъ большей гарантіей сохраненія порядка.

Я заговорилъ на тему о собраніяхъ, потому что въ Германіи начался теперь сезонъ, когда то и дѣло что собираются. Профессора, и учителя, учительницы и эмансипированныя дамы изъ такъ наз. *Frauenbewegung*, педагоги и священники, фабриканты и рабочіе, хозяева и прикащики,—всего перечня не исчерпать.

Не лишне будетъ остановиться на темѣ, которая уже выше была затронута и которая находится въ тѣсной связи со всѣми этими конгрессами и съѣздами. Я разумѣю животрепещущій въ настоящее время вопросъ о реформѣ нѣмецкаго законодательства относительно общества и собраній. Въ существующемъ законодательствѣ, или вѣрнѣе—въ существующихъ нѣмецкихъ законодательствахъ,—такъ какъ: что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай,—имѣются относительно права Союзовъ и собраній пункты, которые всѣми партіями безъ исключенія признаются совершенно устарѣлыми и нецѣлесообразными. Эти пункты самымъ рѣшительнымъ образомъ задерживаютъ политическое и общественное воспитаніе людей, на которыхъ современная жизнь возлагаетъ все большую ответственность, требуя отъ нихъ все большей интеллектуальной зрѣлости и самосознанія. Взять хотя бы прусскій законъ, который запрещаетъ подмастерью принадлежать къ политическому фереину. Этотъ подмастерье можетъ быть молодцомъ «изряднаго возраста», лѣтъ 25 или 26; онъ уже участвуетъ въ общихъ выборахъ, между тѣмъ не можетъ быть членомъ политическаго ферейна. Или законъ относительно

малолѣтнихъ, т. е. лицъ, достигшихъ даже возраста 21 года и всетаки не имѣющихъ права принадлежать къ политическимъ фереинамъ. Между тѣмъ въ 21 годъ приходится при случаѣ идти на защиту отечества съ оружіемъ въ рукахъ, не говоря уже, что въ этомъ возрастѣ люди сплошь да рядомъ стоятъ, такъ сказать, по поясъ въ дѣйствительной жизни и въ разнаго рода отношеніяхъ къ частнымъ лицамъ и обществу... Что касается затѣмъ положенія нѣмецкой женщины, то въ Германіи, конечно, еще много голосовъ, утверждающихъ, что женщинѣ въ общественныхъ вопросахъ слѣдуетъ молчать. Но въ то время, какъ по баварскому закону женщинѣ слѣдуетъ абсолютно молчать, по прусскому — лишь въ мѣру говорить, — въ это самое время вюртембергскій законъ предоставляетъ женщинамъ полную свободу слова и дѣйствій въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ. При этомъ никто не скажетъ, что жены и дочери добродушныхъ пивавовъ менѣе добропорядочны, чѣмъ пруссачки и баварки.. Любопытно все то, что общенперскій промысловый уставъ, слѣдуя велѣніямъ экономическихъ и хозяйственныхъ условій Германіи, предоставляетъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ право коалиціи. Это и понятно, если принять въ соображеніе, какимъ замѣтнымъ факторомъ женскій трудъ является теперь въ промышленной жизни страны.

Убѣжденіе на счетъ женскаго молчанія въ общественныхъ дѣлахъ начинается, однако, и въ самыхъ консервативныхъ кругахъ, уступать натиску дѣйствительной жизни. Мнѣ приходилось въ свое время упоминать о томъ фурорѣ, какой произвело появленіе женщины на прошлогоднемъ евангелическо-соціальномъ конгрессѣ, слѣдовательно—на собраніи, болѣе чѣмъ на половину состоящемъ изъ священниковъ. Послушаемъ, что говорить про это членъ того же конгресса, консервативный политикъ проф. Делбрюнъ въ своихъ «Прусскихъ Ежегодникахъ»: «Евангелическо-соціальный конгрессъ пріобрѣлъ теперь особенное значеніе тѣмъ, что онъ не только включилъ въ сферу своего вниманія женскій вопросъ, но и самихъ женщинъ принялъ въ среду своихъ членовъ, предоставивъ имъ право участія въ публичныхъ преніяхъ по этому вопросу. Этимъ онъ создалъ чрезвычайно важный прецедентъ и расширилъ сферу своей практической общественной дѣятельности. Въ консервативныхъ кругахъ считалось до сихъ поръ неприличнымъ, если женщина публично выступала на защиту своего женскаго дѣла. Стоило очень большой борьбы и не обошлось даже безъ раскола, раньше чѣмъ евангелическо-соціальный конгрессъ рѣшился допустить къ себѣ женщинъ. Но послѣ того, какъ это большое общество, состоящее изъ людей консервативныхъ круговъ, въ первый разъ допустило участіе женщинъ и отнеслось къ нему съ полнымъ одобреніемъ, предрасудки противъ фактовъ такого рода, надо думать, скоро

исчезнуть во всей Германіи. Г-жа Гнауке-Кюне, на долю которой выпало въ первый разъ въ такомъ собраніи говорить объ участіи своихъ сестеръ, исполнила свою задачу съ такимъ талантомъ и достоинствомъ, что вызвала бурю восторга въ мужскихъ слушателяхъ не менѣе, чѣмъ въ женскихъ...»

И теперь на конгрессѣ въ Штутгартѣ снова выступила женщина съ рефератомъ «о дѣятельности женщинъ въ городскомъ и общественномъ управленіи».

Состояніе законодательства о собраніяхъ и ферейнахъ представляетъ довольно злую насмѣшку надъ такъ называемымъ германскимъ единствомъ. Въ Гессенѣ и Ольденбургѣ сохранилось, напр., еще старое положеніе отъ 1854 года, въ силу котораго не могутъ основываться фереины рабочихъ. Это остатокъ тревожной эпохи 1848 года и въ дѣйствительности не имѣетъ никакой силы, такъ какъ никому не взбрѣдетъ теперь въ голову—возставать противъ желанія рабочихъ соединяться въ общества... Въ герцогствѣ Ангальтъ существуетъ еще законъ, въ силу котораго иностранецъ не можетъ быть членомъ политическаго ферейна, при чемъ иностранцемъ считается и подданный всякаго другого нѣмецкаго государства... Въ Саксенъ-Мейнингенѣ и Саксенъ-Веймарѣ вообще не существуетъ никакихъ положеній относительно права союзовъ и собраній. Въ прежнія, болѣе спокойныя времена отсюда заключали, что запрещенія законнаго нѣтъ, и потому свободно соединялись и собирались. Теперь же настали болѣе строгія времена, и придерживающія власти толкуютъ отсутствіе определеннаго законодательства въ свою пользу... Въ Мекленбургѣ политическіе фереины могутъ организоваться лишь съ разрѣшенія мѣнштерства... Въ Эльзасѣ и Лотарингіи существуютъ также исключительныя постановленія... Однимъ словомъ,—въ единой Германской имперіи существуетъ не менѣе 26 различныхъ законодательствъ о ферейнахъ и собраніяхъ... Вотъ краснорѣчивый примѣръ вытекающей отсюда несостоятельности: Алтона принадлежитъ къ Пруссіи, но лежитъ у самого Гамбурга. Гамбуржцы могутъ безпрепятственно организовываться въ политическіе фереины; эти фереины могутъ безпрепятственно входить въ сношенія другъ съ другомъ и т. д. Но въ десяти шагахъ отсюда, въ Алтонѣ, то, что въ Гамбургѣ само собою разумѣется какъ право каждаго гражданина,—въ Алтонѣ уже является проступкомъ, наказуемымъ 150 марками штрафа, или 3 мѣсяцами заключенія. Та же исторія въ новомъ и старомъ Ульмѣ, отдаленныхъ рѣкой Дунаемъ... Преобладающіе случаи, когда злая воля гражданъ приходитъ въ противорѣчіе съ закономъ, касаются того совершенно анахроничнаго пункта, который воспрещаетъ политическимъ фереинамъ вступать въ сношенія другъ съ другомъ. Между тѣмъ, очевидно, что ни одна организація безъ этихъ сношеній обойтись не можетъ. Извѣстно, что послѣднимъ подвигомъ фонъ-Кел-

лера было распушеніе соціаль-демократической организаціи на основаніи именно этого § 8 прусскаго закона о собраніяхъ и союзахъ. Возникшій отсюда процессъ уподобился горѣ, которая родила мышь. Сколько полицейской энергіи было потрачено на этотъ Келлеровскій soup, между тѣмъ большая часть организаціи по приговору суда была восстановлена, а за нѣкоторыя упущенія присуждены были денежныя штрафы, такъ что рецидивистъ Бебель долженъ былъ уплатить 75 марокъ штрафа!.. Такой мягкій приговоръ вполнѣ понятенъ: судьи очень хорошо понимаютъ, что другія партіи еще больше грѣшатъ противъ § 8, и что придется, быть можетъ, скоро судить за то же самое преступленіе консерваторовъ, національ-либераловъ и т. д. Прокуроръ и на самомъ дѣлѣ пригрозилъ ближе присмотрѣться къ организаціямъ этихъ партій, что ихъ и сдѣлало теперь болѣе покладистыми въ пользу реформы устарѣлаго законодательства. Невольно грѣшатъ противъ этого § не только политическія партіи, но и организаціи разныхъ либеральныхъ профессій, занимающихся между прочимъ обсужденіемъ общественно-политическихъ вопросовъ: организаціи врачей, журналистовъ, адвокатовъ и тысячи другихъ.

Когда заходитъ рѣчь о правѣ коалиціи, то люди, подобные барону Штуммъ, начинаютъ жаловаться, что это право ограничивается не только для коалиціи рабочихъ, но и для коалиціи предпринимателей. Это, конечно, одно изъ тѣхъ утвержденій, которыя вообще характерны для этого вліятельнѣйшаго изъ нѣмецкихъ заводчиковъ. Иллюстраціей же того, какъ на самомъ дѣлѣ обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло, можетъ служить противопоставленіе двухъ фактовъ хотя бы изъ самого ближайшаго прошлаго. Нѣсколько недѣль тому назадъ представители одной рабочей организаціи подверглись судебному взысканію за то, что, объявляя о предпринятой въ ихъ отрасли труда стачкѣ, прибавили къ этому объявленію своей газеты слова: «при-токъ чужихъ рабочихъ къ фабрикамъ, гдѣ объявлена стачка, долженъ быть тѣми или иными мѣрами предупрежденъ». Руководители стачки и рабочая газета подверглись за эти слова обвиненію въ пресловутомъ grober Unfug, такъ какъ въ нихъ было усмотрѣно нарушеніе спокойствія тѣхъ предпринимателей, которые при случаѣ также могутъ подвергнуться стачкѣ.

Возьмемъ другой фактъ — одинъ изъ множества подобныхъ. Вотъ циркуляръ одной крупной фирмы въ Майнцѣ, обращенный къ другимъ соперничающимъ фирмамъ въ области производства обуви: «Какъ вамъ извѣстно изъ печати, нашей фабрикѣ грозитъ стачка, вслѣдствіе пониженія заработной платы, происшедшаго отъ введенія нами американскихъ машинъ въ наше производство. Въ виду этого мы обращаемся съ покорнѣйшей просьбой — не принимать къ себѣ на работу ни одного изъ означенныхъ на прилагаемомъ списокѣ рабочихъ. Особенно про-

симъ мы васъ не приниматьъ никого въ ближайшіе три мѣсяца, въ теченіе которыхъ предстоить введеніе новыхъ машинъ на нашей фабрикѣ. Мы смѣемъ увѣрить васъ, что, если и у васъ случится что нибудь подобное, то мы почтемъ долгомъ принять въ вашемъ положеніи наше полное участіе»...

Такого рода циркуляры извѣстны подъ именемъ Schwarze Listen—черные списки, нѣчто въ родѣ волчьяго билета. Законъ, собственно говоря, воспрещаетъ всякія дѣйствія, которыя ведутъ къ умышленному прегражденію способовъ добыванія работы; но прокуратура, чувствительная къ grober Unfug одной стороны, не всегда выступаетъ на сцену, когда Unfug совершенъ болѣе сильной стороной. Эта пристрастная тактика дѣлается, къ сожалѣнію, все болѣе господствующей.

А. Ковровъ.

Съ береговъ Лемана.

(Швейцарская національная выставка).

Письмо II.

1-го мая состоялось открытіе выставки, отличавшееся особенно торжественностью.

Женева буквально тонула въ морѣ флаговъ и зелени. Окна, балконы, уличные фонари, перила мостовъ—все одѣлось въ національные цвѣта кантоновъ, повсюду бросался въ глаза швейцарскій равноконечный крестъ то изъ живыхъ цвѣтовъ, то изъ красной или бѣлой матеріи. Стѣны многихъ домовъ совершенно скрывались подъ квадратами гобеленъ и дорогихъ старинныхъ ковровъ. На набережныхъ Роны и Лемана высились ряды раскрашенныхъ столбовъ съ гербами кантоновъ и гигантскими флагами; такіе же флаги унизывали крыши домовъ, развѣвались на перекинутыхъ вверху улицъ канатахъ.

Такъ какъ 1 мая приходилось въ пятницу, то, чтобы дать возможность участвовать въ торжествѣ всему населенію, кантональный совѣтъ, особымъ закономъ, обратилъ этотъ день въ праздничный.

Въ 7 ч. утра залпы артиллеріи и колокольный звонъ, будя вокругъ стоустое горное эхо, возвѣстили Женевѣ о началѣ торжества. Согласно церемоніалу, то же самое происходило во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ женевского кантона. Въ 8 ч. началось служеніе въ соборѣ св. Петра. Въ 9 ч. спеціальныи пароходъ

«Швейцарія», убранный флагами двадцати двухъ кантоновъ, съ оркестромъ военной музыки, причалилъ, при громѣ пушечныхъ салютовъ и вликахъ несмѣтной толпы народа, къ пристани набережной Лемана, въ англійскомъ саду. На пароходѣ прибыли федеральныя власти, дамы высшаго бернского общества и дипломатическій корпусъ.

Встрѣченные представителями Женевы и комитетомъ выставки, власти остановились въ англійскомъ саду, предъ колоссальнымъ монументомъ, воздвигнутымъ въ память присоединенія Женевы къ швейцарскому союзу. У подножія этого монумента, образуя аллею, стояли женевскія красавицы, въ бѣлыхъ платьяхъ и шелковыхъ перевязяхъ цвѣтовъ кантоновъ, и возвышалась трибуна, покрытая краснымъ сукномъ и убранныя цвѣтами.

Первымъ на трибуну возшелъ предсѣдатель комитета выставки, инженеръ Тюрретини.

Привѣтствуя прибывшихъ, онъ напомнилъ, что 80 лѣтъ тому назадъ представители швейцарскаго союза такъ же прибыли въ Женеву и такъ же горячо и радостно встрѣчены были народомъ. «Но,—продолжалъ ораторъ,—тогда была година смутъ и бѣдствій, Швейцарія стояла подъ ружьемъ и союзъ прибылъ возвѣстить Женевѣ, что отнынѣ она его дочь, что онъ беретъ ее подъ свою защиту. Теперь же, послѣ многихъ лѣтъ внѣшняго мира и внутренняго преуспѣянія, союзъ призываетъ Женеву показать не пушки и солдатъ, а армию швейцарскихъ труженниковъ, плоды ихъ мысли, искусства, знаній и труда»... Обращаясь къ представителямъ иностранныхъ державъ, г. Тюрретини сказалъ: «Женева привѣтствуетъ васъ въ своихъ стѣнахъ, какъ дорогихъ гостей; она гордится вашею любезною отзывчивостью на ея скромное приглашеніе, гордится вашимъ участіемъ въ празднествѣ народа, который не ищетъ ни славы, ни завоеваній, и желаетъ мира съ своими сосѣдями, чтобъ посвящать всѣ свои силы на служеніе лишь труду и прогрессу».

Вторымъ говорилъ президентъ федеральнаго совѣта Лашеналь. Онъ сказалъ блестящую адвокатскую рѣчь, приличную случаю и обстоятельствамъ. Обращаясь къ народу, президентъ коснулся важнаго для Швейцаріи вопроса внутренней политики. «Нѣтъ сомнѣнія,—сказалъ онъ,—что твердость наша коренится, прежде всего, въ нашемъ федеральномъ единеніи, но единеніе это не умаляетъ значенія для каждаго кантона его собственной фивіономіи и индивидуальности; оно лишь способствуетъ сплоченію отдѣльныхъ силъ въ одно гармоническое цѣлѣ».

Когда, послѣ президента, на трибуну возшелъ Деухеръ, предсѣдатель національной комиссіи—этой фактической владѣлицы выставки, двѣ ассистентки, изъ числа красавицъ, съ перевязями женевскихъ кантональных цвѣтовъ, поднесли ему на подушкѣ малиноваго бархата золотые ключи отъ выставки.

Отъ монумента всё двинулись на набережную Лемана, занимаемая опредѣленныя мѣста и образуя кортежъ, назначенный слѣдовать къ зданіямъ выставки.

Кортежъ занялъ собою протяженіе болѣе версты и двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: первый эшелонъ открывался взводомъ жандармовъ, за нимъ слѣдовалъ эскадронъ всадниковъ, въ костюмахъ рыцарей XVII вѣка и съ перевязями кантональных цвѣтовъ Цюриха и Женевы, затѣмъ оркестръ военной музыки, взводъ пѣхоты и составъ зрителей выставки, второй эшелонъ начинался группой дѣвушекъ въ національных костюмахъ, за которой слѣдовали: національная коммисія, центральный комитетъ, эксперты выставки; въ третій эшелонъ, предшествуемый взводомъ пѣхоты, вошли: федеральный совѣтъ, дипломатическій корпусъ, члены федеральныхъ палаты и суда, иностранные консулы въ Женевѣ, власти кантона и города Женевы; четвертый эшелонъ открывался также военнымъ оркестромъ и тутъ же шли члены коммисій и комитетовъ выставки, архитекторы и служащіе. Въ пятый эшелонъ должны были войти студенческія и всякія другія женевскія общества, но число членовъ ихъ оказалось такъ велико, что участвовать пришлось лишь однимъ знаменщикамъ. Ихъ насчитывалось до 150 человекъ и каждый несъ богатѣйшее знамя, расшитое шелками и золотомъ *).

Толпа, наполнявшая улицы, была такъ велика, что кортежъ едва могъ подвигаться. Окна, балконы, крыши домовъ — все усѣяно было зрителями и отовсюду сыпались на проходившихъ цвѣты.

Въ 11 часовъ кортежъ вступилъ, чрезъ главный входъ на площади Plainpalais, въ паркъ художественнаго отдѣла выставки и власти, а также приглашенные и знаменщики, прошли въ обширный центральный павильонъ отдѣла. Здѣсь соединенный хоръ дамъ и мужчинъ, всего болѣе 200 человекъ, исполнилъ, сочиненную специально для открытія выставки, кантату — патріотическую оду. Затѣмъ власти и приглашенные совершили официальный обходъ галлерей выставки и отправились въ *миниатюрную Швейцарію* (Village suisse), открытіе которой должно было совершиться независимо отъ общаго открытія выставки.

Въ Village suisse, при громѣ трубъ любительскаго оркестра и при звонѣ курантовъ на колокольнѣ старинной деревенской церкви, прибывшіе встрѣчены были пасторальной кантатой, пропѣтой мальчиками и дѣвочками, одѣтыми въ національные костюмы кантоновъ. Затѣмъ эти миниатюрные граждане, какъ нельзя больше подходившіе къ окружающему и придававшіе всему характеръ

---

*) Цѣнность такого знамени, шагольнуть которымъ стремится каждое общество, доходитъ нерѣдко до 1,000 фр.

истинной идилліи, исполнили среди деревенской площади равнообразные національные танцы.

Этимъ закончился церемоніаль открытія выставки, и присутствовавшіе отправились на официальный банкетъ, ожидавшій ихъ въ зданіяхъ выставки. Власти, приглашенные и дипломатическій корпусъ—всего до 600 человекъ—размѣстились въ ресторанѣ промышленности, занимающемъ зданіе манежа городскихъ казармъ, очищенныхъ ради выставки. Въ ресторанѣ парка искусствъ собралась пресса—больше ста человекъ, представителей швейцарской и иностранной печати. Всѣ безъ исключенія дамы были отдѣлены отъ мужчинъ и приглашены въ павильонъ отелей (hôtel-modèle).

Объясненію этой странности нѣсколько поможетъ рѣчь, произнесенная на банкетѣ назначеннымъ состоять при дамахъ въ качествѣ распорядителя, бывшимъ прокуроромъ въ Женевѣ, а теперь адвокатомъ, г. Монуаромъ.

Привѣтствуя, во время десерта, дамъ, г. Монуаръ сказалъ между прочимъ: «Я не думаю, чтобы это чествованіе васъ, отдѣльно отъ мужчинъ, могло быть помято, какъ знакъ меньшей степени гостепріимства. Причина въ томъ, что женскій вопросъ у насъ не такъ еще глубоко пустилъ корни, чтобы присутствіе женщинъ на официальныхъ собраніяхъ могло считаться возможнымъ *). Потому, когда въ исторіи Швейцаріи станетъ однимъ въкомъ больше, вы, вступивъ въ полное обладаніе правами гражданскими и политическими, возьмете, быть можетъ, сами въ руки бразды правленія, поведете мужчинъ за собою. Но надобно ли сожалѣть, что время это еще не наступило? Я не войду въ разсмотрѣніе этого вопроса, какъ не призванный читать вамъ здѣсь лекцію объ эмансипаціи женщинъ. Если природа надѣлила мужчину физической силой и указала ему заботу о ежедневныхъ нуждахъ, то женщинѣ дала она всѣ качества царицы домашнего очага, близъ котораго мужъ и дѣти находили бы себѣ свѣтлыя радости семьи, успокоеніе отъ заботъ»...

Пока длился официальный банкетъ, выставка была открыта для публики.

Бросимъ взглядъ на внѣшность выставки.

Главный входъ, представляющій собою богато орнаментованную величественную арку, продолженную колоннадами внутрь, вводитъ прямо въ паркъ отдѣла искусствъ. Паркъ этотъ очень красивъ и обширенъ, имѣетъ форму правильнаго овала, съ иллю-

---

*) Это не совсѣмъ точно: женщины въ Швейцаріи и помимо официальныхъ собраній мало куда допускаются; онѣ не могутъ, напримѣръ, присутствовать при похоронахъ не только знакомыхъ и родныхъ, но даже мужа и дѣтей, и гробъ провожаютъ исключительно одни мужчины.

минованнымъ фонтаномъ посрединѣ, полонъ зелени и заключаетъ въ себѣ, разбросанные тамъ и сямъ, кіоски, рестораны, эстраду для оркестра, фотографію, акваріумъ, павильонъ метеорологическаго института, почту, бюро представителей прессы, станцію желѣзной дороги, прорѣзывающей отсюда выставку въ двухъ направленіяхъ до ея конечнаго юго-западнаго пункта, гдѣ находится *Village suisse*. На противоположной отъ входа сторонѣ овала высится центральный павильонъ художественнаго отдѣла, имѣющій по сторонамъ входа два огромныхъ прекрасныхъ раппеахъ, работы художника Біелера, изображающихъ аллегоріи труда въ полѣ и въ городѣ. Надъ входомъ слова дельфійскаго оракула золотыми буквами: «Познай самого себя». Павильонъ этотъ представляетъ собою большую круглую залу съ куполомъ, назначенную для симфоническихъ концертовъ выставки. Въ лѣвомъ отъ входа крылѣ павильона находится галлерея современнаго искусства и фотографій; въ правомъ — помѣщаются группы: часовая, ювелирная, женевскихъ эмалей, физическихъ, математическихъ и прочихъ подобныхъ инструментовъ.

Этимъ заканчивается часть выставки на площади Plainpalais, сосредоточивающая въ себѣ весь I отдѣлъ, и чтобы отправиться дальше надобно перейти перекинутый черезъ улицы воздушный мостъ. Тутъ, удлинненнымъ четырехугольникомъ, вплоть до берега Арвы, располагаются: отдѣлъ II (промышленности), группы: мебели, шелковаго, льнянаго и бумажнаго производствъ, кружевъ, издѣлій изъ кожи, соломы и шерсти, предметовъ роскоши и музыкальныхъ инструментовъ, разныхъ деревянныхъ издѣлій, бѣлья, модъ и костюмовъ; отдѣлъ III (наукъ), группы: воспитанія и образованія (сюда же отнесена и пресса), профессиональныхъ школъ, картографическая, обществъ благотворительныхъ и другихъ, писчебумажнаго производства, павильонъ Рауля Пикте и обширная 19 группа, носящая названіе «*Procédes de reproduction*», куда отнесено все, касающееся письма, печатанія, литографіи, гравированія, техническаго рисованія и гальванопластики, въ приложеніи ея къ графическимъ искусствамъ; отдѣлъ IV (машинъ, электричества, строительнаго и инженернаго искусства, произведеній природы и проч.), группы: сырыхъ матеріаловъ, химическихъ производствъ, металловъ въ обработкѣ, строительныхъ матеріаловъ, глиняныхъ издѣлій (*céramiques*), группы машинъ и электричества, съ ихъ грандіозною и въ то же время легкою, ажурною, изъ желѣза и стекла, галлерею; группа продуктовъ первой необходимости. Тутъ же находятся: военный паркъ, павильонъ гігіены и воздушный шаръ (*ballon captif*). Направо отъ этого четырехугольника раскинулся паркъ удовольствій (*parc de plaisance*). Въ этомъ отношеніи Женева обѣщаетъ также не мало своимъ гостямъ. Въ паркѣ есть *théâtre des variétés*, русскія горы, земля негровъ съ чернокожимъ населеніемъ до 200 человекъ, вывезенныхъ спеціально для

выставки цѣлыми семьями, есть звѣринецъ, музыканты съ острова Явы, гималайская желѣзная дорога, *tour métallique* — родная сестра парижской эйфелевой башни, только ростомъ поменьше, есть даже «дворецъ фей».

Такъ называемый земледѣльческій мостъ ведетъ изъ описаннаго четырехугольника на противоположный, лѣвый берегъ Арвы. Тутъ, составляя V и послѣдній отдѣлъ выставки, раскидывается на чисто деревенскомъ просторѣ, въ обширномъ паркѣ, съ фонтанами, озерами и кіоскомъ для музыки, все касающееся земледѣлія и сельскаго хозяйства — школа лѣсоводства, склады земледѣльческихъ орудій, лѣсные и садовые питомники, теплицы, группа винодѣлія, пчельники, цѣлыя площади цвѣтовъ и цѣлое царство домашнихъ и пѣвчихъ птицъ. Тутъ же павильонъ клуба альпинистовъ, съ образцовой горной хижинкой для туристовъ.

Направо отъ этого отдѣла находится *Village suisse*, о которой мы уже говорили.

Отличительная черта выставки — скопленіе повсюду богатства во всѣхъ возможныхъ видахъ, понстинѣ изумительное для маленькой Швейцаріи, и печать хозяйственности, прилежанія, отличающая всякую мелочь. Та же печать хозяйственности лежитъ и на зданіяхъ выставки: глядя на солидныя, до послѣдняго шалаша, постройки, на обиліе живописныхъ и скульптурныхъ украшеній, на добротность окраски и законченность каждой малѣйшей детали, нельзя не подумать, что все это рассчитано не на какіе нибудь шесть мѣсяцевъ, а на добрый десятокъ лѣтъ...

Больше о выставкѣ сказать пока нечего. Официально она открыта, но на дѣлѣ не пришла еще въ себя, не развернулась какъ должно, не начала жить. Многіе экспоненты еще отсутствуютъ, тамъ и самъ кіоскъ и витрины остаются до времени пустыми, машины не пущены еще въ ходъ. Встрѣчается кое-что, не доведенное до конца и въ самыхъ зданіяхъ. По ночамъ надъ выставкой разливается блѣдное, трепетное зарево электрическихъ огней — это рабочіе и экспоненты догоняютъ своихъ успѣшно отдѣлавшихся товарищей.

Павильонъ Рауля Пикте также еще въ бездѣйствіи. Въ немъ устанавливаются машины, заканчиваются детали отдѣлки. Вотъ нѣкоторые касающіеся его свѣдѣнія, извлеченныя изъ писемъ Рауля Пикте къ редактору «Вѣстника Выставки».

Павильонъ будетъ имѣть три отдѣленія: амфитеатръ для зрителей, залу машинъ и такъ называемый *bar* — нѣчто вродѣ ресторана, мѣсто отдыха публики.

Въ амфитеатрѣ (разсчитанномъ, какъ мы уже говорили, на

500 чел. зрителей), не взирая ни на скопление публики, ни на могущую быть лѣтнюю жару, общается неизмѣнная температура отъ 18 до 20° Цельсія и самый чистый воздухъ.

Въ залѣ машинъ покажется, между прочимъ, публикѣ фабрикація льда, глыбами въ 17,000 килограммовъ за-разъ; между всякими опытами надъ смѣсями сѣрной и угольной кислотъ, надъ обращеніемъ амміака въ твердое тѣло и обратно въ жидкость, будетъ приводимъ въ жидкое состояніе и самый атмосферный воздухъ — Пикте общается предъавлять его публикѣ отъ 20 до 30 килограммовъ въ часъ, въ видѣ прозрачной жидкости прекраснаго голубого цвѣта. Степень холода будетъ доведена до 213° по Цельсію.

Въ барѣ, представляющемъ собою изящную, полную зелени и цвѣтовъ террасу, расположенную полукругомъ въ концѣ павильона, прохладительныя и прочіе напитки не будутъ уклоняться ни на градусъ отъ требующейся для нихъ степени холода или тепла; струи фонтана будутъ падать на глыбу льда, никогда не уменьшающуюся, ни въ вѣсѣ, ни въ объемѣ; будетъ подаваться даже *замороженный коньякъ...*

Входъ на выставку стоитъ 1 фр., но книжка въ 12 билетовъ стоитъ 10 фр., а въ 25 билетовъ—20 фр. Абонементный билетъ на все время выставки стоитъ 30 фр. (20 фр. для дѣтей). Есть еще *билеты коллективные*, за половинную плату—50 с. съ человека: они выдаются школамъ, сельскимъ общинамъ, составу рабочихъ одного и того же хозяйства или одной и той же фабрики и вѣсьмъ безъ исключенія швейцарскимъ обществамъ, правильно организованнымъ.

Такіе же коллективные билеты, съ значительно пониженнымъ тарифомъ, установлены и для проѣзда на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ.

Любопытную картину представляла собой 1 мая набережная Лемана, спустя нѣсколько часовъ послѣ начавшагося на ней церемоніала открытія выставки.

На томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ только что вѣяли шелковыя знамена студенческихъ и другихъ обществъ, гдѣ торжественно ликовало все властительное и знатное Швейцаріи—на этомъ мѣстѣ, въ 2 ч. дня развернулось красное знамя и загудѣла толпа въ 1500 чел. рабочихъ. Они собрались чествовать традиціонное теперь 1 мая. Рабочіе-распорядители, съ цвѣтными кокардами въ петлицахъ, скоро разбили эту толпу на правильныя кучки и отвели каждой изъ нихъ мѣсто на набережной; brave знаменщики, съ ремнями черезъ плечо для поддержки древка, вздернули высоко 23 знамени различныхъ рабочихъ корпорацій. Такъ же стройно, въ порядкѣ, какъ и выставочный кортежъ, сформировался кортежъ

мы на прочія части имперіи не было усмотрѣно надобности колебать принципъ судейской несмѣняемости. Поступать иначе въ отношеніи Сибири нѣтъ основаній. Указанныя выше соображенія политическаго свойства къ ней непримѣнимы. Испрашиваемое министеромъ юстиціи особое полномочіе по перемѣщенію и увольненію чиновъ судебныхъ коллегій оправдывается въ дѣлѣ собственно затруднительностью надзора за ихъ дѣятельностью, въ виду отдаленности Сибири отъ центральной власти. Обстоятельство это не должно имѣть въ настоящемъ случаѣ рѣшающаго значенія, какъ не имѣло его оно при введеніи судебной реформы въ другихъ удаленныхъ отъ правительственнаго центра мѣстностяхъ имперіи. Напротивъ того, видѣть судей въ положеніи возможно независимомъ не только желательно, но совершенно необходимо именно въ Сибири, гдѣ, вслѣдствіе издавна укоренившихся привычекъ, имѣютъ мѣсто стороннія вліянія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Къ тому же, не слѣдуетъ забывать, что закономъ 20-го мая 1885 года правительствующій сенатъ, въ составѣ котораго образовано высшее дисциплинарное присутствіе, а равно министръ юстиціи вооружены достаточными полномочіями въ цѣляхъ устраненія изъ судебныхъ мѣстъ такихъ членовъ, которыхъ не только служебная дѣятельность, но и внѣслужебные поступки оказываются несоотвѣтствующими носимому ими высокому званію судьи».

Намъ кажется, что всѣ эти въ высшей степени вѣскія соображенія также примѣнимы къ единоличнымъ мировымъ судьямъ-слѣдователямъ, какъ и къ членамъ судейскихъ коллегій. Именно въ Сибири особенно важно видѣть мирового судью въ такомъ положеніи, которое исключало бы даже и самую мысль о доступности его постороннимъ вліяніямъ и воздѣйствіямъ. А съ какими могущественными интересами придется сталкиваться сибирскимъ судьямъ, можно составить себѣ представленіе, если вспомнить хотя бы объ условіяхъ и обстановкахъ *пріисковой* жизни. Будущимъ мировымъ судьямъ суждено внести свѣтъ закона въ то «темное царство», которое представляетъ изъ себя наша Калифорнія*). Выполнить эту миссію съ гораздо большимъ успѣхомъ можетъ независимый и самостоятельный судья, нежели простой чиновникъ судебного вѣдомства.

«Временныя правила» ставятъ *пріисковыхъ* судей въ особое положеніе, — не только размѣрами содержанія, имъ присвоеннаго. Въ то время какъ общій окладъ содержанія мировыхъ судей въ Сибири составляетъ (съ квартирными деньгами на счетъ земскихъ повинностей) 2,200 р., 5 мировыхъ судей на олекминской, витимской, бурейнской, зейской и амгунской золотопромышленныхъ системахъ будутъ получать по 4,700 р. содержанія и квартиру въ

*) Очень краснорѣчивыя иллюстраціи *пріисковыхъ* порядковъ и *пріисковаго* безправія можно найти, между прочимъ, въ интересныхъ статьяхъ В. И. Семевского, печатающихся въ «Вѣстникѣ Европы».

натурѣ. Но высокій окладъ можетъ сдѣлать судью чувствительнымъ къ возможности административнаго перемѣщенія на другое мѣсто, но не придастъ ему независимости и большаго авторитета въ главахъ мѣстнаго населенія, которое свыкло съ крупными размѣрами чиновничьихъ полученій и далеко не соединяетъ съ ними представленія о самостоятельности и безпристрастїи дорого оплачиваемыхъ чиновъ.

Мы ограничимся этими бѣглыми замѣчаніями о самыхъ крупныхъ особенностяхъ новаго сибирскаго судоустройства и не будемъ останавливаться на тѣхъ изытіяхъ изъ общихъ судебныхъ порядковъ, которыя вызываются частью названными особенностями въ самой организаціи суда (присвоеніе окружному суду роли второй мировой инстанціи, и судебной палатѣ функций инстанціи кассаціонной и т. п.), частью же мѣстными условіями въ тѣсномъ смыслѣ слова, — главнымъ образомъ сибирскими разстояніями и условіями размѣщенія населенія (правила относительно случаевъ личной явки въ судъ подсудимыхъ, сторонъ, свидѣтелей и порядка письменныхъ сношеній, правила объ исчисленіи сроковъ и т. д.). Упомянемъ только о двухъ крупныхъ ограниченіяхъ юрисдикціи новыхъ судовъ, устанавливаемыхъ «временными правилами». Именно, на основаніи 25 и 57 ст. этихъ правилъ, изъ вѣдѣнія судебныхъ установленій «изъѣмлются дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ сибирскихъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, по коимъ они подлежатъ отвѣтственности предъ ихъ собственными судами». Точно также и въ порядкѣ суда гражданскаго иски между сельскими обывателями, а равно и инородцевъ между собою подлежатъ вѣдѣнію ихъ сословныхъ судовъ, «развѣ на предоставленіе иска разбору мирового судьи послѣдуетъ взаимное между истцомъ и отвѣтчикомъ соглашеніе». Помимо такого соглашенія, инородческіе иски попадаютъ въ общіе суды только въ томъ случаѣ, если они основаны на актахъ, совершенныхъ при участіи подлежащихъ властей по общимъ законамъ имперіи, или представляются инородцами къ своимъ единоплеменникамъ, проживающимъ въ предѣлахъ русскихъ поселеній. Такимъ образомъ, рядомъ съ общимъ судомъ сохраняются и особые, обычные суды крестьянскіе и инородческіе.

Новые суды въ Сибири потребуютъ значительнаго контингента личныхъ силъ. По приложеннымъ къ временнымъ правиламъ штатамъ сибирскихъ судебныхъ установленій, въ Сибири будетъ образована 1 судебная палата въ Иркутскѣ, 8 окружныхъ судовъ (въ Тобольскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Якутскѣ, Читѣ, Благовѣщенскѣ и Владивостокѣ) и 157 мировыхъ участковъ. Для всѣхъ этихъ учрежденій нужно всего 413 судебныхъ чиновъ разныхъ степеней (240 для общихъ судебныхъ установленій, 157 участковыхъ и 16 добавочныхъ мировыхъ судей). Все это только для сибирской «магистратуры». Но вѣдь органическую принадлежность новыхъ судовъ составляетъ также и институтъ судебной защиты.

Для сибирскихъ судовъ понадобится и значительный адвокатскій персоналъ.

Откуда взять столько людей, достаточно подготовленныхъ и удовлетворяющихъ по своимъ качествамъ той высокой мисси, которая предстоитъ новому суду, призванному способствовать «незыблемости закона и господству правды» въ далекой и забытой окраинѣ, которая до сихъ поръ характеризовалась (по словамъ одного изъ представителей высшей мѣстной администраціи), судебнымъ разстройствомъ, граничащимъ «почти съ полнымъ отсутствіемъ правосудія». Какъ сдѣлать, чтобы на судебныхъ мѣстахъ въ Сибири были люди, которые въ состояніи принести на служеніе новому дѣлу дѣйствительную и «беззаветную преданность долгу и неустанную энергію въ исполненіи своихъ обязанностей», а не «пришлые искатели должностей», соблазняемые перспективою тѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, которыя даетъ служба въ дальнихъ губерніяхъ.

Путь для этого можетъ быть только одинъ: большій просторъ для развитія общественности въ самомъ краѣ и облегченіе доступа къ высшему юридическому образованію и служенію на судебномъ поприщѣ для мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ. Сибирь должна сама воспитать своихъ судебныхъ дѣятелей, и она несомнѣнно сможетъ это сдѣлать, разъ вѣшнія условія сложатся для этого сколько нибудь благопріятно. Нельзя не пожалѣть, что въ теченіе такого длиннаго періода, который выпалъ на долю сибирской судебной реформы, не предпринято было ничего для подготовкѣ омбирскихъ юристовъ и для изученія юридическихъ условій края. Юридическій факультетъ томскаго университета, если бы онъ существовалъ, могъ бы оказать въ этомъ смыслѣ неоцѣненные услуги. Особенно важно было бы его значеніе, какъ живого центра для научнаго изслѣдованія юридическаго быта, мѣстныхъ обычаевъ и правовыхъ отношеній среди различныхъ группъ сибирскаго населенія. Вообще все то, что можетъ способствовать оживленію интереса къ вопросамъ права и развитію юридической мысли въ обществѣ, — будетъ вести всего вѣрнѣе къ упроченію и укрѣпленію суда въ краѣ и облегчить рекрутированіе судебныхъ установленій надежными и способными рабочими силами. Такія силы найдутся на мѣстѣ. Нужно только открыть имъ возможность общественной работы на пользу края. Кто сколько нибудь знакомъ съ Сибирью, тотъ знаетъ, съ какою энергіею и настойчивостью массы сибирской молодежи стучатся въ двери высшей школы. И огромная доля этой молодежи охотно вернется для служенія своей далекой и суровой родинѣ. Ее потянетъ туда не стремленіе къ карьерѣ или какимъ нибудь служебнымъ преимуществамъ, а тотъ здоровый областной «патріотизмъ», который свойственъ каждой окраинѣ и которымъ отличалась всегда и сибирская молодая интеллигенція.

«Временныя правила», въ виду затруднительности пополненія

служебнаго персонала сибирскихъ судовъ, разрѣшаютъ въ данномъ случаѣ необходимыя отступленія отъ установленныхъ закономъ условій служебнаго и образовательнаго ценза для судебныхъ чиновъ, занимающихъ должности разныхъ степеней. Но какъ широко ни проектировались-бы подобныя льготы, онѣ не будутъ въ состояніи обезпечить для края нужный ему судебный персоналъ, если къ этому дѣлу не будутъ привлечены мѣстныя силы. А для того, чтобы выдвинуть ихъ впередъ, нужно, кромѣ судебного преобразованія, измѣненіе и многихъ другихъ порядковъ сибирской дѣйствительности. Если въ этой дѣйствительности все останется по старому, то и самый судъ въ Сибири можетъ явиться экзотическимъ растеніемъ, не связаннымъ органически съ остальными сторонами мѣстной жизни.

Прежде чѣмъ покончить съ вопросомъ о судебномъ преобразованіи въ Сибири, намъ хотѣлось-бы сказать два слова еще объ одномъ сибирскомъ вопросѣ, тѣсно связанномъ съ судебною реформою. Въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ есть нѣсколько специальныхъ страницъ, посвященныхъ Сибири, какъ странѣ ссылки. Страницы эти суровы и мрачны. Онѣ устанавливаютъ особую систему наказаній и особый порядокъ расправы для двухъ группъ сибирскаго населенія: ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Указанія эти находятся не въ общемъ «уложеніи о наказаніяхъ» и не въ уставахъ судопроизводства уголовного, а въ специальномъ «уставѣ о ссыльныхъ», которымъ опредѣляется состояніе всѣхъ категорій лицъ, попадающихъ въ ссылку. Опредѣляемые ими для лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ мѣры взысканія заключаются главнымъ образомъ въ разнаго рода тѣлесныхъ наказаніяхъ. Розги, плети, наложеніе оковъ, бритье головы, приковываніе на годы къ телѣжкѣ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ ороковъ и тягости тюремнаго заключенія и каторжныхъ работъ — вотъ тѣ наказанія, которыми замѣняются для каторжныхъ и поселенцевъ установленныя въ уложеніи о наказаніяхъ уголовныя и исправительныя кары. Для каторжныхъ наказанія полагаются болѣе строгія, чѣмъ для ссыльно-поселенцевъ: плети и оковы являются здѣсь мѣрою возмездія даже за маловажные проступки. Для ссыльно-поселенцевъ «наказаніе на тѣлѣ плетями» назначается только за болѣе серьезные проступки, влекущіе за собою, по общимъ законамъ, лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; за проступки маловажные (по уставу о ссыльныхъ таковыми считаются всѣ преступныя дѣянія, подлежащія по общимъ законамъ наказанію, не восходящему до заключенія въ тюрьму, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ) тѣлесныя наказанія налагаются на нихъ только въ формѣ наказанія розгами (до 100 ударовъ). За маловажные проступки опредѣленныя мѣры взысканія могутъ и не соединяться съ тѣлеснымъ наказаніемъ. За преступленія болѣе тяжкія оно всегда

сопровождать другое наказаніе; при этомъ законъ (ст. 464 уст. о ссыльн.) оговариваетъ специально, что «отъ тѣлесныхъ наказаній, опредѣленныхъ (выше), за преступленія ссыльныхъ, не освобождаются ни женщины, ни престарѣлые, ни убогіе; но мѣра наказанія назначается имъ по соразмѣрности силъ ихъ, вслѣдствіе предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія». Ссыльные женщины въ послѣднее время изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, но осталшая часть приведенной статьи остается въ полной силѣ. Отъ тѣлесныхъ наказаній не избавляются и малолѣтніе, попадающіе въ ссылку. Для ссыльно-поселенцевъ, не достигшихъ 14 лѣтъ, законъ ограничиваетъ размѣръ наказанія 50 ударами розогъ; для ссыльно-каторжныхъ (даже и менѣе 14 лѣтъ) и ссыльно-поселенцевъ отъ 14 до 21 года плети только замѣняются розгами, въ томъ же количествѣ ударовъ, такъ что по закону возможны случаи наказанія дѣтей 100 ударами розогъ.

Вмѣстѣ съ особою лѣстницею наказаній для ссыльныхъ существуетъ и особая, упрощенная процедура ихъ опредѣленія. До суда восходятъ только случаи наиболѣе тяжкихъ преступленій, влекущихъ за собою по общимъ законамъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а также нѣкоторые, наиболѣе строго наказываемые виды побѣговъ. Наказанія, налагаемые за эти преступленія, варьируютъ между 80 ударами плетей и безсрочною каторгою и 100 ударами плетей, съ прикованіемъ къ тѣлѣжкѣ до 3 лѣтъ и содержаніемъ (при безсрочной каторгѣ) въ разрядѣ испытуемыхъ безъ срока.

Всѣ прочія дѣла рѣшаются порядкомъ административнымъ или «мѣстнымъ начальствомъ по его собственному удостовѣренію въ учиненной винѣ или по формальному полицейскому изслѣдованію»—такъ называемой «формальной полицейской расправѣ». Послѣдній приемъ примѣняется къ разбору дѣлъ по преступленіямъ, подвергающимъ виновнаго, по общимъ законамъ, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ съ отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія, а также къ побѣгамъ и перемѣнамъ именами арестантовъ. За эти преступленія виновные приговариваются къ наказаніямъ (восходящимъ до 70—80 плетей, съ начатіемъ новаго срока въ разрядѣ испытуемыхъ, для каторжныхъ, или обращеніемъ на временныя работы на заводахъ для ссыльно-поселенцевъ) «городскими и окружными полиціями, на основаніи формальнаго полицейскаго изслѣдованія». Для расправы по всѣмъ остальнымъ категоріямъ преступленій и проступковъ не требуется и такого суммарнаго процесса: наказанія налагаются просто «по собственному удостовѣренію» подлежащаго начальства «въ учиненной винѣ». Такими подлежащими начальствами являются, на низшей ступени іерархической лѣстницы: волостныя правленія, земскіе засѣдатели, лица, имѣющія надзоръ за частями въ городахъ, а на высшей ступени—губернаторы. Самыя взысканія варьируютъ отъ «наказанія на тѣлѣ розгами» до 30 ударовъ или 7-дневнаго ареста

до 50 плетей, и удлинненія назначеннаго по суду срока каторжныхъ работъ или отдачи ссыльно-поселенцевъ на временныя работы на заводахъ.

Всѣ эти суровые порядки въ полной силѣ будутъ существовать еще одинъ годъ. Со введеніемъ въ Сибирь судебной реформы они должны подвергнуться извѣстнымъ измѣненіямъ со стороны процессуальной.

По ст. 59 «временныхъ правилъ» подлежащія прежде «формальной полицейской расправѣ» преступленія ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ подчиняются вѣдѣнію окружныхъ судовъ. Соотвѣтственно съ этимъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта «о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири» положено (п. VI): «постановленія устава о ссыльныхъ, относящіяся до формальной полицейской расправы по дѣламъ о ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцахъ—отмѣнить». По отношенію къ тѣмъ постановленіямъ этого устава, которыя вооружаютъ мѣстныя власти правомъ налагать на ссыльныхъ взысканія (какъ мы видѣли выше, нерѣдко очень суровыя), «по собственному удостовѣренію въ учиненной винѣ»,—даже безъ формальнаго полицейскаго изслѣдованія,—такого указанія въ законѣ 15 мая мы не находимъ. Какъ слѣдуетъ понимать такое умолчаніе? Значить-ли оно, что въ этой своей части юрисдикція по преступленіямъ и проступкамъ каторжныхъ и поселенцевъ остается въ томъ же видѣ, какъ она опредѣлена уставомъ о ссыльныхъ, т. е., что и при распространеніи на Сибирь дѣйствія судебныхъ уставовъ сохранить силу тотъ порядокъ, при которомъ для извѣстной группы населенія даже такія наказанія, какъ плети и годы каторги, могутъ назначаться по непосредственному усмотрѣнію административныхъ и полицейскихъ властей, безъ всякаго, даже самаго суммарнаго судебного производства.

Повидимому, въ пользу такого толкованія говорить и то обстоятельство, что остающіяся въ вѣдѣніи окружнаго суда преступленія ссыльныхъ выходятъ изъ предѣловъ компетенціи мировыхъ судей. Какъ мы видѣли выше, вѣдомству мирового суда подлежатъ только дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ, не влекущихъ за собою лишенія или ограниченія правъ. Между тѣмъ, по уставу о ссыльныхъ по непосредственному удостовѣренію мѣстнаго начальства, безъ формальнаго изслѣдованія, рѣшались всѣ дѣла, по которымъ назначаемое по общимъ законамъ наказаніе не превосходитъ лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ съ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Разборъ этихъ дѣлъ превышаетъ компетенцію мировыхъ судей. Съ другой стороны, какъ мы упоминали, они не включаются и въ юрисдикцію окружныхъ судовъ, которые вѣдаютъ дѣла только о такихъ преступленіяхъ ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, которыя влекутъ за собою, по общимъ законамъ, наказанія высшія, чѣмъ заключеніе въ тюрьмѣ съ лишеніемъ

всѣхъ особенныхъ правъ. Остается, слѣдовательно, заключить, что дѣла данной категоріи *совсѣмъ не подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ установлений*, образованныхъ на основаніи временныхъ правилъ 15 мая 1896 г.

Какое неудобное для интересовъ правосудія и для поддержанія начала законности положеніе создается существованіемъ рядомъ другъ съ другомъ этихъ двухъ рѣзко противоположныхъ карательныхъ системъ,—объ этомъ нечего много распространяться. Если осмыленно-каторжные составляютъ еще свой особый, оторванный отъ остального общества замкнутый міръ, то осмыленно-поселенцы живутъ въ средѣ остального населенія, одною съ нимъ жизнью. Общественной совѣсти, даже и заглубленной и не особенно чуткой, будетъ трудно помириться съ рѣзко различными мѣрками справедливости, прилагаемыми къ однороднымъ поступкамъ разныхъ группъ населенія, подчиненныхъ разнымъ юрисдикціямъ. А случается для такого сопоставленія, конечно, будетъ съ избыткомъ достаточно.

Предположеніе о сохраненіи и въ будущемъ административной расправы въ судебныхъ дѣлахъ, въ ея примитивной, сибирской формѣ—такъ мало гармонируетъ съ общими началами распространяемой на Сибирь судебной реформы, что мы склонны видѣть въ немъ простое недоразумѣніе съ нашей стороны и неправильное пониманіе «временныхъ правилъ» 15 мая, вызванное извѣстною недоговоренностью нѣкоторыхъ его статей.

Но какъ бы широко ни толковать тѣ измѣненія, которыя вносятся этими правилами въ процессуальную сторону дѣла, остается еще одна сторона, которая во всякомъ случаѣ ими не затрагивается. Лѣстница наказаній за преступленія осмыленныхъ сохраняется и при передачѣ ихъ въ вѣдѣніе новаго суда. Странно и необычно должны звучать воѣ эти кары въ приговорахъ суда, основаннаго на правдѣ и милости. Не слѣдуетъ вводить во искушеніе судейскую совѣсть. Пересмотръ системъ карательныхъ мѣръ, передаваемыхъ новому суду въ наслѣдіе отъ старой, суровой до-реформенной эпохи, является предметомъ самой неотложной и настоятельной необходимости. Чѣмъ скорѣе онъ будетъ осуществленъ, тѣмъ скорѣе будетъ устранено одно отъ крупныхъ препятствій на пути къ водворенію въ Сибири той «незыблемости закона и господства правды» въ гражданскомъ быту населенія, которая ставится задачей судебного преобразованія въ этомъ край.

---

13 мая Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта «о мѣрахъ къ облегченію сельскимъ обывателямъ всѣхъ наименованій уплаты выкупного долга».

Законъ этотъ имѣетъ въ виду привести въ соотвѣтствіе съ платежными силами населенія размѣры ежегодно взыскиваемыхъ съ

него платежей по выкупному долгу. Такъ какъ выкупные платежи составляютъ самую главную долю общей суммы всѣхъ прямыхъ налоговъ, выплачиваемыхъ крестьянскимъ населеніемъ, то удачное выполненіе преслѣдуемой новымъ закономъ задачи должно повлечь за собою существенное облегченіе общей податной тягости, выдерживаемой крестьянскою массою. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ «Вѣстникѣ Финансовъ» (№ 20, 1896 г., стр. 532), окладъ выкупныхъ платежей съ крестьянъ всѣхъ наименованій составлялъ въ 1896 г. въ губерніяхъ Европейской Россіи (за исключеніемъ Донской области и Эстляндской губ.) 96,7 мил. руб.; тогда какъ сумма всѣхъ земскихъ сборовъ съ крестьянъ въ тѣхъ же губерніяхъ простиралась только до 24,6 мил. руб., а оклады государственнаго поземельнаго налога до 7,6 мил. руб. Такимъ образомъ выкупные платежи составляли въ среднемъ 75,2% всѣхъ казенныхъ и земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ сельскаго населенія. По отдѣльнымъ губерніямъ процентъ этотъ повышается до 85,9, 88,4 и 89,2%. Очевидно, что центръ тяжести податного бремени лежитъ именно въ выкупныхъ платежахъ.

Что размѣры этого бремени непосильны для населенія,—объ этомъ неоспоримо свидѣлствуютъ какъ огромныя цифры постоянно растущихъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, такъ и цѣлый рядъ узаконеній и мѣръ правительства, предпринятыхъ уже съ цѣлью облегчить хотя отчасти выполненіе возлагаемыхъ выкупною операціею на крестьянское населеніе обязательствъ. Законъ 13 мая является новымъ шагомъ въ ряду этихъ мѣръ.

Еще въ 1881 г. предпринято было, какъ извѣстно, общее и специальное *пониженіе выкупныхъ платежей* съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. На это пониженіе ассигновано было 12.000.000 р. въ годъ. По даннымъ, опубликованнымъ для 39 губерній *), съ оклада выкупныхъ платежей, составлявшаго въ этихъ губерніяхъ 41,08 м. р., сброшено было 10,96 м. р., т. е. около $\frac{1}{4}$. Изъ этого числа 6,38 м. р. пошло на общее пониженіе (по 1 р. съ десят. для всѣхъ крестьянскихъ обществъ) и 4,58 м. р. на специальное пониженіе (сверхъ этой нормы) для наиболее отягощенныхъ плательщиковъ. Недоимки по выкупнымъ платежамъ числилось тогда около 18 м. р., значительная часть ея была вслѣдъ затѣмъ сложена по коронаціонному манифесту 15 мая 1883 г.

Но всѣ эти крупныя облегченія оказались недостаточными. Выкупныя недоимки продолжали расти изъ года въ годъ, несмотря на энергическія мѣры взысканія. Платежи не поступали въ полной суммѣ даже въ такіе благопріятные годы, какъ годы исключительныхъ урожаевъ, 1887 и 1888. Въ 1889 г.—въ виду крупныхъ размѣровъ къ тому времени накопившихся податныхъ недоимокъ

*) См. «Статистическій Временникъ Россійской Имперіи», изд. Центр. Ст. Ком., серія III, вып. 5. Спб. 1885.

отсрочкахъ и разсрочкахъ выкупныхъ недоимокъ долженъ былъ, по смыслу министерской инструкціи, примѣняться и въ послѣдующее (послѣ 1894 г.) время.

Если всмотрѣться въ основныя черты наложеннаго порядка, то нельзя не отмѣтить двухъ его характеристическихъ особенностей. Одну изъ нихъ составляетъ отсутствіе указаній на необходимость какихъ-нибудь общихъ, сплошныхъ обследованій, хотя-бы и самыхъ суммарныхъ, *предшествоующихъ* выбору селеній, на которыя предполагается распространить льготу, обследованій, которыя должны-бы доставить матеріалъ для такого выбора. Обследованія отдѣльныхъ селеній назначаются уже для проверки предположеній о льготахъ. Первый и основной шагъ въ дѣлѣ совершается на основаніи данныхъ неопредѣленнаго свойства, «по имѣющимся свѣдѣніямъ», вѣрнѣе сказать, «на глазъ», уѣздными съѣздами. Дальнѣйшія изслѣдованія, — даже и при допущеніи полной ихъ обстоятельности — ничего въ этомъ случаѣ не могутъ прибавить, такъ-какъ, распространяясь исключительно на селенія, признаваемые нуждающимися, никакихъ *сравнительныхъ* данныхъ они не доставятъ.

Другою характеристической чертой разсматриваемаго порядка является *полное устраненіе* ея участія въ данномъ дѣлѣ *земскихъ органовъ*. Ни въ законѣ, ни въ министерской инструкціи не упомянуто даже, что на мѣстныхъ земства или на статистическія учрежденія, при нихъ состоящія, *могутъ быть* возлагаемы какія либо мѣстныя изслѣдованія, необходимыя для настоящаго дѣла, хотя бы по этому предмету и состоялось полное соглашеніе между мѣстными земскими и правительственными органами. Равнымъ образомъ ни въ какой моментъ дѣла не признается нужнымъ имѣть заключенія мѣстныхъ земствъ о достаточности и равномерности податныхъ облегченій, предполагаемыхъ для населенія губерній и уѣздовъ, попеченіе о пользахъ и нуждахъ которыхъ ввѣрено земскимъ учрежденіямъ.

Такое полное забвеніе учреждений, являющихся, быть можетъ, наиболѣе компетентными въ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ выдвинуто на очередь, представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что именно въ дѣлѣ урегулированія тягости выкупныхъ платежей земскія учрежденія уже имѣли однажды возможность оказать существенныя услуги. Мы говоримъ объ операціи пониженія выкупныхъ платежей, по закону 28 декабря 1881 г.

Общій порядокъ выполненія этой операціи — о которомъ не лишне напомнить теперь — опредѣленъ былъ такъ.

На пониженіе была ассигнована ежегодная сумма въ 12.000.000 р. Одна часть ея предназначалась на общее пониженіе (по 1 р. съ десятины, для губерній великороссійскихъ и по 16% съ оклада для губерній, состоящихъ на малороссійскомъ положеніи); другая, которая останется отъ общаго пониженія, — на спеціальное. Распределеніе суммы спеціальнаго пониженія, сообразно степени хозяйственнаго разстройства селеній, возлагалось на особое совѣщаніе изъ

министровъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ. Для опредѣленія селеній, нуждавшихся въ пониженіи выкупнаго платежа, прежде всего собраны были слѣдующія статистическія свѣдѣнія: 1) о хозяйственномъ положеніи *всѣхъ* бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; 2) о платежахъ, выкупномъ и оброчномъ названныхъ крестьянъ и о недонимкахъ по этимъ платежамъ, и 3) о селеніяхъ съ разстроеннымъ хозяйствомъ, съ подробнымъ указаніемъ по каждому такому селенію причинъ, вызвавшихъ разстройство. Свѣдѣнія эти, затребованныя по однообразной программѣ, были доставлены уѣздными земствами и уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Разработка доставленныхъ уѣздными земствами и присутствіями данныхъ возложена была на центральный статистическій комитетъ. Послѣднимъ были составлены по каждой губерніи особые доклады, въ которыхъ сведены и разобраны сообщенныя земствами и присутствіями данныя и предположенія и предложены размѣры спеціальнаго пониженія по уѣздамъ, а въ нихъ по селеніямъ и группамъ селеній. Доклады центрального статистическаго комитета, прежде окончательнаго рассмотрѣнія ихъ особымъ совѣщаніемъ трехъ министровъ, были *предпроведены на заключеніе губернскихъ земскихъ соборій* и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій (въ губерніяхъ не земскихъ). На основаніи этихъ заключеній исправлялись предложенные комитетомъ расчеты по уѣзднаго спеціальнаго пониженія, которые вслѣдъ за сими, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій, введенныхъ въ нихъ министерствомъ финансовъ, были утверждены особымъ совѣщаніемъ. Разверстка между селеніями назначенной на каждый уѣздъ суммы пониженія предоставлена была уѣзднымъ земскимъ соборіямъ, а гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій—уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, съ тѣмъ чтобы соборія и присутствія свои постановленія по этому предмету представляли губернаторамъ на ихъ утвержденіе, по совмѣстному рассмотрѣнію съ управляющими казенными палатами.

Работа, которую предстоитъ выполнить на основаніи закона о пересрочкѣ выкупныхъ платежей, не вполне однородна съ тою, какая заключалась въ разверстаніи между плательщиками опредѣленной на спеціальное пониженіе платежей суммы. Поэтому, само собою разумѣется, что изложенная организація не можетъ быть полностью примѣнена въ данномъ случаѣ. И нельзя сказать, чтобы эта организація была совсѣмъ чужда извѣстныхъ недостатковъ. Но какъ *общій типъ*, она несомнѣнно должна быть признана гораздо цѣлесообразнѣе разбросаннаго и безцентреннаго порядка, принятаго для опредѣленія разсрочекъ и недонимокъ выкупныхъ платежей, по закону 7 февраля 1894 г.

Нельзя не пожелать поэтому, чтобы тѣ правила, которыя предстоитъ выработать министерству финансовъ для примѣненія льготъ, разрѣшенныхъ узаконеніемъ 13 мая, не повторяли собою ошибокъ, сдѣланныхъ въ 1894 году. Для того, чтобы выполненіе за-

кона соответствовало серьезности его значенія, оно должно быть поставлено на болѣе широкую и болѣе прочную основу. Выборъ селеній, на которыя должна распространяться льгота, не можетъ быть предоставленъ безконтрольному фактически усмотрѣнію мѣстной администраціи. Необходимо широко поставленное общее обследованіе, которое должно дать *объективный* матеріалъ для рѣшенія вопроса о необходимыхъ размѣрахъ такихъ льготъ и для провѣрки составленныхъ по этому поводу на мѣстахъ предположеній. Необходимо также вывести это дѣло изъ узко чиновничьей колеи. Живое участіе въ немъ *земскихъ учреждений*, сдѣлавшихъ уже такъ много для выясненія дѣйствительнаго положенія крестьянскаго хозяйства, является однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ условій успѣшнаго достиженія тѣхъ общихъ цѣлей, которыя преслѣдуются закономъ 13 мая.

Н. Анненскій.

II.

Толки печати о мултанскомъ дѣлѣ и о приговорѣ по дѣлу г. Жеденева.

Эту часть текущей нашей хроники мы начинаемъ подѣ впечатлѣніемъ извѣстія объ оправдательномъ вердиктѣ по мултанскому дѣлу.

Исторія эта съ внѣшней стороны въ значительной степени извѣстна нашимъ читателямъ. Въ Малмыжѣ и Елабугѣ подсудимые вотяки были обвинены въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. Сенатъ дважды кассировалъ дѣло, находя въ немъ такіе существенныя нарушенія судопроизводства, которыя внушали сильное сомнѣніе въ правильности самаго приговора, поставленнаго на основаніи слишкомъ односторонняго слѣдственнаго и судебного матеріала. Послѣ второй кассачіи дѣло было изъято изъ Сарапульскаго округа и передано въ Казанскій. Въ печати появился отчетъ о засѣданіяхъ елабужскаго суда, послужившій матеріаломъ для сужденій прессы и специалистовъ. Сомнѣніе въ виновности вотяковъ все крѣпло въ обществѣ, а заключенія специалистовъ отчасти приподымали завѣсу, опущенную надъ этой таинственной драмой вопіюще небрежнымъ и одностороннимъ слѣдствіемъ.

Тѣмъ не менѣе, въ газетахъ уже веской настоящаго года появились извѣстія, сначала показавшіяся весьма сомнительными, но въ послѣдствіи получившія полное подтвержденіе. Оказалось, что казанскій судъ назначилъ разбирательство въ уѣздномъ городѣ Мамдышѣ, хотя и Казанской губерніи, но расположенномъ на самой границѣ Малмыжскаго уѣзда, т. е. въ сферѣ тѣхъ же «слуховъ» и

толковъ», ареной которыхъ является этотъ послѣдній уѣздъ въ теченіе вотъ уже 4-хъ лѣтъ. Затѣмъ газеты принесли извѣстіе, что во всѣхъ ходатайствахъ защиты о вызовѣ новыхъ экспертовъ и свидѣтелей—казанскимъ судомъ отказано и что, такимъ образомъ, дѣло предстанетъ передъ присяжными совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ оно являлось уже два раза: въ Малмыжѣ и Елабугѣ.

Затѣмъ изъ телеграммы «Русскихъ Вѣдомостей» мы узнали, что 28 мая открылось въ Мамадышѣ засѣданіе выѣздной сессіи, подѣ председательствомъ г. Завадскаго. Обвинителемъ явился прикомандированный специально для этого дѣла тов. прокурора г. Раевскій (обвинявшій вотяковъ въ Малмыжѣ и Елабугѣ и руководившій предварительнымъ слѣдствіемъ) и прок. казанскаго суда г. Симоновъ. Защита состояла изъ гг. Драгина, Карабчевскаго, Короменка и Красникова. Это усиленіе состава защиты и явилось, если не ошибаемся, единственной чертой, отличавшей новое засѣданіе отъ прежнихъ; обвиненіе же усилило число ранѣ вызванныхъ свидѣтелей 11 новыми.

Изъ той же телеграммы мы узнали, что защита предъявила вновь ходатайство о вызовѣ съ своей стороны свидѣтелей, въ опроверженіе новыхъ показаній, но ей въ этомъ было отказано. Въ залѣ присутствовали профессора судебной медицины казанскаго университета, г. Леонтьевъ, и харьковскаго г. Патенко, явившіеся сюда съ научными цѣлями, въ виду огромнаго интереса, возбужденнаго этимъ дѣломъ. Съ этою же цѣлью пріѣхалъ изъ Томска ученый этнографъ С. К. Кузнецовъ. Защита просила судъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и дополнить экспертизу уѣздныхъ врачей заключеніемъ признанныхъ ученыхъ специалистовъ. Судомъ и въ этомъ ходатайствѣ отказано.

Затѣмъ извѣстія смолкли и въ теченіе 8 дней въ далекомъ Мамадышѣ, въ тѣсной и душной залѣ, едва вмѣщающей нѣсколько десятковъ постороннихъ зрителей,—разыгрывался третій (надѣемся послѣдній) актъ судебной драмы, которой предстоитъ надолго остаться въ лѣтописяхъ нашего суда «конца XIX вѣка». 4-го іюня телеграфная проволока разнесла изъ Мамадыша во всѣ концы Россіи извѣстіе о приговорѣ: всѣ подсудимые оправданы, и кошмаръ «человѣческаго жертвоприношенія» разсѣянъ.

Судьбѣ угодно было, такимъ образомъ, обставить этотъ вердиктъ такой комбинаціей обстоятельствъ, при которой онъ получаетъ особенныя, совершенно исключительныя силу и значеніе.

Мы видѣли, что и въ этотъ разъ защита была обезоружена въ то время, когда обвиненіе усилило кадры своихъ свидѣтелей на цѣлую треть. Работы специалистовъ, вызванныхъ появленіемъ отчета, были совершенно устранены, и, наконецъ, двери суда были широко открыты для всевозможныхъ слуховъ «неизвѣстно откуда исходящихъ». И если, даже при этихъ условіяхъ, судъ присяжныхъ, наконецъ, разобрался въ туманѣ, окутавшемъ это таин-

ственное дѣло, и вынести свой вердиктъ, освободившій несчастныхъ мултанцевъ отъ четырехлѣтняго заключенія, а вотскую народность—отъ обвиненія въ существованіи ужаснаго культа,—то это, полагаемъ, говорить ясно, гдѣ въ этомъ дѣлѣ правда!

Мы ждемъ полного отчета, который, надо надѣяться, не замедлитъ появиться, и намъ еще придется вернуться къ «мултанскому моленію». Да, это дѣло ставитъ еще цѣлый рядъ вопросовъ, на которые отрицательное рѣшеніе присяжныхъ, сформулированное въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ, «нѣтъ, не виновенъ»,—еще не даетъ намъ отвѣта. Мы не говоримъ уже о полной бытового интереса и своеобразныхъ красокъ этнографической сторонѣ этого замѣчательнаго дѣла, не говоримъ и о спеціально юридическихъ вопросахъ, возникающихъ въ изобиліи на всемъ протяженіи мрачной и трогательной драмы. Но насъ, по все общество, по высшія юридическія сферы, наконецъ, не можетъ не интересоватъ глубоко-тревожный вопросъ о томъ, какимъ образомъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ создавалось это обвиненіе, которое нельзя было доказать даже при такихъ исключительныхъ, при такихъ односторонне-благоприятныхъ обстоятельствахъ?

Уже изъ газетныхъ отчетовъ, пока еще весьма неполныхъ и отрывочныхъ, выясняются нѣкоторыя черты предварительнаго слѣдствія, которыми, казалось бы, не должно быть мѣста въ нашемъ судѣ. Однако, мы не имѣемъ пока въ виду подробно касаться и этой стороны дѣла. Не сомнѣваемся, что казанскій судъ обратитъ на нихъ свое вниманіе. Намъ даетъ право надѣяться на это и отмѣчаемое газетами образцовое безпристрастіе, сказавшееся въ резюме предсѣдателя казанскаго суда, г. Завадскаго... А пока, мы только отмѣчаемъ фактъ оправданія и остановимся на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ прессы, вызванныхъ этимъ фактомъ.

Въ этомъ отношеніи отзывы печати единодушны. Сомнѣваться въ правильности приговора, вынесеннаго при такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, трудно, а нарушеніе правъ защиты, конечно, не можетъ служить поводомъ для ослабленія значенія *оправдательнаго* вердикта... Если, такимъ образомъ, есть какая нибудь почва для разногласій и споровъ, то она лежитъ въ области не частнаго факта, а въ сферѣ общихъ вопросовъ о значеніи его для оцѣнки нашего суда вообще и института присяжныхъ въ частности.

Казалось бы, и въ этомъ отношеніи дѣло довольно ясно. Законъ недаромъ обставляетъ собраніе и предъявленіе слѣдственнаго матеріала извѣстными гарантіями, безъ которыхъ, по удачному выраженію А. Э. Кони, «мнѣніе» 12 человѣкъ, сидящихъ на судейской скамьѣ, не можетъ приобрѣсти значеніе и силу «приговора». Если эти гарантіи нарушались — вина не присяжныхъ. Читатели, вѣроятно, замѣтили, что ни въ нашемъ журналѣ, ни въ работахъ нашего ближайшаго сотрудника, В. Г. Короленко, много писавшаго

по этому дѣлу,—нѣтъ ни одной строки, ни одного слова горечи и упрека по адресу присяжныхъ. И это не результатъ доктринерскаго предубѣжденія, закрывающаго глаза на значеніе живаго факта; это — глубокое убѣжденіе въ томъ, что сами присяжные стали 2 раза жертвой изумительныхъ слѣдственныхъ, а также и судебныхъ порядковъ, практиковавшихся, — скажемъ такъ, — въ Сарапульскомъ судебномъ округѣ... Лица, бывшія на послѣднемъ разбирательствѣ дѣла, отзываются съ глубокимъ уваженіемъ о томъ неослабѣвавшемъ вниманіи, съ какимъ въ теченіи 7¹/₂ дней «десять мужиковъ, мѣщанинъ и дворянинъ» слѣдили за всѣми изгибами запутаннаго дѣла, за всѣми тонкостями этнографической экспертизы, за всѣми аргументами обвиненія и защиты. И еслибы, при одностороннемъ матеріалѣ, предоставленномъ ихъ вниманію, они еще разъ вынесли обвинительный вердиктъ, — кто, по совѣсти, могъ бы поставить имъ это въ вину, кто отнесъ бы на ихъ счетъ грѣхи односторонне-обвинительнаго слѣдствія и судебной процедуры, стѣснившей въ такой степени голосъ защиты?..

Но присяжные вышли съ честью изъ тяжелаго испытанія. Живымъ чутьемъ они различили, наконецъ, истину подъ грудой односторонне набросанныхъ деталей. Такимъ образомъ, мултанское дѣло прибавляетъ лишь новое доказательство благотворности и жизнеспособности суда присяжныхъ. Судъ людской — не божій. Присяжные тоже люди и, конечно, способны поддаваться и молвѣ, и предразсудку, и заблужденію. Тѣмъ важнѣе соблюденіе всѣхъ законныхъ гарантій, обезпечивающихъ достовѣрность судебного матеріала. Но развѣ не страшно подумать, что было бы, еслибы вердиктъ былъ предоставленъ тому самому составу сарапульскаго суда, который умѣлъ такъ обставить двукратное засѣданіе... Нѣтъ,—въ данномъ дѣлѣ вина двукратной судебной ошибки лежитъ, очевидно, не въ институтѣ присяжныхъ.

Она не можетъ быть также отнесена за счетъ дѣйствующихъ судебныхъ установленій въ цѣломъ, какъ это пытаются сдѣлать «Московскія Вѣдомости». Указавъ на двукратную отміну приговора и на то, что для этого понадобились, между прочимъ, экстраординарные усилія печати, газета дѣлаетъ выводъ: «Нѣтъ надобности входить въ обсужденіе вопроса, кто виновать въ подобныхъ ошибкахъ—слѣдствіе, судъ или сами присяжные, но во всякомъ случаѣ ясно, что при существующемъ порядкѣ вещей гарантіи правосудія оказываются весьма шаткими». (Моск. В., № 55,—курсивъ нашъ).

Что порядки, уже отчасти вскрывшіеся въ мултанскомъ процессѣ и ожидающіе еще дальнѣйшаго освѣщенія, весьма плохо гарантируютъ правосудіе, съ этимъ, конечно, согласится всякій, кому дороги интересы справедливости и правосудія въ нашемъ отечествѣ! Но если такъ, то тѣмъ болѣе есть надобность отыскать источники этой шаткости, тѣмъ необходимѣе найти больное мѣсто нашего правосудія... Къ сожалѣнію, всѣ эти нападки на судъ при-

сяжныхъ и на «духъ судебныхъ уставовъ» только мѣшаютъ выясненію истинной причины зла, и въ этомъ отношеніи замѣтка почтенной газеты представляется особенно типичной. И передъ нею мултанское дѣло ставить «тревожные вопросы»: «допуская, что третій вердиктъ окажется послѣднимъ и что онъ вполне согласенъ съ требованіями справедливости»,—авторъ невольно задается вопросомъ: чѣмъ вознаградить несчастныхъ мултанцевъ за 4-лѣтнія мученія? Далѣе: «что, если-бы дважды судебное рѣшеніе не дало сенату кассационныхъ поводовъ или поводы эти прошли незамѣченными?» Наконецъ, газета дѣлаетъ допущеніе, что, «если бы не В. Г. Короленко, никакого отношенія къ суду не имѣющій, то дѣло могло бы остановиться на первомъ или второмъ вердиктѣ, и обвиняемые были бы невинно осуждены».

Въ этихъ пессимистическихъ разсужденіяхъ есть нѣсколько очень крупныхъ недоразумѣній и одна не менѣе крупная наивность. Первое изъ этихъ недоразумѣній касается роли В. Г. Короленко въ этомъ дѣлѣ. Какъ ни лестно для насъ допущеніе, будто безъ вліянія статей нашего сотрудника дѣло могло остановиться на первомъ или второмъ вердиктѣ, но мы, быть можетъ съ нѣкоторымъ невольнымъ сожалѣніемъ, должны отказаться отъ этой иллюзіи. Дѣло въ томъ, что первая кассачія мултанскаго дѣла въ сенатѣ послѣдовала тогда, когда В. Г. Короленко не написалъ о дѣлѣ ни одной строчки и когда огромное большинство прессы было далеко отъ какихъ бы то ни было сомнѣній въ наличности печальнаго факта. А такъ какъ второе засѣданіе того же сарапульскаго суда (въ Елабугѣ) лишь усилило отмѣченныя сенатомъ нарушенія,—то вторая кассачія была просто логической необходимостью и, очевидно, ни о какой связи ея съ тѣми или другими статьями прессы тутъ не можетъ быть и рѣчи...

Что же касается вопроса газеты: «что было бы, еслибы судъ не подалъ поводовъ для кассациі»,—то отвѣтъ такъ простъ и ясенъ, что мы склонны считать наивностью самую его постановку. Поводы для кассациі такъ примитивно внушительны, нарушенія правъ защиты такъ осязательны, такъ существенны и важны, — что, еслибы ихъ не было, то не было бы и надобности въ кассациі; еслибы свидѣтели защиты были заслушаны на первомъ судѣ, то истина предстала бы и ранѣе, и полнѣе, чѣмъ она предстала теперь, и мултанцы были бы оправданы еще въ Мамыжѣ.

Нѣтъ, къ счастью, какъ ни темно еще и теперь мултанское дѣло, но одинъ выводъ изъ него совершенно ясенъ: не судъ присяжныхъ и не судебные уставы повинны въ такихъ ошибкахъ. Причина ихъ въ системѣ предварительнаго слѣдствія и собиранія доказательствъ, а отчасти и въ томъ, что въ магистратуру приняла въ послѣднее время излишняя терпимость къ такимъ пріемамъ «подготовительныхъ къ суду дѣйствій», какіе вскрылись, хотя

быть можетъ еще не исполнѣнъ,—во время мултанскаго процесса... Въ заключеніе этой замѣтки, мы приводимъ самое «свѣжее» извѣстіе, относящееся къ области «косвенныхъ вліяній» мултанскаго дѣла, и достовѣрность котораго гарантируется уже самымъ источникомъ, откуда мы его заимствуемъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостей» сообщаютъ, что въ селѣ Кизнерѣ, соедinemъ съ Мултаномъ, повѣсился вотакъ-десятскій. Это было въ то время, когда, передъ судомъ, все еще «дополнялось слѣдствіе», и мѣстный урядникъ употреблялъ десятскаго для какихъ-то дѣйствій по мултанскому дѣлу. Несчастный повѣсился, чтобы избѣжать, какъ сказано въ «Губ. Вѣдомостяхъ» — «посредничества между вотяками и начальствомъ»...

Неправда-ли, какая печальная, но и какая знаменательная заключительная нота въ этомъ глубоко-мрачномъ аккордѣ... И неужели мы не узнаемъ, что это за «посредничество», котораго требовали гг. урядники по мултанскому дѣлу и отъ котораго люди ищутъ спасенія—въ смерти?!

Теперь нѣсколько словъ о другомъ громкомъ процессѣ, закончившемся тоже на-дняхъ. Этотъ процессъ происходилъ въ Петербургѣ,—судили извѣстнаго уже нашимъ читателямъ г-на Жеденева, бывшаго земскаго начальника, насаждавшаго въ Красноярскомъ уѣздѣ «филантропію принудительнаго характера» и вызвавшаго волненія среди «подвѣдомственнаго населенія». Обстоятельства дѣла также извѣстны: 20 марта 1896 года, г. Жеденевъ явился въ редакцію газ. «Недѣля» для личныхъ объясненій по поводу замѣтки «Красноярскій бунтъ», въ которой г-на Жеденева особенно оскорбила, какъ земскаго начальника и какъ дворянина, слѣдующая фраза: «по словамъ крестьянъ, земскій начальникъ уговаривалъ ихъ, напимѣръ, открыть общественную виноторговлю только для пробы, на $\frac{1}{2}$ года, но впоследствии они узнали, что приговоръ составленъ на цѣлый годъ, и затѣмъ эта торговля продолжалась, противъ желанія общества, цѣлые 3 года». Г. Жеденевъ потребовалъ извиненія. Въ редакціи ему отвѣтили совершенно резонно, что такъ эти дѣла не дѣлаются и что удовлетвореніе задѣтой «чести» г-на Жеденева можетъ послѣдовать вслѣдъ за опроверженіемъ извѣстія. Вообще, г. Меншиковъ старался успокоить г-на Жеденева и обѣщалъ одѣлать все возможное и согласное съ достоинствомъ газеты. Однако, г. Жеденевъ нашелъ, что, «какъ дворянинъ», онъ не можетъ входить ни въ какія объясненія—и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ угрозъ—ранилъ г-на Меншикова изъ револьвера почти въ упоръ.

Дѣло, такимъ образомъ, замѣчательно просто. Г-на Жеденева задѣли, какъ земскаго начальника, и большая часть обвиненій выдвинутыхъ прессой, оказалась справедливой. Одно изъ нихъ г-ну Жеденеву хочется отвергнуть уже не какъ земскому начальнику, а какъ дворянину. Но онъ не желаетъ снизойти до какихъ бы то

ни было объясненій, а требуетъ, безъ всякихъ разговоровъ—или извиненій, или готовности умереть отъ его руки. Во что обратится, однако, печатное слово, если признать за каждымъ общественнымъ дѣятелемъ право, прикрываясь сословною честью, требовать у журналиста извиненія,—безъ всякихъ объясненій по существу оглашеннаго поступка! Вердиктомъ присяжныхъ г. Жеденевъ признанъ виновнымъ въ покушеніи на нанесеніе раны, но заслуживающимъ снисхожденія,—и приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и къ ссылке въ Архангельскую губ. на 1 годъ и 4 мѣс. При этомъ судъ постановилъ ходатайствовать предъ Высочайшею властью о смягченіи участи подсудимаго и о присужденіи Жеденева къ тюремному заключенію на одинъ годъ безъ лишенія правъ.

Никто изъ журналистовъ, разумѣется, не станетъ возражать противъ этого, сравнительно мягкаго приговора. Самъ г. Меньшиковъ въ судъ не явился, и все его поведеніе въ этомъ дѣлѣ проникнуто несомнѣнною незлобивою и прощеніемъ. А затѣмъ,—кому нужны личные страданія г-на Жеденева? Пусть-бы онъ остался и вовсе не наказаннымъ, если это только возможно безъ реабилитаціи его поступка, совершенно непростительнаго по существу и не имѣющаго оправданія ни въ какихъ смягчающихъ обстоятельствахъ. Поведеніе его, какъ земскаго начальника — даже въ собственномъ его, одностороннемъ освѣщеніи—является и незаконнымъ, и неразумнымъ, и глубоко антипатичнымъ. Г-ну Жеденеву угодно было на судѣ называть себя «прогрессистомъ»... что-жъ, не станемъ спорить о словахъ, но тогда родоначальникомъ россійскаго прогресса придется, пожалуй, признать знаменитаго Аракчеева *).

Затѣмъ, признаемся, лично за г. Жеденева,—намъ пріятнѣе было-бы видѣть въ немъ человѣка, который «умѣетъ стрѣлять, умѣетъ и отвѣтъ держать». Между тѣмъ, будучи привлеченъ къ слѣдствію и суду, онъ объясняетъ свой выстрѣлъ совершенною случайностью, какъ невольный; и притомъ ссылается на свидѣтелей, которые, впрочемъ, его ссылки отрицаютъ **).

*). Г. Жеденевъ рассказываетъ на судѣ о своей администрат. дѣятельности и дѣлаетъ характеристику нашего русскаго общества, которая,—говоритъ онъ,—вполнѣ примѣнима и къ крестьянамъ. Тамъ тоже существуютъ три теченія: одно—прогрессивное, второе—желающее оставить все по старому и третье—безразличное. Онъ Жеденевъ принадлежалъ къ первому и старался, чтобы и безразличные къ нему присоединились». (Нов. Время, 14 іюня). Однако, неправда-ли, какъ это просто и какъ много общала-бы эта параллель русскому обществу, если-бы послѣднее имѣло несчастье очутиться въ положеніи «жеденевскаго земскаго участка».

**). Присутствіе въ карманѣ своего револьвера г. Жеденевъ объясняетъ предупредженіемъ г-на Аненикова, будто г. Меньшиковъ человѣкъ рѣзкій и грубый. Но изъ показаній капитана Аненикова выяснилось, что онъ наоборотъ рекомендовалъ г-на Меньшикова, какъ человѣка гуманнаго и даже любвеобильнаго (ib.).

Мы уже говорили (въ апрѣльской книжкѣ) о дѣятельности г-на Жеденева на мѣстѣ, и теперь, послѣ того, какъ въ прессѣ она разоблачена до конца *), — мы остаемся при прежнемъ мнѣніи и не находимъ словъ, достаточно суровыхъ для осужденія этой удивительной гордости малоспособнаго человѣка, такъ беззастѣнчиво посягавшаго на волю и чловѣческую личность другихъ. Пусть г. Жеденевъ самъ является жертвой. Но онъ жертва не г. Меньшикова, честно исполнявшаго въ данномъ случаѣ свою обязанность и почетно раненаго на своемъ посту. Онъ жертва своей узкой гордыни и увы! — того простора, который былъ предоставленъ его неосновательнымъ и жестокимъ по способу ихъ осуществленія предпріятіямъ!.. «Мы не можемъ, — пишетъ одна изъ газетъ, — симпатизировать г-ну Жеденеву, — не усматривать необходимости особаго снисхожденія къ тѣмъ, которые были неосновательно опозорены печатью (?), не могли сдержатъ оскорбленной души и нарушили требованіе закона, не разрѣшающаго самому судить своего оскорбителя»...**) Очень хорошо, но при этомъ намъ невольно приходитъ въ голову одно соображеніе, которое мы позволяемъ себѣ представить вниманію нашихъ собратьевъ, такъ благосклонно относящихся къ г. Жеденеву и такъ сурово къ потерпѣвшему, г-ну Меньшикову. Въ дѣлѣ есть еще третья сторона: крестьяне бывшаго Жеденевского участка, тѣ живыя лица, у которыхъ г-нъ Жеденевъ принудительно отнималъ дѣтей для укомплектованія своихъ пріютовъ (въ томъ числѣ, въ одномъ случаѣ, — по свидѣтельству г. Далина, — у родной матери!..) Г. Жеденеву, а за нимъ и его панегиристамъ угодно называть ихъ всѣхъ «кулаками и міроѣдами». Но вѣдь это, господа, тоже живые люди. Что если и у нихъ есть чувство чести, что если и они почувствуютъ себя оскорбленными названіемъ «кулаковъ и міроѣдовъ», — что если и они явятся требовать «извиненія» безъ всякихъ объясненій со своей стороны! Неужели и для нихъ найдутся тѣ-же обстоятельства, «смягчающія» вину мѣткаго выстрѣла г. Жеденева, въ глазахъ журналистовъ, прощающихъ ошибки г-на Жеденева, угнетавшаго населеніе, и такъ строго осуждающихъ своего собрата, который (допустимъ даже) ошибся въ одномъ пунктѣ, честно защищая это населеніе по всѣмъ остальнымъ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи можно быть спокойнымъ. Они, мнимые «кулаки и міроѣды», — не обидятся, они извиненій требовать не станутъ. Еще доблестный Ламачскій рыцарь говорилъ своей племянницѣ: «что касается простолюдиновъ, то о нихъ замѣчу, что, служа главнымъ образомъ для поддержанія чловѣческаго рода,

*) См. напримѣръ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» интересныя статьи г-на Далина «посѣтившаго Жеденевское царство».

**) «С.-Петербургскія Вѣдомости». Сочувственная цитата «Новаго Времени».

они не дѣлають исторіи и мало обращаютъ на себя ея вниманіе». Конечно,—они «исторіи» не сдѣлають и въ этомъ случаѣ; за нихъ дѣлають ее и дѣлають довольно эффектно гг. Жеденевы, — они жъ и въ наше время доставляютъ лишь пассивный матеріалъ для всевозможныхъ «прогрессивныхъ» экспериментовъ... Насъ удивляетъ, однако, та готовность, съ какой часть прессы обрушивается на защищавшаго «простолудиновъ» и за это раненнаго своего собрата — и выгораживаетъ «симпатичнаго прогрессиста», проводящаго свои идеи при помощи 61 статьи и опровергающаго газетныя сообщенія — «случайными», «ненамѣренными» и «нечаянными» револьверными выстрѣлами... Къ счастью, такъ думаетъ далеко не вся русская пресса и не все русское общество. Иначе исчезла-бы вся мораль этой чрезвычайно поучительной «Жеденевской исторіи», исторіи «жесткой филантропіи», «утѣснительнаго прогресса» и назойливыхъ благодѣяній, приводящихъ къ револьверу и полемикѣ въ пользу «симпатичныхъ» мѣній...

О. Б. А.

Семейные раздѣлы у крестьянъ Воронежской губерніи.

Явленіе, о которомъ будетъ идти рѣчь въ настоящемъ случаѣ, пользуется широкою извѣстностью нежелательнаго въ современной русской жизни осложненія. Это крестьянскіе семейные раздѣлы, противъ которыхъ горячо говорили, усердно писали, много печатали и даже былъ изданъ особый, специальный законъ.

Семейные раздѣлы крестьянъ—продуктъ пореформенной жизни. До освобожденія крестьянъ они не носили того интенсивнаго характера, какимъ отличаются въ настоящее время. Только въ послѣдніе 25 или 30 лѣтъ начали особенно часто дѣлиться крестьяне, и съ тѣхъ поръ дѣлежи все усиливаются и усиливаются, отличающіе чисто стихійнымъ направленіемъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, указанія на этотъ счетъ статистическихъ данныхъ.

При подворныхъ земско-статистическихъ переписяхъ въ Воронежской губерніи по каждому крестьянскому хозяйству были произведены записи о томъ, когда данная семья въ послѣдній разъ дѣлилась. Сгруппированныя въ общіе итоги, записи эти даютъ богатый матеріалъ для характеристики семейныхъ дѣлежей и изученія ихъ особенностей. Такъ, по одиннадцати уѣздамъ Воронежской губерніи, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, произошли слѣдующіе

измѣненія въ составѣ крестьянскихъ семей: изъ общаго числа 292,299 семей за послѣднiя 5 лѣтъ раздѣлилось 51,386 семей или 16,2%; за предшествующее передъ тѣмъ пятилѣтiе 54,946 семей или 17,4% и за предшествующее двумъ пятилѣтiямъ десятилѣтiе 70,404 семей или 22,3%, а вообще за послѣднiя 20 лѣтъ оказалось только 139,669 или 44,1% такихъ семей, которыхъ не коснулись совсѣмъ дѣлежи. Такимъ образомъ, если взять 25-лѣтнiй перiодъ, т. е. такой промежутокъ времени, въ теченiе котораго вновь народившiеся члены семьи приходятъ въ возрастъ, позволяющiй имъ вступать въ бракъ и образовывать самостоятельныя семьи, то окажется, что большая часть крестьянскихъ семей въ это время обязательно была подвержена дѣлежамъ, причемъ въ частности дѣлежи за послѣднiя 10 лѣтъ были по Воронежской губернии значительно интенсивнѣе, чѣмъ за предшествующее десятилѣтiе. Другими словами, семейные раздѣлы въ Воронежской губернии не только часты, но съ каждымъ годомъ несомнѣнно усиливаются.

Но этими общими цифрами констатируется лишь самый фактъ усиленныхъ крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Въ какихъ же группахъ крестьянъ и по какимъ мѣстностямъ попреимуществу стали чаще повторяться дѣлежи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ нижеслѣдующихъ статистическихъ данныхъ.

Если по степени интенсивности крестьянскихъ раздѣловъ расположить всѣ уѣзды въ нисходящемъ порядкѣ, то получится такое взаимоотношенiе между разными частями губернии:

У ѣ з д ы:	Сколько % семей за послѣднiя 20 лѣтъ	
	не дѣлилось.	дѣлилось.
1. Задонскiй	33,8	66,2
Нижнедѣвнцкiй	34,2	65,8
Землянскiй	39,3	60,7
Новохоперскiй	42,2	57,8
5. Коротоякскiй	42,6	57,4
Бобровскiй	43,1	56,9
Богучарскiй	46,8	53,2
Бирюченскiй	47,5	52,5
Павловскiй	47,7	52,3
10. Валуйскiй	48,8	51,2
Острогожскiй	49,7	50,3

Изъ этихъ цифръ видно, что семейные раздѣлы были тѣмъ чаще, чѣмъ сѣвернѣе лежала извѣстная мѣстность, и наоборотъ. Если разбить всѣ уѣзды на двѣ группы, отнеся къ первой группѣ Задонскiй, Землянскiй, Нижнедѣвнцкiй, Коротоякскiй, Новохоперскiй и Бобровскiй, а ко второй остальные пять уѣздовъ, т. е. подраздѣлить всю губернiю на двѣ части—сѣверную и южную,—то окажется, что въ сѣверной части губернии на 143,907 се-

мействъ приходилось 40% семей, не дѣлившихся въ послѣднія 20 лѣтъ, и 60% семей раздѣлившихся, а въ южной на 148,492 семьи 48,4% первыхъ и 51,6% вторыхъ. Иначе говоря, въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи семейные раздѣлы повторялись въ указанный періодъ чаще и интенсивнѣе, чѣмъ въ южныхъ.

Такое различіе въ степени распространенія семейныхъ раздѣловъ въ разныхъ частяхъ губерніи объясняется, очевидно, чисто мѣстными особенностями. На самомъ дѣлѣ, сѣверная часть Воронежской губерніи населена великороссами, а южная малороссами, въ сѣверной части губерніи средняя семья равняется 6,98 душъ, а въ южной 6,72 душъ, наконецъ, прибыль наличнаго населенія въ сѣверной части выразилась въ 35,5%, а въ южной въ 22,6%. А все это такого рода признаки, которые указываютъ на то, что одни и тѣ же соціологическіе процессы начались и получили известное развитіе въ разныхъ частяхъ губерніи въ разное время. Югъ опередилъ въ этомъ отношеніи сѣверные уѣзды. Малороссы начали раньше дѣлиться, и размѣръ уменьшавшейся средней семьи новѣйшаго типа у нихъ установился прежде, чѣмъ у великороссовъ.

Сопоставляя этотъ фактъ съ другими признаками, характерными для той или другой мѣстности, необходимо прибавить, что въ южныхъ уѣздахъ и личныя потребности у населенія болѣе развиты, чѣмъ у населенія уѣздовъ сѣверныхъ. Крестьяне малороссы больше носятъ покупной одежды и обуви, чѣмъ крестьяне великороссы, въ большемъ количествѣ потребляютъ покупную пищу, предметы домашней обстановки и пр.; у малороссовъ, наконецъ, болѣе развита грамотность, чѣмъ у великороссовъ. Такъ, великороссы тратятъ въ теченіе года на одежду и обувь по 2 р. 27 к. на каждую наличную душу, а малороссы по 3 р. 02 к., т. е. на 34,8% больше, первые расходуютъ на разные покупные предметы 3 р. 20 коп. на душу въ годъ, а вторые 5 р. 34 коп., т. е. на 66% больше, у первыхъ количество грамотныхъ равняется 6,5%, а у вторыхъ 8,5%, т. е. на 38,5% больше. Такимъ образомъ, у малороссовъ раньше началось развитіе тѣхъ сторонъ въ характерѣ, которыми опредѣляется собственно ростъ личности, развитіе личнаго начала, т. е. появленіе основной причины крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Да и на самомъ дѣлѣ, въ южныхъ уѣздахъ раньше пошатнулось и разложилось большія патріархальныя семьи, чѣмъ въ уѣздахъ сѣверныхъ, въ которыхъ, какъ напр. въ Нижнедѣвицкомъ и Землянокомъ, и теперь еще встрѣчаются семьи въ 20, 30 и даже болѣе душъ. Судя по статистическимъ даннымъ, уже въ ревизскомъ населеніи средняя семья великороссовъ равнялась 10, 28 душъ, а семья малороссовъ 9,049; слѣдовательно, въ 1858 году разсматриваемое дробленіе семей уже носило у той и другой національности свои неизмѣнныя отличительныя черты.

Итакъ, болѣе усиленные семейные раздѣлы, происходившіе за

последнія 20 лѣтъ въ сѣверныхъ уѣздахъ сравнительно съ уѣздами южными, знаменуютъ собою чисто этнографическія особенности населенія сѣверныхъ и южныхъ частей губерніи. На югѣ, у малороссовъ, вслѣдствіе особыхъ бытовыхъ условій, началось раньше разложеніе старой патріархальной семьи, чѣмъ на сѣверѣ у великороссовъ.

Разсматривая затѣмъ движеніе семейныхъ раздѣловъ по разнымъ группамъ хозяйствъ, существенно важно прослѣдить, въ какомъ отношеніи находятся различные экономическіе признаки къ дѣламъ. Такъ какъ основнымъ признакомъ крестьянскаго благосостоянія является земля, то, распредѣливши всѣ хозяйства на пять группъ по степени обезпеченія ихъ землей, отнеся къ первой группѣ безземельныя хозяйства, ко второй хозяйства, имѣющія въ среднемъ до 5 десятинъ земли на дворъ, къ третьей отъ 5 до 15 дес., къ четвертой отъ 15 до 25 дес. и къ пятой свыше 25 дес. на дворъ, по каждой изъ этихъ группъ можно получить слѣдующія указанія цифръ:

Х о з я й с т в а .	Сколько % семей за послѣднія 20 лѣтъ	
	дѣлилось.	не дѣлилось.
Безземельныя	34,2	65,8
Имѣющія до 5 дес. на 1 дворъ .	60,5	39,5
» отъ 5 до 15 дес.	58,0	42,0
» » 15 » 25 »	52,2	47,8
Свыше 25 дес. на 1 дворъ . .	45,9	54,1
Итого	55,9	44,1

Цифры по группѣ безземельныхъ хозяйствъ представляютъ собою рѣзкое исключеніе изъ общаго характера цифръ о крестьянскихъ раздѣлахъ. Между тѣмъ какъ по остальнымъ четыремъ группамъ оказывается, что чѣмъ меньше крестьяне обезпечены землей, тѣмъ больше дѣлились они въ послѣднія 20 лѣтъ, безземельные крестьяне, наоборотъ, меньше всего дѣлились за это же время. Такимъ образомъ, этимъ обстоятельствомъ несомнѣнно устанавливается тотъ фактъ, что крайне необезпеченное матеріальное положеніе безземельныхъ крестьянъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объяснено семейными раздѣлами. На самомъ дѣлѣ семьи безземельныхъ крестьянъ такъ малы въ большинствѣ случаевъ по своему составу, что для нихъ не имѣетъ ровно никакого смысла дальнѣйшее дробленіе, а малы онѣ потому, что, во-первыхъ, при крайней своей бѣдности, меньше имѣютъ возможности заключать браки, и во-вторыхъ, характеризуются наименьшимъ приростомъ населенія. Если сопоставить съ приведенными выше цифрами о семьяхъ, не дѣлившихся въ послѣднія 20 лѣтъ, данныя о средней величинѣ семей, то получатся слѣдующія характеристики величинъ:

Х о з я й с т в а .	% семей, не дѣлив- шихся за послѣднія	Душъ обоого пола на 1 семью.
	20 лѣтъ.	
Безземельныя	65,8	3,46
Имѣющія до 5 дес. на дворъ .	39,5	5,04
» отъ 5 до 15 дес. . .	42,0	6,49
» » 15 » 25 » . .	47,8	8,92
Свыше 25 дес. на дворъ . . .	54,1	12,54
Итого	44,1	6,87

То есть, за исключеніемъ безземельныхъ крестьянъ, средняя семья которыхъ наименѣе благоприятствуетъ семейнымъ раздѣламъ, по остальнымъ хозяйственнымъ группамъ интенсивность семейныхъ дѣлежей находится въ противоположномъ отношеніи къ размѣрамъ земельного обезпеченія и величинѣ средней крестьянской семьи. Чѣмъ сильнѣе семейные дѣлежи, тѣмъ менѣе обезпечены крестьяне землей и тѣмъ меньше у нихъ средняя семья. Выводъ, видимо прямо противорѣчащій чисто апріорнымъ предположеніямъ. Казалось бы, что большія семьи имѣютъ и большіе возможности чаще дѣлиться, чѣмъ малыя, и что, слѣдовательно, большесемейность слѣдовало бы считать признакомъ сопутствующимъ интенсивнымъ дѣлежамъ. Между тѣмъ изъ приведенныхъ выше цифръ получается совершенно противоположный выводъ. Такой выводъ, однако, обусловливается характеромъ статистическихъ данныхъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ объ этомъ упомянуто уже и выше, при переписи хозяйствъ по каждой семьѣ отмѣчался годъ послѣдняго дѣлежа; но малыя семьи, разъ подвергшіяся дѣлежу, не могли уже дѣлиться во второй разъ въ теченіе 20 лѣтъ, между тѣмъ какъ большія семьи въ состояніи были выдѣлится за то же время по одной брачной парѣ два, три и даже четыре раза, оставаясь всетаки относительно многочисленными. Само по себѣ такое выдѣленіе малыхъ семей, оставляя неизмѣннымъ общее количество семей большихъ, увеличивало вмѣстѣ съ тѣмъ количество семей по группамъ малосемейнымъ. Такимъ образомъ, благодаря этимъ перемѣщеніямъ семей изъ большесемейныхъ группъ въ малосемейныя и отсутствію записей о томъ, сколько разъ крупныя семьи выдѣляли изъ себя малыя, данныя о семейныхъ раздѣлахъ по малосемейнымъ группамъ должны быть выше дѣйствительныхъ, а данныя по большесемейнымъ группамъ—ниже дѣйствительныхъ. Чтобы прослѣдить, поэтому, зависимость между интенсивностью семейныхъ раздѣловъ и экономическими признаками, необходимо воспользоваться данными о семейныхъ дѣлежахъ, свободными отъ указанныхъ особенностей.

Если устранить, въ самомъ дѣлѣ, изъ цифръ распределеніе единичныхъ хозяйствъ по землѣ, характерное собственно для разныхъ селеній или общинъ, и положить тотъ же земельный признакъ въ

основу группировки хозяйствъ по земельнымъ общинамъ или селеніямъ, то получатся выводы, какъ разъ обратные тому, что вытекаетъ изъ приведенныхъ выше цифръ. Такъ, интенсивность семейныхъ раздѣловъ проявляется далеко не въ одинаковой степени у трехъ различныхъ разрядовъ крестьянъ — у государственныхъ, у помѣщичьихъ-собственниковъ и у помѣщичьихъ-дворянскихъ, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ цифръ:

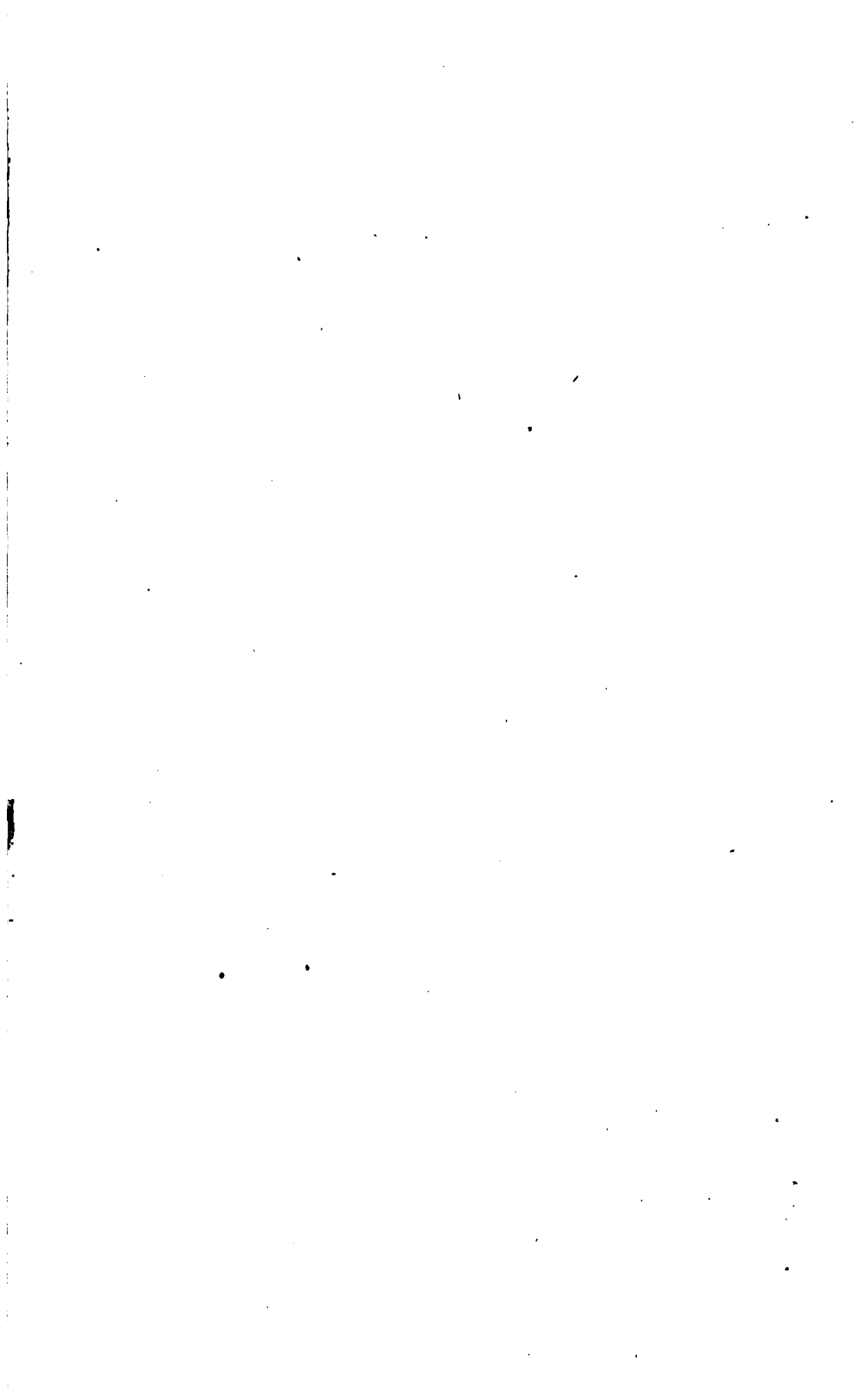
Крестьяне.	На 1 кв. пр- ходится дес. земли.	Сколько % семей въ послѣднія 20 лѣтъ	
		дѣлилось.	не дѣлилось.
Государственные	13,4	57,2	42,8
Собственники	6,6	52,4	47,6
Дарственные	2,4	50,3	49,7

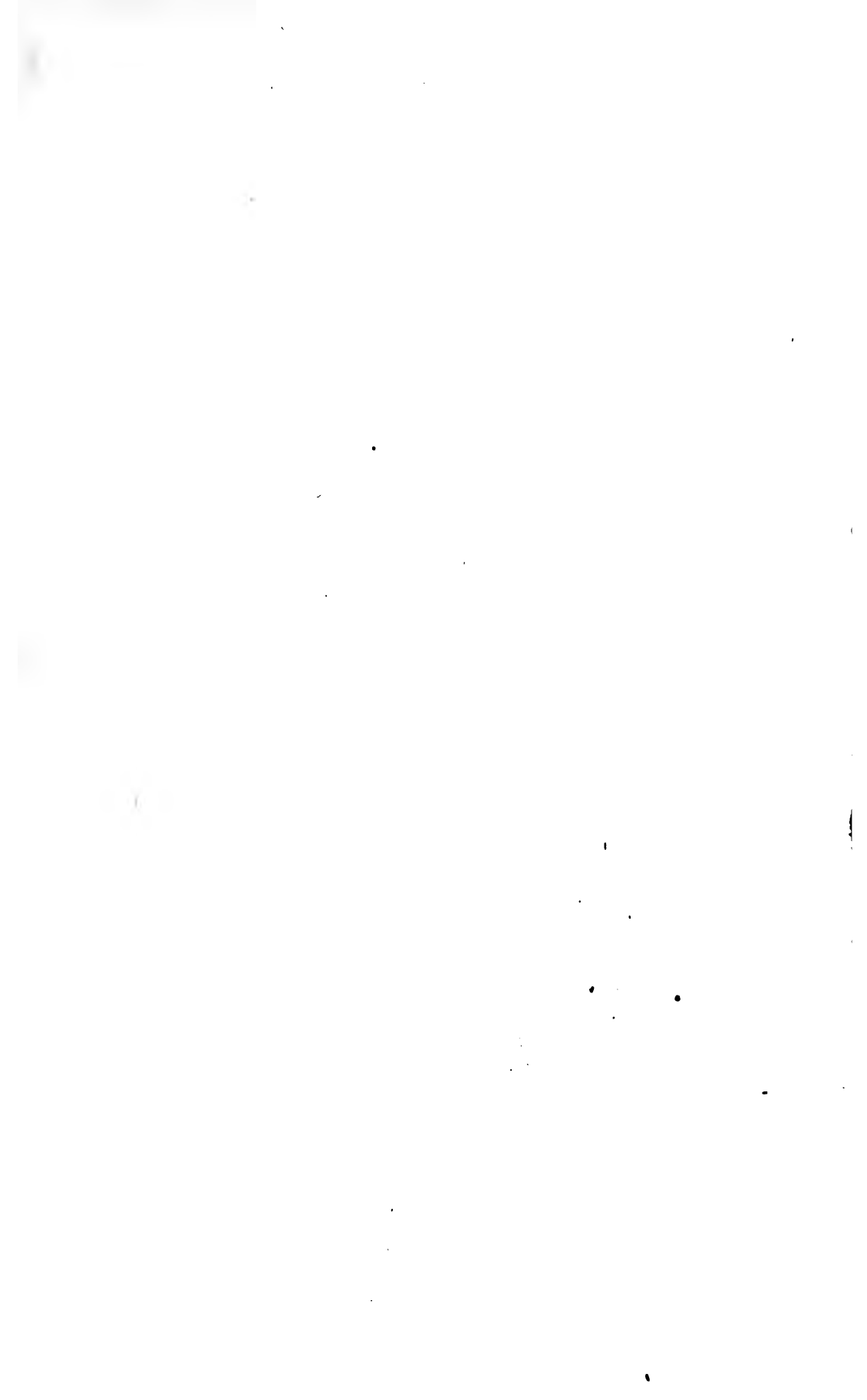
Цифры эти совершенно отличаются отъ цифръ предшествующаго случая. Наиболѣе усиленные семейные дѣлежи оказываются у наиболѣе обеспеченныхъ землею крестьянъ, а не наоборотъ, какъ это было въ предшествующемъ случаѣ. Такъ какъ государственные крестьяне не только многоземельные, но и богаче крестьянъ-собственниковъ, а крестьяне-собственники крестьянъ-дворянскихъ, то приведенныя въ данномъ случаѣ цифры, слѣдовательно, прямо указываютъ на то, что обѣднѣніе крестьянъ нельзя объяснить семейными раздѣлами, согласно укоренившемуся на этотъ счетъ мнѣнію. Существуетъ цѣлый рядъ статистическихъ данныхъ, указывающихъ на то, что наиболѣе усиленные семейные дѣлежи происходятъ у наиболѣе богатыхъ крестьянъ. Такъ, въ бездомовныхъ хозяйствахъ число не дѣлившихся семей равнялось 45,6%, а въ хозяйствахъ, имѣющихъ дома, 44,3%, въ хозяйствахъ съ лицами, вынужденными наниматься въ батраки, число не дѣлившихся семей выразилось въ 48,5%, а въ хозяйствахъ, нанимающихъ батраковъ, въ 45,6%.

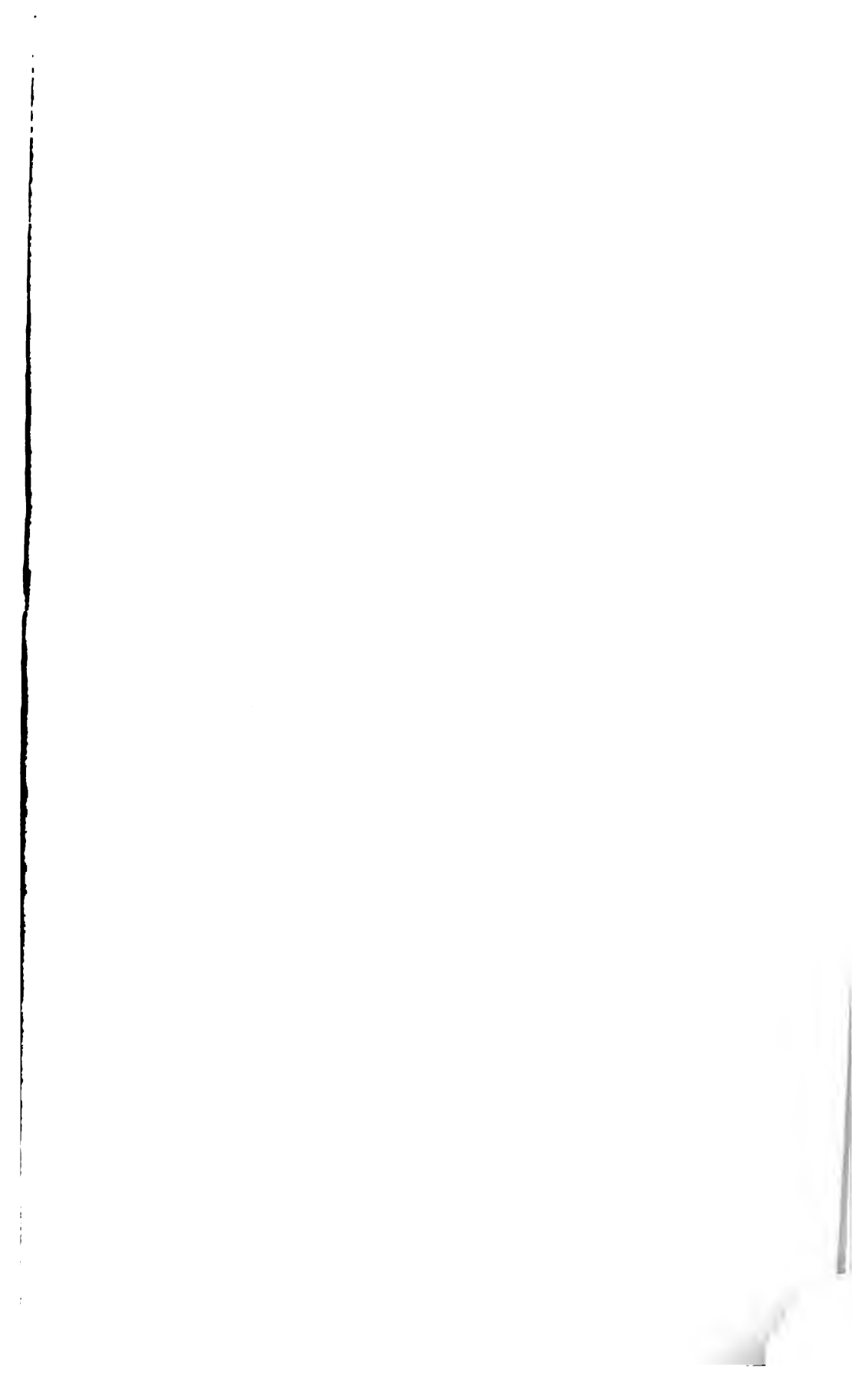
Особенно характерными оказываются цифровыя доказательства въ томъ случаѣ, когда въ основѣ группировки хозяйствъ лежатъ размѣры селеній. Группируя по этому признаку всѣ селенія, можно установить прежде всего слѣдующіе интересные выводы:

Селенія, имѣющія	% семей въ теченіе 20 лѣтъ	
	дѣлившихся.	не дѣлившихся.
отъ 1 до 10 дворовъ . . .	56,90	43,10
» 11 » 50 » . . .	55,03	44,97
» 51 » 100 » . . .	55,85	44,15
» 101 » 250 » . . .	55,36	44,64
» 251 » 500 » . . .	55,67	44,33
» 501 » 1000 » . . .	56,71	43,29
Свыше 1000 дворовъ . . .	53,33	46,67

Откуда видно, что по всѣмъ семи группамъ селеній интенсив-

1870

1871

3 2044 050 638 519

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

STALL STUD
CHARGE
CANCELLED
HALL USE
MAR 1 6